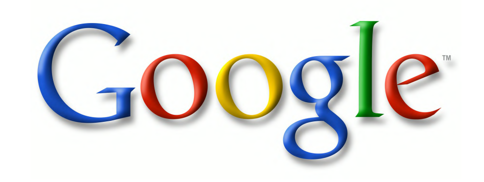
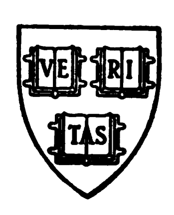
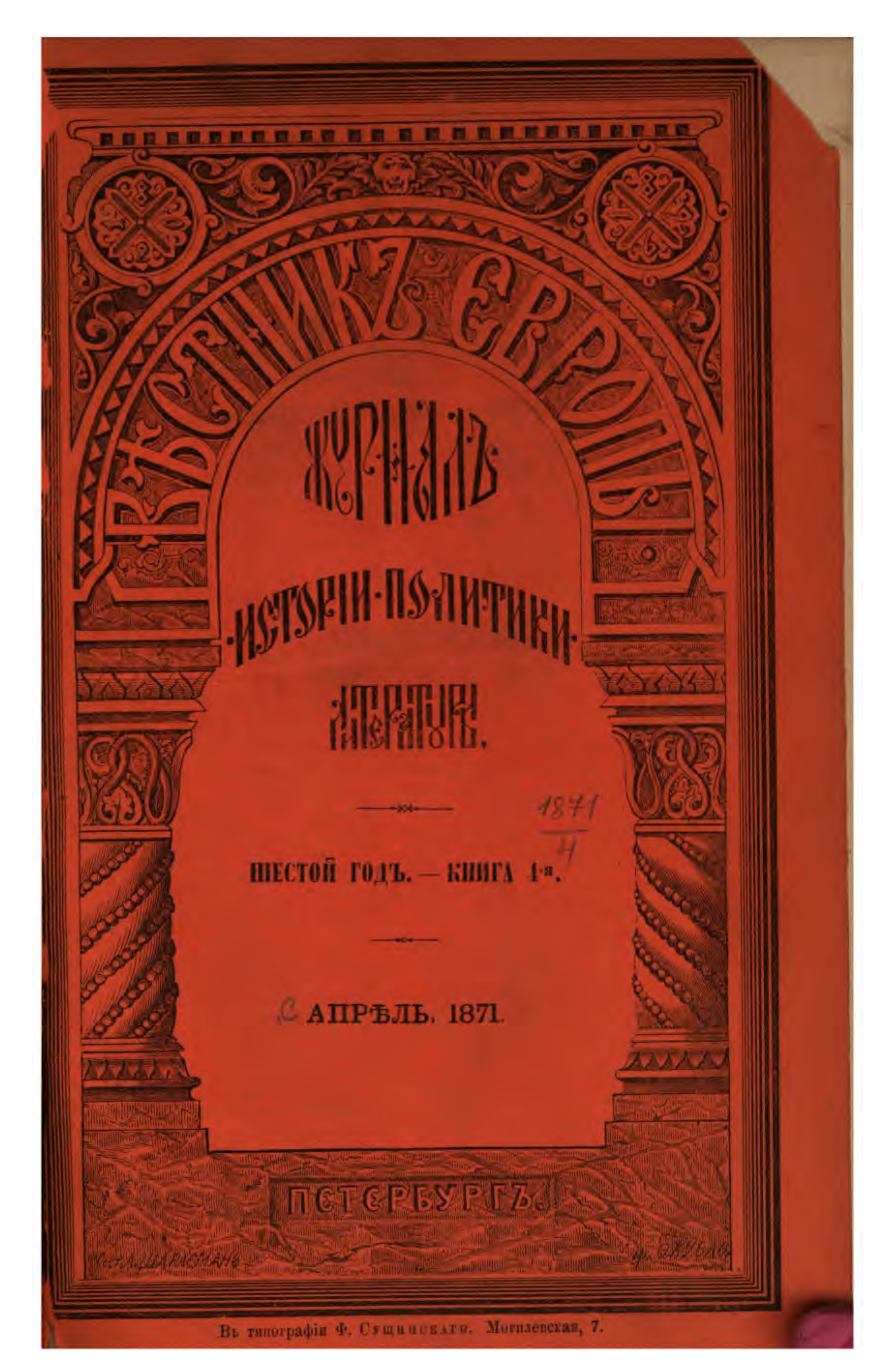



VE RI
TAS


ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·
ЛИТЕРАТУРЫ.
1871
4
ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 4-я.
АПРѢЛЬ. 1871.
ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго. Могилевская, 7.

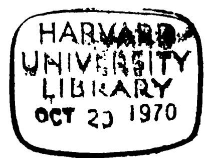
ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1871.

ИСТОРІЯ РАСКОЛА

у

РАСКОЛЬНИКОВЪ.



Хронологическое Ядро старообрядческой церкви, объясняющее всѣ отличныя ихъ дѣянія съ 1650—1819 г. Сочиненіе *Павла Любопытнаго*, раскольника поморской секты, рукописное.

I.

Въ нашей исторіи расколъ былъ едва ли не единственнымъ явленіемъ, когда русскій народъ—не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ цѣлыхъ массахъ, безъ руководства и побужденія со стороны власти или лицъ, стоящихъ на степени высшей по образованію, показалъ своеобразную дѣятельность въ области мысли и убѣжденія. Расколъ былъ крупнымъ явленіемъ народнаго умственнаго прогресса. Такое мнѣніе для иныхъ можетъ показаться страннымъ. Въ расколѣ привыкли видѣть одну тупую любовь къ старинѣ, безсмысленную привязанность къ буквѣ; его считаютъ плодомъ невѣжества, противодѣйствіемъ просвѣщенію, борьбою окаменѣлаго обычая съ подвижною наукою. Въ этомъ взглядѣ есть доля правды, но онъ одностороненъ, и какъ все одностороннее—несправедливъ. По сущности предмета, который служилъ расколу основою, расколъ дѣйствительно представляется съ перваго раза до крайней степени явленіемъ консервативнаго свойства: дѣло шло объ удержаніи старыхъ формъ жизни духовной,—а по связи съ нею, и общественной,—притомъ до мельчайшихъ подробностей и тонкостей, безъ всякихъ уступокъ. Но въ тоже

время потребность удерживать то, что прежде многіе вѣка стояло твердо, не подвергаясь колебанію и никогда не нуждаясь въ томъ, чтобы думали о его сохраненіи,—эта потребность, явившись на свѣтъ, вызывала вслѣдъ за собою такія духовныя нужды, которыя вводили русскій народъ въ чуждую ему до того времени область мысленнаго труда. То, что только признавалось тупо, какъ дѣдовскій обычай, то, чему слѣпо вѣрили не размышляя, то самое пришлось защищать, а слѣдовательно, пришлось тогда думать, пришлось многому поучиться. Расколъ расшевелилъ спавшій мозгъ русскаго человѣка.

Этотъ русскій человѣкъ встарину мало вдавался въ религіозныя думы; такимъ представляютъ его иностранцы, посѣщавшіе его отечество; такимъ онъ выказывается и чрезъ изученіе скудныхъ памятниковъ его мысли. Исключая немногихъ личностей, громада русскихъ людей мало интересовалась знать, чему она вѣритъ. Православіе подѣйствовало на русскаго человѣка не въ качествѣ ученія, а въ качествѣ обычая. Масса до извѣстной степени берегла обычай, и пока на этотъ обычай никто не посягалъ, пока никто не заподозрѣвалъ его въ неправильности, до тѣхъ поръ не допускалось даже мысли о томъ, что этотъ обычай почему-нибудь и когда-нибудь можетъ подвергнуться измѣненію: какъ соблюдали его прадѣды и дѣды, такъ будутъ соблюдать внуки и правнуки. Въ его неизмѣняемость вѣрили, не ломая себѣ головы надъ вопросомъ: почему онъ долженъ и можетъ быть неизмѣннымъ, также точно какъ не ломали себѣ головы надъ тѣмъ, зачѣмъ солнце всходитъ и заходитъ, почему зиму смѣняетъ лѣто, а лѣто зима; обычай для народа былъ тоже, что природа, и никто не сомнѣвался, что впередъ будетъ такъ, какъ было прежде. Если на этотъ обычай нападутъ иноплеменники — народъ будетъ защищать его до послѣдней возможности наравнѣ съ отечествомъ; обычай, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова, для народа составлялъ даже главнѣйшій признакъ отечества. Такъ и поступилъ русскій народъ, въ смутную эпоху, когда на него напали поляки и угрожали посягнуть на православную вѣру, которая была для него обычаемъ. Тогда русскимъ не приходилось спорить о вѣрѣ, доказывать, напримѣръ, справедливость восточнаго православія и лживость латинства; нужно было только отстаивать свой обычай; достаточно было прогнать иноземцевъ—и только. Головной работы не предстояло. Но когда внутри страны явились уже не иноземцы, а свои люди, русскіе люди, начавшіе говорить русскимъ же людямъ, что кое-что должно быть впередъ не такъ, какъ прежде было, когда, притомъ, и власть, издавна въ своемъ принципѣ уважа-

емая и сильная, стала поддерживать этотъ голосъ, требующій измѣненія—обычай естественно нашелъ себѣ охранителей. Если-бы, кромѣ обычая религіознаго и домашняго, не былъ силенъ также другой обычай—обычай терпѣнія и безусловнаго подчиненія верховной силѣ, борьба приняла бы болѣе матеріальный характеръ; масса своею числительною силою дружно не допустила бы измѣненій, также точно какъ она дружно не допустила Польшѣ и латинству овладѣть своею страною и посягнуть на вѣру. Но этого не могло быть. Энергическіе охранители обычая все-таки должны были явиться въ меньшинствѣ, въ сравненіи съ цѣлою массою народа, безъ разсужденія покоряющагося факту, и потому-то эти охранители должны были искать иныхъ, не матеріальныхъ, средствъ для защиты своего обычая. Если имъ говорили, что они вѣрятъ и поступаютъ не такъ, какъ слѣдуетъ, если они сами не были настолько сильны, чтобы, не вступая ни въ какія объясненія, заставить молчать тѣхъ, которые имъ это говорили, то естественно, имъ пришлось давать отвѣтъ, доказывать, что противная сторона несправедлива, слѣдовательно, пришлось разсуждать и искать знанія.

У насъ довольно писали и разсуждали о томъ, что́ именно привело русскій народъ къ возможности явленія въ немъ раскола и какая для этого явленія существовала подготовительная почва. Находить эту почву было не трудно: стоило только брать отдѣльныя явленія жизни прежнихъ вѣковъ и отыскивать въ нихъ подобіе съ явленіями, бывшими во время существованія раскола: можно, такимъ образомъ, написать цѣлые томы. Но можно такимъ путемъ и впадать въ ошибки: это и случалось. Можно также отыскивать и видѣть подготовку къ расколу тамъ, гдѣ, наоборотъ, при болѣе разностороннемъ взглядѣ, окажутся условія, вовсе неблагопріятствующія такому явленію.

Пробѣгая событія, явленія и строй духовной жизни русскаго народа въ прежніе вѣка́, вникая въ его характеристическія черты, оставшіяся и въ настоящее время, мы готовы полагать, что едвали въ христіанскомъ мірѣ была страна, менѣе подготовленная вообще къ религіознымъ движеніямъ, какъ русская, особенно великорусская. Религіозныя движенія несовмѣстны съ холодностью къ религіи, а холодность къ религіи много разъ выказывается въ нашей исторіи. Мы только и слышимъ жалобы на то, что народъ отдаляется отъ церкви, не хочетъ знать ее, не живетъ по-христіански. Въ удѣльно-вѣчевыя времена христолюбцы жаловались, что въ праздники храмы пусты, а толпы собираются на «утолоченныя игрища». Конечно, справедливо будетъ при этомъ принимать во вниманіе, съ одной стороны, не-

давность христіанства, съ другой—чрезвычайно большое пространство, мѣшавшее распространенію новой вѣры и способствовавшее удержанію старыхъ обычаевъ и пріемовъ жизни. Но не думаемъ, чтобъ только это и было причиною малаго расположенія народа къ церкви. Неудивительно, если такая холодность была удѣломъ тѣхъ, которые не успѣли достаточно сдѣлаться христіанами. Вполнѣ естественно, что люди, хотя и крещеные, но плохо знакомые съ вѣрою и мало освоившіеся съ богослуженіемъ, продолжали по-язычески молиться «у рощенія и у воды», ставить трапезу роду и рожаницамъ, и охотнѣе ходили къ знахарямъ, чѣмъ къ іереямъ. Но оказывается, что отличались полною холодностью къ христіанству тѣ, которые, по своему положенію, никакъ не могли не быть христіанами. Мы встрѣчаемъ неоднократныя жалобы въ подобномъ родѣ на духовныхъ. Въ тринадцатомъ столѣтіи митрополитъ Кириллъ нашелъ, что русскіе духовные до того пренебрегали своими обязанностями, что часто по-долгу не служили, и въ особенности замѣтилъ, что отъ пасхи до пятидесятницы церкви стоятъ безъ богослуженія.

Наши князья, конечно, имѣли возможность болѣе освоиться съ христіанскимъ благочестіемъ, чѣмъ масса народа, особенно сельскаго,—и что-же? Сколько ни расписываютъ лѣтописные риторы благочестіе и христолюбіе русскихъ князей, но поступки послѣднихъ идутъ въ разрѣзъ съ этой риторикой. Мы уже не говоримъ о тѣхъ признакахъ грубости вѣка, которые только постепенно могли уступать вѣянію христіанскихъ понятій; мы укажемъ только на то, что свидѣтельствуетъ о маломъ уваженіи къ религіи, о скудости религіознаго чувства, не рѣдко проявлявшейся у нашихъ прежнихъ князей. Святые отшельники не разъ терпѣли оскорбленія и поношенія отъ князей. Вспомнимъ, напримѣръ, князя Ростислава, брата Владимира Мономаха, утопившаго старца Григорія въ посмѣяніе надъ его прозорливостью, когда послѣдній предрекъ ему смерть отъ воды. Вспомнимъ того ростовскаго князя, который, посмѣянія ради, посадилъ на кобылу въ женской обуви преп. Авраамія. Вспомнимъ вольнодумца XII-го вѣка, галицкаго князя Владимирка, который говорилъ: «въ наше время чудесъ не бываетъ», — какъ будто смѣясь надъ тѣмъ, что ему и другимъ разсказывали въ тотъ вѣкъ повсемѣстныхъ чудесъ. Этотъ же князь объяснилъ намъ своими поступками, какъ вообще въ тотъ вѣкъ смотрѣли на вѣроломное цѣлованіе креста, а этотъ порокъ, какъ извѣстно, былъ за очень многими князьями: когда Владимирка упрекали въ нарушеніи крестнаго цѣлованія и грозили ему, что крестъ его накажетъ, онъ съ насмѣшкою указалъ на маленькій крестикъ и сказалъ: «сей ли крестецъ малый» (не-

ужели этотъ крестишка!)?? Наши междоусобія князей и земель не бѣдны примѣрами того, какъ мало уважалась наружная святыня, не говоря уже о томъ, какъ мало было христіанскаго духа. Для успѣховъ въ войнѣ противъ соперниковъ, князья не считали беззаконіемъ приводить съ собою половцевъ-язычниковъ, а они обыкновенно не щадили ни церквей, ни церковной святыни. Во время знаменитаго взятія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ не только дѣлали варварства надъ людьми, но жгли церкви, монастыри, грабили иконы, ризы; сожгли даже монастырь Печерскій. Съ Кіевомъ поступили тогда мало чѣмъ лучше того, какъ поступили впослѣдствіи татары. Набожность Андрея этому не препятствовала. Онъ взялъ и увезъ во Владиміръ чудотворный образъ Богородицы, думая доставить этимъ своему городу покровительство божіе: святотатственныя дѣянія, которыя онъ позволилъ себѣ, ясно указываютъ, что имъ руководило не христіанское благочестіе: образъ Богородицы былъ для него въ качествѣ амулета; такимъ была бы для него, въ равной степени, вещь, данная волхвами. Образчикомъ того, какъ благочестивые князья поступали при взятіи города не только съ мірскими людьми, но и съ духовными, не только съ людскимъ достояніемъ, но съ церковною святынею, можетъ служить описаніе взятія Торжка княземъ Михаиломъ Тверскимъ въ XIV-мъ ст. Нѣкоторые—говоритъ лѣтописецъ —бѣжали въ церковь Спаса и тамъ задохлись отъ дыма... Черницы, добрыя жены и дѣвицы, видя надъ собою «лупленіе» отъ тверичъ, топились въ водѣ... Чернецовъ и черницъ ободрали до наготы... Иконную «круту» (оклады) ободрали, церкви пожгли.—Такимъ образомъ и здѣсь, на сѣверѣ, православная святыня отъ православныхъ русскихъ страдала не меньше, какъ отъ поганыхъ половцевъ или татаръ, подобно тому, какъ это прежде дѣлалось на югѣ. Такія черты встрѣчаются не одинъ разъ при взятіи городовъ и позже: вотъ и князь Василій Васильевичъ Темный, взявши Галичъ, отдалъ на разграбленіе и сожженіе монастыри и церкви. Новгородцы, покоривъ городъ Устюгъ, ограбили тамъ святыню, и взявъ съ собою чудотворный образъ Богородицы, смѣялись надъ нимъ, называя Богоматерь своею плѣнницею. Въ Новгородѣ, какъ извѣстно, пожары были обыкновеннымъ явленіемъ, и очень часто первымъ дѣломъ въ такомъ случаѣ, былъ набѣгъ на церкви для расхищенія церковной святыни. Такого рода обращеніе съ святынею, по нашему мнѣнію, показываетъ, что въ русскомъ народѣ мало было даже и того наружнаго благочестія, которое мы привыкли считать существовавшимъ въ высокой степени; что же касается до благочестія внутренняго, которое болѣе всего

выражается страхомъ передъ дѣлами, противными божественному ученію, то его признаковъ мы видимъ еще меньше: варварскія опустошенія цѣлыхъ областей, сожженіе цѣлыхъ селеній и городовъ, сажаніе младенцевъ на колъ, убійство плѣнныхъ или безжалостная продажа ихъ въ руки невѣрныхъ, обычныя вѣроломства и клятвопреступленія—были черезъчуръ частыми явленіями. Сами лѣтописцы замѣчаютъ, что нерѣдко христіане съ христіанами поступали хуже поганыхъ.

Примѣры отдѣльнаго благочестія, подвигоположничества аскетовъ, множество монастырей, воздвигаемыхъ въ непроходимыхъ мѣстахъ, не могутъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ общаго народнаго благочестія. Во-первыхъ, кто безпристрастно и критически относился къ нашимъ житіямъ, тотъ не можетъ усомниться, что краснорѣчивыя похвалы въ этихъ біографіяхъ часто слѣдуетъ принимать менѣе за историческую правду, чѣмъ за избитую риторику, даже не самостоятельную по содержанію, а рутинно повторяющую давніе византійскіе пріемы; во-вторыхъ— эти же самыя повѣствованія, говоря о свѣтлой сторонѣ русскаго благочестія въ лицѣ святыхъ подвижниковъ, подъ-часъ проговариваются и о черныхъ сторонахъ, указывающихъ на нравы того общества, изъ котораго являлись эти подвижники. Такимъ образомъ, не разъ на едва зачинающуюся обитель нападали разбойники; иногда князья, подозрѣвая, что у святыхъ отшельниковъ есть деньги, тревожили ихъ покой и оскорбляли; если какой-нибудь пожилой богачъ или сильный міра сего, для успокоенія грѣшной совѣсти, давалъ монастырю имущества и земли, то нерѣдко его наслѣдники и потомки не уважали благочестія своего отца или предка и насиліемъ отнимали монастырское достояніе. Укажемъ, для доказательства, на грамоту митрополита Ѳеодосія въ 1464-мъ году и на подобную же грамоту митрополита Іоны въ 1467-мъ г. Обѣ писаны въ Новгородѣ: изъ нихъ мы узнаемъ, что отцы посадниковъ, тысяцкихъ и бояръ давали монастырямъ разныя даянія, а дѣти ихъ отнимали. Сами монастыри, основанные благочестивыми сподвижниками, обыкновенно не долго сохраняли характеръ благочестія и святости по образу жизни братіи. Какъ только монастырь дѣлался извѣстнымъ и около него основывалось поселеніе, — онъ наполнялся тунеядцами, бродягами и пьяницами. Вообще, при чтеніи нашихъ умилительныхъ повѣствованій о разныхъ явленіяхъ подвигоположничества и благочестивой жизни, не слѣдуетъ забывать русской пословицы: «не всякое лыко въ строку». Въ Стоглавѣ, напримѣръ, намъ показывается обратная сторона явленій, описываемыхъ риторами въ свѣтлыхъ чертахъ: «Старецъ на лѣсу

желію поставитъ, или церковь срубитъ, да пойдетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, и земли и руги проситъ, а что собравъ, то пропьетъ».

Стоглавъ для насъ неоцѣненный памятникъ; въ немъ-то, какъ въ зеркалѣ, отражается состояніе древней русской церкви и христіанскаго благочестія. То, что изображается въ Стоглавѣ, не принадлежитъ исключительно времени его составленія, но есть совокупность признаковъ долгаго предшествовавшаго времени, накопленныхъ условіями народнаго характера, политической и общественной жизни и домашняго быта. Все это не измѣнилось и впослѣдствіи еще долгое время. Первое, что, по отношенію къ вопросу о народномъ благочестіи, бросается въ глаза—это рѣдкость богослуженія, которое народъ имѣлъ возможность посѣщать. Множество церквей стояло пустыми, и причина этому, по объясненію Стоглава, исходила оттуда, откуда надо было ожидать противнаго — отъ духовнаго начальства.—«У васъ же убо святителіе, бояре и дьяки, и тіуны, и десятники, и недѣльщики судятъ и управу чинятъ не прямо, и волочатъ и продаютъ съ ябедники съ одного, и дѣла составливаютъ съ ябедники, и церкви божія отъ ихъ великихъ продажъ стоятъ многія пусты безъ пѣнія». Кромѣ того, много стояло пустыми церквей, построенныхъ ханжами, — мнимыми подвижниками, или же мірскими людьми, которые, подъ вліяніемъ какого-нибудь суевѣрнаго страха, строили церкви, а потомъ оставляли ихъ безъ богослуженія; наконецъ, были и такія церкви, откуда священники уходили, а на мѣсто ихъ не было другихъ. Въ тѣхъ же церквахъ, гдѣ совершалось богослуженіе, господствовало полное отсутствіе благочестія: «попы и церковные причетники—говоритъ Стоглавъ (стр. 51)—въ церкви всегда пьяни и безъ страха стоятъ и бранятся, и всякія рѣчи неподобныя всегда исходятъ изъ устъ ихъ, попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежъ себя». Самое богослуженіе происходило чрезвычайно безчиннымъ образомъ: въ одно и тоже время пѣли разомъ двѣ или три пѣсни, въ одно и то же время читали разное, ничего не понималъ тотъ, кто читалъ, а еще менѣе тотъ, кто слушалъ. У мірянъ не было ни малѣйшаго уваженія къ церковной службѣ: входили и стояли въ церквахъ въ шапкахъ, словно «на пиру или въ корчемницѣ, говоръ, ропотъ, всякое прекословіе, бесѣды, срамныя словеса, пѣсни божественныя не слушаютъ въ глумленіи». Принимая во вниманіе множество монастырей и довѣряя многимъ умильнымъ описаніямъ святой жизни ихъ обитателей, можно было бы надѣяться, что монастырское благочестіе выкупало безпорядокъ, происходившій въ приходскихъ церквахъ. Но Стоглавъ и въ

этомъ отношеніи насъ разочаровываетъ. Изъ него видно, что во многихъ монастыряхъ архимандриты и игумены, покупая себѣ мѣста, не знали ни богослуженія, ни братства, жили себѣ въ свое удовольствіе на счетъ монастырскихъ имѣній, угощали пріятелей, держали своихъ родныхъ въ монастыряхъ, монахи подражали имъ и жили беззазорно; въ келіи къ нимъ ходили женщины и дѣвицы; другіе же держали у себя мальчиковъ, и содомскій грѣхъ былъ самое обычное дѣло въ монастыряхъ; не рѣдко чернецы и черницы жили вмѣстѣ въ одномъ монастырѣ. Пьянство было вездѣ безмѣрное. При такомъ состояніи благочестивой нравственности, въ монастырѣ часто долгое время не происходило никакого богослуженія. Однако не должно думать, что обиліе монастырскихъ имѣній позволяло всѣмъ монахамъ жить въ полномъ удовольствіи; какъ бы ни былъ монастырь богатъ— этимъ богатствомъ пользовались только монастырскія власти, истощая его съ своими родственниками, любовницами и любимцами: только тѣ изъ братій, которые умѣли пріобрѣсть милость архимандрита или игумена, жили относительно въ довольствѣ; остальные, по выраженію Стоглава, были и «алчны и гладны и всячески непокойны и всякими нуждами одержимы». Этимъ ничего не оставалось, какъ бѣгать изъ монастыря въ монастырь или же просто съ мѣста на мѣсто, и часто въ самой обители оставалось не болѣе двухъ-трехъ съ настоятелями, а прочіе шатались по міру: иные, называясь чернецами, не знали, по выраженію Стоглава, «что словетъ монастырь»; множество бродягъ и мужчинъ и женщинъ сновали по міру, называя себя инокми и инокинями такого-то или другого монастыря. Вся Русь была наполнена такимъ бродячимъ народомъ: иной носилъ икону, которую называлъ чудотворною, другіе притворялись бѣсноватыми, третьи толковали, что имъ являлась святая Пятница; одни исцѣляли, иные предсказывали будущее и такими путями собирали подаяніе, пользуясь суевѣрнымъ страхомъ, который нагоняли на невѣжественную толпу. Священники, поступая изъ причетниковъ, не получавшихъ нигдѣ образованія, часто умѣли читать только по складамъ, а иногда и вовсе не умѣли, выучившись кое-какимъ служебнымъ пріемамъ по памяти: святители посвящали и такихъ невѣждъ, давая себѣ благовидную отговорку, что если ихъ не посвятить, то церкви останутся безъ богослуженія и люди будутъ лишены таинства. Понятно, что такіе священники бѣгали отъ богослуженія; по ихъ безграмотности или малограмотности обѣдня или заутреня была для нихъ чистымъ мученіемъ.

При отсутствіи благочестія, религія чаще всего обращалась

въ орудіе для земныхъ выгодъ. Святители посвящали за деньги духовныхъ; духовные, какъ въ приходахъ, такъ и монастыряхъ, смотрѣли на свою обязанность съ точки зрѣнія доходовъ; священникъ вмѣстѣ съ приходомъ получалъ землю, которую самъ пахалъ, и она-то была для него важнѣе церкви; въ монастырь шли чаще всего для того, чтобы жить монастырскими доходами. У мірянъ благочестіе также часто было предлогомъ для мелкихъ выгодъ; надѣвавшіе на себя личину благочестія имѣли менѣе религіознаго страха, чѣмъ тѣ, на которыхъ они дѣйствовали: какой-нибудь ханжа, говорившій о видѣніяхъ, зналъ, что онъ лжетъ и не чувствовалъ при этомъ религіознаго страха. Въ массѣ народа этого страха было довольно, онъ происходилъ опять изъ невѣжества, а не изъ благочестиваго чувства.

Несомнѣнные факты указываютъ, что въ русскомъ народѣ, при многихъ проблескахъ превосходныхъ душевныхъ качествъ, проявлялась черствость и грубость сердца, отсутствіе сострадания къ несчастію; татары брали многихъ русскихъ въ плѣнъ и привозили ихъ, предлагая выкупать, но чаще всего увозили назадъ, потому что ихъ не выкупали соотечественники. Правительство собирало съ народа особый налогъ, называемый «полоняночными деньгами», для выкупа плѣнныхъ, но эти деньги воровались безъ всякаго зазрѣнія. Существовали богадельни для нищихъ, калѣкъ, престарѣлыхъ; страдальцевъ въ тѣ времена было много: войны, междоусобія, набѣги иноплеменниковъ и произволъ сильныхъ людей плодили калѣкъ; но въ эти богадельни вписывались люди состоятельные, здоровые и пользовались тѣмъ, что назначено было для несчастныхъ; послѣдніе валялись на улицахъ и на распутіяхъ, не зная, гдѣ преклонить голову, и часто погибали, не находя себѣ состраданія. Вмѣстѣ съ этимъ въ семейной жизни господствовалъ грубый развратъ. Браковъ вообще не любили и вездѣ старались избѣгать вѣнчанія: въ XVII-мъ вѣкѣ въ этомъ отношеніи дѣлалось тоже, что и въ XII-мъ, когда «Правило митрополита Іоанна» громило неуваженіе русскаго народа къ таинству брака. Этого мало: на половыя отношенія русскіе смотрѣли съ совершенно животной точки зрѣнія, и потому нерѣдки были кровосмѣшенія свекровъ съ невѣстками, братьевъ съ сестрами, даже родителей съ дѣтьми. Картину великорусскихъ нравовъ ярко начертилъ намъ патріархъ Филаретъ въ грамотѣ своей 1622-го года (напечатана въ III т. Собранія госуд. гр. и дог.): «Многіе русскіе люди — говорится въ ней—поимаютъ за себя сестры свои родныя и двоюродныя и названныя и кумы крестныя, а иные де и на матери свои посягаютъ блудомъ и женятся на дщеряхъ и сестрахъ,

еже ни въ поганыхъ и незнающихъ Бога не обрѣтается; а иные жены свои въ деньгахъ закладываютъ на сроки, и отдаютъ тѣ своихъ женъ въ закладъ мужи ихъ сами; и тѣ люди, у которыхъ они бываютъ въ закладѣ, съ ними до сроку, покамѣстъ которыя жены мужъ не выкупитъ, блудъ творятъ беззазорно; а какъ тѣхъ женъ на срокъ не выкупятъ, и они ихъ продаютъ на воровство же и въ работу всякимъ людямъ». Далѣе въ той же грамотѣ говорится, что «попы не унимаютъ отъ такихъ дѣлъ и даже молитвы говорятъ такимъ людямъ». Что описанное въ этой грамотѣ можетъ относиться вообще къ жизни великорусскаго народа въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, доказывается тѣмъ, что французъ Ланнуа, посѣщавшій Новгородъ въ началѣ XV-го вѣка, съ омерзеніемъ говоритъ о продажѣ и закладѣ женъ русскими. Близко ко времени написанія Филаретовой грамоты (1636 г.) мы встрѣчаемъ другія извѣстія, показывающія, каково было благочестіе и христіанская нравственность въ самой столицѣ Московскаго государства, имѣвшей, какъ говорилось, сорокъ-сороковъ церквей. Въ церквахъ этой столицы служили безъ всякаго благоговѣнія, въ одно и тоже время читали и пѣли разное пять-шесть голосовъ; люди, пришедшіе въ церковь во время богослуженія, громко разговаривали, смѣялись, иные бранились и даже дрались, а тутъ юродивые ходили въ пустынническомъ образѣ, растрепавъ волосы, кричали, дурачились и смѣшили другихъ. Попы не только дозволяли такое безчиніе, но и сами пьяные безчинствовали въ церкви. Праздники торжествовались самымъ развратнымъ образомъ; постоянно слышалась самая неприличная брань. Въ 1646-мъ г. (Акты Экс. IV, 481) окружной патріаршій наказъ указываетъ, что въ московскихъ церквахъ, во время богослуженія, бываетъ «драка до крови и лая смрадная». Въ 1649-мъ году (ibidem, 485) патріархъ жаловался, что въ монастыряхъ совсѣмъ оскудѣло иноческое житіе: архимандриты, игумены и старцы вовсе не заботятся о церковной службѣ и всегда пьяны; а о приходскихъ церквахъ замѣчалось, что даже тамъ, гдѣ было по нѣскольку поповъ, «въ понедѣльникъ свѣтлыя недѣли и во всю недѣлю и во владычни праздники и въ богородичны праздники службы не бываетъ (ibidem, 486).» Если бояринъ, будучи благочестивъ, заботился о наружномъ благочестіи крестьянъ въ своихъ вотчинахъ — это казалось для крестьянъ особенно тяжело. Около 1652-го г., бояринъ Морозовъ приказывалъ, чтобы въ его вотчинахъ крестьяне не работали на себя по воскресеньямъ, и во время бездождія ходили со кресты кругомъ села и по полямъ молебствовать. Приказчикъ извѣщалъ господина: «по грѣхамъ

стала засуха, яри всѣ посохли, а крестьянамъ я говорилъ, чтобъ къ церкви идти и молебны пѣть о дождѣ, а они, государь, мнѣ отказали, къ церкви не пошли. Да твой, государевъ, указъ ко мнѣ, что по воскреснымъ днямъ не работать, и они, государь, работаютъ втай на себя. А у сосѣдей въ селѣ Алексѣевскомъ и по деревнямъ въ воскресные дни работаютъ, а крестьяне потому мнѣ отказываютъ, говорятъ: вотъ на сторонѣ дѣлаютъ, намъ для чего не дѣлать? Да на Петрово заговѣнье въ церкви, государь, Божіей ни одинъ къ заутрени и къ обѣднѣ не бывалъ». Когда, послѣ того, бояринъ повторилъ свое приказаніе и налагалъ на ослушниковъ за два раза пеню, а за третій разъ угрожалъ батогами, крестьяне заволновались и тотъ же приказчикъ доносилъ, что на сходкѣ, гдѣ была прочитана боярская грамота, крестьяне кричали: «ты, приказчикъ, на насъ пишешь, заставливаешь сильно молиться.... И учали крестьяне ходить толпами. То у нихъ невѣдомо какой умыселъ, убить ли меня хотѣли» [1]). Знаменательная черта! Принужденіе къ благочестію могло вывести русскаго человѣка изъ себя, довести до остервенѣнія, пуще всякихъ утѣсненій.

Подъ 1658-мъ годомъ мы встрѣчаемъ жалобу, что христіане, вмѣсто женъ, держатъ у себя наложницъ и не хотятъ принимать церковнаго брака. Итакъ, черезъ 100 лѣтъ слишкомъ послѣ Стоглава, Русь, по отношенію къ благочестію и христіанской нравственности, осталась съ тѣми же качествами, какія хотѣлъ искоренить Стоглавъ. Подобныя черты сообщаютъ намъ и болѣе позднія извѣстія: такъ, напр., въ 1672-мъ г. (Акт. Экс. IV, 241), замѣчалось, что по господскимъ праздникамъ и воскреснымъ днямъ, часто въ церквахъ не бываетъ богослуженія, а гдѣ оно и происходитъ, тамъ мало бываетъ народу, да и тѣ, которые туда приходятъ, говорятъ и смѣются во время богослуженія; въ великій постъ люди не говѣютъ и не причащаются; и самые игумены и попы упиваются до-пьяна и дѣлаютъ всякое безчиніе въ примѣръ мірянамъ. Нѣсколько позже, уже въ началѣ XVIII-го вѣка, святой Димитрій Ростовскій говоритъ: «попъ служитъ святую литургію безъ служебника и только говоритъ одни возгласы; когда его спросили, зачѣмъ онъ такъ служитъ и не говоритъ молитвъ, подобающихъ служенію, попъ отвѣчалъ: «я уже прочелъ служебныя молитвы на дому, я такъ научился отъ старыхъ поповъ!» На другой день послѣ пьянствованія, не протрезвившись и не приготовившись къ

---

[1]) «Большой бояринъ», ст. И. Забѣлина, въ Вѣстн. Евр. 1871 г., кн. 2, стр. 470 и 471.

служенію, попы совершаютъ литургію, сквернословятъ въ алтарѣ, «бранятся матерію и творятъ домъ Божій вертепомъ разбойниковъ». Иные священники были такіе невѣжды, что не умѣли объяснить значеніе святыхъ Тайнъ. «Гдѣ животворящія Христовы Тайны?» спросилъ одного священника святой Димитрій Ростовскій. Попъ не понялъ вопроса и молчалъ. «Гдѣ тѣло Христово?» спросилъ митрополитъ. Попъ опять не понялъ. Тогда одинъ изъ бывшихъ съ митрополитомъ священниковъ спросилъ попа: «гдѣ запасъ?» Тогда попъ понялъ и нашелъ «сосудецъ зѣло гнусный»: тамъ хранились у него святыя Тайны. «Удивися о семъ небо и земли ужаснитеся концы!» восклицаетъ по этому поводу святой Димитрій [1]).

Казалось бы, въ такомъ народѣ, у котораго религіозный индифферентизмъ составлялъ долгое время отличительное свойство, трудно было появляться ересямъ и расколамъ, а главное, распространяться въ массахъ. Дѣйствительно, прежде если они и появлялись, то не проникали настолько въ народную жизнь, чтобы производить важный умственный и общественный переворотъ. Стригольники, жидовствующіе, Башкины, Косые, — при всей относительной важности ихъ явленія въ свое время, всетаки обращались въ довольно маломъ кругу дѣйствія сравнительно съ массою русскаго народа. Тамъ, гдѣ господствуетъ индифферентизмъ вмѣстѣ съ невѣжествомъ — для религіозныхъ броженій, повидимому, нѣтъ никакихъ элементовъ. И однако въ половинѣ XVII-го вѣка явилось такое религіозное движеніе, которое постепенно охватило Великую Русь и до сихъ поръ далеко не прекратилось.

Намъ важно собственно не столько явленіе раскола, сколько его распространеніе. Какъ скоро принялись за переправку книгъ, какъ скоро явилась какая бы то ни было новизна въ области религіи—необходимо должны были этому воспротивиться люди старины, люди рутины, люди буквы: это неизбѣжно по закону человѣческихъ дѣйствій, иначе быть не могло, иначе человѣкъ русскій не былъ бы вообще человѣкомъ. Какимъ бы хладнокровіемъ ни отличалась масса, невозможно было, чтобы изъ нея не выдавались люди болѣе горячіе, съ бóльшимъ участіемъ къ общему дѣлу, наклонные идти въ ту или другую сторону, впередъ или назадъ, домогаясь нововведеній, или упорно защищая старину. Аввакумы, Лазари, Капитоны были явленія вполнѣ законныя, неизбѣжныя во всякомъ обществѣ, во всякихъ его формахъ. Но отчего ихъ проповѣдь возъимѣла такое вліяніе, отчего

---

[1]) Древ. Рус. Вив. XVII, стр. 87, 102.

народныя массы долгое время шли за ихъ проповѣдью и развивали ее въ многоразличныхъ видахъ? Отчего ихъ упорство, имѣвшее цѣлью поддерживать ветхое, сдѣлалось сигналомъ совершенно новыхъ явленій въ народной жизни?

Тотъ ошибется, кто подумаетъ, что, вслѣдъ за исправленіемъ богослужебныхъ книгъ большинство русскаго народа воспротивилось «новшеству»; нѣтъ, это сопротивленіе шло и развивалось медленно. Мы видимъ вначалѣ, что, за исключеніемъ такихъ упрямцевъ, какъ Аввакумъ, Павелъ Коломенскій, Лазарь, Логгинъ, даже самые антагонисты нововведенія не оказывали энергическаго сопротивленія и сами легко подчинялись реформѣ. Такъ сразу поступили два сильные противника, Вонифатьевъ и Нероновъ. Вначалѣ какъ реформа, такъ и сопротивленіе реформѣ были достояніемъ почти одного духовенства. Большинство русскаго народа отнеслось къ этому дѣлу съ обычнымъ предковскимъ равнодушіемъ и хладнокровіемъ, какъ и слѣдовало ожидать. Знаменитый писатель и историкъ старовѣрства, Андрей Денисовъ, котораго интересъ состоялъ въ томъ, чтобы представлять дѣло реформы какъ можно болѣе противнымъ народу, сознается однако, что «Никоновымъ новоисправленнымъ книгамъ, повсюду разсылаемымъ, никто ни обрѣтеся противостоящъ, никто же оныя новшества возражающъ, страху царскаго указу, вся колеблющу, кромѣ Павла добляго епископа коломенскаго и великоревностнаго протопопа Аввакума, новыя книги новопечатныя и не хотяще пріяша». Сопротивленіе оказалъ одинъ Соловецкій монастырь, потому что туда стеклись изъ разныхъ мѣстъ, въ сущности тогда немногочисленные, горячіе приверженцы старыхъ формъ, но и то первое обращеніе ихъ къ царю было чрезвычайно мягкое и покорное: «Милостивый и благочестивый царь!—писали монахи.—«Молимъ твою великаго государя благочестивую державу, съ плачемъ и со слезами и милости просимъ: помилуй насъ нищихъ богомольцевъ своихъ и отвори до насъ сиротъ великую любовь, не вели, государь, у насъ тѣмъ новымъ учителемъ и вселенскимъ патріархамъ истинную нашу христіанскую вѣру, самимъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ и святыми его Апостолы преданную и седьми вселенскими соборы утвержденную, измѣнити и порудити... Повели намъ государь быти въ томъ же благочестіи и преданіи, въ какомъ чудотворцы наши Зосима и Савватій и Германъ и Филиппъ, митрополитъ московскій и вси святіи угодили Богу и пр.». Соловецкіе упрямцы не осмѣливались даже и впослѣдствіи обвинять въ неправославіи царя и русскихъ архіереевъ: они просили только позволенія самимъ оставаться при прежнихъ формахъ. Еслибы имъ уступили, то уже тогда образовалось бы

то единовѣріе, которое явилось въ концѣ XVIII-го вѣка. Но тогда ни имъ, ни другимъ подобнымъ не оказывали этого снисхожденія. Вслѣдъ за соборомъ 1656-го года, правительство настоятельно требовало, чтобы всѣ безъ разсужденія приняли всѣ нововведенія, и то, къ чему привыкли цѣлыя сотни лѣтъ, должно было сразу все забыть и сразу усвоить новое. Масса народа и тутъ легко могла покориться, потому что эта масса ничего не знала, что было прежде и долго бы не распознала, что сдѣлалось вновь, оставаясь въ своей обычной темнотѣ. Духовные, отличавшіеся, какъ мы видѣли, равнодушіемъ къ области своихъ занятій, также, повидимому, должны были покориться. Но вышло иное вотъ отчего: во-первыхъ, въ духовенствѣ существовало раздраженіе противъ своей же духовной власти; во-вторыхъ, въ народѣ существовало недовольство управленіемъ и вообще тогдашнимъ порядкомъ вещей, недовольство, которое передъ тѣмъ не разъ уже проявлялось открытыми возмущеніями. Между духовными легко нашлись личности, сдѣлавшіяся распространителями противодѣйствія реформѣ, исходившей отъ ненавистныхъ имъ властей, а въ народѣ нашлась значительная масса такихъ, которые готовы были пристать ко всему, что увеличивало, а тѣмъ болѣе освящало ихъ прежнее раздраженіе противъ власти вообще.

Патріархъ Никонъ не былъ одинъ изъ тѣхъ, которые внушаютъ къ себѣ любовь подчиненныхъ; напротивъ, его нетерпѣли за суровость, гордость и за корыстолюбіе его приказа. Мысль о томъ, что этотъ ненавистный человѣкъ явился неправославнымъ, преступникомъ противъ церковной правды, была по сердцу многимъ духовнымъ. Съ вопросомъ реформы Никонъ поступалъ такъ, какъ военачальникъ съ военнымъ дѣломъ: приказано, и надо исполнять, а за непослушаніе слѣдовала тяжелая кара. Поповъ, которые приходили въ сомнительство и не рѣшались сразу служить по новоисправленнымъ книгамъ, вмѣсто того, чтобы убѣждать ласкою, смиряли жестокостью, били батогами, томили голодомъ, держали при монастыряхъ, погребахъ и поварняхъ, съ цѣпями на шеѣ. Само собою разумѣется, что приводить такимъ образомъ къ измѣненію убѣжденій и обычаевъ значило творить упорныхъ защитниковъ того, что̀ хотѣли вывести: таково свойство человѣческой природы; если-бы даже тѣ, которые терпятъ муки за извѣстныя убѣжденія, наконецъ отказались отъ нихъ, то непремѣнно нашлись бы другіе, которые, узнавъ о томъ, что дѣлалось, стали подъ то же знамя. Тутъ скоро произошла размолвка Никона съ царемъ. Никонъ оставилъ свой патріаршій престолъ и удалился въ Новый Іерусалимъ. Въ продолженіи восьми лѣтъ, когда Никонъ находился тамъ, оппозиція противъ нововведенія

возрастала; объ этомъ говорится и въ грамотѣ, объявлявшей народу о низложеніи патріарха: «въ неже между-патріаршества время соблазнишася его ради мнози и явишася раскольницы и мятежницы православныя россійскія церкве (Русск. Виө. III. 407)». Никонъ, явившись нововводителемъ, своими крутыми мѣрами взмутилъ, такъ сказать, стоячую воду стариннаго русскаго индифферентизма; тѣ, которые прежде ни о чемъ не думали, или очень мало думали, предались думамъ; священники и монахи, до сихъ поръ кое-какъ исполнявшіе служебные обряды, стали разсуждать объ этихъ обрядахъ, стали привязываться къ нимъ, именно потому, что ихъ принуждали дѣлать иначе, а не такъ, какъ прежде; они привыкли дѣлать, никогда не считая своихъ дѣлъ неправильными; пришлось имъ заглянуть въ одну, другую книгу, пришлось учиться, потому что имъ приходилось поспорить и защищать старину словомъ. Къ этому возбудились вначалѣ личности талантливыя, выдававшіяся изъ массы по наклонности къ предметамъ духовной сферы; они первые, какъ всегда бываетъ въ исторіи умственныхъ движеній, отрясли отъ себя вѣковой сонъ, лежавшій на всемъ современномъ имъ обществѣ. Личности эти были изъ духовныхъ: на это указываютъ современныя жалобы, называя первыми распространителями раскола священниковъ и монаховъ, которые «ови отъ многаго невѣдѣнія божественныхъ писаній и разума, ови во образѣ благоговѣнія и житія мнимаго добродѣтельнаго, являющеся быти постни и добродѣтельни, полни же всякаго несмыслства и самонадѣяннаго мудрованія, иже мнящеся быти мудри объюродѣша, ови же мнящеся и отъ ревности, и таковіи, имуще ревность не по разуму, возмутиша многихъ души неутвержденныхъ». Вообще участіе мірянъ въ оппозиціи было малозначительно до самаго собора 1666—67 годовъ. Этотъ соборъ не только утвердилъ всѣ постановленія собора 1656-го г., не только оправдалъ всѣ сдѣланныя Никономъ измѣненія въ обрядахъ и исправленія въ богослужебныхъ книгахъ, но предалъ анаѳемѣ всѣхъ тѣхъ, которые впередъ будутъ держаться старины. «Аще ли же кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святѣй Восточнѣй церкви и сему освященному собору, или начнетъ прекословити и противлятися намъ: и мы таковаго противника, данною намъ властію отъ всесвятаго и животворящаго Духа, аще будетъ отъ освященнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствія и благодати и проклятію предаемъ, аще же отъ мірскаго чина, отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всесочлененія и стада и отъ церкве Божія отсѣкаемъ

яко гнилъ и непотребенъ удъ, дондеже вразумится и возвратится въ правду покаяніемъ. Аще ли кто не вразумится и не возвратится въ правду покаяніемъ, и пребудетъ въ упрямствѣ своемъ до окончанія своего: да будетъ и по смерти отлученъ и непрощенъ, и часть его и душа со Іудою предателемъ, и съ распеншими Христа жидовы, и со Аріемъ и съ прочими проклятыми еретиками; желѣзо, каменіе, и древеса да разрушатся и да растлятся, а той да будетъ неразрѣшенъ и неразрушенъ и яко тνмпанъ, во вѣки вѣковъ аминь»[1]). Но такъ какъ прежде вся восточная Русь держалась осужденной старины, то естественно возникло мнѣніе, что анаѳема падала на все прошлое страны. Послѣдовалъ совершенный разрывъ съ прошлымъ и со всѣми тѣми, которые не могли скоро разстаться съ прошлымъ. До сихъ поръ было одно только недоумѣніе; теперь же должно было образоваться два лагеря: — одинъ правительственный, другой враждебный. Начались жестокія, свирѣпыя преслѣдованія упорныхъ. Ихъ ссылали, иныхъ жгли, инымъ рѣзали языки. Всякіе споры противъ реформы, уже порѣшенной соборомъ, толковались, какъ хула на Господа Бога: отсюда вытекало, что православные, на сторонѣ которыхъ была не только сила духовная, но и матеріальная, мірская, легко могли давать доводамъ и рѣчамъ своихъ противниковъ смыслъ богохульства; первая же глава Уложенія осуждала за богохульство на сожженіе. По извѣстію предисловія къ «Увѣту Духовному», уже благодушный и тишайшій Алексѣй Михайловичъ «многихъ во оземствованіе пославъ и въ темницы заточи, а иныхъ хульниковъ повелѣ огню предати».

Оппозиція противъ нововведенія разразилась въ первый разъ возмущеніемъ въ Соловецкомъ монастырѣ. Какъ ни продолжительно, какъ ни упорно кажется, съ перваго раза, это возмущеніе, какъ ни придаетъ ему особенной важности то, что правительство должно было перемѣнять три раза начальство надъ войскомъ, усмирявшимъ бунтъ, и присылать новыя силы для его укрощенія, но въ сущности, бунтъ этотъ былъ не важенъ и не выходилъ изъ цѣлаго ряда бунтовъ, которыми такъ богата была вторая половина XVII-го вѣка. Участвовавшихъ въ немъ было всего до пятисотъ человѣкъ, изъ нихъ двѣсти было духовныхъ; для остальныхъ приверженность къ старому обряду была, вѣроятно, только поводомъ: охоты къ возмущеніямъ и безъ того уже было много. Чтобы понять, почему оппозиція противъ реформъ находила, какъ въ это, такъ и въ послѣдующее время, отголосокъ и сочувствіе въ народной массѣ, нужно имѣть въ виду вообще

---

[1]) Дополн. V, 487.

духъ народа того времени. Царствованіе Алексѣя Михайловича было вообще періодомъ очень важныхъ бунтовъ, которыхъ причины скрывались совсѣмъ не въ религіи. Въ первыхъ годахъ этого царствованія были бунты въ Новгородѣ, Псковѣ, Сольвычегодскѣ, Устюгѣ и въ самой Москвѣ. То было еще до реформы. Послѣ реформы выпускъ мѣдныхъ денегъ произвелъ бунтъ въ столицѣ, но еще сильнѣйшія потрясенія выдержало Московское государство отъ бунта Стеньки Разина. Нельзя утверждать, что причиною этого бунта былъ расколъ, когда Стенька, въ числѣ разныхъ попытокъ для возмущенія народа, употреблялъ имя Никона и выдавалъ себя за мстителя низложеннаго патріарха, а его сообщники, умерщвляя астраханскаго архіепископа Іосифа, укоряли этого архипастыря, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ «снималъ санъ» съ патріарха Никона. Между тѣмъ, когда впослѣдствіи казаки бунтовали подъ знаменемъ старой вѣры, они въ то же время показывали сознаніе, что продолжаютъ одно дѣло со Стенькою Разинымъ. Мы думаемъ, что и мірскими участниками соловецкаго бунта, какъ и впослѣдствіи, тѣми, которые по голосу духовныхъ приставали къ оппозиціи, руководило тоже разлившееся въ массѣ стремленіе тѣмъ или другимъ способомъ противодѣйствовать властямъ, истекавшее изъ общественныхъ условій того вѣка,—а не исключительно религіозныя побужденія.

Время Ѳедора Алексѣевича было временемъ свирѣпаго преслѣдованія раскола и тѣмъ самымъ распространенія его между мірянами. Чѣмъ жесточе были истребительныя мѣры правительства, тѣмъ шире и упорнѣе становилось противодѣйствіе. Духовные, нехотѣвшіе принять «новшествъ», угрожаемые ссылками, кнутомъ, языкорѣзаніемъ и сожженіемъ, спасаясь отъ такой участи, разсѣевались по разнымъ сторонамъ широкой Руси, ходили изъ села въ село, изъ города въ городъ, взывали къ народу, что гибнетъ святая вѣра, что Никонъ съ его послѣдователями ввели ересь, что въ церкви не слѣдуетъ ходить, что наступаютъ послѣднія времена. Голосъ раскольниковъ былъ, такъ сказать, какъ масло къ огню; повсюду можно было найти недовольныхъ властью, ненавидѣвшихъ дьяковъ, приказныхъ людей, воеводъ, бояръ, владыкъ. Теперь народу говорили, что власть, отягощая его здѣсь на землѣ, хочетъ отнять у него послѣднее утѣшеніе, заградить ему путь къ лучшему жребію послѣ смерти, путь къ вѣчному спасенію. Для раздраженнаго народнаго сердца было пріятно слышать самое худое о томъ, противъ чего обращалось раздраженіе. Проповѣди раскольниковъ дѣйствовали вначалѣ на впечатлительныя и предпріимчивыя натуры; люди, черезъ-чуръ погрязшіе во вседневную жизнь, привыкшіе поко-

ряться силѣ всегда и во всемъ, конечно, не поддавались этому обаянію, и такихъ оставалось несравненно больше; увлекшихся въ расколъ, какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, было не много въ сравненіи со всею массою, иначе никакая власть не въ силахъ была бы удержать реформъ. Первые миссіонеры были, по извѣстію Денисова, соловецкіе отцы: они «разсѣевшись странствовали и во градѣхъ и весѣхъ и въ пустынныхъ скитѣхъ и многія на стези древлеблагочестивыхъ церковныхъ законовъ навратиша». Благодаря «Винограду Россійскому» Денисова, мы узнаемъ имена многихъ апостоловъ старины, возбуждавшихъ народъ къ непокорству церкви и мірской власти. Все это были монахи и попы. На сѣверѣ, въ странѣ, носившей названіе Поморья, расколъ распространился прежде всего, оттуда выходили учители и въ другія мѣста. Такъ соловецкіе монахи, Арсеній и Софоній, проповѣдывали въ предѣлахъ нижегородскихъ и положили основаніе знаменитымъ чернораменскимъ скитамъ — колоніямъ увлеченнаго въ расколъ народа. Около Великаго Новагорода и Пскова возбуждалъ къ старовѣрству старецъ Варлаамъ, бывшій прежде протопопомъ во Псковѣ. Во владимирскихъ предѣлахъ проповѣдывалъ знаменитый Капитонъ, въ калужскихъ— попъ Поліевктъ, около Чернигова—попъ Козьма и проч. и проч. Расколъ быстро зашелъ и въ отдаленную Сибирь.

Отъ онаго времени сохранились нѣкоторыя описанія, дающія намъ возможность представить себѣ, какъ совершалось это проповѣдываніе, и какъ проповѣдники успѣвали поселять фанатизмъ въ воспріимчивыхъ и впечатлительныхъ натурахъ. Вотъ, напримѣръ, въ Тюменѣ въ воскресный день служилась литургія; служили по новоисправленнымъ книгамъ, народъ былъ въ церкви и конечно уже не въ первый разъ слушалъ литургію, совершаемую по новоисправленному служебнику. Вдругъ — въ соборную церковь вошло трое мужчинъ и съ ними одна женщина старица. Одинъ изъ мужчинъ былъ изъ Вологды Аѳонька, другой изъ Татьмы Дёмка, третій нѣкто Перша Мезенцовъ, а женщина была изъ Тотьмы, по имени Варвара. Во время херувимской пѣсни они закричали: «православные христіяне, не кланяйтесь: несутъ мертвое тѣло! На просфорахъ печатаютъ крыжемъ-антихристовою печатью». Ихъ схватили, били кнутомъ и вкинули въ тюрьму до государева указа. Но они сдѣлали свое дѣло. Проповѣдь расшевелила народъ, сомнѣніе пустило корни. Вслѣдъ затѣмъ является другой проповѣдникъ, Дементьянъ, въ чернецахъ Данило. Около него собираются уже старицы и дѣвки. Его проповѣди были такъ увлекательны, что старицы и дѣвки стали видѣть отверстое небо, пресвятую Богородицу, ангеловъ,

державшихъ вѣнцы надъ тѣми, которые не хотятъ молиться такъ, какъ приказываютъ, и, избѣгая нечестивыхъ велѣній, скрываются въ пустыни. Затѣмъ, къ проповѣднику пристаютъ и нѣкоторые семейные люди съ женами и дѣтьми. Онъ всѣхъ убѣждаетъ бѣжать въ пустыню, и дѣйствительно, оставаться въ своихъ жилищахъ имъ было опасно: воеводамъ и приказнымъ людямъ велѣно было, по государеву указу, хватать раскольниковъ и бить кнутомъ, за слишкомъ энергическое слово противъ «новшества» можно было попасть въ срубъ.... Они бѣгутъ съ проповѣдникомъ въ лѣса, и тамъ основываютъ поселенія. Но начальство силится возвратить ихъ на мѣста жительства, наказать кнутомъ, принудить къ троеперстію. Посылается вооруженный отрядъ взять ихъ изъ пустыни; тогда фанатикъ проповѣдуетъ, что лучше сгорѣть въ огнѣ, чѣмъ отступить отъ вѣры, не вытерпя земныхъ мученій. Погоня приближалась. Тѣ, которые успѣли ускользнуть, убѣжали и сдались. Другіе поддались убѣжденію Дементьяна: онъ ихъ заперъ съ собою въ избѣ и зажегъ избу. Такъ погибъ проповѣдникъ и съ нимъ до трехъ сотъ человѣкъ. Въ другихъ мѣстахъ случалось подобное. Самосожиганіе стало входить въ обычай: и неудивительно, когда представлялось что-нибудь одно изъ двухъ — или подвергаться разнаго рода истязаніямъ отъ власти и, не вытерпѣвъ мукъ, отрекаться отъ вѣры, какъ они полагали, или лишить себя жизни заранѣе. Фанатики увѣряли своихъ послѣдователей, что это дѣло богоугодное и подтверждали свои убѣжденія разными примѣрами изъ исторіи мучениковъ. Ихъ послѣдователи, сами ничего не зная въ дѣлѣ вѣры, полагались на нихъ, слѣдовали за ними. Впрочемъ, когда дѣло доходило до сожженія, тогда обыкновенно являлось раскаяніе и желаніе спасти себя; но не всѣмъ и не всегда это удавалось, потому что вожаки, завлекши толпу людей въ избу, запирали ихъ тамъ и зажигали избу, такъ что уже нельзя было выскочить.

Между тѣмъ, религіозное дѣло постоянно примѣшивалось къ народнымъ бунтамъ, возникавшимъ отъ другихъ причинъ. Такъ было и въ Москвѣ, въ 1682-мъ году. Произошелъ стрѣлецкій бунтъ чисто политическаго характера. Онъ увѣнчался успѣхомъ. Тогда раскольники задумали воспользоваться случаемъ и подвинуть торжествовавшихъ мятежниковъ на защиту старой вѣры. Началось новое стрѣлецкое волненіе уже съ религіозною цѣлью. Но стрѣльцы сами не понимали, въ чемъ тутъ собственно дѣло; народъ былъ безграмотный и немыслившій; между ними не нашлось никого, кто бы съумѣлъ составить челобитную. Обратились къ монаху Сергію. Тотъ написалъ имъ челобитную и изложилъ въ ней обвиненія въ разныхъ ересяхъ. Стрѣльцы сами созна-

вались, что плохо понимали челобитную, когда имъ ее читали, и никогда не слыхивали о такихъ ересяхъ, какія въ ней поминались. Но всѣ однако слушали эту челобитную съ умиленіемъ; недостатокъ пониманія замѣнялся у нихъ чувствомъ. Это чувство побуждало ихъ къ одному—добиться того, чтобы власти перестали, какъ они говорили, «за старую вѣру людей казнить, вѣшать и въ струбахъ жечь». Далеко не всѣ стрѣльцы поддались внушенію расколоучителей; по привычному хладнокровію къ дѣламъ вѣры большая часть не расположена была стоять за старовѣровъ; народъ, бѣжавшій толпами за Никитою Пустосвятомъ, руководился однимъ любопытствомъ, и многіе, сочувствовавшіе тогдашнему волненію, сами не прочь были отъ новой вѣры, но они все-таки хотѣли, чтобы людей за вѣру не мучили и не жгли. Въ высшей степени замѣчательно то обстоятельство, что когда раскольники ходили по стрѣлецкимъ приказамъ для подписи челобитной, большая часть стрѣльцовъ не хотѣла прикладывать рукъ вовсе, не соглашаясь принадлежать къ расколу; но и тѣ кричали: «а мучить по прежнему никого не дадимъ». Такое явленіе только и объясняется изстари обычнымъ хладнокровіемъ къ дѣламъ вѣры, недопускавшимъ развиваться тому фанатизму, который, увлекаясь священною высшею цѣлью, не знаетъ состраданія къ единицамъ. Это памятное въ русской исторіи событіе отличалось такими пріемами, которые какъ нельзя яснѣе соотвѣтствовали духу русскаго народа и его привычкамъ. Какъ церковь, такъ и свѣтская власть, по своему принципу, не терпѣли несогласія съ своими цѣлями. Явленіе сопровождаемыхъ толпою любопытнаго народа раскольниковъ, требующихъ отъ церкви объясненія и отчета, было черезъчуръ противно тѣмъ понятіямъ, какія составляли себѣ о власти церковные сановники и мірскіе владыки. Люди, у которыхъ пробудилась мысль, которые хотѣли знать, чему ихъ принуждали вѣрить, вызывали къ отвѣту патріарха и архіереевъ. Эти люди не осуждали заранѣе противной стороны; они только просили, чтобы «великіе государи повелѣли ему патріарху съ ними богомольцами своими дати праведное свое разсмотрѣніе со свидѣтельствы божественныхъ писаній, за что патріархъ по старопечатнымъ книгамъ не хощетъ служити и инымъ возбраняетъ, а какіе богочетцы, ревнуя по отеческихъ догматахъ истиннаго закона, оныя держатъ и службу Богу по тѣмъ приносятъ, онъ проклятію соборнѣ предаетъ и въ заточеніе въ темницы на смерть посылаетъ». Патріархъ и церковныя власти отвѣчали имъ однимъ указаніемъ на обязанность повиноваться, слѣпо, не мудрствуя: «Подобаетъ вамъ повиноватися учителямъ

и священникамъ, а наипаче архіереямъ и не судити ихъ, аще и житіе имутъ укорно; мы на то образъ Христовъ носимъ: кто намъ противится тотъ Господу противится». «Правда—отвѣчали имъ раскольники, поклонившись до земли—вы на себѣ носите образъ Христовъ, только Христосъ смиренія образъ намъ показалъ, а не срубами, огнемъ и мечемъ грозилъ». Если патріархъ и архіереи упирались въ своемъ авторитетномъ величіи и не хотѣли входить въ споры и объясненія съ мірянами и низшими себя духовными о предметахъ вѣры и богослуженія, то противники заявляли самое непріятное для сановниковъ право судить ихъ поступки и требованіе прекратить преслѣдованія за вѣру. «Егда приведутъ предъ васъ христіанина, вы въ первыхъ словесехъ истязуете, какъ крестится и какъ молитву творитъ, и аще отвѣщаетъ оный: крещуся и молитву глаголю по старому, яко же святая церковь пріяла отъ богоносныхъ отецъ — и вы за то того же часу велите его мучити и въ тюрьму вкинете на смерть!» Здѣсь высказывалось, что противники домогались одного—прекращенія гоненій. Вынужденное затѣмъ новое собраніе въ Грановитой палатѣ окончилось еще хуже перваго. Описаніе этого важнаго событія у православныхъ и раскольниковъ различно; православные, съ презрѣніемъ называя раскольниковъ пьяными мужиками, разсказываютъ, что Никита Пустосвятъ, въ присутствіи царевенъ и патріарха, хотѣлъ бить, а нѣкоторые говорятъ, что даже ударилъ холмогорскаго архіерея; раскольники же говорятъ, что архіерей самъ, разъярившись, бросился на Никиту и послѣдній только отвелъ его рукою. Трудно теперь рѣшить, какъ было на самомъ дѣлѣ, и какая сторона въ этотъ грубый вѣкъ показала больше обычной для обѣихъ сторонъ грубости. Но на этотъ разъ отвѣтъ патріарха былъ также неудовлетворителенъ для ревнителей старины, домогавшихся свободы совѣсти, какъ и прежде: «Не на васъ сіе дѣло лежитъ и не подобаетъ вамъ, простолюдинамъ, церковная исправляти.... мы на себѣ образъ Христовъ носимъ: ваше дѣло повиноватися церкви и намъ архіереямъ». Также неутѣшительно отозвалась къ нимъ и свѣтская власть; ея голосъ высказался сравнительно мягче, чѣмъ было бы въ другое время; ея представительницею была въ то время дѣвица; она выразилась по-женски, — царь выразился бы иначе, но суть дѣла была одна и таже. «Если Арсеній и Никонъ еретики — говорила Софья — то отецъ и братъ нашъ еретики; выходитъ, что нынѣшніе цари не цари, патріархи не патріархи, архіереи не архіереи; мы такой хулы не хотимъ слушать; если отецъ нашъ и братъ еретики, мы пойдемъ изъ царства вонъ». Эти слова, произнесенныя женщиной, значили:

вы должны, не разсуждая, вѣрить такъ, какъ велятъ вамъ духовные и цари. Софья, вставъ съ мѣста, показала видъ, что хочетъ уходить, но тутъ окружающіе заявили передъ нею то, что ихъ предки нѣкогда заявляли передъ Іоанномъ Грознымъ, когда тотъ грозилъ оставить царство. За исключеніемъ немногихъ смѣлыхъ, дерзнувшихъ замѣтить, что и безъ нея пусто не будетъ, толпа изъявляла готовность во всемъ повиноваться и положить свои головы за царей. Само собою разумѣется, что это свидѣтельствуетъ какъ нельзя больше, что масса, шедшая вслѣдъ за раскольниками, вовсе не была проникнута тѣмъ духомъ, какимъ оживлялись фанатическіе вожаки раскола. Софья снова усѣлась и вступила съ раскольниками въ преніе, однако въ ея рѣчахъ не было ничего, кромѣ приказанія народу вѣрить такъ, какъ велятъ и показываютъ своимъ примѣромъ власти. «Чего ты боишься складывать три перста, — говорила Софья монаху Савватію,—не бойся: вотъ мы сами крестимся и тремя и двумя перстами и всею дланью». Но у раскольниковъ былъ поразительный доводъ. «Насъ предаютъ проклятію — говорили они,— а если мы прокляты, то и всѣ наши россійскіе чудотворцы и прародители ваши государи подлежатъ тому же проклятію, какъ и мы». По выраженію раскольничьяго извѣстія, патріархъ и архіереи не нашлись ничего отвѣчать на это, только сидѣли голову повѣсивши; но хитрая Софья нашла способъ покончить съ противниками. Соборъ отсрочили до другого времени; Софья, между тѣмъ, склонила на свою сторону выборныхъ стрѣльцовъ: «не промѣняйте насъ на шестерыхъ чернецовъ», говорила она имъ. Софья поняла, что дѣло оппозиціи производится немногими, а толпа пристаетъ къ нему безъ большого внутренняго участія. «Государыня царевна — отвѣчали ей стрѣльцы, совершенно въ духѣ стариннаго русскаго индифферентизма — намъ нѣтъ дѣла стоять за старую вѣру: то дѣло не наше, а святѣйшаго патріарха и освященнаго собора». И они предали раскольниковъ. Тогда главному расколоучителю Никитѣ отрубили голову, другихъ наказали и сослали; немного времени спустя казнили и боярина князя Хованскаго, покровительствовавшаго расколу. Это событіе показало, что, несмотря на внѣшніе признаки, которые могутъ подавать мысль о силѣ раскола въ народѣ, онъ въ сущности былъ безсиленъ. Народъ стремился въ Кремль, но, какъ оказалось, большинство бѣжало туда изъ одного любопытства, другіе, хотя и увлекались на время проповѣдью расколоучителей, но не проникнулись ею до того, чтобы защищать ихъ дѣло энергически, иначе бы не измѣнили имъ. Церковная оппозиція, будучи въ сущности слабою, прицѣплялась

ко всякому народному волненію, происходившему собственно изъ другихъ причинъ и убѣжденій.

Но сама власть, усмиряя и наказывая расколъ, продолжала способствовать его расширенію своими жестокими мѣрами. Въ томъ же 1682-мъ году, мы встрѣчаемъ (А. Ист. V, 162) приказаніе архіереямъ сыскивать по епархіямъ раскольниковъ, непокорныхъ и непослушныхъ церкви, и для того брать у воеводъ и дьяковъ служилыхъ людей. Тѣхъ, которые, по усмотрѣнію духовнаго начальства, окажутся достойными градской казни, слѣдовало отсылать къ воеводамъ и дьякамъ, а послѣдніе никакъ не могли присланныхъ выпускать на свободу безъ вѣдома архіерея. Тѣхъ, которые оказывались расколоучителями, предавали сожженію. Въ 1684-мъ году изданъ былъ драконовскій законъ противъ непокорныхъ церкви: повидимому, при точномъ исполненіи этого закона, расколу невозможно было существовать, если бы на свѣтѣ всегда истреблялось то, что̀ хотятъ истребить жестокими преслѣдованіями. Чуть только гдѣ услышатъ, что такіе-то люди не ходятъ въ церковь, не пускаютъ къ себѣ въ домъ поповъ, уклоняются отъ церковныхъ таинствъ—такихъ людей тотчасъ слѣдовало хватать и пытать, допрашивая: у кого они учились расколу, какіе есть у нихъ единомышленники и товарищи; на кого они покажутъ, тѣхъ—брать, давать очныя ставки съ ихъ обвинителями, и если обвинители упирались на своемъ прежнемъ показаніи, то пытали оговоренныхъ; если оговоренные подъ пыткою показывали на новыхъ лицъ и привлекали ихъ такимъ образомъ къ дѣлу — тогда слѣдовало брать и этихъ и также поступать съ ними, какъ съ прежними. По производствѣ суда, тѣхъ, которые, несмотря ни на какія муки и истязанія, не принесутъ раскаянія, — предавать сожженію, а тѣхъ, которые изъявятъ раскаяніе—отсылать къ архіереямъ для наказанія, и потомъ отпускать съ поручными записьми. Но могли быть и такіе, которые, подобно Никитѣ Пустосвяту, притворно принесутъ раскаяніе, а потомъ, при случаѣ, опять начнутъ проповѣдывать расколъ; такихъ законъ повелѣвалъ неизбѣжно предавать смертной казни. Всѣхъ тѣхъ, которые окажутся виновными въ подстрекательствѣ къ самосожженію, а равно и тѣхъ, которые станутъ перекрещивать другихъ и называть неправымъ крещеніе, полученное въ православной церкви, казнить смертію, даже и тогда, когда бы они покаялись. Тѣ лица, которыя, сами не будучи раскольниками, давали изъ состраданія у себя притонъ раскольникамъ, не ловили ихъ и не приводили къ начальству — наказывались кнутомъ. Достаточно было принести раскольнику, посаженному въ тюрьму, пищу или питье, или только провѣдать про него—

такихъ хватали и били кнутомъ. Даже тѣ, которые держали у себя раскольниковъ, не зная, что они раскольники, подвергались денежной пени. Вдобавокъ, велѣно было отписывать на великихъ государей всѣ дворы и лавки и помѣстья не только у тѣхъ, которые были виновны въ расколѣ, но и тѣхъ, которые держали у себя раскольниковъ завѣдомо или брали ихъ на поруки [1]).

Такое отношеніе власти и закона къ расколу не давало ему уснуть подъ вліяніемъ давняго русскаго индифферентизма. Преслѣдованіе произвело расколъ; оно его и воспитывало и поддерживало. Сперва непокорныхъ — была какая-нибудь горсть духовныхъ; Никонъ не спускалъ имъ — сажалъ на цѣпь, билъ, ссылалъ и чрезъ то не только утвердилъ ихъ въ упорствѣ, но еще далъ имъ возможность показать собою примѣръ подражанія другимъ. Соборъ 1666—67 гг., предавъ ужасной анаѳемѣ непріемлющихъ церковныя измѣненія, обратилъ къ религіознымъ вопросамъ мысль и чувство тѣхъ, которые, не будучи возбуждаемы и раздражаемы, отнеслись бы равнодушно къ этимъ вопросамъ, такъ что безъ этихъ жестокихъ мѣръ, вѣроятно, вся церковная реформа скоро принялась бы и вошла въ жизнь почти незамѣтно. Но теперь вожаки противодѣйствія имѣли у себя страшный рычагъ для поднятія массы: они ставили ей передъ глаза поистинѣ роковой вопросъ, такой вопросъ, на который тогдашнимъ православнымъ людямъ отвѣчать было не такъ-то легко. Если прокляты тѣ, которые теперь крестятся двумя перстами и молятся по старымъ книгамъ, то, стало-быть, прокляты и тѣ, которые прежде такъ поступали? А если такъ, то, значитъ, прокляты всѣ святые чудотворцы и угодники, просіявшіе въ прежніе вѣка́ въ русской церкви? Иначе: если можно было достигнуть вѣчнаго спасенія и святости съ двоеперстнымъ знаменованіемъ и съ отправленіемъ богослуженія по старымъ книгамъ, то зачѣмъ же запрещать теперь то, что́ вело къ спасенію благочестивыхъ въ продолженіе ряда вѣковъ? Новая церковь какъ будто разрывала всякую связь съ старою, какъ будто предавала все старое анаѳемѣ.... Но старая церковь имѣла за собою слишкомъ много чудесъ и святости: какъ промѣнять ее на новую, которая не ознаменована Божіею благодатію! Если новая церковь такъ прямо дѣлается враждебною старой, стало-быть, она попираетъ всю святость послѣдней; слѣдовательно, ради спасенія души, не надобно ходить въ новую церковь: она порожденіе дьявола, дѣло антихриста, который скоро долженъ придти. Такой аргументъ вносили въ народъ преслѣдуемые, угро-

[1]) Полн. Собр. Зак. II, 648.

жаемые сожженіемъ расколоучители. Одни изъ слушавшихъ ихъ пустились въ разсужденія о крестномъ знаменіи, о четвероконечномъ и восьмиконечномъ крестѣ, о разныхъ перемѣнахъ въ обрядахъ и выраженіяхъ; другіе — и такихъ, разумѣется, было гораздо больше—усвоивали себѣ изъ всего, что̀ слышали, только то, что въ церковь не слѣдуетъ ходить, не должно звать поповъ и принимать отъ нихъ ни молитвъ, ни таинствъ. Со стороны правительства и церкви, на всѣ возраженія, возникшія въ народѣ, не было иныхъ отвѣтовъ, кромѣ кнута, пытки и огня. Неудачная попытка Никиты также не вызвала иного рода отвѣтовъ, и потому-то эта попытка, по наружности показывавшая малосиліе раскола, только послужила къ его усиленію. Суровыя узаконенія и распоряженія убѣждали раскольниковъ, что власть не станетъ и не хочетъ давать имъ иного объясненія, кромѣ страха за неповиновеніе.

Исполненіе мѣръ, указанныхъ суровыми законами, произвело переполохъ въ народѣ. Спасаясь отъ угрожающихъ пытокъ и всякаго рода мукъ, самые смѣлые бѣжали на Донъ; тамъ оппозиція принимала характеръ болѣе отважный: она не ограничивалась только враждою къ боярамъ, воеводамъ и приказнымъ людямъ; огорченіе простиралось и на царственныхъ особъ. Тамъ отъ раскольниковъ слышались такія рѣчи: «что намъ цари? пастушьи они дѣти. Такая ихъ мать, какъ и наша. Мы лучше ихъ. Вотъ пойдемъ на Москву — не сдѣлаютъ съ нами того, что со Стенькою Разинымъ». Грамотѣи отыскали въ третьей книгѣ Эздры кое-что объ орлѣ и орленкахъ: толковали, что орелъ—значитъ царь Алексѣй Михайловичъ, а орленки — его дѣти. Орла уже нѣтъ, а орленковъ надо истребить[1]). Другіе, не такъ смѣлые, бѣжали въ пустыни и тамъ заводили поселенія; издавна у русскихъ людей было въ обычаѣ: когда имъ трудно жить и терпѣть—они убѣгали и основывали поселенія на такихъ мѣстахъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ временно, можно было укрыться отъ властей. Теперь, увлекшіеся проповѣдью раскола бѣжали съ проповѣдниками въ дремучіе лѣса: поселенія являлись за поселеніями, но въ эту пору они принимали аскетическій характеръ: проповѣдники толковали, что приходитъ конецъ міра; уже явился антихристъ; не время думать теперь о житейскомъ; послѣдніе дни настаютъ: надобно помышлять единственно о спасеніи души; монашеское житіе стало образцомъ для всѣхъ раскольниковъ. Но немногимъ такимъ бѣглецамъ давали спокойно дожидаться

---

[1]) Изъ любопытнаго еще ненапечатаннаго дѣла о донскихъ раскольникахъ въ бумагахъ Археограф. Коммиссіи.

конца міра: повсюду ихъ отыскивали и хватали, чтобы зачинщиковъ сожигать, а обольщенныхъ бить кнутомъ. Многіе покорялись и возвращались на свои мѣста; но не мало оказалось такихъ, которыхъ проповѣдники увлекали къ самосожженію въ то время, когда приближалась къ нимъ посланная ратная сила. По разнымъ мѣстамъ Руси сгорѣвшихъ такимъ образомъ считали не только сотнями, но даже тысячами. Въ 1687-мъ г. близъ Олонца сожегся Пименъ старецъ, а съ нимъ болѣе тысячи человѣкъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ томъ же году, въ Палеостровскомъ монастырѣ сгорѣлъ старецъ Игнатій: съ нимъ, если вѣрить раскольничьему историку Ивану Филиппову, сгорѣло 2,700 человѣкъ; черезъ нѣсколько времени, въ 1689-мъ году, въ томъ же монастырѣ произошло другое самосожиганіе, по извѣстію раскольниковъ 500 человѣкъ, а по актамъ — 150. Упорство за старую вѣру проявилось болѣе всего на сѣверѣ; но и въ другихъ краяхъ Руси происходили такія же сцены. Не самоубійствомъ, а мученичествомъ считали, и тогда и впослѣдствіи, раскольники такія самосожженія: и въ самомъ дѣлѣ, еслибы они покорились, все равно не могли бы они ожидать кроткаго обращенія съ собою: главнѣйшихъ бы сожгли, остальныхъ били бы и мучили, принуждая къ отступленію отъ вѣры, чѣмъ, по ихъ понятію, казалось принятіе церковной реформы. Понятно, что вожаки, которымъ все равно было горѣть — добровольно ли съ послѣдователями, или въ срубѣ по приговору закона, — всѣми силами старались, чтобы другіе испытали съ ними одну судьбу, и успѣвали склонять къ этому тѣмъ аргументомъ, что лучше предупредить бѣду, потому что власти, взявши ихъ въ руки, будутъ не только мучить, но еще посредствомъ мученій заставятъ сдѣлать тяжкій грѣхъ и заградятъ путь къ вѣчному спасенію. Раскольничьи самосожженія были въ свое время такими же геройскими подвигами, какими бы теперь считали рѣшимость защитниковъ отечества лучше погибнуть въ крѣпости, взорвавъ ее на воздухъ, чѣмъ сдаться непріятелю.

При Петрѣ Великомъ отношенія власти къ расколу и его послѣдователямъ нѣсколько измѣнились. Правда, въ началѣ его царствованія продолжались дѣйствія свирѣпаго закона 1684-го года. Но мало-по-малу широта взгляда, отличавшая этого государя отъ его предшественниковъ, побуждала его устроить другого рода отношенія. Голиковъ приписываетъ Петру слова, вполнѣ достойныя его генія. Постановивъ, чтобы раскольники отличались отъ православныхъ четыреугольными нашивками краснаго цвѣта на спинахъ и желтыми козырями, онъ однажды увидѣлъ въ такомъ нарядѣ купцовъ, и спросилъ таможеннаго начальника: «Что, эти

раскольники честные люди?» Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, государь сказалъ: «Если такъ, то пусть вѣруютъ чему хотятъ и носятъ сей козырь, и когда ихъ уже нельзя обратить изъ суевѣрія разсудкомъ, то конечно не пособятъ ни мечъ, ни огнь, а мучениками за глупость быть, то они той чести недостойны, ни государство пользы имѣть не будетъ» [1]). Къ сожалѣнію, Петръ былъ въ этомъ случаѣ гуманнѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Правда, онъ не только не преслѣдовалъ Выгорѣцкой обители, которая уже сдѣлалась главнымъ свѣтиломъ раскольничьяго міра, но даже былъ милостивъ къ ея основателямъ, братьямъ Денисовымъ, и вообще не приводилъ въ исполненіе прежнихъ страшныхъ законовъ; онъ обложилъ только раскольниковъ двойнымъ окладомъ и обращалъ ихъ на работу, а за то позволялъ оставаться со своими убѣжденіями. Но это основное отношеніе, по тому времени довольно гуманное, стѣснялось другими строгими распоряженіями. Раскольники лишены были права быть выбранными въ общественныя должности, имъ запрещалось совершать свои требы, заводить скиты, а за обращеніе православныхъ въ расколъ ихъ ссылали въ каторгу. По учрежденіи святѣйшаго синода, расколоучители приглашались безбоязненно являться для состязаній о вѣрѣ; но они не рѣшались этимъ воспользоваться, потому что боялись и не довѣряли. Трагическая смерть Алексѣя Петровича сдѣлала Петра ненавистникомъ раскола, онъ видѣлъ въ немъ господство того старорусскаго духа, для искорененія котораго пожертвовалъ и сыномъ. Преслѣдованіе Петромъ бородъ, русскихъ одеждъ и вообще русскихъ обычаевъ, породило много недовольныхъ и между православными: общность интересовъ соединяла ихъ съ раскольниками, и потому тогда ревностнѣйшіе приверженцы старины отпадали отъ церкви.

Отъ временъ Петра до Екатерины расколъ не пользовался свободой; преслѣдованія властей обращались преимущественно на его распространителей, и вообще тогдашняя внутренняя политика въ этомъ отношеніи имѣла цѣлью охранять господствующую церковь. При Елисаветѣ было нѣсколько случаевъ самосожиганія. Но при Екатеринѣ настали для раскола совсѣмъ иныя времена. Эта государыня, проникнутая принципами французской философіи, обращалась съ раскольниками съ полною терпимостью. Прекращены были всякія преслѣдованія, позволено было свободное отправленіе богослуженія, снятъ съ раскольниковъ двойной окладъ; они допущены были къ должностямъ. Преслѣдова-

[1]) Голиковъ, III, 157.

лось только самосожиганіе, которое у нѣкоторыхъ, впрочемъ у немногихъ, приняло характеръ суевѣрнаго догмата. Но по мѣрѣ бо́льшихъ льготъ, расколъ раздроблялся и развѣтвлялся. Уже давно расколъ разбился на двѣ главныя вѣтви: поповщину и безпоповщину. Первая думала сохранить священство, признавая его за тѣми изъ духовныхъ, которые отрекутся отъ православной церкви и согласятся служить по старому обряду; вторая, опираясь на томъ положеніи, что преемственная благодать пресѣклась измѣною Никона и его послѣдователей, считала совершенно невозможнымъ и священство и весь обрядъ богослуженія, принадлежащій, по уставу древней церкви, исключительно священникамъ. Безпоповщина, въ свою очередь, дробилась на секты и толки. Высшій классъ сталъ совершенно непричастенъ къ расколу; расколъ сдѣлался достояніемъ исключительно простого класса и купцовъ, которые по воспитанію, образу жизни и понятіямъ, усвоеннымъ отъ прародителей, мало разнились отъ простолюдиновъ, отличаясь отъ нихъ только богатствомъ. При томъ вліяніи иноземныхъ обычаевъ и понятій, какому подчинился высшій классъ и какое выдѣляло его изъ народа, русская народность, можно сказать, вся уходила болѣе и болѣе въ массу простолюдиновъ. Между раскольниками появлялись пастыри и учители, всѣ безъ исключенія люди простые, народные, научившіеся сами по себѣ, читавшіе всякаго рода духовныя книги и рукописи и собственнымъ умомъ доходившіе до разныхъ толковъ и системъ. Они-то и были основателями сектъ и ученій. Образовывались братства и согласія. Между всѣми этими сектами и толками господствовала рознь. Безпоповщина и поповщина находились постоянно въ непримиримой враждѣ, не допускавшей уже и попытокъ къ соглашенію; безпоповскіе секты и толки, напротивъ, покушались согласить свои недоразумѣнія, но не достигали цѣли и чрезъ свои попытки только болѣе убѣждались въ разногласіи; но за то эти попытки и споры способствовали прогрессу умственной дѣятельности раскольниковъ.

II.

Между тѣмъ расколъ, развѣтвляясь, не переставалъ распространяться на счетъ православія. Раскольникъ-простолюдинъ, особенно безпоповецъ, стоялъ выше простолюдина православнаго. Русскій мужикъ въ расколѣ получалъ своего рода образованіе, выработалъ своего рода культуру, охотнѣе учился грамотѣ; кругозоръ его расширялся настолько, насколько могло этому содѣй-

ствовать чтеніе священнаго писанія и разныхъ церковныхъ сочиненій, или даже слушаніе толковъ объ этихъ предметахъ. Какъ ни нелѣпы казаться могутъ намъ споры о сугубой аллилуіа или о восьмиконечномъ крестѣ, но они изощряли способность русскаго простолюдина: онъ мыслилъ, достигалъ того, что могъ обобщать понятія, дѣлать умозаключенія; такъ-называемые соборы, на которыхъ раскольники собирались спорить о своихъ недоумѣніяхъ, пріучали ихъ къ обмѣну понятій, выработывали въ нихъ общительность, сообщали ихъ уму бѣглость и смышленность. Сфера церковная была для нихъ умственною гимнастикою; они получали въ ней подготовку къ тому, чтобы имѣть возможность удачно обратиться и къ другимъ сферамъ. Отъ этого раскольники, несмотря на то, что долго были стѣсняемы, несмотря на то, что послѣ временной свободы для нихъ наступали періоды гоненій, не только не бѣднѣли, но постоянно забирали въ свои руки большую часть капиталовъ. Расколъ, во всѣхъ своихъ видахъ, болѣе или менѣе, имѣлъ аскетическій характеръ, а въ нѣкоторыхъ сектахъ аскетизмъ доводился до крайнихъ предѣловъ, напримѣръ: до отверженія брака, до исключительнаго отшельничества и самоистязанія. И однако, при такой проповѣди умерщвляющаго аскетизма, раскольникъ былъ трудолюбивъ, дѣятеленъ, смышленъ и предпріимчивъ въ мірскихъ дѣлахъ. Достойно замѣчанія, что самъ Денисовъ, основатель Выгорѣцкой обители, повидимому весь ушедшій въ постъ и молитву, былъ отличный знатокъ горнаго дѣла и потому оказался нужнымъ Петру. Разладъ между аскетизмомъ и успѣхомъ въ мірскихъ дѣлахъ доводилъ раскольниковъ до лицемѣрія; такимъ образомъ, мы видимъ, что проповѣдники безбрачнаго житія на самомъ дѣлѣ предавались разврату; но этого далеко нельзя сказать о всѣхъ вообще. Для многихъ — аскетизмъ, удалявшій ихъ отъ забавъ, праздности и житейской пустоты, былъ полезенъ, поддерживая трезвость и трудолюбіе. Къ чести раскольниковъ слѣдуетъ отнести и то, что они гораздо опрятнѣе въ домашней жизни и обходительнѣе въ обращеніи, а это есть несомнѣнный признакъ высшей культуры; рѣдко изъ устъ раскольника исходитъ то срамословіе, которое напрасно нѣкогда хотѣли вывести цари и патріархи и которое до сихъ поръ повсюду раздается на стогнахъ и сонмищахъ. Раскольники составляли настоящія общины съ крѣпкою связью; всѣ они держались другъ за друга, помогали другъ другу. Бѣдные находили у своихъ пріютъ, средство къ труду и жизни. Богатые купцы-раскольники привлекали своими капиталами одновѣрцевъ и давали имъ средства къ благосостоянію, и нерѣдко такимъ образомъ увлекали и другихъ къ расколу. Вза-

имное довѣріе между ними образовалось въ высокой степени. Надобно замѣтить при этомъ, что вражда религіозная между сектами очень часто не переходила въ сферу житейскую. Раскольники, по сознанію самихъ православныхъ, отличались честностью, акуратностью въ дѣлахъ и добросердечностью въ житейскихъ связяхъ не только между собою, но и съ иновѣрцами. Одно слово раскольника было для его собрата тверже всякаго письменнаго договора. Между тѣмъ простолюдинъ вѣроисновѣданія православнаго, какъ его дѣды и прадѣды, очень часто отличался холодностью къ религіи, невѣжествомъ и безучастіемъ къ области духовнаго развитія. Грамотность у него была рѣдкость, тогда какъ напротивъ у раскольниковъ-безпоповцевъ она была распространена. Духовенство XVIII-го и XIX-го вѣка, хотя и училось въ семинаріяхъ, но еще меньше оказывало нравственнаго вліянія на народъ, чѣмъ прежнее; народъ мало любилъ и уважалъ его. Подъ его духовною опекою православный простолюдинъ часто едва зналъ имя Іисуса Христа, тогда какъ раскольникъ читалъ священное писаніе, творенія св. отцовъ и имѣлъ понятіе о церковныхъ событіяхъ. Знакомые съ купеческимъ бытомъ въ нашихъ городахъ въ прежнее время, вѣроятно, согласятся, что православные купцы, если только они не получили образованія на европейскій образецъ, были менѣе развиты, чѣмъ купцы-раскольники, а потому въ рукахъ послѣднихъ, при ихъ смышленности, и скоплялись преимущественно капиталы.

Мы не согласимся съ мнѣніемъ, распространеннымъ у насъ издавна и сдѣлавшимся, такъ сказать, ходячимъ: будто расколъ есть старая Русь. Нѣтъ; расколъ—явленіе новое, чуждое старой Руси. Раскольникъ не похожъ на стариннаго русскаго человѣка; гораздо болѣе походитъ на послѣдняго православный простолюдинъ. Раскольникъ гонялся за стариною, старался какъ бы точнѣе держаться старины—но онъ обольщался; расколъ былъ явленіе новой, а не древней жизни. Въ старинной Руси народъ мало думалъ о религіи, мало интересовался ею,—раскольникъ же только и думалъ о религіи; на ней сосредоточился весь интересъ его духовной жизни; въ старинной Руси обрядъ былъ мертвою формою, и исполнялся плохо, — раскольникъ искалъ въ немъ смысла и старался исполнять его сколько возможно свято и точно; въ старинной Руси знаніе грамоты было рѣдкостью,—раскольникъ читалъ и пытался создать себѣ ученіе; въ старинной Руси господствовало отсутствіе мысли и невозмутимое подчиненіе авторитету властвующихъ, — раскольникъ любилъ мыслить, спорить, раскольникъ не успокоилъ себя мыслію, что если приказано сверху такъ-то вѣрить, такъ-то молиться, то стало-быть

такъ и слѣдуетъ; раскольникъ хотѣлъ сдѣлать собственную совѣсть судьею приказанія, раскольникъ пытался самъ все повѣрить, изслѣдовать. Несправедливо осыпать его обвиненіями и глумиться надъ нимъ за то, что онъ, въ своихъ разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ, нерѣдко доходилъ до нелѣпости или обрывался на ребячествѣ; онъ былъ лишенъ всякаго образовательнаго руководства; онъ вступилъ на свой путь съ бременемъ предразсудковъ, которые приросли къ его существу; онъ долженъ былъ самъ расчищать себѣ этотъ путь орудіями, слишкомъ первобытными, встрѣчая трудности и спереди и съ боковъ; ничто ему извнѣ не помогало, напротивъ, все ему препятствовало, все старалось попятить его назадъ. Какіе бы признаки заблужденія ни представлялись въ расколѣ, все-таки онъ соединялся съ побужденіями вырваться изъ мрака, умственной неподвижности, со стремленіемъ русскаго народа къ самообразованію.

Но совершенно справедлива другая, также господствующая у насъ мысль, что расколъ поддерживается и прежде поддерживался отсутствіемъ народнаго образованія, и что просвѣщеніе есть единственное средство къ его искорененію. Въ то время, какъ лишенный всякаго внѣшняго руководства, погруженный въ глубокій мракъ, народъ сталъ въ формѣ раскола искать расширенія кругозора своихъ представленій и умственной дѣятельности, для высшихъ классовъ началось образованіе иное, европейское, научное, разностороннее. Между нимъ и тѣмъ своеобразнымъ народнымъ образованіемъ, которое создавалось чрезъ расколъ, была цѣлая пропасть. Низшая образованность никогда и нигдѣ не можетъ выдержать столкновенія съ высшею; признаки первой должны неизбѣжно исчезнуть, какъ ненужные, точно такъ, какъ свѣча, въ малой степени освѣщавшая большой покой и все-таки нѣсколько разгонявшая мракъ ночи, дѣлается ненужной, когда въ окно этого покоя засвѣтитъ солнце. Расколъ преслѣдовали юридическими и полицейскими мѣрами, но не думали замѣнить его для народа правильнымъ образованіемъ: такое преслѣдованіе было, въ сущности, покровительствомъ невѣжеству и мраку: расколъ въ борьбѣ съ нимъ выигрывалъ нравственно; онъ стоялъ хоть за какую-нибудь, хотя очень слабую и блѣдную, образованность, тогда какъ его искорененіе могло только приводить къ полному уровню всеобщаго невѣжества. Но при столкновеніи съ наукою расколъ тотчасъ оказывается несостоятельнымъ: все, что онъ доставлялъ народу по отношенію къ умственному развитію, явится черезъчуръ слабымъ, одностороннимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что, для той же цѣли, можетъ дать правильное образованіе, и все, на чемъ расколъ держится,

какъ несогласіе съ господствующею православною церковью, все это, съ усвоеніемъ бóльшей широты и вѣрности взгляда, покажется самимъ раскольникамъ до того лживымъ, мелочнымъ и безразличнымъ, что они сами, безъ всякихъ особыхъ средствъ къ ихъ обращенію, откажутся отъ своихъ толковъ.

При такомъ взглядѣ на расколъ, какъ на своеобразный, хотя несовершенный и неправильный óрганъ народнаго самообразованія, его внутренняя жизнь составляетъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ исторіи. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ изучать раскольничью литературу, заключающую матеріалы для этого предмета. Она очень обширна и, несмотря на то, что вращается около религіозныхъ вопросовъ, она представляетъ достаточно разнообразія, начиная отъ ребяческихъ повѣстей о богомерзской табакѣ, о происхожденіи картофеля и т. п., и кончая трактатами о значеніи брака и о моленіи за власти. Въ числѣ раскольничьихъ писателей конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка—періода очень богатаго литературною дѣятельностью сектантовъ, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ Павелъ Онуфріевичъ Любопытный, бывшій сперва въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, пастыремъ или начетчикомъ поморской секты, терпѣвшій гоненія за свою ревность къ расколу въ царствованіе имп. Николая, и окончившій жизнь въ изгнаніи, въ глубокой старости. До сихъ поръ онъ извѣстенъ по каталогу раскольничьихъ сочиненій, напечатанному въ I-й книжкѣ Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей 1863-го г. Это полнѣйшая, изъ извѣстныхъ намъ, перечень произведеній раскольничьей литературы съ краткими извѣстіями объ ихъ авторахъ, но далеко необнимающая всю обширную письменность раскольничьяго міра. Въ своемъ предисловіи къ этому сочиненію онъ привелъ мотивы, побуждавшіе его къ составленію его,—«дабы вразумить невѣждъ и обуздать шумную ихъ буйность, кричащую, что старообрядцы есть сущіе невѣжды, что они о своей вѣрѣ и ея обрядахъ не имѣютъ никакого понятія, не знаютъ никакихъ наукъ, словесности и чужды образованія ума и сердца; чтобъ они, бѣдные, въ сихъ ложныхъ мнѣніяхъ опомнились, и знали, что старовѣрческая церковь, отъ разсыпанія руки людей освященныхъ въ Россіи съ 1666-го года, знаетъ совершенно предковъ своихъ православную вѣру, вѣруетъ по образу святыхъ апостолъ и по духу Христовой церкви во всемъ безъ изъятія. И въ ней по количеству ея, хотя мало, впрочемъ, судя по обстоятельствамъ грубаго невѣжества и свирѣпаго тиранизма, было довольно просвѣщенныхъ мужей и словесной письменности». Въ числѣ писателей авторъ каталога помѣстилъ и самого себя, и

при этомъ не стѣсняется расхваливать свою собственную личность, какъ только могъ сдѣлать мужикъ, который кое-чему научился, кое-что перенялъ изъ признаковъ образованности, но не усвоилъ пріемовъ хорошаго воспитанія и избаловался поклоненіемъ его дарованіямъ, уму и перу, воздаваемымъ въ той средѣ, гдѣ онъ вращался. Онъ перечислилъ девяносто-семь собственныхъ сочиненій, каждому изъ нихъ придавши какой-нибудь похвальный эпитетъ. Значительная часть того, что вышло изъ-подъ его пера, относится къ вопросу о бракѣ въ поморской сектѣ и написано противъ ученія о невозможности быть браку въ истинной церкви, противъ такъ-называемыхъ бракоборцевъ. Но кромѣ поименованныхъ въ его каталогѣ сочиненій, въ наши руки попалось самое важное сочиненіе этого писателя подъ названіемъ: «Хронологическое ядро старовѣрческой церкви, объясняющее отличныя ея дѣянія съ 1650 по 1814 годъ». Это исторія старовѣрства, сколько намъ извѣстно, единственная по объему въ раскольничьей литературѣ. Рукопись, бывшая у насъ въ рукахъ—автографъ автора [1]). Онъ изложилъ событія по годамъ, и поэтому она имѣетъ видъ лѣтописи; въ своей хронологіи онъ нерѣдко, говоря о временахъ отъ него отдаленныхъ, впадаетъ въ невѣрности. По раздробленіи раскола, историкъ слѣдитъ преимущественно за дѣлами поморской секты, къ которой самъ принадлежалъ, а о событіяхъ, касающихся другихъ сектъ и толковъ, говоритъ короче. Онъ приводитъ нерѣдко указы и распоряженія правительства относительно раскольниковъ, повѣствуетъ о гоненіяхъ, которыя претерпѣвали раскольники, упоминаетъ о разныхъ дѣятеляхъ раскола, особенно о писателяхъ, обыкновенно подъ годомъ ихъ кончины, и перечисляетъ ихъ творенія, даетъ краткіе отзывы о достоинствахъ и недостаткахъ этихъ дѣятелей, выражаясь похвальными или бранными прилагательными, указываетъ на вопросы, занимавшіе въ данное время раскольничье общество, описываетъ споры, бывшіе между раскольниками, иногда вскользь касается и предметовъ, мало имѣющихъ прямую связь съ расколомъ. Любопытный, въ своей исторіи, не отличается ни подробностями изложенія, ни полнотою, ни безпристрастіемъ, за то щеголяетъ риторикою. Время отъ Екатерины до конца описано гораздо подробнѣе; но здѣсь на первомъ планѣ стоятъ раскольничьи споры, въ которыхъ участвовалъ и самъ авторъ, съ эпохи Павла Петровича, и здѣсь-то исторія Любопытнаго представляетъ довольно бога-

[1]) За сообщеніе этой рукописи приношу благодарность книгопродавцу, почтенному Д. Е. Кожанчикову.

тый матеріалъ фактовъ. Для насъ, въ настоящую минуту сочиненіе это драгоцѣнно, кромѣ сообщаемыхъ новыхъ фактовъ о временахъ XVIII-го и XIX-го вѣка, болѣе всего какъ образчикъ той своеобразной образованности, до которой могъ дойти русскій простолюдинъ, предоставленный собственнымъ силамъ, поставленный въ разрѣзъ и съ тѣмъ, что выше, и съ тѣмъ, что ниже его по развитію.

Говоря о началѣ раскола, поморскій историкъ приводитъ подробно преніе Арсенія Суханова съ греческими патріархами. Арсеній, какъ извѣстно, былъ посылаемъ патріархомъ московскимъ Никономъ на Востокъ, для знакомства съ тамошними «православными обрядами». По возвращеніи въ отечество, онъ написалъ свое странствіе подъ именемъ «Проскинатарій». Но кромѣ этого сочиненія (въ настоящее время печатаемаго въ «Православномъ Собесѣдникѣ»), Арсенію приписывали раскольники преніе съ греческимъ духовенствомъ, на которомъ онъ, будто бы, обличалъ неправоту тѣхъ особенностей восточной церкви, которыя впослѣдствіи были введены Никономъ въ русской церкви. Это преніе вообще рѣдкость. Греческіе патріархи представляются какими-то крайними простаками, даже глупцами; они становятся въ-тупикъ и смѣшное положеніе предъ смѣлыми доводами русскаго монаха. «Мнѣ, будучи россіянину—говоритъ имѣ Арсеній — неприлично одно и тоже слово десять разъ повторять какъ дитѣ». Главный предметъ состязанія — перстосложеніе. Греки не въ состояніи побѣдить Арсенія; они объявляютъ, что такъ какъ русскіе приняли вѣру отъ грековъ, то и должны во всемъ сообразоваться съ греками. «Чѣмъ вы святѣе и превосходнѣе во вселенной? — говорилъ имъ Арсеній—развѣ Творецъ міра и евангелія у насъ не одинъ?»—Это преніе—чистый вымыселъ, и не имѣетъ никакого фактическаго основанія.

Павелъ Любопытный, излагая далѣе исторію оппозиціи противъ Никона и его реформы, приводитъ также разныя небывалыя событія, выдуманныя раскольниками, но тѣмъ не менѣе очень важныя по нравственному вліянію, какое они оказывали на поддержку и укрѣпленіе раскола. Въ числѣ ихъ есть одинъ очень крупный вымыселъ. Это старообрядческій соборъ, бывшій будто-бы въ 1664-мъ г. въ Куржецкой обители, на Олонцѣ, на которомъ участвовалъ греческій патріархъ Аѳанасій (тогда уже умершій) и подписалъ протестъ противъ Никоновыхъ «новшествъ», вмѣстѣ съ нѣсколькими русскими архіереями (о которыхъ мы несомнѣнно знаемъ, что они пристали къ реформѣ); то были новгородскій митрополитъ Макарій и вологодскій архіепископъ Маркелъ. Въ опредѣленіи этого собора говорится: «Всѣ злочести-

вые Никона патріарха догматы и его преданія пріемлющихъ и чествующихъ оные утверждаемъ быти присно подъ отлученіемъ отъ Христа и предаемъ ихъ всѣ единодушно анаѳемѣ и всѣмъ клятвамъ, изображеннымъ на святыхъ вселенскихъ соборахъ и девяти помѣстныхъ». Этотъ вымыселъ чрезвычайно важенъ потому, что впослѣдствіи раскольники освящали и узаконяли свои мнѣнія увѣренностію, что въ первыя времена не только находились благоговѣйные русскіе архіереи, возставшіе противъ новшества, но даже и со стороны греческой церкви оказался протестъ въ лицѣ патріарха, которому впослѣдствіи въ Россіи воздавали почитаніе, какъ святому.

Описывая гоненія и касаясь самосожженій, историкъ-поморецъ считаетъ эти ужасныя явленія слѣдствіемъ «тиранства и изувѣрства Никоніанъ» и прославляетъ такіе поступки, какъ подвиги благочестиваго мученичества. Первое самосожженіе онъ указываетъ въ нижегородской странѣ въ курдемскомъ станѣ, куда убѣжали съ разныхъ сторонъ преслѣдуемые противники господствующей церкви. «Никоніане — говоритъ онъ — принуждали ихъ къ чтимости никоновыхъ догматовъ и налагали на нихъ тяжелыя оковы; тогда многіе христолюбцы, оставя вся благая, втайнѣ убѣгаютъ въ овины и другія подобныя мѣста, разнаго пола и возраста, и тамъ вожделѣнно жертвуются Христу огнесожженіемъ сами и возносятся ихъ святыя души въ чертоги небесные». За этимъ первымъ сожженіемъ слѣдуетъ рядъ другихъ; историкъ, однако, не привелъ всѣ намъ извѣстные случаи, и даже не описываетъ самаго крупнаго изъ нихъ—въ Палеостровскомъ монастырѣ; объ немъ онъ, какъ видно, по русской пословицѣ, слышалъ звонъ, не зная въ какой церкви звонятъ, потому что указалъ въ этомъ монастырѣ смерть протопопа Аввакума, будто бы добровольно предавшагося сожженію, тогда какъ этотъ расколоучитель былъ сожженъ по повелѣнію правительства въ Пустозерскѣ [1]).

О громкомъ и несчастномъ диспутѣ Никиты Пустосвята историкъ-поморецъ говоритъ безъ большого уваженія къ этой

---

[1]) Любопытный приводитъ слѣдующіе случаи самосожженія въ Сибири: въ Березовскѣ въ 1677-мъ г. 2700 ч., въ Утяцкой слободѣ 400 ч., на рѣкѣ Пышмѣ 160 ч.; въ 1699-мъ на Тѣгинкѣ 300, и въ Пермской области 500 ч. Потомъ—у него прерываются случаи самосожженія до временъ императрицы Анны: тогда въ окрестностяхъ Каргополя сожглось 240 ч. Чрезъ нѣсколько лѣтъ въ томъ же краѣ погибло еще 400 ч., въ Олонецкомъ уѣздѣ сгорѣло до 3000 ч., въ нижегородскихъ предѣлахъ 600 ч. На рѣкѣ Умбѣ съ 38-ю ч. сгорѣлъ Филиппъ, основатель толка филиппоновъ, не желая, по требованію правительства, молиться за царей. Тогда раскольникамъ приходилось плохо отъ назначенной спеціально противъ нихъ коммиссіи: спасаясь отъ ея гоненій, погибло въ огнѣ 6000 ч. И сама Выгорѣція чуть-было не сожглась.

личности; онъ хотя и похваляетъ его за любовь къ вѣрѣ, но находитъ въ немъ тупость. «Коварная утонченность и острый оборотъ никоніанства, господствующая его сила и преклонность къ нему царюющихъ Никитину тупость воображенія и скудное представленіе доказательствъ въ нѣкоторыхъ церковныхъ истинахъ ослабили и учинили мятущимся въ бодрствованіи возъотвѣтствія». За то съ большимъ участіемъ отзывается онъ о последнемъ стрѣлецкомъ бунтѣ. «Тлѣющаяся давно искра благочестія въ стрѣлецкихъ сердцахъ, нѣкогда потушенная страстями ихъ, паки нынѣ вспыхнула, вышла изъ-подъ ига никоніанскаго и рѣшилась, не взирая ни на какія козни его, учиниться въ первобытномъ состояніи или души свои за нее положить. Стрѣльцы геройски слово свое соблюли во всемъ чисто; ихъ сотни тиранская рука никоніанъ поразила».

Судя по тому, что раскольниковъ привыкли считать вообще врагами заморскаго просвѣщенія, можно было бы ожидать, что поморскій историкъ, говоря о Петрѣ, выскажетъ ярое негодованіе противъ иноземныхъ наукъ. Нимало. Онъ сочувствуетъ наукѣ, онъ воздаетъ хвалу императору за академію наукъ; но онъ негодуетъ за насильственное бритье бородъ, за навязываніе русскимъ иноземныхъ одеждъ, за презрѣніе къ русской народности. «Россія, услыша сей ужаснѣйшій орканъ, поражающій каждаго Росса, вся восколебалась и оцѣпенѣла, будучи обезображается вѣра, самъ человѣкъ и хула происходитъ на сотворившаго насъ Бога совершенными. Все русское человѣчество наполнило своимъ стономъ весь прозрачный воздухъ, обливалось слезами, осыпало сей адскій предметъ проклятіями. Но благочестивые, не взирая на сіи жестокія угнетенія, воздѣвали священныя руки свои къ небесамъ, просили въ горестномъ рыданіи владѣющаго ими Бога, дабы Онъ по неизреченному своему милосердію ихъ отъ толь звѣрскаго фанатизма защитилъ и отмстилъ бы по своему праведному суду». Въ другомъ мѣстѣ, говоря о послѣдовавшемъ запрещеніи торговать русскимъ платьемъ, историкъ восклицаетъ: «У философа этотъ фанатизмъ не будетъ ли варварствомъ и безчеловѣчіемъ». Коснувшись указа о наложеніи на раскольниковъ двойной подати, раскольникъ опять призываетъ философію на подмогу раскольничьимъ возрѣніямъ и разражается такою филиппикою: «Философія можетъ созерцать въ своемъ предметѣ буйство царей, сколько они до лѣтъ премудрой Екатерины истребили въ Россіи рода человѣческаго, сколько сотъ тысячъ разогнали своими варварскими законами въ иноплеменные языки своихъ подданныхъ! Все это видитъ мудрый! о цари, цари! Грубѣйшіе!» Любопытный особенную не-

навистъ питаетъ къ архимандриту, а потомъ епископу Питириму, которому Петръ повѣрялъ дѣло обращенія раскольниковъ въ нижегородскомъ краѣ. Неудивительно, когда и по другимъ, нераскольничьимъ, источникамъ это былъ человѣкъ вовсе неспособный возбудить уваженіе и сочувствіе даже въ ревнителѣ православія, честномъ человѣкѣ. Показывая видъ, что онъ дѣйствуетъ на раскольниковъ (бывшихъ нѣкогда своихъ единовѣрцевъ) путемъ кротости и убѣжденія, Питиримъ тайно возбуждалъ правительство къ жестокимъ мѣрамъ и просилъ, чтобы, преслѣдуя раскольниковъ, не допустили ихъ догадаться, что и онъ къ этому причастенъ. Съ такою же ненавистью Любопытный отзывается о коммиссіи, бывшей при Елисаветѣ и свирѣпствовавшей въ сѣверныхъ предѣлахъ. Тогда причисляли къ расколу всякаго, кто крестился двумя перстами. Оказалось, что Ладога, Каргополь, Олонецъ и вообще все Поморье употребляли двухперстное перстосложеніе. Въ 51-мъ приходѣ нашли 52,000 раскольниковъ. Что эта коммиссія поступала жестоко и круто, показываютъ происходившія тогда самосожженія раскольниковъ. Но правительство побуждаемо было къ такимъ крутымъ мѣрамъ чрезвычайнымъ распространеніемъ раскола. Самъ раскольничій историкъ не отрицаетъ этого. Въ Петербургѣ, гдѣ прежде было какихъ-нибудь двѣнадцать человѣкъ, стало, по словамъ его, до двѣнадцати тысячъ старовѣровъ. Выгорѣцкіе отцы стали ѣздить по Россіи и вездѣ посѣвали расколъ, научая православныхъ не ходить въ церковь. Законъ преслѣдовалъ собственно «учителей благочестія и обличителей никоніанскаго зловѣрія», какъ величаетъ ихъ раскольничій историкъ, или распространителей заблужденій, какъ ихъ называла православная сторона; но такое преслѣдованіе дѣйствительно принимало широкій размѣръ и постигало гораздо большее число лицъ, чѣмъ сколько можно полагать съ перваго взгляда. Во-первыхъ—такихъ учителей стало очень много и число ихъ безпрестанно возрастало; во-вторыхъ — преслѣдователи, часто, для разныхъ цѣлей, не имѣли, иногда же и не хотѣли отличить, кто изъ раскольниковъ учитель и распространитель раскола, а кто просто—такъ себѣ—раскольникъ.

Жалуясь на преслѣдованія со стороны правительства, которыя не прекращались до самаго Петра III, историкъ нашъ, однако, вооружается противъ филиппоновъ и ѳедосѣевцевъ, которые, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ несогласій съ поморцами, отвергали моленіе за царей. Поморцы всегда держались того правила, что какъ бы ни страдала церковь отъ невѣрнаго правительства, но она всегда должна слѣдовать повелѣнію апостола Павла — молиться за всякую власть. Сообразно этому и П. Любопытный, если

и дозволяетъ себѣ въ своей исторіи горькія выраженія противъ царской власти, то все-таки рѣдко, а тамъ, гдѣ цари не мѣшали расколу, всегда относится къ ихъ особѣ съ большимъ уваженіемъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что Елисавета преслѣдовала его единовѣрцевъ, онъ съ сочувствіемъ упоминаетъ объ основаніи ею московскаго университета, какъ одной изъ мѣръ къ народному просвѣщенію, и хвалитъ государыню за то, что она, «усмотря въ церквахъ нюхающихъ проклятый табакъ вельможъ и прочихъ званій людей и мерзкое отъ того безобразіе, запрещаетъ нюханіе табака въ церкви».

Привязанный исключительно къ поморской сектѣ, Любопытный относится съ нелюбовью, а иногда съ презрѣніемъ къ другимъ сектамъ, видя въ нихъ плодъ невѣжества. Поморскій историкъ не доучился и не додумался до того, чтобъ вездѣ находить причины и связь явленій, хотя изъ его же лѣтописи достаточно видно, что раздробленіе раскола было явленіемъ вполнѣ законнымъ и неизбѣжнымъ, оно возникло и развивалось послѣ того, какъ расколъ совершенно выпалъ изъ рукъ духовныхъ, перешелъ въ народъ и началъ дѣлаться образовательнымъ элементомъ для простолюдина. Только за своими поморцами Любопытный признаетъ религіозную правду, да и то подчасъ хваля, а подчасъ и побранивая своихъ же учителей, смотря по тому—говорили ли они согласно или несогласно съ его собственными взглядами; все другое на Руси, хотя и раскольничье, въ его глазахъ мало чѣмъ лучше «суевѣрнаго, грубаго и невѣжественнаго никоніанизма». Болѣе всѣхъ и прежде всѣхъ достается поповщинѣ. Вотъ какъ онъ выражается объ этой половинѣ раскола:

«Суевѣріе и грубое невѣжество старовѣровъ, воображающихъ въ умахъ своихъ полноту церковныхъ таинъ за необходимый предметъ спасенія, убѣдили ихъ открыто уклониться отъ многихъ священныхъ истинъ, презрѣть голосъ блаженныхъ своихъ предковъ и признавать въ никоніанизмѣ во всѣхъ его церковныхъ тайнахъ бытіе св. Духа. Церковь Христова (то-есть поморская секта) по многократномъ ихъ врачеваніи, довольномъ терпѣніи къ обращенію и по частомъ отъ нихъ огорченіи, рѣшилась соборнѣ, по правиламъ святыхъ отецъ и здравомъ разумѣ, отринуть ихъ изъ своего нѣдра и предать сатанѣ, дондеже вразумятся, не имѣть съ ними никакого духовнаго сообщенія и производимыя ими тайны вѣровать внѣ благодати и несвященными».

Но религіозный раздоръ господствовалъ въ безпоповщинѣ. Поморцы и ѳедосѣевцы образовали уже двѣ главныя ея вѣтви.

Поморцы не считали у себя никого основателемъ, хотя братья Денисовы могутъ по справедливости назваться ихъ устроителями. Ѳедосѣевщина была расколомъ отъ поморства или просто безпоповщины. Основателемъ этого толка былъ Ѳеодосій, крестецкаго яма дьячокъ, перешедшій изъ православія къ расколу. Убѣгая отъ преслѣдованій, онъ переселился въ Польшу, потомъ возвратился въ Россію и, послѣ многихъ странствій, умеръ въ новгородской тюрьмѣ въ 1711 г. Любопытный повѣствуетъ, что онъ былъ убитъ запоромъ отъ дверей своей тюрьмы. Ѳеодосій составилъ девять тезисовъ отличнаго ученія и показалъ своимъ послѣдователямъ примѣръ и путь прибавлять еще новые, сообразно своимъ мудрованіямъ. Тезисы Ѳеодосія относились къ обрядамъ и внѣшнимъ знакамъ; онъ хотѣлъ, чтобъ на крестѣ писалось *Исусъ Назорей царь іудейскій*—такъ-называемое пилатово титло, запрещалъ служеніе всенощныхъ, не признавалъ существованія монашескаго образа, потому что за упраздненіемъ священства некому было посвящать, предписывалъ настоятелю или учителю читать надъ исповѣдывающимся и надъ умершимъ разрѣшительную молитву, дозволялъ молиться въ одномъ покоѣ съ внѣшними, то-есть не старовѣрами, требовалъ, чтобы на праздникъ Пасхи на возгласъ: «Христосъ воскресе», отвѣчая—«во истину воскресе», поднимали вверхъ руки, и упразднялъ земные поклоны во всѣ посты, кромѣ великаго. Объ этихъ вопросахъ былъ большой споръ у Ѳеодосія съ Андреемъ Денисовымъ, и споръ этотъ кончился тѣмъ, что Ѳеодосій, разсердившись, «отрясъ свою одежду, обувь и главу, и сказалъ: съ сего времени не имѣть мнѣ съ Выгорѣціею ни здѣсь въ мірѣ, ни въ будущемъ вѣкѣ, ни части, ни жребія!»

Это заклятіе сдѣлалось пророческимъ. Съ тѣхъ поръ раздоръ постоянно господствовалъ между этими вѣтвями безпоповщины. Недоумѣнія увеличивались, усложнялись. Кромѣ разныхъ мелочей, предметами спора было и болѣе существенное. Такимъ былъ вопросъ о бракѣ, самый, можно сказать, важнѣйшій вопросъ, надъ которымъ изощрялась раскольничья мудрость болѣе всего до послѣдняго времени. Сначала, какъ Ѳеодосій, такъ и Выгорѣцкіе отцы, равнымъ образомъ учили, что бракъ, совершенный въ православной или, по ихъ выраженію, никоніанской церкви, недѣйствителенъ и переходящихъ изъ никоніанства въ старовѣрство, состоящихъ въ бракѣ, слѣдуетъ разводить на чистое житіе. Такъ какъ бракъ есть таинство, а таинствъ, которыя, по законоположенію древней церкви, могли совершать одни священники—разсуждали они—за упраздненіемъ священства, совершать некому, то слѣдовательно и брака быть не мо-

жетъ. Но потомъ Ѳеодосій сталъ думать иначе и допускалъ возможность брака. Его послѣдователи, напротивъ, стали горячо за безбрачіе. Роли, такъ сказать, перемѣнились. Между поморцами образовалось ученіе, допускавшее бракъ. Самъ Андрей Денисовъ, сперва отрицавшій возможность брака, убѣдился, что безбрачіе ведетъ къ разврату и сталъ допускать бракъ въ старовѣрствѣ. Любопытный, въ свое время горячій защитникъ брака, по этому поводу впадаетъ въ простодушное противорѣчіе себѣ самому: въ одномъ мѣстѣ называетъ Денисова столпомъ церкви, въ другомъ обвиняетъ его въ слабости ума.

Къ вопросу о бракѣ присоединялся еще другой, также существенный вопросъ—о моленіи за царей. Ѳедосѣевцы не хотѣли молиться за нихъ, какъ за невѣрныхъ. Съ ними раздѣляли это же правило, но еще съ большимъ фанатизмомъ, филиппоны, выдѣлившіеся изъ ѳедосѣевщины по причинѣ несогласія въ мелочахъ. Расколъ, расширяясь, распространилъ въ простолюдинахъ охоту къ чтенію и размышленію: отсюда истекало, что люди, болѣе другихъ мыслившіе, люди способные, признаваемые по своей учености пастырями и учителями, додумывались до разныхъ вопросовъ, писали объ нихъ, предлагали на разрѣшеніе, бросали, такимъ образомъ, новый матеріалъ для толковъ и сужденій и увеличивали недоразумѣнія и несогласія. Всякая попытка къ примиренію и соглашенію приводила къ большему раздѣленію. Такъ, въ 1748-мъ году, нѣкто астраханецъ Иванъ Ивановичъ написалъ ко всѣмъ старовѣрамъ разныхъ толковъ посланіе, убѣждалъ хранить миръ и согласіе и бросилъ имъ на обсужденіе еще новыхъ двѣнадцать вопросовъ; изъ нихъ одни касались чисто внѣшности, напр., можно ли ѣдучи по дорогамъ молиться иконамъ «мірскимъ», или нужно брать свои съ собою, можно ли париться въ банѣ съ внѣшними и т. п. Но другіе предлагали разные случаи, касающіеся брака, напр. при совершеніи брака чтó слѣдуетъ брать за основаніе: согласіе родителей или самихъ новобрачныхъ; или, какъ поступать въ случаѣ браковъ, возникающихъ между поморцами и послѣдователями другихъ толковъ. По замѣчанію Любопытнаго, эти «вопросы произвели немалый соблазнъ, потому что рѣшить ихъ никакъ не съумѣли». Между поморцами и ѳедосѣевцами, начались такъ-называемые соборы; съ той и съ другой стороны сходились учители; съ поморской стороны отличались тогда: Михаилъ Григорьевичъ и саратовскій учитель Иванъ Ѳедоровичъ Ершъ, очень плодовитый писатель своего времени; съ ѳедосѣевской, сынъ основателя согласія — Евстратъ Ѳедосѣевичъ, жившій въ Старой Русѣ, гдѣ образовался въ то время главный притонъ этой секты, впослѣд-

ствіи уступившій первенство московскому. Кромѣ него, славились тогда ѳедосѣевскіе писатели и мудрецы — Иванъ Трофимовичъ и Илья Ивановичъ: послѣдній былъ пастыремъ московскихъ ѳедосѣевцевъ. О пріемахъ, употреблявшихся въ то время при этихъ спорахъ, можно отчасти судить по разсказу Любопытнаго о томъ, какъ поступилъ глава ѳедосѣевцевъ, Евстратъ Ѳедосѣевичъ, когда къ нему въ Старую Русу пріѣхали поморцы состязаться о пилатовой титлѣ. Онъ наложилъ на своихъ старухъ шестинедѣльный постъ и молитвы, чтобы получить откровеніе свыше; пріемъ этотъ употреблялся въ древности не разъ; подобный постъ съ молитвами наложенъ былъ и въ «смутное время», чтобъ получить свыше указаніе, какъ спасти погибающее отечество. «Изувѣрство и ложь ѳедосіянъ — говоритъ Любопытный — открываютъ посредствомъ сихъ пустосвятокъ на воздухѣ химерическій въ звѣздахъ крестъ, изображающій на немъ титлу Пилата и вопіющій отъ него гласъ: подвижницы! пилатова титла пріята на крестѣ! Сія басня глупыхъ старухъ поразила ѳедосіянцевъ всѣ умы: она всѣхъ встревожила и разрушила священнѣйшій миръ между всѣмъ христіанствомъ». Въ это время явился съ своими литературными произведеніями стародубскій поморецъ Иванъ Алексѣевичъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей старовѣрства. Съ одной стороны онъ обличалъ поповщину въ своей извѣстной книгѣ: «О бѣгствующемъ священствѣ», съ другой, защищалъ бракъ противъ враговъ его въ безпоповщинѣ. Онъ, такъ сказать, регулировалъ ученіе о возможности брака, развивши мысль, что бракъ есть учрежденіе общечеловѣческое, общественное, а не исключительно церковное таинство.

Со вступленіемъ Петра III-го, а въ особенности Екатерины II-ой, въ исторіи раскола начался новый періодъ—періодъ свободы. Доведя свою исторію до этого времени, авторъ представляетъ картину раскольничьяго быта въ законченный періодъ гоненія и утѣсненія. Это одно изъ любопытнѣйшихъ мѣстъ въ его сочиненіи, и мы считаемъ не лишнимъ привести его нашимъ читателямъ.

«Церковь Христова, находясь въ лютомъ гоненіи, имѣла образъ своего бытія въ своихъ положеніяхъ слѣдующій:

«1) Богослуженіе.

«Оное отъ нея всегда отправлялось вездѣ, кромѣ Выгорѣціи и Польши, въ праздничные дни, по псалтыри и часослову, тихо и благоговѣйно по домамъ въ ночное время и тайно съ тонкимъ ѳиміамомъ и немалымъ страхомъ, при опредѣленномъ у вратъ дома стражѣ, въ случаѣ появленія надзорныхъ фискаловъ. Церковь

увѣдомлялась отъ него чрезъ извѣстный знакъ о своей отъ враговъ оныхъ опасности. По окончаніи же того богослуженія также въ ночное время всѣ расходились осторожно въ свои домы по одиначкѣ. Служебныя же всѣ книги и отличные святые образа и прочее къ сему предмету относящееся поспѣшно убираемы были въ двойныя стѣны своего дома.

«2) Пастыри или настоятели.

«Они, храня чистоту вѣры, всѣ были до настоящаго времени (т.-е. до 1762-го г.) незаписные въ двойной окладъ казны—мужи все странніе, простодушіемъ и добродѣтелію украшенные. Они, любя и созидая Христову церковь, безпрестанно скитались съ великою осторожностью и страхомъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, пріѣзжая къ паствѣ своей въ ихъ домы и отбывая изъ нихъ въ ночное время, проживая у нихъ въ тайныхъ мѣстахъ, дабы не могли узнать ихъ внѣшніе—никоніане. Они, во время своего бытія у паствы, совершали всѣ случающіяся нужныя въ церкви тайны и потребы.

«3) Похороны.

«Они тогда отправлялись въ христіанствѣ разнообразно: 1) въ бытность настоятеля весьма рѣдко—отпѣвались (умершіе) чиномъ потребника, и болѣе прочитывалось надъ умершими, по обстоятельствамъ, по нѣскольку давыдовыхъ псалмовъ, поминая въ нихъ при каждой славѣ имя усопшаго раба Божія. Все сіе происходило въ ночное время съ великою осторожностію и страхомъ. По учиненіи прощенія родственниковъ съ умершимъ, его отправляли въ тужъ ночную темноту или на животномъ, или относили избранные люди на плечахъ въ постыдное и гнусное мѣсто на кладбище [1]) гдѣ просто, безъ священнословія, предавали со слезами его землѣ. 2) Если же когда случались умершіе въ отсутствіе настоятеля, то домашніе или существующіе тамъ христіане, положа началъ поклоновъ и славословія, учиняли всѣ вкупѣ по сту и болѣе поклоновъ въ поясъ, поминая при этомъ имя усопшаго раба Божія, и по прощеніи всѣхъ съ покойникомъ въ ночное время предавали его землѣ въ опредѣленномъ мѣстѣ благочестивомъ, либо гдѣ сокровенномъ, съ однимъ началомъ и малою молитвою. Когда же настоятель по случаю прибывалъ на мѣсто усопшаго, то отпѣвалъ оный въ страхѣ покойника. 3) Если же похороны бывали производимы по указамъ высшаго начальства, во время дня и на опредѣленномъ отъ правительства мѣстѣ, то,

---

[1]) Непонятно, отчего съ участіемъ настоятеля хоронили умершаго «въ постыдномъ и гнусномъ мѣстѣ на кладбищѣ», а въ отсутствіи его «въ опредѣленномъ мѣстѣ благочестивомъ, либо сокровенномъ».

но исправленіи вышеозначеннаго обряда надъ умершимъ, везли его въ кладбище на гнусной сброѣ и животномъ, съ сидящимъ на гробѣ трубочистомъ, съ имѣющимся у него въ рукахъ помеломъ или шваброю: безобразясь, изрыгалъ скверный мірскія хулы на святую нашу церковь и покойника. Сіи варварскіе поступки продолжались надъ Христовою церковью въ столицахъ и губерніяхъ до 1762-го г., до открытія полной свободы благочестивымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ позже.

«4) Состояніе бѣдныхъ христіанъ.

«Всѣ таковые горестные христіане, не имѣющіе силы вносить въ казну наложенный отъ изувѣрства тиранскій акцизъ за бороду и нѣмецкое платье, въ слезахъ и съ проклятіемъ виновниковъ сей мерзости, по примѣру нечестивыхъ никоніанъ, брились, ходили въ нѣмецкомъ по указу платьѣ и въ никоніанскую церковь ко всякой службѣ, общаясь тамъ ихъ таинствамъ, по обычаю никоніанъ. Впрочемъ, замѣтьте твердость ихъ благочестія, что они все то дѣлали, отправивши у себя въ часовнѣ всѣ богослуженія, стоя при оныхъ въ сокрушеніи сердечномъ, назади христіанъ за преградою. При смерти же своей всѣ таковые падшіе христіане въ слезахъ и рыданіяхъ предъ пастыремъ или какимъ-нибудь христіаниномъ раскаявались во всѣхъ своихъ злыхъ дѣяніяхъ, а паче въ отступленіи отъ вѣры. Церковь же Христова, взирая на тиранскія обстоятельства никоніанизма, таковыхъ истинныхъ раскаянниковъ въ составъ свой принимала любовно, ихъ тѣла, яко лишенныя всякой скверны міра, достойно христіански отпѣвала и послѣ того доставляла ихъ никоніанскимъ жрецамъ, кои весь свой обрядъ погребенія производили и предавали ихъ землѣ въ своихъ кладбищахъ.

«5) Моленіе познавшихъ никоніанъ православіе.

«Они всегда ходили съ великою осторожностію ко всякому богослуженію, стояли въ сокрушеніи сердца въ молитвенныхъ домахъ за устроенною имъ преградою взади христіанъ, молясь тамъ по гласу, производимому въ церкви: просвѣщали свой умъ и душу. Нынѣ оныя простыя преграды давно уже существуютъ въ церкви въ благовидномъ образѣ.

«6) Общій обычай христіанъ.

«Они, всегда твердо соблюдая благочестіе: 1) во всѣхъ случаяхъ мерзили всѣ никоніанцевъ тайны; 2) отнюдь не сообщались въ яденіи и питіи, а паче въ духовныхъ дѣйствіяхъ какъ съ никоніанами, такъ и съ поповщиною или старообрядцами; 3) входомъ въ ихъ церкви весьма гнушались; 4) въ случаѣ прохода своего мимо открытыхъ часовень всѣ уклонялись; 5) поморцы при богослуженіи своемъ всегда находились въ скромномъ покроѣ и цвѣтѣ

платья, а ѳедосіянцы въ бѣлыхъ балахонахъ при уклоненіи разноцвѣтности; 6) въ народномъ кругѣ всѣ носили платье поносное и ругательное по изувѣрству изданныхъ законовъ; 7) все христіанство обращалось съ никоніанцами съ великимъ смиреніемъ и униженностію; 8) шили верхнее платье долгорукавое, дабы въ случаѣ изображенія на себѣ креста не могли замѣтить у нихъ двоперстнаго сложенія, а паче тогда, когда кто проходилъ въ Москвѣ сквозь спасскія ворота въ Кремль и лежащій при нихъ песокъ, взявши щепотью, полагали, перекрестившись ими, три поклона въ поясъ изображенному надъ вратами Спасову образу; 9) приходя въ домы христіанъ, полагали началъ поклоновъ или два въ поясъ, а третій до земли; 10) брачащіеся христіане, взирая на свои преступленія противъ благочестія, смирялись всегда предъ церковью во всѣхъ случаяхъ, а паче церковныхъ отношеній; 11) всѣ благочестивые христіане мѣста въ покояхъ, послѣ сидящихъ никоніанцевъ, обмывали или отирали ихъ мокрымъ веществомъ; 12) постыдные театры служили тогда для нихъ чудовищемъ беззаконія; 13) бѣсовскія и страстныя пѣсни, развратныя потѣхи, расточительная и пустая игра картъ и глупыя передвижки и перестановки шашекъ они все то признавали за самую непотребность злонравія, нарушеніе благочестіе и правилъ св. отецъ; 14) духовные пастыри, взирая на обстоятельства церкви всѣхъ родовъ, всегда предписывали паствѣ своей догматы, обряды и правила назиданія души и сердца; 15) они всѣ строго выполняли христіанскія должности, какъ-то: церковный округъ ежедневно, посты, среду и пятокъ и всю нравственность».

Изъ этого описанія внутренняго быта раскольниковъ легко можно видѣть, что преслѣдованія, не достигая своихъ цѣлей въ пользу господствующей церкви, только порождали въ раскольникахъ хитрость и двуличность: кромѣ записанныхъ въ двойной окладъ, много было тайныхъ, наружно принадлежащихъ православной церкви, а на самомъ дѣлѣ державшихся раскола и для своего спасенія принужденныхъ, на каждомъ шагу, лгать, притворяться, каждаго обманывать, унижаться предъ сильными, а между тѣмъ, вращаясь между православными, они обращали многихъ изъ нихъ въ такихъ же тайныхъ раскольниковъ. Достойно замѣчанія, что, по извѣстію нашего историка, самые передовые раскольники, учители или пастыри — были изъ незаписанныхъ въ двойной окладъ, слѣдовательно изъ тайныхъ раскольниковъ.

Историкъ - поморецъ восхваляетъ императрицу Екатерину. Раскольники не только стали пользоваться такою свободою, какой никогда на Руси не имѣли, но сама государыня спеціально охраняла ихъ отъ церковныхъ властей. Такимъ обра-

зомъ, остановлена была, по извѣстію нашего историка, ревность костромского епископа Дамаскина и нижегородскаго Өеофилакта. Раскольники уже не боялись никакихъ коммиссій, не скрывались съ своею вѣрою и обрядами. По милости государыни, въ Москвѣ и Петербургѣ они себѣ построили главные центры, такъ-называемыя кладбища, которыя, кромѣ того, что были дѣйствительно мѣстомъ погребенія, образовали что-то въ родѣ монастырей или братствъ. Такъ өедосѣевцы въ Москвѣ построили себѣ кладбище Преображенское, поповцы Рогожское, въ Петербургѣ өедосѣевцы основали себѣ кладбище на Волковомъ полѣ, а поморцы на Охтѣ; въ Москвѣ поморцы хотя составляли многочисленную общину, но долго не имѣли своего центра и только въ началѣ царствованія Павла завели покровскую часовню въ Лефортовской части. Вмѣсто того, чтобы прятаться и отправлять богослуженіе ночью, раскольники отправляли его днемъ открыто, и даже въ Петербургѣ носили своихъ мертвецовъ черезъ весь городъ, «а никоніанство — замѣчаетъ нашъ историкъ — по старой злости только скрежетало зубами и хулы изрыгало на небо и на святыхъ». Въ концѣ царствованія Екатерины въ Петербургѣ пастыри поморскіе, подобно православнымъ священникамъ, стали вмѣстѣ съ крылошанами ходить по домамъ и славить Пасху. Впрочемъ, несмотря на такую свободу, раскольники не ранѣе 1782-го г. были совершенно освобождены отъ двойного оклада и только за годъ предъ тѣмъ были допущены къ общественнымъ должностямъ: Любопытный указываетъ на государственнаго человѣка, котораго совѣтамъ считаетъ раскольниковъ обязанными этимъ послѣднимъ благодѣяніемъ; то былъ, по его признанію, Яковъ Евфиміевичъ Сиверсъ, который въ концѣ царствованія Екатерины прославился исполненіемъ своего порученія въ Польшѣ во время гродненскаго сейма. Впрочемъ, хотя раскольникамъ и предоставлена была полная свобода, но за излишнюю ревность холмогорскій пастырь Онуфрій былъ посаженъ въ крѣпость, только содержался такъ некрѣпко, что могъ изъ своего заключенія писать фанатическія посланія къ единовѣрцамъ. Раскольники уже не «смиренно и не униженно» относились къ никоніанамъ, не притворялись предъ ними, а при случаѣ смѣло вступали съ ними въ состязанія и хвалились своими побѣдами надъ ними. Объ одномъ такомъ состязаніи, бывшемъ въ Москвѣ въ домѣ одного купца-раскольника, поморскій историкъ говоритъ такъ: «Отчаянно сражались о имени Искупителя міра, что его произносить правильно и благочестиво Исусъ, а не по заблужденію никоніанскаго изувѣрства: Іисусъ—троегласно. Не разъ та и другая сторона была ослабляема, а паче Никонова, наконецъ, православные

(т.-е. раскольники) яко громомъ своимъ истиннымъ нечестивыхъ поразили, привели ихъ въ замѣшательство, поносъ и уничиженіе, и всѣ враги вѣры разошлись въ крайнемъ позорѣ и посмѣшищѣ». Въ Петербургѣ раскольники — поморцы и ѳедосѣевцы — вели успѣшно пропаганду между православными, благодаря тому, что, при отсутствіи средствъ къ образованію, очень много можно было найти невѣждъ, которыхъ раскольники могли съ перваго раза подавить своею ученостію. Для этой цѣли послужило имъ также и наружное благолѣпіе: ихъ часовни поражали нарядностью и вмѣстѣ стариною, внушавшею уваженіе; богослуженіе отправлялось великолѣпно и чрезвычайно чинно; они завели у себя отличныхъ пѣвцовъ и чтецовъ; все читалось и пѣлось у нихъ съ чувствомъ и выразительностію. Этимъ они, по выраженію историка — «обратили на себя взоры внѣшнихъ (т.-е. православныхъ), ихъ умы, бывшіе въ заблужденіи, просвѣщались и христіане умножали тѣми свои церкви».

Свобода содѣйствовала умственному движенію раскольниковъ. Нашъ историкъ приводитъ названія множества сочиненій, принадлежащихъ этому періоду: несомнѣнно, что тогда въ раскольничьемъ мірѣ шла большая литературная работа. Центрами ея были преимущественно Выгорѣція, Москва, Петербургъ, но также въ другихъ городахъ: Саратовѣ, Воронежѣ, Нижнемъ, Стародубѣ, Архангельскѣ, и пр. появлялись писатели. Вообще, сочиненія ихъ носятъ форму посланій, словъ, произносимыхъ пастырями въ часовняхъ на праздники, разсужденій, описаній, возраженій, касающихся разныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ раскольничьемъ обществѣ, какъ по предметамъ нравственности и благочестивой жизни, такъ и по разнымъ частностямъ обрядовой стороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у раскольниковъ развилась и сильно распространилась страсть къ диспутамъ, какъ съ православными, такъ еще болѣе между собою: то и дѣло, что повсюду происходили соборы или съѣзды и сходки; для этой цѣли охотники съѣзжались издалека; тутъ мудрецы, начетчики и остроумцы щеголяли своею находчивостью, ловкостью, ученостью, краснорѣчіемъ. Между раскольниками входило въ обычай писать стихи, нерѣдко сатирическаго содержанія, которыми они, послѣ своихъ религіозныхъ споровъ, кололи и осмѣивали другъ друга. Такимъ образомъ, въ Москвѣ, послѣ горячихъ споровъ поморцевъ съ ѳедосѣевцами, двое поморскихъ литераторовъ послали, безъ подписи, сатирическое рондо главѣ ѳедосѣевцевъ, Ковылину.

Страсть къ спорамъ, къ возбужденію вопросовъ, къ своеобразнымъ отвѣтамъ на нихъ — неизбѣжно содѣйствовала и дальнѣйшему дробленію раскола. Такимъ образомъ, въ этотъ періодъ

явилась важная секта «странниковъ», выдѣлившаяся изъ ѳедосѣевщины. Ея основателями были ярославскіе ѳедосѣевцы Иванъ и Адріанъ: они начали учить, что въ мірѣ настало время антихриста и царство его; двухглавый орелъ—его печать; гербовая бумага и паспорты—его изобрѣтеніе, а потому не слѣдуетъ брать ихъ, не должно записываться въ метрическія книги, надобно всѣми средствами скрываться отъ начальства, не слѣдуетъ вообще повиноваться предержащей власти и считать Россію отечествомъ. Это противоправительственное ученіе было развито другими писателями, а въ особенности старцемъ Евфиміемъ или Афимомъ, человѣкомъ съ большою начитанностью. Главное основаніе его мнѣній, выраженныхъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, состоитъ въ томъ, что не слѣдуетъ признавать никакого отечества, никакой власти, а должно быть гражданами всего міра. Средоточіе этой секты, впослѣдствіи разросшейся и видоизмѣненной, было въ селѣ Сопѣлкахъ, Ярославскаго уѣзда. Другіе толки, возникавшіе въ это время, не имѣли такого радикальнаго характера и часто касались только обрядовъ или внѣшнихъ знаковъ; напр., въ Архангельскѣ одинъ поморецъ, Игнатій Бѣглецъ, началъ учить, что не слѣдуетъ поклоняться литымъ створкамъ съ изображеніями двунадесятыхъ праздниковъ, и образовалъ среди поморцевъ особый толкъ. Въ главныхъ двухъ вѣтвяхъ безпоповщины—у поморцевъ и ѳедосѣевцевъ возникали разнорѣчія, которыя хотя и волновали умы, но не доводили до совершеннаго разрыва и до образованія отдѣльныхъ сектантскихъ корпорацій. Поморцы сильно несогласны были между собою на счетъ брака. Одни отвергали законность брака, признавая его исключительно таинствомъ, и въ этомъ сходились съ ѳедосѣевцами, своими врагами, по другимъ вопросамъ. Въ Выгорѣціи особенно было много такъ мудрствовавшихъ и опиравшихся на ученіе Андрея Денисова (къ концу, какъ говорятъ, измѣнившаго, однако, свой взглядъ). Другіе принимали бракъ за естественную обще-человѣчную институцію и доказывали что бракъ можетъ существовать и безъ вѣнчанія. Третьи считали дозволительнымъ вѣнчаться во внѣшнихъ (православныхъ) церквахъ, но чрезъ то не думали вступать съ православіемъ въ духовное общеніе: таковы, по извѣстію нашего историка, были алатырскіе поморцы, которые въ Алатырѣ основали свое кладбище или братство. Въ сектѣ ѳедосѣевцевъ было еще болѣе разногласія. Одни, напримѣръ, сближались съ поморскимъ ученіемъ, хотя отчасти: допускали служеніе всенощныхъ, оставляли очистительныя молитвы надъ съѣстными припасами, покупаемыми на рынкахъ, оставляли пилатово титло и принимали надпись «царь славы»; другіе упорно держались этихъ особенностей. Одни не считали грѣхомъ усвоивать вхо-

дившіе тогда въ жизнь разные новые пріемы, и храня свою вѣру, не совсѣмъ чуждались православныхъ; другіе ратовали за фанатическое отчужденіе отъ всего, что несогласно было съ стариною. Московскою ѳедосѣевскою общиною заправлялъ тогда богатый купецъ Ковылинъ; онъ былъ всемогущъ надъ совѣстію большинства своихъ единовѣрцевъ и умѣлъ внушить къ себѣ суевѣрное почтеніе; съ благоговѣніемъ и вѣрою слушали его, когда онъ разсказывалъ, что былъ вознесенъ до третьяго небесе и видѣлъ тамъ отшедшихъ отъ міра сего ѳедосѣевцевъ, украшенныхъ златыми вѣнцами. Но и ему нашлись противники и обличители. Когда на Преображенскомъ кладбищѣ онъ украсилъ часовню образами, писанными рукою лучшихъ художниковъ, ревнители старины кричали, что такимъ образомъ не слѣдуетъ молиться. Проповѣдуя безбрачіе, Ковылинъ жилъ въ свое удовольствіе, имѣлъ любовницъ, ѣздилъ въ каретѣ, пилъ чай и кофе; тогда строгій Андрей Лазаревъ послалъ ему три тетради обличеній, но Ковылинъ отколотилъ его за это такъ, что бѣдный ригористъ пролежалъ три недѣли въ постелѣ. Въ концѣ XVIII-го вѣка, въ московской ѳедосѣевской общинѣ гремѣлъ противъ всего новаго Сергѣй Яковлевъ. Нашъ историкъ приводитъ очень любопытныя наставленія, которыя этотъ пастырь читалъ въ своей часовнѣ ѳедосѣевцамъ: «Не носите длинныхъ волосъ, а стригите подъ гребенку до ушей; ходите вездѣ сгорбившись и вытянувъ шею; шапка должна быть у христіанина большая, съ двумя разрѣзами напереди и назади, означая тѣмъ побѣду враговъ; всякое платье дѣлать въ три клина и по три пуговицы на передку, въ знакъ святыя Троицы; рукавицы нужно имѣть всякому долгія, едва не до локтей, дабы ими вооружаться сильнѣе противъ враговъ вѣры—никоніанъ и еретиковъ; кушакъ подпоясывать ниже брюха затѣмъ, что мы рождены изъ того; носить сапоги тупоносые стариннаго покроя, дабы симъ удобнѣе было побѣждать враговъ и супостатовъ никоніанъ, папистовъ и прочихъ. Каждый, входя въ христіанскій домъ, долженъ полагать началъ семь поклоновъ, кланяться хозяину въ ноги, а хозяинъ долженъ отплачивать приходящему тѣмъ же, говорить тихо и скромно, приговаривая притомъ: прости, Христа ради—согрѣшихъ! Каждый человѣкъ долженъ учить и утверждать одинъ другого, чтобъ строго исполнять правила своихъ наставниковъ, бывшихъ вчера и днесь, преступающихъ же укорять и отлучать отъ церкви. Всѣ гражданскія поведенія и благопристойности презирать и ненавидѣть, яко прелесть міра сего и діавольскія сѣти; беречься же должно, паче всего, яко змія и ехидны, чтобы не жениться, дѣвамъ и вдовицамъ замужъ не выходить и не ѣсть мяса. До обѣда и

послѣ того орѣховъ не грызть и ничѣмъ не лакомиться, дабы тѣмъ беззаконіемъ не прогнѣвать Бога и не нарушать правилъ святыхъ апостолъ. Въ домахъ не держать самоваровъ, яко шипящую змѣю, дабы тѣмъ нечестіемъ не отчаять себя отъ Бога, по правиламъ седьми вселенскихъ соборовъ, кофею же не пить: Православные христіане! Страшно о томъ и говорить: онъ есть прямо ковъ и лукавство антихриста, онъ и въ Апокалипсисѣ семитолковомъ семь разъ проклятъ. Благочестивые слушатели! взирая на сіи клятвы и страшныя прещенія, Бога ради, поберегите свои души, сохраните строго и святите все мною сказанное вамъ. Богъ васъ сподобитъ за то царствія небеснаго. Аминь».

Нашъ историкъ-поморецъ называетъ все это суевѣріемъ. Дѣйствительно, поморцы были вообще развитѣе ихъ соперниковъ и жизненный кругозоръ ихъ былъ шире. Такимъ образомъ, поморцы совсѣмъ оставили старинную стрижку волосъ подъ гребенку и носили продолговатые волосы, несмотря на то, что враги ихъ ѳедосѣевцы и филиппоны называли такую прическу: антихристова шерсть. Многіе одѣвались даже въ европейскіе костюмы и усвоивали образъ жизни образованнаго круга. Какъ ни старался нашъ историкъ поставить и себя и свою секту выше тѣхъ правилъ, которыя преподавалъ ѳеодосійскій буквалистъ (такъ онъ называетъ подобныхъ мудрецовъ), но въ другомъ мѣстѣ, касаясь быта поморцевъ, онъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: «Скудость вѣры такъ стала умножаться въ Россіи, что въ ней очень стали усиливаться французское воспитаніе, нѣмецкія моды и другія грубыя безнравственности, и даже стали касаться благочестивыхъ старовѣровъ. Выгорѣцкій киновіархъ Тимоѳей Андреевъ написалъ апологію противъ ношенія иноземнаго платья и прочихъ отступленій отъ древнихъ обычаевъ». Тѣмъ не менѣе достойно замѣчанія, что приверженность къ старинѣ, считаемая дѣломъ нравственности, не дѣлала поморцевъ безусловными врагами просвѣщенія. Одинъ изъ выгорѣцкихъ старцевъ, Андрей Борисовичъ, очень плодовитый писатель, составлялъ проектъ основать въ Выгорѣціи академію, но эта мысль не осуществилась, потому что вслѣдъ затѣмъ сильный пожаръ истребилъ это поморское святилище. Впослѣдствіи, самъ Павелъ Любопытный писалъ къ московскому поморскому пастырю Скочкову о необходимости учредить для юношества своей секты училища, «гдѣ бы преподаваема была вся словесность наукъ. Скоро бы появились у насъ божественные Платоны, Димосѳены и Ликурги! Тогда бы скоро церковь наша увѣнчана была покоемъ, множеніемъ, и враги благочестія не смѣли-бъ насъ унижать и дѣлать непріятельскія на-

силія и вѣроломства». Сообразно такому желанію, онъ вездѣ говоритъ съ большимъ сочувствіемъ о всякой мѣрѣ правительства, которая сколько-нибудь клонилась къ распространенію просвѣщенія въ народѣ.

Въ повѣствованіи нашего историка о временахъ Екатерины и Павла главное умственное движеніе раскольниковъ сосредоточивается около споровъ поморцевъ съ ѳедосѣевцами; преимущественно сценою этихъ споровъ было Преображенское кладбище. Рѣдкій годъ проходилъ безъ того, чтобы въ Москвѣ не происходили соборы. Долго самыми видными борцами на этихъ совѣщаніяхъ были со стороны ѳедосѣевцевъ Ковылинъ, со стороны поморцевъ— Ѳедоръ Аникинъ, чрезвычайно плодовитый писатель, написавшій болѣе трехсотъ тетрадей разныхъ сочиненій, а подъ конецъ измѣнившій поморскому ученію и перешедшій къ ѳедосѣевцамъ. Соборы эти, обыкновенно, ничѣмъ не оканчивались; если случалось, что нѣсколько ѳедосѣевцевъ убѣждались поморскими доводами, за то несоглашавшіеся съ ними постановляли какое-нибудь правило отчужденія, въ родѣ назначенія тысячи поклоновъ эпитиміи въ наказаніе за сообщеніе съ поморцами. Но послѣ этихъ порывовъ злобы, соперники снова сходились на состязаніе, которое, какъ и предшествовавшія, не приводило къ соглашенію! Кромѣ споровъ объ отличіяхъ въ обрядахъ и внѣшнихъ пріемахъ, которые для насъ представляются черезъ-чуръ мелочными, главные предметы состязаній были и теперь, какъ прежде, вопросы о бракѣ, о моленіи за царя и объ антихристѣ; болѣе же всего спорили о бракѣ. Вопросы эти для умственнаго движенія были важны потому, что по существу своему побуждали раскольниковъ вдумываться въ важные предметы, касавшіеся связей общественнаго строя, человѣческой природы и человѣческой исторіи. Послѣ соборовъ, на которыхъ толковали объ этомъ, присутствовавшіе на нихъ пастыри и начетчики возбуждались заявить своему читающему обществу свои убѣжденія и изъясненія, и писали трактаты, возраженія, обличенія: это вынуждало ихъ вчитываться въ книги, знакомиться со многимъ; они должны были читать творенія св. отцевъ, исторію, по крайней мѣрѣ, русскую и византійскую, законоположенія церковныя и гражданскія, однимъ словомъ — они необходимо должны были много читать и думать, и дѣйствительно, во многихъ сочиненіихъ того времени, несмотря на ихъ односторонность, видна замѣчательная начитанность, а иногда остроумные и даже глубокіе выводы; другихъ, если изученіе и размышленіе приводили къ заблужденіямъ, то все-таки расширяли ихъ умственную дѣятельность. Сочиненія раскольничьихъ писателей переписывались,

читались и служили въ разныхъ мѣстахъ поводомъ къ новымъ спорамъ, толкамъ, чтенію, размышленіямъ и къ новымъ писаніямъ. Этимъ путемъ внѣдрялся и укоренялся вкусъ и охота къ познаніямъ и умственному труду.

Мы считаемъ излишнимъ пересказывать со словъ нашего историка извѣстія о всѣхъ соборахъ, бывшихъ въ тѣ времена, тѣмъ болѣе, что они у этого историка излагаются кратко, однообразно и остаются безъ важныхъ результатовъ. Отличительною чертою нѣкоторыхъ соборовъ были выходки Ковылина, который вообще велъ себя такъ, что представляетъ для насъ типъ тѣхъ московскихъ самодуровъ, которыхъ такъ обезсмертилъ А. Н. Островскій въ образѣ Тита Титыча. Въ 1783-мъ году, Аникинъ подалъ Ковылину двадцать обличительныхъ тетрадей, но Ковылинъ, въ бѣшенствѣ, въ присутствіи многихъ вліятельныхъ раскольниковъ, разодралъ ихъ, сжегъ и пепелъ развѣялъ. Въ 1788-мъ году, на соборѣ, Аникинъ, отъ лица московскихъ поморцевъ, доказывалъ, что бракъ можетъ быть священнымъ безъ поповскаго вѣнчанія, если только есть сущность брака и если вступающіе въ бракъ обѣщаютъ быть вѣчно въ соединеніи. Онъ сослался на слова св. Писанія, что́ Богъ соединилъ, то человѣкъ не разлучаетъ. Ковылинъ закричалъ: «Чортъ васъ сочеталъ, а мы разлучаемъ! лучше туркою находиться, нежели нынѣ жениться; лучше женамъ сто разъ родить, да только замужъ не выходить!» Послѣ этого ѳедосѣевцы положили новыя заклятія — не сообщаться съ поморцами; поморцы, толковали они, такіе еретики, что самое крещеніе, полученное ими, недѣйствительно и, въ случаѣ перехода поморца въ ѳедосѣевщину, его надобно крестить какъ язычника. Но въ слѣдующемъ 1789-мъ году опять былъ соборъ и на немъ опять состязаніе. Со стороны поморской отличался тогда Иванъ Филипповъ, считавшійся однимъ изъ ученѣйшихъ мужей; много было шума, крика, брани, но, какъ и прежде, не договорились ни до чего. По вопросу о бракѣ сама поморская община все еще раздѣлялась и разногласила. Московскіе поморцы вообще были за бракъ. Между московскими начетчиками пріобрѣлъ вліяніе, и своею личностію и своими сочиненіями, Василій Емельяновъ. Онъ у себя въ покровской часовнѣ открыто соединялъ бракомъ молодыхъ людей по вновь выдуманному чину. Но бракоборное направленіе находило себѣ опору въ Выгорѣціи, гдѣ кѣновіархомъ былъ строгій Архипъ Дементьевичъ. Выгорѣцкіе отцы составили соборъ и на немъ осудили Емельянова за произведеніе браковъ. Емельяновъ былъ человѣкъ уклончивый и ради мира, какъ онъ послѣ объяснялъ, подчинился приговору

собора. Но вслѣдъ затѣмъ онъ сталъ продолжать дѣлать свое, ѣздилъ по разнымъ городамъ, вездѣ установлялъ и совершалъ браки. Его поступки сильно вооружили противъ него Выгорѣцію; тогда, въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, поднялась самая напряженная литературная полемика между поморскими писателями по этому вопросу. Въ числѣ защитниковъ брака отличались: архангелогородецъ Крыловъ, Иванъ Филипповъ, Гаврило Скочковъ, чугуевцы: Данило Никитинъ и Максимъ Дороѳеевъ, Тимоѳей Андреевъ, бывшій недавно на противной сторонѣ, воронежцы Данило и Михайло, которые простерли ожесточеніе противъ ѳедосѣевцевъ до того, что стали доказывать недостаточность крещенія у ѳедосѣевцевъ для смытія первороднаго грѣха. Бракоборство защищали Архипъ Дементьевичъ, Григорій Ивановичъ, авторъ болѣе двадцати сочиненій о разныхъ предметахъ, Романовскій, Дунаковскій, петербургскій купецъ Долгій (владѣлецъ дома на Моховой, перешедшаго къ Пиккіеву, гдѣ была послѣ поморская молельня) и другіе. Толкуя о бракѣ, его защитники выдвигали другой вопросъ, болѣе общій и широко примѣнительный—«полнота ли только церковныхъ обрядовъ намъ небо доставляетъ, или, кромѣ того, можно тѣмъ снабдиться, и при неимѣніи священства можно совершать непосвященному кое-что изъ обрядовъ принадлежащихъ священному сану». Съ такимъ вопросомъ поморщина, исходя изъ строгаго буквализма, незамѣтно очутилась уже на грани широкой свободы протестанства. Емельяновъ, пытаясь примирить раздраженныя стороны и угодить обѣимъ, написалъ сочиненіе, въ которомъ восхвалялъ дѣвство, но требовалъ допущенія брачной связи для тѣхъ, которые не могли вмѣстить высокаго обѣта дѣвства. Полемика приводила къ побѣдѣ защитниковъ брака. Мало-по-малу Выгорѣція начала подаваться. Первый Тимоѳей Андреевъ, написавшій прежде нѣсколько бракоборныхъ сочиненій, объявлялъ, что признаетъ бракоборцевъ за еретиковъ, что бракъ необходимъ, только требовалъ всеобщаго собора для установленія способовъ его совершенія. Въ 1795-мъ году, Архипъ Дементьевичъ объявилъ, что боясь Бога, не считаетъ Емельянова еретикомъ и соединенныхъ имъ бракомъ христіанъ блудниками. Послѣ кончины Емельянова, заступившій его мѣсто въ Москвѣ Гаврило Скочковъ поѣхалъ въ Выгорѣцію и въ началѣ 1798-го года воротился въ Москву съ мирнымъ посланіемъ, въ которомъ Выгорѣція изъявила согласіе свое съ московскою поморскою общиною по вопросу о бракѣ. На вѣчную память такого важнаго событія Выгорѣція прислала на евангеліи мѣдный крестъ со

стихами [1]) и подписьми: «Архипъ Дементьевъ, Григорій Петровъ, Иванъ Афимовъ, Григорій Никитинъ 1798-го года генваря 16-го». 2-го февраля 1798-го года, поморцы въ Москвѣ, въ своей часовнѣ, торжествовали умиротвореніе своей церкви. Дѣйствительно, событіе это имѣло очень важное значеніе. Съ этихъ поръ признаніе брака стало признакомъ поморской вѣтви безпоповщинскаго раскола, сдѣлалось догматомъ вѣры положеніе, что «бракъ заключается не въ вѣнчаніи, которое можетъ и быть и не быть, а въ вѣчномъ обѣтѣ вступающихъ въ брачный союзъ, и что бракъ долженъ существовать вѣчно въ христіанствѣ, и та церковь не можетъ быть православною, которая не имѣетъ брака». Само правительство признавало браки, совершенные въ поморскихъ часовняхъ, состоятельными въ гражданскомъ смыслѣ.

Но вотъ опять начали находить черныя тучи на свободный бытъ раскольниковъ. Государь Павелъ Петровичъ сильно заботился о сохраненіи повсемѣстнаго благоговѣнія къ своей особѣ; не могло уйти отъ него то обстоятельство, что ѳедосѣевцы и раскольники нѣкоторыхъ другихъ толковъ не молятся за царя, да и самые раскольничьи соборы—эти шумныя и многолюдныя народныя сходбища, были не въ духѣ тогдашней внутренней политики. Уже вскорѣ по воцареніи Павла, ѳедосѣевскій пастырь Петръ Ѳедоровъ началъ увѣщевать свою паству на Преображенскомъ кладбищѣ совершать моленія за царя. Ѳедосѣевцамъ такъ не понравилась такая новость, что они прогнали отъ себя этого пастыря. Но мало-по-малу раскольники стали узнавать и понимать духъ новаго царствованія. Начальство, дѣйствуя въ этомъ духѣ, постепенно давало раскольникамъ чувствовать тотъ гнетъ, отъ котораго они уже отвыкли въ предшествовавшее царствованіе. «Прекратился — говоритъ нашъ историкъ — находившійся на разныхъ мѣстахъ въ свободномъ образѣ звукъ сильныхъ состязаній о каѳолической вѣрѣ поморской и ѳеодосіанской церкви, внѣшнихъ и поповщины; всѣ между собою

---

[1]) Чтобъ показать образчикъ, какъ тогда писывали раскольники стихи, мы приведемъ эти стихи:

Во всѣхъ концѣхъ сіяетъ крестъ:
Имъ адъ попранъ, и рай отверзтъ;
Уязвленъ врагъ, стеня лежитъ
И злоба вся во тьму бѣжитъ.
Крестомъ любовь вездѣ цвѣтетъ:
Любовныхъ всѣхъ та въ рай ведетъ,
Евангельски вѣщаетъ вамъ:
Любовь имѣть всѣмъ лучше намъ,
Да славится въ насъ Богъ единъ
Согласно днесь и въ вѣкъ. Аминь!

нынѣ, по суровости высочайшей власти, приходятъ въ безмолвіе». Къ празднику Рождества Христова въ 1799-мъ г., по прежнихъ лѣтъ обычаямъ съѣхались въ Москвѣ керженцы, стародубцы, иргизцы и другіе раскольники славить Христа. Всѣ они должны были бѣжать изъ Москвы какъ можно скорѣе и благодарить Бога, что успѣли уйти по-добру по-здорову отъ какой-нибудь бѣды. Ѳедосѣевцы на Преображенскомъ кладбищѣ стали молиться за царя. Ковылинъ составилъ исповѣданіе вѣры, которое готовился подать правительству въ такомъ случаѣ, еслибы отъ ѳедосѣевцевъ потребовали свѣдѣній и объясненій. Въ этомъ исповѣданіи онъ силился представить, что ѳедосѣевцы хранятъ догматы православной церкви, почитаютъ его императорское величество и его августѣйшую фамилію, молятся за нихъ и повинуются властямъ, постановленнымъ отъ государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предупреждалъ и просилъ своихъ единовѣрцевъ: если у нихъ станутъ спрашивать, всѣмъ въ одно говорить, что они молятъ Бога за государя. У поморцевъ, и прежде всегда совершавшихъ моленія за государя, теперь страхъ произвелъ то, что они начали поминать высочайшихъ особъ благовѣрными и благочестивыми: такъ поступалъ Гаврило Скочковъ; но были такіе, что не одобряли такихъ титулованій.

Все это, однако, не отвратило отъ нихъ грозы, которая на нихъ находила. Императору не могло нравиться, что въ его государствѣ есть люди, и притомъ русскіе люди, изъ которыхъ одни, какъ ему сообщили, вовсе не молятся за него, а другіе хотя и молятся, но все-таки считаютъ его, самодержца, невѣрнымъ. Нашъ историкъ говоритъ, что ноября 22-го (1800-го?) государь изъ любопытства посѣтилъ единовѣрческую церковь въ домѣ купца Милова и слушалъ обѣдню. Ему очень понравилось старинное богослуженіе; онъ приказалъ поставить на церкви главу и крестъ и велѣлъ протоіерею и пѣвчимъ обучиться служить и пѣть по старинному, а потомъ такое богослуженіе нѣсколько разъ отправлялось во дворцѣ. Тогда государю пришла мысль обратить всѣхъ раскольниковъ въ единовѣріе: казалось, не было болѣе причины имъ оставаться въ разладѣ съ церковью и властью; ни церковь, ни высочайшая власть не преслѣдуютъ ихъ старины, напротивъ, самъ государь оказываетъ ей любовь и уваженіе. Значитъ, одно упрямство и вражда къ власти ихъ удерживаетъ въ расколѣ. Къ тому же до него доходили непріятные слухи о раскольникахъ. Такъ, въ Лодейномъ-Полѣ былъ у ѳедосѣевцевъ споръ съ православнымъ протопопомъ и «отъ неумѣренной ревности» произошла драка. Это происшествіе, по замѣчанію нашего поморскаго историка, необыкновенное въ своемъ родѣ,

было причиною многихъ бѣдъ и тѣсноты ѳедосѣевцамъ. По наговору, велѣно было жечь кельи «богорадныхъ» людей, жившихъ подъ зависимостію купца Садофьева, въ Ладожскомъ уѣздѣ въ погостѣ Жаровѣ. Потомъ — были арестованы въ Петербургѣ вліятельнѣйшіе ѳедосѣевцы, купцы Косцовъ, Пѣшневскій, Лыковъ и другіе: ихъ принуждали принять единовѣріе. Пѣшневскій притворно согласился и былъ тотчасъ отпущенъ на свободу. Лыковъ хитростію, какъ говоритъ, не поясняя, нашъ историкъ, отбылъ въ Выгорѣцію. Косцову, послѣ безплодныхъ увѣщаній, обрили бороду, надѣли на него фурманское платье, а потомъ, когда и послѣ того онъ остался непреклоненъ, посадили его въ крѣпость, гдѣ онъ и пробылъ до смерти Павла Петровича. Были и другія ссылки и заточенія. Любопытный упоминаетъ о поморцахъ Семенѣ Протопоповѣ и казакахъ Иванѣ Сухоруковѣ и Филиппѣ Марковѣ, сосланныхъ въ Соловецкій монастырь, какъ онъ выражается, «для отвращенія отъ правовѣрія къ злочестію никоновыхъ догматовъ». Донесено было правительству, что въ Выгорѣціи есть желаніе присоединиться къ единовѣрію. Капитанъ-исправникъ производилъ по этому поводу дознаніе, и въ ней не нашлось никого согласнаго. Тѣмъ не менѣе былъ посланъ туда чиновникъ и священникъ для увѣщанія. «Молитва и постъ избавили киновію отъ сей гибели. Попъ на половинѣ дороги пораженъ былъ нѣмотою и разслабленіемъ, чиновникъ же, видя себя въ такомъ знаменіи, перемѣнивъ свое намѣреніе, возвратился домой». Такъ разсказываетъ поморскій дѣеписатель, повторяя чудо, сочиненное раскольниками, которые, со временъ Аввакума, постоянно сочиняли о себѣ чудеса по древнимъ образцамъ. Вѣроятно, Выгорѣцію, какъ и многихъ другихъ, избавила скоро послѣдовавшая кончина Павла и иная внутренняя политика его преемника. То же спасло и московскихъ раскольниковъ. Ковылина, какъ богатѣйшаго и вліятельнѣйшаго коновода раскольниковъ, потребовали въ Петербургъ, конечно съ цѣлію предложить ему принять единовѣріе, а въ случаѣ упрямства поступить съ нимъ, какъ съ Косцовымъ. Онъ отъ испуга заболѣлъ. Докторъ, по приказанію начальства, свидѣтельствовалъ его. По извѣстію нашего историка, уже московскому генералъ-губернатору данъ былъ ордеръ о составленіи коммиссіи для приведенія раскольниковъ къ единовѣрію или православію. Но этой коммиссіи не удалось составиться и работать.

Наступило царствованіе Александра I-го. Раскольники снова стали пользоваться свободою богослуженія, хотя вообще правительство нѣсколько строже, чѣмъ при Екатеринѣ, относилось къ завлеченію въ расколъ и къ соблазну православныхъ. Такъ,

въ Петербургѣ ѳедосѣевскій пастырь на Волковомъ полѣ былъ преданъ суду за то, что обратилъ въ свою секту православнаго, да еще и крестилъ его; но онъ упорно запирался въ совершеніи такого поступка и былъ освобожденъ. Кромѣ того, правительство неблагосклонно относилось къ тѣмъ раскольничьимъ сектамъ и толкамъ, которые открыто становились во враждебное отношеніе къ власти. Таковы были странники: въ 1811-мъ году, по словамъ нашего историка, отысканы были «сіи гнусныя исчадія ярославскаго развратника Яфима»; главнѣйшіе ихъ коноводы наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь, другіе, послѣ наказанія, отправлены то на мѣсто жительства, то по монастырямъ для покаянія. Поморцевъ и ѳедосѣевцевъ не трогали, и такъ было двадцать пять лѣтъ. Историческое повѣствованіе Любопытнаго прерывается на 1812-мъ году. Эту часть его историческаго сочиненія можно назвать его мемуарами, потому что онъ самъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ лицъ въ тогдашней исторіи раскола и часто говоритъ о самомъ себѣ. Лица, о которыхъ онъ упоминаетъ, бóльшею частію тѣ, съ которыми онъ имѣлъ сношенія или столкновенія; поэтому, здѣсь его способы воззрѣнія, относительно пристрастія, могутъ быть принимаемы не иначе, какъ съ осторожною критикою[1].

Примиреніе поморскихъ защитниковъ брака съ Выгорѣціею, утвердивъ догматъ брака въ поморской сектѣ, не могло сразу привести къ единству понятій и пріемовъ всѣхъ поморцевъ, жившихъ разсѣянно въ разныхъ краяхъ Россіи и колебавшихся разными толкованіями. Нужно было довольно и времени, и умственнаго и письменнаго труда, чтобы согласить ихъ, научить и убѣдить. Поморцы издавна уже большею частью или признавали, или склонны были признавать бракъ и въ принципѣ и въ фактѣ; но мы упомянули о способѣ, возведенномъ въ правило алатырскими поморцами: этотъ способъ существовалъ и въ другихъ мѣстахъ съ разными видоизмѣненіями. Многіе, заключая браки между собою, не соблазнялись утверждать ихъ въ православной церкви вѣнчаніемъ, отнюдь чрезъ то не входя въ духовное общеніе съ православною церковью и дѣлая это безъ малѣйшаго благоговѣнія, для одной формы. Иные, пользуясь безнравственностью поповъ, напаивали ихъ до-пьяна и въ такомъ видѣ заставляли ихъ вѣнчать себя ночью, привозили

---

[1]) До какой степени нашъ историкъ зараженъ самохвальствомъ и высокимъ о себѣ мнѣніемъ, лучше всего показываетъ то, что онъ подъ 1771-мъ годомъ записалъ такъ о своемъ рожденіи: «Всевышній Творецъ, хотя церковь свою—староверовъ, озарить и ея оградить отъ міра и въ мирѣ устроить, нынѣ, предопредѣленіе того и писатель сей церковной исторіи нараждается и съ Божіею помощью возрастаетъ».

съ собою церковное вино, чтобъ не оскверниться тѣмъ виномъ, которое дастъ имъ никоніанскій попъ и ни въ какомъ случаѣ не позволяли этому попу «благословлять себя малаксою»; другіе же не вѣнчались вовсе нигдѣ, а подкупали поповъ и брали отъ нихъ свидѣтельства въ томъ, будто они вѣнчались, сами же для вида ѣздили по полямъ и по улицамъ, давая знать о себѣ, будто ѣдутъ куда-то вѣнчаться. «Но были — замѣчаетъ нашъ историкъ — и такіе сумасброды и нечестивцы, которые, прокленши все древнее благочестіе причащеніемъ никоніанской евхаристіи, вѣнчались въ церкви». Всѣхъ такихъ нужно было привести, такъ сказать, къ одному знаменателю, то-есть, чтобъ они совершали свои браки не иначе, какъ въ поморской часовнѣ, по обряду, нарочно для такихъ случаевъ сочиненному поморскими мудрецами. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ къ этой главной цѣли склонялись литературные труды.

Плодовитый въ писаніяхъ архангелогородецъ Крыловъ, Павелъ Любопытный и Адріанъ Сергѣевъ были тогда главными дѣятелями. Крыловъ писалъ посланія къ своимъ единовѣрцамъ, убѣждалъ ихъ признать бракъ на тѣхъ основаніяхъ, которыя были выработаны поморскими пастырями въ Москвѣ и скрѣплены согласіемъ съ Выгорѣціею, изъяснялъ «отъ святаго писанія и отъ здраваго разума» тайну брака, имѣя въ виду ту главную мысль, что бракъ заключается не въ обрядѣ, а въ сущности, вызывающей обрядъ, который, при разныхъ условіяхъ, можетъ быть и такимъ, и инымъ. Онъ также писалъ вопросы къ другимъ безпоповскимъ сектамъ, вызывая ихъ на объясненія, съ цѣлью убѣдить въ признаніи брака, путемъ спора и обсужденія. Павелъ Любопытный издалъ свое «Брачное врачевство», сочиненіе очень распространенное въ свое время и, кромѣ того, писалъ другія сочиненія, между прочимъ также разные вопросы, обращенные къ другимъ толкамъ безпоповщины. Адріанъ Сергѣевъ, препираясь постоянно съ ѳедосѣевцами, написалъ большую книгу подъ названіемъ: «Руководство къ миру», которую всю наполнилъ выписками изъ твореній святыхъ отцовъ. Противъ нихъ писали ѳедосѣевцы и филиппоны;—продолжалась сильная полемика. Изъ филиппоновъ ратовалъ Алексѣй Подслѣповъ, написавшій опроверженіе на Любопытнаго. Между ѳедосѣевцами, кромѣ многихъ другихъ, выказывался болѣе всѣхъ въ этой борьбѣ, по прежнему, Ковылинъ вплоть до своей смерти, случившейся въ 1809-мъ году. По прежнему, поморцы съ ѳедосѣевцами сходились на диспуты и послѣ нихъ обыкновенно съ обѣихъ сторонъ проявлялись болѣе рѣзкіе и ожесточенные признаки борьбы. Самъ Ковылинъ, однако, не задолго до смерти, въ спорѣ съ другимъ

ѳедосѣевцемъ, Бумажниковымъ, нѣсколько сталъ-было мирволить бракамъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ, что слѣдуетъ крестить дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ, а Бумажниковъ называлъ такихъ дѣтей щенятами. По смерти Ковылина, при его преемникѣ Грачовѣ, вражда съ поморцами разгоралась еще сильнѣе. Ѳедосѣевцы крестили шесть человѣкъ, перешедшихъ къ нимъ изъ поморства, не дозволяли поморцамъ хоронить мертвецовъ на Преображенскомъ кладбищѣ, такъ что генералъ-губернаторъ долженъ былъ защищать права поморцевъ, и назначали по нѣсколько тысячъ поклоновъ эпитеміи за общеніе съ поморцами.

Но признаніе брака въ томъ видѣ, въ какомъ облекли его въ догматъ поморцы, вело рано или поздо поморскую церковь къ важнымъ перемѣнамъ въ будущемъ. Поставивъ догматомъ, что бракъ существуетъ не по обряду, а по сущности, для которой обрядъ служитъ внѣшнимъ выраженіемъ или даже дополненіемъ, позволяя себѣ для этой цѣли составлять новые ритуалы (кромѣ брачнаго обряда сочинили еще чинъ освященія родильницъ), поморцы незамѣтно для самихъ себя отступили отъ того буквализма, который лежалъ въ основѣ ихъ исключительнаго сектантскаго бытія. Поморцы, въ этомъ случаѣ, шагнули далѣе, чѣмъ тѣ, которыхъ они обвиняли въ новшествѣ. Господствующая церковь никогда не признавала своихъ членовъ, рожденныхъ въ ея нѣдрѣ, въ законной брачной связи, если эта связь не была освящена церковью по установленному чину, никогда не говорила, чтобы для христіанина, признающаго бракъ таинствомъ, бракъ могъ считаться одинаково священнымъ, еслибъ это таинство и не было совершено. Поморцы, выставляя себя ревнителями стариннаго православія и хранителями его буквы, не только признавали истиннымъ бракомъ такой, который не сопровождался буквальнымъ исполненіемъ предписываемаго обряда, но еще выдумали свой ритуалъ для совершенія брака лицами, необлеченными іерейскимъ саномъ, которому православная церковь исключительно предоставляла право совершать браки. Если можно было такимъ образомъ поступать съ однимъ изъ семи таинствъ, то рано или поздно они додумались бы поступать подобно тому и съ прочими шестью. И въ самомъ дѣлѣ уже подготовлялось такое же полное преобразованіе съ таинствомъ священства, какое совершилось съ таинствомъ брака. Настолько, насколько раскольничьи безпоповскія секты составляли общины, имъ оказывалась нужда имѣть лицъ съ нѣкотораго рода первенствомъ передъ другими. При общественномъ богослуженіи необходимъ былъ главный чтецъ, нуженъ былъ наставникъ, который бы совѣтомъ, знаніемъ и нравственнымъ вліяніемъ

поддерживалъ общину, разрѣшалъ вопросы и недоумѣнія; такой наставникъ естественно, самъ собою, пользуясь уваженіемъ, получалъ первенство и до извѣстной степени власть. Отсюда-то возникло существованіе пастырей.

По описанію нашего историка, въ Выгорѣціи, имѣвшей видъ и подобіе монастыря, возведеніе пастырей въ ихъ достоинство со времени Андрея Борисовича стало совершаться съ особымъ чиномъ. При собраніи людей въ часовнѣ прежній, уже издавна признанный, пастырь давалъ новому благословеніе, возглашая: «Богъ тя, чадо, проститъ и благословитъ въ сіе духовное правленіе!» Такимъ образомъ, пастыря ставилъ пастырь съ одобренія общины. Кандидатъ въ пастыри назывался ставленикъ, также какъ въ православной церкви назывались люди, готовые воспринять священнослужительскій санъ. Но въ другихъ мѣстахъ, по выраженію нашего историка, пастырь ставилъ самъ себя. Отличаясь отъ другихъ собратій репутаціею учености и благочестія, пользуясь общимъ уваженіемъ и, слѣдовательно, уже возвышаясь надъ прочими фактически, такой человѣкъ, обыкновенно старикъ, исполнялъ обязанность первенствующаго лица въ общественномъ богослуженіи, читалъ евангеліе, кадилъ, начиналъ и оканчивалъ чинъ такого и другого богослуженія, и такъ незамѣтно, безъ всякаго обряда возведенія, пользовался званіемъ пастыря, наставника. Иногда же община, по своему желанію, оглашала одного изъ своей среды пастыремъ. Тамъ же, гдѣ богатый раскольникъ, такъ-называемый вельможа, устроивалъ часовню у себя въ домѣ,—онъ же назначалъ и пастыря по своему произволу. Такихъ было много. Поморскіе пастыри уже присвоили себѣ такіе признаки, которые въ православной церкви принадлежали однимъ священникамъ. Пастыря называли: отецъ такой-то, батюшка; онъ благословлялъ, исповѣдывалъ и его исповѣди приписывали разрѣшительную силу; онъ вѣнчалъ и хоронилъ. Недоставало образовательнаго училища, гдѣ бы пастыри подготовлялись къ своему званію; въ силу этой подготовки они бы пріобрѣтали впослѣдствіи свое званіе съ правильными условіями: тогда институція священства явилась бы у поморцевъ, какъ и бракъ, въ преображенномъ видѣ; ихъ пастыри имѣли бы большое сходство съ протестантскими пасторами. Любопытный, разсказавши о существовавшихъ у поморцевъ способахъ поставленія пастырей, дѣлаетъ такое замѣчаніе на счетъ тѣхъ недостатковъ и злоупотребленій, которыя были въ поморской сектѣ: «Всѣ сіи чины открываютъ намъ простоту тѣхъ временъ и большой недостатокъ просвѣщенія. Пусть первая причина тому есть тиранизмъ изувѣрства Никона патріарха, но вторая того— немудрое правленіе церкви. Впрочемъ и неудивительно. Поелику

не было тогда, какъ и нынѣ, образовательныхъ училищъ, не было почти и ученыхъ мужей, успокоевающихъ и украшающихъ церковь, какъ и нынѣ у насъ вездѣ, не было искусныхъ пастырей и они всѣ были оратаи, буквалисты, и то слабые. Нынѣ, слава Всевышнему и просвѣщенному вѣку, тиранства того нѣтъ, но къ крайнему сожалѣнію пастыри наши сущіе невѣжды, равно и попечители церковныхъ мѣстъ пренабитые глупцы: они о догматахъ вѣры и о благочестіи не имѣютъ никакого понятія, вѣруютъ ощупью и содержатъ старообрядство только по одной привычкѣ. Ими владѣетъ одна роскошь. То въ такомъ безобразномъ правленіи можетъ ли быть что-нибудь доброе? Можетъ ли доставить оно намъ общее благо?... Какъ только одно непрерывное зло, поносъ, уничиженіе и гибель нашей церкви и ея благочестію! Нужны училища въ церкви, необходимы въ ней и мудрые мужи! А безъ сихъ—бѣда и горе церкви нашей! Впрочемъ, слабоумцы кричатъ: что̀, еслибъ наши богачи не были мудры и не знали бы благочестія, то бы они не могли у себя въ домѣ имѣть часовенъ и въ нихъ отправлять богослуженія! А того, бѣдные, не знаютъ, что то касается ни ума, ни общей пользы церкви, но одной личности богачей. А притомъ, сіи крикуны должны знать и то, что богачи тѣ моленныя содержатъ—не благимъ сердцемъ, а злымъ, только бы сею личиною святошества ослѣпить простой народъ, только бы тѣмъ пустосвятствомъ внѣдриться въ чужіе карманы, только бы симъ блескомъ доставить себѣ славу и насытить свои постыдныя прихоти».

Какъ ни противорѣчитъ эта тирада о невѣжествѣ раскольниковъ тому панегирику, который написалъ Любопытный въ предисловіи къ своему каталогу, но она есть плодъ возникшаго желанія сдѣлать пастырство правильнымъ учрежденіемъ посредствомъ образованія, и тѣмъ самымъ ученіе и самый строй своей секты поставить на твердомъ основаніи. До сихъ поръ собственно въ грамотности у поморцевъ недостатка не чувствовалось вовсе; если у нихъ и не было заведеній съ именемъ училищъ, то все-таки у нихъ было обученіе. Учили родители своихъ дѣтей, учили пастыри и наставники, учили также женщины, особенно старыя дѣвы. Ученіе собственно ограничивалось умѣньемъ читать церковныя книги старой печати и отчасти писать. Каждый самъ развивалъ себя въ одностороннемъ религіозно-сектантскомъ направленіи чтеніемъ книгъ печатныхъ и рукописныхъ, бесѣдами, спорами, размышленіемъ. Тѣ, которые не видѣли ничего нужнаго въ ученіи, кромѣ этого религіозно-сектантскаго направленія, могли быть довольны такимъ порядкомъ самообразованія. Но люди, болѣе другихъ мыслившіе, желали, чтобъ ихъ единовѣрцы, особенно тѣ, которые занимали званіе пастырей, знали что-нибудь

и побольше. Во-первыхъ, они не могли не замѣчать, что религіозное обученіе подвержено было шаткости, случайностямъ; училъ кто хотѣлъ, какъ хотѣлъ; право на пастырское достоинство ничѣмъ неопредѣлялось; оттого слишкомъ чувствовался недостатокъ плотности въ сектантскомъ тѣлѣ, или церкви, какъ говорили они, отсутствіе строгаго единства ученія и ясности пониманія того, что признается и не признается. Чувствовалась потребность въ нормѣ, въ извѣстномъ однообразіи, потребность такого состоянія, въ которомъ поморецъ могъ бы дать себѣ отчетъ: на какомъ основаніи онъ признаетъ того и другого пастыремъ и почему считаетъ его способнымъ поучать других, а послѣднихъ обязанныхъ слушать его и не слушать всякаго. Этого можно было достичь только однообразнымъ обученіемъ, которое возможно только въ училищахъ. Кромѣ того, у поморцевъ возникала уже потребность учиться знаніямъ, состоящимъ и за рубежемъ ихъ религіознаго ученія. Какъ ни презирали они внѣшнихъ, но при столкновеніяхъ съ ними не могли спокойно слушать, какъ внѣшніе ихъ честили невѣждами; не могли не сознавать, что у внѣшнихъ есть люди, которыхъ кругозоръ гораздо шире и познанія разнообразнѣе, чѣмъ у мудрѣйшихъ раскольничьяго міра. Конечно, вращаясь въ кругу мужиковъ, мужикъ-поморецъ могъ справедливо утѣшаться своимъ умственнымъ превосходствомъ, но потолкавшись между людьми, получившими какое-нибудь образованіе, поморцу становилось стыдно, когда онъ не могъ вести бесѣды о такихъ предметахъ, которые сдѣлались достояніемъ всеобщаго просвѣщенія, а ему оставались недоступными. Поморецъ начиналъ узнавать, что на свѣтѣ есть словесность и науки, и если этотъ поморецъ былъ самъ человѣкъ съ дарованіемъ и съ природнымъ влеченіемъ къ умственному развитію, то ему хотѣлось также знать то, что другіе знаютъ и не ударить передъ «внѣшними» лицомъ въ грязь. Къ этому желанію побуждала его и честь его секты. Замѣтимъ, что ни въ какой другой сектѣ, происшедшей изъ древней оппозиціи противъ Никона, не могло, по преданію, такъ естественно возникнуть такого желанія, какъ въ поморской; поморцы были убѣждены, что ихъ присноуважаемые патріархи Денисовы были люди образованные не только въ смыслѣ религіозномъ, но и въ смыслѣ мірскихъ познаній. Мысль о заведеніи училищъ бродила въ головахъ передовыхъ поморцевъ уже въ царствованіе Екатерины. Мы уже упоминали, руководствуясь извѣстіемъ Любопытнаго, что еще Андрей Борисовичъ, выгорѣцкій киновіархъ, писалъ къ своимъ собратіямъ о необходимости завести академію въ Выгорѣціи. Любопытный еще въ XVIII-мъ вѣкѣ заявлялъ поморскимъ наставникамъ, что нужны училища, гдѣ бы поморское юношество поучалось словесности

и всѣмъ наукамъ. Ту же мысль раздѣляли пастыри, почитаемые за умнѣйшихъ и ученѣйшихъ—Крыловъ, Емельяновъ, Скочковъ, Адріанъ Сергѣевъ и другіе. При имп. Александрѣ, петербургскій поморскій пастырь, Ѳедоръ Петровичъ Бабушкинъ и купецъ Мокій Ивановичъ Ундозоровъ подняли этотъ вопросъ и поручили Любопытному написать воззваніе къ поморской церкви, дабы каждый членъ ея подалъ помощь ради спасительнаго заведенія для образованія юношества. Затѣмъ, на Малой Охтѣ, было положено основаніе часовнѣ и при ней заведенію, которое, по выраженію нашего историка, предназначалось «въ покровъ бѣдности и образованію юношества ума и сердца». Но этому начинанію почему-то пришлось оставаться благимъ намѣреніемъ. Сказавши, что Ѳедоръ Бабушкинъ и Мокій Ундозоровъ первые подали эту мысль, Любопытный подъ 1801-мъ годомъ пишетъ слѣдующее:

«Любопытный, взирая горестнымъ окомъ на всѣ неустройства поморской церкви и ея общее невѣжество, сильно убѣждаетъ своимъ посланіемъ пастыря оной церкви Ѳедора Бабушкина, чтобъ онъ проснулся отъ грубаго невѣжества и возбудилъ съ собою всю паству къ заведенію при Выгорѣцкой часовнѣ (въ Петербургѣ) училища, ради образованія юношества и взрослыхъ предметамъ ума, вѣры и нравственности, причемъ превозносилъ его, Бабушкина, за такое предпріятіе превыше небесъ. Впрочемъ, Бабушкинъ, будучи рабъ страстей и окаменѣлый невѣжда, все убѣжденіе пренебрегъ и оставилъ вопіющій гласъ Любопытнаго».

Намъ непонятенъ такой оборотъ этого дѣла, но понятно то, что старые раскольники должны были очень осторожно и боязливо относиться къ такому предпріятію. Достойно замѣчанія и то, что самъ Любопытный, постоянно глумящійся надъ упорствомъ «сѣдышей», боявшихся просвѣщенія, Любопытный, всегда хвастающій своею любовью къ просвѣщенію, очутился, по отношенію къ нѣкоторымъ изъ своей собратіи, такимъ же консерваторомъ, какимъ, по отношенію къ нему, были порицаемые имъ сѣдыши. Въ то время, какъ Любопытный, Скочковъ, Адріанъ Сергѣевъ Крыловъ и другіе хотѣли заведенія училищъ и правильнаго образованія юношества, нашлись между поморцами люди, которые стали вводить въ жизнь такіе признаки и проповѣдывать такія правила, которыя рано или поздно явились бы въ числѣ послѣдствій этого образованія. Это была партія поморцевъ въ Москвѣ, составившая кружокъ около пастыря Никифора Петрова. Сначала ихъ направленіе выказалось послабленіемъ той строгости, какую поморская секта по старинѣ должна была соблюдать съ цѣлію возможно-бóльшаго отчужденія отъ внѣшнихъ и отъ всего жизненнаго быта, усвоиваемаго православными.

стали допускать къ общенію въ часовнѣ и въ домашнемъ быту тѣхъ изъ своей братіи, которые, по раскольничьему выраженію, «мирщились», то-есть вступали въ дружественныя и родственныя связи съ «внѣшними», или увлекались такими пріемами жизни, которые порицались раскольничьимъ благочестіемъ, въ родѣ ношенія иноземнаго платья и т. п., и не подвергали такихъ прежде бывшимъ въ подобныхъ случаяхъ эпитимьямъ. Затѣмъ, Никифоръ Петровъ сталъ учить, что не слѣдуетъ вовсе питать вражды къ иновѣрцамъ; что тѣ, которыхъ называютъ еретиками, могутъ быть благовѣрны и благочестивы, можно свободно, безъ страха эпитиміи, вступать съ ними во всякое общеніе, заключать родственныя связи, крестить дѣтей, допускать въ свою молельню наравнѣ съ своими, кадить ихъ ладономъ, давать имъ свѣчи во время погребеній, какъ и своимъ, и вообще относиться къ внѣшнимъ также, какъ и къ своимъ; можно носить иноземное и какое угодно платье, и въ часовнѣ ввести нарѣчное пѣніе, а не только одно хамовое. Онъ училъ, что всѣ—одинаково равны; пастырей не должно быть: всѣ получили одинакую хиротонію; исповѣдь также можетъ существовать въ смыслѣ совѣтничества, а не полновластія отпускать грѣхи. Онъ отвергалъ бытіе антихриста; это — долженъ быть «звѣрь о многихъ головахъ и съ преужаснымъ хвостомъ». Проповѣдь Никифора Петрова дѣйствовала увлекательно. Уже прежде въ головахъ нѣкоторыхъ поморцевъ отчасти бродило то, чтó Никифоръ облекалъ въ ученіе, клонившееся къ совершенному преобразованію въ нравахъ и взглядахъ поморцевъ. «Лѣтъ за пятнадцать — пишетъ Любопытный — было въ Москвѣ у поморской церкви глупое и нечестивое мнѣніе въ разсѣянности, токмо въ нѣкоторыхъ глупыхъ и развратныхъ умахъ. Нынѣ же, по пущенію Божію, все то зломудріе соединилось и составило сихъ лжеумцевъ цѣлое скопище». Противъ Никифора поднялся и сталъ писать Адріанъ Сергѣевъ, наставникъ, пользовавшійся репутаціею ученаго мудреца, а за нимъ и Любопытный объявилъ письменную войну «лжеучителю», какъ они называли Никифора. Но Никифоръ не поддавался. Его кружокъ возрасталъ. Скочковъ и Адріанъ Сергѣевъ, недовольствуясь обличительными словами, поражали его и сатирою; они—говоритъ Любопытный—написали разительные стихи противъ Никифора и издали подъ именемъ: «Модный старообрядецъ». Сергѣевъ и его партія не сообщались съ Никифоромъ и его кружкомъ, ни въ богослуженіи, ни въ трапезѣ, но Бабушкинъ снисходительно относился къ Никифору, хотя и не приставалъ къ нему открыто, и за то, въ исторіи Любопытнаго по этому поводу получилъ названіе необра-

зованнаго и суевѣра, титулъ, который очень щедро раздаетъ своимъ противникамъ нашѣ историкъ.

Намъ кажется, явленіе Никифора Петрова можно признать естественнымъ послѣдствіемъ предшествовавшаго развитія поморской секты.

Тѣ, которые на него ополчились, а сами показывали желаніе заведенія училищъ и водворенія просвѣщенія между своими единовѣрцами, не замѣчали, что такое желаніе вызываетъ то, чего сталъ требовать Никифоръ. Учиться словесности и всѣмъ наукамъ, чего хотѣлъ Любопытный съ товарищами, и оставаться въ строгой замкнутости и враждебномъ отчужденіи отъ остального русскаго міра, изъ котораго единственно могли поморцы получать элементы для желаемаго просвѣщенія — было совершенно невозможно. Желать просвѣщенія и желать пробить скорлупу, въ которую заключились поморцы, и которая окрѣпла отъ нѣкогда бывшихъ преслѣдованій — было, по здравому смыслу, одно и тоже.

Ѳеодосійская секта продолжала также, какъ и поморская, производить писателей и учителей. Между ними, въ началѣ XIX-го вѣка, славился вышневолоцкій пастырь Никита Марковъ тѣмъ, что успѣлъ въ Тихвинѣ пріобрѣсть до трехъ сотъ новыхъ прозелитовъ; въ Петербургѣ Герасимъ Никитинъ написалъ сочиненіе объ антихристѣ и Энохѣ; — хотя поморецъ-историкъ отзывается объ немъ съ презрѣніемъ, но сознается, что это сочиненіе было распространено и пользовалось большимъ уваженіемъ у ѳедосѣевцевъ. Къ ѳедосѣевскимъ писателямъ этого времени слѣдуетъ причислить Якова Холина, который, кромѣ многихъ сочиненій, написалъ и издалъ доказательства того, что Наполеонъ былъ антихристъ, предвозвѣщенный въ Апокалипсисѣ.

Но ѳедосѣевская секта, по прежнему, дѣлилась. Эта секта, какъ уже было показано, началась въ видѣ отколка отъ поморской, а отъ этого отколка начали отпадать части, образовавшія другіе толки и секты. Нашъ историкъ указывалъ на филипоновъ и странниковъ, но намъ извѣстны изъ другихъ источниковъ еще нѣкоторые, напр. спасово согласіе, онисимовцы, самокрещенцы и т. п., происшедшіе также изъ ѳедосѣевщины. Филиппоны (иначе, филиповцы), по извѣстіямъ нашего историка, въ разныхъ мѣстахъ въ свою очередь дробились и образовали этимъ дробленіемъ особые толки, которые пытались сходиться и соглашаться между собою; иногда имъ это удавалось, но почти всегда они послѣ опять расходились. Въ тѣ годы царствованія Александра I, которые вошли въ исторію Любопытнаго, происходили еще новыя отпаденія отъ ѳедосѣевщины. Такъ, въ Петербургѣ у гостиннаго двора была часовня подъ названіемъ

пѣшневской. Ея пастырь Евфимъ Артемьевъ, по своему мягкосердечію, сталъ принимать въ общеніе тѣхъ изъ своей секты, которые вступали въ бракъ; хотя онъ собственно не признавалъ законности брака и не оставлялъ безъ церковныхъ наказаній или эпитимій вступившихъ въ бракъ, но эти эпитиміи у него были легкія; кромѣ того, онъ крестилъ младенцевъ, рожденныхъ отъ такихъ браковъ. Это взволновало строгихъ петербургскихъ ѳедосѣевцевъ, упорно стоявшихъ за безбрачіе. Они написали противъ него соборное посланіе, съ приложеніемъ рукъ многихъ единовѣрцевъ, и послали на обсужденіе въ московскую ѳедосѣевскую общину. Московскіе ѳедосѣевцы, послѣ долгаго совѣщанія, написали, въ свою очередь, соборное посланіе къ петербургскимъ ѳедосѣевцамъ съ рѣшеніемъ—отлучить Евфимія и предать сатанѣ. Тогда Евфимій, съ своими приверженцами, отложился отъ ѳедосѣевщины и составилъ свою особую церковь подъ именемъ пѣшневской. Подобное произошло и въ Псковской губерніи: въ городѣ Псковѣ и въ окрестностяхъ его въ Загорскомъ Ямѣ, ѳедосѣевцы, по подобію поморцевъ, стали совершать у себя браки въ часовнѣ; когда вѣсть объ этомъ распространилась, ѳедосѣевцы отлучили отъ своей церкви какъ устроителей этихъ браковъ, такъ и вступавшихъ въ такіе браки; и тѣхъ и другихъ предали сатанѣ. Отверженные составили изъ себя особое религіозно-общинное тѣло.

Въ 1810-мъ году, въ Петербургѣ образовался совсѣмъ противнаго рода расколъ отъ ѳедосѣевщины. Петербургскій купецъ Василій Кузьмичъ Аристовъ, ѳедосѣевецъ, вознегодовалъ на свою собратію за то, что, по его мнѣнію, недостаточно сурово относились къ тѣмъ, которые, принадлежа къ ѳеодосійскимъ общинамъ, вступали тѣмъ или инымъ способомъ въ бракъ. Кромѣ того, онъ ставилъ имъ въ вину и то, зачѣмъ они здравствуются съ внѣшними, кланяются имъ, поздравляютъ съ праздникомъ и говорятъ имъ привѣтствіе: «Богъ помочь». Аристовъ съ кружкомъ тѣхъ фанатиковъ, которыхъ удалось ему собрать около себя и привлечь къ своему толку, отложился отъ ѳедосѣевщины и основалъ особую секту, подъ названіемъ аристовщины. Нашъ историкъ, Павелъ Любопытный написалъ противъ него обличительное сочиненіе, подъ названіемъ: «Аристово заблужденіе». Какъ ни старались ѳедосѣевцы утвердить бракоборство, какъ ни проповѣдывали дѣвственную чистоту, смотря сквозь пальцы на проявленія грубой животной природы, у иныхъ брала перевѣсъ и природа нравственная: гнушаясь развратомъ, прикрываемымъ маскою дѣвственной чистоты, они вступали въ бракъ различнымъ образомъ, часто безъ всякихъ внѣшнихъ обрядовъ,

условившись называть другъ друга супругами и живя семейнымъ образомъ; иногда браки заключались и съ такими лицами, съ которыми брачный союзъ воспрещался по древнимъ церковнымъ правиламъ, напримѣръ, съ двоюродными сестрами. Въ глазахъ ѳедосѣевцевъ, всякая брачная связь—совершаема ли она была противно издавна принятымъ степенямъ родства или свойства, или же не нарушала ихъ—одинаково была преступна. Пастыри подвергали такихъ лицъ церковному наказанію и приказывали имъ расходиться; но они, не желая выступать изъ церкви, ими признаваемой, несли эпитиміи, однако не расходились и продолжали пребывать въ супружескихъ отношеніяхъ; рожденіе дѣтей обличало ихъ въ этомъ и пастыри снова подвергали ихъ эпитиміямъ; и такъ жили они, не расходясь, и отбывая разныя эпитиміи за свою брачную жизнь. Отъ большаго или меньшаго фанатизма ѳедосѣевскаго пастыря зависѣла большая или меньшая степень наказанія, и вотъ этотъ-то вопросъ: о степени достодолжнаю наказанія за брачное житіе, — служилъ у ѳедосѣевцевъ предметомъ безконечныхъ споровъ и породилъ множество разныхъ писаній.

Кромѣ вопроса о бракѣ и наказаніяхъ, слѣдуемыхъ за вступленіе въ бракъ, поводомъ къ волненіямъ внутри ѳедосѣевской секты былъ вопросъ о моленіи за царя. Ѳедосѣевцы, какъ мы уже говорили, издавна отвергали моленіе за государя, по ихъ понятіямъ, невѣрнаго и неблагочестиваго, и часто состязались объ этомъ предметѣ съ поморцами, которые окрестили такое ученіе «галилейскою ересью». Но при императорѣ Павлѣ ѳедосѣевцы прониклись такимъ страхомъ, что стали, скрѣпя сердце, на Преображенскомъ кладбищѣ произносить моленіе за царя при своемъ общественномъ богослуженіи. Павла не стало. Гроза миновала. Ѳедосѣевцы хотѣли возвратиться къ старинѣ, но между ними нашлись такіе, которые считали лучшимъ допустить навсегда моленіе за царя. Главнымъ проповѣдникомъ этой реформы былъ Яковъ Холинъ. Онъ не только писалъ противъ галилейской ереси, но разъѣзжалъ по Россіи и вездѣ убѣждалъ своихъ единовѣрцевъ принять моленіе за царя въ общественномъ богослуженіи. Такимъ образомъ, кромѣ Москвы и Петербурга, гдѣ безпрестанно гремѣла его проповѣдь, онъ посѣщалъ Ярославль, Стародубъ, Ригу и вездѣ дѣйствовалъ болѣе или менѣе успѣшно. За то въ общинѣ Преображенскаго кладбища противники его дѣлали фанатическія заявленія, какъ противъ моленія за царя, такъ и противъ брака. Ѳедосѣевецъ купецъ Лаврентій Ивановичъ Осиповъ—говоритъ нашъ историкъ—«хитростію беретъ у ѳеодосѣевскаго художника зловѣрную и мерзкую книгу ѳеодосіянскихъ пастырей и учителей, видитъ въ ней написанное богомерзкое ихъ ученіе о таинствѣ законнаго брака, несносныя

хулы и поношенія императора». Послѣ того, тотъ же Осиповъ, по словамъ нашего историка, «увидѣлъ у нихъ на Преображенскомъ кладбищѣ въ часовнѣ двѣ мерзкія и пагубныя картины; первая представляла мужа и жену, съ надписаніями на нихъ скверныхъ словъ: и рече діаволъ—раститеся и множитеся и наполните землю! Оной четѣ сатана вкладываетъ жезломъ душу дѣтей. Внизу сей картины слова: дѣти сатанины. Вторая представляетъ образъ государя императора съ надписью надъ нимъ: антихристъ»! Это подало поводъ къ какому-то доносу, а потомъ къ слѣдствію, котораго нашъ историкъ не описываетъ.

Скоро затѣмъ рукопись, содержащая написанную имъ исторію, прерывается.

Мы указали въ сочиненіи Павла Любопытнаго на тѣ стороны, которыя объясняютъ народно-образовательное значеніе раскола. При размышленіи надъ этими явленіями не слѣдуетъ ни на минуту упускать изъ вида, что мы имѣемъ здѣсь постоянно и исключительно дѣло съ тѣмъ слоемъ народа, который по воспитанію, нравамъ, условіямъ и пріемамъ жизни вообще привыкли называть общимъ характеристическимъ именемъ «мужиковъ». Не надобно забывать, что этотъ слой самъ собою, съ величайшими усиліями, пробивалъ лежавшую на немъ, въ продолженіи многихъ вѣковъ, тяжелую кору, не только безъ внѣшнихъ пособій, но встрѣчая извнѣ стремленіе не допустить его вырваться изъ-подъ этой коры. Не должно смущаться ни массою нелѣпостей, бывшихъ результатомъ этого движенія, ни тою односторонностію, въ которую направилось это движеніе и которая для насъ кажется чаще всего мелочною.

Предоставленный самому себѣ, отрѣзанный отъ теченія общей человѣческой образованности, народъ русскій не имѣлъ предъ собою никакого другого матеріала, кромѣ того, что относилось къ области религіи, и по своему дѣтскому, совсѣмъ непривыкшему къ отвлеченностямъ, способу мышленія, естественно ухватился за внѣшнюю, обрядовую ея сторону. Это былъ путь общій всѣмъ и законный. Всякое образованіе вначалѣ выходило отсюда. Путь могъ совершаться длиннѣе и короче, могъ видоизмѣняться отъ различныхъ обстоятельствъ, но въ сущности исходъ его былъ одинъ и тотъ же вездѣ. Повсюду человѣческая мысль прежде всего работала въ этой области и оставалась замкнутою въ ней вѣка, тысячелѣтія, если вліяніе тѣхъ, которые, начавъ свое развитіе ранѣе, уже успѣли перейти на высшую ступень мышленія и культуры, но не помогали ей изъ нея выступить. Русскій простой народъ былъ лишенъ этого вліянія. Онъ пробивался самъ. Не

удивительно, если при такомъ условіи онъ мало успѣлъ переступить за предѣлы того круга, въ которомъ, по общему закону человѣческой образованности, началось его умственное движеніе. Во всякомъ случаѣ, какъ ни тѣсенъ, какъ ни скуденъ покажется процессъ раскольничьей умственной дѣятельности, но она не оставалась въ одномъ и томъ же положеніи, безъ хода впередъ. Постепенное увеличеніе массы раскольничьихъ сочиненій, переходъ мысли отъ предметовъ болѣе мелочныхъ къ предметамъ болѣе важнымъ и жизненнымъ, вызывавшимъ обсужденіе вопросовъ общихъ, высшихъ, приводившихъ раскольника къ сознанію отличія важности содержанія и формы, знакомство съ научными и литературными пріемами, показывающееся въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ, въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ раннихъ, бродившая между раскольниками мысль о необходимости правильнаго просвѣщенія и заведенія училищъ, наконецъ, проявлявшееся стремленіе разорвать цѣпи строгой несообщительности съ «внѣшними», усвоить пріемы образованнаго общества и согласить свою сектантскую отдѣльность съ духомъ современности — эти явленія показываютъ, что расколъ не стоялъ неподвижно, не кружился, такъ сказать, въ бѣличьемъ колесѣ, повторяя одно и тоже, но долженъ былъ, хотя медленно и при сильной, упорной внутренней борьбѣ, вести народъ къ дальнѣйшимъ фазисамъ самообразованія. Само собою разумѣется, какъ мы уже говорили, что правильная заботливость власти и просвѣщеннаго общества о народномъ образованіи сдѣлаетъ ненужнымъ и самый расколъ и тотъ путь, который въ немъ народъ самъ себѣ отыскивалъ для своего умственнаго и нравственнаго возвышенія. Все упразднится само собою и, быть можетъ, уже не далеко то время, когда расколъ сдѣлается исключительно достояніемъ одной исторіи. Но въ какой степени этотъ путь, уже пройденный частью русскаго народа, можетъ оказаться вліятельнымъ на ходъ дальнѣйшаго развитія народа, чтó внесетъ расколъ для будущихъ поколѣній, какъ отразятся на нихъ слѣды его — это вопросы, которые могутъ быть разрѣшены только въ грядущемъ.

Во ожиданіи же того, въ настоящее время, ознакомленіе просвѣщенной части русской публики съ литературными произведеніями раскольниковъ и фактами ихъ умственныхъ трудовъ, съ цѣлію указать ходъ развитія образовательнаго элемента въ расколѣ,—было бы дѣломъ очень полезнымъ для отечественной исторіи.

Н. Костомаровъ.

БОЛЬШАЯ МЕДВѢДИЦА

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ *).

I.

Черезъ два дня, вечеромъ, Катерина была дома.

Странное чувство испытывала она, возвращаясь. По ней соскучились, ей обрадовались, ее встрѣчали, хлопотали угощать ее, успокоивать, будто послѣ долгаго путешествія и долгой разлуки. Ничто не перемѣнилось,—ни домъ, ни добрые люди; все было по прежнему мило, даже какъ-будто еще милѣе, но странно,—*чего-то* не было. Катерина оглядывалась, искала, спрашивала обо всемъ, освѣдомлялась о чужихъ, узнала въ четверть часа все, что произошло въ эти четыре дня, — и все чего-то не находила. Тихая жизнь не казалась ей однообразнѣе, не потеряла своего значенія, но изъ нея будто что̀ пропало. Ощущеніе было мучительно и утомляло... Катерина оглянулась на себя... Родной домъ былъ тотъ же, но за его порогомъ осталась часть ея существованія—забота, безъ возможности дѣйствовать.

Ничего нѣтъ ужаснѣе убѣжденія, что силы ненужны, что онѣ только порываются, бьются напрасно; что еслибы забота и пробилась за сплошную стѣну, гдѣ заключена жизнь дорогого человѣка — этой заботѣ тамъ нѣтъ мѣста, ей тамъ дѣлать нечего; ни возможности, ни средствъ, ни власти, — развѣ сострадать и

---

*) Первыя три части были напечатаны нами въ прошедшемъ году; продолжительное разстройство здоровья автора принудило его отложить окончательную отдѣлку дальнѣйшаго и печатать окончаніе романа отдѣльно въ нынѣшнемъ году.—*Ред.*

утѣшать... То-есть, разнѣживать человѣка, примирять его съ его положеніемъ, улучшать бытъ его тюрьмы и тѣмъ упрочивать ея существованіе, признавать ея законность! Но ради самаго этого человѣка, ради его достоинства, какъ осмѣлиться сочувствовать такому возмутительному несчастью? Не надо утѣшеній. Пусть онъ потеряетъ терпѣніе, презираетъ, стыдится самого себя, но пусть разбудитъ свои силы и вырвется...

Она вѣрила въ его силы. Она не мечтательно представляла себѣ день за днемъ, часъ за часомъ скромную, занятую жизнь, которую будетъ вести Верховской, одинъ, отыскавъ прежнихъ друзей и новыхъ людей по сердцу. Она ужъ видѣла, какъ возвращались къ нему и покой и строгое довольство труженика, при сознаніи, что трудъ не напрасенъ. Вотъ примѣръ—ея отецъ. У него, у милаго, былъ тоже примѣръ... Онъ будетъ то, чего хотѣла его *радость*—человѣкъ для всѣхъ. Не честолюбецъ-чиновникъ, не благодушный начальникъ, а мыслящій дѣятель, чернорабочій съ жаждой вѣчной правды, — той правды, которая такъ вполнѣ захватываетъ весь кругъ дѣйствій человѣческихъ, что не оставляетъ забытой ни одной мелочи, не брезгаетъ приложить и къ ней руки....

— Иди на свободу, счастье мое, иди, не пропадай даромъ! повторила она вслухъ, будто еще видя его предъ собою на томъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ услышала отъ него еще непонятныя, несмѣлыя слова любви, гдѣ новое чувство, вдругъ, солнцемъ освѣтило ея душу. Эта минута, это чувство.... вотъ онѣ, вѣчно живыя!

Она оглянулась кругомъ: она была одна. Что-то острой болью прошло у нея въ груди.... Онъ будетъ свободенъ, занятъ; онъ будетъ счастливъ.... Но онъ уйдетъ, и разлука—вѣчная....

Она попробовала выговорить свое привычное: «справлюсь!» но ея губы задрожали и вмѣсто слова вырвалось рыданіе....

Все это время онъ былъ съ ней, на глазахъ; она думала только о немъ, раздражалась его тоской, мольбами, возраженіями, волновалась, негодовала; она рѣшилась на разлуку, но не вообразила разлуки, еще ни разу не представила себѣ опредѣленно, чтó будетъ здѣсь, когда совершится то, чтó она называла его освобожденіемъ. Теперь она поняла ясно: ея жизнь раздѣлилась на-двое, и тó, что отрывалось, уносило съ собою молодой пышный цвѣтъ—радость за себя.... До настоящей минуты, преданная, восторженная, чистая дѣвушка и не предполагала, чтобы у нея могло быть чувство собственное, личное, своя печаль, своя ничѣмъ неотвратимая бѣда, предъ которой сжималось никогда неробѣвшее сердце. Теперь, когда вдругъ такъ неожиданно по-

вѣяло холодной пустотой въ родномъ домѣ, теперь, когда въ душѣ только-что сверкнулъ могучій родникъ еще неизвѣданнаго блаженства, теперь разомъ проститься со всѣмъ на вѣки, — на вѣки, потому что такое блаженство не повторяется...

— Что будетъ со *мною*? спросила она себя въ первый разъ въ свои двадцать-два года, отчаянно захвативъ свою поникшую голову.

Она себя знала: впереди ни облегченія, ни утѣшенія. Это — конечное. Любятъ только однажды. Отдала всю душу, а душа только одна. Нѣтъ *его*—и ничего нѣтъ.

Вокругъ нея вставалъ тотъ ужасъ, который она ужъ однажды отклонила. Но тогда было легче. Тогда еще не было рѣшено, и у нея еще оставалась твердость сказать себѣ: «не должно», еслибы она сознала, что не должно. Теперь — любовь стала ея человѣческой обязанностью. Что дѣлать?

Женатъ, связанъ... Предъ Богомъ и совѣстью — онъ свободенъ!

Онъ, тоже, до сихъ поръ не зналъ, что такое любовь. Онъ, тоже, стоскуется одинъ. Никто, никогда такъ не взглянулъ ему въ глаза; никому онъ не былъ такъ дорогъ... Матери,—но мать не такъ его любила. Не меньше, конечно, но счастливѣе,—вотъ въ чемъ разница. Мать всегда могла быть съ нимъ, могла доказывать свою любовь на дѣлѣ...

— Такъ я побоюсь людей? спросила себя Катерина и тихо, зло улыбаясь, покачала головой. — Богъ не страшенъ, а люди будутъ страшны... Ужъ не слишкомъ ли много для нихъ чести? Если я нужна ему...

Вдругъ ее обдало будто огнемъ. *Ему*... Но развѣ онъ у нея одинъ? А тотъ, безупречный, несчастный, которому она одно утѣшеніе и святыня, который для нея не досыпалъ ночей, не доѣдалъ своего рабочаго хлѣба, который тоже цѣловалъ ея ноги, вотъ, тутъ, у ея дѣвичьей постели... Оставить его, промѣнять его... Отецъ...

Въ глазахъ у нея потемнѣло; все кругомъ зашаталось... Въ отворенный балконъ блеснулъ всходящій мѣсяцъ...

Возвращаясь изъ Спаскаго въ N., m-me Волкарева находила, что путешествіе очаровательно, и безпрестанно выглядывала изъ окна кареты на маленькій тарантасъ, въ которомъ мчались Лѣсичевъ и Верховской, безцеремонно, весело, какъ истинные друзья, смѣясь, разговаривая, закуривая другъ у друга сигары, подтягивая пѣсни вслѣдъ за ямщикомъ. Обѣдъ на станціи, о

которомъ Верховской заранѣе посылалъ распорядиться, вышелъ такъ удаченъ, такъ оживленъ, что m-me Волкарева нѣсколько разъ пожалѣла, какъ коротка дорога. Дорога показалась коротка и Верховскому. Онъ не задумывался ни минуты, онъ былъ счастливъ. Въ счастьи беззаботность доходитъ до эгоизма; не замѣчая, что Катерина измучена, Верховской досадовалъ, что она не въ духѣ. Судя по себѣ о чувствахъ другого, всего легче потерять имъ мѣрку: сочувствіе къ другому заглушено своимъ собственнымъ чувствомъ, и человѣкъ, неожиданно, самъ не зная какъ, дѣлается самъ предметомъ собственной заботы. Верховской забылъ, что̀ могла думать и чувствовать Катерина, и думалъ только, что, вотъ, она не хочетъ раздѣлить съ нимъ удовольствія этого перваго дня на свободѣ. Любовь тотчасъ спѣшитъ захватить власть: Верховской рѣшилъ, что Катерина капризничаетъ и что не надо обращать на это вниманія. Онъ еще меньше обращалъ вниманія на Лѣсичева, который дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и добродушно занималъ общество. — У подъѣзда Катерины, пока m-me Волкарева кричала ей «Au revoir»! оба—Лѣсичевъ и Верховской, вышли проводить ее въ домъ. Верховской не выдержалъ больше и поцѣловалъ ея руку.

— Благодарю за то, что вы были у меня, сказалъ онъ, едва совладѣвъ съ своимъ голосомъ, глядя на нее и радуясь, что Лѣсичевъ не могъ видѣть его лица.

Лѣсичевъ глядѣлъ ей въ лицо и почтительно откланялся. Верховскому вздумалось пошутить.

— Чтожъ вы, при случаѣ, тоже не поцѣловали ручки? спросилъ онъ, пока Лѣсичевъ везъ его въ гостинницу.

— Я даже и не подалъ руки, отвѣчалъ Лѣсичевъ.

— Чтожъ такъ?

— Да ужъ довольно.

— Но давно-ли вы увлекались?

— Давно. Это забавно.

— Катерина Николаевна не станетъ забавляться.

— Надѣюсь, вы не станете увѣрять, что она меня любитъ?

— Нѣтъ, но...

— Что «но?..» спросилъ Лѣсичевъ серьезно.

Верховской въ пору одумался.

— Она васъ не любитъ, если отказала вамъ, отвѣчалъ онъ, тоже серьезно:—но забавляться чьей-нибудь любовью...

— Безчестно, досказалъ Лѣсичевъ:—и она этого не дѣлаетъ. Я самъ себѣ забавенъ, а потому—довольно... Когда же увидимся? прибавилъ онъ, потому что ужъ остановились у крыльца гостинницы.

— Развѣ вы не придете сегодня къ Волкаревымъ? Она звала.
— Нѣтъ, я домой, отдыхать.
— Такъ до завтра.

Верховской занялъ въ гостинницѣ уже знакомую комнату, располагаясь въ ней покойнѣе, нежели у себя въ Спасскомъ, и подумалъ это, машинально кладя на привычное мѣсто свои часы, фуражку, перчатки. Онъ чувствовалъ себя свободнѣе. Ему было какъ-то пріятно звать прислугу и приказывать, распоряжаться, даже прихотничать. Вдругъ придумавъ, онъ сейчасъ же послалъ сказать на почтѣ, чтобы письма на его имя уже не передавались посланнымъ изъ деревни, а приносились къ нему сюда. Надобности въ этомъ поспѣшномъ приказѣ не было никакой, но Верховской доставлялъ себѣ удовольствіе заявить этимъ, что онъ въ N. надолго. «*Надолго*» повторялось у него въ сердцѣ и хорошо, беззаботно нѣжило. Являлись какія-то, совсѣмъ молодыя чувства: то поспѣшность жить и пользоваться, то своевольная, сама себя поддразнивающая лѣнь. Такъ, Верховской помнилъ, что недалеко, за какія-нибудь двѣ-три улицы Катерина, что она теперь одна, что у него, до вечера Волкаревыхъ, еще два часа свободныхъ, что назадъ тому недѣлю онъ отдалъ бы все на свѣтѣ за такіе два часа, — помнилъ все это и не шелъ къ Катеринѣ, а прилегъ на диванъ, говоря себѣ, что «все успѣется», и перебирая въ памяти послѣдніе дни, какъ скупой пересчитываетъ свои сокровища.

У него и было именно ощущеніе скупого: въ рукахъ много— и все мало. Онъ былъ очень счастливъ и не былъ доволенъ... Все истинное такъ просто, что не цѣнится, какъ не цѣнится дневной свѣтъ: если ему и радуется человѣкъ, долго бывшій въ потемкахъ, то, чрезъ нѣсколько минутъ, неблагодарно-равнодушный, принимаетъ это благо только какъ необходимое и должное. Любовь Катерины была такимъ свѣтомъ. Она поразила, охватила разомъ и тотчасъ же, разомъ, сдѣлалась привычкой. Свѣтъ горѣлъ ровно, озаряя всю жизнь, а въ ней и такіе углы, въ которые измученной, наболѣвшей душѣ не хотѣлось по крайней мѣрѣ еще долго заглядывать; онъ все напоминалъ, все указывалъ, все торопилъ на дѣло. Свѣтъ рабочаго дня, а Верховскому хотѣлось праздника. Она не давала праздничать; будто чрезъ-силу, она подарила нѣсколько спокойныхъ часовъ и не тяготилась ими. Нельзя было упрекнуть ее въ эгоизмѣ,—Верховской упрекнулъ въ холодности, повторилъ не разъ, что она любитъ только разсудкомъ. Выговаривая упрекъ, онъ клонилъ голову предъ ея чистымъ, опечаленнымъ взглядомъ, но не каялся. Люди привыкли къ женскимъ слезамъ и думаютъ, что безъ слезъ женщи-

вы ужъ и не любятъ. Чувство, въ которомъ истина казалась бы еще необходимѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ, какъ-то странно требуетъ прикрасъ, мечтательности, сантиментальности, не разбираетъ, что «забыть весь міръ» гораздо легче, нежели среди восторговъ помнить всякую невзгоду, которая можетъ повстрѣчаться на пути дорогого человѣка,—и помнить ее не съ хлопотливой, слабой, докучливой, охлаждающей робостью женщины, а съ преданной отвагой товарища, готоваго броситься въ огонь и воду и умѣющаго уберечь. Эта отвага и рѣшительность... Какъ сказать? Вмѣсто нихъ хотѣлось бы чего-нибудь другого. Можетъ быть, тоже рѣшительности, но на что-нибудь другое...

Въ комнатѣ становилось темно. Верховской разглядѣлъ часы и спросилъ одѣться.

Вотъ, такую свѣтскую жизнь называютъ пустою... И *она* ее такъ называетъ...

Пожалуй, да; съ вида пусто. Но когда въ человѣкѣ сильное, истинное оживляющее чувство, тогда и свѣтская пустота имѣетъ свое значеніе, даже свою прелесть — отъ противоположности. Встрѣтиться мелькомъ, между чужихъ, сказать всю душу въ полусловѣ, обмѣняться взглядомъ, украдкой пожать руку, на зло завистникамъ, ревнивцамъ, злымъ языкамъ... Но это наслажденіе! это весело лукаво, ярко, какъ блудящіе огоньки; это придаетъ цѣну счастью, это учитъ пользоваться всякой минутой и не дѣлать промаха... Женщины бываютъ такъ граціозно ловки... Свѣтская неволя! Кто захочетъ, тотъ и среди неволи возьметъ свое...

Верховской пріостановился въ фантазіяхъ о своей свѣтской ловкости, вспомнивъ вдругъ, что, кажется, надѣлалъ довольно промаховъ этими днями, въ деревнѣ. Къ счастью, жена не замѣтила, а Волкарева все принимаетъ на свой счетъ. Развѣ Лѣсичевъ?...

Верховской искренно расхохотался. Вотъ еще охота заботиться! Присматриваться и замѣчать врага! Еслибъ еще соперника, это было бы на что-нибудь похоже...

Однако Лѣсичевъ что-то говорилъ ей...

Ему вдругъ тревожно, какъ-то страшно вспомнился вечеръ въ лѣсу. Искреннее чувство выглянуло изъ-за свѣтскаго тумана; все, что нарядно, игриво придумывалось за минуту, куда-то разлетѣлось...

— Что это я, сказалъ онъ самъ себѣ. Вспоминаю Богъ-знаетъ что, остерегаюсь Богъ-знаетъ чего... Что раздумывать, будь что будетъ! Отецъ еще не пріѣзжалъ; будемъ видѣться всякій день...

Ему стало тяжело жаль этихъ двухъ потерянныхъ часовъ, которые онъ могъ бы провесть съ нею...

— Отецъ пріѣдетъ, а тамъ еще этотъ братъ... продолжалъ онъ раздумывать, идя къ Волкаревымъ.—Конечно, ни за что на свѣтѣ я не признаюсь *ей*, что участвовалъ въ хлопотахъ за ея брата. Но и въ самомъ дѣлѣ, много ли я участвовалъ? Дядя не потрудился даже мнѣ отвѣтить и, по всей вѣроятности, ничего бы не сдѣлалъ, еслибъ не просила Лидія Матвѣевна... Но если бы и такъ, развѣ я хотѣлъ дурного? я воображалъ, что это будетъ для *нея* счастье... Сюрпризъ вышелъ неудаченъ, — дѣлать нечего!...

Онъ горько досадно разсмѣялся, и вдругъ ему вошло въ голову сходство этого *сюрприза* съ тѣмъ, который онъ сдѣлалъ матери, женившись... Онъ тогда тоже хотѣлъ недурного...

У него вырвалось рѣзкое движеніе ужъ не отъ досады, а отъ чего-то невыразимо тяжелаго, чтó на него будто упало; какой-то странно суевѣрный испугъ, чувство мучительное до болѣзненности. Въ эту минуту онъ былъ готовъ броситься въ ноги къ Катеринѣ, признаться во всемъ, высказать все, просить ея прощенія не намеками, а прямо... Онъ повернулъ въ сторону къ ея дому и остановился. Ужъ поздно, она встревожится... некогда...

Верховской воротился на бульваръ, присѣлъ, отдохнулъ и пошелъ къ Волкаревымъ.

Губернаторскій домъ былъ тихъ и неосвѣщенъ. Верховской удивился, узнавъ, что «не здоровы и не принимаютъ», и ужъ уходилъ, но Волкаревъ самъ отворилъ дверь изъ залы.

— Андрей Васильевичъ, милости просимъ; для васъ двери всегда отперты.... Отказывать всѣмъ! прибавилъ онъ, уводя Верховскаго въ свой кабинетъ. Я васъ поджидалъ....

— А Марья Васильевна?

— Une migraine.... Ее такъ поразило....

Кабинетъ, полный дѣловыхъ принадлежностей, былъ съ претензіями на щегольство женской гостинной: маленькія картинки въ золотыхъ рамкахъ, на этажеркахъ кипсеки и блестящія бездѣлки, на письменномъ столѣ букетъ розъ и статуэтка Рашели. Абажуры на лампахъ бросали на все зеленый оттѣнокъ, отъ котораго казалось еще мертвеннѣе всегда интересно-блѣдное, худощавое лицо Волкарева. Верховской замѣтилъ, что онъ разстроенъ и что его рѣдкіе сѣдые волосы разметаны въ искусномъ безпорядкѣ.

— Безъ предисловій, мой дорогой Андрей Васильевичъ.... Но прежде всего, благодарю, что вы пріѣхали, заговорилъ онъ по-французски. Я такъ и ожидалъ отъ вашей дружбы.

— Это очень небольшое доказательство, сказалъ Верховской.

Волкаревъ поспѣшно пожалъ ему руку.

— Да.... Но въ критическія минуты жизни оно дорого!... А я провожу такія минуты, прибавилъ онъ, порывно отвернувшись и отходя, чтобъ скрыть, или чтобъ еще усилить свое волненіе.

Верховской посмотрѣлъ ему вслѣдъ въ затрудненіи. Занятый исключительно своимъ чувствомъ, онъ очень равнодушно относился къ чувствамъ другихъ и не былъ приготовленъ къ патетическимъ выходкамъ, а тѣмъ менѣе со стороны Волкарева. Волкаревъ ужъ какъ-то однажды посвящалъ его въ таинства своихъ служебныхъ огорченій, но еслибы Верховскаго спросили, что̀ онъ изъ нихъ помнилъ или понялъ—онъ бы очень затруднился отвѣчать. Въ настоящую минуту, онъ такъ и ждалъ, что рѣчь зайдетъ объ этомъ и соображалъ, какъ вывернуться. Ему становилось почти забавно.

— Надо, наконецъ, выговорить ужасное слово, началъ глухимъ голосомъ Волкаревъ, остановясь предъ Верховскимъ и скрестивъ руки. Mon jeune ami, je suis déshonoré!

Поза удалась, но должно быть въ самомъ чувствѣ была правда, потому что не удалась декламація: голосъ губернатора задребезжалъ и сорвался очень неэффектно.

— Вы понимаете, что въ такомъ положеніи.... попробовалъ онъ заговорить еще — и не могъ продолжать.

— Скажите скорѣе, что̀ случилось?

— Вы понимаете.... я писалъ вамъ.... я хотѣлъ довѣриться....

— Я отъ всей души это цѣню, сказалъ Верховской, которому стало досадно на себя и совѣстно:—сдѣлайте милость, говорите....

— Предчувствіе меня не обмануло! вскричалъ Волкаревъ. Благородный молодой человѣкъ!... сравнительно, годами, предо мной вы — юноша, vous seriez mon fils.... Вы можете понять, когда все, карьера, сѣдые волосы.... Prenez place, mon ami. Это долгая исторія.... Да! между прочимъ... вы не говорили съ Лѣсичевымъ?

— Какъ вы желали, я не сказалъ ему, что вы меня вызывали.

— Нѣтъ, о его поѣздкѣ?

— Чтó-то вскользь. Вы давали ему письмо?...

— Дуракъ!! — вскричалъ, забывшись, губернаторъ. Pardon, mon cher, je suis exaspéré! Вотъ, можете судить, вотъ примѣръ, какими людьми я окруженъ, могу ли я на кого-нибудь положиться....

Онъ удержался.

— Это такъ, un épisode.... Лѣсичевъ нейдетъ къ нашему дѣлу. Ему было дано незначительное, самое незначительное письмо, и, для испытанія—не велѣно болтать.... Не могъ воздержаться!... Все равно.

Однако, онъ нѣсколько времени не могъ успокоиться и замѣтно растерялся. Верховской, съ той минуты, какъ упрекнулъ себя въ недостаткѣ участія, ужъ не былъ разсѣянъ, но подмѣчать что-нибудь не было его способностью. Онъ машинально вспомнилъ, что Лѣсичевъ разсказывалъ о какой-то дамѣ, тамъ, въ уѣздѣ,— машинально замѣтилъ гипсовую ножку въ башмачкѣ, служившую вмѣсто пресспапье, — но подобныя вещи никогда не казались ему особенно забавными и занимательными.

— Я докажу вамъ вполнѣ мое довѣріе, дорогой Андрей Васильевичъ, началъ Волкаревъ, собравшись съ мыслями. Между нами не должно быть ни тѣни тайны, pas même l'ombre d'un mystère.... Это письмо, — само по себѣ неважное! — важно для одного молодого человѣка. Я принимаю въ немъ участіе. Онъ готовъ сдѣлать неосторожность, увлечься.... какъ увлекаются въ вашъ возрастъ! Я спѣшилъ его предостеречь....

Верховской подумалъ, что на это есть почта и губернаторъ могъ бы выражать участіе, не разсылая чиновниковъ, — но это было ужъ такъ обыкновенно.

— Это не относится къ дѣлу, продолжалъ Волкаревъ:—развѣ тѣмъ сходствомъ положенія, что неосторожный молодой человѣкъ рискуетъ своею будущностью, также какъ я, старикъ, теперь на одинъ только шагъ отъ потери всего моего прошедшаго.... Infamie!!

— Невозможно! прервалъ Верховской.

— Невозможно—а дѣлается! возразилъ губернаторъ:—меня обвиняютъ въ кражѣ!

— Невозможно! разскажите, чтó это такое? повторилъ Верховской.

— Mais, mon ami, prenez donc place....

Волкаревъ разсказалъ ему исторію. Это была, съ подробностями, та самая, которую соскучился разсказывать Лѣсичевъ. Старый помѣщикъ, холостякъ и скряга, умеръ года два назадъ, въ своемъ имѣніи, не оставивъ ни завѣщанія, ни распоряженій,

ни даже послѣдней воли священнику, котораго позвалъ предъ смертью. Земская полиція описала и опечатала домъ и извѣстила наслѣдниковъ. Наслѣдники нашли, въ пыли, въ какомъ-то кіотѣ за образомъ, бумагу, писанную покойникомъ—нумера билетовъ «на неизвѣстнаго» въ сумму тысячъ за сто, положенную имъ въ ломбардъ. Билеты, какъ говорилось въ той же бумагѣ, хранились въ шкатулкѣ, всегда стоявшей у изголовья покойника; слѣдовали ея примѣты. Шкатулка стояла на мѣстѣ, билетовъ въ ней не оказалось.

— Вы понимаете, что я горячо, строго принялся, продолжалъ Волкаревъ. Прислуга этого Плюшкина, édition revue et corrigée — какая-то баба, нѣчто въ родѣ ея племянника, полуидіотъ, — все это было задержано, допрошено. Сосѣди — никто ничего не знаетъ. Священникъ—и на-духу не слыхалъ объ этихъ деньгахъ. Что прикажете дѣлать? J'ai remué ciel et terre—ни слѣда! Наслѣдники.... Мауровы, богатые люди, живутъ въ Москвѣ, но, понятно, что и при богатствѣ никто не откажется отъ поисковъ сотни тысячъ!... Наслѣдники, съ своей стороны, дознавали, хлопотали. Въ подобныхъ случаяхъ, вы знаете, когда нѣтъ доказательствъ—доказательства изобрѣтаются. Видите ли: сосѣди, мужики толкуютъ, будто невозможно, чтобъ у покойника не было денегъ. На какомъ основаніи «невозможно»—потрудитесь догадаться, а я не могъ. Будто бы потому, что мужики работали, доходы были.... quelques misères!... Ну, положимъ, онъ былъ скряга, копилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ человѣкъ глубоко религіозный; его молчаніе даже на исповѣди именно доказываетъ, что онъ раздавалъ втайнѣ.... И въ самомъ дѣлѣ, тамъ, въ томъ же уѣздѣ, чудесами создалась пустынь. Вы слышали?

— Нѣтъ, не слыхалъ, отвѣчалъ Верховской.

— Oh, la grâce ne nous abandonne pas, même dans ce siècle pervers! воскликнулъ Волкаревъ съ глубокимъ умиленіемъ. Я былъ тамъ.... И что̀ еще болѣе меня убѣдило и должно было бы, казалось, убѣдить всякаго: въ церковной кружкѣ нашелся одинъ изъ этихъ билетовъ....

— Стало быть, они дѣйствительно были?

— Можетъ быть, что-нибудь, немногое, не спорю. Можетъ быть,—и даже вѣроятнѣе, — это простая случайность. Мало ли кто жертвуетъ! А всего вѣроятнѣе, что этотъ оставленный всѣми старикъ былъ помѣшанъ и, себѣ въ утѣшеніе, — особаго рода манія!—писалъ счетъ своихъ воображаемыхъ сокровищъ! Маніи бываютъ всякія.

— Эта — довольно странная, замѣтилъ Верховской.

— Да, но билетовъ все-таки нѣтъ, возразилъ нетерпѣливо

Волкаревъ: — нигдѣ нѣтъ.... Господа Мауровы, руководясь слухами, не знаю чѣмъ, построили цѣлый доносъ на недобросовѣстность моихъ чиновниковъ, приплели туда объ упущеніяхъ въ слѣдствіи, о пристрастности допросовъ, о моей излишней снисходительности.... потому что я, въ угоду ихъ фантазій, не сбросилъ съ мѣста этого несчастнаго исправника....

— Того молодого человѣка, къ которому вы писали? спросилъ, не подумавъ, Верховской.

Волкаревъ смутился.

— Да.... Но я знаю его, какъ себя, онъ не способенъ, не способенъ на низость! вскричалъ онъ, снова приходя въ волненіе. Онъ мнѣ всѣмъ обязанъ.... ce pauvre enfant.... Это чувство всегда священно!

Онъ съ горестью и достоинствомъ сжалъ руку Верховскаго.

— Я страдаю вдвойнѣ, — какъ начальникъ губерніи и.... и, наконецъ, это довершилось! Мои враги—ихъ у меня довольно! достигли того, что я обвиняюсь уже не въ потворствѣ виновному чиновнику, а въ сообщничествѣ, въ покражѣ этихъ грязныхъ денегъ.... Tenez, lisez vous-même, вотъ письмо князя Петра Александровича. Онъ меня предупреждаетъ.... Lisez, mon ami, je n'ai rien de caché pour vous; я вамъ сейчасъ открылъ все мое сердце....

Верховской взялъ письмо; губернаторъ сѣлъ, наклонивъ къ колѣнямъ и захвативъ руками свою сѣдую голову.

Въ письмѣ Волкарева увѣдомляли, что въ Петербургѣ рѣшили прислать, въ N. чиновника для раскрытія дѣла объ этой пропажѣ и другихъ, къ нему прикосновенныхъ дѣлъ, которыя найдутся. Верховской читалъ именно эти слова, когда ему на плечо легла рука Волкарева; блѣдное лицо съ помутившимися глазами пришлось рядомъ съ его лицомъ.

— Вотъ мой приговоръ, заговорилъ губернаторъ. «Найдутся!» Конечно, найдутся! Какъ женщина—вся въ постскриптумѣ своего письма, такъ всѣ наши слѣдствія — въ «прикосновенномъ». Дѣло Мауровыхъ—только предлогъ набросить мнѣ сѣть на голову. Je suis condamné.

— Простите, если на это я скажу вамъ азбучное утѣшеніе, сказалъ Верховской, возвращая письмо,—правому нечего бояться.

— Noble coeur!... возразилъ Волкаревъ съ грустью и, въ волненіи проходя по комнатѣ, бросилъ письмо на рабочій столъ. Энтузіастъ!...

Онъ остановился предъ Верховскимъ и продолжалъ, понижая голосъ.

— Знаете ли вы несчастную поговорку нашего отечества:

«безъ вины виноватъ!» Эту формулу униженія и благоговѣнія предъ произволомъ?... Есть гдѣ-нибудь, кто-нибудь,—а я знаю гдѣ и кто! — кому понравилось N—ское губернаторство, и старикъ Волкаревъ будетъ уничтоженъ.... Вы знаете только наружность. Вы слыхали, какъ осуждались люди; вы видали, какъ подписывались имъ приговоры; вы знали, что на ихъ мѣста сажали другихъ людей. Все это только формальность, обрядъ. Вы никогда не знали ни сущности дѣла, ни этихъ уничтоженныхъ людей: они были для васъ — отвлеченность, или—хуже. Завистники-плебеи увѣряли васъ, можетъ быть, что имъ воздано по дѣламъ. Вы молоды, чисты душою—прелестные недостатки!—вы, во имя добра, готовы вѣрить злу и вы ему вѣрите.... Позвольте мнѣ продолжать: вотъ, сейчасъ, ваше слово меня въ этомъ убѣдило: *правому нечего бояться*... О, юноша! Да, это точно она, та божественная азбука, которую мы лепечемъ на скамейкахъ нашей alma mater.... и я тоже лепеталъ ее! И я родился въ Аркадіи!... Но спросите себя, развѣ жизнь, неумолимая жизнь не бросала вамъ въ глаза примѣровъ, что забыто и большее, нежели эта азбука? Развѣ никогда вы не приходили въ негодованіе? О, тысячу разъ, я увѣренъ! Такъ не противорѣчьте же себѣ, не успокоивайте себя насильно, quand-même, символами школьной вѣры! Неправда *можетъ* торжествовать, и зло не тамъ, гдѣ вы думаете!

— Сознаюсь, я еще настолько школьникъ, что вѣрую въ торжество правды, отвѣчалъ Верховской, улыбаясь воспоминанію, отъ котораго у него загорѣлось сердце:—но не думаю, чтобъ я ошибался, видя зло тамъ, гдѣ его вижу.

Волкаревъ посмотрѣлъ на него пристально и помолчалъ.

— Я не буду пытаться поколебать ваши убѣжденія, заговорилъ онъ снова. Мы недавно пережили такое время, когда все молодое и пылкое... Однимъ словомъ, вы, люди 1848-го, бросаете *насъ* за бортъ. И вы дѣлаете большую ошибку. Въ вашихъ благородныхъ надеждахъ и стремленіяхъ вы опираетесь на тѣхъ, кого называете «тружениками....» Croyez - moi, mon cher, vous vous trompez. Бюрократы—еще не государственные люди, а тѣ господа, что пробиваются собственными силами.... во-первыхъ—это люди безъ образованія! Имъ не только не привычны власть, значеніе,—имъ даже небольшой комфортъ въ диковинку, а потому—это грубые, своекорыстные эгоисты. Выслужатъ себѣ чинъ или грошъ — и не стремятся дальше чина и гроша. Не эти господа позаботятся вамъ объ общемъ благѣ.... Вы, лучшій цвѣтъ нашего общества, вы это разглядите впослѣдствіи и пожалѣете о насъ, старикахъ.... Mais, nous n'y serons plus! Мы,

отстороненные, только увидимъ разрушеніе вашихъ химеръ. Тяжело доживать до осуществленія такихъ предсказаній, но они ужъ начинаютъ сбываться.... Сегодня *спустятъ* меня, завтра другого, и на наши мѣста вспрыгнутъ какой-нибудь Горновъ, какой-нибудь Багрянскій....

Онъ вдругъ удержался, замолчалъ, отвернулся и прошелся по комнатѣ.

— А!... сказалъ онъ, вздыхая будто подъ тяжестью. Я, конечно, даже съ отрадой приму свое увольненіе, мнѣ пятьдесятъ восемь лѣтъ — довольно! Но сойти въ ничтожество, въ могилу, утративъ единственное, чѣмъ дорожилъ—доброе имя....

Онъ бросился въ кресла. Верховской задумался. Одну минуту ему вошло въ голову, что это комедія, и тутъ же стало совѣстно этой мысли. Все, что онъ узналъ и видѣлъ въ свое пребываніе въ N., еще не давало права въ чемъ-нибудь серьезно упрекнуть Волкарева. Волкаревъ пустъ — но какъ тысячи другихъ. Пустота—бѣда; но если ужъ терпятъ людей неспособныхъ, то изъ нихъ менѣе всего вредны—вотъ такіе. Не золъ, не корыстолюбивъ.... конечно, достоинства отрицательныя, но при лучшихъ условіяхъ могли бы пригодиться и они. Среди всеобщей тьмы и нескладицы, когда всѣ измельчали и унизились— и Волкаревъ отрадное явленіе; старикъ все-таки послужилъ по мѣрѣ силъ и способностей; его карьера не прославленная, но и не запятнанная. Его оскорбляютъ люди хуже его; оскорбленіе страшное. Не честно отвернуться отъ него потому только, что онъ недалёкъ, не дѣятель, не негодуетъ, потому что въ жизни—онъ *успѣлъ*.... И великъ ли успѣхъ? N—ское губернаторство, на которомъ онъ трепещетъ, какъ писарь на своемъ мѣстѣ! И у бѣдняка еще аристократическія замашки!...

Верховской невольно улыбнулся.... А между тѣмъ — благодушенъ. Аристократъ-губернаторъ невыноситъ плебея-предсѣдателя; папà-Волкаревъ льетъ слезы о сынѣ Багрянскаго.... Багрянскій, на его мѣстѣ, не то бы дѣлалъ.... Вотъ, хоть бы теперь, напримѣръ, дать ему въ лапы этого интереснаго юнаго исправника, и если тотъ немного, чего Боже сохрани.... Да, эта семья вѣруетъ въ торжество правды....

Припомнивъ это слово, Верховской вздумалъ спросить себя, сорвалось ли оно у него вслѣдствіе фразъ Волкарева, или было сказано сознательно? Но самый этотъ вопросъ самому себѣ не есть ли ужъ доказательство невѣрія?...

Сердце у него сжалось. Ему захотѣлось видѣть Катерину....

Оглянувшись машинально, онъ замѣтилъ, что Волкаревъ опять говоритъ что-то, и сталъ вслушиваться.

— Я требую суда! восклицалъ губернаторъ, — я ничего не желаю кромѣ раскрытія истины! Но кто мнѣ поручится за безпристрастіе того господина, который явится сюда, кто знаетъ? можетъ быть, самъ за наслѣдствомъ моего мѣста!... Чего я долженъ ждать отъ него? Какъ я долженъ себя поставить? Хотя бы я вооружился всѣмъ смиреніемъ христіанина....

Верховской думалъ о Катеринѣ. Волкаревъ могъ говорить хоть до завтра. Это «завтра» ужъ наступило: часы стали бить полночь. Верховской не слышалъ. Волкаревъ нетерпѣливо подумалъ, что время уходитъ, а этотъ молчаливый, разсѣянный гость, пожалуй, задремлетъ....

— Съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ это письмо, ужъ не одну полночь сосчиталъ я съ такимъ же замираніемъ сердца.... И въ полночь же.... la nuit porte conseil, — мнѣ мелькнула надежда — на васъ.

— На меня? спросилъ Верховской.

— Вы удивились? Да, другъ мой, на васъ. Я въ глубинѣ души убѣжденъ.... Энтузіазмъ, достоинство, благородное негодованіе — жизнь еще не затемнила ихъ въ вашемъ сердцѣ! ваша молодость мнѣ порукой....

— Но что-жъ могу я сдѣлать? прервалъ Верховской.

— Спасти меня отъ незаслуженнаго позора! Хотите ли?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Но какъ же?...

— Позвольте. Вы ожидаете, что вамъ дадутъ здѣсь какое-нибудь порученіе?

— Да....

— И до-сихъ-поръ его не получали. И не получите, я знаю: въ нынѣшнее время такое порученіе трудно найти.... Попросите, чтобъ васъ назначили слѣдователемъ по моему дѣлу.

Верховской смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Вашъ дядя Каруцкій не очень расположенъ ко мнѣ; назначеніе много зависитъ отъ него, и онъ будетъ радъ случаю послать на меня грозу въ видѣ васъ; онъ предположитъ, что вы ужъ три мѣсяца здѣсь, на слуху.... А я, между тѣмъ, буду увѣренъ, что дѣло поведется по всей строгой справедливости. Предъ вами, я готовъ стоять какъ подсудимый....

— Я не знаю, никогда не разбиралъ подобныхъ дѣлъ.... возразилъ откровенно Верховской.

— Другъ мой, тѣмъ лучше! Вы не бюрократъ, не очерствѣли, не утомились, не предубѣждены. Неопытность — это чистота, это истина! Вы будете человѣкъ, а не слѣдственная коммиссія. Вы все поймете яснѣе, прямѣе, сердцемъ, par intuition.... И самое дѣло такъ несложно, если взглянуть прямо. Я могу самъ....

Я прошу только справедливости! Почти полвѣка службы безъ страха и упрека,—поймите мое чувство....

— Но извините, какъ же это? я долженъ предложить себя....

— Это очень легко; вамъ стóитъ написать вашему дядѣ.... Поймите, я хочу только одного — не попасть въ ловушку, quelque guêt-à-pens. Вы будете искать только той вины, которая заслуживаетъ наказанія, — и вы ея не найдете, я увѣренъ!—но вы не примѣшаете къ дѣлу мелочныхъ придирокъ, вы дадите время.... Но, нѣтъ! вдругъ вскричалъ онъ, рѣзко махнувъ рукой и отходя: — безумный старикъ, эгоистъ, чтó я предлагаю! У васъ впереди столица, всѣ наслажденія жизни, а я зову васъ запереться въ этой волчьей ямѣ, въ этомъ городишкѣ, въ этой пошлости, истратить еще нѣсколько мѣсяцевъ,—и это для меня!... Нѣтъ, другъ мой, простите. Я беру мою просьбу назадъ. Я не заслуживаю такого пожертвованія!

У Верховскаго забилось сердце и вспыхнуло лицо.

— Развѣ это дѣло можетъ пойти надолго? спросилъ онъ, стараясь говорить спокойнѣе.

— Да.... N'y songeons plus, mon ami. Я понимаю ваше молчаніе....

— Нѣтъ, не поняли, возразилъ Верховской, передохнувъ и улыбаясь: — я обдумывалъ.... Я очень радъ сдѣлать, чтò вамъ угодно и остаться здѣсь.... хоть на цѣлый годъ.

— Другъ мой, такъ вы.... Вы согласны? выговорилъ Волкаревъ, весь озаряясь.

— Отъ всей души. Петербургъ мнѣ опротивѣлъ. Я радъ отдохнуть здѣсь....

— Другъ мой, другъ мой....

— Позвольте, прервалъ Верховской и всталъ. Только одно. Мнѣ нельзя писать къ Каруцкому... Откровенно: этотъ господинъ—мелко подозрительный бюрократъ, изъ тѣхъ, что вы и я равно не долюбливаемъ. Нельзя ли устроить это безъ моей просьбы? меня въ сторону, а ваши друзья....

— Oh, j'ai des amis puissants! Они будто случайно подадутъ эту мысль, настроятъ.... вскричалъ въ восторгѣ Волкаревъ. Такъ вы даете мнѣ право?...

— Я васъ прошу; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Мой милый Андрей Васильевичъ! я не нахожу словъ.... Онъ заключилъ его въ объятія.

— Я вамъ буду обязанъ болѣе.... болѣе, нежели возстановленіемъ моей чести!... Eh, tenez, хотя бы впослѣдствіи я долженъ былъ уступить вамъ мое мѣсто, я безъ сожалѣнія....

— N-скую губернію? Благодарю васъ, я не такъ честолюбивъ,—прервалъ, весело смѣясь, Верховской.

— Brave jeune homme! Но, прошу васъ, сохраните это въ тайнѣ. До времени — никому....

— Кому же? возразилъ Верховской.

— Вашей женѣ.... Мы и не подумали! Она не захочетъ оставаться въ этой глуши....

— Тогда можетъ ѣхать въ Петербургъ, отвѣчалъ Верховской еще веселѣе.

— Но разлука съ нею....

— Не предполагаете ли вы у меня двѣнадцать лѣтъ медоваго мѣсяца?

Oh, je crois bien! Вы имѣете все право.... подхватилъ Волкаревъ, хохоча, какъ шалунъ. Въ провинціи, въ этомъ отношеніи, есть своя оригинальность.... Такъ рѣшено? Я пишу князю Петру Александровичу? спросилъ онъ, замѣтя, что Верховской взглянулъ на свои часы.

— Рѣшено. Пишите, отвѣчалъ Верховской, подавая ему руку.

— Ахъ, это будетъ моя первая спокойная ночь.... Но что-жъ вы торопитесь?...

— Отдохнуть тоже.

— Partez, mon ami.

Онъ еще разъ его обнялъ и поцѣловалъ въ голову.

— Вотъ, Богъ съ вами. Laissez-moi vous bénir. Благословеніе старика приноситъ счастье....

Верховской вышелъ. На улицахъ все спало, даже собаки и часовые. Мѣсяцъ только-что поднимался; въ глубинѣ еще темнаго неба тихо дрожали звѣзды.

— Катя, я остаюсь здѣсь, съ тобой, надолго, на вѣки!... выговорилъ онъ, какъ сумасшедшій, громко, на весь пустой бульваръ....

II.

Просыпаясь, Верховской рѣшилъ, что еще отъ роду не зналъ такого крѣпкаго, славнаго, освѣжающаго сна, и поднялся, весь подъ впечатлѣніемъ всего восхитительнаго, чтó ему снилось. Утро—прелесть. Катерина встаетъ рано. Вотъ, возобновляется жизнь, прерванная мѣсяцъ назадъ, только еще лучше, еще полнѣе. Былъ тяжкій промежутокъ;—онъ былъ нуженъ, какъ испытаніе, какъ доказательство, что жизнь иначе идти не можетъ и не

должна.... Сказать *ей*, порадовать?... Нѣтъ, опять дѣла, предположенія! О, Богъ съ ними, успѣетъ! что терять слова, терять время....

Катерина работала надъ планомъ, съ которымъ торопилась. Ей было трудно и горько проснуться. Она оглянулась кругомъ съ тоскою, съ упрекомъ себѣ, со страхомъ — сознавая, что въ душѣ ея была ужъ не отвага, а только терпѣніе....

— Есть дѣло.... Нужно, должно, повторяла она. Мое горе не должно ничему мѣшать.

Но принявшись за работу только терпѣливо, она чрезъ нѣсколько минутъ занялась ею ужъ отъ души....

— Привыкну.... думала она, печально довольная, что не приходила Маша, и заработалась, задумалась такъ, что не слыхала звонка.

— Съ добрымъ утромъ, сказалъ, входя, Верховской. Здравствуй, моя радость!

Ея обѣ руки были заняты, она смутилась, испугалась такъ, что ему было очень удобно цѣловать ее сколько хотѣлось.

— Наконецъ-то я дома! Въ первый разъ *дома* у тебя.... Катя, если бы жить вотъ такъ!

Она не понимала, куда дѣвалось ея мужество. Она такъ твердо рѣшилась приказать ему, едва увидятся, чтобъ онъ скорѣе, скорѣе уѣзжалъ. Она, казалось, такъ вполнѣ оторвала отъ души это дорогое и отдала его *всѣмъ*, осудила себя на забвеніе, простилась, благословила.... какъ, должно быть, прощалась съ нимъ его мать.... И вотъ онъ, опять тутъ, и силы нѣтъ опять поднять въ себѣ это горе.... А кругомъ опять все такъ полно, тихо, хорошо, благодатно! Онъ такъ веселъ, такъ мила его ласка....

— Счастье мое.... Невольно выговорила она.

— Катя!

Ни горя, ни раздумья какъ не бывало....

— Пусти меня работать, сказала она, краснѣя. У меня руки соскучились въ четыре дня. Садись вотъ тамъ, и сиди смирно.

Онъ сѣлъ, только ближе, и положивъ голову на столъ, заглядывалъ въ ея наклоненное лицо. Она смѣялась. Онъ ей мѣшалъ. Говорился вздоръ, лучше котораго нѣтъ ничего на свѣтѣ.... И какое-то спокойное, увѣренное, ясное счастье, еще свѣтлѣе, еще полнѣе, чѣмъ даже тогда, утромъ, въ лѣсу. Чтó-то, чтó ужъ совсѣмъ вошло въ жизнь, взяло свои права, стало въ порядкѣ вещей.... Чрезъ нѣсколько времени говорили даже о постороннемъ, о чужихъ людяхъ, просто, по-семейному, шутили какъ братъ съ сестрой, разсуждали какъ умные люди. Катерина пошла къ этажеркамъ показывать ему свои книги. Его руки ужъ

не дрожали касаясь ея рукъ; ему, безъ удивленія, было пріятно, какъ она много знаетъ.

— А это чтó? спросилъ онъ, снимая съ полки толстый томъ. Ай, стыдъ какой,—Байронъ въ переводѣ! Развѣ ты не читаешь по-англійски?

— Нѣтъ. Въ Петербургѣ только начала — мы уѣхали. А ты?

— Я читаю.

— И говоришь?

— И говорю. Еще ребенкомъ говорилъ; мама выучила. Хочешь, я буду тебя учить? спросилъ онъ, глядя въ ея засвѣтившіеся глаза.

— Хочу.... Но когда же? прибавила она и вдругъ поблѣднѣла.

— Какъ когда? вскричалъ Верховской, спрыгивая со стула, на который влѣзъ за книгою.—Я остаюсь здѣсь, у васъ, въ N., надолго, на вѣки!

— О, Богъ съ тобой, что ты.... Зачѣмъ? выговорила она, блѣднѣя еще больше.

— Испугалась? испугалась? обрадовалась? вскричалъ онъ въ страстномъ восхищеніи, еще удвоенномъ отъ промежутка спокойствія. Сейчасъ говори: — рада?

— Нѣтъ! отвѣчала она.

У него опустились руки.

— Если это шутка,—не шути, больно.... продолжала она:— а если правда.....

— Катя, это правда.

Она сѣла, вся дрожа, молча, опустивъ голову; минутами на ея губахъ пробѣгала какая-то странная, испуганная улыбка. Верховской ждалъ.

— Чтò же, сказала она: — разскажи.

— Это очень просто, Катя. Я думалъ, ты будешь довольна, а не разсказывалъ потому, что меня просили молчать. Но, все равно....

Онъ разсказалъ, что говорилъ наканунѣ съ Волкаревымъ. Катерина слушала не прерывая.

— Такъ ты остаешься здѣсь! сказала она, сама не зная, чтò ее волнуетъ, чувствуя, что ей какъ-то легко, и не смѣя радоваться.

— Остаюсь. Ты видишь, это нужно.

— Я не знаю этого дѣла.

— Оно, можетъ быть, и серьезное.

— Тѣмъ лучше, сказала она, оживляясь и будто схватываясь за мысль:—тѣмъ лучше, если серьезное. Раскрой хоть одну неправду. Если и другія дѣла привяжутся—не отказывайся, дѣ-

лай до конца.... Мнѣ хотѣлось бы для тебя труда по-важнѣе этого....

— Тутъ важно, Катя, что мы будемъ видѣться каждый день.

— Я посмотрю, какъ ты работаешь, прервала она.

— О работница, о мучительница! только и помышленія....

— Нѣтъ, видишь ли, прервала она опять, потупляя глаза, и голосъ ее дрожалъ:—хоть и работа, но все это—полумѣры; ты все въ томъ же положеніи, все также связанъ.... дѣло пустое....

— Ты говорила, что всякое дѣло полезно и нужно.

— Охъ, сдѣлки съ совѣстью!...

— Катя, ты недовольна? ты не хочешь меня видѣть за дѣломъ?

— Ну, такъ и быть, на первый разъ! выговорила она, рѣшаясь и радостно и отчаянно; — я посмотрю. Ты начнешь при мнѣ, а потомъ.... потомъ и одинъ....

Она не могла договорить и отошла.

— Ну, а если мнѣ разрѣшается остаться, вскричалъ Верховской:—такъ полно-же, Катя, не мучь меня! Въ сторону все, и давай жить, вотъ та́къ....

Она обернула къ нему свое прелестное лицо, разгорѣвшееся отъ тревоги, стыдливости, счастья, глаза полные сіянья и любви, робко улыбнулась и тихо протянула руку.

— Ну, садись же тамъ, не мѣшай мнѣ и говори что́-нибудь хорошее....

Верховской въ тотъ же день написалъ въ Москву, чтобъ ему выслали Байрона, диксіонеры, множество книгъ. Досадуя, что надо ждать, что нѣтъ ничего подъ рукою, онъ очень обрадовался, когда ему подали его томикъ «Поисковъ Франклина», забытый въ гостинницѣ во время отъѣзда въ Спасское. Это была находка, единственная англійская книга въ N. Посмѣявшись прошедшему, припомнивъ, что бѣдный томикъ служилъ вѣрою и правдою усыпительнымъ въ скукѣ, Верховской явился съ нимъ къ Катеринѣ. Для нея ученіе бывало всегда серьезнымъ дѣломъ; она принялась такъ охотно, дѣтски-простодушно и прилежно, что занятіе заинтересовало и Верховскаго; уроки не были только предлогомъ быть съ Катериной, а въ самомъ дѣлѣ уроки. Верховской испытывалъ надъ собой ея вліяніе, самъ того не замѣчая. Уроковъ было недостаточно. Они вмѣстѣ принялись читать новое, перечитывать старое, то, что́ восхищало Верховского еще въ его первой молодости; разговорамъ, передачѣ впечатлѣній, размѣну мыслей не было конца....

Верховской сразу устроилъ себѣ жизнь въ порядкѣ. Утро

рано начиналось у Катерины. Въ теченіе дня, онъ успѣвалъ бывать у Волкаревыхъ, которыми ограничивалъ свой кругъ знакомства, а вечеромъ, до поздняго часа, оставался опять тамъ, гдѣ весь день была его душа,—на балконѣ подъ кленами, буквально у ногъ Катерины, потому что полюбилъ нижнюю ступеньку, отнявъ мѣсто у котенка.

Это были странные дни, странное счастье, — молодое, упоительное, но тихое, ровное, спокойное. Верховской каждую минуту помнилъ, что они вмѣстѣ *надолго*. Это *надолго* казалось вѣчностью. Если вѣчность, то можно ждать. Ждалось такъ хорошо, какъ будто лучше ничего и не надо, но ждалось. Чего — Верховской не зналъ и не спрашивалъ себя. Въ немъ вдругъ, безъ усилій, безъ благоразумія, даже безъ размышленій, укротилась всякая тревога. Онъ довольствовался настоящимъ, тѣмъ, что видѣлъ Катерину, говорилъ съ нею и не желалъ больше ничего, наслаждался покоемъ, который освѣжалъ и нѣжилъ, будто чистый утренній воздухъ. Страсть была забыта. Верховской забывалъ все, забывалъ себя и не хотѣлъ выходить изъ забвенія.... Въ послѣднее время онъ привыкъ жить мечтами о милой; теперь, вмѣстѣ съ милой жилъ мечтами о человѣчествѣ, поднималъ со дна своей души идеалы молодости, осмѣянные, отверженные, мучительно измятые людьми, ненавидящими все, чтò повыше ихъ понятій, все, чтò тревожитъ ихъ сонное, сытое существованіе. Много лѣтъ не касался онъ этихъ идеаловъ, сберегая ихъ то благоговѣйно, то робко, отъучаясь сначала отъ словъ, а впослѣдствіи и отъ потребности высказываться. Теперь въ немъ все пробуждалось; повторялось чтò-то свѣтлое, дорогое, испытанное такъ давно, что ужъ переставало сниться и во снѣ. Онъ наслаждался, чувствуя надъ собою силу молодой, чуткой, памятливой, огневой души, которая вѣчно звала, вѣчно влекла, искала безъ усталости, не давала останавливаться, не давала уставать. Свобода, истина, знаніе, свѣтлыя цѣли опять явились ему во всей ихъ красотѣ, возможныя, достижимыя. Покоряясь очарованію, которое заставляло стремиться, онъ восхищался, какъ кротко и просто *она*, добрая, объясняла и примѣняла смыслъ божественныхъ законовъ къ бѣдному житью-бытью человѣчества.... Онъ вдругъ понялъ, что любитъ ее еще какъ-то особенно, — кáкъ, онъ не умѣлъ опредѣлить,—пылко и вмѣстѣ чисто, радостно, будто лучшую прелесть этого *всего*, которое она такъ безконечно любила.... Новый видъ, новая прихоть любви. Любовь растетъ скоро, ежеминутно, и ежеминутно измѣняется....

Верховской раздумался объ этомъ однажды, оставшись одинъ. Онъ провѣрялъ свое счастье. Такія провѣрки сами по себѣ —

счастье, но въ благахъ, которыя отпускаетъ судьба, всегда есть что-то нѣжное, до чего разбору лучше бы не касаться... Верховскому вздумалось сравнить свои настоящія, спокойныя ощущенія съ той бурей, которая была за недѣлю...

— Стало быть, и эта тишь также недолговѣчна? подумалъ онъ съ какимъ-то безотчетнымъ страхомъ. Все хорошо, все ясно,—и все пройдетъ. Чтò-жъ будетъ?.. Общіе идеалы отвлекли мысль отъ тоски собственнаго положенія. Настанетъ минута и это положеніе напомнится опять, само о себѣ напомнитъ. Опять волненія! Опять эта нестерпимая дѣйствительность, съ которой ничего не столкуешь! Опять планы, изъ которыхъ ни одинъ неосуществимъ.

Дѣйствительность ужъ явилась—тѣмъ, что вспомнилась. Всѣ думы о человѣчествѣ, всѣ разрѣшенные и неразрѣшенные вопросы разлетѣлись разомъ въ прахъ, едва коснулись самого Верховскаго, села Спасскаго, N., Лидіи Матвѣевны... Все это внѣ общихъ законовъ...

— Руки отпадаютъ... сказалъ себѣ Верховской. Не боецъ я съ этой мелочностью, съ этой грязью. Все стремленія, все мечтанія... И во всемъ только стремленія и мечтанія! Волкаревъ правъ. Но когда жить иначе нельзя, какъ забываясь? Ждать нечего. Высокое неприложимо, міръ его не вмѣщаетъ; вотъ оно,—воплощенное въ красотѣ, такой же, какъ оно, недоступной. Что-жъ, если прекрасные общечеловѣческіе идеалы успокоиваютъ въ страстной горячкѣ—забываться хоть въ идеалахъ! Если эта прелестная дѣвушка такъ складно и мило распоряжается ихъ помѣщеніемъ среди родныхъ пустынь, провинціальныхъ и всякихъ, гдѣ не зацѣпишься ни за честность, ни за смыслъ—жаль и грѣшно ей мѣшать. Идеалы все-таки высоки и глумиться надъ ними—преступно. Она ими тверда и счастлива. И она такъ хороша, такъ граціозно трогательна въ своихъ поэтическихъ восторгахъ... Недостанетъ духу ее образумливать,—и къ чему?..

Это было далеко не то искреннее, юношеское увлеченіе, которое оживляло его, когда онъ принимался за свою *провѣрку:* онъ, нечаянно, провѣрилъ самого себя. По душѣ прошло смятеніе, жалость къ чему-то, недовольство собою...

— Ждать нечего; жить—забывшись! повторилъ онъ почти отчаянно.

Онъ «не образумливалъ» Катерину, но онъ ее и не обманывалъ, продолжая съ нею свои восторженныя бесѣды: онъ увлекался самъ, и не одними собственными рѣчами или обаяніемъ ея красоты. Съ какимъ-то прощальнымъ чувствомъ тоски онъ искренно любилъ эту вѣру, которую исповѣдывалъ только

на словахъ, эти надежды, въ которыхъ отчаялся; онъ тѣшилъ самого себя, изображая живымъ тô, что считалъ невозвратнымъ или невозможнымъ; онъ забывался, помня, что забывается... Катерина, конечно, не могла этого понять, предположить, даже вообразить. Верховской вдохновлялся, глядя на нее, и былъ краснорѣчивъ,—часто еще краснорѣчивѣе отъ усилій заглушить отрицаніе, которое поднималось въ немъ самомъ. Катерина слушала его и была счастлива. До этого времени она только любила, сострадала, заботилась; теперь она гордилась человѣкомъ, котораго — она не смѣла сказать «выбрала», — котораго судьба послала ей какъ незаслуженное благо. Она повторяла, запоминая, всякое его благородно-сочувственное слово и не помнила, чѣмъ сама его вызвала, принимала его увлеченіе за убѣжденіе, вѣровала въ его твердость, какъ была увѣрена въ собственной твердости. Она видѣла его *сквозь себя*, сквозь сіяніе, которымъ была полна ея душа, котораго она не цѣнила, даже не сознавала, и восхищаясь, принимала его отраженіе за собственный свѣ дорогого человѣка...

Она была счастливѣе его. У него началось недовольство, смятеніе. Она любила безмятежно, бодро, весело. Она спросила себя,—не слишкомъ ли обрадовавшись, что Верховской остался здѣсь, довольствуется она неважнымъ дѣломъ, за которое онъ берется, но рѣшила скоро: неважныхъ дѣлъ нѣтъ, а такими колебаніями, да разборчивостью люди доходятъ до необыкновенно высокаго мнѣнія о самихъ себѣ и становятся никуда негодны. Вотъ, отецъ, — не хуже *его*, а работаетъ. Ну, и онъ работай.

— А между тѣмъ, здѣсь, при мнѣ, ему легче... заключала она, краснѣя, но думая не о себѣ, а единственно о томъ, чтобъ ему было легче.

Онъ ждалъ,—она ничего не ждала. Она брала жизнь, какъ она ей давалась, зная, что это надолго и безъ робости помня, что никакое «надолго» не вѣчно. Она пользовалась временемъ, чтобы сказать милому всѣ свои мысли, открыть всю свою совѣсть, показать все свое житье-бытье, какъ слѣдуетъ между родными. Для него она не одѣвалась наряднѣе, ничего не перемѣняла въ своей обстановкѣ, безъ церемоній при немъ хозяйничала. Смѣшно и нелѣпо щеголять пустяками или прятать какіе-нибудь пустяки отъ *своего* человѣка, — но Катерина не съумѣла бы это дѣлать, еслибы и вздумала. Верховской снисходительно улыбался ея строгой, ясной простотѣ, которая казалась ему незнаніемъ жизни и наивностью; нерѣдко случалось, что простота ея привычекъ задѣвала его какъ-то неловко. Катерина

не могла предположить, потому и не замѣтила, что онъ чуть-чуть насмѣшливо отозвался о ея «лекціяхъ» Машѣ; что онъ однажды неохотно продолжалъ чтеніе по-русски, когда Катерина позвала Машу послушать, и впослѣдствіи избѣгалъ русскаго чтенія; что онъ отговорился головной болью и ушелъ въ одинъ вечеръ, когда пришелъ сынъ отца-дьякона... Верховской какъ-то отвлеченнѣе понималъ равенство и вовсе не понималъ терпѣливости съ людьми малообразованными и удовольствія въ сердечномъ сближеніи съ ними. Это выходило ловко только въ теоріи, *гдѣ-то*... Еще онъ не понималъ такого полнѣйшаго равнодушія къ недостатку многихъ удобствъ въ жизни, бездѣлокъ, баловства, которыми въ особенности любятъ окружать себя женщины. На первый разъ это показалось ему очаровательно; дальше, стало какъ-будто непокойно, скучно. Онъ вспомнилъ, что такъ жила и съ такими простыми людьми сближалась его мать... Нѣтъ, это было что-то другое!

По необъяснимому капризу, онъ сталъ упрашивать Катерину пойти однимъ вечеромъ къ Волкаревымъ.

— Зачѣмъ я буду терять время? спросила она.

Онъ доказывалъ, что это не потеря времени, а необходимая уступка приличіямъ, которыя требуютъ, чтобъ она не пряталась, что ужъ двѣ недѣли, какъ она ѣздила съ Волкаревой въ Спасское, и съ тѣхъ поръ не показывалась нигдѣ, что это назовутъ странностью, или станутъ толковать...

— Это вздоръ, прервала она, по своему обыкновенію, равнодушно, и не пошла.

Верховской пошелъ,—съ досады. Онъ самъ не зналъ почему, изъ преувеличенія, настаивалъ о свѣтскихъ толкахъ: N. славится сплетнями, но на этотъ разъ еще ничего не придумалъ. Катерину слишкомъ много знали и слишкомъ много любили «мелкіе» люди; «высшее» общество мало обращало на нее вниманія и въ четыре года привыкло, что она принимала одна. Волкаревъ, слѣдившій за своимъ «юнымъ другомъ», конечно, зналъ, гдѣ другъ проводитъ свое время, и непріятно призадумывался надъ этимъ «сближеніемъ съ семействомъ врага», но молчалъ, не зная какъ вступиться. M-me Волкарева, всякій день видя Верховскаго, еще ничего не подозрѣвала. Лѣсичевъ, видаясь съ Верховскимъ, не вспоминалъ, даже не называлъ Катерину. Верховской нашелъ, что онъ держится отлично, воспользовался примѣромъ, сталъ и самъ выказывать такое же равнодушіе и, какъ всегда бываетъ въ подражаніи, — преувеличивалъ. Онъ былъ скученъ и неразговорчивъ еще больше прежняго, потому что еще больше прежняго былъ занятъ одной своей мыслью...

Вечеръ, куда онъ отправился съ досады, вышелъ, конечно, несносенъ. Воротясь поздно домой, онъ нашелъ письмо отъ жены, присланное «съ оказіей». Это раздосадовало еще болѣе; это заставило еще сильнѣе пожалѣть о потерянномъ времени, еще разъ оглянуться на странное затишье своей любви... Но вмѣстѣ съ этой оглядкой, Верховскому пришло болѣе отчетливое воспоминаніе о своемъ положеніи, — *воспоминаніе*, потому что онъ какъ-то пересталъ сознавать, что онъ мужъ и отецъ семейства. Онъ сказалъ себѣ, что необходимо благоразуміе, осторожность,— и эти два слова бросили его въ другую крайность, воротили, подняли вдругъ, разомъ, все прежнее безуміе, всю прежнюю тревогу...

— Нужно оградиться... подумалъ онъ.

Онъ взялся ограждаться со всею неловкостью новичка, со всей трусливо пошлой ложью человѣка одуреннаго свѣтомъ: онъ написалъ Лидіи Матвѣевнѣ, что тоскуетъ въ разлукѣ и давно бы воротился въ Спасское, еслибы не дѣла, которыми постоянно занятъ съ Волкаревымъ... Несчастный хохоталъ, когда писалъ это письмо. У него смутно мелькнула мысль разсказать Катеринѣ эту потѣху и вдругъ пришло отвращеніе — выговорить имя жены... Отвращеніе показало ему мѣрку того, чтó онъ сдѣлалъ, но воротить письмо было ужъ поздно.

— Все равно!... сказалъ онъ, махнувъ рукой. Началъ униженіемъ,—кончай униженіемъ!

Утро было дождливое, холодное. Верховской былъ смертельно скученъ за урокомъ.

— Что съ тобой? спросила Катерина: — не случилось ли чего?

— Ничего, отвѣчалъ онъ:—нездоровится.

— Это отговорка. Я не вѣрю.

— Но что-жъ я скажу? возразилъ онъ. Точно, ничего не случилось, и точно, нездоровье, только нравственное. Съ нимъ, видно, ничего не подѣлаешь.

— Отъ него надо бы лечиться разомъ. Уѣзжай.

— Не повторяй этого, сказалъ онъ, помолчавъ съ минуту, рѣзко и рѣшительно. Ты знаешь, какъ мнѣ противна жизнь. Безъ тебя я съ нею не справлюсь.

— Неутѣшительно! выговорила она.

— Катя, жизнь моя, радость! вскричалъ онъ, припавъ къ ней на шею:—мнѣ тяжело! мнѣ стыдно... я недоволенъ собой. Не заставляй признаваться, не спрашивай въ чемъ виноватъ, прости! Только прости! Ты — святая. Такое прощеніе, какъ твое—воскрешаетъ...

— Богъ съ тобой, прервала она:—въ чемъ ты виноватъ, что ты меня возвеличиваешь... Другъ мой, это фразы и нервы. Ты знаешь, какъ я тебя люблю и какъ не люблю... этого.

Она выговорила это съ тѣмъ прелестнымъ пренебреженіемъ, которое всегда приводило его въ восторгъ.

— И ты приказываешь мнѣ уѣхать... вскричалъ онъ.

— Постой... прервала она.

Къ крыльцу кто-то подъѣхалъ верхомъ; въ прихожую вошли, заговорили. Прибѣжала Маша.

— Письмо, сказала она. Прислалъ съ нарочнымъ тотъ чиновникъ, что поѣхалъ съ Николаемъ Степановичемъ.

— Отъ отца? спросилъ Верховской.

Катерина стала читать и вдругъ помертвѣла.

— Что случилось?

— Отецъ боленъ, выговорила она и смотрѣла въ письмо, не шевелясь, будто окаменѣлая.

Въ прихожей, нянька разспрашивала посланнаго, ахала, рыдала и причитала. Катерина вдругъ встала и пошла туда. Верховской побѣжалъ за нею.

— Позволь, няня, сказала она, громко и твердо:—разспрашивать некогда. Вотъ что, обратилась она къ посланному:—потрудись для меня, пожалуйста; мнѣ послать некого. Поѣзжай сейчасъ въ слободу; знаешь дворъ Ефремовыхъ,—скажи старшему брату, чтобъ онъ сію минуту привелъ мнѣ тройку, и чтобъ держалъ другую, готовую; понадобится. Телѣга — какая случится, все равно... Ступай скорѣе... Да́! закричала она ему въ сѣни:—быть на мѣстѣ въ вечерню, прогоны вчетверо!

— Что вы дѣлаете? спросилъ Верховской.

— Ѣду.—Маша, сбери что нужно въ узелъ...

— Матушка, пятьдесятъ верстъ! гляди—дождь-то! въ телѣгѣ, одна, съ мужикомъ... кричала нянька.

— Ради Бога... Но взгляните на себя! повторялъ Верховской.

— Уговорите ее хоть вы! умоляла нянька.

— Возьмите, это письма, сказала Катерина, не слушая, Верховскому:—ступайте къ доктору,—который толковѣе, я не знаю; отецъ всегда былъ здоровъ... И отправьте его за мной слѣдомъ. Они всѣ здѣсь богатые господа, экипажи свои, а лошади, вы слышали, готовы. По письму, онъ сообразитъ болѣзнь, захватитъ лекарство... Ступайте; еще долго ихъ не найдете...

Верховской не оглянулся, какъ она вытолкнула его въ сѣни; онъ остановился, стараясь опомниться, придти въ себя. Эта испуганная, измученная женщина—Катерина? Все что было за

четверть часа... не во снѣ-ли это? Такъ неожиданно, такъ разомъ... И одуматься некогда!

Онъ побѣжалъ исполнить ея приказаніе, нашелъ, отправилъ доктора и торопился опять къ ней, надѣясь еще застать ее, хоть нѣсколько секундъ.

— Куда, слѣдъ простылъ! сказала нянька, сердясь и плача:— и дождь какъ изъ ведра, и телѣга—едва сѣсть, и помчалась— того гляди, костей не останется!

Верховской хотѣлъ скакать вслѣдъ за нею... Волнуясь, онъ ходилъ изъ угла въ уголъ по своему номеру, останавливался вдругъ, безъ мысли глядя въ окна, забываясь, самъ не зная чего ждетъ. Онъ вспомнилъ, какъ однажды погнался за *нею* въ поле, *тогда*... Проклятая жизнь, ни минуты покоя!... Ѣхать къ ней? Зачѣмъ ѣхать? Что тамъ дѣлать?... Но когда-жъ она воротится?...

Онъ шелъ посылать за почтовыми, и въ корридорѣ столкнулся съ Волкаревымъ.

— Прямо изъ присутствія къ вамъ, мой милый Андрей Васильевичъ. Мнѣ сказали—вы встревожились, искали доктора. Un malade dans votre famille?

Верховской очнулся.

— Нѣтъ... отвѣчалъ онъ и, какъ могъ равнодушнѣе, разсказалъ о Багрянскомъ.

— Богъ милостивъ, сказалъ Волкаревъ, тоже какъ могъ равнодушнѣе. И дочь его уѣхала? Она очень эксцентрична, эта молодая особа. Конечно, съ ея стороны... C'est une Antigone. Не проведемъ ли мы день вмѣстѣ? Я нарочно заѣхалъ за вами. Вы у насъ короткій, но такой краткій гость...

Верховской отправился съ нимъ. Задумываться было некогда. При немъ поминали о Катеринѣ, но какъ будто даже не предполагали возможности, чтобъ онъ могъ о ней думать. M-me Волкарева ахнула и забыла. Заговорить о Катеринѣ съ кѣмъ-нибудь, чтобы, хоть называя ее, облегчить сердце — съ кѣмъ, возможно-ли, къ чему? развѣ для того, чтобъ подать подозрѣніе... И безъ того эти двѣ недѣли безпрестанныхъ посѣщеній, конечно, замѣчены. Это надо поправить. Теперь удобный случай...

Онъ провелъ два дня разъѣзжая по знакомымъ, а вечера въ клубѣ, тоскуя, не зная куда дѣваться, не зная что дѣлать, навѣдываясь въ домъ Багрянскаго. Вѣстей не было. На четвертый день Катерина воротилась сама, вмѣстѣ съ отцомъ. Верховской зашелъ какъ-разъ чрезъ нѣсколько минутъ по ихъ пріѣздѣ. Багрянскій былъ боленъ опасно, безъ памяти, не узнавалъ даже дочери. Верховской увидѣлъ ее мелькомъ, не успѣлъ сказать

слова. Усталая, потерянная, озабоченная, Катерина его и не замѣтила. Все въ домѣ сдѣлалось какъ-то неузнаваемо; торопливая суета, тишина, страхъ, слезы, волненіе томящее и утомляющее,— и это потянулось долго, цѣлыя двѣ недѣли. Общество мало безпокоилось о Багрянскомъ и только присылало освѣдомляться; приходили чиновники его палаты, разный людъ. Верховской приходилъ и уходилъ нѣсколько разъ въ день; къ нему привыкли въ домѣ, привыкъ докторъ. Его не замѣчала только Катерина. Для нея кромѣ отца ничего не существовало. Если случалось ей, выходя изъ кабинета, встрѣчать Верховскаго, она машинально говорила съ нимъ, даже приказывала, поручала, но будто не узнавая его, или совсѣмъ не видя; онъ, или кто другой, ей, казалось, было все равно.

— Опять одинъ! опять никому нѣтъ до меня дѣла! повторялъ себѣ отчаянно Верховской.

Онъ измучился; онъ ревновалъ къ этому умирающему. Ему сталъ нестерпимъ ея безстрастный, разсѣянный взглядъ; его отталкивало ея исхудалое лицо, въ пятнахъ отъ безсонницы, ея глаза, выжженные слезами и ночникомъ, ея блѣдныя, сухія губы... Онѣ и всегда были скупы на поцѣлуй, теперь отъ нихъ не добьешься слова, будто и совсѣмъ все что было — кончено на вѣки и забыто... хуже: будто и совсѣмъ ничего не было! Отъ прерваннаго, привычнаго счастья слѣда не осталось; свѣтлое видѣніе любви точно растаяло; опять сплошная тьма, опять пустота... Скучно!... И скука какая-то нетерпѣливая, досадная, будничная...

Онъ бѣжалъ въ клубъ, бѣжалъ къ Волкаревымъ, къ m-me Горновой, куда случалось. Въ двѣ недѣли, N-ское общество его не узнало, такъ онъ сталъ веселъ, одушевленъ, разговорчивъ. О немъ говорили, что онъ «обжился», «осмотрѣлся»; Волкаревъ съ восторгомъ повторялъ, что «онъ нашъ!» У Волкарева отлегло отъ сердца: теперь стало ясно, что не изъ дружбы съ отцемъ Верховской проводилъ свое время у m-lle Багрянской; ясно, что и эта «перелетная шалость» ужъ кончена. Только изъ опасенія — шуткой придать значеніе забавѣ — Волкаревъ воздерживался пошутить «юному другу» его «маленькой сердечной слабостью», его «первымъ délassement provincial»,—но обѣщалъ себѣ это удовольствіе впослѣдствіи, а покуда, мимоходомъ, лукаво поддразнилъ имъ свою жену, отправляясь въ клубъ.

Верховской, сбираясь туда же, зашелъ прежде къ Катеринѣ и остался. Ночь была ужасная; надежды было мало. Въ домѣ все замерло. Верховскаго терзало какое-то раскаяніе. Онъ только заглянулъ въ дверь, на неподвижную фигуру съ сжатыми руками,

стоявшую у изголовья постели—и убѣжалъ въ другую комнату: онъ не могъ оставаться *тамъ*. Онъ ходилъ одинъ въ темнотѣ, выходилъ въ садъ, возвращался, прислушивался и не могъ переступить этого порога. Время тянулось, часы били. Въ глубинѣ дома зашевелились, переходили со свѣчами; не замѣчая его, внесли свѣту въ гостинную, и все опять затихло. Вдругъ что-то поспѣшно отворилась дверь кабинета. Верховской охолодѣлъ и не могъ подняться. Вошла Катерина.

— Поди къ нему, сказала она.

Онъ смотрѣлъ, не понимая.

— Живъ. Все прошло. Поди къ нему...

Она едва говорила; въ радости у нея не стало силъ. Она вспомнила его и, будто по праву, сдавала ему свое мѣсто.

— Катя!...

— Поди къ нему... повторила она, тихо махнувъ рукой и сѣла...

Въ душѣ Верховскаго произошло что-то странное. До этой минуты онъ былъ встревоженъ, раздраженъ; онъ страдалъ, упрекалъ себя, что въ теченіе двухъ недѣль не раздѣлилъ всякаго часа мученій Катерины; теперь—онъ принималъ ея счастье спокойно, чтобъ не сказать—холодно. Когда проходитъ горе, радость показываетъ, велико ли оно было: въ горѣ дѣйствуютъ и нервы, а радость искренна... Верховской вдругъ обрадовался, что можно успокоиться, вдругъ какъ-то понялъ, что не тревожился бы вовсе, еслибъ не тревожилась Катерина, и сознался себѣ въ этомъ даже съ улыбкой... Ну, все прошло, докторъ говоритъ — опасности больше нѣтъ, и слава-Богу... А дальше? Дальше—ничего; все тоже, что было...

M-me Волкарева хотя провела и не безсонную ночь, но встрѣтила утро печально. Замѣчаніе мужа о «перелетной шалости» Верховскаго поразило ее въ сердце... Мужъ доволенъ, что это—не дружба съ отцемъ, а только... Отъ этого нисколько не легче. У мужчинъ вообще, у мужей въ особенности все практическіе, служебные разсчеты. Но мужья бываютъ способны и выдумывать небывалое, ни для чего, ради злого удовольствія... M-me Волкарева съ ужасомъ вспомнила, какъ была безпечна такое долгое время послѣ своего возвращенія изъ Спасскаго, когда довольствовалась короткими, почти церемонными посѣщеніями, вѣрила отговоркамъ, не подмѣчала настроенія духа...

— Но *онъ* меня обманывалъ! рѣшила она въ негодованіи:—

я, какъ дитя, довѣрялась его чувству, а это было — чувство къ другой... это необходимо разъяснить.

Лѣсичевъ, отъ нечего дѣлать, пришелъ къ ней въ это утро.

— Помогите мнѣ разгадать загадку, начала она, еще улыбаясь въ надеждѣ успокоиться и стараясь скрыть свое безпокойство. Я вчера — съ облаковъ упала: мой мужъ разсказалъ мнѣ, что у Багрянской, во все время отсутствія ея отца, утро и вечеръ просиживалъ... какъ вы думаете, кто? Верховской!... Да, Верховской! подтвердила она, рѣшившись взглянуть на своего гостя.

Лѣсичевъ вспыхнулъ и молчалъ.

— Вы знали? продолжала m-me Волкарева.

— Нѣтъ, не зналъ.

— Но вѣдь вы знакомы, вы съ нимъ видитесь часто...

— Я не подсматриваю.

— Такъ этого не было?

— Не знаю.

— Мой мужъ, стало-быть, знаетъ лучше васъ: это было! возразила m-me Волкарева, вспыхнувъ тоже. Такъ онъ влюбленъ въ нее?

— Вы могли это сами замѣтить, отвѣчалъ, не выдержавъ, Лѣсичевъ.

— Ah, cela n'a pas de nom! вскричала чувствительная женщина:—несчастная Лидія!

Лѣсичевъ расхохотался. M-me Волкарева, растерявшись, устремила на него гнѣвный взоръ.

— Сдѣлайте милость, простите меня, сказалъ онъ: — браните меня, какъ вамъ угодно, но не поминайте эту Лидію.... «Несчастная!!» Такая-то госпожа, туда же съ претензіями на счастье!

— Такъ вы считаете ни во чтó права, обязанности...

— Чьи? какія, Марья Васильевна? Ваша Лидія на свѣтъ родилась безъ всякихъ правъ!

— Кáкъ, вы скажете, что Верховской ей не обязанъ?

— Извините, прервалъ онъ горячо и даже вставъ съ мѣста:— извините, я выражусь рѣзко: Верховской—подлецъ, что до сихъ поръ еще помнилъ объ этихъ обязанностяхъ!

— Боже мой... Но вы совсѣмъ обезумѣли! И эта дѣвушка, которая... которую...

— Которая такъ хороша!

— Что-жъ, и она права?

Лѣсичевъ остановился.

— Вы еще не знаете, въ чемъ она виновата.

— Это ясно!

— Я не вижу, сказалъ онъ вдругъ очень серьезно. Извѣстно, что мужчины волочатся, а женщины влюбляются, но всегда ли это далеко заходитъ... Пусть женщины по себѣ разсудятъ, такъ ли это легко, да ужъ тогда сразу и рѣшаютъ, что «ясно...»

— Это урокъ мнѣ?

— Это мое мнѣніе.

— Нѣтъ, это все еще ваше чувство! Вы все еще ее любите! Вы не хотите вѣрить... Вотъ чтó вамъ готовилось!

— Ну, чтожъ! Благополучно миновало! прервалъ онъ почти дерзко и взялся за шляпу. Я васъ просилъ, Марья Васильевна, не упоминать объ этомъ предметѣ. Верховской, другой... мнѣ все равно.

Онъ ушелъ. Онъ въ эту минуту ненавидѣлъ Катерину, но, прибавь m-me Волкарева еще хоть одно слово—онъ не отвѣчалъ за себя. Онъ не могъ опредѣлить, чтó чувствовалъ. Самъ не зная зачѣмъ, по какому-то порыву, чтобъ узнать, провѣрить, убѣдиться, онъ побѣжалъ къ Верховскому.

Верховской былъ дома и съ большимъ удовольствіемъ отдыхалъ послѣ безпокойной ночи. Онъ былъ радъ Лѣсичеву, — съ веселымъ собесѣдникомъ отдыхается еще пріятнѣе,—и удивился, когда Лѣсичевъ, на первое слово, спросилъ:

— Ну, чтò Багрянскій?

— Ничего. Ему легче.

— А она? Катерина Николаевна!

— И она—ничего. Напугалась больше, нежели того стоило, отвѣчалъ Верховской, столько же удивляясь его волненію, сколько тотъ былъ озадаченъ его спокойствіемъ.

Лѣсичевъ больше ничего не добился. Верховской не проговаривался, но не отъ скрытности, а потому, что въ эту минуту ему было нечего скрывать. У его странной любви случился такой охлаждающій промежутокъ, какъ будто ее вовсе не стало. Послѣднія впечатлѣнія были однообразны, унылы, скучны,—самыя прозаическія, — милый образъ вспоминался не привлекательно, наконецъ, не шли на умъ и мечтанія: Верховской—какъ самъ повторилъ не разъ—усталъ до смерти.

— Доволенъ.... ужъ соскучился!... думалъ Лѣсичевъ глядя на него, и не пробывъ и четверти часа, ушелъ также скоро, какъ пришелъ. Его душила тоска, о которой онъ не имѣлъ понятія, было чего-то смертельно жаль, больно, обидно, и все—чему-то не вѣрилось....

— Сантиментальничаю!.. подумалъ онъ, попробовавъ надъ со-

бой разсмѣяться. Ну, такъ и быть: дадимъ себѣ послѣднюю поблажку. Я два мѣсяца,—съ тѣхъ поръ какъ *она* меня спровадила,—не переступалъ ея порога; но вѣдь мнѣ не отказано отъ дома, я знакомый; тоже могу навѣстить... Правда, въ деревнѣ было неловко... Ну, такъ и быть!

Онъ тихонько дернулъ звонокъ у дверей Багрянскаго. Катерина отворила ему сама.

— Вы пришли меня поздравить? сказала она радостно, ласково, безъ удивленія.

Она была еще вся будто смята своимъ горемъ, еще измучена, но такъ счастлива, такъ вполнѣ занята только однимъ, что не могло оставаться сомнѣнія: ея совѣсть ничто не туманило. Улыбаясь сквозь слезы, кротко, дѣтски-торопливо, она шепталась съ своимъ гостемъ въ прихожей, не приглашая его дальше, и все прислушивалась въ комнату отца... Лѣсичевъ не понималъ, что̀ съ нимъ дѣлалось.

— Теперь я вамъ мѣшаю, сказалъ онъ какъ-то невольно:— могу я придти послѣ?

— Конечно! милости просимъ! отвѣчала она довѣрчиво, сердечно, сжимая обѣ его руки, не прощая, а, просто, не помня ни обиды, ни огорченія, ничего, что возмутило ея жизнь до этого дня.

— И ей-то полюбить Верховскаго?... спросилъ себя Лѣсичевъ, сходя съ крыльца. — Да я въ самомъ дѣлѣ обезумѣлъ!!

Вечеромъ, m-me Волкарева не могла надивиться веселости, оживленію, любезности Лѣсичева; онъ даже не спорилъ съ нею, былъ предупредителенъ, былъ чувствителенъ, превзошелъ самого себя и всѣ ея ожиданія и даже не далъ замѣтить отсутствіе Верховскаго, который провелъ три часа въ кабинетѣ губернатора и вышелъ оттуда озабоченный. Волкаревъ получилъ извѣщеніе отъ своихъ петербургскихъ друзей, что Верховской назначенъ на разслѣдованіе разныхъ дѣлъ въ N-ской губерніи, и предписаніе объ этомъ явится, вѣроятно, съ слѣдующей почтою.

— Жребій брошенъ! Все въ вашихъ рукахъ, другъ мой! говорилъ Волкаревъ. Вамъ остается предупредить вашу жену.

Верховской объ этомъ ужъ думалъ. Онъ ужъ вообразилъ, что̀ это будетъ... Хлопоты, переговоры, уговоры, непріятности, счеты, сцены, все, что̀ сгоряча и издали казалось такъ просто, вблизи отвращало, почти пугало пошлой вознею. И какъ нарочно, все это подошло въ такое время, когда посовѣтоваться не съ кѣмъ...

— *Ей* теперь не до меня! подумалъ онъ съ досадой... Но если бы и былъ у нея досугъ и время — силъ нѣтъ говорить ей о такихъ затрудненіяхъ. Все это мелкое, разъѣдающее не-

счастье должно выноситься молча, — и никто не пожалѣетъ о немъ!

Ему вдругъ показалось, что, оставаясь, онъ приноситъ жертву... Онъ задумался.

— Вы недовольны, что остаетесь съ нами? тихо спросила m-me Волкарева, все-таки не желавшая терять своихъ иллюзій.

Пришлось отговариваться любезностями. Все это было глупо, неловко, гадко. Какой-то ужасъ схватилъ его холодомъ за сердце, когда онъ шелъ домой. Вспомнилось, какъ мѣсяцъ назадъ онъ проходилъ ночью эти улицы, земли подъ собою не слыша, и надъ головой музыкой раздавалось: «надолго», «на вѣки...» Вспомнилось другое ощущеніе,—ощущеніе пустоты, отчужденія, смерти, которое пришло тогда, на балѣ, когда люди веселились, когда онъ вымаливалъ себѣ хоть одну человѣческую жаркую минуту, хоть одно живое біеніе сердца, и тяжко добивался убѣдиться, все ли въ немъ угасло и замерло... Чтò за насмѣшка судьбы! Тутъ же дать человѣку доказательство, что онъ живъ, подразнить—и отнять! Не онъ—мертвый, а ему послалась мертвая... или, живая въ половину, живая не для него...

— Чтó-жъ! ты сама сказала—тебѣ *все* милѣе меня.... выговорилъ Верховской, входя въ свою комнату.

Чтò-то бѣлое, брошенное на стулъ, отразилось въ длинномъ зеркалѣ. Верховскому померещилась жена, померещилась вся ночная сцена, отвратительная, позорная... Онъ, какъ тогда, бросился и распахнулъ окно. Въ высотѣ сверкали семь звѣздъ...

— Катя, чтó-жъ мнѣ въ томъ, что ты свѣтишь издали? Все мечты, все призраки — ничего существеннаго. Все ждешь, все зовешь — и опять все то же.... Ты хотѣла, чтобъ я уѣхалъ; я остался. Чуть ли ты не была права: я напрасно остался...

III.

Верховской уѣхалъ въ Спасское.

Все, чтò онъ оставлялъ за собою, уходило въ какой-то туманъ, будто сонъ, трудно вспоминаемый по утру; чувствовалась вся его прелесть, но онъ былъ слишкомъ крѣпокъ и голова отъ него тяжелѣла.... Чтó такое было? чтó такое ушло? Неужели ужъ все кончено? И — только? И это называется — любовь, счастье?..

— Это называется — заплатить дань безумству, подумалъ Верховской съ горькой насмѣшкой. Десятокъ лѣтъ раньше, это продолжалось бы долѣе, кончилось бы какой-нибудь великолѣп-

кой глупостью и сердце прыгало бы отъ радости, будто и дѣло сдѣлало, не заботясь ни о комъ и ни о чемъ... — Теперь... Но что-жъ такое теперь: неудовлетворенность чувства, или ужъ усталость чувства? Неужели въ самомъ дѣлѣ для счастья одна пора—молодость, когда человѣкъ способенъ дѣйствовать очертя голову, ничѣмъ несвязанный?..

Верховской ѣхалъ въ каретѣ, которую прислали изъ Спасскаго. Покойная ѣзда располагала дремать, душевная тревога просила покоя; скука всего, что̀ предвидѣлось заранѣе, тянула забыться, хотя бы насильно. Верховской открылъ глаза, когда остановились.

На крыльцѣ стояла Лидія Матвѣевна.

— Одинъ? вскричала она.—А Григорій Ивановичъ?

— Какой Григорій Ивановичъ?

— Опять? Вѣчно одно и тоже? Духановъ, вотъ какой. Онъ отлучился въ городъ. Я затѣмъ нарочно посылала карету, писала тебѣ, приказывала его привезти. Ты, стало-быть, не читалъ моего письма?

— Можетъ быть, отвѣчалъ Верховской, который не читалъ дѣйствительно.

— Ну, вотъ и прекрасно! я безъ Григорія Ивановича, какъ безъ рукъ! вы нарочно его не взяли, а сами пожаловали опять во все мѣшаться, да распоряжаться...

Гнѣвъ Лидіи Матвѣевны не зналъ мѣры. Сопровождаемый имъ, Верховской вступилъ въ залу, гдѣ принялъ привѣтствія своего семейства. Дѣти, сказавъ bonjour, окаменѣли среди разставленныхъ кегель; Аннета, подавъ руку, отвернулась къ своему вышиванью; m-me Роше неловко не знала куда взглянуть, не понимая словъ, но понимая продолжающіеся крики. Съ просонка и послѣ цѣлаго мѣсяца отдыха, это поражало. Верховской растерялся, оглядывался. Онъ находилъ, что жена еще усовершенствовалась.

— Лидія, прервалъ онъ: — я получилъ назначеніе...

— Знаю, батюшка, пишетъ мнѣ, вотъ ея папенька! Два мѣсяца думали да выдумали коммиссію какую-то... Все это вздоръ...

— Это нельзя такъ скоро и легко рѣшать, возразилъ онъ тихо, но какъ-то особенно твердо. Намъ надо переговорить. Свободна ты?

— Была-бы свободна, еслибы вы потрудились привезти Григорія Ивановича. Теперь жнутъ. Ваши пріятели, однодворцы, тащутъ хлѣбъ съ земли, что вы имъ подарили. Хлѣбъ-то, покрайней мѣрѣ, мой, Андрей Васильевичъ, онъ съ весны посѣянъ.

Извольте сейчасъ написать окружному; у васъ тамъ еще въ палатѣ пріятель, Багрянскій...

— Я ничего не знаю, Лидія, и мнѣ нѣтъ времени заводить дѣла.

— О, наказаніе Господне! вскричала она и выбѣжала, хлопая дверями.

Въ залѣ вдругъ наступила тишина. Верховской еще не присѣлъ, какъ вошелъ. У него мелькнуло намѣреніе сейчасъ уѣхать назадъ.

— Comment se porte m-me Волкаревъ? раздался голосъ Аннеты.

Дѣти стояли и смотрѣли. Верховской встрѣтилъ взглядъ m-lle Роше. Это все — свидѣтели. Это — семья. Это нестерпимо, но сразу разорвать нельзя. Для своего собственнаго достоинства нужно выказать хладнокровіе, не обращать вниманія...

Онъ разсѣянно отвѣчалъ Аннетѣ. Она продолжала разспрашивать. Хотѣла ли и она поддержать какой-то семейный декорумъ, особенно ли интересовалъ ее городъ N., или, просто, ей было отрадно слышать голосъ человѣческій, но она заставила Верховскаго говорить.

— Ma leçon, ma chère tante, напомнила ей тихо Валентина.

Часы били. Аннета съ испугомъ сосчитала ихъ и пошла съ дѣвочкой къ роялю.

— А вы въ садъ? спросилъ Верховской m-lle Роше.

— Нѣтъ, наверхъ. Madame наказала дѣтей.

Онъ пошелъ за нею чрезъ гостинную.

— Чтò вы такъ на меня смотрите? Какъ-будто я пришлецъ съ того свѣта!

— Вы на это похожи и сами кажетесь также всѣмъ удивлены, отвѣчала она и остановилась. Что m-lle Багрянская? Часто ли вы ее видѣли?

— Нѣтъ... Да, отвѣчалъ Верховской.

Вся его страсть мгновенно воскресла. Довольно было одного слова, одного имени... Его сердце вдругъ переполнилось. Раскаяніе, сожалѣніе, Богъ-знаетъ чтó, стыдъ за минутную холодность, за свой эгоизмъ, за свое странное, тупое равнодушіе тогда... ну, тогда, когда у *нея* было горе... Нѣтъ, это было не равнодушіе! Нѣтъ, это такъ; душа устала отъ тревоги, испугалась, оторопѣла. Вотъ назвали *ея* имя въ этомъ аду.... *Она* говорила, что эта Роше—добрая дѣвушка...

— У нея было горе... сказалъ Верховской и не останавливаясь, не задумываясь, испытывая въ первый разъ наслажденіе

говорить о своемъ счастьѣ, убѣждаться въ немъ собственными словами — разсказалъ все что было въ этотъ мѣсяцъ. Онъ называлъ просто *она*, *Катерина*. Вдругъ у него сорвалось по-русски—*Катя*... Почти испугавшись, не помня, что наговорилъ, не зная много ли проговорился, онъ замолчалъ....

— Что же вы намѣрены дѣлать? спросила m-lle Роше, глядя ему прямо въ лицо.

— Останусь въ N.

— Навсегда?

— Навсегда?... Можетъ быть... Не знаю... Не знаю! повторилъ онъ, помолчавъ. Будь что будетъ.

— Вы рѣшились? Вы обдумали? спросила она чуть слышно и очень-серьезно.

Верховской нетерпѣливо махнулъ рукой.

M-lle Роше хотѣла сказать еще что-то, не сказала и обратилась къ дѣтямъ. Ихъ не было въ комнатѣ. Воспользовавшись небывалой разсѣянностью гувернантки и разговорчивостью отца, они рѣшились на небывалый подвигъ: убѣжали одни въ цвѣтникъ.

— Дайте свободу этимъ несчастнымъ, сказалъ Верховской:— я беру это на себя.

Но продолжать разговоръ онъ былъ не въ силахъ и ушелъ въ паркъ.

— Обдумалъ-ли я... повторилъ онъ. Да, это надо обдумать.

Эти дороги были освящены прелестной памятью двухъ прелестныхъ дней; изъ нея исходило какое-то новое сіяніе. Сейчасъ, день за днемъ, часъ за часомъ, онъ припомнилъ, обновилъ свое счастье... И *она* приказывала бѣжать, приказывала разстаться! Невозможно! Будь что будетъ, и пусть будетъ все тоже, все тоже... Это надо обдумать.

Онъ только тутъ замѣтилъ, что еще ни разу не сказалъ себѣ ясно, словами, что сдѣлаетъ; жизнь не представлялась ему какъ *житье-бытье*, съ занятіями, отношеніями, службой и такъ далѣе: ему только мечталось что-то, и мечты всѣ сходились все къ тому-же—къ пребыванію въ номерѣ N-ской гостинницы и ежедневнымъ посѣщеніямъ одного переулка. А дальше?

— Дальше—вотъ, все это, вѣчное, за плечами...

Возвращаясь въ семью, Верховской зналъ, что его ожидало, и былъ готовъ принять все это какъ всегда—рѣзко, но смутно и безпорядочно. Теперь вдругъ явилось еще неиспытанное, холодное, но отчетливое, какое-то строгое сознаніе своего положенія. Въ душѣ шевельнулась - было привычная, мелочная злость; Верховской замялъ ее: она ни къ чему не ведетъ. Онъ

сводилъ счетъ и думалъ. Съ перваго шага въ домъ его бросили въ пытку. Пытка была полезна. Она разомъ образумила, встряхнула, освѣжила, пристыдила, указала дорогу...

Къ чорту эта проклятая жизнь, благо есть и средство съ нею покончить! Все бросить, навсегда, безъ уступокъ, безъ сдѣлокъ. Пора за умъ взяться. Есть служба, есть дѣло. Завтра же уѣхать. Вотъ и рѣшительный переломъ... еще нѣсколько часовъ и—свобода!..

Вдругъ что-то его смутило, точно смяло; не робость, а какая-то мгновенная, безпокойная тоска... Да, переломъ! Въ жизни заканчивается еще одна пора. Долго она тянулась, — съ того вечера, какъ не стало матери. Такой же былъ ясный, лѣтній вечеръ...

Верховской былъ въ чащѣ лѣса, на памятномъ мѣстѣ, у срубленнаго дерева. Онъ и не замѣтилъ, гдѣ былъ, а присѣлъ и вдругъ горько, по-дѣтски заплакалъ. Чего было жаль? Всего! Онъ неумѣлъ бы иначе сказать. Все вспоминалось, вспоминалось. Всего жаль и — ничто больше не дорого. Какая-то усталость жить, безсильная мука, тоска о позднемъ. Вотъ тогда бы придти этой свободѣ, этому счастью, тогда, когда жила *она*, когда вѣрилось въ Бога и въ себя, когда люди еще не опротивѣли, когда хотѣлось трудиться для всѣхъ во имя *ея...* тогда сказалось бы: во имя *ихъ обѣихъ...*

Онъ воображалъ Катерину, но не въ своихъ объятіяхъ, а въ объятіяхъ матери; воображалъ, что онѣ любили бы другъ друга больше чѣмъ его, и наслаждался этой мыслью, съ восторгомъ ставилъ себя послѣднимъ, тѣнью у райскаго порога, которая только смотритъ на далекое блаженство и поклоняется... Онъ страдалъ и радовался своему страданію; это былъ отчаянный порывъ скорби и за нимъ—безумный порывъ любви.

— Радость! святая! вскричалъ онъ громко, будто видя мать передъ собою:—тогда недосталось — пошли теперь! Ради твоей любви ко мнѣ—дай мнѣ *ее...*

Онъ опомнился отъ своего собственнаго голоса... Ребячество! Хорошо, что нѣтъ свидѣтелей...

Ужъ стемнѣло и въ залѣ были огни, когда онъ воротился. За чайнымъ столомъ были только Аннета и Лидія Матвѣевна.

— А дѣти? спросилъ Верховской, взглянувъ на пустыя мѣста.

— Наказаны, прошептала Аннета.

— Да, Андрей Васильевичъ, я отгадала вѣрно, сказала Ли-

дія Матвѣевна: — вы пожаловали сюда распоряжаться. Не что-нибудь, такъ дѣти. Я имъ велѣла оставаться дома, вы ихъ отправили гулять. Пускай за это до завтра поговѣютъ.

— Если ужъ наказывать, такъ слѣдовало бы меня, возразилъ Верховской. Прикажи сейчасъ ихъ позвать. Дѣтямъ сидѣть въ заперти нездорово, а не ѣсть цѣлыя сутки еще хуже.

Лидія Матвѣевна посмотрѣла въ недоумѣніи и захохотала.

— Ты по какой травѣ ходилъ сегодня, André? Ты никакъ разсуждаешь?

— Со мной это случается, сказалъ Верховской, закусивъ губы. Будетъ ли исполнено то, чего я хочу?

— Нѣтъ.

Верховской всталъ, откинувъ стулъ, прошелся и воротился. Лидія Матвѣевна пила и ѣла невозмутимо.

— Вотъ что̀, Лидія, началъ онъ: — я хотѣлъ говорить съ тобою серьезно. Двадцать разъ въ нашей жизни бывали глупыя сцены и никогда ни къ чему не вели: ты раскричишься, я вспылю—и тѣмъ все кончалось. Мы, слава Богу, не маленькіе; пора одуматься.

— Après? сказала она, поднявъ на него глаза, когда онъ остановился.

— Что̀ такое?

— Ну, я спрашиваю, что дальше, послѣ такого прекраснаго предисловія. Началъ съ дѣтей, потомъ—«пора одуматься». Это-то къ чему все ведетъ?

— Я заговорилъ о дѣтяхъ, потому что они—мои дѣти, отвѣчалъ Верховской, повернувшись и шагая по комнатѣ. По обязанности и по сердцу, я не могу не заботиться о нихъ, когда... разстаюсь съ ними.

— Что́ такое? вскричала Лидія Матвѣевна.

— Пойдемъ къ тебѣ. Я говорилъ, что намъ надобно объясниться, сказалъ Верховской холодно, но блѣдный.

— Что это за чепуха? вскричала она. Горячка у тебя, — такъ скажи, сдѣлай милость!

— Ты знаешь, что теперь я, по службѣ, долженъ остаться въ N., отвѣчалъ онъ, говоря съ трудомъ отъ внутренней дрожи. Ты, конечно, уѣдешь въ Петербургъ. Слѣдовательно, мы разстанемся.

— Да я-то вовсе этого не желаю! прервала она. — Это выдумки дядюшки Петра Ивановича.... Это ваши штуки, Анна Петровна! Вы надѣетесь, что вамъ здѣсь мужъ найдется, такъ изволили настрочить тайкомъ....

— Лидія!

— Mon Dieu, ma cousine....

— Я вѣдь васъ знаю! Вы себѣ mélanogène выписали, корсетъ.... еще здѣсь вашего зуба сломаннаго не разглядѣли, да вѣдь Лѣсичевъ-то не слѣпой; а не видитъ — я укажу! Интригантка этакая! Вы думаете, что вы прикрываете, вотъ, его съ Волкаревой, такъ она вамъ сосватаетъ....

— Уймись же, вскричалъ Верховской, ты себѣ чортъ знаетъ что́ позволяешь!... Простите, Анна Петровна, не слушайте ее, не обращайте вниманія....

Аннета уходила въ слезахъ.

— Пожалуйте мнѣ ключъ отъ сахарницы, закричала ей Лидія Матвѣевна. Какъ, Андрей Васильевичъ, вы за нее вступаетесь?

— Но пойми хоть одно: развѣ женщины распоряжаются назначеніями коммиссій? развѣ можетъ Анна Петровна....

— Почему-жъ не можетъ, когда я могу?

— Вѣдь если ты захочешь что́ вбить себѣ въ голову....

— А, если я захочу! Такъ я же не хочу, чтобъ это было! Пиши сейчасъ, сейчасъ, откажись, я не хочу....

— А если я хочу?

— Чего?

— Хочу остаться здѣсь, сказалъ онъ рѣшительно.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ?... повторилъ Верховской. Лидія, теперь постороннихъ здѣсь нѣтъ.... Затѣмъ, что хочу жить одинъ.

— Ты хочешь....

— Хочу жить одинъ, повторилъ онъ отчетливо и настойчиво. Сдѣлай милость, не кричи. Я приготовился и къ крику, и къ нервнымъ припадкамъ.

Лидія Матвѣевна не вскрикнула; она обмерла и съ минуту молча смотрѣла какъ помѣшанная.

— André, что̀ это — шутка?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ и отошелъ, не вынося ея взгляда.

— Тебѣ не нужно ни семьи, никого? Ты сказалъ.... ка́къ ты сказалъ? что заботишься о дѣтяхъ? И дѣтей не нужно?

— Нѣтъ.

— Чѣмъ же ты будешь жить?

— Чѣмъ Богъ пошлетъ.

— Тебя прогонятъ съ мѣста.

— Это такъ легко не дѣлается, возразилъ онъ, снова спокойно. Оставь, пожалуйста, эти вздорныя угрозы. Не одно мѣсто, такъ другое. Ко мнѣ привязаться не къ чему и погубить меня мудрено.

Лидія Матвѣевна молчала.

— Ты это говоришь рѣшительно? медленно спросила она, слѣдя за нимъ глазами. — André?

— Я ужъ сказалъ, отвѣчалъ Верховской, не оглядываясь.

Въ большой залѣ сдѣлалось совсѣмъ тихо. Лидія Матвѣевна не шевелилась на мѣстѣ. Верховской, по какому-то странному чувству, тоже избѣгая шороха, остановился у окна и машинально смотрѣлъ въ темноту.

— André! вдругъ раздался голосъ Лидіи Матвѣевны.

— Что тебѣ угодно? быстро спросилъ онъ.

— Поди сюда; сядь.

Онъ повиновался.

— Я хотѣла тебя спросить, André, что-жъ это такое? мы двѣнадцать лѣтъ жили вмѣстѣ....

— Да, къ несчастью! выговорилъ онъ, опустивъ голову на столъ.

— Развѣ ты былъ несчастливъ?

— Ты не замѣчала?

— Чѣмъ же?... André, ты меня разлюбилъ!

— О, ради Бога, Лидія, прервалъ онъ, отклоняясь отъ ея объятій:—если ты не понимаешь.... если ты никогда не понимала, ну, догадайся теперь,—такое положеніе невыносимо....

— Ты меня не любишь?

Верховской молчалъ. Лидія Матвѣевна не повторила вопроса. Она ни секунды не думала, что ей могутъ отвѣчать *да*, но ей было страшно, какъ-то странно, неожиданно страшно. На нее будто что вдругъ напало. *Онъ* никогда не говорилъ *такъ*... *Какъ*, Богъ знаетъ, не опредѣлишь, но только чувствовалось, что тутъ, въ самомъ дѣлѣ, напрасны и слезы, и гнѣвъ, и поцѣлуи. У него даже лицо было какое-то не прежнее. Онъ еще никогда не бывалъ такъ хорошъ, но сказать «душка»—она не осмѣливалась. Она смотрѣла на него. Тоска подступала все выше и выше, такъ, что хотѣлось вскрикнуть, чтобъ передохнуть, — но Лидія Матвѣевна не смѣла вскрикнуть. Она думала; несвязно, испуганно думала, что его любила—и только. Она сжала свои руки такъ, что пальцы хруснули, вспомнила, что André этого терпѣть не можетъ, что она всегда дѣлала это ему на зло, и стала смотрѣть свои кольцы. Онъ давно не носитъ своего обручальнаго кольца; когда снялъ — она не замѣтила. Она вспомнила, какъ было сшито ея вѣнчальное платье у той модистки, что работала для государыни. На свадьбѣ пѣли чудовскіе пѣвчіе; домъ былъ весь въ огняхъ; на другой день балъ; до утра танцовали... Лидія Матвѣевна оглянулась на пустую залу; свѣтъ единствен-

ной висячей лампы падалъ на столъ, на склоненную голову Верховскаго. Лидіѣ Матвѣевнѣ захотѣлось, какъ прежде, смѣясь, потрепать эти золотистые волосы; она отважилась только до нихъ дотронуться и едва могла выговорить:

— André, скажи мнѣ что-нибудь.

Слово дало выходъ ея мученію; она заплакала.

— André, это ужасъ! я умру!

— И мнѣ не легко, сказалъ онъ, приподнимаясь.

— И тебѣ?

— Да.... огорчать другихъ не легко.

— Такъ зачѣмъ же, что-жъ это такое, объясни....

— Но что же объяснять, Лидія? Я не могу жить такъ, какъ жилъ. Представляется случай перемѣны, я имъ пользуюсь. Вотъ и все.

— Такъ это, стало-быть, навсегда?

— Да.

— Навсегда?...

— Другъ мой, право, такъ будетъ лучше. И ты, и я будемъ покойнѣе. Я тебѣ мѣшалъ, теперь не буду. Ты....

— Я тебѣ тоже мѣшала? прервала она съ горечью. Въ чемъ, скажи на-милость? Вѣдь это, André, сослаться на цѣлый свѣтъ: ты живешь, какъ будто отъ большого состоянія....

— Знаю! прервалъ онъ рѣзко.

— Общество, знакомства, — вѣдь не ты мнѣ, а я тебѣ доставила. Можно вспомнить, что̀ такое ты былъ: ужъ далеко не аристократъ! Если ты скажешь—твой дядя генералъ, такъ онъ тебя знать не хотѣлъ....

— Или я его, прервалъ Верховской. Оставимъ все это, пожалуйста....

— Какъ «оставимъ все?» Андрей Васильевичъ, это какъ называется? это называется — скверная, мерзкая, подлая неблагодарность! Извольте сейчасъ сказать, чего вы еще хотите?

— Откланяться вамъ, ничего больше.

— Нѣтъ, говори, въ чемъ ты былъ стѣсненъ, чего тебѣ недоставало, въ чемъ я-то мѣшала? Чѣмъ ты несчастливъ, какъ ты сейчасъ изволилъ хватить? Я, вотъ, только-что въ себя пришла!

— Это замѣтно! сказалъ Верховской и всталъ. Ради Бога, Лидія, перестань. Ты спросила, чѣмъ я недоволенъ? Всѣмъ, отъ крючка у двери....

— До меня?

— Ну, да, до тебя!... Послушай, продолжалъ онъ, задыхаясь и торопясь, не будемъ ворочать прошлаго, раздражать другъ

друга; ты не въ состояніи понять, ты творила, не вѣдая... ради Бога, Лидія, забудемъ все! будемъ жить какъ честные люди....

— Это честно, это по-людски — врозь съ женой? Вамъ цѣлаго свѣта не совѣстно?

— Лидія, вѣдь не свѣтъ выноситъ, а я!... Позволь, ты опять спросишь, чтó я выношу, и опять за тоже.... Чтò бы ни было, оставимъ все; довольно счетовъ.... Въ глазахъ свѣта все было скрыто и до конца будетъ скрыто. Ты уѣдешь, я останусь здѣсь подъ предлогомъ службы. Потомъ.... это обойдется само собою. Жить я имѣю свои средства....

— Имѣете? Такъ заплатите мнѣ прежде двѣ тысячи, которыя вы мнѣ должны! Вы будете брать ваше жалованье, суточныя, а меня кормить обѣщаніями, — благодарю покорно! Я вѣдь васъ знаю — вамъ и квартиру, и, мебель, и экипажи, все подай....

— Я одинъ разъ сказалъ, что заплачу. Мнѣ ничего не нужно. Вся эта безтолковая, свѣтская жизнь, разъѣзды, — все мнѣ въ тягость, все надоѣло....

— Такъ ужъ короче — въ монастырь.

— На мнѣ еще нѣтъ такихъ грѣховъ, чтобъ нужно было ихъ отмаливать; если я былъ въ чемъ-нибудь виноватъ, ты простишь, какъ я прощаю....

— Господи! онъ меня прощаетъ! вскричала она, захохотавъ. Безсовѣстный! безбожникъ! Чѣмъ шептаться съ попомъ, меня судачить, ты бы лучше къ нему на исповѣдь сходилъ, а то забылъ какъ церковь отворяется! Онъ меня прощаетъ! Да въ чемъ я была виновата? Чтó я такое сдѣлала, какой грѣхъ? я двѣнадцать лѣтъ была тебѣ вѣрна, — это ни во что? Знаю я эти штучки! Все надоѣло, жена надоѣла, любовницы захотѣлось!

— Ну, да, любовницы! вскричалъ внѣ себя Верховской, — я не крѣпостной, не хочу унижаться....

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты. За нимъ раздался крикъ, взбѣгался весь домъ; съ Лидіей Матвѣевной сдѣлался нервный припадокъ. Верховской бросился въ садъ; была уже ночь.

Онъ не помнилъ, гдѣ былъ, много ли исходилъ, воротился на разсвѣтѣ, усталый, одурѣлый, хотѣлъ отдохнуть и самъ не давалъ себѣ отдыха, все торопясь, все нетерпѣливо повторяя себѣ, что надо скорѣе дѣйствовать.... Въ домѣ рано начались шумъ и ходьба. Верховской позвалъ лакея и велѣлъ собрать и уложить свои вещи. Лакей вышелъ и не возвращался. Верховской долго ждалъ, звонилъ и, раздосадованный, пошелъ звать самъ.

Изъ прихожей выходила Лидія Матвѣевна.

— Чтó вамъ здѣсь угодно? спросила она, заступая ему дорогу.

— Я хочу ѣхать.

— Я вамъ не дамъ экипажа, Андрей Васильевичъ.

— Я умѣю ѣздить и въ телѣгѣ.

— Я сейчасъ объявила, продолжала она, показывая въ прихожую: я отдамъ въ солдаты, сошлю на поселеніе, если кто осмѣлится дать вамъ клячу или привести почтовыхъ. Спасское — мое.

Она величаво прошла. Верховской задохнулся.

— А, чортъ тебя возьми! закричалъ онъ, когда былъ въ состояніи.

Она не слышала; въ прихожей слышали и засмѣялись. Верховской бросился въ свою комнату.

Смѣются! онъ смѣшонъ! Все равно, кто правъ, кто виноватъ, а онъ смѣшнѣе: мужъ—далъ волю! баринъ—попробуй на себѣ! Отъ этихъ людей преданности ждать нечего.... И не за что!

«Бился ли ты? устроилъ ли хоть что-нибудь по-человѣчески?» вспомнился ему страшный вопросъ и представились пылающіе глаза Катерины. Онъ опустилъ голову, но поднялъ ее съ новой злостью. Не бился, потому что бой не равенъ; биться съ Лидіей Матвѣевной — надо быть тѣмъ же, чтó она, не дорожить своимъ достоинствомъ....

Но сейчасъ чье же достоинство оскорблено? надъ кѣмъ хохочутъ?

— Чортъ возьми все! вскричалъ въ бѣшенствѣ Верховской. Не бился, не хочу, потому что не стоютъ! Это «люди!» «Люди-братья!»... Романическая голова! Ублажай этихъ братій, они тебя за грошъ продадутъ! Въ нихъ человѣческое чувство? Чтожъ, вотъ догадались они, кто здѣсь человѣкъ? Поняли страданія? Они всякой силѣ — въ ноги! Они родныхъ отцовъ сѣкутъ, не отказываются....

Ему было какъ-то дурно. Пролежавъ долго, онъ вскочилъ, взглянулъ на часы: они стояли. Въ досадѣ и нетерпѣніи, Верховской рѣшилъ, что сейчасъ уѣдетъ. Стóитъ дойти до поселка однодворцевъ, нанять телѣгу. А тутъ — оставить записку, чтобъ прислали вещи; немного чтó: бѣлье да платье. Можно надѣяться, что не задержатъ: это его собственное. Развѣ въ счетъ долга...

Верховской засмѣялся; его била лихорадка. Онъ никого не встрѣтилъ, выходя изъ своей комнаты; весь домъ былъ будто пустой, только изъ залы слышалась музыка: Аннета изучала «Poême d'amour».

«Гензельтъ посвятилъ ее своей женѣ...», вспомнилъ Верховской и, продолжая смѣяться, сбѣжалъ съ террасы въ паркъ. Ему вздохнулось вольнѣе и какъ будто легче.

Въ деревнѣ у однодворцевъ, по случаю жатвы, не было ни людей, ни лошадей. Одна баба, прельстясь на щедрую плату,

предложила послать мальчишку верстъ за пять, на станцію, привести почтовыхъ, но выразила неосторожное любопытство:

— Или вамъ своихъ послать некого?

— Не надо! сказалъ Верховской и ушелъ, почти испугавшись. Такъ къ вечеру вся вселенная узнаетъ, что Андрей Васильевичъ бѣжалъ отъ своей супруги. Срамъ!... не дойти ли до станціи самому, будто гуляя? такъ, будто прихоть, шутка.... Но прежде немного отдохнуть и освѣжиться.

Впечатлѣніе прогулки въ полѣ было не ново: мѣсяцъ назадъ, онъ безпрестанно дѣлалъ такія прогулки и повтореніе прежнихъ ощущеній было ему пріятно. Кругомъ было тихо, просторно, свѣтло. Слишкомъ сильный пріемъ свѣжаго воздуха наводитъ разсѣянность. То, что́ было вчера, сегодня волновалось въ памяти и отбѣгало, минутами схватывая за сердце, но тревога наскучала и сердце само нетерпѣливо отъ нея отбивалось. Мысль улетала, тоска притуплялась въ усталости. Верховской бродилъ цѣлый день, зашелъ въ лѣсъ, прилегъ отдохнуть, заснулъ крѣпко; проснувшись, ощупалъ портсигаръ въ карманѣ пальто, закурилъ съ удовольствіемъ и пошелъ дальше. Солнце сѣло въ тучу; вечеръ былъ тихій, наволочный; поля туманились. Верховской шелъ и вспоминалъ. По дорогѣ попалась деревня; онъ съ удивленіемъ узналъ все тоже Спасское, въ которое воротился, кружась по проселку и за лѣсомъ не завидя барскаго дома вдали.

«Заколдованный кругъ... сказалъ онъ себѣ, вдругъ злобно обратясь къ своему настоящему. Вотъ съумасшествіе — цѣлый день потерянъ. Вмѣсто этого глупаго кочеванья, давно бы ужъ былъ на станціи, а теперь, пожалуй, и *дома*. Ночевать гдѣ-нибудь надобно. Взять сейчасъ телѣгу у священника и ѣхать на станцію.

Онъ пошелъ къ священнику. Тотъ только-что воротился съ поля. Въ деревнѣ слышали о ссорѣ го́сподъ, и священникъ тоже трепеталъ помѣщицы; онъ, конечно, не сказалъ этого, но отговаривался: работникъ спитъ, лошадь устала. Жена его наивно спросила, почему Верховской не поѣхалъ утромъ, когда — она сама видѣла и слышала — послали въ городъ коляску за чиновникомъ. Они хотѣли спать и сбирались ужинать.

«Недостаетъ только, чтобъ меня пригласили»..., проговорилъ Верховской, опять шагая по выгону. Онъ вспомнилъ, что не ѣлъ съ утра, постучалъ въ окно одной избы, спросилъ кусокъ хлѣба и расплатился. Старуха, которой онъ отдалъ деньги, глядѣла на него, вытаращивъ глаза: она узнала барина.

«Заколдованный кругъ»..., повторилъ Верховской, хохоча и давясь черствымъ хлѣбомъ. Да что̀-жъ это я? Я имѣю право

на ужинъ и ночлегъ у владѣлицы спасскаго за́мка; ей заплачено впередъ, кажется, по 15-е августа.

Хлѣбъ показался ему отвратителенъ; онъ бросилъ его на дорогу, вспоминая читанное, какъ кто-то сказалъ какому-то королю, что хлѣбомъ побрасывать негодится, — зажегъ спичку и заглянулъ въ записную книжку, гдѣ были его счеты съ женой. Тамъ былъ еще клочекъ бумаги и на немъ, другимъ почеркомъ, одна строка:

— Стремленіе человѣка къ истинѣ есть доказательство существованія истины...

— То-то, вотъ, все у насъ въ головѣ короли да отвлеченности, а съ своимъ не справимся..., выговорилъ съ сердцемъ Верховской и пошелъ скорѣе. Тоска цѣлаго дня нахлынула разомъ; какая-то незамѣтная капля ее переполнила. Тоска мучила физически; усталость сказалась вдругъ, сумерки томили; по тѣлу пробѣгалъ непріятный, болѣзненный холодъ. Войдя въ домъ, войдя въ свою комнату, раздраженный и еще болѣе раздражаясь однимъ видомъ этихъ стѣнъ, Верховской имѣлъ силу только скорѣе запереть дверь и упалъ на постель. Онъ ушелъ-бы опять, еслибъ былъ въ состояніи. У него шумѣло въ ушахъ, голова горѣла, Богъ знаетъ что́ мерещилось. Ужъ не горячка-ли, въ самомъ дѣлѣ, какъ еще вчера сказала Лидія Матвѣевна?.. Онъ былъ бы радъ занемочь...

Лидія Матвѣевна проводила утро въ обыкновенныхъ хозяйственныхъ занятіяхъ и казалась еще дѣятельнѣе, еще увѣреннѣе, еще величавѣе чѣмъ когда-нибудь; она даже, по-барски, шутила и, пугая своими шутками, тѣмъ болѣе выказывала спокойствія. Спокойствіе, впрочемъ, было больше наружное. Правда, нервный припадокъ на-канунѣ былъ исполненъ больше для внушенія, но внутренно, Лидія Матвѣевна не могла не тревожиться: мужъ исчезъ съ утра. Онъ, конечно, и прежде, случалось, пропадалъ по цѣлымъ днямъ, но пропадалъ *не такъ*. Она немного не выдержала и спросила о немъ, садясь за обѣдъ.

— Не приходилъ, отвѣчали ей.

— Не приходилъ, такъ не приходилъ, произнесла Лидія Матвѣевна, проникаясь гнѣвомъ, оскорбленіемъ, и вслѣдствіе этого дѣлаясь весела. Но общество не оживлялось, дѣти молчали, Аннета была задумчива; Лидію Матвѣевну безпокоили глаза m-lle Роше; вставая изъ-за стола, она припомнила вчерашнее ослушаніе и отослала и дѣтей и гувернантку на верхъ. Аннетѣ показалось жутко оставаться, и вопреки своимъ привычкамъ, она убрала свою работу, изъявляя намѣреніе тоже уйти.

— И вы? спросила Лидія Матвѣевна съ той невыразимой

насмѣшкой, которая вырабатывается только многими годами неограниченной власти.

— Да... я немного устала; хотѣлось бы отдохнуть, объясняла Аннета.

— Пріятныхъ сновъ.

Лидія Матвѣевна опять обратилась къ хозяйству, но это какъ-то вдругъ ее утомило. Наставали сумерки. Скучая, она стала ходить по комнатамъ, припомнивъ, что Андрей Васильевичъ всегда это дѣлаетъ... Очень досадно, что Григорій Ивановичъ не можетъ сегодня пріѣхать; крестьянскія лошади безъ отдыха не сдѣлаютъ сорокъ верстъ туда и обратно; пожалуй, и теперь еще не дотащились. Въ деревнѣ очень скучно. Дни замѣтно убавились. Какъ шумятъ деревья въ паркѣ. Вотъ, было изъ-чего хлопотать о цвѣтникахъ; еслибъ еще бывали гости. Четыре садовника, сколько работниковъ заняты... Также еще, вотъ, та мебель, что́ дѣлаютъ. Если перевезти въ Петербургъ, — и стоитъ того, — то куда ее поставить? Надо будетъ искать квартиру... Впрочемъ, вѣдь *онъ* считается въ командировкѣ, такъ казенная квартира еще останется за нимъ... Но, что́ же это? Въ самомъ дѣлѣ, что́ же это такое? Неужели жить одной?

Лидія Матвѣевна остановилась въ томъ странномъ испугѣ, который овладѣлъ ею еще со вчерашняго дня и забывался, таился, но томилъ среди гнѣва, пренебреженія, веселости. Теперь, онъ охватилъ разомъ. Она сѣла и заплакала. Богъ-знаетъ что́ это такое. Чувство было похоже на вчерашнее; разобраться въ немъ она никакъ не могла. До сихъ поръ у нея бывали только положительныя огорченія, такія, которымъ, большею частью, можно помочь деньгами, — и то, очень большихъ не бывало... вотъ, шубку тогда шили, испортили... ложи въ бенефисъ не нашли... землю эту *онъ* отдалъ... Это пустяки. Но въ настоящую минуту, они мѣшали, заслоняли, не давали вдуматься что́ такое дѣлается... Романъ какой-то. И сколько съ нимъ хлопотъ. Жить одной—надо сдѣлать кому-нибудь довѣренность, по дѣламъ, по имѣнію. На кого еще нападешь... Вѣдь всѣмъ управлялъ! Вотъ неблагодарность-то! Послѣ этого, извольте на кого-нибудь положиться. Чего, кажется, недоставало? «Не крѣпостной»! А свои-то у тебя, были когда-нибудь крѣпостные? Что́ только люди о себѣ воображаютъ!!.. А можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, благородная гордость: пріѣхалъ въ губернію сначала одинъ, всѣ ему кланялись, а вдругъ оказывается, что все состояніе—жены, а онъ—нуль. Невкусно показалось. Ну, да́. «Отъ свѣта, говоритъ, все было скрыто, а я униженъ». Вонъ въ чемъ исторія. Онъ желаетъ меня отсюда спровадить, а самъ командовать; въ

городѣ будутъ ему въ ножки кланяться, а сюда будетъ пріѣзжать бариномъ... Нѣтъ, Андрей Васильевичъ, извините, я вамъ здѣсь собачьей конуры въ управленіе не оставлю. Довольно и такъ ужъ вы покутили всячески....

Лидія Матвѣевна съ удовольствіемъ вспомнила свою благоразумную недовѣрчивость, вслѣдствіе которой постоянно имѣли свѣдѣнія о поведеніи своего мужа. Правду сказать, онъ ни въ чемъ не провинился, всегда былъ вѣренъ... Но эта пріятная мысль только подняла горе.

— Былъ вѣренъ! А теперь что̀ выдумалъ? Господи, да что̀-жъ это такое?

Лидія Матвѣевна сама удивлялась, сколько у нея слезъ. Вѣдь, вотъ, полюбила человѣка ни за что, за одно личико! Неужъ-то ужъ такъ и на свѣтѣ всего одинъ Андрей Васильевичъ? Богатство есть, все есть,—захотѣть, такъ и любить будутъ! Ну, не хочетъ; ну, что-жъ такое, выѣзжать можно и безъ него, еще интереснѣе: молодая женщина...

Аккуратно помня фальшивыя косы и года своихъ пріятельницъ, Лидія Матвѣевна была безпристрастна и къ себѣ, но она себѣ нравилась. Это тоже, но не то. André только годомъ старше ея и красавецъ, но какова бы она ни была—не смѣй онъ... Да на это нынче и вездѣ скверно смотрятъ. Одного барина недавно разжаловали за то, что увезъ чужую жену. André не увозилъ, но все равно, можно въ монастырь посадить... Нельзя же за что-нибудь его выгнать изъ службы?... А онъ черезъ два-три года — дѣйствительный-статскій, генералъ... «Генеральша»!.. И онъ осмѣлится? онъ броситъ? Невозможно, это небывалое... Ну, положимъ, бываетъ, — но съ ней быть не можетъ!

Почему не можетъ?

Потому что не можетъ, и только. Онъ ей мужъ, онъ ея собственность. Не осмѣлится, покорится... Но если?..

Лидія Матвѣевна вдругъ поднялась. Передъ ней была очевидность, на которую она не смѣла взглянуть, которой не смѣла вѣрить, которую отрицала, отъ которой отбивалась...

— Разлюбилъ... захотѣлъ любовницы...

Лидія Матвѣевна вскрикнула; испугавшись своего крика, принялась кричать еще громче, и насильно, и невольно, и заметавшись, бросилась вонъ изъ комнаты.

— Не будетъ же этого! я знаю, что сдѣлаю!.. Пришелъ-ли Андрей Васильевичъ?

— Сейчасъ только, отвѣчали ей.

— Отворите! закричала она у его двери.

— Я спать хочу, отвѣчалъ Верховской.

— Отворите! я велю выломать дверь!

Верховской отворилъ. Она вошла, и вдругъ потерялась.

— Чего ты еще хочешь? спросилъ онъ.

— Я думаю, человѣкъ пропадаетъ цѣлый день, надо его провѣдать.

— Благодарю за участіе. Дайте мнѣ покой.

— Намъ нужно переговорить.

— Ничего не нужно. Идите.

Лидія Матвѣевна не ушла, но сѣла напротивъ него и молчала.

— Я замѣчаю, André, заговорила она, наконецъ нюхая спиртъ:—что всѣ эти непріятности между нами начались съ тѣхъ поръ, какъ я купила Спасское. Если въ тебѣ это благородная гордость... Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ ты сказалъ мнѣ причину.

Верховской сидѣлъ, зажавъ виски кулаками, и молчалъ.

— Безъ откровенности не можетъ быть семейной жизни, продолжала Лидія Матвѣевна. Я двѣнадцать лѣтъ не имѣла ничего скрытнаго, я была тебѣ вѣрна; я не люблю сценъ, я не капризная женщина. Я вотъ такихъ выходокъ не дѣлала, изъ дома не бѣгала. Гдѣ ты былъ?

— У меня голова болитъ, сказалъ онъ. Поди.

— Мнѣ, можетъ быть, хуже чѣмъ тебѣ, возразила она: меня вчера перьями откуривали. Пустяки, батюшка, пройдетъ. Извольте мнѣ сказать, куда вы ходили. Я безъ того не уйду.

— Искалъ телѣги, отъ васъ уѣхать. Вотъ, сказано! Уходите.

Лидія Матвѣевна вздрогнула.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это ваше непремѣнное желаніе?

Верховской молчалъ.

— Что-жъ не уѣхали?

— Уѣду завтра.

— Еще не устали искать подводы?

— Лидія!.. вскричалъ онъ, всталъ, и опять опустился на мѣсто: ради Бога, уйди, мнѣ дурно.

— И вамъ не совѣстно людямъ глаза показать?

— Уйдешь ли ты? вскричалъ Верховской:—ты смѣешь, послѣ того, что сегодня утромъ, послѣ всего... Пошла вонъ, злая баба, я не могу, я не хочу тебя видѣть!

Онъ схватился за голову и повалился на постель.

Лидія Матвѣевна вскочила, задыхаясь; ея щеки вспыхнули пятнами, глаза окружились чернымъ и сверкали; съ секунду она не могла ничего выговорить.

— Та́къ-то, Андрей Васильевичъ? наконецъ закричала она: такъ-то вы? Хорошо! я злая баба? вы меня гоните? Такъ Богомъ же клянусь, ты отъ меня не уйдешь! Ненавидь меня—мнѣ

все равно! Мертваго выпущу,—живого—извини! Нѣтъ, батюшка, не надѣйся: гдѣ бы ты ни былъ, чтобы ты ни дѣлалъ, я отъ тебя не отстану! Ты ускачешь — я за тобой поскачу; куда ты, туда я! Видите, штучки. — Я тѣмъ виновата, что существую? Такъ ты со мной не развяжешься, покуда я жива. У меня полторы тысячи душъ, да около милліона въ ломбардѣ, у меня есть на что разъѣзжать,—а ты, попробуй, побѣгай отъ меня. Тебѣ дѣти не нужны, а мнѣ они на что? Все брошу, за тобой поѣду, нигдѣ не спрячешься, любовницей не очень заведешься! Вы говорите, вы здѣсь остаетесь? И я здѣсь остаюсь!..

— Если ты осмѣлишься... вскричалъ Верховской, приподнимаясь.

— А, ну, бѣгите! возразила она, захохотавъ: мнѣ все равно, — я за вами!

— Слушай... началъ онъ и не кончилъ; что-то горячее заколыхалось, застучало у него въ темени и онъ опять упалъ на постель, ничего не помня.

Верховской проводилъ неизобразимые дни. На дворѣ лилъ дождь, не давая выдти изъ дома, но и всякая попытка выдти могла быть только унизительна. Верховской не выходилъ даже изъ своей комнаты, не вставалъ, нездоровый, окончательно разбитый. Къ нему не входили, потому что онъ запирался, но онъ слышалъ весь шумъ, который поднимала въ домѣ Лидія Матвѣевна...

Онъ клялъ жизнь, онъ хотѣлъ умереть. Все, что было способности мыслить, сосредоточилось и вертѣлось вокругъ одного— вокругъ настоящаго положенія. Каждый оборотъ мысли доставлялъ новую муку. Каждая минута, каждая оглядка дѣлали положеніе нестерпимѣе, ненавистнѣе, позорнѣе, и чѣмъ больше это сознавалось, тѣмъ казалось безвыходнѣе... Предъ нимъ была ужасающая тьма. Мерещились люди, свидѣтели его существованія, никогда не поддержавшіе ни словомъ, ни участіемъ, тупые судьи, тайные завистники того, что презираютъ явно, поклонники всякой удачи, благоговѣющіе предъ всякой карой, будь она тысячу разъ несправедлива, предатели, трусы, обожающіе силу; чувствовалось ихъ присутствіе, мелькали ихъ злорадостныя лица, слышались ихъ пошлые толки... А эти люди — общество, сила. Ихъ судъ—на *ея* сторонѣ: что она сдѣлала, эта подруга, всѣми законами данная ему въ плоть едину? она права! онъ виноватъ, онъ самъ выбралъ, самъ продался...

Онъ бросался къ двери, бѣжалъ убить свою жену и останавливался на порогѣ. Ну, убить. А результатъ? Каторга—только.

Бѣжать. Непремѣнно, куда глаза глядятъ. Все бросить; бѣ-

жать такъ, чтобы не догнала, чтобъ слѣдовъ не нашла. Бросить службу, бѣжать въ Америку. Рѣшимость, способности, дѣятельность,—съ этимъ можно прожить, даже начать жизнь съизнова. Человѣкъ свободенъ и все дѣлается легко...

Въ романахъ. Забыта одна, такъ, ничтожная вещица—средства. Далеко они не въ рукахъ всякаго свободнаго человѣка, какъ объ этомъ ораторствуютъ. Твердой волей не сотворишь мгновенно ни рубашки, ни обѣда, а безъ того и другого... Пожалуй, и безъ того и другого бываютъ дѣятели — на большихъ дорогахъ. Прекрасное приложеніе высокихъ идей къ практикѣ, результатъ котораго... да все такой-же!

Верховской засмѣялся и упалъ головой на столъ.

Предъ его закрытыми глазами потянулось старое, старое, далекое. Свѣтелка, гдѣ онъ, безпріютный студентъ, плакалъ о своей горькой участи. Тогда явилась эта женщина и спасла... Спасла?...

Но кто-жъ это зналъ? Кто закричитъ утопающему, которому бросаютъ веревку: не хватайся, тебя на ней повѣсятъ?... «А! скажутъ, такъ надо было потомъ самому остерегаться петли»... Премудрый совѣтъ, когда петля ужъ на шеѣ.

И она затянула...

Верховской заглянулъ въ себя съ отчаянной рѣшимостью. Въ далекой темнотѣ возникалъ предъ нимъ его собственный, прошлый образъ. Старикамъ не такъ горько смотрѣть на свои портреты писанные въ молодости...

Гибель была еще не вся тамъ, гдѣ проступала наружу. Пропало счастье,—ну, это еще такъ и быть. Но *себя* не воротишь, не станешь опять человѣкомъ, что-то оборвалось въ душѣ, что-то умерло. Нѣтъ вѣры ни въ одинъ идеалъ и нѣтъ силъ для отрицанія. Нѣтъ силъ на дѣйствіе. У того, кто грабитъ или убиваетъ, есть сила хоть на его гадкое дѣло, тутъ—никакой, ни на что. Прощать — озлобленъ. Трудиться — не привыкъ. Терпѣть...

Есть одинъ родъ терпѣнія, — не дѣтское, беззаботное, не юношеское, сильное надеждами, не то полное геройскаго забвенія обидъ, забвенія самого себя ради другихъ, — а терпѣніе день за день, въ довольствѣ, при свѣтски-приличной обстановкѣ, въ кружкѣ, гдѣ есть и нѣкоторый почетъ и нѣкоторая свобода дѣйствій, терпѣніе выносливое ради удобствъ и благъ житья-бытья. Такое терпѣніе не истощается никогда; оно вознаграждаетъ, восполняетъ себя оттуда же, куда утекаетъ. Эта пропасть только безъ возврата поглощаетъ душевныя силы, и человѣку, который, оглянувшись, замѣтитъ, что погрузилъ ихъ всѣ, — остается одно: продолжать существовать, какъ существовалъ... Несчастный испуганъ, измученъ жалостью и стыдомъ, ищетъ утѣшенія—его нѣтъ, ищетъ оправданія—и находитъ: «нельзя,

жить надо»! повторяетъ онъ, понимая всю отвратительность этихъ словъ, мирясь съ нею насильно, мирясь невольно, потому что привычка втянула... И все что волновало — горе о невозвратной растратѣ чувства, раскаяніе, стремленія, отыскиваніе путей въ темнотѣ, порывы дѣятельности, — все цѣпенѣетъ въ тупомъ терпѣніи день за день...

Чтобъ воротиться къ этому терпѣнію сознательно, послѣ оглядки—нужно страшное мужество. Мужество наглое: поступокъ оцѣненъ. Мужество самоубійцы: погибель вѣрна. Но въ этой темной пропасти есть свои блудячіе огоньки: утѣшенія, размышленія, и такія яркія, такія убѣдительныя, такія практическія. Они какъ разъ докажутъ неприложимость идеаловъ, неизбѣжность жизненной нескладицы, необходимость установиться какъ-нибудь. Это утѣшенія умныя, не волнующія напрасно, не останавливающія человѣка на полдорогѣ. Они что̀ рѣшаютъ, то рѣшаютъ опредѣленно: мысль—мученіе; мысль—помѣха. Вѣчно думать—некогда жить. Все разглядывать—ничего не возьмешь. Все усложнять — ничего не поймешь. Бери что̀ есть, не думай и живи, *благо есть чѣмъ*,—вотъ молодость, вотъ разумъ, вотъ сила!...

— «Не думай и живи!»

Верховской будто проснулся и протиралъ глаза; ему казалось, что въ нихъ ударилъ яркій свѣтъ... Какъ это странно, какъ долго онъ бродилъ ощупью вокругъ такого простого соображенія!... Силы души — онѣ живехоньки, но ломать ихъ не надо; имъ надо дать волю, ихъ надо понѣжить... Силы души!

— Это называется «умъ за разумъ зашелъ», сказалъ онъ себѣ, еще побѣждая волненіе, еще съ горечью, но ужъ съ насмѣшкой. Тридцать-четыре года, — пора поумнѣть, «путь жизненный пройдя до половины»... Сказать себѣ толкомъ: чего хочешь? «На край свѣта»?.. Вздоръ. Я кромѣ N. никуда не хочу. Дать мнѣ — не знаю что — мнѣ ничего, кромѣ N., не надо. Ну, что же? Это такъ и будетъ: я тамъ буду... Моя супруга навязывается—пускай себѣ. Я жить хочу, а неизбѣжнаго головой не пробьешь. Не первый годъ жить намъ съ ней вмѣстѣ... О, чортъ возьми!... Ну, такъ что же, — не я первый; мерзости семейной жизни были отъ вѣка и еще столько же будутъ. Чего не минуешь, на то есть ловкость... Вотъ она, путаница притворства по старому! И мелкія мерзости, униженія, все по старому...

— Ну, да что-жъ мнѣ дѣлать? вскричалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. Опять тоже? Опять воротился къ тому же! Ну, еслибы я могъ помѣшаться, умереть, убить ее, убить себя... Не я первый, не я послѣдній! Люди живутъ... Проклятая, она живетъ! И ей хорошо, и совѣсть ее не мучитъ! Такъ я себѣ стану еще дѣлать вопросъ совѣсти можно ли, простительно-ли

обманывать Лидію Матвѣевну? За все что она дѣлаетъ, за все что она есть... Жить такъ жить! Не все же мы будемъ проходить только теоріи счастья для всего рода человѣческаго...

У него вырвался странный смѣхъ...

— Катя, Катя, вдругъ вскричалъ онъ отчаянно: добрая, чистая, божеская! Какъ я тебѣ глаза покажу? Нѣтъ, ты ничего не узнаешь, что здѣсь было! Ты скажешь... я самъ знаю! это грязь, это тина, я безсильный, не умѣю вырваться, не умѣю сохранить своего достоинства, не могу трудиться, я боюсь околѣть съ голоду, я пропалъ, давно пропалъ... Но, Катя, я тебя люблю, ты у меня одна, одна, одна! Чего бы ни стоило, ну, униженія, ну, преступленія,—но разстаться съ тобой... Ты меня спасешь, тебѣ все возможно!...

Онъ долго ходилъ по комнатѣ, не останавливаясь, не поднимая головы, прислушался къ часамъ, которые пробили, горько заломилъ руки и опять принялся ходить. Надо было рѣшиться, и духу недоставало. Онъ остановился, раздумывая и странно улыбаясь, досталъ сигару, закурилъ медленно, будто протягивая время, вдругъ бросилъ и рѣшительно вышелъ изъ комнаты.

Въ залѣ, Аннета учила дѣтей танцовать подъ скрипку двороваго музыканта. Изъ гостинной, громче скрипки, слышался смѣхъ Лидіи Матвѣевны:

— Вы безъ трехъ, безъ трехъ, Григорій Ивановичъ!

— Будьте такъ добры, попросите ко мнѣ madame, сказалъ Верховской m-lle Роше.

— Избавьте меня... отвѣчала она тихо.

Верховской нетерпѣливо пошелъ впередъ....

— Это, точно, Лидія Матвѣевна, у васъ планъ, говорилъ Духановъ: потому — на два дома вамъ невыгодно. А здѣсь, въ губерніи, если и балъ пожелаете сдѣлать... По важности супруга, нельзя вамъ себя не поддержать.

— Вы думаете, надо ужъ будетъ разориться?

— Какъ же-съ! вѣдь Андрей Васильевичъ — лицо! «Коммиссія»!...

В. Крестовскій.
Псевдонимъ.

ОРГАНИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЯЗЫКА

Хотя языкъ тѣсно связанъ съ умственнымъ бытіемъ человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣетъ самостоятельную жизнь какъ бы внѣ человѣка и господствуетъ надъ нимъ своею силою.

В. Гумбольдтъ.

I.

Въ послѣднее время наука о языкѣ, какъ о звуковомъ воплощеніи творческой силы мысли и духовнаго бытія человѣчества, сдѣлалась одною изъ жизненныхъ наукъ. Раціональное направленіе современнаго знанія, вмѣсто того, чтобы навсегда отвернуться отъ неподатливой, граничащей съ психологіею и чуть-ли даже не съ метафизикою, области этимологіи, захватываетъ и эту науку своимъ теченіемъ, старается вдохнуть въ нее новую жизнь и не пускаетъ ее уходить въ архивъ, какъ вопросъ неразрѣшимый. Другого исхода нельзя было, впрочемъ, ожидать для этой науки, столь близкой каждому изъ насъ, столь тѣсно связанной съ самимъ процессомъ его мышленія и общаго познанія.

Ученые языкоиспытатели новой школы даже указываютъ наукѣ о языкѣ почетное мѣсто между науками естественными, хотя они значительно расходятся относительно критеріума, на основаніи котораго наука о языкѣ имѣетъ право состязаться съ прочими науками. Изслѣдователи языковъ, какъ Михэли, Гезеніусъ, В. Гумбольдтъ, Бунзенъ и мн. др. видятъ въ развитіи и разростаніи организма языка тотъ же процессъ, который проявляется въ постепенномъ развитіи всякой органической жизни въ природѣ.

Отправляясь отъ корней, какъ отъ первичныхъ элементарныхъ органовъ, языкъ, по ихъ мнѣнію, пускаетъ отрасли и разростается, подобно дереву, по разнымъ направленіямъ, и наконецъ вымираетъ, слѣдуя, вѣроятно, во всемъ этомъ процессѣ какимъ-то опредѣленнымъ, но понынѣ еще *сокрытымъ* отъ насъ законамъ. Нѣсколько различенъ взглядъ на этотъ предметъ Макса Мюллера, который, въ сравненіи возростанія и жизни языка съ ростомъ дерева, видитъ одну лишь пустую фразу, голую метафору, ни мало необъясняющую предмета. Языкъ вовсе не имѣетъ независимаго бытія, и говорить о немъ, что онъ живетъ, прозябаетъ, пускаетъ отрасли и вымираетъ—есть чистый миѳъ, котораго слѣдуетъ остерегаться, когда дѣло идетъ о серьезномъ рѣшеніи вопроса. Дѣйствительный же жизненный процесъ языка Максъ Мюллеръ видитъ лишь, во-первыхъ, въ распаденіи его на большее или меньшее число діалектовъ, которые, отдѣлившись отъ главнаго русла, дѣлаются впослѣдствіи сами питающими притоками для своего родоначальника; во-вторыхъ, въ фонетическомъ искаженіи, благодаря которому многіе, болѣе слабые корни, выраждаются отъ постоянной порчи, въ условные, дополнительные знаки для прочихъ корней,—словомъ,—въ грамматическія окончанія. Касательно же вопроса о происхожденіи языка, онъ сильно опровергаетъ мнѣніе, раздѣляемое до новѣйшаго времени многими знаменитыми двигателями науки, будто языкъ есть изобрѣтеніе человѣческое, и что разнообразіе языковъ происходитъ, такимъ образомъ, отъ разнообразія звуковъ, какъ искусственныхъ знаковъ, которые индивидуумы каждаго отдѣльнаго народа будто согласились вести между собою для обозначенія своихъ ощущеній и понятій. Очевидную лживость этого мнѣнія Мюллеръ доказываетъ уже тѣмъ обстоятельствомъ, что безъ языка не могъ быть сотворенъ никакой языкъ, что до его изобрѣтенія и установленія вовсе не могло быть мыслимо какое-либо разсужденіе о достоинствѣ и значеніи словъ, а слѣдовательно и взаимное условіе и согласіе для ихъ употребленія [1]).

Такимъ образомъ, новѣйшая школа окончательно выдвинула языкъ изъ области грубаго вымысла въ область творческаго самосознанія, присущаго человѣку отъ природы. Рѣшительно отказавшись отъ отысканія первоначальныхъ, такъ сказать, эмбріональныхъ зародышей человѣческаго слова, новѣйшіе изслѣдователи разсматриваютъ языкъ, какъ органическое цѣлое, живущее соб-

---

[1]) Наука о языкѣ. Чтенія М. Мюллера, лекція 2-я.

ственною жизнью по неизмѣннымъ однообразнымъ законамъ, *открыть которые еще предстоитъ наукѣ.*

На основаніи этого, никѣмъ уже болѣе неоспариваемаго начала, въ современной намъ лингвистикѣ стало возникать мнѣніе, что языкознаніе, какъ наука объ организмѣ, развивающемся по особымъ, свойственнымъ его существу естественнымъ законамъ, должно быть отнесено къ естественнымъ наукамъ. Самымъ ревностнымъ поборникомъ этого мнѣнія является въ новѣйшихъ своихъ трудахъ упомянутый нами М. Мюллеръ.

Одинъ изъ лучшихъ дѣятелей науки о языкѣ, недавно скончавшійся Августъ Шлейхеръ, пошелъ по этому пути еще далѣе. Онъ не только ставитъ языкознаніе на ряду съ науками естественными, но—единственно вѣрнымъ и истинно-научнымъ методическимъ способомъ какъ для пониманія сущности организма языка, такъ и для изслѣдованія законовъ его жизни и ихъ изложенія, признаетъ исключительно тотъ, которымъ пользуются естествоиспытатели. Все, что не основано на точномъ и строго-объективномъ наблюденіи фактовъ и управляющихъ ими законовъ, не имѣетъ для него въ дѣлѣ изслѣдованія организма языка никакого достоинства и значенія. *Новѣйшія открытія, сдѣланныя въ области естествознанія, одинаково примѣнимы*, по его мнѣнію, *и къ дѣлу изслѣдованія организма слова и къ исторіи его бытія* [1]).

Спѣшимъ однако тутъ же замѣтить, что какъ ни новъ и ни современенъ взглядъ этого ученаго лингвиста на органическую сущность языка, онъ все-таки остается лишь удачною метафорою, отъ которой исторія бытія разсматриваемаго предмета пріобрѣтаетъ, правда, значительную наглядность, но не болѣе. Что языки сложились постепенно изъ простѣйшихъ началъ, что эти простѣйшіе элементы удобно разсматривать какъ *первыя клѣточки*, служащія началомъ всякаго организма въ природѣ, — все это ясно и не допускаетъ никакого сомнѣнія, какъ скоро мы вынуждены признать за языкомъ свойство органическое. Единственно плодотворнымъ началомъ въ изслѣдованіи всего органическаго есть, несомнѣнно, исторія его развитія, отысканіе его простѣйшаго начала; ибо зная исходную точку разсматриваемаго организма, мы можемъ легко прослѣдить тѣ переходныя ступени, чрезъ которыя прошли всѣ существующія формы его. Но осмысленный корень, сравниваемый Шлейхеромъ съ клѣ-

---

[1]) Die Darwin'sche Theorie und die Sprachwissenschaft, von August Schleicher (Weimar, 1863).—Ueber die Bedeutung der Sprache für die Naturgeschichte des Menschen, von demselben (Weimar, 1865).

точкою, дѣйствительно ли составляетъ тотъ простѣйшій элементъ, который служитъ исходнымъ началомъ органическихъ формъ языка и который полагаетъ предѣлъ нашему пытливому анализу, — въ этомъ позволяемъ себѣ сомнѣваться. По крайней мѣрѣ многіе корни наиболѣе древнихъ языковъ, какъ напр. всего семейства семитическихъ нарѣчій, сами представляются осложнившимися уже организмами, допускающими приведеніе къ болѣе простымъ началамъ. Съ другой стороны, каждый разъ, когда дѣло идетъ о происхожденіи человѣческой рѣчи, невольно возникаетъ сомнѣніе, дозволено ли примѣнять къ изслѣдованію исторіи ея развитія то строго-объективное наблюденіе, которое предписываютъ намъ новѣйшіе языкоиспытатели? Дозволительно ли оставить за человѣкомъ совершенно пассивное отношеніе при разборѣ организмовъ слова, произведенныхъ все-таки врожденною ему способностью и даромъ его творческаго духа? Возможно ли забыть свойство инструмента при обсужденіи сущности и качества извлеченнаго изъ него звука? Имѣемъ ли мы право упустить изъ виду форму, когда дѣло идетъ о происхожденіи очертанія выдѣланнаго изъ нея сосуда?

Не много нужно соображенія, чтобы убѣдиться въ томъ, что языкъ составляетъ естественный организмъ, который возникаетъ, живетъ и развивается по опредѣленнымъ, свойственнымъ ему законамъ. Но все, что мы знаемъ изъ этихъ законовъ,—это лишь общія аналогическія черты, выведенныя изъ сравненія организмовъ слова съ организмами физической природы. Наука уже успѣла прослѣдить самыя запутанныя осложненія организмовъ растительнаго царства, распредѣлила формы по внутреннему строенію и химическому сродству, отыскала и опредѣлила внѣшнія условія, при которыхъ слагается каждая форма. На долю же самаго близкаго ей организма—языка, она, до настоящаго времени, успѣла выработать слишкомъ тысячелѣтнимъ трудомъ одни только внѣшніе признаки зарожденія, роста и смерти, взятые притомъ какъ бы на прокатъ у организмовъ физической природы; между тѣмъ, организмъ языка представляетъ наукѣ гораздо важнѣйшіе, по своей первобытности, документы и матеріалы, — словомъ, все, что необходимо критическому анализу для изслѣдованія и установленія прочныхъ законовъ. Отчего, спрашивается, такъ мало успѣха при такомъ богатствѣ положительныхъ и выгодныхъ данныхъ?

Самая важная заслуга новѣйшей науки о языкѣ состоитъ безспорно въ томъ, что она открыла намъ пока истинную почву, на которой слѣдуетъ искать его начала и законы жизни. Нынѣшній лингвистъ уже твердо стоитъ на этой указанной нау-

жою естественной почвѣ, ясно сознавая тотъ рядъ явленій, на который ему слѣдуетъ направлять микроскопъ наблюденія. Проникая въ первичные элементы какой-либо древней рѣчи человѣчества, онъ ясно замѣчаетъ за ними ростъ, органическую жизнь. Но, несмотря на такое выгодное положеніе, никому еще не удалось подвести этотъ ростъ, эту жизнь подъ положительные законы; никто даже не установилъ прочной исходной точки этого жизненнаго процесса. Такой капитальный пробѣлъ восполняется каждымъ по-своему, при помощи предположеній произвольныхъ и весьма мало удовлетворяющихъ любознательность. Шаткость результатовъ этой науки весьма живо рисуетъ Максъ Мюллеръ въ слѣдующихъ словахъ: «Въ астрономіи оспаривать основные міровые законы никому не придетъ въ голову, и Птолемеевой системѣ уже не найти себѣ сторонниковъ. Въ геологіи распри между вулканистами и нептунистами пришли къ концу. Не то въ наукѣ о языкѣ. Противорѣчія между великими началами здѣсь еще не примирены. Языкъ—произведеніе ли это природы, или произведеніе искусства; одно ли общее начало у всѣхъ языковъ, или же было много первичныхъ языковъ; можно ли ихъ привести классификаціей въ какой-нибудь порядокъ или нѣтъ— все это такіе важные вопросы, которые останавливаютъ насъ на каждомъ шагу, и ученые, погружаясь въ самыя мелочныя изслѣдованія, таская лишь кирпичъ да известь, чтобъ вывести стѣны своей новой науки, постоянно должны быть готовы съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтить непріятеля» [1].

II.

Для уясненія нашего взгляда по этому вопросу, объяснимъ себѣ прежде всего, что́ такое языкъ. Со стороны матеріи, изъ которой онъ слагается, языкъ есть не что иное, какъ взаимное сцѣпленіе членораздѣльныхъ звуковъ, произведенныхъ приспособленными къ тому физическими органами человѣка; со стороны же формы и внутренняго значенія, онъ сдѣлался воплощеніемъ человѣческаго разума, орудіемъ его творческаго духа. Такимъ образомъ, если слова по своей звуковой матеріи представляютъ физическіе организмы, то духъ человѣческій является жизненною силою, управляющею зарожденіемъ и сформированіемъ этихъ звуковыхъ орга-

---

[1]) Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса Мюллера, изд. редакціи Филологич. Записокъ. Воронежъ, 1868, стр. 5—6.—См. также, Душа человѣка и животныхъ, В. Вундта, перев. Кемница. Спб. 1868, т. II, стр. 454.

низмовъ, соотвѣтственно своимъ цѣлямъ. Но человѣкъ начинаетъ говорить прежде, чѣмъ можетъ дать себѣ отчетъ въ средствахъ для исполненія этого процесса, прежде чѣмъ можетъ составить себѣ понятіе о цѣли, къ которой стремится. У ребенка механизмъ звуковъ дѣйствуетъ безъ всякаго съ его стороны сознанія, и лишь въ зависимости отъ природной способности его органовъ. То же самое было необходимо въ эпоху первоначальнаго зарожденія звуковъ въ устахъ первобытнаго человѣчества. Въ первичномъ своемъ состояніи человѣкъ и по внутреннимъ своимъ отправленіямъ составлялъ одно нераздѣльное цѣлое съ внѣшнею физическою природою, которая въ немъ отражалась. Гораздо прежде, чѣмъ звуками органовъ слова началъ руководить ясный и отчетливый разумъ,—механизмъ слова, несомнѣнно, уже двигался въ немъ по тѣмъ же неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, которые оказываются предначертанными всему физическому міру, часть котораго представляетъ и человѣкъ. Начальные элементарные уроки слова человѣкъ получилъ не иначе, какъ у своей матери-природы. Не только она научила его простой и безсвязной силлабизаціи, вызывая его къ звукоподражанію, но и самъ онъ, какъ единица всего цѣлаго, называемаго природою, оказался вмѣстѣ со всѣми врожденными его органамъ способностями подчиненнымъ одинаковымъ съ нею законамъ. Другими словами, прежде, чѣмъ человѣкъ могъ себѣ приручить свои звуки, эти звуки сами приручали себѣ его звуковые органы, подчиняя ихъ своей собственной природѣ; прежде, чѣмъ человѣкъ сдѣлался, силою умственнаго прогресса, полнымъ обладателемъ своихъ собственныхъ звуковъ, эти звуки управляли имъ, росли и развивались по тѣмъ же опредѣленнымъ и неизмѣннымъ законамъ, по которымъ усложняется и развивается всякій живой организмъ въ физической природѣ. Словомъ, языку искусственному, обдуманному, необходимо предшествовалъ языкъ естественный, языкъ, который, по неизмѣнной послѣдовательности своего роста, отражалъ въ себѣ тотъ же порядокъ и ту же цѣль, которые обнимаютъ все безконечное твореніе.

Конечно, такой языкъ съ естественнымъ строемъ и строго-физическимъ ростомъ организмовъ мы вправѣ искать лишь между тѣми нарѣчіями, которыя не только не допускаютъ сомнѣваться въ глубочайшей ихъ древности, но которыя, вмѣстѣ съ раннимъ возникновеніемъ, прекратили также свой жизненный бытъ довольно рано для того, чтобы сохранять донынѣ слѣды физическихъ законовъ, управлявшихъ процессомъ ихъ жизни. Съ теченіемъ времени, съ возрастающимъ преобладаніемъ разума и путемъ скрещиванія безчисленныхъ сношеній и смѣшеній, физи-

ческіе признаки роста человѣческой рѣчи, несомнѣнно, все болѣе и болѣе изглаживались, и позднѣйшіе языки развивались уже болѣе произвольными, косвенными путями. Но еслибы путемъ самыхъ вѣрныхъ и непреложныхъ преданій могъ какъ-нибудь дойти до насъ изъ незапамятныхъ исторіи временъ такой языкъ, въ организмахъ котораго ясно и очевидно просвѣчивались бы строгая законность и послѣдовательность роста, которыми обусловливается развитіе всѣхъ живыхъ организмовъ физическаго міра,— то онъ могъ бы служить намъ вѣрною картиною того общаго первобытнаго состоянія человѣческой рѣчи, которое доселѣ признается покрытымъ непроницаемымъ мракомъ. *Указать на фактическое существованіе такого языка*—вотъ что и составляетъ цѣль настоящей нашей статьи.

Мы хорошо знаемъ, что многимъ покажется парадоксальною самая наша мысль о возможности отысканія первобытныхъ типовъ человѣческаго слова съ явными признаками физическаго его строенія. Эти звуки младенческаго возраста человѣчества, по признанію многихъ авторитетовъ науки, потеряны для насъ навсегда, и посему изъяты изъ всякаго наблюденія. Но тѣмъ не менѣе, мы твердо вѣримъ, что, начиная съ новѣйшаго времени, когда языку указано мѣсто въ области наукъ естественныхъ, когда для изслѣдованія языка, вмѣсто искусственныхъ внѣшнихъ сближеній, придуманныхъ схоластическою филологіею, указанъ тотъ же методъ, которымъ руководствуются естествоиспытатели при изслѣдованіи организмовъ природы, когда въ языкѣ начали съ убѣдительною точностью замѣчать самостоятельную органическую жизнь по опредѣленнымъ, но все еще сокрытымъ отъ насъ законамъ,—отысканіе этихъ законовъ посредствомъ тщательнаго наблюденія и точнаго анализа древнѣйшихъ формъ языка вовсе не должно казаться невозможнымъ. Отъ попытокъ въ этомъ отношеніи мы не вправѣ отказываться и потому, что намъ представляется обильный матеріалъ для наблюденія въ письменныхъ памятникахъ весьма ранняго возраста человѣческаго рода, оставшійся чрезъ всю исторію недоступнымъ даже всесокрушающему дѣйствію времени,—богатый запасъ данныхъ, въ сравненіи съ которымъ самая богатая коллекція палеонтологическихъ образчиковъ прежнихъ формъ является самою скудною и ничтожною, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже и менѣе надежною.

Исходную точку для нашего изслѣдованія мы ищемъ въ кругу языковъ семитическихъ, этого древнѣйшаго семейства дошедшихъ до насъ нарѣчій. Не считая нужнымъ много распространяться въ доводахъ, дающихъ намъ право на такой выборъ,

мы довольствуемся указаніемъ на слова опытнѣйшаго оріенталиста о грамматической системѣ этихъ нарѣчій [1]): «Такая грамматическая система — говоритъ онъ — ясно отпечатлѣваетъ въ себѣ юношескій возрастъ человѣческаго духа, и позволительно вѣрить, не рискуя попасть въ мечтанія старинной филологіи, что семейство нарѣчій семитическихъ нагляднѣе всякаго другого сохранило для насъ память одного изъ тѣхъ языковъ, на которомъ должно было говорить человѣчество при первомъ пробужденіи его сознанія». Между этими-то нарѣчіями одинъ по преимуществу, благодаря разнымъ внѣшнимъ историческимъ обстоятельствамъ, оказывается, по нашему мнѣнію, самымъ выгоднымъ для науки предметомъ наблюденія. Это, именно — языкъ еврейскій.

Извѣстно, что языкъ еврейскій до истеченія первыхъ десятковъ лѣтъ текущаго XIX-го вѣка признавался, со стороны лучшихъ новѣйшихъ языкоизслѣдователей, даже родоначальникомъ всѣхъ языковъ міра, первичною колыбелью ихъ происхожденія. Но внѣшнее созвучіе отдѣльныхъ словъ, нерѣдко самое случайное, мало основательныя словопроизводства и догадки разнаго рода были единственными доводами, которыми они поддерживали это положеніе. Правда, языкъ этотъ во многихъ случаяхъ заявляетъ какое-то чуть ли не всемірное отношеніе и представляется какъ бы родникомъ, изъ котораго болѣе или менѣе черпали многіе другіе языки. Между доступными намъ правильными языками нѣтъ, можетъ быть, ни одного, который бы не откликался на бо́льшее или ме́ньшее количество знаменательныхъ звуковъ языка еврейскаго. Но строгая наука новаго времени недовольствуется сходствомъ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе удачно подобранныхъ звуковъ, для рѣшенія столь важнаго вопроса. Для новѣйшей сравнительной филологіи не важно внѣшнее созвучіе формъ, допускающее случайность, а внутреннее ихъ сродство, однородность ихъ жизненныхъ условій. Но мы обращаемся за матеріаломъ для наблюденія къ языку еврейскому только потому, что въ немъ болѣе или менѣе находятъ себѣ откликъ отдѣльныя слова различныхъ нарѣчій человѣчества, и именно *въ этомъ языкѣ, открываются намъ до очевидной ясности искомые наукою опредѣленные законы, по которымъ складывается и живетъ въ устахъ человѣка организмъ всякаго вообще языка, предоставленнаго своей собственной природѣ.*

Еще въ младенческомъ своемъ возрастѣ переданный исторіею народу, весьма рано объединившемуся посреди языческаго міра

[1]) Ernest Renan, Histoire général des langues Semitiques. Paris 1863, p. 24.

и замкнутому въ самомъ себѣ по особенностямъ духовной жизни и міросозерцанія, и кромѣ того, остановленный весьма рано въ своемъ развитіи,—этотъ языкъ болѣе другихъ, не-семитическихъ, съумѣлъ сохранить неизгладимыми въ существенныхъ своихъ чертахъ многіе признаки того младенческаго возраста человѣчества, когда оно во всѣхъ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ отправленіяхъ составляло еще нераздѣльное звено въ цѣпи всего живого органическаго міра и подчинялось, во всѣхъ отношеніяхъ, одинаковымъ съ нимъ законамъ. Разсуждая о свойственной еврейскому языку аллитераціи, Юлій Лей говоритъ: «Мы, конечно, вмѣстѣ съ Гердеромъ именуемъ языкъ еврейскій языкомъ естественнымъ, т.-е. языкомъ, который не только возникъ и развился вмѣстѣ съ народомъ, но въ которомъ еще ясно узнаются вліянія законовъ природы на его звуковыя формаціи. Громадное богатство естественноподражательныхъ звуковъ, въ которыхъ уже авторъ книги Бытія узнаетъ вѣрный отголосокъ природы, почти правильное примѣненіе этого чувственнаго естественноподражательнаго начала къ точнѣйшему обозначенію и дальнѣйшему развитію понятій, наконецъ самое преобладаніе въ немъ согласнаго элемента, — все это свидѣтельствуетъ, насколько языкъ этотъ еще тѣсно связанъ съ природною жизнью и какъ онъ находится еще въ зависимости отъ этой послѣдней даже въ болѣе тонкихъ опредѣленіяхъ понятій» [1]).

Съ точки зрѣнія исторической, особенно способствовала охраненію за этимъ языкомъ признаковъ естественнаго роста *разумная ореографія семитической расы*, которая, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, копируетъ языкъ съ удивительною точностью и передаетъ всѣ оттѣнки его фонетики съ самою выгодною для изслѣдованія подробностью [2]). Но до изложенія нашего взгляда намъ необходимо опредѣлить въ немногихъ словахъ сущность элементовъ, изъ которыхъ слагается языкъ вообще.

Звучащая струя воздуха, выходящая устами изъ груди нашей, составляетъ матеріалъ, изъ котораго образуются гласные звуки съ различными ихъ оттѣнками и модуляціями. Когда же

---

[1]) Zeitschrift der Morgenländischen deutschen Gesellschaft (Leipzig, 1866, § 181). См. въ особенности Ernest Renan, Histoire général des langes Sémitiques. Paris, 1863, p. 22.

[2]) См. Gesammelte sprachwissenschaftliche Schriften, von Rudolph von Raumer: Über die Urverwandschaft der semitischen und indoeuropäischen Sprachen, § 25 (S. 478).—Fürst, Lehrgeb. der aram. Idiome (Leipzig, 1835) § 1. Впрочемъ, выведенные нами впослѣдствіи законы свойственны вообще каждому семитическому нарѣчію. Предпочтеніе же, данное нами языку еврейскому, основано болѣе на началахъ ореографическихъ, какъ изъяснено будетъ впослѣдствіи.

дыханіе это, проходя черезъ уста, быстро смыкается какимъ-либо изъ органовъ рта, то оно переходитъ въ ударъ, или звукъ согласный. Качество ударовъ или согласныхъ необходимо обусловливается различными свойствами органовъ, смыкающихъ дыханіе, равно и степенью напряженія, съ которою этотъ процессъ совершается органами приражeнія звука или перерыва [1]. Членораздѣльность нашихъ звуковъ происходитъ, такимъ образомъ, отъ послѣдовательнаго чередованія между собою различныхъ ударовъ или звуковъ согласныхъ и перемеживанія ихъ открытыми болѣе или менѣе свободными дыханіями или звуками гласными. Удары иначе не могутъ дѣлаться отчетливыми членораздѣльными звуками, какъ только помощью предшествующаго или послѣдующаго открытаго дыханія, этого образовательнаго элемента и жизненнаго условія всѣхъ вообще звуковъ.

Звуки, на которые человѣкъ первоначально переложилъ свои ощущенія, должны были быть самые простые и безразличные, т.-е. лишенные строгой грамматической формы, подобно первоначальному лепету ребенка.

Первичные знаки въ устахъ первообразователей языка были лишь рефлексами чувственной жизни, выраженіемъ испытанныхъ ощущеній. Ощущенія же, какъ безразличныя формы мысли, высказывались необходимо въ столь же безразличныхъ формахъ слова. Неразрывно съ прогрессомъ умственныхъ способностей человѣка, развивались послѣдовательно и формы языка. Ощущенія дѣлаются ясными понятіями, понятія слагаются и разростаются въ мысли, и одновременно и соотвѣтственно съ этимъ ростутъ и обособляются звуковыя ихъ обозначенія. Хотя пораждающимъ началомъ этихъ знаменательныхъ звуковъ была необходимо преднамѣренность, но дальнѣйшій ростъ ихъ, форма и условія ихъ бытія, подчинялись единственно законамъ чисто-физическимъ, свойственнымъ собственной ихъ природѣ и природѣ производившихъ ихъ органовъ въ совокупности.

Если мысль наша не въ состояніи опредѣлить свою собственную психическую жизнь и прослѣдить законы своего развитія, если мысль наша оказывается несостоятельною для составленія, такъ сказать, своей автобіографіи, то мы однако не должны отказываться отъ наблюденія за процессомъ первоначальнаго разростанія звуковъ, этихъ вещественныхъ ея орудій, и отъ отыскиванія законовъ, которымъ они подчинялись въ эпоху

[1] Полное изложеніе физіологическихъ условій звуковъ человѣческой рѣчи представляетъ: Moriz Thausing, Das natürliche Lautsystem der menschlichen Sprache (Leipzig, 1863).

своего естественнаго бытія. Для этого намъ нужно только изъ наиболѣе раннихъ памятниковъ человѣческаго слова избрать такой, который, благодаря выгоднымъ историческимъ условіямъ, съумѣлъ сохранить въ себѣ формы съ явными признаками физическаго роста. Мы показали уже, почему мы считаемъ языкъ еврейскій наиболѣе удобнымъ для этого документомъ. Органическій строй этого древнѣйшаго отпрыска семитическихъ нарѣчій, послѣдовательный частичный переходъ его изъ простого къ болѣе и болѣе сложному, замѣчены были самыми лучшими изслѣдователями языковъ, каковы Михаэли, Аделунгъ, Гезеніусъ, Фюрстъ, Деличъ и др. Вотъ что говоритъ В. Гумбольдтъ о строеніи древнѣйшихъ семитическихъ нарѣчій, еврейскаго и арабскаго: «Самъ по себѣ, со стороны своей техники, организмъ этихъ языковъ не только не уступаетъ ни одному языку, но можетъ быть и превосходитъ всѣ другіе строгою послѣдовательностью, художественною красотою и умнымъ приспособленіемъ звука къ мыслямъ» [1]). Особливо относительно языка еврейскаго, мы полагаемъ, что многіе вопросы громадной важности нашли бы себѣ разрѣшеніе, если бы вникнуть глубже въ органическій строй его, руководствуясь при его анализѣ тѣмъ же способомъ наблюденія, который усвоила себѣ современная наука при изслѣдованіи законовъ, обусловливающихъ собою ростъ и жизнь всѣхъ вообще живыхъ естественныхъ организмовъ. Впрочемъ, и въ отношеніи къ этому послѣднему нашему положенію, мы можемъ ссылаться на одинъ изъ лучшихъ авторитетовъ въ этомъ дѣлѣ. «Соображеніе,—говоритъ Ренанъ,—что языкъ финикійскій тѣмъ болѣе заявляетъ сходство съ еврейскимъ, чѣмъ мы болѣе углубляемся въ его древность, доводитъ насъ до убѣжденія, что языкъ еврейскій скорѣе представляетъ отпечатокъ общаго духа семитической расы въ первобытномъ ея возрастѣ, нежели частное нарѣчіе одного отдѣльнаго клана. Въ языкѣ еврейскомъ, очевидно, перешли къ намъ первоначальные архивы этой расы, ставшіе, по какой-то знаменательной судьбѣ, архивами всего рода человѣческаго. Въ языкѣ еврейскомъ дошли до насъ ея самыя первыя поэтическія сказанія, ея древнѣйшія реченія и поговорки. *Языкъ еврейскій занимаетъ, такимъ образомъ, въ средѣ расы семитической то же мѣсто, какое указано санскриту въ отношеніи къ расѣ индо-европейской,* — представляя собою типъ чистѣйшій и совершеннѣйшій въ своемъ семействѣ, идіомъ, содержащій въ себѣ ключъ ко всѣмъ прочимъ, идіомъ первоначальныхъ отправленій языка

[1]) О различіи организмовъ человѣческаго языка, гл. V.

(l'idiome des origines), словомъ, общую сокровищницу историческихъ, лингвистическихъ и религіозныхъ тайнъ цѣлой расы, къ которой онъ относится» [1]).

Но предпочтеніе для нашей цѣли языка еврейскаго предъ другими, ему родственными, вынуждается также большею вѣрностью его исторіи, большею точностью его орѳографіи. Одно только еврейское правописаніе передавало звуковыя формы языка тáкъ, какъ онѣ вытекали изъ устъ говорившаго, мало заботясь объ ихъ этимологіи. Но не то въ сирскомъ и арабскомъ, въ которыхъ правописаніе уже руководствуется болѣе этимологическими соображеніями, нежели народнымъ выговоромъ. «Изъ этого обстоятельства—говоритъ Гезеніусъ—мы можемъ заключить, что арабская и сирская орѳографія образовались въ позднѣйшую эпоху, когда стали уже обращать вниманіе на этимологію словъ и имѣли уже объ ней понятіе; напротивъ же, возникновеніе орѳографіи еврейской относится къ болѣе раннему періоду, когда этимологическія соображенія еще были неизвѣстны. Наблюденіе это, прибавляетъ онъ, отличается полною выдержанностью и можетъ быть принимаемо за опору и руководящую точку для разныхъ другихъ отношеній» [2]). Посмотримъ теперь, въ какой степени открывается намъ аналогія въ законахъ жизни и развитія организмовъ этого «природнаго» языка съ законами жизни и развитія организмовъ природы вообще.

III.

Изъ открытій, сдѣланныхъ новѣйшею наукой, стало извѣстно, что всякій растительный организмъ начинаетъ свое развитіе съ простой растительной клѣточки, большей частью содержащей въ себѣ зачаточныя сѣмена для произведенія новыхъ клѣточекъ. Эти зачатки остаются внутри производящей клѣточки до тѣхъ поръ, пока не созрѣютъ; тогда они выдѣляются и, выступая наружу, становятся свободными и самостоятельными. Вновь возникшія клѣточки обладаютъ этою же способностью зарождать внутри себя новыя клѣточки, если только, располагаясь и группируясь между собою, онѣ попадаютъ въ выгодныя условія взаимодѣйствія. Только тѣ изъ нихъ, которыя наполнены однимъ лишь *воздухомъ*, лишены способности производить изъ себя новыя клѣточки. Отъ большей или меньшей плотности, съ кото-

---

[1]) Histoire général des langues Sémitiques (Paris, 1863), p. 110—111.
[2]) Lehrgebäude der hebräischen Sprache (Leipzig, 1817) S. 5, b.

рою возникшія послѣдовательно клѣточки соприкасаются между собою, зависитъ большая или меньшая плотность образуемой ими клѣточной ткани организма. Чѣмъ плотнѣе двѣ сосѣдственныя клѣточки прилегаютъ другъ къ другу, тѣмъ сильнѣе оказывается ихъ взаимодѣйствіе, ихъ обоюдное давленіе и, слѣдовательно, тѣмъ успѣшнѣе идетъ ихъ развитіе внутреннихъ силъ, разработка изъ нихъ новыхъ органовъ. Но иногда между клѣточками образуется воздушный промежутокъ, болѣе или менѣе ихъ разобщающій и, слѣдовательно, лишающій ихъ необходимаго условія взаимодѣйствія. Такой промежутокъ образуется обыкновенно изъ двухъ клѣточекъ полулунной формы, обращенныхъ одна къ другой вогнутою стороной. Отъ большей или меньшей степени растяжимости этихъ междуклѣтныхъ воздушныхъ промежутковъ зависитъ вся будущность органической ткани, большая или меньшая плотность развивающихся на ея основаніи формъ. Но, при меньшей степени развитія, эти междуклѣтные промежутки то расширяются, то съуживаются, то вовсе смыкаются заключающими ихъ клѣточками въ плотную ткань, по мѣрѣ дѣятельности растительной силы организма. Весь процессъ жизни растенія состоитъ, такимъ образомъ, въ послѣдовательномъ размноженіи его элементарныхъ органовъ, или клѣточекъ различнаго содержанія и свойства, и различной степени взаимодѣйствія, — въ принятіи и выдѣленіи веществъ, обновленіи и разрушеніи клѣточекъ, результатомъ чего является измѣненіе внѣшнихъ и внутреннихъ формъ растительнаго организма, его строенія и очертанія. Первичнымъ же началомъ этого процесса служитъ одна растительная клѣточка, разлагающаяся постепенно все въ большее и большее количество новыхъ органовъ, которые мало-по-малу принимаютъ различное значеніе, различное отношеніе другъ къ другу, подчиняясь неизмѣннымъ естественнымъ законамъ.

Съ перваго раза можетъ показаться страннымъ, что мы желаемъ искать этой послѣдовательности природы растительныхъ организмовъ въ исторіи развитія формъ языка. Но между тѣмъ еврейскій языкъ ясно и отчетливо показываетъ, что лѣствица растительнаго развитія одинакова какъ для организмовъ растеній, такъ и для организмовъ слова, по крайней мѣрѣ въ періодахъ первобытной физической неискусственной его жизни.

Мы уже показали, что звучащая струя воздуха, выпускаемая нами изъ груди, составляетъ общее элементарное начало всѣхъ вообще звуковъ человѣческой рѣчи. Изъ нея образуются всѣ вообще звуки, какъ гласные, такъ и согласные, составляющіе

только различныя ея модификаціи, смотря по сущности среды, черезъ которую рѣчь пропускается наружу и по степени напряженія, съ которою та среда ее пропускаетъ. Во время стремленія этой звучащей струи, каждое приражeніе, переломъ, совершаемый надъ нею какимъ-либо органомъ рта, обращаетъ ее въ болѣе или менѣе вещественный ударъ, который мы обозначаемъ именемъ звука согласнаго. Прекращеніе же этого приражeнія образуетъ переходъ удара въ болѣе или менѣе свободное звучащее дыханіе, переходъ звука согласнаго въ звукъ, называемый нами гласнымъ. Такой послѣдовательный переливъ звуковъ различнаго свойства служитъ единственною причиною членораздѣльности звуковъ человѣческаго голоса. Судя по этому, не только становится понятнымъ, почему звукъ согласный, или ударъ, иначе не можетъ стать членораздѣльнымъ, какъ лишь помощью гласнаго, этой основной матеріи звука вообще, но также и то обстоятельство, что самый звукъ гласный лишь тогда объединяется и опредѣлительно различается слухомъ какъ звуковая единица, когда онъ начинается или завершается болѣе или менѣе вещественною согласною, какъ *ta*, *mi cha ho*, или *at im*, *ach*, *oh*[1]); также когда онъ, такъ сказать, *преломляется*: ai, ei, o^{a}, ou, ij и т. под. Таково самое естественное и необходимое условіе членораздѣльности звуковъ. Оно же и сдѣлалось неизмѣннымъ закономъ въ строеніи слоговъ языка еврейскаго. Въ немъ каждая гласная замыкается *явною* согласною, (какъ *nim-lat*, *hik-raw-tem*), или же *потаенною*, посредствомъ удвоенія въ произношеніи слѣдующей за нимъ буквы, знакомъ чего позднѣйшіе грамматики постановили точку внутри послѣдней, называемой *сильнымъ догошомъ*, (какъ sab-bu, hag-gan-nim); въ противномъ случаѣ, гласная, оставленная почему-либо открытою, преломляется, усложняется въ самой себѣ, загибаясь, такъ сказать, къ концу болѣе или менѣе явнымъ придыханіемъ, полугласнымъ звукомъ (какъ bei-raçh, go^{u}-rasch и т. под.). Отступленіе отъ этого естественнаго условія членораздѣльности встрѣчается только при звукахъ, объединенныхъ подъёмомъ интонаціи.

Этотъ естественный законъ членораздѣльности звуковъ рѣчи слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, принимать за руководящее начало для отысканія прочихъ естественныхъ законовъ, по которымъ звуки эти первоначально слагались въ болѣе и болѣе сложныя

---

[1]) Это замѣчаніе о природѣ организма языка отчасти сдѣлано уже В. Гумбольдтомъ.—См. О различіи организмовъ человѣческаго языка, перев. Билярскаго. Спб. 1859, стр. 67. — Съ цѣлью сдѣлать нашу аргументацію какъ можно болѣе общедоступною мы избрали латинскій алфавитъ для выраженія еврейскихъ словъ.

формы. Въ эпоху зарожденія языка, когда ощущенія человѣка и отраженіе въ немъ внѣшняго міра находило себѣ чувственное выраженіе въ звукахъ, эти звуки слагались и организировались, конечно, не по какому-либо обдуманному плану, а по условіямъ, которыя оказались для нихъ единственно возможными,—по непремѣннымъ законамъ, которымъ природа заставляетъ повиноваться вообще всякій растительный организмъ. Но мы должны всего прежде объяснить, въ чемъ именно состоитъ аналогія, показывающаяся намъ въ развитіи организмовъ чисто-естественнаго языка съ развитіемъ организмовъ природы вообще.

Исходною точкою, отъ которой отправляются естествоиспытатели для изученія условій жизни каждаго отдѣльнаго организма, составляетъ открытое новѣйшею наукою элементарное начало его, — клѣточка. Только знакомство съ сущностью этой клѣточки и суммою ея послѣдовательныхъ измѣненій ведетъ къ истинному пониманію жизни и значенія осложнившихся изъ нея разнообразныхъ формъ. Но то, что въ растительномъ царствѣ далось естествоиспытателямъ только послѣ цѣлаго ряда вѣковъ усилій и путемъ микроскопическихъ наблюденій, то, кажется намъ, является само собою, и какъ бы напрашиваясь наблюдателю, въ области организмовъ предлежащаго намъ языка.

Посмотримъ, что составляетъ первичный элементъ языка. Все, что мы можемъ уловить въ организмѣ языка, какъ элементарную единицу, какъ недѣлимое—это слогъ, или вѣрнѣе—звукъ согласный, въ обоюдномъ его членораздѣльномъ видѣ (напр., ta или at). Раздѣленіе простого слога на гласную и согласную, принимая ту и другую за самостоятельный звукъ, принадлежитъ уже, какъ извѣстно, позднѣйшей искусственной теоріи, вызванной системою нашего письма. Орѳографія древнихъ семитовъ не знала такого раздѣленія. Для нея самостоятельными звуками считались одни только согласные; гласные же она разсматриваетъ лишь какъ модификацію согласныхъ, какъ необходимое условіе и форму ихъ бытія. Для тѣхъ, которые еще не освоились съ этой истиной, не лишне будетъ привести здѣсь слѣдующія слова В. Гумбольдта [1]:

«Гласныя, конечно, надобно разсматривать съ двухъ сторонъ. Прежде всего онѣ служатъ только звукомъ, безъ котораго нельзя выговорить согласной, затѣмъ выступаютъ звуковыя различія, составляющія извѣстный рядъ гласныхъ. Въ первомъ случаѣ нѣтъ гласныхъ, а есть только одинъ всеобщій гласный звукъ, или, если угодно, нѣтъ даже вовсе настоящей гласной,

---

[1]) О различіи организмовъ человѣческой рѣчи.

а есть только неясный, неразвитый до особенности звукъ *шва*. Нѣчто подобное бываетъ и при согласныхъ въ ихъ совокупленіи съ гласными. И гласная, чтобы быть слышимой, имѣетъ нужду въ консонантическомъ придыханіи, и покуда это придыханіе имѣетъ только нужное для того качество, до тѣхъ поръ оно отлично отъ всѣхъ согласныхъ, располагаемыхъ по особенному качеству ихъ звона на разряды. Отсюда само собою слѣдуетъ, что въ выраженіи понятій, гласныя имѣютъ мѣсто только въ совокупленіи съ согласными и, какъ уже признано глубокомысленнѣйшими изслѣдователями языковъ, служатъ главнымъ образомъ для ближайшаго опредѣленія слова, образуемаго согласными. По свойству своего звука гласныя означаютъ нѣчто тончайшее, болѣе пронзительное и болѣе внутреннее, нежели согласныя, и онѣ какъ бы менѣе вещественны и больше одушевлены».

Итакъ, мы можемъ разсматривать членораздѣльный звукъ какъ единственное элементарное начало, какъ первичную растительную клѣточку, изъ которой выработалась каждая форма языка, какъ организмъ, по свойственнымъ этому послѣднему правильнымъ и строгимъ законамъ. Въ эпоху физическаго состоянія языка, когда въ немъ преобладала чисто-реальная сущность его матеріи, звука,—эти законы оказались, какъ мы сейчасъ увидимъ, тожественными съ законами, управляющими матеріею всякаго растительнаго организма въ процессѣ его роста и развитія. Самыми древними формами языка еврейскаго, взятаго нами предметомъ нашего наблюденія, слѣдуетъ считать несомнѣнно простѣйшіе его корни, сложившіеся изъ двухъ болѣе или менѣе вещественныхъ членораздѣльныхъ звуковъ, которые, получивъ движеніе отъ вызвавшаго ихъ общаго жизненнаго начала (дыханія, гласнаго), взаимно смыкаются между собою съ большей или меньшей степенью плотности. Ясно, что степень плотности взаимнаго смыканія буквъ между собою обусловливается, какъ большею или меньшею вещественностью звука, замыкающаго среднюю вокализацію, такъ и зависитъ преимущественно отъ большей или меньшей сжатости или растяжимости послѣдней, какъ имѣющей воздушное свойство. Возьмемъ напр. двѣ буквы k и t. При прямомъ произношеніи ихъ въ совокупности, слухъ различаетъ три степени взаимнаго ихъ прикосновенія: а) *плотное*, какъ *kat*, *kit*, *kut* и т. д.; в) *менѣе плотное*, или *разрѣженное* отъ едва замѣтнаго переломленія ихъ вокализаціи, какъ *ka^{i}t*, *ke^{i}t* *ko^{u}t*; и наконецъ, с) *наименѣе плотное*, т.-е. *въ разобщенномъ видѣ*, вслѣдствіе явно усложнившагося между ними гласнаго звука, какъ *kait*, *keit*, *kout*, *kijt* и т. под. Извѣстно, что въ еврейскомъ языкѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ восточныхъ языкахъ, вокализація, какъ дыханіе, какъ элементар-

ное начало всѣхъ вообще звуковъ и необходимое условіе ихъ движенія и жизни, оставалась въ древнѣйшей письменности невидимою и лишь подразумѣваемою, подобно жизненной силѣ въ одушевленной природѣ. Только въ слогахъ съ явно разобщенными частицами организма, это воздушное разобщеніе отмѣчалось обыкновенно однимъ изъ представителей дыханія: — '(т.-е. тонкое дыханіе), v, i [1]). Такимъ образомъ, если разсматривать каждый членораздѣльный звукъ какъ растительную клѣточку органическихъ формъ языка, то древнѣйшіе двухбуквенные корни языка еврейскаго, смотря по сущности ихъ частицъ, главное же, по степени взаимнаго соприкосновенія ихъ другъ къ другу, должны быть раздѣлены, какъ указываетъ намъ самая система правописанія языка, на три главныя ткани: 1) *плотныя*, съ простою вокализаціею, обыкновенно съ самобытнѣйшимъ гласнымъ *a*, какъ k(a)l, g(a)w, m(a)k, s(a)w; 2) *пористыя*, съ едва замѣтнымъ промежуточнымъ придыханіемъ, какъ $ch(o^u)k$, $z(e^i)l$; обѣ эти группы лишены еще въ древнемъ текстѣ видимаго знака вокализаціи; и наконецъ, 3) *сквозистыя*, съ довольно внятнымъ промежуточнымъ придыханіемъ, сдѣлавшимся поэтому нагляднымъ въ письмѣ посредствомъ знаковъ придыханія (', v, i), наприм., ko^am, ko^ul, ti^it, be^in и пр.

Эти односложныя формы, существующія въ языкѣ въ огромномъ множествѣ, представляютъ вѣроятно первые его организмы, начальныя и безразличныя звуковыя формы, воплотившія въ себѣ первоначальныя простѣйшія человѣческія понятія, и различіемъ согласнаго ихъ остова человѣкъ первоначально различалъ каждое отдѣльное ощущеніе отъ другого. Но съ подвигающимся прогрессомъ умственнаго развитія, человѣкъ начинаетъ въ каждомъ отдѣльномъ ощущеніи открывать различныя стороны и относительныя свойства. Каждое отдѣльное понятіе его осложняется отличительными подчиненными понятіями, растетъ и принимаетъ различные виды, а вмѣстѣ и соотвѣтственно съ этимъ услож-

---

[1]) Наглядное изложеніе системы еврейскаго вокализма см. Gesenius-Rödiger, Hebräische Grammatik, изд. 20-е, стр. 36. Вмѣсто такъ-называемыхъ, по способу испанскаго произношенія, гласныхъ долгихъ, мы беремъ тѣ двоегласныя, изъ которыхъ они, по всеобщему мнѣнію, возникали путемъ постепеннаго стяженія. Это мы дѣлаемъ на томъ понятномъ основаніи, что мы имѣемъ дѣло съ наиболѣе предшествовавшимъ періодомъ языка. «Мы не допускаемъ,—говоритъ Шлейхеръ,—чтобы въ праязыкѣ было уже въ ходу растяженіе или удлиненіе гласныхъ звуковъ; это—второстепенное и, слѣдовательно, позднѣйшее явленіе». (Сравнит. Грамм. Индо.-европ. языковъ, переводъ Лавренка, изд. ред. Филол. Зап. Воронежъ, 1866. Стр. 11). Замѣтимъ мимоходомъ, что этому болѣе древнему способу произношенія гласныхъ остались понынѣ вѣрны всѣ вообще евреи въ Россіи и большинство ихъ на Западѣ Европы. (Объ исторической причинѣ сего послѣдняго см. Einleitung in das Babylonisch-Hebräische Punktatinssystem, von S. Pinsker. Wien, 1863. S. XVII).

няется, растетъ и видоизмѣняется въ устахъ его звуковое обозначеніе этого понятія. Корень, слѣдя за движеніями воплощенной въ немъ мысли, принимаетъ различныя внѣшнія очертанія отъ соединенія съ другими подчиняющимися корнями, и разъ приведенный въ движеніе стремленіемъ дыханія, или гласнаго звука, онъ начинаетъ развивать также свои органы, не въ зависимости отъ воли и намѣренія человѣка, а по строгимъ естественнымъ законамъ, управляющимъ его двигающеюся матеріею.

Самымъ замѣчательнымъ и удивительнымъ, хотя доселѣ еще никѣмъ незамѣченнымъ образомъ, открывается наблюдателю въ процессѣ развитія звукового элемента еврейскихъ словесныхъ формъ точная аналогія съ процессомъ развитія всего органическаго въ природѣ. Мы позволили себѣ, согласно съ Шлейхеромъ, разсматривать членораздѣльный звукъ какъ растительную клѣточку, служащую началомъ организмовъ въ природѣ; вникая глубже во внутреннее строеніе предлежащихъ намъ формъ языка еврейскаго, мы замѣчаемъ за звукомъ одинаковую съ клѣточкою способность зарождать внутри себя и производить новые себѣ подобные звуки, словомъ, размножаться каждый разъ, когда этотъ звукъ попадаетъ въ соотвѣтственныя выгодныя для этого условія.

Хотя причины, вызывающія процессъ развитія естественныхъ организмовъ, сокрыты для насъ тайнымъ покровомъ, однако мы съ достовѣрностью догадываемся, что развитіе это должно быть слѣдствіемъ взаимодѣйствія элементарныхъ частицъ по неизмѣннымъ физическимъ законамъ. Такъ, напримѣръ, зная, что степень взаимнаго давленія тѣлъ въ природѣ обусловливается степенью взаимнаго ихъ соприкосновенія, сущностью давящаго и давимаго тѣла, спокойствіемъ или движеніемъ послѣдняго, мы заключаемъ, что степень роста естественныхъ организмовъ состоитъ въ зависимости отъ этихъ же законовъ. Дѣйствительно, наблюденіе показываетъ, что развитіе организмовъ растеній идетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ плотнѣе ихъ клѣточная ткань и, слѣдовательно, чѣмъ сильнѣе давленіе ихъ частицъ другъ на друга. Воздушные промежутки, возникающіе между сосѣдственными клѣточками, разобщая ихъ, замедляютъ на нѣкоторое время непосредственное ихъ взаимодѣйствіе, а расширяясь до значительной степени, останавливаютъ его навсегда. Эти же неизмѣнные естественные законы оправдываютъ собою и организмы слова въ процессѣ ихъ развитія. Для примѣра возьмемъ наиболѣе древнія и простыя элементарныя формы языка изъ двухъ согласныхъ, изъ коихъ первая предполагается вокализованною простымъ гласнымъ *a*, какъ g(a)g, d(a)d, m(a)s, m(a)d, g(a)n, g(a)l

и под. [1]) Отдѣльныя частицы каждой изъ этихъ формъ, получая жизнь и движеніе отъ звучащаго тока гласнаго, смыкаются между собою плотно, образуя, вслѣдствіе напора первой вокализованной согласной на слѣдующую, такъ сказать, плотную звуковую ткань. Давленіе это естественно усиливается, когда слѣдующая согласная остановлена пріобрѣтеніемъ самогласія и быстро настигается какъ бы гонящеюся за нею вокализованною согласной. Слѣдствіемъ такого усиленнаго напора бываетъ всегда, что подверженная ему согласная какъ бы зарождаетъ внутри себя новую, себѣ подобную согласную, т.-е. удвояется въ произношеніи, признакомъ чего установлена впослѣдствіи точка внутри ея, называемая «сильнымъ догошомъ». Напр., отъ формъ *m(a)d*, *g(a)n*, *g(a)l* образуется къ каждою остановкою второй согласной вокализмомъ: *ma*^{d}*dij*, *ga*^{n}*no*, *ga*^{l}*lij* и пр. Зачатокъ новаго звука спрятанъ, какъ это видно изъ примѣровъ, внутри производящаго; но долго обжившись съ нимъ, онъ какъ бы созрѣваетъ, и тогда словно выдвигается наружу какъ самостоятельный членораздѣльный звукъ, такъ что прежніе билитарные по своему согласному остову корни, какъ *gal*, *mad*, *kal*, являются въ позднѣйшемъ періодѣ языка трилитарными: *go'lal*, *mo'dad*, *ko'lal*, а въ дальнѣйшемъ развитіи даже квадрилитарными: *gi*^{l}*lal* *mi*^{d}*dad*, *kil lal* и под. При соотвѣтственныхъ благопріятныхъ условіяхъ, повтореніе звука путе́мъ удвоенія совершается также съ *первою* буквою корня, подъ напоромъ на нее пришлой вокализованной буквы служебной, какъ *ti*^{m}*ma*^{d}*du*, *ji*^{m}*ma*^{s}*su*, а также и съ этой служебной, подъ давленіемъ предшествующей ей другой служебной, какъ *vat-ti*^{m}*mas*^{s}*u*, *vaj-ji*^{m}*mad*^{d}*u*, (отъ кор. *mas* *mad* и т. под.).

Но во многихъ двухбуквенныхъ корняхъ гласный звукъ, сомкнутый между согласными, уже въ раннюю эпоху языка началъ усложняться въ народномъ выговорѣ, такъ сказать, преломляться, переходя такимъ образомъ въ то, что́ мы обозначаемъ именемъ *двоегласныхъ*. Въ тѣхъ корняхъ, въ которыхъ преломленіе это мало различалось въ народномъ выговорѣ, древнее правописаніе оставило вокализацію еще скрытою по прежнему: продолжали еще писать, напр., gl, chk, zl, хотя и произносилось go^{u}l, cho^{u}k ze^{i}l. Въ тѣхъ же формахъ, въ которыхъ переломленіе гласнаго вышло чувствительнѣе въ произношеніи, этотъ скрытный гласный звукъ стали сопровождать въ письмѣ видимымъ знакомъ его пере-

---

[1]) Тщетность произведенія всѣхъ семитическихъ корней изъ одного общаго чекана *трилитарности* особенно ясно доказана I. Фюрстомъ въ его: Lehrgebäude der aramäischen Idiome mit Bezug auf die Indo-Germanischen Sprachen, § 95 u. a. (Leipzig, 1835).

ломленія, нагляднымъ представителемъ возникшаго отъ этого между частицами корня *придыханія*. Понятно, почему буквы v и j оказались самыми соотвѣтственными представителями, первая для придыханія *u*, вторая для придыханія *i*. Писали такимъ образомъ $k^u l$, $b^i n$ и под., съ явнымъ полугласнымъ въ серединѣ, тамъ, гдѣ нужно было показать, что подразумѣваемое при первой буквѣ самогласіе слѣдуетъ сопровождать еще указаннымъ полугласнымъ: $k(o)^u l$, $b(e)^i n$.

Эти промежуточныя придыханія, болѣе или менѣе разобщающія частицы словесныхъ организмовъ, можно сравнять съ воздушными промежутками (canales et lacunae aëreae), возникающими часто между сосѣдственными клѣточками организмовъ растенія. Какъ соотвѣтственныя другъ другу явленія, они ведутъ къ соотвѣтственнымъ результатамъ.

Подобно невѣсомымъ тѣламъ физическимъ, звучащее дыханіе (гласный звукъ), по своей упругости и подвижности, способно переходить въ организмѣ слова съ одного пункта на другой. Если въ одномъ пунктѣ это дыханіе оказывается болѣе чѣмъ въ другомъ, то оно стремится туда, гдѣ его нѣтъ, или гдѣ оно находится въ маломъ количествѣ, — производя такимъ образомъ уравновѣшиваніе, нивеллировку элементовъ организма.

Мы уже привели выше, что межклѣтные воздушные промежутки растенія, при меньшей степени своего развитія, легко уступаютъ малѣйшей внѣшней силѣ и способны то расширяться до извѣстныхъ размѣровъ, то съуживаться, то сжиматься до плотности, по мѣрѣ дѣятельности растительной силы организма. Это естественное явленіе въ жизни растительнаго организма осуществляется съ соотвѣтственными послѣдствіями въ органической жизни первоначальныхъ формъ языка. Дыханіе, какъ элементарное начало всѣхъ вообще звуковыхъ единицъ и сложившихся изъ нихъ формъ, прорывается сквозь нѣкоторыя звуковыя ткани, то незначительными промежутками, то болѣе расширяющимися скважинами воздушнаго разрѣжающаго свойства, замедляя или останавливая навсегда непосредственное взаимодѣйствіе частицъ. Наблюденіе за этимъ явленіемъ поведетъ насъ къ правильному пониманію особенностей жизненнаго процесса различныхъ организмовъ языка, съ троякой плотностью звуковой ткани и внѣшнихъ условій, вынуждающихъ эти особенности. Мы видѣли уже, какимъ образомъ въ слогѣ, какъ первобытной формѣ организмовъ самобытнаго языка, звуки достигаютъ своего единства отъ взаимнаго перемеживанія съ своимъ общимъ началомъ, съ токомъ звучащаго дыханія; какъ они группируются и склеиваются между собою, словно цементомъ, посредствомъ этого же тока, образуя чудное сцѣпленіе какъ-бы по простому физическому за-

кону, по которому частицы, находящіяся въ движеніи, взаимно притягиваются. Но, говоря о силѣ сцѣпленія, мы не должны также упускать изъ виду, что эта сила въ каждомъ тѣлѣ дѣйствуетъ вмѣстѣ съ силой отталкивающей, стремящейся къ разобщенію частицъ, и что отъ взаимнаго отношенія этихъ двухъ противоположныхъ другъ другу силъ зависитъ различное состояніе скопленія тѣлъ. Мы показали уже, какъ, смотря по бо́льшей или меньшей плотности взаимнаго соприкосновенія своихъ частицъ, во всѣхъ организмахъ языка еврейскаго различается троякая звуковая ткань, соотвѣтственно троякому свойству еврейскихъ гласныхъ. Легко понять, что плотность органической ткани бываетъ тѣмъ меньше, чѣмъ чувствительнѣе развито преломленіе гласнаго, какъ перемежевающаго ея частицы воздушнаго элемента. Наибольшую плотность, очевидно, имѣютъ слоги, имѣющіе между своими согласными лишь столько вокализма, сколько необходимо для сцѣпленія ихъ въ одно организованное цѣлое,—а именно слоги съ гласнымъ простымъ, сомкнутымъ между двумя согласными, какъ *dak*, *sak*, *kal*; меньшую— слоги съ едва замѣтнымъ преломленіемъ средняго гласнаго, т.-е. съ двоегласнымъ потаеннымъ, какъ cho^{u}k, ze^{i}l; наконецъ, самую ничтожную плотность имѣютъ слоги съ довольно развитымъ и внятнымъ преломленіемъ средняго гласнаго, т.-е. слоги съ *двоегласными наглядными*, какъ *kdul*, *коит*, chejk, dijn, do'g. Каждой изъ этихъ трехъ различныхъ тканей свойственна особая жизнь въ языкѣ, смотря по тому, къ какому роду развитія приспособляетъ ее внутреннее физическое ея строеніе.

Мы видѣли уже, какой способъ развитія свойственъ организмамъ съ наибольшею плотностью ткани, какъ съ самымъ выгоднымъ условіемъ для взаимодѣйствія частицъ и ихъ разростанія. Но взаимодѣйствіе это начинаетъ ослабѣвать съ каждымъ проявленіемъ между частицами воздушнаго элемента гласнаго звука. Даже при самой ничтожной степени развитія этого разобщающаго и разрѣжающаго начала, частицы, между которыми оно возникаетъ, какъ-бы расползаются и лишаются способности смыкаться между собою въ одинъ слогъ. Только одно удареніе, какъ особенное напряженіе и усиліе, способно еще смыкать ихъ въ одинъ слогъ и дать имъ возможность удвоенія, какъ cho^{u}k, ze^{i}l, so^{ub}bu и под. [1]); съ отходомъ же отъ такихъ разрѣженныхъ слоговъ интонаціи, частицы ихъ, въ естественномъ своемъ порывѣ къ взаимному смыканію и развитію, вытѣсняютъ всегда одну изъ составныхъ частей двоегласнаго, возстановляя такимъ образомъ свою

---

[1]) О вліяніи интонаціи на особенности построенія слога см. В. Гумбольдтъ: О различіи организмовъ человѣческаго языка, стр. 151—152.

плотность; отъ ei остается e или i, отъ o^{u}—o или u и пр., причемъ предъ удвоеніемъ, какъ требующимъ наибольшей плотности, остается обыкновенно болѣе краткій и сжатый обломокъ его: отъ schè^{i}n, chò^{u}k являются внѣ интонаціи, для смыканія, schen, chok,—для удвоенія же—sch^{i}n-noh, ch^{u}k-kij, и т. под.

Но какъ только между какими-нибудь двумя согласными развивается воздушное, разобщающее начало гласнаго до двоегласности, болѣе или менѣе явной (признакомъ перваго случая въ письмѣ обыкновенно служитъ поставленный между ними одинъ изъ представителей придыханія ', v, i), онѣ уже лишаются всякой силы взаимодѣйствія. Только помощью внѣшней силы интонаціи сцѣпляются иногда такіе разобщенные придыхательнымъ инфиксомъ органы въ одинъ слогъ. Внѣ же этого условія, развившаяся воздушная скважина разъединяетъ ихъ навсегда и лишаетъ ихъ способности смыкаться между собою. Когда такое разобщающее начало (придыханіе гласнаго) врывается во внутрь такихъ организмовъ, которые уже долго пользовались въ языкѣ выгодными условіями удвоенія (простотою гласнаго) и, такъ сказать, уже обжились съ этимъ удвоеніемъ, то въ такомъ случаѣ скрытный доселѣ внутри производящаго зачатокъ новаго звука, не имѣя болѣе возможности примыкать къ предъидущему гласному, по причинѣ возникшаго за нимъ придыханія, необходимо отрывается отъ него и уходитъ впередъ, какъ явный членораздѣльный звукъ; напр., формы, какъ ma^{d}-du, ga^{l}-li переходятъ съ усложненіемъ средняго ихъ гласнаго въ mo^{a}-d'du, go^{a}-l'lu. Другими словами: скрытый внутри производящаго зачатокъ новаго звука, при возникновеніи новыхъ, благопріятныхъ тому, условіяхъ, какъ-бы созрѣваетъ и выдвигается наружу. Этимъ-то естественнымъ путемъ многіе первоначально билитарные корни, какъ *mad*, *gal*, вышли въ позднѣйшемъ періодѣ языка трилитарными, посредствомъ редупликаціи: *mo'dad*, *go'lal*, которые, при выгодныхъ условіяхъ, начинаютъ въ свою очередь новый рядъ развитія: mi^{d}dad, gi^{l}lal и т. под.

Иногда такое разобщающее органы придыханіе мало-по-малу твердѣетъ и крѣпнетъ до степени настоящей гортанной согласной, и образуется такимъ образомъ само переходомъ билитарныхъ корней въ трилитарные [1]).

Съ перваго взгляда, и не вникая глубже въ сущность предмета, только-что изложенные нами законы роста и развитія

---

[1]) Напр. отъ ko^{a}m (всталъ)—kjo'm, kij-jam (упрочилъ); отъ ko^{u}l (кликъ)—ko'ho'l (скликнутый народъ); отъ bo^{u}r (яма)—b'eir и baïr (колодезь); отъ scho^{u}t (шататься) —sch'ot и schaït (плавающій, мчащійся) и мн. под. Ср. переходъ въ русс. *заутра* въ *завтра* и др. См. также В. Гумбольдтъ: О различіи организмовъ человѣческаго языка, стр. 67.

органическихъ формъ языка еврейскаго могутъ показаться многимъ лишь индивидуальною особенностью фонетики языковъ семитической расы, такъ какъ они будто находятъ себѣ мало оправданія въ нарѣчіяхъ другого происхожденія. Но, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, помѣхою къ обобщенію этихъ естественныхъ законовъ для всего человѣческаго слова служитъ только условіе внѣшнее, искусственное, — различіе въ пріемахъ орфографіи. Собственно говоря, согласная, произнесенная между двумя гласными, невольно выходитъ всегда усугубленной: *aba*, *ele* и т. под., при чемъ слышатся всегда ab-ba, el-le, за исключеніемъ лишь тѣхъ двухъ случаевъ, которые мы видѣли въ фонетикѣ еврейской, а именно: а) когда согласная не можетъ быть настигнута напоромъ предшествующаго ей вокализованнаго звука вслѣдствіе возникшей между ними мягкой середины придыханія, какъ *meile*, laufe, zahle, и в) когда вокализованный звукъ отдѣляется отъ слѣдующаго замыканія особымъ напряженіемъ, какова интонація, —напряженіе, находившее себѣ нерѣдко выраженіе въ сугубомъ начертаніи гласнаго, какъ sèele, àale. Эти законы основаны на самой природѣ человѣческихъ звуковъ и остаются неизмѣнными, независимо отъ степени пониманія и умѣнія того или другого народа оставаться имъ вѣрнымъ при искусственномъ переложеніи своихъ звуковъ на письменные знаки. Даже менѣе отличающаяся такою точностью ороографія, отъ времени до времени невольно подчиняется этимъ естественнымъ законамъ, повелительно заявляющимъ о своемъ существованіи посредствомъ слуховыхъ органовъ человѣка. Только въ силу этихъ естественныхъ законовъ появилось всегда повтореніе согласнаго въ письмѣ въ лат. *fel*, род. *fellis*, *mel—mellis*, *os—ossis*; во франц. *elle* при *il*, также въ итальянскомъ *dabbène*, *sebbène*, *piuttosto* (отъ da bène и т. д.), и во всѣхъ соотвѣтственныхъ случаяхъ въ языкѣ нѣмецкомъ. Въ этомъ послѣднемъ современное правописаніе, усиливаясь по возможности согласовать письменное начертаніе словъ съ ихъ этимологіею, безсознательно возстановило вмѣстѣ съ этимъ тѣже естественные законы, которые, какъ мы показали, легли въ основаніе организаціи языка еврейскаго. Удвоеніе вокализованной согласной послѣ краткаго и сжатаго гласнаго является въ немъ также какъ необходимое послѣдствіе, вызванное природнымъ языку закономъ, какъ, напр., *bitten*, *fallen*, *schaffen* и т. под., такъ, что отсутствіе этого удвоенія всегда служитъ вѣрнѣйшимъ признакомъ долготы и придыхательности предъидущаго гласнаго, какъ, напр., въ Vāter, Nāme [1]). Малѣйшее протяженіе вокала,

---

[1]) См. Gesammelte sprachwissenschaftliche Schriften von Rudolf von Raumer. Fr. a. M. und Erlang. 1863, S. 137, 2.

сопровожденіе его придыханіемъ (h), или преломленіе его въ двоегласный, оказывается всегда и въ этомъ языкѣ естественною помѣхою къ произведенію сугубаго согласнаго, какъ видно изъ *nehmen*, *zielen*, *reiten*, *laufen*, *fielen*, (отъ *fallen*) и под. Двойныя согласныя въ формахъ, какъ auffahren, aussuchen, einnehmen, wohlleben, конечно, не могутъ принадлежать сюда, какъ отступленіе умышленное, или, какъ сказали бы въ соотвѣтственныхъ тому случаяхъ естествоиспытатели новѣйшей теоріи—дѣло искусственнаго подбора. Какъ дѣло искусства и унасилованіе природы языка слѣдуетъ также, по нашему мнѣнію, разсматривать удвоеніе согласныхъ въ произношеніи слога, такъ какъ для естественнаго процесса удвоенія необходимо, чтобы подлежащая ему согласная была остановлена въ своемъ теченіи гласнымъ: *ille*, illa. Дѣйствительно, сред. вер. нѣмецкій языкъ, какъ замѣчаетъ Гриммъ [1]), удвояетъ согласныя единственно подъ этимъ естественнымъ условіемъ и пишетъ *svam* (Schwamm), *val* (Fall), род. *valles* и т. п. Наконецъ, языкъ нѣмецкій, благодаря сравнительно большей точности его орѳографіи, представляетъ намъ лучшіе примѣры постояннаго упрощенія двоегласныхъ и вытѣсненія сопровождающаго гласный звукъ придыханія въ угоду естественному процессу развитія и удвоенія согласныхъ, сходно тому, какъ мы это видѣли въ языкѣ еврейскомъ. Такъ, напр., отъ *nehmen* образуется *nimm*, *genommen*; отъ *reiten*—*geritten*, отъ *schleifen*—*geschlifen*; отъ *Hahn*—*Henne* и т. под.

Такой вѣрный отпечатокъ естественныхъ законовъ въ организмѣ одного изъ современныхъ намъ языковъ, какъ-бы напрашивается на вниманіе сравнительнаго языкоиспытанія. Подобные признаки естественнаго сочетанія звуковъ въ томъ или другомъ языкѣ могли бы, кажется намъ, сдѣлаться путеводными точками на безбрежномъ океанѣ лингвистики. Одинъ изъ лучшихъ современныхъ изслѣдователей природы нашихъ звуковъ, Морицъ Таузингъ, касаясь соотвѣтственныхъ явленій въ нарѣчіяхъ индо-германскаго происхожденія, какъ-бы начинаетъ предчувствовать, что въ этомъ процессѣ должно таиться искомое начало для разрѣшенія таинственной ткани языка. «Въ атомахъ языковъ,—говоритъ онъ,—слѣдуетъ искать уразумѣнія чудеснаго ихъ строенія, и изъ архимедовой точки естественной системы звуковъ произойдетъ—я смѣю надѣяться—раціональный переворотъ юной науки о языкѣ» [1]).

Въ другомъ случаѣ, развитіе согласныхъ путемъ удвоенія

[1]) Deutsche Gramm. 2-ое изд. I, 383.

[1]) Das natürliche Lautsystem der menschlichen Sprache, von Moriz Thausing. Leipzig, 1863, S. 92.

оказалось физически невозможнымъ, по сущности самихъ звуковъ, подлежащихъ этому процессу; а именно: когда согласная, имѣющая удвояться, есть одна изъ звуковъ гортанныхъ ', h, ch, ‘, г [1]), которые, по своей мягкости и упругости, слишкомъ податливы и уступаютъ силѣ давленія. Эти гортанные звуки, по отношенію ихъ къ звуковой ткани организмовъ слова, можно бы сравнять съ тѣми клѣточками организмовъ растительныхъ, которыя, будучи наполнены однимъ лишь воздухомъ, лишены силы производительности. Гласный звукъ, тщетно налегая своимъ напоромъ на эти рыхлые звуки, производитъ лишь придыханіе,—полугласное. Усложненіе, дифтонгизированіе гласныхъ предъ гортанными звуками, взамѣнъ невозможнаго удвоенія послѣднихъ, сдѣлалось постояннымъ закономъ въ еврейской фонетикѣ [2]). Можно даже предположить съ нѣкоторою достовѣрностью, что слабое и мягкое замыканіе, съ которымъ гласнымъ звукамъ приходилось сталкиваться въ порывѣ своемъ къ приращенію, послужило первоначально главнѣйшимъ поводомъ къ преломленію и усложненію послѣднихъ, — къ возникновенію двоегласныхъ.

Но произрастаніе новыхъ звуковъ не всегда оказывалось слѣдствіемъ постепеннаго и послѣдовательнаго развитія одного изъ существующихъ уже звуковъ корня. Звучащее дыханіе гласнаго, это элементарное основаніе всѣхъ вообще звуковъ, разъ приведенное въ дѣйствіе, даетъ возможность приражаться въ своемъ теченіи о тотъ или другой органъ производившаго его субъекта и зарождать, такимъ образомъ, соотвѣтственные этому приpаженію новые согласные звуки. Нерѣдко поэтому одинъ изъ звуковъ корня является повтореннымъ независимо отъ вышеизложенныхъ условій, и только вслѣдствіе повторительнаго дѣйствія одного и того же органа приpаженія. Этимъ-то путемъ вѣроятно возникли корни съ редупликаціею, какъ *gag* (крыша), *dad* (грудь) khikhkhar (кругъ) (ср. русск. пенелъ) и др. Этимъ способомъ разростанія воспользовались всѣ тѣ двухбуквенные корни, которые, вслѣдствіе ворвавшагося между ихъ частицами воздушнаго промежутка, оказались неспособными къ развитію путемъ постепеннаго удвоенія. Отсюда редупликація послѣдней согласной, установившаяся впослѣдствіи для всѣхъ этихъ корней въ грамматически усиленныхъ формаціяхъ. Напр. отъ ko^{u}m, no^{u}d образуется въ усилительныхъ степеняхъ: ko^{u}mam, no^{u}dad, hish-ko^{u}mam, hish-no^{u}dad и т. п. Вообще это свойство звуковъ повторяться дало въ еврейскомъ языкѣ существованіе самымъ причудливымъ формаціямъ

[1]) Знакъ ' выражаетъ тонкое дыханіе, начинающее собою каждый вообще гласный звукъ; знакъ ‘ обозначаетъ дыханіе гортанное, занимающее середину между *h* и *ch*.

[2]) Напр. to^{u}har вм. tuhhar, bo^{u}chan вм. buchchan, ne^{i}hal вм. nihhal.

корней, какъ karkar, galgal, отъ первичныхъ корней kar и gal; szcharchar отъ szchar; chaspas, отъ chsaph; sarsaph отъ sraph и м. др. (Ср. русск. володолъ, глаголъ, прапоръ и др.) «Языкъ, — говоритъ Максъ Мюллеръ, — при всей ясности и всеобщности принциповъ, которые управляютъ его ростомъ, не могъ быть такъ однообразенъ въ своемъ развитіи, чтобы повторять одни и тѣ же явленія въ каждомъ періодѣ своей жизни» [1]).

Многіе другіе корни, представляющіеся намъ трилитарными, ясно показываютъ, что одинъ звукъ приросъ къ нимъ впослѣдствіи, какъ-бы отъ случайнаго приращенія воздушнаго тока въ началѣ, серединѣ или концѣ прежнихъ билитарныхъ корней. Нерѣдко одинъ и тотъ же двухбуквенный корень какъ-бы порывается дополняться и достигаетъ трехбуквенности то по одному, то по другому способу развитія [2]). Это нерѣдкое въ разсматриваемомъ нами языкѣ явленіе какъ-бы напоминаетъ собою тотъ физіологическій законъ, по которому зародыши различныхъ организмовъ одного класса очень похожи другъ на друга. И хотя сходство это слабѣетъ по мѣрѣ того, какъ организмы зрѣютъ и складываются, но, при всей запутанности ихъ позднѣйшихъ формъ, они, большей частью, еще доступны анализу и допускаютъ отысканіе ихъ первобытнаго простѣйшаго начала. По этой открывающейся исходной точкѣ намъ всегда легко прослѣдить тѣ переходныя ступени, черезъ которыя прошли нынѣ существующія формы.

IV.

Обратное процессу прогрессивнаго развитія и разростанія корней языка, представляетъ, такъ-сказать, развитіе регрессивное, — процессъ выдѣленія и разложенія элементовъ въ подвижной игрѣ жизненной дѣятельности организмовъ. Лингвисты привыкли обозначать этотъ процессъ выдѣленія именемъ *фонетической порчи*, хотя собственно онъ представляетъ другой видъ развитія, такъ какъ совершается для *удобства* самихъ организмовъ, возстановляя всегда необходимую нивеллировку звуковъ и устраняя то, что мѣшаетъ болѣе выгодному существованію органическаго цѣлаго. Для тѣхъ, которые привыкли приписывать процессъ выдѣленія въ организмахъ языковъ индивидуальнымъ капризамъ слухового

---

1) Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній. Лекція 1-я.

2) Такъ, наприм., отъ первичнаго корня *ham*, обозначающаго вообще *шумъ*, имѣется, съ сохраненіемъ главнаго значенія: *ham*^{m}, *h'mam*, *hum*, *hijm*, *h'mo'*, *j'ham*, *nam'k* также: *moul*, *n'mal*, *mhal*, *mlal*, ^{a}*mal*, ^{a}*ml*^{a}*l* — отъ первообраза *mal*; *dam*^{m} *dmam*, *doum*, *dmo*,, — отъ первообраза *dam* и мн. др., о которыхъ изложено будетъ впослѣдствіи.

органа, нелишне будетъ привести здѣсь слова професора Брюкке, считающаго это мнѣніе уже отжившимъ свой вѣкъ предразсудкомъ. «Нѣтъ болѣе въ настоящее время лингвиста,—говоритъ онъ,— который бы не согласился, что такъ-называемые законы благозвучія имѣютъ мало общаго съ склонностями или отвращеніемъ нашего уха, что они въ сущности имѣютъ свое основаніе въ самомъ механизмѣ органовъ слова, и что видоизмѣненія, испытанныя съ теченіемъ времени языками, точно также обусловливаются лишь законами этого механизма, а не слухомъ» [1]). Съ замѣчательною послѣдовательностью подвергаются процессу выдѣленія, въ избранномъ нами еврейскомъ языкѣ, менѣе вещественные и слабые органы, когда они, лишившись самостоятельности (самогласія), вслѣдствіе наплыва пришлыхъ (флексивныхъ или образовательныхъ) элементовъ, плетутся своимъ жалкимъ существованіемъ посреди жизненнаго движенія органовъ самостоятельныхъ, пока не заглушаются этими послѣдними, какъ-бы падая въ неровной борьбѣ за существованіе. И такъ какъ жизненное движеніе рѣчи представляетъ непрерывное толканіе звуковой матеріи *впередъ*, то такая занемогшая частица попадаетъ обыкновенно въ добычу тому органу, на который она непосредственно наталкивается въ своемъ теченіи. Такъ, напр., отъ корней *nto*, *nta*^{c} образуется съ нашествіемъ самостоятельныхъ флексивныхъ или образовательныхъ элементовъ ji^{t}te, ma^{t}te, ma^{g}ga^{c} и т. п. вм. jinte, mante, manga; отъ nthan-mi^{t}ti^{t}ti вм. minthinthi [2]). Лишь когда занемогшій звукъ, по своей сущности, болѣе близокъ къ категоріи дыханія, то его поглощаетъ догоняющій его гласный, какъ ближайшій его соперникъ, и разростается черезъ это въ двоегласный (отъ j'lad—tei-lad вм. tijlad и мн. под.). Часто въ состязаніи гласнаго съ твердымъ согласнымъ для завоеванія себѣ слабаго сосѣда, прихрамывающаго между ними, побѣда остается на сторонѣ послѣдняго, какъ болѣе сильнаго: (отъ jzak—tizzak, mu-zzok). Наконецъ, занемогшій слабый органъ всегда сохраняетъ свое членораздѣльное значеніе и существованіе между сосѣдями слабыми же, — между гласнымъ и придыхательнымъ согласнымъ. Посему отъ корней nhag, nchal—ti-nhag, ti-nchal, съ сохраненіемъ обыкновенно вытѣсняемаго языкомъ начальнаго носового звука, лишеннаго самогласія.

Такова борьба элементовъ въ жизненномъ процессѣ организ-

---

[1]) Phonetische Bemerkungen. Zeitschrift für östr. Gymn. 1857. S. 749. Ср. также: Das natürliche Lautsystem der menschlichen Sprache, von Dr. Moriz Thausing, S. 94.

[2]) Также отъ трилитарныхъ корней *ngach*, *lkack*, образуется съ нашествіемъ самостоятельныхъ аффиксовъ *ti-ggach*, *ti-kkach* вм. tingach, tilkach и под. Ср. тоже самое явленіе въ греч. и лат., какъ *ἔγγραφω*, *ἔλλαμπω* вм. *ενγραφω*, *ενλάμπω;* accusare, illustris, вм. adcusare, inlustris и мн. под.

мовъ языка, преграждённаго въ періодѣ физическаго его роста и развитія. И для организма языка *жить* — значитъ *бороться*. Мы показали, какъ изъ этой борьбы за существованіе, съ различными ея оттѣнками и естественными послѣдствіями, неизъяты и элементы слова въ дѣятельной игрѣ и видоизмѣняющей жизни его организмовъ, хотя жизнь эта есть, конечно, только условная и зависимая отъ жизненныхъ отправленій человѣческаго духа и вещественныхъ его орудій. Извѣстно, какъ эта, такъ-сказать, фонетическая борьба звуковъ, вызываемая въ организмѣ нашествіемъ новыхъ (служебныхъ) элементовъ, всегда стóитъ жизни тѣмъ изъ нихъ, которые, по своей сущности, оказываются неприспособленными къ созидающимся новымъ условіямъ жизни. Часто эта борьба съѣдаетъ почти все тѣло организма, оставляя изъ него лишь нѣкоторые обломки, уцѣлѣвшіе, благодаря особенной своей силѣ и прочности. Такъ, напр., изъ развившагося до трилитарности еврейскаго корня nth*n, остается послѣ опустошительнаго набѣга флексивныхъ или образовательныхъ началъ только одинъ уцѣлѣвшій звукъ th.

Въ этомъ смыслѣ, и, на нашъ взглядъ, только въ этомъ, можетъ быть приложима идея смерти къ живымъ организмамъ языка. Другая жизнь или смерть, кромѣ показаннаго нами «быть или не быть» отдѣльныхъ членовъ его органическихъ особей, въ области языка немыслимы. Языкъ, собственно говоря, никогда не умираетъ, какъ не умираетъ жизненная сила въ одушевленной природѣ. Живя условною и зависимою отъ словеснаго существа жизнью, онъ можетъ спрятаться, и даже исчезать, съ исчезновеніемъ человѣческой расы, имъ говорившей. Но новое человѣчество, разъ открывши его слѣды въ окаменѣлыхъ слояхъ литературы этой расы, всегда способно воскрешать его изъ гробницы времени. Совершенное исчезновеніе случается только съ языками, не оставившими никакой письменной или устной литературы. Почти тоже самое можно сказать и объ отдѣльныхъ особяхъ языка — о словахъ. Они могутъ иногда скрываться на долго безъ вѣсти, но разъ выкопанныя какимъ-нибудь изслѣдователемъ позднѣйшихъ вѣковъ изъ глубокихъ рудниковъ прошедшаго, они вновь могутъ быть возвращены къ жизни, свойственной ихъ организму.

Итакъ, въ области звуковъ языка бываютъ такіе слабые и маловещественные экземпляры, которые способны сохранять свое существованіе только при особенно выгодныхъ для нихъ положеніяхъ въ организмѣ словъ. Самое выгодное положеніе для слабыхъ органовъ бываетъ, когда они имѣютъ самостоятельность,—самогласіе, этотъ главный raison-d'être каждаго вообще

звука. Лишь рѣдко случается въ языкѣ, что звукъ сильный, хотя не самостоятельный, наталкиваясь на слабый придыхательный съ самогласіемъ, отбиваетъ у него послѣднее, и вступая въ его права, сдвигаетъ его съ мѣста (какъ это видно, напр., въ molu, вм. mol'u, laschmi'd вм. l'haschmi'd). Такія узурпаціи являются въ языкѣ лишь какъ изолированныя аномаліи. Въ бóльшей же части случаевъ, самые слабые органы, пока они пользуются самогласіемъ, оказываются довольно самостоятельными и сильными, чтобы отстаивать свое жалкое существованіе отъ враждебнаго набѣга сильнѣйшихъ сосѣдей. На этомъ основаніи, всѣ корни, теряющіе во флексіи свою начальную слабую букву, сохраняютъ, однако, эту букву во всѣхъ тѣхъ флексіяхъ, въ которыхъ она не лишена самогласія [1].

Напротивъ же, самое опасное для слабыхъ органовъ положеніе бываетъ, когда имъ приходится болтаться безъ самогласія, особливо по краямъ формъ, гдѣ они легко подвергаются опустошительному набѣгу и давленію всякихъ пришлыхъ самостоятельныхъ элементовъ, и, какъ мы уже показали, смотря по своей сущности и обстановкѣ, поглощаются либо согласнымъ, на который они наталкиваются, либо догоняющимъ ихъ гласнымъ,— словомъ, падаютъ въ добычу самостоятельнымъ и болѣе сильнымъ сосѣдямъ, отъ неровной съ ними борьбы за существованіе. Сохраненіе или несохраненіе въ письмѣ такихъ погасшихъ и лишившихся всякой функціи звуковъ, удостоеніе или неудостоеніе ихъ письменнаго памятника въ начертаніи потерявшаго ихъ организма, принадлежитъ уже генію преданія. Подобно исторіи, письменная традиція высокообразованной расы, какова, несомнѣнно, семитическая, бóльшей частью сохраняетъ еще, хотя лишь въ атрофированномъ видѣ, память болѣе знаменательныхъ звуковыхъ субъектовъ, павшихъ въ фонетической борьбѣ на аренѣ языка, напоминая этимъ прежнее ихъ участіе въ жизненномъ движеніи звуковыхъ организмовъ. При менѣе же важномъ ихъ значеніи, письменное преданіе относится къ нимъ равнодушно, и они исчезаютъ для будущихъ поколѣній безслѣдно [2].

О. Штейнбергъ.

---

[1]) Этотъ законъ общій всѣмъ еврейскимъ глаголамъ, извѣстнымъ подъ именемъ verba contracta и verba quiescentia (Gesener.-Rödignius. 20-te Aufl. §§ 66, 68).

[2]) Ср. Gesenius-Rödiger, Hebr. Gramm. 20-te Aufl. § 23.

ПРУССКІЕ ФИНАНСЫ

Историческій очеркъ [1]).

I.

Простыя формы государственнаго управленія въ средніе вѣка были естественнымъ послѣдствіемъ тогдашнихъ отношеній государей къ ихъ подданнымъ. Множество отраслей администраціи, имѣющихъ нынѣ весьма важное значеніе, или такихъ, которыя, вслѣдствіе развитія общественныхъ отношеній почти насильственно выпали на долю правительства, находились въ то время либо внѣ круга дѣйствій государя, либо не составляли еще предмета общественныхъ заботъ. Сношенія съ прочими государствами по другимъ дѣламъ, кромѣ вопросовъ о бракахъ или о наслѣдствѣ, составляли тогда прерогативу лишь могущественныхъ державъ. Вмѣсто постояннаго войска, въ случаѣ войны, служили государю не дорого стоющее ленное дворянство съ его свитою, вспомогательное войско, выставлявшееся городами, и наконецъ временные наемники. Потребности двора и немногочисленныхъ чиновниковъ удовлетворялись обыкновенно натуральными повинностями подвластныхъ крестьянъ, доходами отъ доменъ и взимавшимися, съ разрѣшенія императора, таможенными сборами и поземельными налогами разнаго рода. Въ тѣхъ случаяхъ, когда средствъ этихъ недоставало, по причинѣ чрезвычайныхъ расходовъ или дурного хозяйствованія, обыкновенно прибѣгали къ порчѣ монеты, т.-е. къ уменьшенію внутренняго ея достоинства, а также закладывали земли и другіе цѣнные предметы, и даже самые доходы. Когда обстоятельства становились

[1]) Статья эта составляетъ введеніе къ I-му тому сочиненія «Финансовое управленіе и финансы Пруссіи», которое печатается и будетъ выпущено въ скоромъ времени.

черезчуръ затруднительными, тогда сзывались земскіе чины (Landstände), которые, выговоривъ себѣ, разумѣется, при этомъ новыя привилегіи, либо ручались за долги государя, либо прямо принимали ихъ на себя.

Свобода дворянства отъ обложенія налогами основывалась на обязанности его, въ качествѣ вассаловъ, служить безвозмездно во время войны; духовенство пыталось пріобрѣсти такую же прерогативу, какъ естественное послѣдствіе тогдашней свободы церкви. Средневѣковые феодальные чины могли соглашаться на обложеніе только себя самихъ и лицъ, находившихся отъ нихъ въ зависимости, такъ какъ они были не государственными чинами, а только сословными. По вопросу о расходахъ имъ дозволялось разсуждать только въ случаѣ крайней нужды правителя; да и самое назначеніе чрезвычайныхъ рессурсовъ производилось обыкновенно лишь на покрытіе сдѣланныхъ уже долговъ или же на войну, на имперскіе налоги или на приданое принцамъ и принцессамъ. Всѣ эти расходы были очевидно совершенно неизбѣжны. Изъ этого явствуетъ, что вліяніе средневѣковыхъ земскихъ чиновъ на бюджетъ государства было гораздо ограниченнѣе, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ.

Къ числу средствъ на покрытіе чрезвычайныхъ издержекъ принадлежали уже издавна нѣкоторыя отрасли налоговъ, называемыя нынѣ косвенными сборами. Въ городахъ они назывались Ungeld или Aufschlag, а позднѣе акцизами (Accise), и взимались съ съѣстныхъ припасовъ.

Въ послѣдней половинѣ XV-го вѣка встрѣчается въ прусскихъ земляхъ налогъ на пиво и водку, установлявшійся сначала въ нѣкоторыхъ городахъ какъ единовременный или на опредѣленное число лѣтъ. Но въ XVI-мъ вѣкѣ, а именно въ 1572-мъ году, курфюрстъ Іоаннъ Георгъ добился утвержденія акциза съ пива, на все время его жизни, чего до тѣхъ поръ никогда не бывало. Такимъ-то образомъ стали привыкать постепенно смотрѣть на налоги, одинъ за другимъ, какъ на постоянные. Этому много способствовало усиленіе власти государей въ тридцатилѣтнюю войну; съ другой стороны, предоставленіе въ распоряженіе государей постоянныхъ и значительныхъ денежныхъ средствъ много содѣйствовало усиленію ихъ власти, которая начала довольно равномѣрно проявляться надъ всѣми слоями населенія. Всѣхъ больше при этомъ утратило изъ прежняго своего положенія дворянство, частію потому, что оно пользовалось прежде наибольшими привилегіями, частію же потому, что вмѣсто личной военной службы, оно должно было вносить денежную повинность, такъ-называемыя рыцарскія конныя деньги и другія (Ritterpferde u. s. w.), на которыя государь содер-

жалъ наемное войско, и, при помощи его, подавлялъ всѣ непріятныя ему притязанія.

II.

Въ 1641-мъ году великій курфюрстъ Фридрихъ Вильгельмъ положилъ начало содержанію постояннаго войска въ Пруссіи. Чины, на этотъ предметъ вмѣстѣ съ расходами на содержаніе франкфуртскаго университета и іоахимстальской гимназіи, опредѣлили разъ навсегда 150,000 тал.; деньги эти, подъ именемъ акциза, собирались преимущественно налогами на потребленіе, а также съ торговли и продажи разнаго рода произведеній.

Постоянное войско съ быстро увеличивавшимися издержками на него, а также и новые расходы постепенно усложнявшагося управленія до такой степени увеличили постоянную потребность государей въ деньгахъ, что уже во второй половинѣ XVII-го столѣтія ощущалась необходимость въ свободномъ распоряженіи значительными денежными средствами. А потому великій курфюрстъ предпринялъ рядъ мѣръ, долженствовавшихъ обезпечить ему возможность безграничнаго распоряженія всѣмъ имуществомъ и всею дѣятельностію его подданныхъ.

Вмѣстѣ съ введеніемъ налоговъ на потребленіе, курфюрстъ обратилъ особое вниманіе на управленіе доменами и, послѣ ряда опытовъ, остановился окончательно къ отдачѣ ихъ въ аренду. Онъ уничтожилъ различіе между доменами, какъ государственнымъ имуществомъ, и шкатульными или частными имѣніями государя. Доходы со всѣхъ доменъ, шкатульныхъ имѣній и регалій каждой провинціи стали взиматься вмѣстѣ и изъ нихъ назначалась сумма шкатульная, къ которой, сверхъ того, присоединялись еще и нѣкоторые другіе доходы, преимущественно дровяные и лѣсные сборы (Holz-und Wahlgefälle). Камеральныя имѣнія или домены были чрезвычайно разстроены вслѣдствіе войны; значительная часть ихъ была продана, подарена или заложена и управленіе ихъ находилось въ самомъ плохомъ состояніи; въ виду этого курфюрстъ предписалъ, въ 1650-мъ году, изслѣдовать положеніе доменъ, описать и оцѣнить ихъ, а утраченныя части вернуть назадъ. Сверхъ того, несмотря на противодѣйствіе чиновъ, онъ объявилъ продажу соли въ мархіяхъ исключительно своею регаліею; соль должна была продаваться только изъ факторій курфюрста. Почтовую регалію, начало которой положено было еще при Іоаннѣ Сигизмундѣ въ 1614-мъ году, онъ распространилъ равномѣрно на всѣ части своего государства и улучшилъ въ значительной степени.

Несмотря на всѣ заботы, великій курфюрстъ не могъ однако привести въ устройство свои финансы частію вслѣдствіе продолжительности веденныхъ имъ войнъ, частію вслѣдствіе неудачи нѣкоторыхъ изъ его предпріятій, напр. заведенія военнаго флота и колоній, а также и вслѣдствіе необыкновенной его пышности. Налоги неимовѣрно обременительные во время войны, по заключеніи мира были немного сбавлены, но затѣмъ вскорѣ опять доведены до размѣровъ военнаго времени. Налоги эти состояли изъ акцизовъ съ городовъ, изъ податей: поголовной, съ скота, съ земли (Hufen), а съ 1682-го года введенъ еще и штемпельный сборъ. При этомъ сословнымъ чинамъ назначено было только двѣ недѣли на ихъ засѣданіе, и отъ нихъ требовалось, чтобы они не разсуждали ни о чемъ иномъ, какъ только о внесенныхъ отъ курфюрста предложеніяхъ; нѣкоторые изъ чиновъ были подкуплены, другихъ застращали, и наконецъ имъ было объявлено прямо, что тѣ сборы, которыхъ они не утвердятъ, будутъ немедленно разложены между гуфами (мѣра земли) и взысканы съ помощію войскъ. Даже и Кёнигсбергъ долженъ былъ преклониться предъ назначенною туда военною экзекуціею, несмотря на сильное и общее раздраженіе.

Курфюрстъ желалъ отдѣлаться отъ ежегодныхъ разговоровъ о его содержаніи; дворянство предложило ему на этотъ предметъ по 18,000 тал. въ мѣсяцъ; онъ принялъ это назначеніе съ удовольствіемъ, но прибавилъ при этомъ, что ему нужно 30,000 тал. Дворянство и города протестовали; но протесты ихъ оставались безъ отвѣта. Кончилось тѣмъ, что налоги стали взиматься даже и безъ заявленія чинамъ, а расписывались прямо по вѣдомостямъ военнаго коммиссаріата; подати взимались даже прежде срока особыми сборщиками (Schoss-Einnehmer), а когда собранной суммы недоставало на жалованье войскамъ, то генералы приказывали своимъ солдатамъ добирать ее самимъ на своихъ квартирахъ.

Даже самыя настоятельныя представленія со стороны мѣстнаго управленія были часто оставляемы безъ вниманія, или отсылались обратно съ выговоромъ и угрозою, что, въ случаѣ колебанія въ исполненіи приказаній, курфюрстъ пришлетъ человѣка, который ихъ выполнитъ. Освобожденіе отъ податей не допускалось и въ случаѣ неурожая, пожара, градобитія или наводненія; облагались даже опустѣвшія гуфы, которыя становились все многочисленнѣе; часто и съ помощью экзекуціи нельзя было ничего болѣе взыскать. Никто не покупалъ отобраннаго за недоимки скота; крестьяне во множествѣ оставляли свои земли, дѣлаясь ворами и разбойниками, или бѣжали въ Польшу, куда отправлялись и многіе дворяне. Для многихъ тысячъ гуфъ подати превышали доходъ; до 12-ти т.

гуфъ совершенно запустѣли; цѣна земель страшно упала. Попытки займовъ были неудачны: кредитъ былъ уничтоженъ, такъ какъ курфюрстъ еще прежде объявилъ недѣйствительными распоряженія высшихъ совѣтовъ (der Oberräthe) относительно государственныхъ долговъ. Когда чины герцогства Пруссіи, созванные въ 1674-мъ году, изложили невообразимо печальное положеніе плательщиковъ податей, курфюрстъ написалъ тамошнему своему правленію, что онъ «не находитъ необходимости созывать впредь чины, потому что они только заявляютъ новыя жалобы и, кромѣ издержекъ, ничего странѣ не приносятъ». Такимъ образомъ, курфюрстъ продолжалъ дѣйствовать какъ неограниченный государь, не обращая вниманія на заявленія сословныхъ чиновъ и на чрезвычайную тягость налоговъ, которые становились еще болѣе обременительными вслѣдствіе неправильнаго ихъ распредѣленія. Онъ имѣлъ въ виду лишь одну цѣль, достиженіе которой считалъ своимъ призваніемъ, именно—основаніе могущественнаго единаго государства (Einheits-Staat), и, конечно, достигъ этой цѣли. По возстановленіи мира въ 1680-мъ г., онъ тѣмъ не менѣе полагалъ, что безопасность государства требуетъ содержанія значительнаго постояннаго войска и слѣдовательно необходимыхъ на то денежныхъ средствъ. Повтореніе «чрезвычайной поголовной подати», которая была взимаема въ 1677-мъ и 1679-мъ гг., не представлялось возможнымъ, такъ какъ жители были совершенно обезсилены. Поэтому былъ изданъ «*уставъ о податяхъ и акцизахъ*». Курфюрстъ говорилъ въ немъ, что потребныя подати не могли быть собраны вполнѣ съ земель, имуществъ и съѣстныхъ припасовъ, почему и привлечены къ уплатѣ пошлины многіе, до тѣхъ поръ необложенные ею, предметы ежедневнаго потребленія. Хотя налоги эти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могли быть собраны только съ помощію силы, однако тотчасъ вслѣдъ за ними была введена *гербовая бумага*, а въ 1684-мъ году изданъ пересмотрѣнный «общій уставъ податей и акциза съ потребленія».

Изъ вышеизложеннаго видно, что въ то время жизненнымъ условіемъ для власти курфюрста было *постоянное войско*, которое, при кончинѣ его (1688), состояло приблизительно изъ 24,000 человѣкъ. Войско это было наемное; чтобы можно было положиться на него, ему необходимо было правильно платить; этимъ объясняются усиленныя мѣры къ возвышенію и обезпеченію доходовъ. Доходы распадались на два главные отдѣла, изъ которыхъ одинъ назначался на войско, другой для двора курфюрста. Къ доходамъ военной смѣты относились, кромѣ контрибуціи съ сельскаго населенія, лиценты (Lizenta) и сбора за гербовую бумагу, главнымъ образомъ акцизы. Доходъ отъ этихъ налоговъ составлялъ уже въ

1678-мъ г. 653,000 тал., возросъ къ 1683-му г. до 1,000,000 тал., а въ 1688 г.—1,700,000 тал. Безпорядки въ управленіи доменами могли быть устранены лишь постепенно; колебанія относительно самой системы управленія ими также дѣйствовали неблагопріятно на чистый доходъ съ нихъ. По этимъ причинамъ доходъ доменъ и почтъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими статьями, составлялъ, даже къ концу правленія великаго курфюрста, только 6—700,000 талеровъ.

Весь доходъ государства (частью валовой, частью чистый) простирался въ то время (вмѣстѣ съ 200,000 тал. шкатульныхъ доходовъ) приблизительно до 2,700,000 тал.; изъ нихъ расходовалось на содержаніе войска около 1,080,000 или 40%.

III.

Фридрихъ III (какъ король Фридрихъ I)—сынъ и преемникъ великаго курфюрста (до 1713-го г.), не только былъ убѣжденъ въ необходимости правильнаго государственнаго хозяйства, но и зналъ лучшія средства къ тому. Такъ, въ своемъ эдиктѣ объ управленіи доменами, онъ говоритъ:

«Самая прочная и несомнѣнная опора для благоустроеннаго управленія заключается въ строгой экономіи; ею правитель заставитъ друзей и недруговъ, сосѣдей и подданныхъ уважать себя; напротивъ, дурное хозяйствованіе и плохая администрація финансовъ сдѣлаютъ его предметомъ общаго презрѣнія».

Однако правила эти мало прилагались къ дѣлу, и король истощилъ силы своего государства участіемъ въ войнахъ, мало приносившихъ ему выгоды, — щедростью, доходившею до расточительности, излишне роскошнымъ дворомъ, корыстолюбіемъ своихъ любимцевъ, и т. д. Денежныя пособія иностранныхъ правительствъ не были достаточны даже для покрытія издержекъ на войска, которыя король выставлялъ имъ на помощь; поэтому онъ долженъ былъ постоянно думать о новыхъ средствахъ для покрытія своихъ расходовъ. Хотя поземельная подать, уменьшенная на половину великимъ курфюрстомъ при введеніи акциза, была, по соглашенію съ чинами мархій, понижена до одной трети, но за то во всѣхъ мархіяхъ была снова введена подать съ гуфъ (18 сент. 1704) почти въ томъ же размѣрѣ, какой имѣла въ 1687-мъ году; подать эта передана въ вѣдѣніе сословныхъ чиновъ; вмѣстѣ съ тѣмъ учреждена особая коммиссія отъ чиновъ, для надзора за всею кредитною частью; это было сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы при

займахъ, которые становились все чаще, пользоваться ручательствомъ чиновъ за уплату капитала и процентовъ.

Пруссія сохраняла еще свои сословные чины, собиравшіеся на ландтагъ, и въ 1690-мъ г. Фридрихъ I даже вновь утвердилъ за ними это право; однако собранія эти служили почти исключительно для изъявленія согласія на налоги, въ вознагражденіе за что имъ дозволялось подавать прошенія о своихъ нуждахъ. Но когда они (въ 1703 г.) не хотѣли согласиться на предъявленное имъ требованіе уплаты 45 грошей съ каждой гуфы на 3 года, то король приказалъ не распускать ихъ до тѣхъ поръ, пока не дадутъ своего согласія; при этомъ онъ ссылался на то, что при отцѣ его Пруссія давала 400,000 тал., а теперь только 240,000 и что постоянное войско въ одной только Пруссіи обходится въ 480,000 тал., почему и грозилъ, въ случаѣ колебанія чиновъ, принять иныя мѣры. Съ помощью этой угрозы онъ получилъ желаемое.

Послѣ того, какъ великій курфюрстъ ввелъ общій акцизъ (1684 г.) для содержанія войска, причемъ сохранилъ и такъназываемую контрибуцію въ ея высшемъ размѣрѣ (1685 года), эта послѣдняя была тѣмъ не менѣе дважды возвышаема. Въ 1702-мъ г., по случаю празднованія коронаціи, была собрана особая коронная подать (Kronsteuer). Сборъ замковый (Schlossbaugelder) сначала былъ назначенъ на 6 лѣтъ, въ размѣрѣ 6,000 тал. ежемѣсячно; затѣмъ онъ передапъ былъ сословнымъ чинамъ, еще на 6 лѣтъ, послѣ чего долженъ былъ прекратиться, — но былъ сохраненъ и сталъ постояннымъ. Тоже произошло съ введенными вновь (19 ноября 1708 г.) легаціонными пошлинами (Legationsgeldern).

Въ 1705-мъ г. потребованъ былъ чрезвычайный сборъ (subsidium extraordinarium) въ 2 милліона талеровъ; кромѣ того, каждая гуфа должна была уплатить 1 талеръ 8 грошей, и соразмѣрно этому обложены всѣ прочія недвижимыя имущества, скотъ, ремесла и евреи. Независимо отъ этого, каждый еврей, снабженный охранною грамотою (Schutzbriefe), долженъ былъ уплатить 100 червонцевъ. Начиная съ 1701-го г. четыре раза была взимаема чрезвычайная поголовная подать (Generalkopfsteuer) на содержаніе войска. Эдикты о гербовомъ налогѣ были возобновлены (1 мая 1700) и введенъ сборъ съ картъ въ пользу бѣдныхъ въ Берлинѣ; почтовая плата была такъ возвышена, что въ Пруссіи сдѣлалась предметомъ одной изъ жалобъ ландтага.

Постоянный недостатокъ денегъ въ казнѣ побуждалъ къ многочисленнымъ, часто необдуманнымъ, обременительнымъ, и даже смѣшнымъ финансовымъ планамъ. Къ послѣднимъ относятся: пошлина съ каретъ и париковъ, монополизація торговли свиною

щетиною, алхимическіе опыты и т. д. Въ управленіи доменами были также сдѣланы различныя неудачныя попытки непосредственнаго хозяйствованія и отдачи ихъ въ наслѣдственную аренду.

IV.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ I вступилъ на престолъ (1713) съ рѣшимостью устранить такія неблагопріятныя финансовыя обстоятельства, грозившія погубить юное государство. Въ одномъ письмѣ своемъ онъ говоритъ: «Скажите князю Ангальтскому, что *я самъ* министръ финансовъ и фельдмаршалъ короля прусскаго; вотъ что поддержитъ короля прусскаго». Слова эти оправдались на дѣлѣ. Король успѣлъ положить твердое основаніе устройству финансовъ и арміи, что было трудно при томъ полномъ экономическомъ разстройствѣ, въ которомъ онъ засталъ свое государство. Настойчивость короля при выполненіи его плановъ поддерживалась сильною любовью его къ деньгамъ; о немъ говорили, что накопленіе денегъ было для него не столько средствомъ, сколько самою цѣлью.

Одною изъ первыхъ правительственныхъ мѣръ Фридриха-Вильгельма I было приведеніе въ устройство финансовой администраціи; съ этою цѣлію онъ соединилъ придворную камеру (Hofkammer), управленіе доменами и генералъ-кригсъ-коммиссаріатъ въ одно учрежденіе, названное генеральною директоріею финансовъ, военныхъ дѣлъ и доменъ (General-Ober-Finanz-Krieg-und Domänen-Directorium). Въ началѣ же своего правленія (2 окт. 1714 г.) король учредилъ также независимо поставленную генеральную счотную камеру (General-Rechenkammer). Вслѣдствіе учрежденія генеральной директоріи, въ каждой провинціи явились, какъ подчиненныя ей мѣста, камеры военныхъ дѣлъ и доменъ, замѣнившія собою кригсъ-коммиссаріаты. Окружные коммиссары (Kreiskommissaire) получили названіе *ландратовъ* и завѣдывали, подъ вѣдѣніемъ камеръ, въ своихъ округахъ налогами и полиціею, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ депутатами или уполномоченными сословныхъ чиновъ (Abgeordnete der Stände). Хотя эти учрежденія и данныя имъ инструкціи страдали излишествомъ формъ и контроля, который нерѣдко переходилъ въ систему шпіонства,—потому что тогда еще не думали о гораздо болѣе дѣйствительномъ средствѣ надзора—о гласности, тѣмъ не менѣе онѣ остаются въ высшей степени замѣчательнымъ свидѣтельствомъ административнаго таланта, дѣятельности и силы воли Фридриха-Вильгельма I.

Всѣ государственные доходы раздѣлились на двѣ главныя

отрасли: доходы военные и доходы отъ доменъ. Первые предназначались единственно для содержанія войскъ, къ нимъ относились: контрибуціи, кавалерійскія деньги (Kavalleriegeld), рыцарскія конныя деньги (Lehnpferdegelder), военная осьмина (Kriegsmetze) и акцизы. Контрибуція, взимавшаяся съ сельскаго населенія,— какъ съ королевскихъ, такъ и съ дворянскихъ подданныхъ,— была неодинакова въ различныхъ провинціяхъ и большею частью соразмѣрялась съ величиною посѣва. Король повелѣлъ (19 ноября 1715-го г.) уничтожить многочисленныя названія отдѣльныхъ налоговъ и сбирать ихъ вмѣстѣ подъ именемъ обыкновенной контрибуціи. Сословные чины тщетно возражали противъ этого (1716) и просили (1717) не присоединять замковаго сбора,—на который они дали его отцу согласіе только на 12 лѣтъ,— къ постояннымъ налогамъ и сохранить различіе между контрибуціей обыкновенной и чрезвычайной, къ которой относились замковая и легаціонная пошлина.

Кавалерійскія деньги возникли съ тѣхъ поръ, какъ сельское населеніе добровольно внесло опредѣленную сумму денегъ взамѣнъ отвода квартиръ конницѣ, которая въ это время (1716) была стянута и размѣщена по городамъ; подать эта должна была прекратиться, какъ только кавалерія выступитъ въ походъ.

Налогъ, извѣстный подъ именемъ «военной осьмины», введенный въ 1637-мъ году, взимался съ съѣстныхъ припасовъ и, позже, съ солода.

Акцизъ былъ введенъ въ 1682-мъ г. великимъ курфюрстомъ для городовъ мархій, вмѣсто контрибуціи, а Фридрихомъ I (въ 1695-мъ г.) и для Пруссіи. Фридрихъ-Вильгельмъ I распространилъ его, несмотря на нѣкоторыя возраженія и противодѣйствія (въ 1716—1718-мъ гг.), на другія провинціи. Этотъ налогъ достигъ, вслѣдствіе постояннаго распространенія и возвышенія, значительной важности въ финансовомъ отношеніи; но, будучи ненавистенъ по самому существу своему и связанъ съ обременительнымъ контролемъ, онъ вызывалъ все большее и большее недовольство.

Учрежденная при Фридрихѣ I *рекрутская касса* (Recrutenkasse),—въ которую поступали вычеты изъ жалованья при вступленіи въ должности, пошлины за повышенія въ званіи, за титулы, и др.—также пріобрѣла, стараніями его преемника, значительное приращеніе дохода. Однако ея средствъ не доставало для покрытія расходовъ на единственную дорого стоющую прихоть короля — на великановъ-солдатъ.

Ко второму отдѣлу государственныхъ доходовъ относились, кромѣ доходовъ самыхъ доменъ, еще доходы: соляной, горный, таможенный и гербовый; всѣ они поступали въ кассу доменъ. Соляная

регалія была установлена въ 1719-мъ году и отличалась строгостью, которая хотя и доставляла вѣрный и значительный доходъ, однако сдѣлала налогъ этотъ обременительнымъ и ненавистнымъ. Таможенныя пошлины были, также какъ и система акцизовъ, распространены, и, безъ вниманія къ существовавшимъ вольностямъ, обобщены. Постановленія о гербовомъ сборѣ претерпѣли реформу такого же рода; напротивъ, при существенныхъ улучшеніяхъ по почтовому вѣдомству, имѣлись въ виду не одни только интересы казны; управленіе почтами оставалось въ извѣстной мѣрѣ самостоятельнымъ и только изъ излишковъ его доходовъ ежегодно отчислялась опредѣленная сумма въ кассу генеральной директоріи. Съ особенною любовью король занимался доменами, которыя онъ преобразовалъ, въ 1703-мъ г., въ фамильный семейный фидеикоммиссъ (Familien-Fideicommiss); опыты различныхъ системъ управленія доменами прекратились и остановились на отдачѣ ихъ въ долгосрочную аренду. Возвышеніе дохода съ нихъ было достигнуто главнымъ образомъ строгимъ порядкомъ и бережливостью, а также техническими улучшеніями въ каждой отрасли хозяйства.

Однимъ изъ слѣдствій этихъ улучшеній въ государственномъ хозяйствѣ, и въ особенности централизаціи высшаго финансоваго управленія, было соединеніе счетовъ; и хотя обѣ главныя кассы оставались раздѣльными, но въ актахъ генеральной директоріи постоянно находились, съ этихъ поръ, общіе результаты ихъ счетовъ.

Въ концѣ царствованія Фридриха-Вильгельма I государственные доходы представляли слѣдующія цифры:

Военная касса. . . .	4,005,000 тал.
Касса доменъ	3,362,000 »
Доходъ обѣихъ кассъ .	7,367,000 »

Расходы были слѣдующіе: на войско, укрѣпленія и т. п. шло 5,977,000 тал.; отложено въ запасный капиталъ 650,000 тал.; затѣмъ на всѣ остальныя издержки по управленію и на содержаніе двора шло около 740,000 тал.

Фридрихъ-Вильгельмъ I былъ энергическій, строгій, иногда жестокій правитель; управленіе его было военно-полицейское, какое было тогда вообще въ нѣмецкихъ государствахъ: гдѣ дѣло касалось государственной казны, тамъ король не смотрѣлъ ни на какую личность. Многими чертами своего характера и дѣятельности онъ напоминаетъ великаго своего современника, нашего Петра I. Фридрихъ-Вильгельмъ I былъ, какъ говорятъ историки, государь простонародный; въ домашнемъ быту своемъ онъ жилъ какъ небогатый горожанинъ, и примѣромъ своимъ пока-

зывалъ, что сила и богатство, какъ въ частномъ быту, такъ и въ государственномъ, пріобрѣтаются не обширностью средствъ, которыя часто расточаются, а *бережливостію*, простотою жизни и презрѣніемъ къ убыточнымъ удовольствіямъ. По вступленіи своемъ на престолъ, вмѣсто обширнаго, бывшаго при его отцѣ придворнаго штата, онъ оставилъ себѣ только 6 лакеевъ и 16 пажей для дежурства при немъ; издержки на содержаніе двора ограничилъ только 93 талерами въ день, а потомъ сталъ отпускать только по 72 тал. и даже 55 тал. Тоже самое онъ дѣлалъ въ администраціи, назначивъ, напр., министру жалованья по 2,000 тал., тогда какъ министры его отца имѣли возможность жить съ королевскою пышностію.

Это была именно черта бережливости, но не скупости, — доказательствомъ тому служитъ то, что король дѣлалъ большіе расходы на поднятіе нѣкоторыхъ отраслей хозяйства, напр. овцеводства и суконныхъ фабрикъ. Вообще же, независимо отъ удовлетворенія текущихъ расходовъ, безъ всякихъ постороннихъ субсидій и займовъ, король употребилъ, въ теченіе 27-ми-лѣтняго своего царствованія (1713—1740) до 30,000,000 тал. на чрезвычайныя издержки, въ томъ числѣ на пріобрѣтеніе новыхъ коронныхъ имѣній 5,000,000 тал., на покупку земель для вновь родившихся принцевъ болѣе 2,000,000 тал., на серебряныя вещи 1,500,000 тал. и т. д.; наконецъ отложилъ 8,700,000 тал. въ запасный государственный капиталъ (Staatsschatz), сдѣлавшійся съ тѣхъ поръ завѣтною мыслію прусской финансовой политики.

При помощи этихъ средствъ и займа (въ 1,356,000 тал.) преемникъ его предпринялъ двѣ первыя силезскія войны.

V.

Фридрихъ Великій, при вступленіи на престолъ, объявилъ правительственнымъ мѣстамъ, что онъ намѣренъ самымъ строгимъ образомъ держаться порядка, установленнаго его отцомъ, какъ относительно акциза и таможенныхъ пошлинъ, такъ и контрибуціи и взиманія оброчныхъ денегъ за домены. Образъ мыслей короля по вопросамъ государственнаго хозяйства ясно высказывается уже въ 1741 г. въ предложеніи, сдѣланномъ имъ (19 декабря) сословнымъ чинамъ завоеванной Силезіи. Онъ исходилъ изъ трехъ основныхъ началъ: что налоги должны быть употребляемы только на истинныя нужды страны, что они должны быть распредѣлены равномѣрно, и, главнымъ образомъ,

что они должны быть твердо опредѣлены. Въ эдиктѣ 28-го апрѣля 1743-го г. снова высказано, что въ «государствѣ, въ которомъ всѣ пользуются равною защитою, всѣ должны и участвовать въ налогахъ, употребляемыхъ для этой цѣли, и притомъ каждый по свойству своихъ доходовъ, какъ это дѣлаетъ и самъ король, по своимъ доменамъ». На такихъ же началахъ въ Силезіи введены были прусскія учрежденія; это введеніе было облегчено тѣмъ, что тамъ дворянство и духовенство уже давно были привлечены къ уплатѣ податей. Съ пріобрѣтеніемъ Силезіи доходы всего государства увеличились, также какъ территорія и народонаселеніе, приблизительно на одну треть, именно на 3,265,000 тал.

Послѣ семилѣтней войны, король далъ разныя льготы помѣстному дворянству, но въ тоже время издавалъ другія мѣры, стѣснявшія промышленность и ложившіяся тяжело на бѣднѣйшіе классы народа.

Продажа соли обращена въ регалію еще въ предшедшее царствованіе; но теперь каждое городское и сельское общество, по королевскому распоряженію, обязано было ежегодно покупать изъ королевскихъ магазиновъ положенное количество соли, разсчитанное по числу душъ.

Въ 1770-мъ году, продажа и жареніе кофе въ Берлинѣ объявлены были монополіею правительства, которая потомъ распространена была и на прочія части государства; кто покупалъ 20 ф. кофе, тотъ могъ купить билетъ, разрѣшавшій изжарить его; кто не могъ купить вдругъ 20-ти ф., долженъ былъ покупать дурной и чрезвычайно дорогой кофе, изжаренный акцизнымъ управленіемъ. День и ночь ходили по улицамъ дозорщики и гдѣ слышали запахъ жаренаго кофе, требовали, чтобъ имъ показали билетъ на право жаренья. Если не было билета, кофе конфисковалось, а преступникъ наказывался заключеніемъ въ крѣпость [1]). По совѣту одного спекулянта король дозволилъ ему учредить и взять на откупъ лотереи.

---

[1]) Въ 1781-мъ году одинъ изъ торговыхъ домовъ въ Берлинѣ сдѣлалъ представленіе противъ ограниченія потребленія кофе. Король, въ рескриптѣ отъ 14-го января, объясняя бѣдствія, возникающія, по его мнѣнію, отъ употребленія кофе (именно, что 700,000 тал. уходятъ за границу и развивается контрабанда), заканчивалъ такъ: «эти два бѣдствія, происходящія отъ свободной торговли кофе и усиливающіяся съ каждымъ днемъ, были единственными причинами ограниченія, и его королевское величество находитъ тѣмъ менѣе надобности отступать отъ этихъ постановленій, что торговцы съѣстными припасами, переставая заниматься этою плутовскою продажею, имѣютъ много другихъ товаровъ, напр. барановъ, телятъ, свиней и другого скота, также овощи, масло, яйца и пр.; всѣ эти товары могутъ быть покупаемы въ прусскихъ провинціяхъ и такимъ образомъ, съ большею выгодою для отечества, замѣнить уменьшеніе въ продажѣ кофе».

Для взиманія акцизовъ были призваны французы, введено ими, говорятъ по совѣту Гельвеція, заслужившее справедливую ненависть во Франціи пошлинное управленіе подъ именемъ *régie*. Въ этомъ учрежденіи, говоритъ историкъ того времени, все было чужое: основанія, чиновники, языкъ, даже имя. Оно отличалось строгостью и очень сложнымъ составомъ, а потому было чрезвычайно обременительно. Его цѣлью было только увеличеніе доходовъ, непосредственнымъ слѣдствіемъ — неудовольствія и жалобы, а затѣмъ — пагубный подкупъ и развращающая контрабанда.

Для всѣхъ дѣлъ по уплатѣ налоговъ были учреждены особые суды, установлены исключительныя наказанія, приводившіяся въ исполненіе съ большою суровостію; доносчики получали большія награды; обыски производились на всѣхъ границахъ и заставахъ; никто не былъ безопасенъ въ своемъ домѣ и всякій долженъ былъ, по требованію, о каждомъ подлежавшемъ пошлинѣ предметѣ представить доказательство, что онъ оплаченъ пошлиною.

Фридрихъ II полагалъ, согласно съ системою, господствовавшею въ то время въ финансовомъ управленіи почти всѣхъ государствъ, что богатство страны можно увеличить измѣненіемъ монетной пробы, высокими пошлинами на привозъ иностранныхъ товаровъ и даже запрещеніемъ ихъ вовсе. Результатъ былъ, разумѣется, иной, и если, несмотря на то, жители Пруссіи поправились неожиданно скоро, то это было слѣдствіемъ другихъ административныхъ мѣръ, весьма предусмотрительныхъ и вникавшихъ во всѣ подробности.

Если великій король былъ неразборчивъ въ отношеніи источниковъ государственныхъ доходовъ, то, съ другой стороны, онъ не допускалъ никакихъ безполезныхъ тратъ, отсѣкалъ всякія излишества въ расходахъ, требовалъ настойчиво отъ всѣхъ чиновниковъ строгой экономіи, примѣръ которой онъ показывалъ на самомъ себѣ. Въ 1752-мъ году, когда доходы простирались уже до 12-ти м. тал., онъ назначилъ для себя 190,000 тал., въ томъ числѣ на путешествія 20,000 тал., на жалованье и пенсіи придворному штату 17,000 тал., для королевы-матери 50,000 тал., для каждаго изъ трехъ братьевъ по 12,000 тал., и для двухъ сестеръ по 3,000 тал. Придворные говорили о немъ, что онъ скупѣе своего отца. При такомъ порядкѣ, главная цѣль финансовой политики Фидриха II была достигнута: въ годъ смерти его (1786) государство обладало не только обильными средствами защиты, но еще имѣло запаснаго капитала свыше 50,000,000 тал. Эти сбереженія и духъ экономіи, котораго они были слѣд-

ствіемъ, могущественно содѣйствовали возвышенію Пруссіи, въ то время, когда непомѣрная роскошь дворовъ привела въ безпорядокъ финансы всѣхъ великихъ державъ на материкѣ Европы.

Правленіе преемника Фридриха II не представляетъ ничего замѣчательнаго въ отношеніи государственнаго хозяйства, кромѣ развѣ воспоминанія о быстромъ исчезновеніи денежныхъ сбереженій, накопленныхъ его предшественникомъ; поэтому слѣдуетъ перейти къ началу XIX-го столѣтія.

VI.

До XIX-го столѣтія во всѣхъ финансовыхъ распоряженіяхъ и законахъ Пруссіи имѣлась въ виду одна главная цѣль — получить въ распоряженіе правительства возможно бо̀льшую массу денежныхъ средствъ. При недостаткѣ денегъ въ казнѣ, правители не затруднялись прибѣгать къ мѣрамъ въ высшей степени тягостнымъ для народа; это было слѣдствіемъ не столько личнаго характера государей, сколько недостатка въ то время экономическихъ знаній. Только одно экономическое начало было проводимо съ строгостію и настойчивостію двумя королями — Фридрихомъ-Вильгельмомъ I и его сыномъ Фридрихомъ Великимъ, во все время ихъ продолжительнаго царствованія (1713 — 1786 г.); это начало — *бережливость*, оставившее глубокіе слѣды въ финансовой политикѣ Пруссіи до нашихъ временъ. Было провозглашаемо и начало равномѣрнаго распредѣленія налоговъ, но на практикѣ оно не получило должнаго развитія. На существо налоговъ, на ихъ дѣйствіе на экономію народную не было обращаемо вниманія; отсюда, вплоть до начала XIX-го столѣтія,— существованіе самыхъ разнообразныхъ и стѣснительныхъ податей и сборовъ, распредѣлявшихся съ чрезвычайною неравномѣрностію.

Съ началомъ XIX-го столѣтія въ Пруссіи начались экономическія реформы, въ которыхъ повѣялъ новый духъ,—духъ справедливости; общее право стало заступать мѣсто безплодной свободы привилегированныхъ классовъ. Двѣ причины содѣйствовали такой перемѣнѣ: распространеніе здравыхъ экономическихъ понятій между государственными людьми и потрясенія, испытанныя Пруссіею.

Уже съ конца XVIII-го столѣтія среди государственныхъ людей, и вообще между просвѣщенными людьми, стали распространяться новыя идеи о лучшихъ способахъ обезпечить существованіе народа, идеи весьма различныя отъ тѣхъ, на которыхъ

основано было тогдашнее законодательство Пруссіи, касавшееся финансоваго и вообще экономическаго быта. Адамъ Смитъ въ 1775-мъ году издалъ свое безсмертное твореніе о народномъ богатствѣ, переведенное тотчасъ на всѣ языки; нѣсколько переводовъ его было сдѣлано на нѣмецкій языкъ. Адамъ Смитъ съ большею ясностію и положительностію, чѣмъ предшествовавшіе ему экономисты, доказалъ, что источникъ богатства есть трудъ. Онъ проповѣдывалъ государственнымъ людямъ, что ихъ призваніе состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить свободу, дѣятельность и полезность труда; развивать разумѣніе и распространять понятія о воспитаніи; охранять порядокъ и добрые нравы, для того, чтобы каждый изъ своего труда могъ извлекать всю возможную пользу; очищать законодательство отъ всѣхъ препятствій труду. Эти начала стали распространять въ университетахъ: Якобъ, Лоцъ, Шлецеръ и другіе; они образовали массу учениковъ въ Пруссіи. Сочиненія Мирабо и Мовильона были писаны въ томъ же духѣ; Л. Кругъ въ своей книгѣ «О національномъ богатствѣ Пруссіи» проводилъ тѣ же начала; профессоръ кёнигсбергскаго университета Краусъ, современникъ и другъ Канта, былъ тоже послѣдователемъ Адама Смита; его лекціи были часто переводомъ сочиненій послѣдняго и Давида Юма, съ присоединеніемъ комментарій о положеніи Пруссіи. На лекціи Крауса стекалась многочисленная публика; ихъ усердно посѣщали чиновники, молодые совѣтники, референдаріи, ассессоры и даже высоко поставленные въ государственной администраціи лица, бывшія друзьями Крауса, между которыми въ особенности замѣчательны Шретеръ и Ауерсвальдъ; изъ его школы вышелъ и фонъ-Шенъ, который былъ впослѣдствіи душею королевской коммиссіи въ Мемелѣ, начавшей преобразованіе государственнаго устройства и который предложилъ королю отмѣну крѣпостного права и составилъ объ этомъ указъ (9-го октября 1807-го года).

Нѣкоторые законы, изданные прежде 1806-го года для восточной Пруссіи и Литвы, уже содержали въ себѣ зародышъ новыхъ началъ. Но главный толчекъ всему дали событія 1806 — 1812 года; въ это время пріобрѣли огромное вліяніе министры Штейнъ и послѣ него Гарденбергъ, проникнутые тѣми же идеями и произведшіе самыя коренныя реформы въ экономическомъ и гражданскомъ строѣ Пруссіи.

Прежде изложенія финансовыхъ преобразованій, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ экономическомъ положеніи Пруссіи въ началѣ XIX-го столѣтія, именно предъ началомъ бѣдствій, вызвавшихъ необходимость реформъ.

VII.

Пруссія въ 1806-мъ году заключала въ предѣлахъ своихъ 5,610 кв. геогр. миль съ 10.023,900 жителей, изъ нихъ три четверти жили въ селеніяхъ, но какъ и жители многихъ, въ особенности малыхъ, городовъ пропитывались главнымъ образомъ отъ земли, то можно считать, что 80% всего населенія занимались земледѣліемъ; сохранялось еще существенное различіе между податнымъ (steuerpflichtig) и неподатнымъ (steuerfrei) населеніемъ; остатки этого различія, въ формѣ изъятій отъ поземельнаго налога, пережили даже новѣйшее время. Домены и рыцарскія имѣнія (Rittergüter) составляли привилегированный классъ имуществъ; они платили только незначительную рыцарскую конную пошлину и, какъ исключеніе, въ Силезіи и Пруссіи небольшой налогъ съ земель. Положеніе податного класса (der kontribuable Stand) сельскаго населенія, къ которому относились крестьяне различныхъ наименованій (Bauern, Kossäten, Büdner, Einlieger и т. д.), было очень неодинаково въ разныхъ провинціяхъ; общею всѣмъ имъ была почти только одна обязанность уплаты налоговъ. Главною податью съ сельскаго населенія была контрибуція, а важнѣйшимъ налогомъ въ городахъ — акцизъ. Согласно выработавшемуся, мало-по-малу, понятію общаго акциза, ему подлежало, вообще говоря, все, что потреблялъ горожанинъ; отъ внутренняго акциза были свободны дворяне и часть духовенства. Этою системою налоговъ строго отдѣлялись, такимъ образомъ, село отъ города, крестьянинъ отъ рыцаря; система таможенныхъ пошлинъ довершала разъединенность, такъ какъ каждая провинція, а часто и болѣе мелкая часть государства, имѣла свои, весьма отличныя отъ другихъ, таможенныя учрежденія. Существовало 67 тарифовъ, частью для отдѣльныхъ территорій, частью для извѣстныхъ группъ товаровъ, тарифовъ — различныхъ для моря и сухого пути, опредѣлявшихъ пошлины въ пользу государства или частныхъ лицъ. Въ отношеніи управленія существовало такое же различіе между провинціями, и если бы не наступившія вскорѣ бѣдствія, то идея *единаго* государства, провозглашенная великимъ курфюрстомъ, была бы все болѣе и болѣе оттѣсняема на задній планъ.

Государственные доходы около 1805-го года, приблизительно, представлялись въ слѣдующемъ видѣ:

Домены и лѣса доставляли	8,700,000	тал.
Контрибуціи и поземельныя подати . .	5,800,000	»
Акцизы и таможни	9,500,000	»
Соляная регалія	4,500,000	»
	28,500,000	

Сверхъ того, казна получала доходы отъ другихъ источниковъ, какъ то: отъ гербоваго сбора 594,269 тал.; почты не приносили почти никакого чистаго дохода; лотерея доставляла отъ 6—800,000 тал.; разные сборы, взимавшіеся, большею частію, единовременно, какъ-то при полученіи разрѣшеній на открытія разныхъ заведеній, и т. п. — доставляли отъ $2^1/_2$ до 3 милліоновъ талеровъ, такъ что весь доходъ составлялъ отъ 31 до $31^1/_2$ м. талеровъ.

При вступленіи на престолъ Фридриха-Вильгельма III, наступилъ срокъ платежей по большей части обязательствъ предшествовавшаго царствованія; наличныхъ средствъ недоставало, и потому были сдѣланы займы; затѣмъ, однакоже, къ 1805-му году государственный долгъ уменьшился на $3^1/_2$ м. тал. Но сначала война между Австріею и Франціею, потребовавшая мобилизаціи арміи, а потомъ вспыхнувшая, въ 1806-мъ году, война съ Франціею, увеличили снова государственный долгъ до $53^1/_2$ м. тал.

VIII.

Іенская битва, въ концѣ 1806-го года, и слѣдовавшій за нею тильзитскій миръ стоили Пруссіи болѣе половины ея владѣній; ей осталось только 2,855 геогр. миль и 4,652,000 жителей, и въ этомъ составѣ она была занята французами, истощалась реквизиціями и военными налогами; прусское правительство было не въ состояніи платить жалованья своимъ чиновникамъ и проценты по государственнымъ долгамъ. Между тѣмъ Штейнъ, настаивавшій у короля о реформахъ, въ началѣ 1807-го года (3 января) былъ уволенъ, за свое упрямство, отъ службы; но возраставшія бѣдствія страны принудили короля возвратить Штейна, который, съ сентября 1807-го года, сталъ во главѣ правительства и приступилъ немедленно къ реформамъ, которыя, по его мнѣнію, были необходимы для оживленія изнемогавшаго государства. До своей вторичной и окончательной отставки (27-го ноября 1808-го г.) онъ успѣлъ провести три главныя мѣры: освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, изданіе городского устава и преобразованіе воинской повинности.

Но если нужна была вся тягость тогдашнихъ бѣдствій, чтобы преодолѣть нерасположеніе короля вообще къ реформамъ, то для каждой важной мѣры Штейна нужно было еще давленіе особыхъ обстоятельствъ. Отмѣна крѣпостного права и вотчинной зависимости была задумываема еще Фридрихомъ-Вильгель-

момъ I; Фридрихъ II провозгласилъ, но не могъ исполнить ее; Фридрихъ-Вильгельмъ III думалъ о ней съ самаго вступленія на престолъ; но, при его нерѣшительномъ характерѣ, едвали исполнилъ бы свое намѣреніе, если бы бурное время насильственно не заставило согласиться на эту мѣру. Въ Силезіи пришлось быстро уничтожить крѣпостную зависимость въ 1807-мъ году, потому что иначе отмѣнили бы ее вступавшіе туда французы и отняли бы у правительства славу популярной реформы; а когда французы уничтожили крѣпостное право въ герцогствѣ варшавскомъ, то уже не было возможности сохранять его и вообще во всей Пруссіи, потому что иначе крестьяне изъ дворянскихъ имѣній стали бы уходить въ герцогство. Точно также и городской уставъ Штейна былъ подготовленъ войною 1806-го года, прежде чѣмъ былъ введенъ закономъ (19-го ноября 1808-го); при приближеніи непріятеля и опасностей правительство по необходимости передало самимъ горожанамъ управленіе общинными дѣлами, съ которыми не могли справиться прежнія начальства, назначавшіяся отъ правительства; къ этому же вынуждало и финансовое стѣсненіе: прежде государство покрывало изъ акцизныхъ сборовъ часть общинныхъ расходовъ, а теперь оно уже не имѣло средствъ быть щедрымъ и должно было эти издержки возложить на города.

Съ отставкою Штейна, бывшею слѣдствіемъ вспыхнувшей ненависти къ нему Наполеона, прекратилось тяготѣніе принциповъ на короля; реформы остановились; нужна была новая бѣда, чтобы возвратиться къ нимъ. Когда Альтенштейнъ, преемникъ Штейна, повелъ администрацію старымъ путемъ, скоро явился такой безнадежный недостатокъ въ деньгахъ, что министры предложили продать Силезію.

Вотъ какъ описываетъ положеніе государственной администраціи, по выходѣ Штейна, его біографъ Пертсъ [1]).

23-го декабря 1809-го года прусскій дворъ и правительство вернулись изъ Кёнигсберга обратно въ Берлинъ. Король не уважалъ своихъ министровъ и оставлялъ за ними мѣста только по привычкѣ. Не задолго до отъѣзда изъ Кёнигсберга, онъ выразилъ имъ, что и самъ находитъ пробѣлы въ новой организаціи государства, такъ какъ она была приведена въ исполненіе только частью, причемъ признавалъ, что главнымъ образомъ недостаетъ единства въ управленіи, а также и надлежащаго участія народнаго представительства. Министры не имѣли ни малѣйшаго влія-

---

[1]) G. H. Pertz, Das Leben des Ministers Freiherrn von Stein. Berlin. 1849. T. II. стр. 475.

нія на короля, а между ними не было никакого единства, такъ какъ, боясь всего новаго, они даже не приступали къ образованію давно задуманнаго государственнаго совѣта. Наконецъ, указомъ 31-го марта 1810-го года повелѣно было образовать конференцію министровъ, для совокупнаго завѣдыванія дѣлами государственнаго управленія. Безъ всякой выдержки, безъ опредѣленной цѣли и безъ надлежащей власти, министры вели государство къ полному разложенію. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, они ждали толчка извнѣ, отъ случайностей, отъ непріятеля. Первый министръ Альтенштейнъ и его помощники рѣшительно не умѣли справляться съ финансами. Безъ плана, безъ общаго взгляда, хозяйствовалъ онъ со дня на день и поддерживалъ свое положеніе только тѣмъ, что создавалъ себѣ друзей посредствомъ выхлопатыванія значительныхъ суммъ лицамъ вліятельнымъ. Само собою разумѣется, что положеніе финансовъ скрывалось самымъ тщательнымъ образомъ и никто не зналъ его въ дѣйствительности.

Между тѣмъ съ 1809-го года уплата французской контрибуціи вовсе прекратилась и недоимка возрасла до 7,000,000 тал. Когда Наполеонъ вновь настоятельно потребовалъ ея уплаты, король обратился къ своему министру за указаніемъ средствъ. При этомъ выказалось вновь, что у Альтенштейна вовсе не было финансоваго плана и что онъ вообще считалъ подобный планъ и всякія цифры мертвымъ, ни къ чему не ведущимъ хламомъ, такъ какъ, по его выраженію, «все должно было идти изъ жизни и въ жизнь». Онъ находилъ, что колеблющееся положеніе всей Европы и незнаніе окончательныхъ видовъ Наполеона дѣлали невозможнымъ избраніе и преслѣдованіе какого-либо твердаго политическаго плана. Шаткое положеніе государства и истощеніе внутреннихъ силъ его войною дѣлали, по словамъ министра, неблагоразумнымъ и даже невозможнымъ требовать значительныхъ чрезвычайныхъ пожертвованій для улучшенія финансовъ и необходимо останавливали широкія реформы во внутренней организаціи: пожертвованія все-таки не обезпечили бы отъ чужеземнаго насилія и произвола, а внутреннія реформы вызвали бы новыя неудовольствія и полное разложеніе государства. Не было никакой возможности найти въ одно и тоже время средства для уплаты и французской контрибуціи, и процентовъ по государственнымъ бумагамъ, и для разсчетовъ по провинціальнымъ и общиннымъ долгамъ. Всѣхъ средствъ государства не хватало даже для одной уплаты контрибуціи. А потому, заключалъ министръ, необходимо продолжать не платить процентовъ, а на провинціи должно быть возложено разсчитаться по ихъ долгамъ

самимъ; при этомъ однакоже полезно подать надежду на содѣйствіе правительства въ близкомъ будущемъ. Откровенное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ лишило бы націю всякой бодрости, вызвало бы безполезную критику и нанесло бы чрезвычайный ущербъ уваженію подданныхъ къ правительству, уваженію, которое легче поддержать посредствомъ мистическаго почитанія его. Перемѣна обстоятельствъ, говоритъ министръ далѣе, можетъ повести къ болѣе благопріятнымъ условіямъ, а въ ожиданіи этого времени достаточно ограничиваться легкими палліативными средствами, стараясь видоизмѣнять отчасти подати и займы, въ возможное облегченіе націи, насколько еще есть довѣрія къ правительству. Кромѣ этихъ мѣръ, Альтенштейнъ не находилъ предложить ничего: платить новые налоги народъ не могъ, для внутреннихъ займовъ въ странѣ не хватало денегъ, для займовъ внѣшнихъ недоставало кредита, отъ доменъ ничего нельзя было выручить, такъ какъ взято все, что можно. Затѣмъ онъ находилъ единственное спасеніе въ уступкѣ Силезіи, о возможности чего онъ и предлагалъ послать въ Парижъ «посондировать». Это послѣднее слово было въ то время въ большомъ ходу у правительства. «Нигдѣ не видать силы и жизни», писалъ одинъ современникъ; «все только сондируютъ да разыскиваютъ бѣды, а врача нѣтъ».

Такимъ образомъ, признаніемъ собственной неспособности заключилъ свою записку министръ. Тогда король рѣшился обратиться за совѣтомъ къ бывшему кабинетъ-министру Гарденбергу, и тотъ подалъ ему надежду найти средства для уплаты контрибуціи, черезъ что достигалась очистка крѣпостей, занятыхъ французами.

Гарденбергъ находилъ выводы Альтенштейна неосновательными во всѣхъ частяхъ и возражалъ на нихъ слѣдующее: «Твердая политическая система удовлетворитъ императора Наполеона скорѣе, чѣмъ колеблющаяся; откровенность онъ одобритъ болѣе, чѣмъ уклончивость. Этимъ путемъ достигнется безопасность государства, кредитъ заграницей и довѣріе внутри страны. Говорить, что невозможно разсчитывать на большія пожертвованія страны, значитъ косвенно отказаться отъ всякой идеи государства. Неисполненіе обязательствъ государства неизбѣжно приведетъ къ немедленному разрушенію его. Ошибочно и то мнѣніе, будто внутреннія реформы несвоевременны и возбудятъ одно неудовольствіе. Напротивъ того, потребность въ реформахъ никогда не была такъ велика, народъ никогда не ожидалъ ихъ съ такой настоятельностью и время никогда не было столь благопріятно. Все дѣйствительно благотворное не ведетъ къ разрушенію, а между тѣмъ

каждое крупное мѣропріятіе разбивается объ аргументацію, вращающуюся въ заколдованномъ кругѣ: финансамъ нельзя помочь безъ большихъ реформъ во внутреннемъ строѣ, а реформы хотятъ отлагать, чтобы не задерживать хода финансовыхъ операцій».

Затѣмъ Гарденбергъ опровергалъ то мнѣніе, будто надлежало заботиться только объ уплатѣ французской контрибуціи, оставляя въ сторонѣ всякую заботу о государственныхъ и провинціальныхъ долгахъ; онъ находилъ, что пока не приступятъ къ уплатѣ процентовъ по государственному долгу, до тѣхъ поръ не подымется ни государственный, ни частный кредитъ, и гибельный кризисъ будетъ продолжаться; а провинціальные долги, переведенные на государство, были бы, по его убѣжденію, менѣе отяготительными для населенія, чѣмъ различные мѣстные сборы, взимаемые безъ всякой системы, на удовлетвореніе этихъ долговъ, тѣмъ болѣе, что управленіе этими сборами обходилось весьма дорого.

Гарденбергъ возставалъ также противъ прославляемой скрытности въ дѣлахъ и говорилъ по этому поводу слѣдующее: «Возбуждать надежды, которыя не хотятъ или не могутъ исполнить, и преступно и въ высшей степени умаляетъ довѣріе народа къ правительству. Облеченіе правительственныхъ мѣропріятій въ мистическій мракъ заставляетъ предполагать или ошибочность воззрѣній, или злую волю. Только всемогущаго Творца Неба и земли можно почитать и преклоняться предъ нимъ, не видя Его; человѣческія же дѣянія должны совершаться въ виду у всѣхъ и должны находить свое оправданіе предъ людьми. Подобно тому, какъ граждане должны быть всегда готовы отдавать правительству отчетъ въ дѣлахъ своихъ, такъ точно и правительство должно говорить откровенно съ народомъ, чтобы достигнуть того единенія съ нимъ, безъ котораго невозможенъ ни малѣйшій успѣхъ. Во всѣхъ промедленіяхъ народъ видитъ только недостатокъ системы или силы, а въ мелочныхъ мѣрахъ онъ находитъ себѣ новое бремя, а не помощь. Великій человѣкъ можетъ, для великихъ цѣлей, требовать и достигнуть великихъ напряженій силъ народныхъ, а трусливый правитель не добудетъ ничего для своихъ сокровенныхъ замазываній. Во внутреннемъ управленіи страною не предпринято еще ни одной крупной мѣры, а доведено ихъ до конца и того менѣе; страшныя бѣдствія, которыя подтачиваютъ всѣ силы страны, продолжаются по прежнему; къ исправленію пестрой и извращенной системы податей не сдѣлано еще ни шагу, а между тѣмъ дерзаютъ утверждать, что дошли уже до крайнихъ предѣловъ; дерзаютъ, наконецъ, предлагать уступку цѣлой провинціи, какъ послѣднее средство спасенія.—

Вотъ къ чему приводятъ промедленія, мелочныя мѣры и трусливое секретничанье! Да и кто же наконецъ проникъ въ сокровенныя мысли императора Наполеона, чтобы рѣшиться назвать это послѣднимъ средствомъ? А между тѣмъ императоръ легко выручилъ бы изъ одной провинціи, на удовлетвореніе своихъ требованій, гораздо болѣе, чѣмъ прусскіе министры могутъ добыть съ цѣлаго государства. Кто теряетъ надежду, тотъ теряетъ все».

Послѣдствіемъ представленной Гарденбергомъ записки было назначеніе его, 7-го іюня 1810-го г., первымъ министромъ съ званіемъ государственнаго канцлера. Составъ министерства былъ измѣненъ королемъ по настоянію Гарденберга, который, вслѣдъ затѣмъ, приступилъ къ составленію своего финансоваго плана. Но финансовый планъ его не сразу встрѣченъ былъ одобрительно, даже и лучшими людьми того времени: Нибуръ и Шенъ высказались рѣшительно противъ него. Прежде всѣхъ министръ сообщилъ свой планъ Нибуру, который призналъ его столь гибельнымъ для государства, что счелъ себя обязаннымъ подать о томъ особую записку королю. Тогда Гарденбергъ обратился за совѣтомъ къ Гейдебреку и Лабеи, а въ концѣ іюня или началѣ іюля отправилъ свой проектъ, черезъ Кунта, къ Штейну, находившемуся въ то время въ изгнаніи въ Прагѣ. Онъ принялся за разсмотрѣніе проекта и составилъ подробную записку по оному.

Чтеніе этой записки возбудило въ Гарденбергѣ желаніе лично переговорить съ Штейномъ. Получивъ на то разрѣшеніе отъ короля, онъ, подъ предлогомъ посѣщенія графа Редена, отправился на чешскую границу и свидѣлся тамъ съ Штейномъ 16-го сентября. Свиданіе это происходило въ величайшей тайнѣ, такъ какъ иначе оно могло навлечь гнѣвъ Наполеона и на Гарденберга, и на короля, и на самую Пруссію. Оба государственные мужи остались весьма довольны другъ другомъ. Вслѣдъ затѣмъ въ составѣ министерства произошли новыя перемѣны и 27-го октября обнародованъ эдиктъ о финансахъ государства и о новомъ устройствѣ податей. Въ эдиктѣ этомъ король изложилъ положеніе счетовъ по уплатѣ контрибуціи, призналъ готовность всѣхъ сословныхъ чиновъ и купечества оказать государству возможное содѣйствіе и заявилъ о необходимости великихъ пожертвованій, которыя должны были впрочемъ быть, по возможности, уменьшены введеніемъ новой системы обложенія, именно: посредствомъ отмѣны льготъ отъ поземельной подати, отмѣны обязательности цеховыхъ стѣсненій, отмѣны различныхъ налоговъ на промыслы, отмѣны разныхъ помѣщичьихъ прерогативъ, отмѣны

натуральной повинности по поставкѣ хлѣба и фуража, а также отмѣны подводной повинности. Мѣры эти клонились къ равномѣрному обложенію налогами всѣхъ гражданъ сообразно съ степенью ихъ благосостоянія; подать должна была преимущественно взиматься съ потребленія и съ роскоши. Въ связи съ этимъ вводился новый промысловый налогъ и повышался штемпельный сборъ. Для погашенія государственныхъ долговъ положено было продавать домены и духовныя имущества, за исключеніемъ тѣхъ, которыя признаны были необходимыми для содержанія церквей, школъ и богоугодныхъ заведеній. По иностраннымъ займамъ обѣщана уплата процентовъ съ 1811-го г., а по займамъ внутреннимъ — съ 1-го января 1814-го года. Для устройства провинціальныхъ и общинныхъ военныхъ долговъ учреждалась въ Берлинѣ генеральная коммиссія, которая должна была принять мѣры къ уплатѣ процентовъ и погашенія по этимъ долгамъ, насколько это окажется возможнымъ. Уплата чиновникамъ жалованья, невыданнаго за прежнее время, назначена была на 1-е января 1814-го года.

Въ заключеніе король обѣщалъ всѣми мѣрами содѣйствовать елико возможно благосостоянію его подданныхъ и обѣщалъ даровать народу провинціальное и общее государственное представительство, совѣтами коего онъ выразилъ желаніе пользоваться и при посредствѣ коего онъ желалъ развивать въ своихъ подданныхъ убѣжденіе, что положеніе финансовъ и государства вообще улучшается и что жертвы, для сего приносимыя, не напрасны. Этимъ путемъ король надѣялся еще прочнѣе закрѣпить узы довѣрія и любви, связывавшіе его съ подданными.

IX.

Такимъ образомъ, эдиктъ 27-го октября 1810-го года возвѣстилъ равномѣрность и пропорціональность распредѣленія поземельной подати, отмѣну всѣхъ изъятій отъ податей, упрощеніе и преобразованіе всей прежней системы налоговъ, отмѣну нѣкоторыхъ изъ нихъ особенно обременительныхъ и полную свободу промысловъ со введеніемъ умѣреннаго патентнаго сбора. Согласно сему обнародованъ, 28-го октября 1810-го года, законъ о новыхъ налогахъ на потребленіе и роскошь (Verbrauchs- und-Luxussteuern), допустившій уменьшеніе прежнихъ сборовъ съ потребленія и разныхъ акцизовъ. Неодинаковость оклада между различными провинціями была при этомъ отмѣнена. Но за то съ другой стороны налоги на потребленіе мяса, хлѣба,

пива и водки, взимавшіеся только съ городовъ, были повышены и распространены на селенія. Всѣ прочіе внутренніе налоги на потребленіе отпадали; для иностранныхъ товаровъ установленъ упрощенный таможенный тарифъ, льготы отъ налоговъ на потребленіе, принадлежавшія рыцарскимъ имѣніямъ, чиновникамъ доменъ, монастырямъ и духовенству—были отмѣнены. Наконецъ, введенъ еще налогъ на роскошь, именно съ нанимателей мужской и женской прислуги, съ собакъ, лошадей и экипажей; налогъ этотъ былъ однако вскорѣ отмѣненъ (2-го марта 1814-го года).

Законъ 1810-го года 2-го ноября объявилъ свободу промысловъ и общій промысловый налогъ, который долженъ былъ взиматься по тарифу въ шесть классовъ.

Наконецъ, 20-го ноября 1810-го года изданъ общій для всего государства законъ о штемпельномъ сборѣ, отмѣнявшій всѣ прежніе подобные сборы.

X.

7-го сентября 1811-го года состоялся новый законъ о государственныхъ финансахъ и системѣ податей, вызванный практическими затрудненіями, оказавшимися вслѣдствіе невозможности обложить одинаковыми сборами съ потребленія всѣ города и селенія. Вслѣдствіе этого сдѣлано было различіе между большими городами съ одной стороны и малыми городами и селеніями съ другой. Въ сихъ послѣднихъ налогъ на помолъ былъ совершенно отмѣненъ, а налогъ на мясо и водку пониженъ; но за то введенъ былъ личный налогъ (Personen-Steuer) въ 12 грош. въ годъ съ каждаго лица старѣе 12-ти лѣтъ. Всѣ эти реформы не успѣли вполнѣ осуществиться, когда наступила война, по окончаніи которой Пруссія пріобрѣла частію отобранныя у нея прежде, частію новыя провинціи съ разнообразными системами податей. Положеніе финансовъ послѣ войны было очень трудное и запутанное; государственный долгъ до 1806-го года былъ не великъ, но доведенъ былъ до значительной суммы несчастіями этого года, потомъ войнами 1813 — 1815-го года, принятіемъ на счетъ государства долговъ старыхъ и новыхъ провинцій, и точный размѣръ его не былъ еще сосчитанъ. Въ то время нельзя было даже опредѣлить точной суммы доходовъ и расходовъ государства; въ первые годы по прекращеніи войны былъ постоянный дефицитъ. Въ 1817—1818-мъ году былъ сдѣланъ въ Лондонѣ 5% заемъ въ 5 м. ф. с. по курсу 72%, но

онъ все-таки не вывелъ изъ затрудненія. Необходимо было подумать о радикальныхъ средствахъ. Министръ финансовъ фонъ-Бюловъ, племянникъ Гарденберга, представилъ, 7-го января 1817-го года, новую финансовую программу, въ которой предлагалъ принять за основаніе податной системы поземельную подать, уничтожить всѣ мелкіе сборы, сохранивъ только промысловую подать, гербовую пошлину, соляную регалію, налогъ на строенія, таможенныя пошлины и налогъ на потребленіе нѣкоторыхъ немногихъ предметовъ. Проектъ этотъ, вслѣдствіе интригъ юнкерской партіи противъ Гарденберга, былъ отвергнутъ, за исключеніемъ только предположеній о таможенныхъ пошлинахъ; министерство финансовъ было принято фонъ-Клевеницомъ и попало въ полную зависимость отъ учрежденнаго тогда же генеральнаго контроля. Министру финансовъ невозможно было идти къ уравновѣшенію расходовъ съ доходами, и дефицитъ продолжался: министръ финансовъ завѣдывалъ только сборомъ доходовъ, да и то не всѣхъ, а на опредѣленіе расходовъ не имѣлъ никакого вліянія,—это рѣшалось переговоромъ генеральнаго контроля съ каждымъ министерствомъ особо.

Однакоже Клевеницъ дѣятельно принялся за реформу налоговъ; при немъ, 26-го мая 1818-го года, состоялся законъ о таможенныхъ и акцизныхъ сборахъ съ иностранныхъ товаровъ и о сообщеніяхъ между провинціями въ государствѣ. Въ сношеніяхъ съ заграницею законъ этотъ установлялъ начала свободной торговли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣлялъ таможенныя пошлины съ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ; кромѣ этихъ таможенныхъ пошлинъ, на многіе иностранные товары установленъ былъ налогъ съ потребленія, но за то сообщеніе внутри страны объявлено свободнымъ и всякія стѣсненія его между различными провинціями и частями государства объявлены навсегда отмѣненными.

За этимъ послѣдовалъ законъ 8-го февраля 1819-го года о налогѣ на водку, пиво, виноградное вино и табакъ; по закону этому означенные предметы оплачивали налогъ не во время ихъ потребленія, но водка и пиво при ихъ добываніи, а вино и табакъ — на мѣстѣ ихъ произрастенія. Изъ всѣхъ прочихъ акцизовъ оставлены до времени только налогъ на топливо и акцизъ съ убоя скота и помола хлѣба.

XI.

Но на первое время все это не дало ожидаемаго увеличенія средствъ казначейства; а между тѣмъ доходы отъ доменъ падали съ упадкомъ цѣнъ на хлѣбъ; желанныхъ сбереженій нельзя было сдѣлать безъ измѣненія состава военныхъ силъ, на что̀ не соглашался король. Такимъ образомъ, текущій долгъ накоплялся. Въ добавокъ къ этому предстояли большіе расходы на устройство крѣпостей по Рейну. Необходимо было подумать о средствахъ выдти изъ затрудненій. Противъ займовъ былъ король, да и трудно ихъ было сдѣлать; король требовалъ сокращенія въ расходахъ, былъ учрежденъ для этого особый комитетъ; изслѣдованія, имъ произведенныя, привели къ тому, что расходы на войско были чрезмѣрны. Рѣшено было сдѣлать значительныя въ нихъ сокращенія, а также и въ расходахъ по гражданскому управленію, чтобы уменьшить бюджетъ до 50,000,000 тал. и уже не превышать этой цифры.

Слѣдствіемъ этого былъ прежде всего эдиктъ о государственныхъ долгахъ, 17-го января 1820-го года. При этомъ приведена въ извѣстность сумма государственныхъ долговъ (217,845,558 тал.) и объявлена имъ вѣдомость; постановлено, что впредь никакой долгъ или заемъ не можетъ быть сдѣланъ иначе, какъ съ согласія и за гарантіею государственныхъ чиновъ; для обезпеченія долговъ, означенныхъ въ вѣдомости, назначены всѣ вообще государственныя имущества и въ особенности домены, лѣса и подуховныя имѣнія; на погашеніе каждаго долга назначено отпускать по 1% съ капитальной суммы; для правильной уплаты процентовъ и погашенія назначены опредѣленныя статьи доходовъ, въ особенности же суммы, поступающія отъ продажи государственныхъ имуществъ и отъ выкупа крестьянскихъ повинностей въ казенныхъ, имѣніяхъ; наконецъ, для приведенія въ исполненіе всѣхъ этихъ распоряженій учреждена особая коллегія подъ названіемъ главнаго управленія государственныхъ долговъ (Haupt Verwaltung der Staats-Schulden), члены коей приводились къ особой присягѣ и отвѣчали предъ королемъ и совокупностію кредиторовъ государства, что, кромѣ означенныхъ въ вѣдомости, не будетъ выпущено ни одной государственной облигаціи. Назначенныхъ источниковъ однако же не доставало на погашеніе долговъ; недостающія суммы нельзя было получить иначе какъ изъ податей, и вслѣдствіе того изданы были 30-го мая 1820-го года новые законы о налогахъ, заключившіе собою ре-

формы Гарденберга, провозглашенныя 27-го октября 1810-го года.

Эти новые законы были слѣдующіе: а) законъ о введеніи классной подати, б) законъ объ установленіи налога на помолъ хлѣба и на убой скота, и в) законъ о промысловой подати. Затѣмъ было объявлено, что всю податную систему будутъ составлять слѣдующіе налоги:

а) таможенныя пошлины съ иностранныхъ товаровъ по закону 26-го мая 1818-го года;

б) налогъ на соль по закону 17-го января 1820-го года и прежнимъ узаконеніямъ по сему предмету;

в) штемпельный сборъ по закону въ то время еще не вышедшему, но обнародованному нѣсколько позднѣе, именно 7-го марта 1822-го года;

г) промысловая подать по закону 30-го мая 1820-го года;

д) поземельная подать въ прежнемъ ея видѣ и съ нѣкоторыми измѣненіями, допущенными въ законѣ 30-го мая 1820-го года;

е) налогъ на винокуреніе, пивовареніе, винодѣліе и табакъ по закону 8-го февраля 1819-го года.

ж) взамѣнъ отмѣняемыхъ личныхъ податей, классная подать, а тамъ, гдѣ она не введена—

з) налогъ на помолъ и на убой скота—та и другой по закону 30-го мая 1820-го года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ налоги, не упомянутые въ этомъ перечнѣ, отмѣнены; сверхъ того, подлежащими отмѣнѣ въ ближайшемъ будущемъ объявлены: а) натуральный отводъ квартиръ для офицеровъ въ теченіи ближайшихъ 6-ти мѣсяцевъ, а для рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ, по мѣрѣ устройства казармъ; б) денежныя приплаты городовъ къ постойной офицерской повинности (на топливо и освѣщеніе); в) вклады городскихъ общинъ на содержаніе судовъ и полицій. Наконецъ, въ законѣ 20-го мая 1820-го года, объявлено, что: а) государственные доходы, опредѣленные спеціальными указами, какъ напр. особые сборы съ меннонитовъ, должны взиматься по прежнему; б) окружные и общинные расходы должны покрываться особыми окружными и общинными сборами, которые впрочемъ могутъ, съ разрѣшенія губернскаго правленія, заключаться въ дополнительныхъ процентахъ къ классной подати и къ налогу на помолъ и на убой скота; прочіе же налоги на окружныя и общинныя потребности могутъ взиматься только въ томъ случаѣ, ежели они существовали уже прежде или же основывались на высочайшемъ разрѣшеніи.

Начала податной системы, введенной закономъ 20-го мая

1820-го года, остаются въ Пруссіи въ силѣ и до-сихъ-поръ на пространствѣ всей монархіи, кромѣ Гогенцоллерна и Яде. Съ тѣхъ поръ, кромѣ частныхъ измѣненій въ этихъ законахъ, были введены и новыя подати, именно: изъ прямыхъ налоговъ — классифицированная подоходная подать по закону 1-го мая 1851-го года, и налогъ на желѣзныя дороги по закону 30-го мая 1853-го года; а изъ косвенныхъ сборовъ — свеклосахарный акцизъ по закону 7-го августа 1846-го года, и штемпельный сборъ съ газетъ и календарей по закону 21-го іюня 1861-го года и 10-го января 1864-го года.

XII.

Въ то время, когда изготовлялись проекты изложенныхъ законовъ о системѣ налоговъ, т.-е. въ началѣ 1820-го года, именно 17-го января, король объявилъ, что «нормою государственныхъ расходовъ принимается сумма 50.863,150 тал., что начальники отдѣльныхъ частей и все государственное министерство отвѣчаютъ за это, тѣмъ болѣе, что опредѣленная сумма расходовъ вообще достаточна для цѣлей, указанныхъ въ прежнихъ государственныхъ росписяхъ». Тѣмъ же кабинетскимъ повелѣніемъ предписывалось наблюдать сбереженія по расходамъ, а остатки отъ доходовъ, за покрытіемъ неисполненныхъ расходовъ 1819-го года, и всѣ вообще излишки вмѣстѣ съ другими случайными доходами, передать государственному министру графу Лоттуму для составленія государственнаго запаснаго капитала (Staats-Schatz), которому и вести отдѣльный счетъ.

Наконецъ въ томъ же повелѣніи объявлено: «чтобы всякій могъ вполнѣ ознакомиться съ дѣйствительнымъ состояніемъ финансовъ государства и убѣдиться, что податей требуется не болѣе того, сколько необходимо для настоятельнѣйшихъ потребностей внутренней и внѣшней безопасности и для выполненія принятыхъ правительствомъ на себя, въ видахъ истинныхъ выгодъ и поддержанія государства, обязательствъ,—главная государственная роспись или бюджетъ должна быть, по разсмотрѣніи и утвержденіи ея, обнародываема во всеобщее свѣдѣніе; такое обнародываніе должно повторяться чрезъ каждые три года».

Повелѣніе относительно распубликованія бюджета въ точности не было исполнено, такъ какъ второй бюджетъ былъ обнародованъ только въ 1829-мъ году, причемъ разрѣшено было министру финансовъ одновременно съ обнародованіемъ бюджета печатать необходимыя къ нему объясненія.

XIII.

Трехлѣтній срокъ опубликованія бюджета, начиная съ 1829-го соблюдался до 1847-го года, съ котораго началось ежегодное опубликованіе. Но обнародованные бюджеты до 1848-го года были весьма неполны; въ нихъ означались статьи доходовъ и расходовъ въ круглыхъ числахъ, полными тысячами талеровъ; доходы большею частію показывались чистые, за исключеніемъ издержекъ взиманія; не показывалось коронной дотаціи, судебныхъ пошлинъ; рядъ значительныхъ платежей, производимыхъ государствомъ для различныхъ цѣлей, не показывался ни въ доходѣ, ни въ расходѣ; наконецъ, изъ обозрѣнія результатовъ финансоваго управленія съ 1840-го по 1846-й годъ, представленнаго соединенному ландтагу, видно, что рядомъ съ обнародованными бюджетами были еще иныя, не преданныя гласности, росписи, существенно отличавшіяся отъ первыхъ и превышавшія ихъ значительно.

Реденъ, въ своей финансовой статистикѣ [1]), основывась на обнародованныхъ впослѣдствіи свѣдѣніяхъ, въ слѣдующей таблицѣ сопоставилъ цифры бюджетныя рядомъ съ дѣйствительными, считая послѣднія только приблизительно вѣрными.

Г о д ы.	Итогъ чистаго дохода по обнародованнымъ бюджетамъ.	Общій валовой доходъ.
	Т а л	е р ы.
1821	50.000,000	81.899,000
1829	50.796,000	83.078,000
1832	51.287,000	83.806,000
1835	51.740,000	84.477,000
1838	52.681,000	85.872,000
1841	55.867,000	90.595,000
1844	57.677,194	97.200,000
1847	64.033,697	94.028,000

Если причислить фонды различныхъ наименованій (резервный фондъ, запасный фондъ, остаточный и пр.), то состоявшія, въ означенный періодъ времени, въ распоряженіи правительства суммы еще значительно болѣе; до 1844-го года правительство, повидимому, какъ бы ставило себѣ за правило — создавать по возможности болѣе самостоятельныхъ отраслей управленія, кассъ и фондовъ; чрезъ это, конечно, распоряженіе излишками стано-

[1]) Allgemeine vergleichende Finanz-Statistik Darmstadt, 1856. II. B. 2 Ab. стр. 95.

вилось по возможности свободнымъ, а контроль—по возможности малымъ. Что остававшіяся отъ прошедшихъ лѣтъ наличности были весьма значительны, въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ суммъ этихъ наличностей:

на 1840 г.	. . . . . .	16.949,157 тал.
» 1841 »	. . . . . .	15.615,624 »
» 1842 »	. . . . . .	15.463,297 »
» 1843 »	. . . . . .	16.299,472 »
» 1844 »	. . . . . .	13.683,026 »
» 1845 »	. . . . . .	13.182,400 »
» 1846 »	. . . . . .	11.832,530 »
» 1847 »	. . . . . .	9.421,224 »

Эти наличности отъ прошлыхъ лѣтъ вовсе не заключали въ себѣ фондовъ отдѣльныхъ отраслей управленія и т. п., но составились независимо отъ этихъ послѣднихъ, изъ излишковъ прежнихъ лѣтъ.

Поэтому въ обозрѣніи финансоваго управленія съ 1840-го по 1846-й г., представленномъ соединенному ландтагу, доказывалось, что эти наличности предназначены: а) для внесенія въ запасный государственный капиталъ; б) для покрытія излишковъ расходовъ за прежніе годы; в) для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ на улучшеніе рѣкъ, гаваней, на государственныя постройки, и т. п., г) для возмѣщенія временныхъ пособій изъ другихъ кассъ на постройку шоссе, и т. п.; для расходовъ на желѣзныя дороги, на значительныя земельныя меліораціи (Landes-Meliorationen), усовершенствованіе мореплаванія и т. п., и на непредвидимые расходы, особенно вслѣдствіе чрезвычайныхъ событій.

XIV.

Изъ сказаннаго видно, что обнародованные бюджеты далеко не удовлетворяли главной своей цѣли — «вполнѣ ознакомить каждаго съ истиннымъ состояніемъ финансовъ», и уже бюджетъ на 1844-й г. съ своими «объясненіями» былъ значительнымъ шагомъ впередъ. Отличія его отъ прежнихъ бюджетовъ, въ матеріальномъ и формальномъ отношеніяхъ, заключались, между прочимъ, въ слѣдующемъ: 1) отдѣльныя статьи доходовъ и расходовъ показаны не въ полныхъ тысячахъ талеровъ, но такъ, какъ означено въ сметахъ, служившихъ основаніемъ для бюджета; 2) при тѣхъ отрасляхъ дохода, которыя поступаютъ чрезъ

главныя губернскія кассы (Regierungs-Hauptkassen) въ главное казначейство, показаны за графою взятые изъ спеціальныхъ смѣтъ валовые доходы, изъ которыхъ исключены, также за графою, издержки взиманія каждаго дохода и другіе расходы, и такимъ образомъ полученъ показанный въ графѣ *чистый* доходъ; 3) наконецъ, заключенія и объясненія къ отдѣльнымъ статьямъ доходовъ и расходовъ даютъ возможность по многимъ изъ нихъ опредѣлить дѣйствительную цифру.

Бюджетъ на 1847-й годъ, обнародованный 12-го марта 1847-го г., слѣдуетъ формѣ бюджета 1844-го г., но содержитъ болѣе подробностей относительно доходовъ и расходовъ.

Бюджетъ на 1848-й годъ былъ сообщенъ для свѣдѣнія (1-го февраля 1848-го г.) членамъ собравшагося тогда соединеннаго комитета сословныхъ чиновъ (vereinigte ständische Ausschuss). Итогъ расходовъ опять показанъ равнымъ съ чистымъ доходомъ. Бюджетъ этотъ, равно и обозрѣніе результатовъ финансоваго управленія 1840-го—1846-го г., были разсмотрѣны въ коммиссіи національнаго собранія, которая, въ докладѣ своемъ 3-го ноября 1848-го года, между прочимъ объясняла, что: 1) счетоводство очень запутанно и не даетъ возможности достаточно яснаго обозрѣнія; упрощеніе его представляется настоятельно необходимымъ; 2) въ денежныхъ средствахъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ государственное казначейство не имѣетъ въ настоящее время недостатка; 3) потребности государства значительно возрасли въ послѣдніе годы; почти по всѣмъ отраслямъ управленія расходы увеличились, такъ что доходы уже недостаточны для покрытія расходовъ, и 4) при утвержденіи бюджета на 1848-й г., нетрудно будетъ указать на значительныя сбереженія и тѣмъ привести финансы въ лучшее положеніе, безъ необходимости въ увеличеніи налоговъ.

Смѣтное предположеніе на 1848-й г. не могло исполниться вслѣдствіе событій, совершившихся съ марта того года. Но въ запискѣ министра финансовъ, представленной палатамъ 8-го ноября 1849-го года, показано поступленіе въ 1849-мъ году доходовъ 57.430,828 т., а произведенные расходы составляли 82.262,744 тал.; дефицитъ покрытъ былъ остатками и другими мелкими доходами (4.618,958 тал.), пособіями изъ запаснаго государственнаго капитала (13.142,325 тал.), частью добровольнаго займа (8.8,609 тал.).

Бюджетъ на 1849-й годъ [1]) былъ обнародованъ въ собраніи законовъ 27-го декабря 1848-го г. и въ свое время долженъ

[1]) Всего 94.174.380 талеровъ—доходовъ и расходовъ.

былъ быть представленъ палатамъ; бюджетъ этотъ удовлетворяетъ въ значительной мѣрѣ требованіямъ, которыя можно предъявить въ конституціонномъ государствѣ относительно гласности финансоваго управленія, и осуществляетъ обѣщаніе, данное министромъ финансовъ въ его докладѣ, что «относительно поступленія и расходованія государственныхъ доходовъ не будетъ тайнъ между правительствомъ и законными представителями народа».

XV.

Финансы Пруссіи съ эпохи преобразованія ихъ, въ 1820-мъ году, въ теченіи четверти столѣтія, по справедливости составляли предметъ зависти многихъ государствъ; порядокъ и экономія господствовали въ ихъ управленіи; расходы были умѣренные и возрастали въ такой же постепенности; Пруссія постоянно уплачивала свои долги [1]—печальное наслѣдство наполеоновскихъ войнъ, и могла отложить еще въ запасный государственный капиталъ 19,4 мил. тал. Съ 1848-го года положеніе финансовъ измѣнилось къ худшему.

Тревожныя обстоятельства этого года потребовали многихъ значительныхъ издержекъ не только на военную часть, но и на министерство внутреннихъ дѣлъ для поддержанія порядка и законности; сверхъ того, издержки значительно увеличились по министерству торговли и публичныхъ работъ — вслѣдствіе постройки новыхъ шоссе, и по министерству юстиціи—вслѣдствіе преобразованія судебной части. Министръ финансовъ, въ докладѣ своемъ о бюджетѣ на 1849-й годъ, заявлялъ, что «въ случаѣ сохраненія внѣшняго мира и спокойствія внутри, не потребуется уже дальнѣйшихъ чрезвычайныхъ средствъ и потому мы можемъ вступить въ новый годъ съ надеждою, что, въ продолженіи его, подъ покровомъ данной странѣ конституціи и при единодушномъ усиліи правительства и избранныхъ народомъ представителей, въ нашихъ финансахъ возстановится и утвердится тотъ порядокъ и та правильность, которые были обыкновенны въ прусскомъ государственномъ хозяйствѣ въ теченіе многихъ лѣтъ и поддерживали кредитъ государства даже въ минуты опасности».

Надежды эти однакоже не оправдались. Коммиссія палаты уполномоченныхъ въ докладѣ своемъ отъ 10-го февраля 1851-го

---

[1]) Долги съ 1820-й по 1833-й годъ понизились на 42,774,788 тал., и весь долгъ, находившійся въ завѣдываніи управленія государственными долгами составлялъ 175 м. тал., а къ 1848-му году онъ понизился до 138 м. тал.

года, выразила между прочимъ слѣдующее: «наше финансовое положеніе представляется весьма серьезнымъ и требуетъ величайшаго вниманія. Причины того неутѣшительнаго явленія, что цвѣтущіе нѣкогда финансы пришли, въ теченіе немногихъ лѣтъ, въ разстройство, состоятъ главное въ томъ, что политическія и гражданскія потрясенія прошлыхъ лѣтъ, внутренніе безпорядки и возмущенія, внѣшнія войны и походы не только требовали милліонныхъ расходовъ, но и уменьшили на милліоны доходъ, препятствуя торговлѣ и промышленной дѣятельности. Новыя государственныя учрежденія и преобразованія въ финансовомъ законодательствѣ содѣйствовали этимъ результатамъ».

Въ 1850-мъ году въ особенности дефицитъ выказался въ огромномъ размѣрѣ: расходовъ было исчислено болѣе 130 м. тал., а доходы только въ 95,4 м. тал. Въ слѣдующій пятилѣтній періодъ бюджетныя суммы выказали дефицитъ въ 14,3 м. (расходы 520,7 м., доходы 506,4 м. тал.). Дѣйствительный недостатокъ былъ гораздо значительнѣе: въ 1852-мъ году дефицитъ оказался около 14 м. тал., потому что расходы составляли 116,7 м. тал., а доходы менѣе 103 м. тал.

Съ начала 1856-го года, благодаря прибавкѣ 25% къ налогу классному, на помолъ хлѣба и на убой скота, министръ успѣлъ привести бюджетъ въ болѣе благопріятный видъ: расходы постоянные, единовременные и чрезвычайные, равнявшіеся текущимъ доходамъ, были исчислены по финансовымъ законамъ:

въ 1856 г.	. . . . . .	118,7 м. тал.
» 1857 »	. . . . . .	122,6 » »
» 1858 »	. . . . . .	128,8 » »
» 1859 »	. . . . . .	134,2 » »
» 1860 »	. . . . . .	132,9 » »

Но дѣйствительность не оправдала бюджетныхъ предположеній. Въ 1856-мъ году дѣйствительныя издержки превзошли исчисленныя по бюджету на 19,6 м. тал., а обыкновенныхъ доходовъ поступило болѣе противъ бюджетнаго исчисленія на 9,2 м. тал.; дефицитъ на третью часть былъ покрытъ слабыми остатками отъ 1857-го и 1858-го годовъ.

XVI.

По случаю итальянской войны 1859-го года Пруссія мобилизировала свою армію; это ей стоило увеличенія прямыхъ податей на 25%, и, кромѣ особыхъ субсидій, займа въ 30 м. тал. Возстановленный миръ давалъ полное право на уменьшеніе войска; но правительство этого не желало; оно задумало преобразовать армію, усилить ее сообразно съ потребностями времени, увеличившимся народонаселеніемъ и экономическими интересами страны; оно предполагало отмѣнить ландверъ, и срокъ дѣйствительной службы, вмѣсто 2 лѣтъ, увеличить до 3, а въ резервахъ до 5-ти лѣтъ, и внесло объ этомъ проектъ закона въ сессію ландтага 1860-го года. Палата уполномоченныхъ согласилась только назначать ежегодный призывъ въ 63,000 чел., вмѣсто 43,000 чел. Чтобы избѣжать столкновенія, правительство взяло назадъ свой проектъ о преобразованіи арміи въ ожиданіи, что въ слѣдующую сессію пренія будутъ болѣе тихими и снисходительными. Министръ финансовъ фонъ-Патовъ ограничился испрошеніемъ чрезвычайнаго кредита въ 6 м. тал. для военнаго бюджета. Въ 1861-мъ году предложеніе правительства о преобразованіи арміи возобновлено; палата не соглашалась, но съ тѣмъ вмѣстѣ утвердила военный бюджетъ, перенеся только 750,000 тал. изъ обыкновенныхъ въ чрезвычайные расходы. Король согласился утвердить бюджетъ въ такомъ видѣ, оговоривъ въ своей рѣчи при закрытіи палаты (5-го іюня 1861-го г.), что это не касается жизненнаго основанія великой мѣры.

Новая палата, избранная въ концѣ 1861-го года (15-го ноября), когда по всей Пруссіи раздавались голоса противъ милитаризма и противъ возрастающей тягости податей, поставила своею программою: не соглашаться на преобразованіе арміи и на увеличеніе военнаго бюджета. Таково было мнѣніе большинства палаты, т.-е. партіи прогрессистовъ. Министерство считало тягостною для народа мобилизацію резервовъ и ландвера; палата, напротивъ, выражала мнѣніе, что неудобства мобилизаціи, случающейся рѣдко, гораздо менѣе значительны въ сравненіи съ постоянными потерями, которыя причиняло бы экономическому положенію страны значительное увеличеніе арміи; что необходимо отстранять увеличеніе расходовъ въ виду того, что финансы стали обременяться тревожнымъ образомъ.

Пресса приняла живое участіе въ предстоявшемъ вопросѣ о военномъ бюджетѣ. Оффиціозные журналы съ одной стороны доказывали, что положеніе финансовъ удовлетворительно, что тя-

гости податей сравнительно умѣренны и падаютъ на классы достаточные. Оппозиціонные журналы возражали, что новая подать на строенія (введенная закономъ 21-го мая 1861-го года) будетъ падать не только на классы достаточные, но на всякаго, кто жилище не считаетъ предметомъ роскоши; при всемъ томъ, бюджетъ 1861-го года, несмотря на возвышеніе и возрастаніе податей, заканчивается дефицитомъ; причина тому—въ военномъ бюджетѣ.

Засѣданіе палатъ открылось 14-го января 1862-го года. Министерство встрѣтило большія затрудненія въ коммиссіи палаты уполномоченныхъ, которая разсматривала проектъ закона о военной службѣ и о финансовыхъ предположеніяхъ, съ нимъ связанныхъ; а между тѣмъ изъ Берлина и изъ другихъ большихъ городовъ стали поступать въ палату петиціи объ уменьшеніи военныхъ издержекъ, о сложеніи добавочныхъ процентовъ къ податямъ, о сокращеніи до 2-хъ лѣтъ срока дѣйствительной военной службы. Эти манифестаціи естественно дѣйствовали на депутатовъ лѣвой стороны и даже на министерскихъ, которые начали говорить объ уступкахъ, о сдѣлкахъ, не думая о томъ, что министерству почти невозможно было склонить къ тому короля. Болѣзнь государственнаго министра Ауерсвальда, который, своею популярностію и искусствомъ вести парламентское дѣло, былъ наиболѣе способнымъ образовать въ палатѣ большинство,—затруднила еще болѣе положеніе правительства. Въ такихъ обстоятельствахъ наступилъ мартъ мѣсяцъ.

По принятому порядку правительство имѣло право на передвиженія кредитовъ въ предѣлахъ каждаго титула бюджета; передвиженіе изъ титула въ титулъ требовало утвержденія палаты. Бюджетъ на 1862-й годъ, внесенный въ январѣ, заключалъ 214 титуловъ и не представлялъ, повидимому, широкаго простора министерству. Палата депутатовъ судила иначе. Въ засѣданіе 6-го марта большинствомъ 171 голоса противъ 141, она приняла слѣдующую резолюцію: 1) бюджетъ впредь долженъ быть представляемъ палатѣ въ болѣе подробномъ видѣ, такъ чтобы каждый источникъ дохода и всякая издержка значительнаго размѣра составляла особый титулъ; 2) это правило должно быть соблюдаемо, начиная съ бюджета на 1862-й годъ, въ которомъ должно слѣдовать раздѣленію, принятому въ отчетѣ за 1859-й годъ. Резолюція эта была оспариваема министромъ финансовъ, который старался доказать, что палаты имѣютъ возможность вполнѣ контролировать расходы, такъ какъ имъ представляются подробные отчеты, по которымъ онѣ могутъ вполнѣ видѣть передвиженія въ предѣлахъ титуловъ. Увеличеніе черезъ мѣру числа титуловъ

бюджета можетъ заставить министерство по необходимости дѣлать частыя передвиженія изъ одного титула въ другой, испрашивая на то уже впослѣдствіи утвержденія палатъ. Отвѣтственность, лежащая на министрѣ финансовъ, не составляла бы въ дѣйствительности для казначейства гарантіи болѣе той, которую представляетъ нравственная отвѣтственность, существующая нынѣ. Но эти доводы министра финансовъ фонъ-Патова не имѣли успѣха. 11-го марта фонъ-деръ-Гейдтъ объявилъ королевское повелѣніе о распущеніи палаты уполномоченныхъ. Вслѣдъ затѣмъ вышли министры Шверинъ, Патовъ, Бернутъ и Пюклеръ, не раздѣлявшіе консервативной программы товарищей; въ новое министерство назначены князь Гогенлое президентомъ совѣта, фонъ-деръ-Гейдтъ министромъ финансовъ, Роонъ министромъ военнымъ.

Большая часть новыхъ министровъ, и въ особенности фонъ-деръ-Гейдтъ, выказали желаніе найдти такую финансовую комбинацію, которая позволяла бы, посредствомъ экономіи въ издержкахъ, удовлетворить военный бюджетъ, не отступая отъ преобразованія арміи, и отказаться отъ дополнительной подати въ 25%. Этими мѣрами или, по крайней мѣрѣ, обѣщаніями думали подѣйствовать на выборы, начавшіеся 27-го апрѣля. Ожиданія правительства однако не сбылись.

Новая палата уполномоченныхъ открыта въ маѣ; въ ея адресѣ, вообще не одобрявшемъ министерство въ отношеніи многихъ политическихъ вопросовъ, заявлено было желаніе о сбавкѣ податей до размѣра, пропорціональнаго силамъ страны.

7-го іюня король, въ отвѣтной рѣчи коммиссіи, представившей ему адресъ, напомнивъ о своей программѣ 1858-го года, заявилъ, что онъ неизмѣнно держится на почвѣ конституціи, которой онъ присягалъ. Однакожъ скоро обнаружилось, что взаимныя обязанности и права высшихъ государственныхъ учрежденій, истекавшія изъ конституціи, толковались разно съ одной стороны королемъ, его министрами и палатою господъ, съ другой палатою депутатовъ. Въ промежутокъ времени между распущеніемъ палаты депутатовъ и открытіемъ ея вновь, палата господъ продолжала свои занятія; новая палата депутатовъ находила, что палата господъ преступила свои права, и поэтому не было возможнымъ обсуждать проекты законовъ, принятые палатою господъ въ это время. Наступленіе министерскаго кризиса дѣлалось очевиднымъ.

Въ сентябрѣ палата депутатовъ приступила къ разсмотрѣнію военнаго бюджета; въ министерствѣ образовалось два мнѣнія: министръ финансовъ фонъ-деръ-Гейдтъ настаивалъ на необходимости сдѣлать уступки, Роонъ думалъ, что надо энергически возстать противъ оппозиціи. Король былъ на сторонѣ военнаго

министра. Министерство, съ согласія короля, думало согласиться на нѣкоторыя незначительныя уступки въ бюджетѣ 1862-го года, и тѣмъ склонить на сторону правительства большинство, умалчивая объ измѣненіяхъ въ бюджетѣ на 1863-й годъ. Но палата потребовала категорическихъ объясненій на счетъ намѣреній правительства. Объясненія военнаго министра были сбивчивыя, неудовлетворяли палату и она отвергла единогласно предложенія правительства. Вслѣдствіе этого три министра: финансовъ—фонъ-деръ-Гейдтъ, иностранныхъ дѣлъ—фонъ-Бернсторфъ и военный министръ—Роонъ представили королю просьбы объ отставкѣ; фонъ-деръ-Гейдтъ положительно объявилъ, что онъ не можетъ обойтись безъ содѣйствія палаты уполномоченныхъ, а его, въ настоящихъ обстоятельствахъ, достичь нельзя. Король находился въ большомъ затрудненіи на счетъ образованія новаго министерства: составленное въ духѣ большинства палаты потребуетъ отъ короля обѣщаній, на которыя онъ ни за что не хотѣлъ согласиться; консервативное министерство представитъ одинъ выходъ изъ затрудненія — распущеніе палаты, а можетъ быть впослѣдствіи и государственный переворотъ.

XVII.

Свиданіе короля, 27-го сентября, съ графомъ Бисмаркомъ измѣнило положеніе дѣла: на другой день въ оффиціальной газетѣ было заявлено, что на мѣсто Гогенлое назначается президентомъ совѣта министровъ Бисмаркъ, а на мѣсто фонъ-деръ-Гейдта — Бодельшвингъ. Такой составъ министерства показывалъ, что правительство будетъ поддерживать свой планъ преобразованія арміи.

По королевскому повелѣнію, бюджетъ на 1863-й годъ, уже разсматривавшійся въ коммиссіи, былъ взятъ назадъ. Коммиссія, несмотря на сопротивленіе президента министерства, предложила палатѣ принять слѣдующую резолюцію: 1) палата уполномоченныхъ приглашаетъ правительство представить на ея утвержденіе, согласно конституціи, бюджетъ на 1863-й годъ столь благовременно, чтобы онъ могъ быть утвержденъ къ 1-му января 1863-го года; 2) всякій расходъ, окончательно отвергнутый палатою, она будетъ считать нарушеніемъ конституціи.

Палата господъ съ своей стороны постановила отвергнуть измѣненія, предложенныя палатою уполномоченныхъ въ бюджетѣ на 1862-й годъ, и принять его въ томъ видѣ, какъ онъ былъ представленъ правительствомъ. Два дня спустя, появилось пове-

лѣніе о назначеніи Бисмарка министромъ иностранныхъ дѣлъ на мѣсто Бернсторфа. Новый кабинетъ, такимъ образомъ составленный, рѣшился закрыть засѣданіе палаты уполномоченныхъ, которая, прежде чѣмъ разойтись, приняла резолюцію, что рѣшеніе палаты господъ о бюджетѣ на 1862-й годъ противно конституціи, и что оно, какъ таковое, должно считаться—какъ бы не состоявшимся. Палата господъ резолюцію эту приняла къ свѣдѣнію.

Въ королевскомъ посланіи о закрытіи палаты депутатовъ высказано, въ умѣренныхъ выраженіяхъ, о печальной необходимости управлять безъ бюджета.

Сессія 1863-го года открылась въ январѣ. Въ преніяхъ объ адресѣ оппозиція старалась доказывать, что министерство могло управлять и съ тѣми суммами, которыя назначила палата уполномоченныхъ, что положеніе дѣлъ въ Пруссіи безпримѣрное, что даже Австрія подчинилась палатамъ и уменьшила издержки на военную часть. Графъ Бисмаркъ съ своей стороны доказывалъ, что три высшія государственныя власти, существуя одна рядомъ съ другою, не могутъ дѣйствовать безъ взаимныхъ уступокъ; что правительство сдѣлало уступку, отказавшись отъ 25% прибавки къ налогамъ, что палата напротивъ превысила свои права, принявши рѣшеніе, неисполнимое на практикѣ, потому что деньги, въ которыхъ она отказываетъ правительству, уже отчасти израсходованы, тѣмъ болѣе, что эта мѣра противна безопасности государства, такъ какъ съ принятіемъ ея пришлось бы разстроить армію, уменьшить ея кадры на $^1/_3$.

Послѣ бурныхъ преній, адресъ въ смыслѣ оппозиціи былъ принятъ огромнымъ большинствомъ; между тѣмъ палата господъ хотѣла сдѣлать противувѣсь палатѣ уполномоченныхъ въ общественномъ мнѣніи и рѣшилась представить также адресъ королю. Но словъ было недостаточно; надо было убѣждать цифрами; при внесеніи 31-го марта проекта закона о регулированіи доходовъ и расходовъ за 1862-й годъ, министромъ финансовъ доходы были исчислены въ 149.070,214 тал., расходы въ 144.284,392 тал.; въ дѣйствительности доходовъ поступило болѣе на 9.579,160 тал. Финансовое положеніе Пруссіи, слѣдовательно, было превосходное и правительство было вправѣ утверждать, какъ говорилъ Бодельшвингъ, что страна была въ состояніи нести издержки, требуемыя новою организаціею арміи.

Въ первыхъ числахъ мая приступили къ разсмотрѣнію проекта закона о преобразованіи арміи; возникли бурныя пренія; министерство не уступало; бюджетъ на 1863-й годъ еще не былъ разсмотрѣнъ, и 27-го мая засѣданіе палаты уполномоченныхъ

было закрыто, а 4-го сентября она была распущена; новые выборы назначены въ октябрѣ. 9-го ноября палата была открыта. Король въ своей рѣчи повторилъ вновь, что преобразованіе есть мѣра необходимая для поддержанія того положенія, которое занимаетъ Пруссія въ Европѣ. Съ первыхъ же дней засѣданія, министерство разочаровалось въ надеждѣ склонить на свою сторону большинство.

Министръ финансовъ представилъ въ палату бюджеты на 1863-й и на 1864-й годы и проектъ закона о регулированіи бюджета за 1862-й годъ. Бюджетъ на 1863-й годъ былъ повтореніемъ того, который былъ внесенъ въ предшедшее засѣданіе, и который палата не утвердила.

Вопросъ о датскихъ дѣлахъ встрѣтилъ сильную оппозицію, въ особенности при преніяхъ о проектѣ закона, внесенномъ 9-го декабря, относительно разрѣшенія сдѣлать заемъ въ 12 м. тал. Оппозиція требовала, чтобы вопросъ о Шлезвигѣ — былъ вопросомъ не Пруссіи, а всей Германіи; Бисмаркъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ вопросъ сдѣлается общеевропейскимъ и потребуетъ займа не въ 12.000,000 тал., а въ 50.000,000 или 100.000,000 тал.

Палата, въ засѣданіи 22-го января 1864-го года, огромнымъ большинствомъ отвергла проектъ закона о займѣ въ 12 мил. тал. на вооруженіе. Слѣдствіемъ этого было закрытіе засѣданій палаты (25-го января 1864-го года). Прежде закрытія палаты въ ней была прочитана резолюція палаты господъ, которою отвергался бюджетъ, исправленный палатою уполномоченныхъ, и принимался бюджетъ въ томъ видѣ, какъ представило его правительство. Въ отвѣтъ на это палата уполномоченныхъ приняла слѣдующую резолюцію: 1) рѣшеніе палаты господъ о бюджетѣ противно 62-й ст. конституціи и должно считаться не состоявшимся; 2) это рѣшеніе нарушаетъ права палаты депутатовъ и даетъ правительству права на расходы, разрѣшенные палатою господъ; 3) правительство сдѣлается виновнымъ въ нарушеніи конституціи, располагая произвольно доходами безъ согласія палаты депутатовъ; 4) всякій заемъ, совершенный безъ согласія народнаго представительства, въ какой бы формѣ онъ ни былъ сдѣланъ, считается противнымъ конституціи, и не налагаетъ на государство никакихъ обязанностей въ отношеніи къ кредиторамъ.

При открытіи засѣданій въ 1865-мъ году король въ рѣчи высказалъ, что преобразованіе армій необходимо, что благопріятное состояніе финансовъ дало возможность кончить датскую войну безъ займа, и что бюджеты и отчеты будутъ представлены палатѣ немедленно.

Бюджетъ былъ дѣйствительно внесенъ: на 1865-й годъ было исчислено обыкновенныхъ доходовъ 150.714,031 тал., расходовъ 142.535,009 тал. Палата уполномоченныхъ уменьшила расходы до 134.774,728 тал., въ томъ числѣ сократила издержки на армію на 6.935,365 тал.; на чрезвычайные издержки правительство испрашивало 8.179,022 тал., палата возвысила ихъ до 9.138,817 тал., назначивъ 1.100,000 тал. на флотъ, между тѣмъ какъ правительство испрашивало на флотъ заемъ въ 10 м. тал. Расходы на военныя издержки были отвергнуты и палата въ своей резолюціи заявила, что министры остаются отвѣтственными за суммы, которыя они израсходовали изъ государственнаго запаснаго капитала.

Палата господъ отвергнула исправленный палатою депутатовъ бюджетъ и приглашала министерство публиковать, въ видѣ королевскаго повелѣнія, финансовый законъ, вслѣдствіе котораго оно можетъ располагать государственными доходами.

18-го іюня 1865-го года палата уполномоченныхъ была закрыта, а 5-го іюля вышелъ королевскій указъ, утверждавшій бюджетъ и дополненія къ нему въ томъ видѣ, какъ они были внесены въ палату. По этому бюджету исчислено было доходовъ 150.714,031 тал., расходовъ 150.599,164 тал.

XVIII.

Въ началѣ 1866-го года несогласіе между палатою уполномоченныхъ и правительствомъ продолжалось по прежнему. Палата была открыта 15-го января; Бисмаркъ въ королевской рѣчи умалчивалъ о двухъ главныхъ предметахъ, составлявшихъ спорный вопросъ между палатою и правительствомъ. Министръ финансовъ Бодельшвингъ внесъ бюджетъ на 1866-й годъ, и, когда началось разсмотрѣніе его въ коммиссіи, въ палатѣ уполномоченныхъ возникли бурныя пренія сначала по поводу присоединенія Лауенбурга, а потомъ по поводу преслѣдованій депутатовъ Твестена и Францеля за то, что они, при разсмотрѣніи въ палатѣ бюджета, отзывались рѣзко о судебномъ устройствѣ. 22-го февраля палаты были закрыты. Бюджетъ не былъ утвержденъ. Между тѣмъ, по распоряженію правительства открыты были ссудныя кассы съ разрѣшеніемъ выпустить на 12 м. тал. билетовъ, съ обязательнымъ курсомъ; но берлинскій магистратъ отказался принимать ихъ въ свои кассы. Вслѣдъ затѣмъ открылась война съ Австріею, кончившаяся такъ быстро. 4-го августа король возвратился въ Берлинъ и на другой день открылъ

ландтагъ. Заявивши о благопріятномъ состояніи финансовъ, дозволившемъ вести войну безъ особыхъ налоговъ, кромѣ натуральныхъ повинностей, король продолжалъ: «въ послѣдніе годы бюджетъ не былъ утвержденъ съ согласія палатъ, которое требуется по ст. 99-й конституціи. Расходамъ, производимымъ въ этомъ періодѣ, недоставало законнаго основанія. Если мое правительство вело дѣло безъ такого основанія, то оно дѣлало это въ убѣжденіи, что тутъ шелъ вопросъ о существованіи монархіи, о абсолютной необходимости. Я убѣжденъ, что послѣднія событія будутъ способствовать къ возстановленію согласія, необходимаго для утвержденія палатою расходовъ, сдѣланныхъ безъ ея разрѣшенія. Столкновеніе такимъ образомъ прекратится».

Въ заключеніе король заявилъ, что будутъ внесены проекты законовъ о кредитахъ на покрытіе военныхъ издержекъ, и о возстановленіи порядка въ финансахъ.

Рѣчь короля было встрѣчена палатою уполномоченныхъ съ недовѣріемъ; но вскорѣ общественное мнѣніе измѣнилось и законъ объ утвержденіи расходовъ въ безбюджетное время былъ принятъ большинствомъ 230 голосовъ противъ 75. Вслѣдъ затѣмъ Бодельшвингъ оставилъ министерство финансовъ и его мѣсто заступилъ фонъ-деръ-Гейдтъ, внесшій проекты законовъ о лихвенныхъ процентахъ, о продажѣ вестфальской желѣзной дороги и о дозволеніи прусскому банку выпустить акцій на 5.000,000 тал. Палата не согласилась на продажу желѣзной дороги, а другіе два проекта утвердила. Далѣе, фонъ-деръ-Гейдтъ настаивалъ на необходимости возстановить государственный запасный капиталъ, истощенный войнами противъ Даніи и Австріи. «Недостаточно, говорилъ онъ, имѣть армію, готовую выступить въ поле; надо имѣть деньги, чтобы ее содержать. Въ началѣ войны мы не могли бы сдѣлать займа иначе какъ на весьма тягостныхъ условіяхъ. Общественная польза требуетъ, чтобы мы имѣли денежный запасъ въ звонкой монетѣ, который давалъ бы средство встрѣтить неожиданныя компликаціи». Для того онъ испрашивалъ разрѣшеніе сдѣлать заемъ въ 60.000,000 тал. Предложеніе это встрѣтило сильное сопротивленіе. Депутатъ Михаэлисъ предложилъ согласительную мѣру, именно: открыть правительству просимый имъ кредитъ выпускомъ билетовъ казначейства на 60.000,000 тал., но въ томъ только случаѣ, когда будутъ истощены военныя контрибуціи и другіе чрезвычайные источники; изъ означенной суммы $27\frac{1}{2}$ мил. тал. обратить въ запасный капиталъ, который не долженъ превосходить 30 м. тал.; когда онъ достигнетъ этой суммы, то всѣ избытки доходовъ должны быть заносимы въ бюджетъ.

Бисмаркъ съ своей стороны предложеніе объ упомянутомъ кредитѣ поставилъ вопросомъ о довѣріи къ правительству. Указавши на положеніе политическихъ дѣлъ въ Европѣ и на надежду сохраненія мира, онъ именемъ правительства обѣщалъ, что испрашиваемый кредитъ не будетъ употребленъ ни на какія другія назначенія, кромѣ защиты страны.

Предложеніе Михаэлиса было принято огромнымъ большинствомъ палаты уполномоченныхъ. Такимъ образомъ возстановилось согласіе между ландтагомъ и правительствомъ, и затѣмъ фонъ-деръ-Гейдтъ представилъ палатамъ бюджетъ на 1867-й годъ и отчетъ о положеніи финансовъ, изъ котораго оказывалось, что всѣ расходы по вооруженію уплачены, $27^1/_2$ мил. тал. внесены въ запасный капиталъ, государственный долгъ уменьшился на $5^1/_3$ мил. тал.; несмотря на уничтоженіе судоходныхъ сборовъ на Рейнѣ и уменьшеніе почтовой таксы, бюджетъ на 1868-й годъ не требовалъ ни новыхъ податей, ни чрезвычайныхъ рессурсовъ. Доходы представляли избытокъ, изъ котораго предполагалось увеличить жалованье гражданскимъ чиновникамъ и офицерамъ. По предложенію Михаэлиса, рѣшено разсматривать бюджетъ прямо въ палатѣ, не передавая его для предварительнаго разсмотрѣнія въ коммиссію, за исключеніемъ тѣхъ предметовъ, которые требуютъ подробнаго разсмотрѣнія. Такой порядокъ способствовалъ скорѣйшему разсмотрѣнію бюджета. Немногіе предметы дали поводъ къ жаркимъ преніямъ; это въ особенности относилось къ кредиту на секретныя издержки для полиціи; на этотъ предметъ испрашивалось всего 35,000 тал., и палата въ нихъ отказала.

Военная смѣта снова возбудила пренія; но кончилось тѣмъ, что палата рѣшила признать ее переходною или временною.

Затѣмъ бюджетъ на 1867-й годъ былъ принятъ почти единогласно. Въ него вошли доходы и расходы по новымъ провинціямъ; общая цифра доходовъ исчислена въ 212,487,153 р., а расходовъ предположено 210,620,043 р.

Въ эту же сессію ландтага обсуждались предложенія о уничтоженіи соляной монополіи и пошлины на журналы. Первое было принято и осуществлено закономъ Сѣверо-Германскаго Союза съ 1-го января 1868-го года; второе предложеніе имѣло послѣдствіемъ не отмѣну, но только пониженіе пошлины на газеты прусскія и иностранныя.

9-го февраля 1867-го года засѣданіе ландтага закрылось обыкновеннымъ образомъ; слѣдующая сессія открыта 15-го ноября и чрезъ двѣ недѣли фонъ-деръ-Гейдтъ внесъ проектъ бюджета на 1868-й годъ; проектъ этотъ не встрѣтилъ особыхъ возраже-

ній; въ немъ были исключены доходы и расходы, отнесенные на счетъ бюджета Сѣверо-Германскаго Союза, и такимъ образомъ бюджетъ собственно Пруссіи забалансировался равновѣсіемъ доходовъ и расходовъ на сумму 159,757,064 тал.

Равнымъ образомъ и проектъ бюджета на 1869-й г., внесенный въ слѣдующую сессію, представлялъ равновѣсіе доходовъ и расходовъ на сумму 167,536,494 тал. Доходы, исчисленные по бюджету на 1869-й годъ, не поступили въ предположенномъ размѣрѣ, что̀, главнымъ образомъ, произошло отъ сложенія или уменьшенія разныхъ сборовъ, сдѣланнаго въ томъ году.

Слѣдствіемъ уменьшенія доходовъ было то, что въ проектѣ бюджета на 1870-й годъ оказался дефицитъ къ 5,200,000 тал., для покрытія котораго фонъ-деръ-Гейдтъ предлагалъ усиленіе прямыхъ податей. Это было встрѣчено неблагопріятно палатою уполномоченныхъ и было причиною выхода въ отставку фонъ-деръ-Гейдта и назначенія министромъ финансовъ Кампгаузена, предложившаго иныя средства къ покрытію дефицита, что̀ и было принято палатами; бюджетъ заключился суммою доходовъ въ 168,251,372 тал. и расходовъ въ 168,101,372 тал.

XIX.

Остается упомянуть о долгахъ.

Государственный долгъ Пруссіи составлялъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, около $52^1/_2$ мил. тал.; военныя обстоятельства съ 1806—1815-й годъ содѣйствовали тому, что цифра государственныхъ долговъ къ концу 1822-го года составляла уже 232 мил. тал.; съ тѣхъ поръ правительство постоянно погашало свои долги и достигло того, что къ 1846-му году государственный долгъ составлялъ всего $158^1/_2$ мил. тал. Съ тѣхъ поръ, съ одной стороны, наступившія тревожныя обстоятельства въ Европѣ, съ другой—постройка желѣзныхъ дорогъ потребовали новыхъ займовъ: и къ 1866-му году сумма государственнаго долга возвысилась до 290 мил. тал., а въ 1869-мъ году сумма эта возрасла до $479^1/_2$ мил. тал.; послѣднее увеличеніе объясняется, главнымъ образомъ присоединеніемъ долговъ новыхъ провинцій ($145^1/_2$ мил. тал.) и займами, сдѣланными въ этотъ промежутокъ времени на сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, на вознагражденіе за отмѣну льготъ по поземельной подати и почтовой привилегіи.

Рихтеръ, въ своей исторіи прусскаго государственнаго дол-

га [1]), приводитъ слѣдующую сравнительную таблицу долговъ Пруссіи съ долгами Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ и великихъ европейскихъ державъ:

	Населеніе въ милліонахъ:	Государственный долгъ: Мил. талеровъ.	На душу населенія: Талер.
Пруссія	23	480	20
Соед. Амер. Штаты . . .	35	3,478	99
Франція	38	3,466	91
Великобританія	30	5,340	178
Италія	25	1,806	72
Австрія	36	2,016	56

Итакъ, прусскій долгъ въ 480 мил. тал., пропорціонально населенію, менѣе американскаго въ 5 разъ, французскаго въ $4^1/_2$ раза, англійскаго въ 9 разъ, итальянскаго въ $3^1/_2$ раза, и австрійскаго въ $2^3/_4$ раза. Курсовая стоимость прусскихъ государственныхъ облигацій выше стоимости подобныхъ бумагъ прочихъ государствъ, за исключеніемъ Англіи. Это служитъ доказательствомъ прочности государственнаго кредита Пруссіи.

Будущее неизвѣстно; обозрѣвая прошедшее, мы можемъ утверждать одно, что упроченіемъ положенія своихъ финансовъ, послѣ испытанныхъ бѣдствій въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Пруссія обязана духу порядка и экономіи, честности и примѣрной правильности, рано вдохнутыхъ ея королями въ государственный организмъ. Матеріально слабѣйшая изъ всѣхъ пяти великихъ державъ Европы, Пруссія по необходимости должна была тщательно беречь свои финансы; и она берегла ихъ.

А. Заблоцкій-Десятовскій.

[1]) Das Preussische Staatsschuldenwesen und die Preussischen Staatspapiere, von Eugene Richter. Breslau. 1869.

БЛЭНГЕЙМСКІЙ БОЙ

Изъ Роберта Соута.

Прохладный вечеръ наступилъ,
    Смѣнивъ палящій зной.
У входа въ хижину свою,
    Сидитъ старикъ сѣдой.
Играла внучка передъ нимъ,
    Съ братишкой маленькимъ своимъ,

* * *

И что-то круглое въ травѣ
    Бросали все они.
Вдругъ мальчикъ къ дѣду подбѣжалъ,
    И говоритъ: — Взгляни
Чтó это мы на берегу
    Нашли; — понять я не могу.

* * *

Находку внучка взявъ, старикъ
    Со вздохомъ отвѣчалъ:
— Ахъ! Это черепъ. Кто его
    Носилъ — со славой палъ.
Когда-то былъ здѣсь жаркій бой...
    И не одинъ погибъ герой.

* * *

Въ саду, костей и череповъ
Не сосчитаешь, другъ.
И въ полѣ тоже — сколько разъ
Ихъ задѣвалъ мой плугъ.
Здѣсь рѣки крови протекли,
И храбрыхъ тысячи легли!

* * *

— Ахъ разскажи намъ, разскажи,
Про эти времена, —
Воскликнулъ внукъ. Изъ-за чего
Была тогда война.
Затихли дѣтки, не дохнутъ —
Чудесъ они отъ дѣда ждутъ.

* * *

— Изъ-за чего была война,
Спросилъ ты мой дружокъ;
Добиться этого и самъ
Я, съ малыхъ лѣтъ, не могъ.
Но говорили всѣ, что свѣтъ
Такихъ не видывалъ побѣдъ.

* * *

Въ Блэнгеймѣ жили мы съ отцомъ,
Пальба весь день была.
Упала бомба въ домикъ нашъ,
И онъ сгорѣлъ до тла.
Съ женой, съ дѣтьми отецъ бѣжалъ;
Онъ безпріютнымъ нищимъ сталъ.

* * *

Все истреблялъ огонь; и рожь
Не дождалась жнеца.
Больныхъ старухъ, грудныхъ дѣтей
Погибло безъ конца.
Какъ быть! На то война; и нѣтъ —
Увы! безъ этого побѣдъ.

* * *

Мнѣ не забыть тотъ мигъ, когда
    На поле битвы я
Взглянулъ впервые. Горы тѣлъ
    Лежали тамъ гнія.
Ужасный видъ! Но что-жъ?! Иной —
    Побѣдъ нельзя купить цѣной.

* * *

Въ честь побѣдившихъ пили всѣ.
    Хвала гремѣла имъ...
— Какъ? внучка дѣда прервала
    Разбойникамъ такимъ?
— Молчи! гордиться вся страна
    Побѣдой славною должна.

* * *

Да! Принцъ Евгеній и Мальборогъ
    Тотъ выиграли бой...
Тутъ мальчикъ перебилъ: — А прокъ
    Отъ этого какой?
— Молчи, несносный дуралей!
    Міръ не видалъ побѣдъ славнѣй!

А. Плещеевъ.

Москва. 1871.

РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

И

ЕЯ НУЖДЫ.

Статья вторая*).

Разсмотрѣніе, въ весьма сжатомъ очеркѣ, какъ прошедшей судьбы, такъ и современнаго положенія различныхъ отраслей нашей мануфактурной промышленности, привело насъ, между прочимъ, къ выводу, что у насъ результатъ труда 525,000 рабочихъ на 23,000 фабрикахъ, 400,000 ремесленниковъ и нѣсколькихъ милліоновъ лицъ, занимающихся подготовкою и переработкою разнаго рода сырыхъ матеріаловъ въ издѣлія домашнимъ образомъ, частію по заказамъ фабрикантовъ, частію же за свой счетъ, для продажи, — можно оцѣнивать, приблизительно, въ *семьсотъ-пятьдесятъ милліоновъ рублей* серебромъ. Какъ ни почтенны эти цифры въ абсолютномъ своемъ значеніи, но для страны съ 80-ти-милліоннымъ населеніемъ онѣ еще слишкомъ скромны, особенно же, если сравнить ихъ съ числами, выражающими размѣры производительной дѣятельности наиболѣе промышленныхъ странъ свѣта. Такъ, Англія, безъ Шотландіи и Ирландіи, при 20-ти-милліонномъ населеніи, по переписи 1861-го года[1]), представляла 4,828,399 лицъ обоего пола, занятыхъ исключительно промышленною дѣятельностью, и въ томъ числѣ около $2^1/_2$ милл. въ

---

*) См. первую статью выше: 1870 г. окт. 508; нояб. 85; дек. 576.

[1]) Census of England and Wales. 1861. Vol. III. General Report. London, 1863, стр. 36—39.

отрасляхъ промышленности однородныхъ съ разсмотрѣнными въ нашихъ статьяхъ. Цѣнность издѣлій этой рабочей арміи хотя и не опредѣляется столь же положительнымъ образомъ, какъ другіе элементы промышленной дѣятельности, но принимается нѣкоторыми статистиками въ 4 милліарда франковъ или 1 милліардъ рублей серебромъ. Франція, при 38-ми-милліонномъ населеніи, занимаетъ около $1^1/_2$ милл. рабочихъ рукъ фабричнымъ образомъ и около $2^1/_2$ милл. ремесленнымъ образомъ, и также производитъ не менѣе, какъ на 4 милліарда франковъ. Въ Пруссіи, по переписи 1861-го г., при 19-ти-милліонномъ населеніи, считалось 583 тыс. лицъ, занятыхъ фабричной работой и до 1.200,000—ремесленной. Въ сравненіи съ 1846-мъ годомъ, первая цифра увеличилась на 29%, а вторая на 35%. Наконецъ, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, въ которыхъ мы такъ часто ищемъ сходства съ нашими собственными внутренними условіями, несмотря на глубокое различіе политическихъ учрежденій обѣихъ странъ, при послѣдней десятилѣтней переписи 1860-го года представляли, при населеніи $32^1/_2$ милліоновъ, до милліона лицъ обоего пола, занятыхъ работою на 123,000 фабрикахъ съ основнымъ и оборотнымъ капиталомъ въ 533 милл. долларовъ и производствомъ на 1 милліардъ долларовъ [1]). Если даже не признавать всѣхъ этихъ цифръ достаточно убѣдительными и достовѣрными, по трудности собиранія подобнаго рода данныхъ, то мы найдемъ еще и другое доказательство превосходства промышленной дѣятельности другихъ странъ передъ Россіею; это—возрастаніе отпуска ихъ произведеній. Въ періодъ 1851—1866 годовъ, оно выражалось для Англіи 153%, для Франціи 192%, для Бельгіи 221%; для Россіи же, въ періодъ 1854—1869 годовъ, — 60%.

Одна изъ причинъ слабаго еще развитія у насъ заводской и фабричной промышленности заключается въ слабомъ развитіи городской жизни, съ ея болѣе возвышенными потребностями, и въ низкомъ уровнѣ какъ образованія, такъ и матеріальнаго благосостоянія, а вслѣдствіе того и потребностей почти всего сельскаго населенія.

Изъ 320,474 населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи только 2,207 имѣютъ болѣе или менѣе городской характеръ, причисляясь къ городамъ уѣзднымъ, безъуѣзднымъ, посадамъ, мѣстечкамъ, пригородамъ и предмѣстьямъ. И эти большею частію бѣдные представители городской цивилизаціи распредѣляются на пространствѣ 4,200,000 квадратныхъ верстъ, и представляютъ

---

[1]) Geographisches Jahrbuch, von E. Behm. I Band. 1866, стр. 515.

населеніе не болѣе 8-ми милл. душъ. Между тѣмъ сельское населеніе Европейской Россіи состоитъ изъ 53 милл. душъ, т.-е. въ $6^1/_2$ разъ болѣе городского, но въ средѣ этого населенія лишь незначительная его часть, преимущественно дворяне и духовенство, являются болѣе или менѣе постоянными и значительными потребителями отечественныхъ и иностранныхъ фабричныхъ и ремесленныхъ издѣлій; большинство же 50-ти милліоновъ крестьянскаго населенія, за исключеніемъ немногихъ селеній и слободъ, лежащихъ въ самыхъ бойкихъ центрахъ фабричной промышленности, довольствуются преимущественно собственными домашними произведеніями. Въ нашихъ деревняхъ господствуетъ самодѣльщина: каждая крестьянская семья стремится къ тому, чтобы какъ можно менѣе покупать или заказывать на сторонѣ, и все нужное заготовляетъ домашними средствами. Наши крестьяне сами прядутъ и ткутъ свой холстъ и свое сукно, дубятъ свои овчины, валяютъ свои шапки и валенки и въ домашнемъ своемъ кругу часто занимаются настоящимъ фабричнымъ производствомъ. Въ нашихъ селахъ значительно распространена такъ-называемая кустарная промышленность, которая усвоиваетъ себѣ въ иныхъ мѣстахъ фабричное, въ другихъ же ремесленное производство, но не заказное, а съ разсчетами на дальніе сбыты чрезъ множество скупщиковъ, прасоловъ, кулаковъ и т. п., и это-то составляетъ одно изъ препятствій къ развитію у насъ какъ фабрично-заводскаго, такъ и ремесленнаго производства.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, съ расширеніемъ уровня понятій и потребностей нашего сельскаго и городского населенія, вслѣдствіе болѣе частыхъ сношеній ихъ между собою, особенно же съ развитіемъ грамотности и благосостоянія, вслѣдствіе новыхъ путей сбыта для ихъ произведеній и новыхъ источниковъ заработка, мало-по-малу усилится запросъ на мануфактурныя и ремесленныя издѣлія, и производство этихъ издѣлій сдѣлается у насъ болѣе распространеннымъ, нежели теперь.

Но не одна разбросанность и скудость нашихъ городскихъ поселеній, точно также, какъ не одна неразвитость и бѣдность нашего сельскаго населенія вліяли до сихъ поръ на медленное, сравнительно съ западною Европою, распространеніе мануфактурной и ремесленной промышленности. Были и другіе, не менѣе глубокіе и органическіе недостатки нашего экономическаго строя, замедлявшіе правильный ростъ нашей промышленности. Всѣ изслѣдователи нашего экономическаго быта, изъ которыхъ я назову только двухъ наиболѣе выдающихся, Тенгоборскаго[1])

[1]) Etudes sur les forces productives de la Russie, t. III.

и г. Гагемейстера[1]), указывали на эти недостатки. Въ послѣднее время нѣкоторые изъ нихъ уже перешли въ область исторіи, какъ напр. крѣпостное право, недостатокъ скораго и праваго суда, отсутствіе желѣзныхъ дорогъ; но затѣмъ осталось еще не мало нуждъ, удовлетворенія которыхъ ожидаетъ наша промышленность; представители ея и сами уже не разъ заявляли, устно и печатно, о наиболѣе настоятельныхъ своихъ нуждахъ и отчасти указывали на средства къ ихъ удовлетворенію и исправленію.

Въ заключеніи къ послѣдней изъ нашихъ статей мы помѣстили тѣ главныя жалобы, которыя исходятъ отъ самого промышленнаго класса, на причины нашего отсталого, въ промышленномъ отношеніи, положенія въ сравненіи съ западною Европою, предоставляя себѣ остановиться на нихъ нѣсколько долѣе въ особой статьѣ. Приступая теперь къ этой задачѣ, мы не можемъ, конечно, съ надлежащею подробностью и основательностью разсмотрѣть этотъ предметъ, потому что для этого недостаточно было бы и цѣлаго тома; но мы постараемся разобрать, хотя въ общихъ чертахъ, по крайней мѣрѣ болѣе главныя нужды нашей промышленности, и сравнить ее въ этомъ отношеніи съ западно-европейскою, чтобы понять, гдѣ лежитъ истинная причина превосходства этой послѣдней.

Группируя главныя нужды нашей промышленности такъ, какъ формулируетъ ихъ само промышленное сословіе, мы увидимъ, что онѣ сводятся къ слѣдующимъ восьми пунктамъ:

1) Недостатокъ таможеннаго покровительства.

2) Неудовлетворительная подготовка нѣкоторыхъ сырыхъ продуктовъ и затруднительность въ снабженіи ими фабрикъ, по дурному состоянію путей сообщенія, не мало затрудняющему и сбытъ мануфактурныхъ издѣлій.

3) Недостатокъ капиталовъ и дороговизна кредита, вслѣдствіе слабаго его развитія въ странѣ.

4) Неудовлетворительное состояніе рабочаго класса.

5) Недостаточное распространеніе техническихъ улучшеній производства, вслѣдствіе слабаго развитія въ промышленномъ сословіи техническихъ знаній.

6) Слабое развитіе художественнаго вкуса и образованія.

7) Недостаточное развитіе духа общенія въ промышленномъ сословіи, для поддержанія общихъ интересовъ промышленности и настойчиваго преслѣдованія этой цѣли.

---

[1]) Взглядъ на промышленность и торговлю Россіи; въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1857, т. VII.

8) Потребность болѣе дѣятельной и энергической поддержки правительства путемъ законодательныхъ мѣръ и административныхъ распоряженій.

Посмотримъ теперь, насколько всѣ эти нужды, потребности, препятствія и недостатки нашей промышленности оказываются дѣйствительными, и насколько мы отстали, въ сравненіи съ западною Европою, въ ихъ устраненіи.

I.

Недостатокъ таможеннаго покровительства есть любимый доводъ нашихъ промышленниковъ, въ оправданіе несовершенства ихъ издѣлій. Какъ только пошлина на иностранный товаръ даетъ этому товару возможность являться на русскихъ рынкахъ и конкуррировать съ русскими издѣліями, русскій производитель не можетъ считать себя спокойнымъ, какъ бы ничтожно ни было количество ввозимаго въ Россію иноземнаго товара въ сравненіи съ производимымъ у насъ, и какъ бы ни было велико различіе въ достоинствѣ и цѣнности обоихъ товаровъ.

Раціональною покровительственною пошлиною главные представители нынѣшней школы русскихъ протекціонистовъ [1]) признаютъ лишь ту, «которая *прекращаетъ совершенно привозъ иностранныхъ издѣлій*, кромѣ изящныхъ и усовершенствованныхъ сортовъ въ видѣ образца(?), и сохраняетъ полный сбытъ туземнымъ произведеніямъ». Необходимость привоза иностранныхъ произведеній допускается, по этой теоріи, лишь тогда, когда внутреннее производство, при *дѣйствительно покровительственныхъ пошлинахъ* (т.-е. запретительныхъ) не въ силахъ удовлетворить развившемуся требованію публики, что бываетъ будто бы въ рѣдкихъ только случаяхъ; иначе привозъ иностранныхъ произведеній нарушалъ бы законныя права покровительства, указывая на недостаточность существующей пошлины, а постепенное усиленіе привоза уничтожило и самую цѣль охраненія.

Въ виду барышей, ожидаемыхъ отъ такого раціональнаго покровительства, предлагается, вопреки всѣмъ теоріямъ и практическимъ опытамъ, возвысить даже пошлины на привозные сырые матеріалы для фабрикъ и на предметы жизненныхъ потребностей, у насъ не производимые. Подобныя требованія едва ли

---

[1]) О средствахъ къ устраненію нашихъ экономическихъ и финансовыхъ затрудненій. А. Шипова. Спб. 1866. — Обзоръ основаній раціональнаго тарифа, примѣненнаго къ потребностямъ Россіи, соч. А. Шипова. 1868.

нуждаются въ критикѣ. Допускать необходимость привоза, хотя и дѣлая его фактически невозможнымъ, и ожидать развитія широкаго соперничества, возбужденія и удовлетворенія потребностей публики, создавая монополіи — все это какъ-то очень слабо вяжется между собою.

Утѣшительно думать, что подобныя требованія даже не всѣми протекціонистами признаются за непреложныя и самою крайностію своею наносятъ теоріи протекціонизма гораздо сильнѣйшій ударъ, чѣмъ всѣ теоріи и критики фритредеровъ. Къ сожалѣнію, однако, большинство промышленнаго сословія еще сильно склоняется въ пользу «раціональныхъ» пошлинъ А. П. Шипова и при каждомъ случаѣ домогается возможно широкаго ихъ примѣненія.

Въ какой степени однако справедливы жалобы на недостатокъ у насъ таможеннаго покровительства нашей промышленности? Не вдаваясь въ древнюю исторію нашихъ тарифовъ [1]), припомнимъ, что послѣ разныхъ колебаній то въ либеральную, то въ запретительную сторону, у насъ наконецъ былъ установленъ, въ 1822-мъ году, строго запретительный тарифъ, отъ котораго ожидали, что онъ въ немногіе годы создастъ у насъ такія мануфактуры, какихъ иностранцамъ не удалось бы создать и вѣками. Результатъ этотъ, къ сожалѣнію, не былъ достигнутъ вполнѣ, хотя у насъ и возникли многія новыя отрасли производства и хотя многіе капиталы были привлечены къ мануфактурной промышленности надеждою вѣрныхъ и большихъ барышей. Эта надежда и спокойная обезпеченность отъ докучливой конкурренціи болѣе совершенныхъ и менѣе дорогихъ иностранныхъ издѣлій, заставляли, конечно, нашихъ фабрикантовъ мало заботиться объ улучшеніи качества нашихъ издѣлій; первая мануфактурная выставка, бывшая въ С.-Петербургѣ, въ 1829-мъ году, 7-мь лѣтъ спустя послѣ введенія запретительнаго тарифа, лучше всего свидѣтельствовала о томъ, и этого не могъ скрыть даже оффиціальный отчетъ объ этой выставкѣ. Промышленное сословіе, въ лицѣ депутаціи московскихъ купеческихъ съѣздовъ, писавшей, въ 1865-мъ году, отвѣтъ на извѣстную германскую записку о торговомъ договорѣ съ Германіею, и само не отрицаетъ, что тарифъ 1822-го года какъ бы повергнулъ русскія фабрики въ летаргическій сонъ, и что лишь съ 1855-го года началось сравнительно быстрое развитіе нашей промышленности. Это признаніе, впрочемъ, вырвалось какъ бы нечаянно и нѣ-

[1]) Смотри объ этомъ, въ «Вѣстникѣ Европы» 1868 г. сентябрь, статью: «Новый таможенный тарифъ по европейской торговлѣ».

сколько замаскировано намекомъ на другія неблагопріятствовавшія промышленности условія, какъ, напр., стѣсненіе выѣзда русскихъ заграницу и пріѣзда иностранцевъ въ Россію; но иногда депутація эта выражается очень откровенно. Такъ, приступая къ хрустальному производству, она говоритъ: «Существовавшій до 1857-го года высокій таможенный тарифъ на заграничныя хрустальныя произведенія и невозможность сношеній съ иностранными государствами вслѣдствіе узаконеній, имѣвшихъ силу до 1857-го года, были главною причиною того, что наше отечественное хрустальное производство, съ двадцатыхъ годовъ, не подвинулось впередъ, тогда какъ заграничные заводы съ каждымъ годомъ совершенствовались». Подобное же вліяніе, по отзыву той же записки, имѣлъ тарифъ и на нашу льняную промышленность.

Тридцатилѣтній почти опытъ убѣдилъ наконецъ правительство въ томъ, что чрезмѣрно высокія пошлины и большое число запрещенныхъ къ привозу товаровъ служатъ только поощреніемъ контрабанды безъ существенной пользы для промышленности, потому что превышаютъ предѣлы необходимаго ей покровительства. Поэтому, въ 1850-мъ году, правительство перешло отъ строго запретительной системы къ охранительной. По отзыву самихъ представителей протекціонизма, этотъ переходъ совершился безъ большого замѣшательства для промышленности. Но правительство, вступивъ однажды на болѣе либеральный путь въ таможенномъ законодательствѣ, не отступало уже болѣе назадъ. Пониженіе пошлинъ, допущенное въ 1850-мъ году, оказалось недостаточнымъ и несоразмѣрнымъ съ цѣною мануфактурныхъ товаровъ, которые, вслѣдствіе техническихъ усовершенствованій, значительно понизились сравнительно съ 1822-мъ годомъ. Поэтому, въ 1857-мъ году изданъ былъ новый тарифъ, при составленіи котораго принято было за правило огражденіе отечественной промышленности отъ иностраннаго соперничества, по сбыту самыхъ употребительныхъ, малоцѣнныхъ издѣлій, сохраненіемъ для нихъ высокихъ пошлинъ, сбавлены же пошлины съ разныхъ вспомогательныхъ для фабрикъ матеріаловъ и съ иностранныхъ издѣлій высшаго разбора. Гг. протекціонисты заявляютъ, будто бы тарифъ 1857-го года произвелъ страшное крушеніе, причемъ немногія бумагопрядильни остались въ рукахъ ихъ первыхъ учредителей, а многія пошли въ продажу за безцѣнокъ, за 25% ихъ стоимости, и многія лица разорились. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ въ рукахъ данныхъ для повѣрки этихъ заявленій; въ промышленности разоренія отдѣльныхъ личностей, даже безъ всякихъ внѣшнихъ, потрясающихъ причинъ, весьма нерѣдки, вслѣдствіе личной нераспорядительности или какихъ-либо частныхъ затруд-

женій предпринимателя; если къ этому присоединится еще и внѣшняя причина, то замѣшательство и разстройство предпріятія бываетъ еще неизбѣжнѣе и сильнѣе. Понятно, что при введеніи тарифа 1857-го года, уменьшавшаго, въ значительной мѣрѣ, въ сравненіи съ прежними почти или вполнѣ запретительными тарифами мѣру покровительства нашей промышленности, паденіе всѣхъ предпріятій, и безъ того по какимъ-либо обстоятельствамъ уже близкихъ къ тому, должно было ускориться, а въ глазахъ протекціонистовъ такіе предприниматели являлись жертвами, принесенными ненавистному началу свободной торговли, отъ которой и до настоящаго времени на дѣлѣ мы очень далеки.

Тѣмъ не менѣе, однако, тарифъ 1857-го года впервые пробудивъ нашихъ фабрикантовъ и заставивъ ихъ позаботиться объ ограждeніи себя отъ иностраннаго соперничества, независимо отъ тарифа, еще и улучшеніемъ технической части своего производства, оказалъ положительную услугу отечественной промышленности. Мы неоднократно, въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ разныхъ отраслей промышленности, указывали на предпріятія, возникшія почти одновременно съ введеніемъ тарифа 1857-го года и нынѣ занимающія самыя видныя мѣста въ нашей промышленности: доказательство, — какъ достаточно еще было покровительство, оставленное ей тарифомъ 1857-го года. Десять лѣтъ, при нынѣшнихъ быстрыхъ успѣхахъ техники, считаются длиннымъ срокомъ для промышленности; въ Англіи едва ли какая-нибудь машина остается 10-ть лѣтъ безъ существеннаго усовершенствованія. Но когда у насъ въ 1867-мъ году приступлено было къ новому пересмотру тарифа, съ цѣлью притомъ болѣе фискальною, съ полною гласностью всѣхъ предположенныхъ измѣненій, съ широкимъ приглашеніемъ экспертовъ и депутатовъ изъ среды промышленнаго сословія, для участія въ работахъ тарифной коммиссіи, то въ нашемъ обществѣ и въ литературѣ поднялась цѣлая буря, и отечество было почти объявлено въ опасности. Если бы исполнены были всѣ требованія многочисленныхъ экспертовъ и депутатовъ промышленности, то нашъ тарифъ шагнулъ бы вѣроятно лѣтъ на 20-ть назадъ. Не было почти статьи, въ которой бы не предлагалось повысить существовавшія съ 1857-го года пошлины, при чемъ нерѣдко требовалось повышеніе вдвое, втрое, вчетверо и даже болѣе противъ прежнихъ пошлинъ. Къ счастію для потребителей и для будущности самой промышленности дѣло ограничилось пониженіемъ пошлинъ, изъ мануфактурныхъ товаровъ, на фарфоръ, фаянсъ, мѣдныя, желѣзныя и стальныя издѣлія, на шерстяныя и хлопчатобумажныя издѣлія и на экипажи, легкимъ повышеніемъ пошлинъ на нѣкоторыя

льняныя, пеньковыя и шелковыя издѣлія, и наложеніемъ пошлины на машины. Несмотря на столь малыя уступки протекціонистамъ, тарифъ 1868-го года не только не возбудилъ неудовольствія въ промышленномъ мірѣ, но былъ даже торжественно признанъ, на съѣздѣ русскихъ фабрикантовъ, заводчиковъ и лицъ, интересующихся отечественною промышленностью, достаточно покровительственнымъ, за исключеніемъ пошлины на металлы и металлическія издѣлія; при этомъ высказано было только желаніе, чтобы тарифъ не былъ измѣняемъ прежде 10-ти-лѣтняго срока, необходимаго для погашенія затраченныхъ капиталовъ. О вліяніи, какое могъ произвести новый тарифъ въ теченіи двухъ лѣтъ своего существованія, теперь судить еще трудно, хотя изъ обнародованныхъ недавно «Видовъ Внѣшней Торговли» по европейской границѣ за 1869-й годъ видно, что по всѣмъ почти статьямъ, по которымъ пошлина понижена, привозъ болѣе или менѣе значительно увеличился, причемъ едвали можно считать это увеличеніе опаснымъ для промышленности, такъ какъ оно, въ значительной мѣрѣ, замѣнило собою прежній контрабандный ввозъ нѣкоторыхъ товаровъ. Наиболѣе увеличился въ 1869-мъ году противъ 1868-го года: ввозъ желѣза разныхъ сортовъ съ 7-ми до 15-ти мил. пуд.; желѣзной кузнечной работы съ 2-хъ до 4-хъ мил. пуд.; желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій съ 16-ти до 42-хъ тыс. пуд.; иголъ швейныхъ съ 400 до 2300 пуд.; фарфоровой бѣлой, одноцвѣтной посуды съ 2400 до 7000 пуд.; канатовъ, веревокъ съ 2-хъ до 11-ти тыс. пуд.; шерстяныхъ издѣлій съ 73-хъ до 105-ти тыс. пуд.; ковровъ съ 5-ти до 10-ти тыс. пуд.; хлопчато-бумажныхъ издѣлій съ 51-й до 75-ти тыс. пудовъ.

Относительно размѣровъ допущеннаго у насъ въ 1868-мъ году пониженія и повышенія, сравнительно съ тарифными измѣненіями другихъ странъ въ послѣднее десятилѣтіе, мы имѣемъ въ рукахъ интересную работу, изданную въ 1870-мъ году статистическимъ департаментомъ министерства торговли (Board of Trade) въ Англіи. Въ брошюрѣ, заглавіе которой мы приводимъ внизу[1]), помѣщены низшіе и высшіе размѣры пошлинъ, существовавшихъ на главнѣйшіе товары въ 1860-мъ и въ 1870-мъ годахъ во всѣхъ странахъ Европы и въ Соединенныхъ Штатахъ, и вы-

[1]) Foreign Customs Tariffs. Return of the lowest and highest rates of import duty levied by the tariff of each country in Europe and of the United States upon some of the principal articles of merchandise in each of the year 1860 and 1870; shawing the percentage Increase or Decrease of such Duties in the year 1870. Ordered by the House of Commons to be printed 31 May 1870. Брошюра въ 29 страницъ.

веденъ по каждому размѣру процентъ уменьшенія или увеличенія.

Изъ сравненія этихъ выводовъ оказывается, что общій характеръ тарифныхъ измѣненій въ четырехъ первоклассныхъ странахъ Европы въ послѣднемъ десятилѣтіи былъ либеральный и клонился къ уменьшенію существовавшихъ пошлинъ на мануфактурные товары. Въ Таможенномъ Союзѣ и въ Австріи не возвышена пошлина ни на одну статью и размѣръ пониженія колебался между 40 и 80%; во Франціи, которая до 1860-го г. была одною изъ самыхъ упорныхъ представительницъ запретительной системы, не только сняты существовавшія запрещенія, но отмѣнены совершенно многія пошлины и уменьшены остальныя въ размѣрѣ отъ 50 до 80 и даже до 98-ми процентовъ; въ Россіи же, гдѣ тарифъ хотя и не заключалъ почти запретительныхъ статей, но отличался пошлинами болѣе высокими, чѣмъ въ другихъ странахъ,—при измѣненіи тарифа въ 1868-мъ году наложена пошлина на машины, привозившіяся съ 1806-го года совершенно свободно, увеличена въ размѣрѣ отъ 2 до 36% на нѣкоторыя издѣлія; пониженіе же пошлинъ сдѣлано въ размѣрѣ отъ 10 до 54 процентовъ; причемъ, среднимъ размѣромъ пониженія можно принять отъ 25 до 40 процентовъ. Такимъ образомъ, нельзя не признать сдѣланныя въ нашемъ тарифѣ, одномъ изъ самыхъ высокихъ въ Европѣ, весьма умѣренными, сравнительно съ тѣми значительными пониженіями, которыя допущены другими иностранными тарифами, давно уже начавшими ослаблять свою охранительную систему. Эта осторожность правительства у насъ весьма понятна въ виду еще неустановившагося прочно состоянія нашей промышленности, несмотря на сорокалѣтнее огражденіе высокими тарифами.

Примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, которые, по окончаніи гражданской войны, въ видахъ поднятія промышленной дѣятельности въ странѣ и скорѣйшей уплаты громаднаго государственнаго долга, вмѣстѣ съ усиленіемъ внутреннихъ налоговъ возвысили и таможенныя пошлины до 50, 75, 100 и даже болѣе процентовъ стоимости товаровъ, конечно, соблазнителенъ для нашихъ протекціонистовъ; но они, къ сожалѣнію, упускаютъ изъ виду, что урокъ политической экономіи, который американцы, по собственному ихъ выраженію, желали дать фритредерской Европѣ, обошелся имъ не дешево. Правда, тарифъ вызвалъ значительное усиленіе производства по многимъ отраслямъ промышленности: по бумагопрядильному на 32%, по желѣзному на 60%; но въ то же время, создавъ лихорадочную спекуляцію въ разныхъ отрасляхъ фабричной дѣятельности, возвысивъ тѣмъ заработную

плату съ 1860-го по 1867-й г. на 50% для простыхъ работниковъ и на 60% для мастеровъ, тарифъ тѣмъ не менѣе имѣлъ неблагопріятное вліяніе отвлеченіемъ капиталовъ и рабочихъ рукъ отъ земледѣлія и возвышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы. По выраженію главнаго коммиссара государственныхъ доходовъ Уэльса, опытъ Америки показалъ, что высокій тарифъ обогащаетъ богатыхъ и разоряетъ бѣдныхъ, т.-е. огромное большинство населенія [1]). Вліяніе высокаго тарифа на внѣшнюю торговлю Америки было самое неблагопріятное; какъ ввозъ иностранныхъ товаровъ въ Америку, такъ и вывозъ сѣвероамериканскихъ товаровъ уменьшились въ слѣдующихъ размѣрахъ:

	Ввозъ.	Вывозъ.
Въ 1860	460 милл. руб.	434 милл. руб.
» 1866	576 » »	552 » »
» 1867	521 » »	445 » »
» 1868	465 » »	358 » »

Съ уменьшеніемъ ввоза иностранныхъ товаровъ уменьшился и таможенный доходъ; въ 1866-мъ г. онъ составлялъ 238 милл. р., въ 1867-мъ г. — 235 м. р., въ 1868-мъ г. — 220 м. Упадокъ внѣшней торговли и дороговизна строительныхъ матеріаловъ (дерева и желѣза) отразились неблагопріятно на американскомъ торговомъ флотѣ. Въ 1868-мъ г. число кораблей, выстроенныхъ въ Америкѣ и приходившихъ въ Нью-Йоркъ, убавилось наполовину, а изъ верфей, существовавшихъ прежде въ Нью-Йоркѣ, многія закрылись, число же работавшихъ на верфяхъ мастеровъ и учениковъ съ 21,000 уменьшилось до 1,100. Подобный примѣръ Америки, конечно, не мало назидателенъ для насъ.

Нельзя, разумѣется, порицать теперь безусловно нашу торговую политику двадцатыхъ годовъ, установившую высокій запретительный тарифъ для поощренія и возбужденія туземной фабричной промышленности, потому что всѣ почти народы шли подобнымъ же путемъ и лишь въ недавнее, сравнительно, время убѣдились въ его несостоятельности. Россія же, вступивъ позже другихъ въ кругъ европейскихъ народовъ, должна была усиленными шагами догонять Европу во всѣхъ отношеніяхъ, и въ томъ числѣ — въ промышленномъ, а потому искусственныя мѣры въ примѣненіи къ ней оправдывались какъ-бы самою необходимостью. Въ настоящее время можно сожалѣть лишь о томъ, что запретительная система слишкомъ долгое время тяготѣла надъ нашею промышленностью и заставляла и правительство, и народъ забывать о необходимости

[1]) The Economist, 1869 и 1870.

прежде всего устраненія разнообразныхъ и весьма существенныхъ препятствій развитію промышленности, каковы отсутствіе народнаго образованія, недостатокъ путей сообщенія, слабое развитіе кредита и т. п.

При томъ направленіи, которое получила уже наша промышленность подъ пятидесятилѣтнимъ вліяніемъ высокихъ охранительныхъ тарифовъ, невозможно, конечно, и мечтать, чтобы она могла скоро обойтись безъ дальнѣйшаго огражденія ея таможеннымъ покровительствомъ, но нельзя никакъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, кто находитъ, что существующій нынѣ размѣръ нашего тарифнаго покровительства недостаточенъ. Затѣмъ нельзя не желать, чтобы правительство твердо стояло на избранномъ уже имъ пути постепеннаго ослабленія, по мѣрѣ успѣховъ промышленности, охранительной системы, не увлекаясь соблазнительными теоріями ультра-протекціонистовъ, и наблюдало лишь въ интересахъ самой промышленности столько же, сколько и въ интересахъ многочисленныхъ потребителей, чтобы 1) степень охраненія никакъ не превышала того размѣра, который обезпечиваетъ существованіе туземныхъ фабрикъ, при среднихъ или обыкновенныхъ торговыхъ обстоятельствахъ; 2) чтобы притомъ въ разсчетъ были принимаемы только такія промышленныя заведенія, которыя работаютъ при хорошихъ нормальныхъ условіяхъ; 3) чтобы снабженіе фабрикъ нужными или сырыми произведеніями и орудіями производства не затруднялось таможенными постановленіями; 4) чтобы охранительныя мѣры допускались только для тѣхъ отраслей промышленности, которыя, по обширности своего сбыта внутри государства или заграницею, представляютъ достаточно гарантій на соперничество между фабрикантами; 5) чтобы новыя отрасли промышленности были вызываемы къ жизни, если нужно, путемъ не тарифнаго покровительства, а прямого поощренія или содѣйствія. Но въ виду сдѣланныхъ фабрикантами затратъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ имъ таможенныхъ пошлинъ и въ виду безспорно вреднаго для промышленности колебанія ея частыми измѣненіями тарифа, нельзя не сочувствовать желанію промышленнаго сословія, чтобы общіе пересмотры тарифа предпринимались въ болѣе или менѣе опредѣленные и не слишкомъ частые сроки; чтобы время для этого было избираемо наиболѣе благопріятное, когда промышленность не терпитъ отъ какихъ-нибудь кризисовъ или другихъ неустройствъ; чтобы пересмотру тарифа предшествовало возможно близкое и обстоятельное изученіе разныхъ отраслей промышленности (enquêtes); чтобы самый пересмотръ и особенно всѣ подготовительныя работы производились съ возможно большею гласностью и съ участіемъ возможно большаго числа просвѣщенныхъ эк-

спертовъ отъ самихъ промышленниковъ. Но едва ли можно желать только, чтобы участіе этихъ представителей шло далѣе экспертныхъ коммиссій, ибо предоставленіе имъ рѣшительнаго голоса въ опредѣленіи размѣровъ пошлины и самое участіе въ работахъ окончательной коммиссіи, долженствующей выработывать проектъ новаго тарифа, для представленія его на утвержденіе законодательной власти, было бы равносильно предоставленію права заинтересованной сторонѣ рѣшать свое собственное дѣло.

II.

Но какъ ни сильны сѣтованія на недостаточность будто-бы таможеннаго покровительства, справедливость требуетъ признать однако, что всѣ эти сѣтованія проявляются, большею частію, лишь при появленіи слуховъ объ общихъ или частныхъ измѣненіяхъ тарифа, и имѣютъ болѣе видъ систематической агитаціи съ цѣлью предотвратить или умѣрить всякое прикосновеніе къ тарифу, нежели сознательное убѣжденіе въ недостаточности нашего таможеннаго покровительства. Болѣе постоянны, хотя менѣе энергичны сѣтованія о другого рода нуждахъ промышленности, безъ удовлетворенія которыхъ она дѣйствительно не можетъ выйти изъ своего младенческаго состоянія. На первомъ планѣ стоитъ, конечно, вопросъ о снабженіи промышленности сырыми матеріалами. За исключеніемъ хлопчатой бумаги, гумми да нѣкоторыхъ ничтожныхъ статей привоза, можно сказать, что почти всѣ прочіе сырые матеріалы находятся у насъ дома въ изобиліи, и поэтому фабричная обработка совершается у насъ надъ туземнымъ сырымъ матеріаломъ. Но при всемъ изобиліи этого матеріала, значительная часть котораго, за удовлетвореніемъ мѣстныхъ потребностей, идетъ даже заграницу, не мало выписывается въ свою очередь и изъ заграницы однородныхъ съ туземными сырыхъ матеріаловъ. Такъ, въ 1869-мъ году, однихъ металловъ не въ дѣлѣ привезено было въ Европейскую Россію на 25 мил. руб., шерсти на 11 мил., шелку на $5^1/_2$ мил., гарпіуса, нефти, скипидара и т. п. на 5 мил., табака почти на 4 мил., глинъ на $1^1/_2$ мил., кирпича на $1^3/_4$ мил., кожъ почти на 1 мил. руб.

Это обстоятельство заимствованія у иностранцевъ того, чѣмъ мы сами богаты, объясняется частію громадностью нашихъ разстояній и дороговизною перевозки по нашимъ путямъ сообщенія, иногда совершенно недоступною для нѣкоторыхъ сырыхъ матеріаловъ, какъ напр. металловъ, частію же неудовлетворительностью

нѣкоторыхъ изъ нашихъ матеріаловъ, особенно для издѣлій болѣе высокаго разбора.

Россія издавна славилась богатствомъ и высокимъ качествомъ своихъ металловъ, но медленное развитіе собственной каменноугольной промышленности и долговременное отсутствіе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, замедлили самое развитіе горнаго дѣла и металлической промышленности и при возродившейся съ внезапнымъ оживленіемъ желѣзнодорожнаго дѣла потребности въ чугунѣ, желѣзѣ, рельсахъ, и т. п. поставили насъ въ неизбѣжную зависимость отъ иностранцевъ.

Такимъ образомъ, въ отношеніи металловъ, потребныхъ промышленности, мы страдаемъ не столько качествомъ ихъ, сколько количествомъ и общедоступностью, вслѣдствіе дороговизны отъ высокихъ расходовъ производства и дальней перевозки къ мѣстамъ ихъ потребленія.

Въ иномъ положеніи находятся сырые матеріалы, доставляемые сельскимъ хозяйствомъ, какъ напр. ленъ, шерсть, шелкъ, табакъ и многіе другіе. Частію вслѣдствіе климатическихъ, частію вслѣдствіе техническихъ и экономическихъ условій, бо́льшая часть этихъ матеріаловъ годны лишь на производство издѣлій низшаго или средняго разбора. Производители болѣе цѣнныхъ сортовъ между этими матеріалами даже съ трудомъ находятъ для нихъ сбытъ внутри Россіи и должны или искать его заграницей, или отказаться отъ производства такихъ высокоцѣнныхъ продуктовъ. Такъ, употребляемые въ нашемъ льноводствѣ способы мочки и трепанья, не даютъ волокна годнаго для тонкихъ полотенъ, а потому хозяева, сдѣлавшіе попытку приложенія химическаго и механическаго способа обработки льна, какъ напр., въ Полтавской губерніи арендаторъ имѣнія князя Барятинскаго, агрономъ Ледоктъ и въ Псковской губерніи гр. Н. Я. Ростовцевъ, несмотря на весьма удачные результаты, не имѣютъ сбыта для своихъ произведеній на русскихъ фабрикахъ и должны отправлять ихъ заграницу, гдѣ есть запросъ на ленъ высокихъ качествъ.

Подобнымъ же образомъ и наша шерсть, несмотря на значительное развитіе и улучшеніе мериносоваго или тонкорунного овцеводства, всегда такъ неудовлетворительно подготовлялась для фабрикъ, что небольшія попытки нѣкоторыхъ производителей представить на рынокъ тщательно вымытую и разсортированную шерсть, обращались имъ большею частію въ убытокъ, такъ какъ купцы не давали хорошихъ цѣнъ за малыя партіи такихъ добротныхъ шерстей и предлагали общую цѣну, стоявшую на рынкѣ для всей массы обыкновенно обращающихся въ торговлѣ шерстей.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о недостаткахъ сырыхъ матеріаловъ, проистекающихъ отъ неудовлетворительности ихъ первоначальной обработки и подготовки для фабричнаго употребленія, какъ вопросъ слишкомъ обширный и затрогивающій спеціальную область другихъ отраслей производительности, мы остановимся въ настоящее время лишь на затрудненіяхъ, испытываемыхъ промышленностью вслѣдствіе неудовлетворительнаго состоянія нашихъ путей сообщенія.

Наиболѣе употребительный и часто единственно возможный путь доставки товаровъ—это путь сухопутный, такъ какъ рѣки и каналы распредѣляются у насъ далеко не равномѣрно и притомъ въ теченіе продолжительной зимы водяное сообщеніе прекращается; желѣзныя же дороги явились у насъ на помощь промышленности слишкомъ недавно и, къ сожалѣнію, не успѣли еще оказать того благодѣтельнаго вліянія, которое онѣ, безъ сомнѣнія, окажутъ современемъ, когда организуются окончательно.

Главная масса нашихъ сухопутныхъ дорогъ состоитъ изъ грунтовыхъ дорогъ и раздѣляются, по закону, на губернскія, почтовыя, торговыя, сельскія и полевыя. Печальное положеніе, въ которомъ находится большая часть этихъ дорогъ, проистекаетъ, главнымъ образомъ, отъ неопредѣлительности закона, неразграничивающаго съ ясностію всѣ эти разряды дорогъ и неуказывающаго способовъ ихъ поддержанія и исправленія.

Однѣ изъ нихъ содержатся на счетъ губернскаго денежнаго сбора, другія на счетъ натуральной повинности уѣздовъ по раскладкѣ, третьи на счетъ натуральной повинности городскихъ и земскихъ обществъ, безъ всякой раскладки, по нарядамъ полиціи или сельскихъ начальниковъ; наконецъ, есть дороги, признаваемыя проселочными, хотя торговое движеніе на нихъ значительнѣе, чѣмъ на всѣхъ прочихъ трактахъ уѣзда, и которыя никѣмъ не чинятся и, по выраженію князя Васильчикова [1]), «обрѣтаются въ томъ непроѣздномъ состояніи, на которое такъ горько сѣтуетъ русское общество», потому что дороги эти не вошли въ раскладки дорожныхъ повинностей, а остаются на обязанности отдѣльныхъ сельскихъ обществъ и землевладѣльцевъ, которые не въ состояніи осилить подобныя египетскія работы. Передача завѣдыванія дорогами земскимъ учрежденіямъ, хотя и обѣщаетъ, можетъ быть, въ будущемъ улучшеніе этой части, но при неопредѣлительности и неясности дорожнаго устава, при

---

[1]) О самоуправленіи. Ч. II, гл. XXVI, О дорожной и подводной повинности въ Россіи, стр. 395—412.

широтѣ произвола, предоставляемаго земству, при отсутствіи всякихъ гарантій, всякихъ нормальныхъ правилъ обложенія, ограждающихъ обывателей отъ обременительныхъ сборовъ и работъ, нельзя ожидать еще скораго и правильнаго развитія этого дѣла; тѣмъ менѣе можно ожидать скораго осуществленія или даже приступа къ шоссированію земскихъ промышленныхъ дорогъ, необходимость котораго въ будущемъ ясно указана въ законѣ, а возможность исполненія съ малыми, сравнительно, издержками предлагается нѣкоторыми дѣятелями [1]).

Естественное улучшеніе нашихъ грунтовыхъ дорогъ, въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ, нерѣдко парализуется вслѣдствіе образованія снѣжныхъ наносовъ и сугробовъ и вслѣдствіе вьюгъ, заметающихъ дороги до того, что не видно слѣда ихъ.

Къ устройству шоссейныхъ дорогъ въ Россіи предположено было приступить уже въ 1816-мъ году, начавъ съ шоссированія государственной большой московской дороги, между Петербургомъ и Москвою, для чего установленъ былъ особый сборъ съ крестьянъ и мѣщанъ по 25 к. асс. съ души и съ купцовъ по 5% съ гильдейской пошлины.

Но суммы собиравшіяся этимъ способомъ, въ количествѣ $5^1/_4$ милл. руб. ассигнаціями, вскорѣ оказались недостаточными для этой цѣли; поэтому уже въ 1826-мъ году строжайше запрещено было устроивать въ губерніяхъ новыя дороги. Но уже въ 1830-мъ году снято было это запрещеніе и приступлено къ устройству динабургскаго шоссе; въ 1832-мъ году къ построенію шоссе по дорогѣ отъ Кіева до Броваровъ, въ 1834-мъ году окончено и открыто для движенія петербургско-московское шоссе; въ 1835-мъ году начато смоленское и рижское шоссе; въ 1836-мъ году — московско-нижегородское, и съ тѣхъ поръ непроходило году, чтобы неоткрывалась болѣе или менѣе значительная вѣтвь шоссейныхъ дорогъ въ Россіи.

По отчету Министерства Путей Сообщенія за 1867-й годъ [2]), въ томъ году считалось шоссейныхъ дорогъ собственно въ Россіи 7,672 версты и переданныхъ въ томъ же году, по высочайшему указу 25-го февраля, въ вѣдѣніе министерства путей сообщенія шоссейныхъ дорогъ Царства Польскаго 2,162 версты. Средняя стоимость постройки правительственныхъ шоссейныхъ дорогъ считается въ Россіи въ 10,000 р. верста; ежегодный

---

[1]) О земскихъ дорогахъ и отношеніи ихъ къ желѣзнымъ путямъ, для развитія производительности Россіи. Е. Головачева. «Журн. Мин. Пут. Сообщ.» 1869, кн. 4-я, стр. 129—262.

[2]) Журн. Министерства Путей Сообщенія 1869 г. № 12, стр. 89—93.

расходъ на администрацію и ремонтъ, не считая процента для погашенія затраченнаго капитала, простирается до 806 р. въ годъ, а за вычетомъ дохода, получаемаго казною въ видѣ шоссейнаго сбора и простирающагося до 91 р. съ версты, до 716 рублей—верста.

Существующія у насъ шоссе, служа главными путями страны и для соединенія главныхъ пунктовъ государства и губернскихъ городовъ со столицами, имѣли назначеніемъ преимущественно удовлетвореніе государственнымъ и административнымъ цѣлямъ, и потому были проводимы, несмотря на громадность издержекъ, кратчайшими прямыми линіями, пересѣкая на значительномъ протяженіи болотистыя незаселенныя мѣстности, прорѣзывая горы и вообще возвышенности, встрѣчаемыя обыкновенно около болотъ. Вслѣдствіе того, наши шоссейныя дороги или миновали многіе уѣздные и сельскіе промышленные пункты, лежащіе въ центрѣ производительныхъ районовъ, или хотя и прошли чрезъ нѣкоторые торговые города, но не по промышленнымъ дорогамъ, которымъ привыкли уже слѣдовать товары, а потому и не могли удовлетворить промышленности и принести ей значительной пользы. До сихъ поръ значительная часть промышленныхъ грузовъ, отправляемыхъ производительными пунктами, оставленными въ сторонѣ отъ шоссе, продолжаетъ слѣдовать своимъ прежнимъ путемъ, по грунтовымъ дорогамъ, проложеннымъ чрезъ производительныя мѣстности, и только мѣстами, гдѣ эти дороги совпадаютъ съ шоссейными, идутъ по шоссе, что однако, не удешевляя перевозки, не приноситъ имъ особенной выгоды, потому что, отправляясь изъ мѣстъ нагрузки, лежащихъ на грунтовой дорогѣ, они должны нагружать лошадей грузомъ сообразно состоянію этого пути, и потомъ уже такой незначительный грузъ вести и по шоссе, когда при другихъ условіяхъ лошадь могла бы поднять грузъ вдвое или втрое болѣе, или дѣлать, выѣзжая на шоссе, перевалку, если имѣется въ виду перевозить грузъ по шоссе на значительномъ разстояніи и не предвидится съѣзжать съ него, для доставленія груза въ какой-либо торговый пунктъ, оставляемый при проведеніи шоссейной дороги въ сторонѣ. Этимъ объясняется незначительный провозъ торговыхъ грузовъ по шоссейнымъ дорогамъ и ничтожность шоссейнаго сбора, получаемаго главнымъ образомъ не съ проѣзжающихъ, а съ товаровъ. Но если наши государственныя и губернскія шоссейныя дороги, вслѣдствіе условій ихъ проведенія, и не могли сдѣлаться вполнѣ промышленными путями, тѣмъ не менѣе онѣ имѣли самое благотворное вліяніе на развитіе мѣстной производительности. Несмотря на то, что наши шоссе, на

протяженіи нерѣдко 20-ти верстъ, тянутся пустынными, болотистыми и незаселенными мѣстностями, многія подобныя мѣста нынѣ начинаютъ уже заселяться; полагаютъ, что населеніе удобныхъ мѣстностей, лежащихъ около шоссе, въ первыя 10 лѣтъ ихъ существованія удвоилось, а вмѣстѣ возрасло и ихъ благосостояніе. На мѣстѣ бѣдныхъ деревушекъ, явились цвѣтущія селенія и торговыя слободы, потому что, пользуясь удобнымъ сбытомъ по шоссе, они сдѣлались центромъ соединенія промышленныхъ произведеній окрестныхъ мѣстностей, гдѣ прежде производительность была самая ничтожная. Съ соединеніемъ главныхъ пунктовъ имперіи желѣзными дорогами, государственныя и губернскія шоссе потеряли значительную долю своего прежняго значенія.

Не то мы видимъ въ Америкѣ и въ западной Европѣ. Тамъ давно уже интересы промышленности стали на первомъ планѣ и вызвали какъ правительство, такъ и само общество на дѣятельное улучшеніе путей сообщенія.

Въ Англіи съ княжествомъ Валлискимъ общее протяженіе сельскихъ грунтовыхъ дорогъ, именуемыхъ highways и содержимыхъ мѣстными приходами, простирается до 100,000 анг. миль (150,000 верстъ). Длина же дорогъ, соотвѣтствующихъ нашимъ государственнымъ и главнымъ трактамъ, называемыхъ заставными (turnpike roads), потому что онѣ покрыты заставами для сбора шоссейныхъ денегъ и содержимыхъ акціонерными компаніями, подъ наблюденіемъ земства, простирается до 24,000 англ. миль или 36,000 верстъ.

Во Франціи въ 1868-мъ году считалось дорогъ:

императорскихъ	38,479	километровъ.
департаментскихъ	49,000	»
сельскихъ (ch. vicinaux) . .	443,000	»

Несмотря на то, еще далеко не вся предположенная сѣть дорогъ приведена уже во Франціи къ окончанію; болѣе 100,000 километровъ дорогъ второстепенной важности и не начаты. Чтобы дать толчокъ этому дѣлу, 11-го іюля 1868-го г. послѣдовалъ декретъ, который начерталъ обширную программу для осуществленія этого дѣла и указывалъ средства къ его исполненію. Для полнаго осуществленія этого плана, разсчитаннаго на 10 лѣтъ, требовалось до 840 мил. фр. Въ 1869 году, уже проведено было въ счетъ означенныхъ 100 т. килом., около 7 тыс., но несчастный исходъ французско-нѣмецкой войны 1870-го года безъ сомнѣнія надолго остановитъ исполненіе одной изъ немногихъ полезныхъ мѣръ второй имперіи.

Въ Пруссіи изъ 26,327 верстъ шоссейныхъ дорогъ, въ ста-

рыхъ провинціяхъ, болѣе половины построено казною, на что истрачено въ теченіи 50-ти лѣтъ, съ 1816-го года до 1866-го года, до 40 мил. талеровъ и столько же разными общинами, компаніями и частными землевладѣльцами. Вообще же вся Германія, какъ сѣверная, такъ и южная имѣетъ болѣе 100,000 верстъ шоссейныхъ дорогъ.

Постройка желѣзныхъ дорогъ въ Россіи начата въ 1836-мъ году сооруженіемъ акціонерною компаніею, во главѣ которой стояли покойный графъ Бобринскій, столь много потрудившійся для русской промышленности и австрійскій инженеръ фонъ-Герстнеръ,—небольшой вѣтви отъ С.-Петербурга до Царскаго Села и Павловска. Постройка дороги обошлась въ $1\frac{1}{2}$ мил. р. или по 61 т. р. за версту. Но дорога эта не имѣла вовсе промышленнаго значенія и нѣсколько лѣтъ этотъ первый примѣръ частной дѣятельности оставался безъ подражанія; даже такіе серьезные государственные дѣятели, какъ гр. Канкринъ, считали желѣзныя дороги не болѣе, какъ забавой, годной для праздныхъ людей и не вѣрили будущности желѣзныхъ дорогъ. Едва ли можно порицать ихъ за такой скептицизмъ, потому что и въ другихъ странахъ желѣзныя дороги были встрѣчены также холодно и недовѣрчиво. Французскій профессоръ Пердонне разсказываетъ, что его называли сумасшедшимъ, когда онъ въ курсѣ, читанномъ въ 1832-мъ г., указывалъ на великое значеніе желѣзныхъ дорогъ и сравнивалъ переворотъ, который онѣ сдѣлаютъ, съ вліяніемъ изобрѣтенія книгопечатанія. Два года спустя, Тьеръ, бывшій въ то время министромъ, возвратясь изъ путешествія въ Англію, гдѣ онъ посѣтилъ ливерпульскую желѣзную дорогу, торжественно увѣрялъ съ трибуны, что желѣзныя дороги годны только на то, чтобъ служить забавой для празднаго любопытства столичныхъ жителей, и могутъ быть употребляемы для провоза только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ. Годъ или два послѣ этого, по поводу вопроса о концессіи на руанскую дорогу, Тьеръ говорилъ тому же самому Пердонне: «Вы хотите, чтобъ я предложилъ палатамъ уступить вамъ дорогу къ Руану; навѣрное я этого не сдѣлаю, иначе меня сбросятъ съ трибуны». Въ Англіи постройка желѣзныхъ дорогъ встрѣтила не только недовѣріе, но и оппозицію и въ обществѣ, и въ парламентѣ. Стефенсонъ, въ каждомъ приходѣ, куда онъ являлся, былъ встрѣчаемъ съ недовѣріемъ и даже съ угрозами насилія. Поземельная аристократія смотрѣла на постройку желѣзныхъ дорогъ, какъ на вторженіе въ свои территоріальныя права и нерѣдко, подъ видомъ платы за землю, компаніи должны были покупать вліятельные голоса въ парламентѣ; а низшіе

классы опасались, что желѣзныя дороги повредятъ тѣмъ матеріальнымъ интересамъ, отъ которыхъ зависятъ ихъ заработки. Города, мимо которыхъ предполагалось вести желѣзную дорогу, требовали, чтобы она была отодвинута отъ нихъ, чтó нерѣдко значительно возвышало расходы сооруженія и отсрочивало самое окончаніе дороги. Подобное требованіе города Норгамптона отъ бирмингамской дороги стоило ей 2-хъ лишнихъ лѣтъ постройки и 2-хъ лишнихъ милліоновъ фунтовъ стерл. Но когда новыя дороги начали давать выгодные дивиденды своимъ компаніямъ, тогда недовѣріе публики скоро уступило мѣсто крайнему увлеченію, и къ концу 1836-го года Англія оказалась уже въ полномъ разгарѣ желѣзно-дорожной горячки. Равнымъ образомъ и во Франціи рано поняли значеніе и важность желѣзныхъ дорогъ [1].

Далеко не съ тою быстротою развивалось желѣзнодорожное дѣло въ Россіи [2]. Хотя въ 1842-мъ году приступлено было на средства правительства къ сооруженію с.-петербургско-московской дороги, а въ 1848-мъ варшавско-вѣнской, но этими линіями да соединеніемъ С.-Петербурга съ Гатчиной, и окончилась вся дѣятельность по желѣзнодорожному дѣлу въ прошедшее царствованіе. Общее протяженіе желѣзныхъ дорогъ, проведенныхъ въ двадцатилѣтній періодъ, простиралось лишь до 979-ти верстъ, изъ числа коихъ только 25 были сооружены частною дѣятельностью. По непонятному заблужденію, тогдашнее управленіе путей сообщенія не допускало частной иниціативы въ дѣлѣ постройки желѣзныхъ дорогъ; а потому нельзя удивляться, что и съ измѣненіемъ системы управленія, непривычная частная дѣятельность не могла сразу развернуться, и что Россія должна была сдѣлаться жертвою эксплуатаціи иностранцевъ. Но заплативъ дорогою цѣною за первый урокъ, мы скоро выучились жить собственнымъ умомъ, и скоро вступили въ періодъ желѣзнодорожной горячки, изъ котораго еще не успѣли выдти вполнѣ, хотя уже и начинаемъ нѣсколько отрезвляться. Тѣмъ не менѣе результатъ этой дѣятельности былъ въ высшей степени полезенъ для промышленности, потому что увеличилъ сѣть нашихъ желѣзныхъ дорогъ въ 12 лѣтъ, съ 1857-го г. по 1870-й годъ включительно, на 9,721 версту.

Къ 1-му январю 1871-го года протяженіе открытыхъ для дви-

---

[1]) Желѣзныя дороги и государство. Соч. Гр. Цѣхановецкаго. Кіевъ, 1869.

[2]) «Сборникъ желѣзныхъ дорогъ», 3 тома, 1868—1870, изданный министерствомъ путей сообщенія.—Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи по 1-е января 1870 г., изданный гр. А. Соллогубомъ. Спб. 1870.—Statistique des chemins de fer russes par M. de Tranchère.

женія дорогъ составляло 10,700 верстъ. Капитальная цѣнность всѣхъ этихъ дорогъ представляетъ приблизительно болѣе 800 мил. рублей. Сверхъ того производилась постройка $3^1/_2$ тысячъ верстъ, и согласно высочайше утвержденной 15-го марта 1870-го года сѣти желѣзныхъ дорогъ, предположено было провести еще около 20-ти линій, протяженіемъ приблизительно до 6,000 верстъ, окончаніе коихъ можетъ быть исполнено въ 12 лѣтъ, такъ что по окончаніи всѣхъ какъ строющихся, такъ и предполагаемыхъ къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, общее протяженіе ихъ будетъ простираться до 20,000 верстъ. Кромѣ того въ настоящее время находится въ разсмотрѣніи правительства около 200 проектовъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

Польза, приносимая ими для промышленности, выражается частію числомъ перевезенныхъ пассажировъ, главнымъ же образомъ—количествомъ перевезенныхъ грузовъ. Пассажировъ, не выключая военныхъ и арестантовъ, было перевезено въ 1865-мъ г. — $5^1/_2$ мил.; въ 1866-мъ г. — $7^3/_4$ мил., въ 1867-мъ г. — 8,8; въ 1868-мъ г. — $9^3/_4$ мил.; въ 1869-мъ г. — $12^1/_4$ мил.; въ первые 8 мѣсяцевъ 1870-го года—9,902,000 человѣкъ. Товарныхъ грузовъ въ 1865-мъ г.—около 200 м. п.; въ 1866-мъ г. — 220 м. пуд.; въ 1867-мъ г. — 296 м. пуд.; въ 1868-мъ г. — 410 м. пуд.; въ 1869-мъ г. — 565 м. пуд.; въ первые 8 мѣсяцевъ 1870-го г. — 414 м. пуд. Цифры эти краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о возрастающемъ участіи нашихъ желѣзныхъ дорогъ въ торговомъ движеніи вслѣдствіе быстраго расширенія сѣти рельсовыхъ путей; и въ настоящее время уже количество грузовъ, перевозимыхъ этимъ способомъ превышаетъ количество грузовъ, сплавляемыхъ водяными путями; современемъ же оно безъ сомнѣнія будетъ также, какъ и во Франціи и въ Англіи, вдвое или втрое болѣе количества перевозимаго водою. Выгоды, доставленныя промышленности сбереженіемъ на расходахъ перевозки, во Франціи исчисляются въ 210 мил. руб.; у насъ же еще нѣтъ достаточныхъ данныхъ для подобныхъ вычисленій; однако и у насъ вычисляли 10 лѣтъ тому назадъ, что одна Николаевская желѣзная дорога только перевозкой рабочаго класса и клади доставляла ежегоднаго сбереженія народному хозяйству около 30-ти мил. руб. Удесятеряя эту цифру, сообразно увеличенію протяженія желѣзныхъ дорогъ, мы получимъ и теперь экономіи не менѣе 300 мил. руб. въ годъ.

Несмотря на быстрое и весьма значительное развитіе у насъ въ послѣдніе годы желѣзныхъ дорогъ, промышленность и торговля не воспользовались еще всѣми благами, которыя желѣзныя дороги приносятъ съ собою всюду, а напротивъ, терпятъ

многія неудобства и стѣсненія. При всей дороговизнѣ и продолжительности длинной, гужевой доставки транспортовъ съ товарами, существовавшей у насъ до устройства желѣзныхъ дорогъ, она обезпечивала отправителей относительно исправной и вполнѣ цѣлостной доставки товара къ условленному сроку, съ отвѣтственностію за всѣ убытки. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, тамъ, гдѣ онѣ прошли, транспортныя конторы и ямскія общества прекратили свои занятія извозничествомъ; но вновь открытый для промышленности и торговли путь желѣзныхъ дорогъ по многимъ направленіямъ оказался, въ сравненіи съ прежнимъ гужевымъ путемъ, лишь номинально скорѣйшимъ и выгоднымъ, въ сущности же былъ еще болѣе продолжительнымъ и убыточнымъ. Причина этого заключается въ томъ, что многія управленія желѣзныхъ дорогъ не обращаютъ вниманія ни на срочную доставку груза, ни на сохраненіе его въ цѣлости. Многія дороги не имѣютъ даже помѣщенія для складки грузовъ, оттого товары, заблаговременно отданные для отправки на ярмарки, приходятъ туда или къ самому концу, или уже по окончаніи ярмарки. Особенно часто это повторялось на украинскихъ ярмаркахъ и на кіевскихъ контрактахъ. Еще въ минувшемъ году весь рыбный товаръ опоздалъ къ контрактамъ. Все это отражается, конечно, на торговомъ и промышленномъ сословіи убытками, вслѣдствіе непроизводительныхъ расходовъ на двойную перевозку туда и обратно неблаговременно доставленнаго и непроданнаго ярмарочнаго товара, и подрывомъ кредита вслѣдствіе остановки платежей по срочнымъ ярмарочнымъ векселямъ. Въ минувшемъ году многіе торговцы стали отправлять въ Украйну товары на лошадяхъ, что̀ дало тогда возможность доставить эти товары, не только къ сроку, но даже дешевле, ибо перевозка ихъ обошлась по 90 к. съ пуда, тогда какъ при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ она обошлась бы не менѣе 1 рубля.

Что касается цѣлости доставки, то на желѣзныхъ дорогахъ весьма нерѣдки случаи, что товаръ, сданный желѣзной дорогѣ тщательно уложеннымъ и упакованнымъ въ крѣпкія кипы, получается съ желѣзной дороги въ кипахъ разбитыхъ или перепакованныхъ, причемъ нерѣдко недосчитывается товара на значительную сумму. Такъ, въ декабрѣ 1869-го г., одинъ изъ посланныхъ въ Харьковъ ящиковъ съ золотыми и серебряными вещами, послѣ долгаго нахожденія въ пути, оказался поврежденнымъ и въ немъ не оказалось товара болѣе, чѣмъ на 2,000 р. Въ Москвѣ былъ другой случай съ мѣстомъ, доставленнымъ туда по желѣзной дорогѣ и заключавшимъ въ себѣ вмѣсто шел-

коваго товара на 2,000 р., камни и булыжникъ, причемъ ящикъ оказался поврежденнымъ.

Въ самыхъ тарифахъ для перевозки по желѣзнымъ дорогамъ заключается важное неудобство; поверстная плата съ пуда за одинъ и тотъ же товаръ назначается не нормальная на всѣхъ дорогахъ: на одной дорогѣ считается извѣстный товаръ по тарифу въ первомъ классѣ, а на другой дорогѣ тотъ же товаръ отнесенъ ко второму классу и обратно. Притомъ нынѣшняя провозная плата весьма значительна для многихъ сырыхъ произведеній, имѣющихъ низкую цѣнность. Всѣ эти неудобства и затрудненія, происходящія, конечно, еще отъ новости у насъ желѣзнодорожнаго дѣла, неопытности и нераспорядительности нѣкоторыхъ дорожныхъ управленій, а также торопливости въ открытіи движенія, особенно по гарантированнымъ линіямъ, безъ достаточной подготовки всего потребнаго для товарнаго движенія, уже вызвали со стороны промышленниковъ коллективныя петиціи къ правительству о принятіи мѣръ къ устраненію, по возможности, на будущее время подобныхъ затрудненій. Такъ, с.-петербургскій съѣздъ фабрикантовъ, въ минувшемъ году, выразилъ желаніе, чтобы 1) при выдачѣ концессій на желѣзныя дороги была съ точностію опредѣляема срочность доставки, а равно отвѣтственность компаніи за претерпѣваемые отправителями грузовъ убытки, въ случаѣ несвоевременной или неакуратной доставки довѣряемыхъ имъ кладей; 2) чтобы при выдачѣ концессій было оговариваемо обязательное пониженіе тарифа при увеличеніи дохода, получаемаго желѣзными дорогами; и 3) чтобы всякій разъ, когда возникнутъ въ большомъ количествѣ жалобы со стороны отправителей грузовъ, были учреждаемы коммиссіи изъ агентовъ компаній и правительства, для производства подробнаго изслѣдованія на мѣстѣ. Сверхъ того, вслѣдствіе заявленія въ 1870-мъ году разными биржевыми купцами, московское биржевое общество ходатайствовало передъ правительствомъ:

1) О скорѣйшемъ установленіи правилъ для срочной доставки кладей, отправляемыхъ по желѣзнымъ дорогамъ.

2) О введеніи на всѣхъ дорогахъ страхованія, со стороны желѣзнодорожныхъ управленій, принимаемыхъ для перевозки кладей отъ истребленія (огнемъ и проч.), пропажи и поврежденія до времени сдачи ихъ, а затѣмъ о постановленіи для желѣзнодорожныхъ управленій обязательствъ отвѣтствовать предъ отправителемъ за застрахованные товары, въ случаѣ истребленія, пропажи или поврежденія ихъ, — въ размѣрѣ объявленной таковымъ, при ихъ отправкѣ, цѣны.

4) О созваніи въ Москвѣ съѣзда представителей желѣзныхъ дорогъ съ участіемъ въ немъ московскаго биржевого общества, для разсмотрѣнія встрѣчаемыхъ нынѣ неудобствъ.

4) О предложеніи желѣзнодорожнымъ управленіямъ понизить по возможности тарифъ за перевозку русскихъ сырыхъ произведеній, примѣняясь къ низшему размѣру его изъ числа существующихъ уже для таковыхъ предметовъ на желѣзныхъ дорогахъ.

5) О принятіи этого пониженнаго тарифа для вновь разрѣшенныхъ и имѣющихъ быть разрѣшенными желѣзныхъ дорогъ.

Громадность разстояній и неудовлетворительность сухопутныхъ сообщеній, всегда умѣрялись въ Россіи обиліемъ водныхъ путей, которые, прорѣзывая страну во всѣхъ направленіяхъ, облегчали торговыя сношенія отдаленныхъ земледѣльческихъ районовъ, производящихъ сырые продукты съ центральными или окраинными промышленными и торговыми пунктами. Система искусственныхъ каналовъ, частію соединяющихъ разные водные бассейны имперіи, частію дающихъ возможность избѣгать опасныя или неудобныя для судоходства мѣстности, дополняетъ естественные пути, данные природой Россіи. Все судоходное и сплавное протяженіе нашихъ рѣкъ, съ ихъ притоками, въ Европейской Россіи, съ Царствомъ Польскимъ, но безъ Финляндіи, можно полагать около 90,000 верстъ; длина же искусственныхъ каналовъ простирается до 1,215 верстъ.

По средней сложности четырехъ лѣтъ 1859—1862-го годовъ, по всѣмъ воднымъ путямъ перевезено было 372 милл. пудовъ, на сумму $167^1/_2$ милл. рублей; въ 1867-мъ и 1868-мъ[1]) годахъ цѣнность перевезенныхъ тѣмъ же путемъ товаровъ простиралась въ каждомъ до 192-хъ милліоновъ рублей. Около $30^0/_0$ всей цѣнности перевезенныхъ грузовъ приходится на долю хлѣба и спирта, и около $50^0/_0$ на долю сырыхъ матеріаловъ для фабрикъ и переработанныхъ уже издѣлій.

Число судовъ, перевозящихъ эти грузы, достигло въ 1867-мъ году до 53,525-ти. Что касается способа передвиженія этихъ судовъ, то со времени учрежденія пароходныхъ компаній на Волгѣ и другихъ рѣкахъ, т.-е. съ начала сороковыхъ годовъ, ходовой способъ, двигающій суда силою вѣтра, а при отсутствіи его, бурлацкая тяга, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто пару. До $68^0/_0$ всѣхъ судовъ, идущихъ по Волгѣ снизу, къ Рыбинску, транспортируются уже буксирно-пароходнымъ способомъ. Изъ 500 слишкомъ пароходовъ въ 36,000 паровыхъ силъ, принадлежащихъ 16-ти акціонернымъ компаніямъ,

---

[1]) Журналъ министерства путей сообщенія, 1869, кн. 2-я. Смѣсь, стр. 30.

съ капиталомъ въ $14^1/_2$ милл. р., 164 въ 15,000 силъ занимались, въ 1866-мъ году, буксировкою судовъ по Волгѣ до Рыбинска.

Выгодами судоходства пользуются преимущественно сѣверныя, центральныя и восточныя губерніи; западныя же и южныя губерніи находятся въ несравненно менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Но и вообще Россія извлекаетъ изъ своихъ водныхъ путей несравненно менѣе пользы, нежели западная Европа, вслѣдствіе того, что наши рѣки, по климатическимъ и топографическимъ условіямъ Россіи, представляющей обширную равнину, значительно оголенную отъ лѣса въ южныхъ частяхъ, почти половину года находятся подъ льдомъ и отличаются вообще и слабымъ паденіемъ, и скудостію воды, такъ что судоходство на нихъ возможно лишь весною, въ полую воду, и требуетъ частой перегрузки товаровъ. Притомъ наши водяные пути далеко не представляютъ собою того образцоваго устройства въ гидротехническомъ и экономическомъ отношеніи, какимъ отличаются подобные же пути во Франціи, Англіи и Германіи, что̀ объясняется, конечно, значительностію суммъ, затраченныхъ тамъ въ прежнее время и донынѣ ежегодно затрачиваемыхъ. Такъ, одна Англія, которая считаетъ нынѣ около 2,500 миль судоходныхъ рѣкъ и до 2,800 миль каналовъ, затратила на улучшеніе 130-ти болѣе важныхъ рѣкъ и каналовъ около 30-ти милл. фунт. стерл., причемъ всѣ эти затраты сдѣланы преимущественно частными компаніями, которымъ принадлежатъ въ Англіи каналы.

Во Франціи[1]) считается 4,550 верстъ каналовъ и почти 6,470 верстъ рѣкъ, канализированныхъ или достаточно улучшенныхъ для судоходства. Устройство ихъ до 1865-го года стоило около 225-ти милл. руб., а ежегодный ремонтъ поглощаетъ 2.750,000 руб. Затѣмъ оставалось еще работъ самыхъ неотложныхъ на сумму отъ 60 до 70-ти милл. руб., и до 120-ти милл. руб., если считать всѣ работы существенно необходимыя.

Въ Пруссіи протяженіе судоходныхъ путей простирается нынѣ до 1,058-ми миль, а сплавныхъ до 525-ти. Число лицъ, занятыхъ судоходствомъ, простирается въ старыхъ провинціяхъ до 35,635-ти.

Несмотря на возрастающее развитіе желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи, движеніе судоходства тамъ не только не уменьшается, а даже увеличивается, и правительство не только не уменьшаетъ расходовъ на улучшеніе водяныхъ сообщеній, а еще постоянно

---

[1]) Журналъ Путей Сообщенія, 1869, кн. 4-я. «Бюджетъ министерства публичныхъ работъ во Франціи на 1868 г.» (письмо къ редактору) А. Д., стр. 263—298.

увеличиваетъ ихъ. Сумма, назначаемая на поддержаніе водяныхъ путей, простиралась, по бюджету 1870-го года, до $1^1/_2$ милл. талеровъ; сверхъ того, съ 1864-го года ежегодно назначается по ординарной смѣтѣ до 500 т. талеровъ на новыя работы по регулированію рѣкъ, для облегченія торговыхъ сношеній, и употребляется съ той же цѣлью часть суммы изъ экстраординарнаго кредита въ $1^1/_2$ милл. талеровъ.

У насъ также начинаютъ обращать въ настоящее время серьезное вниманіе на улучшеніе нашихъ путей сообщенія, чему доказательствомъ служитъ возбужденный въ обществѣ интересъ къ вопросамъ объ улучшеніи судоходства по Волгѣ и о маріинской системѣ. Волга, съ ея притоками и съ примыкающими къ ней искусственными водными путями, составляетъ самый главный и важный путь водяного сообщенія сѣверныхъ, центральныхъ и восточныхъ губерній Россіи. Судя по приходу товаровъ къ Рыбинску, какъ искусственному центру всего волжскаго судоходства, можно заключить, что по Волгѣ и примыкающимъ къ ней водянымъ путямъ перевозится около половины всѣхъ водяныхъ транспортовъ. Приходъ всѣхъ товаровъ къ Рыбинску, по всѣмъ направленіямъ, то-есть сверху и снизу, въ 1857—1861-мъ годахъ, составлялъ $57^1/_2$ милл. пудовъ; въ 1862—1866-мъ годахъ — 59 милл. пуд.

Движеніе въ низовыхъ частяхъ Волги, особенно между Казанью и Рыбинскомъ затрудняется вслѣдствіе множества переносныхъ мелей, которыя дѣлаютъ фарватеръ извилистымъ, измѣнчивымъ и мелкимъ, такъ что суда вынуждены идти съ неполнымъ грузомъ и съ осадкою вмѣсто 12-ти иногда около $4^1/_2$ четвертей, подвергаясь притомъ нерѣдко непроизводительнымъ расходамъ, какъ напр., на нагрузку судовъ или перегрузку части товара на другія суда, нарочно для того нанимаемыя.

Еще въ 30-хъ годахъ приступлено было къ устройству водостѣснительныхъ плотинъ въ верхнемъ плесѣ Волги, отъ Твери до Рыбинска, съ цѣлію съуженія меженнаго ложа рѣки и выпрямленія ея теченія; но работы эти недостигли своей цѣли: онѣ не только не углубили фарватера рѣки, а содѣйствовали лишь образованію новыхъ мелей.

Работы землечерпательными машинами, также не принесли пользы, по отзыву судопромышленниковъ, и лишь затрудняли свободное движеніе судоходства. Несравненно болѣе дѣйствительными оказались работы, произведенныя съ 1865-го года между Рыбинскомъ и Тверью, и имѣвшія результатомъ, что Волга, на протяженіи 300 верстъ, сдѣлана вполнѣ удобной для плаванія судовъ осадкой въ 7 четвертей въ межень, фарватеръ выпра-

вленъ и сдѣланъ шириной вездѣ отъ 20-ти до 40-а саженъ, на песчаныхъ же косахъ рѣки выстроены плетневые ивовые заборы, которые не только отняли возможность переноса огромнѣйшихъ запасовъ песку, сложившихся на отмеляхъ и островахъ, но содѣйствуя постоянно новому на нихъ отложенію наносовъ, приносимыхъ сверху, задерживаютъ ихъ и тѣмъ отстраняютъ засореніе дна въ нижнихъ частяхъ рѣки. Многіе высказываютъ мысль о пользѣ продолженія подобныхъ работъ и ниже Рыбинска, для чего нужны, конечно, предварительныя изысканія [1]).

Изъ трехъ путей, которыми Волга соединяется, при пособіи каналовъ и искусственныхъ сооруженій съ Петербургомъ и Балтійскимъ моремъ, и слѣдовательно съ западною Европою, а именно: маріинскаго, вышневолоцкаго и тихвинскаго, важнѣйшій безъ сомнѣнія есть маріинскій путь, такъ какъ по немъ движется 62% всѣхъ товаровъ, идущихъ вверхъ и внизъ по Волгѣ черезъ Рыбинскъ. Путь этотъ въ настоящее время обращаетъ на себя особенное общественное вниманіе, вслѣдствіе разныхъ предположеній о необходимыхъ улучшеніяхъ этого пути. Правительство, земства прилегающихъ къ маріинскому пути губерній, купечество, пользующееся этимъ путемъ, разныя общества и наконецъ литература, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ занимаются обсужденіемъ этихъ вопросовъ, и не могутъ еще придти ни къ какому соглашенію. Задуманный еще Петромъ I и исполненный Екатериною II, Павломъ I и Александромъ I, въ 1766—1811 гг., маріинскій путь былъ постепенно улучшаемъ, сперва проведеніемъ двухъ обводныхъ каналовъ, Онежскаго и Бѣлозерскаго, затѣмъ въ 1858—1866-мъ годахъ, расчисткою и исправленіемъ фарватеровъ, рр. Шексны и Свири, возвышеніемъ бечевника, перестройкою и удлиненіемъ шлюзовъ, и сооруженіемъ новаго канала «Императора Александра II». Всѣ эти работы дали возможность допускать въ систему суда большихъ размѣровъ, устроить туерное пароходство и уменьшить конную тягу. Несмотря однако на всѣ эти постепенныя улучшенія, маріинская система, вслѣдствіе усиливавшагося судоходства, затопленія бечевниковъ въ годы большого полноводія и происходившаго отъ того скопленія лошадей, питавшихся сырымъ подножнымъ кормомъ, дѣлалась разсадницей сибирской язвы, равно губительной и для людей и для скота, особенно при недостаткѣ врачебно-полицейскаго надзора.

Послѣ двукратнаго изслѣдованія, съ помощію особыхъ спе-

---

[1]) «Объ улучшеніи судоходства на Волгѣ», Е. Рагозина. Спб. Вѣд. 1870 г.—Пути и способы перевозки грузовъ съ низов. пристаней р. Волги къ С.-Петербургу. И. Ѳ. Барковскаго.

ціальныхъ коммиссій, о причинахъ развитія сибирской язвы на маріинской системѣ и о мѣрахъ къ улучшенію ея въ санитарно-административномъ отношеніи, управленіе путей сообщенія обратилось непосредственно къ заинтересованнымъ въ дѣлѣ устройства системы лицамъ, съ предложеніемъ представить свои соображенія по соглашенію съ биржевымъ петербургскимъ и рыбинскимъ купечествомъ, указать на необходимыя, по ихъ мнѣнію, въ томъ отношеніи мѣры и на средства ихъ выполненія. Результатомъ этого былъ извѣстный проектъ концессіи г. Овсянникова и К°, уполномоченныхъ отъ 120-ти лицъ, предлагавшій улучшеніе маріинской системы въ теченіи 4-ти лѣтъ съ употребленіемъ $8^1/_2$ мил. единовременно и 1,200,000 р. ежегодно, и устройство туернаго движенія на счетъ особаго капитала въ $2^1/_2$ мил., собраннаго въ видѣ акцій, гарантированныхъ правительствомъ и погашаемыхъ въ теченіи 81-го года.

Въ виду подобныхъ предложеній, при министерствѣ путей сообщенія, по высочайшему повелѣнію, въ началѣ 1870-го года учреждена была новая коммиссія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, задачею которой поставлено, кромѣ принятія временныхъ мѣръ для облегченія успѣха навигаціи по маріинской системѣ въ 1870-мъ году, собрать и систематически сгруппировать всѣ необходимыя данныя въ административномъ, техническомъ и законодательномъ отношеніяхъ, а также вѣрныя статистическія свѣдѣнія для основательнаго разрѣшенія вопросовъ, могущихъ возникнуть какъ при разсмотрѣніи составленнаго 8-ю уполномоченными проекта, такъ и вообще при устройствѣ водяного пути между Рыбинскомъ и С.-Петербургомъ на новыхъ началахъ, посредствомъ привлеченія частныхъ капиталовъ. Занятіе этого комитета, который почти въ полномъ составѣ своемъ посѣтилъ маріинскую систему, чтобы провѣрить имѣющіяся у него данныя и составленныя имъ предположенія на самомъ мѣстѣ, продолжаются понынѣ; между тѣмъ вопросу о маріинской системѣ, какъ одному изъ наиболѣе современныхъ внутреннихъ вопросовъ, продолжаетъ посвящать свое вниманіе періодическая печать и разныя общества, по поводу его пишутся цѣлыя брошюры и сочиненія[1]). Интересъ къ дѣлу усилился между прочимъ и потому, что въ средѣ самаго промышленнаго сословія оказалось неожиданное раздѣленіе. Заявленіе лицъ, избиравшихъ уполномоченныхъ, для составленія акцій первой компаніи съ цѣлью взятія маріинской си-

[1]) Наше судоходство М. Прокофьева Спб. 1870—71 г. въ 3-хъ выпускахъ, изъ коихъ третій посвященъ вопросу маріинской системы.—Фикція и дѣйствительность въ вопросѣ объ устройствѣ маріинской системы. Экономич. изслѣдованіе Н. Водова. Спб. 1870.

стемы въ свое управленіе, встрѣтило неожиданный протестъ со стороны с.-петербургскаго и рыбинскаго биржевого купечества, отрицающихъ правильность и даже права означенныхъ лицъ ходатайствовать отъ имени всѣхъ заинтересованныхъ въ вопросѣ объ улучшеніи маріинской системы.

Кромѣ того, земство прилегающихъ къ маріинской системѣ губерній также предлагало взять въ свое завѣдываніе маріинскую систему.

Такимъ образомъ, вопросъ о маріинской системѣ окончательно запутался и трудно предвидѣть, какое онъ получитъ разрѣшеніе, а между тѣмъ, всѣ признанныя неудобства этого пути продолжаютъ существовать безъ радикальнаго улучшенія.

Другія, хотя и менѣе значительныя водяныя системы наши также нерѣдко возбуждали заявленія о коренномъ ихъ улучшеніи. Такъ, въ 1865-мъ г. кёнигсбергское купечество, особенно заинтересованное состояніемъ огинской системы, въ запискѣ, сообщенной тогда же нашему правительству чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, указывало какъ на общіе недостатки всѣхъ нашихъ искусственныхъ водяныхъ сообщеній, небрежность содержанія ихъ, отсутствіе постоянной чистки рѣкъ и каналовъ отъ грязи, наплывъ зарослей, неисправность бечевниковъ, отсутствіе рѣчной полиціи и т. п., такъ и на нѣкоторыя спеціальныя улучшенія въ огинской системѣ, которыя бы сдѣлали ее удобной для плаванія большихъ судовъ, причемъ не встрѣчалось бы необходимости въ перегрузкахъ; однако управленіе путей сообщенія, разсмотрѣвъ эту записку, признало невозможнымъ въ однихъ мѣстахъ, слишкомъ дорогимъ—въ другихъ, и безполезнымъ въ цѣломъ приведеніе всей системы въ состояніе, доступное для плаванія большихъ судовъ [1]).

III.

Медленный и трудный ростъ нашей промышленности значительно обусловливался также недостаткомъ капиталовъ и дороговизною кредита. Хотя покровительственный тарифъ и привлекъ къ промышленности многіе свободные капиталы, но при вѣрномъ и спокойномъ помѣщеніи, которое открывали свободнымъ капиталамъ государственныя кредитныя учрежденія, дававшія до преобразованія ихъ въ 1857-мъ году по 4% въ годъ и въ 17 лѣтъ удвоивавшія ввѣряемый имъ капиталъ уплатою процен-

---

[1]) Пинскъ и его районъ. Ю. Янсона. Спб. 1869, стр. 251—264 и прилож. № 14.

товъ на проценты; при существованіи въ торговомъ и промышленномъ сословіи довѣрія лишь къ частнымъ сдѣлкамъ, стоящимъ внѣ закона; при сложности, хлопотливости и долговременности судебныхъ взысканій по формальнымъ кредитнымъ сдѣлкамъ; при существованіи указныхъ процентовъ, исключавшемъ всякую возможность преслѣдовать должника, обязавшагося уплатою свыше 6%—понятно, что свободные капиталы охотнѣе были ввѣряемы казеннымъ кредитнымъ установленіямъ, нежели частнымъ лицамъ для промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ. Кредитныя же установленія занимались операціями, которыя всего менѣе могли содѣйствовать развитію промышленности. Правда, въ 1817-мъ году учрежденъ былъ государственный коммерческій банкъ; главною его цѣлію поставлено помогать оживленію оборотовъ промышленности, доставленію денежныхъ способовъ торговому и промышленному сословіямъ, и вообще распространенію частнаго кредита; но онъ не достигнулъ своей цѣли, какъ это видно изъ исторіи этого учрежденія, разработанной Е. И. Ламанскимъ въ статьѣ: *Статистическій обзоръ операцій государственныхъ кредитныхъ установленій съ 1817 года*[1]). Главнѣйшая часть капиталовъ этого банка, именно около 70%, находилась постоянно внѣ торговыхъ операцій, получая обращеніе или въ заемномъ банкѣ, или заключаясь въ кредитныхъ бумагахъ, приносящихъ проценты.

Собственно торговыя операціи по учету векселей составляли только отъ 4—5% а по учету товаровъ и цѣнностей, обращающихся въ торговлѣ, отъ 2½—3%; такъ что обѣ эти операціи, преимущественно направленныя на оживленіе торговыхъ оборотовъ и фабричной дѣятельности, требовали отъ 6½ 8% средствъ, принадлежавшихъ банку, и въ самые благопріятные годы не превышали 47 мил. р., обыкновенно же простирались отъ 8 до 25 мил. р.

Такой результатъ впрочемъ неудивителенъ, въ виду того, что вслѣдствіе увеличенія неблагонадежности представляемыхъ къ учету векселей и даже появленія между ними въ значительномъ числѣ фальшивыхъ, въ уставъ банка введены были, съ 1831-го года, дополнительныя правила, имѣвшія цѣлію, по словамъ министра финансовъ графа Канкрина, не только необходимое огражденіе банка отъ напрасныхъ потерь, но и *предостереженіе самихъ частныхъ лицъ отъ предпріятій, несоразмѣрныхъ съ*

---

[1]) Статья эта была помѣщена во 2-ой книжкѣ «Сборника статистическихъ свѣдѣній о Россіи», изданнаго статистическимъ отдѣленіемъ И. Р. Географическаго общества въ 1854-мъ году.

ихъ способами и въ которыя вовлекало ихъ прежде излишнее расширеніе для нихъ кредита.

Съ ликвидаціею въ 1860-мъ году дѣлъ прежнихъ казенныхъ кредитныхъ установленій, и съ замѣною ихъ однимъ правительственнымъ банкомъ—*Государственнымъ* съ отдѣленіями и конторами въ губерніяхъ, обязанности коммерческаго банка перешли на это учрежденіе. Въ 10-лѣтній періодъ 1860—1869 годовъ, государственный банкъ, съ своими 46-ю конторами и отдѣленіями, произвелъ коммерческихъ ссудъ болѣе чѣмъ на полтора милліарда рублей, причемъ учетъ векселей и другихъ срочныхъ бумагъ и ссуды подъ залогъ товаровъ составляли 840 милліоновъ руб.; самыя ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, если и имѣли спекулятивный характеръ, въ С.-Петербургѣ, гдѣ такихъ ссудъ выдано на 348 мил., то несравненно менѣе отличались, конечно, этимъ характеромъ въ другихъ городахъ, гдѣ кредитъ по этой статьѣ простирался въ 10 лѣтъ до 329-ти мил. рублей. Несмотря на значительность ссудныхъ операцій, достигавшихъ въ 1866-мъ г. до 247-ми мил. р., а въ 1869-мъ г. до 237-ми мил. государственный банкъ, со всѣми своими губернскими конторами, далеко не могъ, конечно, удовлетворить постоянно возраставшимъ требованіямъ промышленности, доказательствомъ чему служитъ развитіе многихъ частныхъ кредитныхъ учрежденій, съ тѣхъ поръ, какъ правительство отказалось отъ своей прежней запретительной системы въ этомъ отношеніи. Первыми неправительственными учрежденіями были, такъ-называемые *городскіе общественные банки.* Они существовали и прежде въ нѣкоторыхъ городахъ, но имѣли весьма малый кругъ оборотовъ и развитіе ихъ стѣснялось необходимостію испрашивать разрѣшеніе на открытіе каждаго банка законодательнымъ порядкомъ. Съ изданіемъ въ 1862-мъ году нормальнаго положенія для городскихъ общественныхъ банковъ, число ихъ, доходившее въ то время до 14-ти, начало быстро возрастать, и въ 1869-мъ году считалось уже подобныхъ банковъ 189[1]). Обороты 155-ти банковъ, вполнѣ организованныхъ и доставившихъ правительству свои отчеты, простирались въ 1869-мъ г. до 188-ми мил. руб., причемъ наибольшимъ оборотомъ отличались банки: Скопинскій, Харьковскій, Саратовскій, Казанскій, Богородскій, Орловскій, Елисаветградскій, Пензенскій, Рыбинскій, Воронежскій, Тамбовскій и Рязанскій. Значи-

---

[1]) Свѣдѣнія о городскихъ общественныхъ банкахъ можно найти въ Сборникѣ свѣд. и матер. по вѣд. мин. фин. 1865 г. т. I № 2, 1866 г. т. I № 2; 1866 г. т. III № 9.—Ср. Ежегодникъ министерства финансовъ, вып. I. 1869 г.—«Правительственный Вѣстникъ» 1869-й годъ № 114; 1870 г. №№ 164 и 165.

тельность этихъ оборотовъ тѣмъ болѣе замѣчательна, что основные капиталы этихъ банковъ не превышаютъ въ совокупности $6^1/_2$ мил. руб. Около половины банковъ, ведущихъ обороты до полу-милліона рублей, имѣли въ 1869-мъ г. основнаго капитала отъ 10 до 25-ти т. руб., а Скопинскій банкъ произвелъ оборотовъ почти на 27 мил. при основномъ капиталѣ въ 189 т. руб. Въ настоящее время, впрочемъ, уже послѣдовало распоряженіе правительства объ ограниченіи обязательствъ каждаго городского банка суммой, которая бы не превышала болѣе, чѣмъ въ десять разъ собственные его капиталы.

Содѣйствіе промышленности и торговлѣ выразилось, конечно, преимущественно въ учетѣ векселей и другихъ бумагъ и въ выдачѣ ссудъ подъ разныя обезпеченія. Первая операція простиралась, въ 1869-мъ г., на 52 мил. руб., вторая же на 19 мил. руб. Изъ этихъ цифръ видно, конечно, что содѣйствіе промышленности не есть единственная задача городскихъ общественныхъ банковъ; дѣйствительно, они имѣютъ, между прочимъ, назначеніемъ содѣйствовать улучшенію городского хозяйства и дѣлу общественной благотворительности, и все это ставится даже въ упрекъ городскимъ банкамъ. Хотя на удовлетвореніе этихъ цѣлей отчисляется изъ прибылей, составлявшихъ въ 1869-мъ г. 4 мил. руб., не болѣе 750-ти тыс. руб., тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что организація городскихъ общественныхъ банковъ далека отъ идеала совершенства кредитнаго учрежденія, и что обезпеченія, представляемыя этими банками, слишкомъ малы въ сравненіи съ значительностью ихъ оборотовъ; во всякомъ случаѣ, польза, принесенная этими банками развитію кредитныхъ операцій въ Россіи, несомнѣнна.

Другую форму неправительственныхъ, а тоже общественныхъ, но не корпоративныхъ, а акціонерныхъ кредитныхъ учрежденій, представляютъ акціонерные коммерческіе и учетные банки. Такихъ банковъ теперь считается 13. По времени основанія своего они слѣдовали въ такомъ порядкѣ: въ 1863-мъ г. основанъ рижскій биржевой банкъ; въ 1864-мъ, — петербургскій частный коммерческій банкъ; въ 1867-мъ—московскій купеческій банкъ; въ 1868-мъ году—харьковскій торговый банкъ, кіевскій частный коммерческій банкъ, дерптскій банкъ; въ 1869-мъ году—с.-петербургскій учетный и ссудный банкъ, с.-петербургскій международный коммерческій банкъ и московскій учетный банкъ; въ 1870-мъ году варшавскій коммерческій банкъ, волжско-камскій банкъ въ Петербургѣ, нижегородскій купеческій, одесскій коммерческій банкъ.

Такимъ образомъ, бóльшая часть этихъ кредитныхъ учреж-

деній возникли въ три послѣдніе года, и нѣкоторыя изъ нихъ едва успѣли еще организоваться, а потому было бы слишкомъ преждевременно дѣлать какіе-либо выводы о ихъ дѣятельности. Но самый фактъ возникновенія этихъ банковъ ясно свидѣтельствуетъ о сильномъ спросѣ на кредитъ, а развивающіеся съ каждымъ годомъ обороты старѣйшихъ изъ этихъ банковъ несомнѣнно доказываютъ пользу, приносимую ими промышленности. Такъ с.-петербургскій частный коммерческій банкъ сдѣлалъ оборотовъ въ 1865-мъ г. на 737 мил. руб., въ 1866-мъ г. на 830 мил., въ 1867-мъ г. на 1 милліардъ; московскій же купеческій банкъ въ 1867-мъ г. на 150 мил., а въ 1868-мъ г. на 384 мил. руб. Но учетъ векселей и товаровъ въ обоихъ банкахъ превышалъ въ 1868-мъ г. 52 мил. р. Изъ опубликованнаго состоянія счетовъ нѣкоторыхъ банковъ къ 1-му января 1871-го года видно, что въ с.-петербургскомъ международномъ коммерческомъ банкѣ было учтенныхъ русскихъ векселей на $2^3/_4$ мил. руб., въ с.-петербургскомъ учетномъ и ссудномъ—на 5 мил., въ московскомъ учетномъ на 68 мил., ссудъ же подъ товары считалось въ 1-мъ и 3-мъ банкахъ на 192 т. руб.

Нѣтъ сомнѣнія, что при дальнѣйшемъ развитіи этихъ учрежденій, особенно при распространеніи ихъ операцій, подобно волжско-камскому банку, на всю Россію, промышленность должна получить значительное оживленіе. Но акціонерные банки, какъ опытъ и указываетъ, могутъ возникать и дѣйствовать съ успѣхомъ лишь въ большихъ промышленныхъ городахъ, съ широкимъ полемъ дѣятельности; въ городахъ же менѣе значительныхъ, хотя и не лишенныхъ торговаго и промышленнаго значенія, потребна иная форма банковыхъ учрежденій, болѣе приспособленная къ мѣстнымъ потребностямъ. Такою формою являются дѣйствительно банки взаимнаго кредита. Первое общество подобнаго рода возникло у насъ по инпціативѣ Е. И. Ламанскаго, въ 1863-мъ г. въ Петербургѣ, а затѣмъ мало-по-малу учредились подобныя же общества: въ Ригѣ—3, и по одному въ Харьковѣ, Ростовѣ-на-Дону, Одессѣ, Кіевѣ, Борисоглѣбскѣ, Орлѣ, Москвѣ, Таганрогѣ, Тамбовѣ и Саратовѣ. Въ настоящее время въ Петербургѣ составляется второе общество взаимнаго кредита. Если первоначальное петербургское общество взаимнаго кредита, имѣющее нынѣ болѣе 7000 членовъ, въ 7 лѣтъ возвысило свой оборотъ съ 26-ти мил. руб. до 1,200 милліоновъ и вслѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, находясь въ центрѣ биржевой спекуляціи, болѣе содѣйствовало оживленію ея, нежели промышленности, то нельзя конечно ожидать такихъ результатовъ и отъ

другихъ обществъ этого рода, хотя впрочемъ дѣятельность ихъ, къ сожалѣнію, весьма мало извѣстна [1]).

Во всякомъ случаѣ, какъ ни усиленно подвигается повидимому у насъ банковая дѣятельность, но и для нея открыто впереди еще широкое поле, и, сравнительно съ другими странами, развитіе банковыхъ учрежденій идетъ у насъ медленно. По выводамъ г. Гаттенбергера [2]), одинъ вновь открытый банкъ приходится въ Россіи въ послѣдніе годы на 10,865 кв. м. и 2,717,896 жителей, въ Сѣв. Америкѣ на 3,394 кв. м. и 815,765 жит., въ Англіи на 101 кв. м. 746,730 жит., въ Шотландіи на 18 кв. миль и 36,881 жит.—Въ Англіи въ 1864-мъ г. было 1,413 банковъ, или 1 банкъ на 14,298 чел. и на 2 кв. м.; въ Шотландіи — 612 банковъ, или 1 банкъ на 5,000 чел. и $2^1/_2$ кв. м.; въ Сѣв. Амер. Соединенныхъ-Штатахъ 925 банковъ, или 1 банкъ на 751 кв. м., и на 80,166 жителей; въ Россіи же можно считать разнаго рода промышленныхъ банковъ, включая и конторы государственнаго банка, — 262, или 1 банкъ на 1,374 кв. м. и на 263,358 жителей.

Но большая часть вышеисчисленныхъ банковъ по своимъ условіямъ доступны болѣе предпринимателямъ, располагающимъ уже нѣкоторымъ капиталомъ, и почти совершенно недоступны для мелкихъ бѣдныхъ ремесленниковъ или простыхъ рабочихъ, не имѣющихъ возможности представить какія-либо обезпеченія для полученія кредита. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ и придти на помощь нуждающемуся рабочему люду въ Германіи, извѣстный Шульце-Деличъ, нынѣ депутатъ въ германскомъ парламентѣ, положилъ давно уже начало образованія между рабочими кредитныхъ товариществъ, основанныхъ на взаимной помощи и круговой порукѣ. О замѣчательномъ развитіи этихъ рабочихъ банковъ можно судить по сравненію результатовъ ихъ дѣятельности въ послѣднія 10 лѣтъ. Въ 1862-мъ году считалось подобныхъ обществъ не болѣе 400, въ 1869-мъ году, ихъ было уже 1750, въ томъ числѣ въ Пруссіи 723, въ Австріи—501, въ Саксоніи 134, въ Виртембергѣ 91, въ Баваріи 60, въ остальной Германіи 241. Къ сожалѣнію далеко не всѣ общества заявляютъ о своей дѣятельности, но изъ отчетовъ, ежегодно публикуемыхъ Шульце-Деличемъ, видно, что въ 1859-мъ году 80

[1]) Нѣкоторые данныя и сужденія о существующихъ у насъ банкахъ можно найти въ брошюрѣ: *Первый всероссійскій промышленный съѣздъ*. Стенограф. отчетъ 1-го отдѣленія съѣзда по вопросу о банкахъ. Спб. 1870.

[2]) Вліяніе русскаго законодательства на производительность торговаго банковаго кредита. Харьковъ, 1870 г.

обществъ считали въ своей средѣ 18,674 члена, имѣли 276,846 талеровъ собственныхъ и 1.014,145 талеровъ заемныхъ капиталовъ; ссуды же выдали на 4 милл. тал.; въ 1869-мъ году, 725 обществъ, доставившихъ свои отчеты, имѣли уже 304,772 члена, 13 мил. тал. собственныхъ и 42 мил. тал. чужихъ капиталовъ, и выдали на 181 мил. тал. ссудъ. Чистая прибыль въ 1869-мъ г. составляла 957 тыс. тал., изъ коихъ 741 тыс. поступили въ дивидендъ, а 187,000 тал. причислены къ запасному капиталу.

Такимъ образомъ, содѣйствуя незначительными взносами образованію многочисленныхъ кредитныхъ товариществъ, рабочіе сами открываютъ себѣ возможность пользоваться кредитомъ во всѣхъ нужныхъ случаяхъ жизни и нерѣдко получаютъ этимъ путемъ возможность перейти изъ состоянія простыхъ работниковъ въ положеніе хозяевъ и предпринимателей, или образовать изъ себя артели для совокупнаго производства.

Польза, принесенная этими товариществами въ Германіи, подала мысль нѣкоторымъ просвѣщеннымъ лицамъ испытать примѣненіе ея и въ Россіи; но до сихъ поръ подобныя ссудныя товарищества существуютъ у насъ только въ средѣ сельскаго населенія и еще не распространились между ремесленнымъ и фабричнымъ людомъ. Утвержденныхъ обществъ считается уже 16, ожидающихъ своего утвержденія 9. Въ первомъ по учрежденію Рождественскомъ (Лугининскомъ) ссудномъ товариществѣ, въ Костромской губерніи, считается до 200 членовъ съ 2,650 руб. паевыхъ взносовъ; въ теченіи послѣдняго года выдано было ссуды 12 т. р. Въ 5-ти новгородскихъ товариществахъ, возникшихъ лишь въ ноябрѣ 1870-го г., считалось въ половинѣ декабря уже до 500 членовъ и роздано было ссудъ до 9,000 р. Нѣкоторыя изъ новгородскихъ ссудныхъ товариществъ возникли въ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне занимаются кустарными промыслами, напр. гвоздильнымъ, и потому они могутъ принести пользу улучшенію способовъ производства въ этихъ промыслахъ [1]).

IV.

Отъ рабочихъ банковъ прямой переходъ къ рабочему сословію и такъ-называемому рабочему вопросу, т.-е. вопросу о ма-

[1]) Свѣдѣнія эти извлечены изъ стенографическаго отчета 2-го съѣзда сельскихъ хозяевъ при Московскомъ обществѣ С. Х. отд. I. «Вечернее засѣданіе 27-го декабря 1870-го года, по вопросу о важности краткосрочнаго кредита и мѣрахъ къ развитію его въ Россіи».

теріальномъ и нравственномъ благосостояніи рабочаго класса. Извѣстно, что нынѣшняя фабричная форма промышленности есть созданіе новѣйшаго времени, конца XVIII-го и въ особенности первой четверти XIX-го столѣтія, что одно изъ первыхъ условій этой формы заключается въ необходимости значительныхъ капиталовъ и многочисленнаго рабочаго сословія, которое, отказавшись отъ самостоятельности и въ тоже время предоставленное самому себѣ, нашло бы въ наемной работѣ одно изъ главныхъ средствъ своего существованія. Образованію такого населенія, группирующагося около большихъ промышленныхъ центровъ, въ западной Европѣ много содѣйствовали съ одной стороны переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ и въ поземельныхъ отношеніяхъ главныхъ государствъ Европы, переворотъ, имѣвшій послѣдствіемъ невозможность для большинства мелкихъ земледѣльцевъ вести свое хозяйство по неимѣнію капитала, съ другой стороны, существованіе цеховыхъ ограниченій, стѣснявшихъ свободу промысловъ и сдѣлавшихъ положеніе бѣдныхъ ремесленниковъ крайне затруднительнымъ, особенно среди возникавшихъ кругомъ фабрикъ.

Въ исторіи развитія фабричной промышленности и связаннаго съ нимъ благосостоянія рабочихъ классовъ писатели, изучавшіе этотъ предметъ, различаютъ три періода.

«Въ первомъ періодѣ,—говоритъ г. Корсакъ [1]), цитируя Одиганна,—каждая вновь основанная фабрика дѣлается источникомъ истиннаго довольства для извѣстнаго района.

«Вскорѣ однако фабрики начинаютъ размножаться и привлекаютъ къ себѣ наибольшую часть народонаселенія. Конкурренція, все болѣе и болѣе ожесточенная, подстрекаемая требованіями заграничной торговли, ставитъ фабрикантовъ въ необходимость выбирать одно изъ двухъ: или производить какъ можно дешевле, или падать въ борьбѣ. Безчисленныя улучшенія дѣлаются въ производствѣ, вызываемыя неизбѣжной необходимостью; но торжество человѣческаго генія, которое должно въ окончательномъ результатѣ обратиться въ выгоду цѣлаго общества, влечетъ за собою рѣзкіе перевороты, и болѣзненное дѣйствіе ихъ вскорѣ чувствуютъ рабочіе. Между тѣмъ время отъ времени находятъ кризисы, присущіе каждому широкому и быстрому полету человѣческой дѣятельности, и застаютъ промышленное общество совершенно обезоруженнымъ. Эта вторая эпоха

[1]) О формахъ промышленности. Москва. 1861 г. стр. 98 и 99.—A. Audiganne. Les populations ouvrières et les industries de la France dans le mouvement social du XIX siècle. Paris 1854.

ознаменовалась продолженіемъ рабочаго дня, упадкомъ заработной платы, однимъ словомъ злоупотребленіемъ всѣхъ силъ, содѣйствующихъ производству, и безсиліемъ, въ которомъ находятся эти силы оказать твердое сопротивленіе бурѣ.

«Третьей эпохѣ предназначено искать новаго пути, болѣе покойнаго и безопаснаго. Эта эпоха только-что начинается, зачатки ея видятъ въ тѣхъ рабочихъ ассоціаціяхъ, которыя возникаютъ и дѣйствуютъ съ такимъ успѣхомъ во многихъ европейскихъ государствахъ, въ ассоціаціяхъ чуждыхъ исключительному, корпоративному духу среднихъ вѣковъ, основанныхъ на свободномъ участіи труда и капитала въ выгодахъ новой формы промышленности, на сліяніи ничтожныхъ сбереженій и разъединенныхъ силъ работниковъ въ одномъ обширномъ предпріятіи».

Западная Европа, и въ особенности Англія, Франція и Германія давно уже переживаютъ второй періодъ развитія своей промышленности, и начинаютъ вступать въ третій. Но если широкое развитіе фабричной системы и усиленное соперничество между фабрикантами разныхъ странъ съ одной стороны, и усиливающееся предложеніе рабочихъ рукъ, парализуемое непрерывными открытіями и усовершенствованіями въ области механики и техники съ другой, и вызываютъ часто осужденіе этой системы за тотъ вредъ, который она причиняетъ до извѣстной степени физическому и нравственному состоянію бѣднаго класса народонаселенія, искусственнымъ привлеченіемъ и скопленіемъ его въ душныхъ мастерскихъ, и обращеніемъ человѣка въ какое-то механическое орудіе производства, то, во всякомъ случаѣ, значительная часть этихъ осужденій могутъ быть признаны преувеличенными и неумѣстными.

Лица, изучавшія экономическое положеніе наиболѣе промышленныхъ округовъ Англіи, какъ напр. Бемертъ и Губеръ, поборники свободы промышленности и корпоративнаго начала, вовсе не замѣтили въ означенныхъ округахъ той нищеты, которую такъ охотно приписываютъ вліянію фабричнаго производства; напротивъ, они указываютъ на примѣры многихъ рабочихъ, которые пріобрѣли на счетъ сдѣланныхъ ими сбереженій изъ заработной платы даже небольшую поземельную собственность. Не отрицая, что между сотнями тысячъ рабочихъ въ промышленныхъ округахъ есть множество семействъ, которыя борются съ бѣдностью, болѣзнью и нуждою, они приписываютъ явленіе это или тому, что семьи эти привели себя въ такое положеніе вслѣдствіе недостатка прилежанія и бережливости, вслѣдствіе пьянства и другихъ пороковъ, а главнѣйше вслѣдствіе недостатка умственнаго образованія, который и удерживаетъ столь

многихъ англійскихъ рабочихъ еще на низкой степени человѣческаго развитія; или же относятъ это къ вліянію неурожайныхъ годовъ, гражданскихъ и международныхъ войнъ, торговыхъ и промышленныхъ кризисовъ и т. п.

Для содѣйствія рабочему классу къ выходу изъ его угнетеннаго состоянія и для доставленія ему средствъ бороться съ нуждою, въ случаѣ неожиданнаго прекращенія работы, по разнымъ непредвидѣннымъ случаямъ въ странахъ, водворившихъ у себя полную свободу промышленности, возникли, большею частію въ новѣйшее время, по инищіативѣ нѣкоторыхъ передовыхъ представителей промышленнаго сословія и вообще частныхъ лицъ, учрежденія, имѣющія цѣлію путемъ самостоятельнаго развитія дать выходъ работнику изъ его зависимаго положенія. Таковы общества взаимнаго вспомоществованія, ссудные рабочіе банки, ассоціація работниковъ для потребленія и производства, предпріятія для улучшенія жилищъ рабочаго класса.

Къ сожалѣнію, предѣлы настоящей статьи не позволяютъ намъ войти въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ учрежденій, хотя въ матеріалахъ для изученія ихъ не только въ иностранной, но даже и въ русской литературѣ нѣтъ недостатка. Мы укажемъ здѣсь въ особенности на одинъ матеріалъ, заслуживающій полнаго вниманія, именно на свѣдѣнія о положеніи рабочаго сословія въ западной Европѣ и о средствахъ, принимаемыхъ тамъ для его улучшенія, — собранныя покойнымъ предсѣдателемъ учрежденной въ 1859-мъ г. при министерствѣ фининансовъ коммиссіи для пересмотра нашихъ уставовъ фабричнаго и ремесленнаго, А. Ѳ. Штакельбергомъ. Матеріалы эти вошли въ составъ IV-го и V-го томовъ *Трудовъ* означенной коммиссіи, и вышли въ свѣтъ въ 1865-мъ году уже по смерти автора, съ такою любовью изучавшаго этотъ предметъ [1]).

Изученіе возникающихъ въ Европѣ потребительныхъ, производительныхъ и другихъ кооперативныхъ рабочихъ ассоціацій приводитъ къ тому заключенію, что результатомъ этого движенія было распространеніе въ рабочихъ классахъ большей бережливости и направленіе сбереженій, которыя въ прежнее время тратились большею частію безъ всякой пользы, — на производительныя цѣли. «Кооперативное движеніе, по отзыву профессора Губера, изучавшаго его на мѣстѣ въ разныхъ странахъ, извлекая рабочаго, изъ совершенно безпомощнаго положенія, несомнѣнно поведетъ владѣльцевъ фабричныхъ заведеній къ лучшему пониманію правильныхъ отношеній къ рабочему классу и устранитъ тѣ

---

[1]) Труды коммиссіи для пересмотра уставовъ фабричнаго и ремесленнаго.

явленія, которыя въ видѣ стачекъ такъ неблагопріятно дѣйствуютъ на производство».

Но признавая за рабочими ассоціаціями такое регулирующее и умѣряющее значеніе въ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ, не слѣдуетъ кажется увлекаться слишкомъ несбыточными надеждами о возможности пересозданія промышленности на этихъ началахъ, о возможности перехода всѣхъ фабрикъ изъ рукъ капиталистовъ въ руки рабочихъ классовъ. Сдѣланые опыты указываютъ на то, какъ слабы и даже ничтожны проявленія кооперативнаго производства въ сравненіи съ господствующей формой. И въ этомъ нельзя не согласиться съ мнѣніемъ тюбингенскаго профессора Леви, высказаннымъ въ отчетѣ его англійскому правительству о положеніи техническаго образованія въ Европѣ: «Много было сказано—говоритъ онъ—въ пользу кооперативныхъ обществъ, какъ средствъ примиренія интересовъ хозяевъ и рабочихъ; но каковы бы ни были ихъ достоинства, я сомнѣваюсь, могутъ ли они замѣнить когда-либо контрактныя отношенія заработной платы. Въ большей части случаевъ рабочій, неимѣющій предварительно накопленнаго капитала, долженъ работать изо дня въ день и будетъ всегда предпочитать опредѣленное вознагражденіе неопредѣленной прибыли, небольшую сумму, скоро получаемую, болѣе значительной, но чрезъ отдаленное время получаемой;—съ другой стороны, и капиталистъ найдетъ въ абсолютномъ контролѣ всего предпріятія и въ подчиненіи всѣхъ прочихъ соображеній конечнымъ случайностямъ прибыли, болѣе надежное условіе, чѣмъ совмѣстное участіе въ промышленныхъ прибыляхъ, доведенное до крайнихъ предѣловъ, съ постоянною опасностью разстройства».

Поэтому можно предсказывать блестящую будущность всѣмъ кредитнымъ, потребительнымъ и другимъ подобнаго рода ассоціаціямъ; но едва ли можно ожидать слишкомъ широкаго развитія собственно такъ-называемыхъ производительныхъ ассоціацій, въ которыхъ сосредоточивается совокупное производство во всѣхъ его мельчайшихъ операціяхъ съ начала и до конца.

Даже самъ Шульце-Деличъ, главный двигатель кооперативнаго движенія въ Германія, свидѣтельствуетъ, что производительныя ассоціаціи весьма туго развиваются въ Германіи и могутъ существовать лишь при небольшомъ числѣ членовъ. Поэтому онъ совѣтуетъ крайнюю осмотрительность при учрежденіи подобныхъ товариществъ, такъ какъ онѣ возможны лишь при накопленіи основного и оборотнаго капитала, въ размѣрѣ достаточномъ для производства, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ безъ разсчета на барыши, и при соединеніи чле-

нами техническихъ знаній съ коммерческимъ разсчетомъ. Въ то время, какъ въ 1869-мъ году, по послѣднему отчету Шульце-Делича, въ Германіи считалось 1,750 кредитныхъ товариществъ, 627 потребительныхъ, 136 товариществъ для покупки оптомъ сырыхъ матеріаловъ, 26 для пріобрѣтенія и совокупнаго пользованія орудій производства, преимущественно въ сельскомъ хозяйствѣ, 39 товариществъ для продажи изъ общаго склада издѣлій, произведенныхъ разными лицами порознь, — число товариществъ для совокупнаго производства достигало 66; но изъ нихъ только 5 доставили свои отчеты, изъ коихъ видно, что въ нихъ было 220 членовъ, три общества имѣли производства въ $36^1/_2$ м. тал., и получили чистой прибыли 2,034 тал.

Развитіе рабочаго класса въ Россіи шло совершенно инымъ путемъ, нежели въ западной Европѣ, а потому и настоящее положеніе его находится въ совершенно иныхъ условіяхъ. Созданные искусственными мѣрами Петра Великаго, казенные и частные заводы и фабрики, на первыхъ же порахъ своего существованія, встрѣтили существенное препятствіе своему развитію въ недостаткѣ рабочихъ рукъ. Чтобъ устранить это важное препятствіе Петръ Великій приписывалъ къ заводамъ и фабрикамъ населенныя крестьянами деревни и разрѣшалъ не только дворянству, но и купечеству покупать съ тою же цѣлью такія деревни. Въ тоже время помѣщики, начинавшіе понимать коммерческую выгодность фабричныхъ предпріятій, стали обращать на работы при учрежденныхъ ими заводахъ и фабрикахъ своихъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ. Такимъ образомъ и фабричный трудъ, подобно земледѣльческому, основался у насъ на обязательной работѣ приписного къ фабрикамъ населенія, съ тѣмъ небольшимъ лишь различіемъ, что одни фабричные крестьяне принадлежали своимъ владѣльцамъ-фабрикантамъ на общемъ крѣпостномъ правѣ и исполняли фабричныя и заводскія работы взамѣнъ издѣльной, барщинной повинности по обработкѣ помѣщичьей земли, другіе же составляли особый разрядъ ограниченнаго крѣпостного состоянія и принадлежали собственно не владѣльцу фабрики или заводу, а тому заведенію, къ которому они были приписаны, откуда и произошло ихъ наименованіе поссессіонными. Права и обязанности какъ поссессіонныхъ владѣльцевъ, такъ и поссессіонныхъ крестьянъ были опредѣлены особыми узаконеніями. Съ начала нынѣшняго столѣтія, правительство положило предѣлъ распространенію класса поссессіонныхъ крестьянъ и наконецъ совершенно воспретило покупку крестьянъ на поссессіонномъ правѣ, крестьянъ же, приписанныхъ къ подобнымъ фабрикамъ, по закрытіи ихъ, обращало въ свободныя состоянія.

Поэтому съ каждою изъ послѣднихъ четырехъ переписей, число поссессіонныхъ крестьянъ уменьшалось. По 7-й ревизіи, бывшей въ 1816-мъ г., ихъ числилось 137,965 д. обоего пола, изъ чего слѣдуетъ заключить, что большая часть фабричныхъ рабочихъ принадлежали къ этой категоріи, такъ какъ около того же времени, именно въ 1812-мъ г. общее число рабочихъ на всѣхъ фабрикахъ не превышало 170 т. душъ; по 8-й переписи въ 1834-мъ г. число приписныхъ крестьянъ уменьшилось до 96-ти т. ч. обоего пола; съ изданіемъ въ 1840-мъ году постановленія о постепенномъ уничтоженіи класса поссессіонныхъ крестьянъ, число поссессіонныхъ фабрикъ стало быстро уменьшаться. Въ 18-ти-лѣтній періодъ съ 1840—1858 г. закрыто 103 фабрики и около 20-ти т. душъ, приписанныхъ къ нимъ были обращены въ городское и сельское состояніе; такъ что по 10-й переписи 1857-го г. числилось лишь 51 т. д. обоего пола въ 24 губерніяхъ, при 50-ти фабрикахъ, изъ коихъ большая часть основаны въ минувшемъ столѣтіи; а въ 1863-мъ г. послѣдовало освобожденіе владѣльцевъ поссессіонныхъ фабрикъ отъ условій поссессіоннаго владѣнія и установлены окончательныя правила для обезпеченія быта поссессіонныхъ крестьянъ.

О числѣ собственно владѣльческихъ крѣпостныхъ крестьянъ, отбывавшихъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ, къ сожалѣнію свѣдѣній не имѣется. Всѣ они, на основаніи Положенія 19-го февраля 1861-го года, переведены были немедленно по составленіи уставныхъ грамотъ, въ теченіи 2-хъ лѣтъ по утвержденіи Положенія, на денежный оброкъ и получили поземельное устройство на основаніи особаго, изданнаго для нихъ положенія. Казенные мастеровые и рабочіе при казенныхъ фабрикахъ также обращены нынѣ въ свободное состояніе; немногіе остающіеся еще казенные заводы исполняютъ всѣ работы нынѣ вольнонаемными рабочими. Такимъ образомъ, въ настоящее время, съ прекращеніемъ обязательнаго земледѣльческаго труда, всѣ фабричныя работы основаны на трудѣ вольнонаемномъ, и отъ этого онѣ, безъ сомнѣнія, только выиграли: но, тѣмъ не менѣе, положеніе нашей фабричной промышленности далеко не обезпечено, потому что рабочій классъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ понимается въ западной Европѣ, т.-е. живущій исключительно личнымъ трудомъ и неимѣющій никакой собственности, у насъ еще не существуетъ. Главный контингентъ нашего фабричнаго рабочаго класса состоитъ преимущественно изъ крестьянъ, по малоземелію или неплодородности своей земли ищущихъ болѣе выгодныхъ заработковъ, для прокормленія своей семьи, остающейся въ деревнѣ и уплаты повинностей. Поэтому многія фабрики, въ особенности ткацкія, въ

періодъ лѣтнихъ работъ, отъ сѣнокоса до конца уборки хлѣба, отъ Петрова дня до Воздвиженія, принуждены сокращать свою работу.

Лишь въ столицахъ и большихъ городахъ фабрики наполняются въ значительномъ числѣ бѣднѣйшими лицами мѣщанскаго сословія, неимѣющими средствъ къ болѣе выгоднымъ самостоятельнымъ промышленнымъ занятіямъ. Такъ, въ Петербургѣ, по переписи 1864-го года, изъ показаннаго числа фабричныхъ рабочихъ около $10^1/_2$ проц. падаетъ на уроженцевъ столицы и по всей вѣроятности преимущественно мѣщанъ, $10^1/_2$ проц. на уроженцевъ Петербургской губерніи, т.-е. конечно крестьянъ; остальные же $79^0/_0$ распредѣляются между уроженцами 13-ти губерній, Финляндіи и иностранныхъ государствъ. На московскихъ фабрикахъ работаютъ преимущественно крестьяне подмосковныхъ деревень.

Нѣкоторые большіе заводчики, какъ напр. свеклосахарные, отправляютъ своихъ повѣренныхъ по деревнямъ въ тѣ губерніи, изъ коихъ заводъ снабжается главной массой рабочихъ, и подряжаютъ тамъ нужное число рабочихъ, выдавая имъ впередъ задатки, а также путевыя и кормовыя деньги.

Что касается размѣровъ заработной платы на нашихъ фабрикахъ, то, къ сожалѣнію, по этому предмету существуетъ весьма мало данныхъ. Даже въ подробныхъ описаніяхъ разныхъ отраслей промышленности, сдѣланныхъ по порученію министерства финансовъ разными спеціалистами, очевидно имѣвшими въ рукахъ всѣ способы къ изученію и описанію промышленности, этотъ вопросъ едва затронутъ и о немъ упоминается далеко не во всѣхъ статьяхъ, и притомъ весьма отрывочно и скудно. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ.

На московскихъ фабрикахъ, по отзывамъ фабрикантовъ, прядильщики работаютъ сдѣльно (съ пуда) и выработываютъ въ мѣсяцъ отъ 15 до 18-ти р. въ мѣсяцъ, на своемъ продовольствіи; ткачи получаютъ отъ 15 до 18-ти р. въ мѣсяцъ на шерстяныхъ и отъ 8 до 12-ти р. на бумажныхъ фабрикахъ. Женщины заработываютъ отъ 5 до 6 и 7-ми р.; дѣти отъ $4^1/_2$ до 5-ти р. въ мѣсяцъ. Набойщики шерстяного товара заработываютъ до 20-ти р. въ мѣсяцъ; на ситце-набивныхъ, красильныхъ и отдѣлочныхъ фабрикахъ плата отъ 7 до 10-ти р.

Продовольствіе взрослаго работника обходится до 5 р., малолѣтняго и женщины отъ $2^1/_2$ до 3 р.

Въ Англіи же за недѣльную работу въ 60 часовъ прядильщики получаютъ отъ 20 до 22-хъ шилл.; а ткачи, смотря по чи-

слу паровыхъ станковъ, къ коимъ они приставлены, отъ 10, 15, 16 и до 20-ти шилл. въ недѣлю.

На нашихъ подмосковныхъ фарфоровыхъ заводахъ платятъ по 8 коп. за выдѣлку дюжины тарелокъ или 15 р. сер. за тысячу, а при эмалевыхъ тарелкахъ плата доходитъ до 13 к. за дюжину; рабочій выдѣлываетъ въ день не болѣе 10 дюжинъ, а въ 6 мѣсяцевъ около 20,000. На англійскихъ заводахъ за работу 20-ти дюжинъ тарелокъ платятъ отъ $3^1/_4$ до $2^1/_4$ шилл.; ежедневная работа одного мастера съ двумя помощниками составляетъ около 60—70 дюжинъ въ день. На французскихъ заводахъ плата за 1,000 тарелокъ полагается отъ 7—10 франковъ.

Такимъ образомъ, наши мастера уступаютъ иностраннымъ, и въ особенности англійскимъ, и въ скорости, и въ отчетливости работы. Причина этого заключается, главнымъ образомъ, въ неправильномъ распредѣленіи труда на нашихъ заводахъ; въ Англіи обыкновенно при формованіи тарелокъ работаютъ точильщикъ и два помощника; у насъ же чаще всѣмъ дѣломъ заправляетъ одинъ рабочій, притомъ, при недостаткѣ спеціализаціи въ работѣ между нашими заводами, и при разнообразіи заказовъ, рѣдко точильщикъ работаетъ одинъ родъ посуды два, три мѣсяца сряду, а потому при такой отрывочной работѣ не можетъ пріучиться работать скоро, а слѣдовательно и дешево. Къ тому же переходъ отъ одной работы къ другой вызывается даже не необходимостью, а неправильною оцѣнкою заработной платы, которая, несмотря на неравномѣрность, остается безъ перемѣны и переходитъ изъ рода въ родъ; заводчики не измѣняютъ платы, чтобы не нарушить прежде-заведеннаго порядка и равняютъ заработную плату тѣмъ, что одного мастера переводятъ съ болѣе выгодной работы на тяжелую, а на мѣсто его ставятъ другого[1]).

На свеклосахарныхъ заводахъ гр. Бобринскихъ годовые рабочіе получаютъ 60 р. въ годъ и паекъ; временные, нанимаемые на періодъ сахароваренія, за 24 дня по 5 р. и паекъ, и за 6 праздничныхъ дней до $1^1/_2$ рублей. Работа продолжается безостановочно днемъ и ночью, со смѣною денныхъ и ночныхъ рабочихъ, при 12-ти-часовой работѣ въ сутки для каждаго.

Поденная плата рабочимъ на нашихъ механическихъ заводахъ составляетъ отъ 75 к. до 1 р. въ день, не говоря о мастерахъ, трудъ коихъ оплачивается весьма высоко, при недостаткѣ у насъ этого рода людей.

---

[1]) Обзоръ разныхъ отраслей мануф. промышл. I, стр. 375—377.

На бронзовыхъ фабрикахъ всѣ безъ исключенія работники получаютъ поденную плату, которая для литейщиковъ и позолотчиковъ черезъ огонь составляетъ отъ 1 до 2 р., а для постановщиковъ, токарей и позолотчиковъ посредствомъ гальванопластики — отъ 60 к. до 1 рубля.

Въ производствѣ серебряныхъ издѣлій, мастера-ложечники, работающіе ложки, вилки и прочія вещи, носящія техническое названіе тяжелаго товара, получаютъ серебро въ слиткахъ и за свою работу вознаграждаются по вѣсу. За гладкіе столовые и десертные приборы и чайныя ложки имъ платится отъ 1 р. до 1 р. 50 к. съ фунта. Мастера-посудчики, приготовляющіе такъ-называемыя посудныя вещи, гладкія и граненыя, получаютъ плату за свою работу тоже съ вѣсу отъ 4 р. 50 к. до 5 р. за фунтъ. Съ введеніемъ въ новѣйшее время бóльшаго раздѣленія труда на значительныхъ фабрикахъ, явилась у нихъ цѣлая серія мастеровъ, живущихъ на фабрикахъ и занимающихся спеціально какою-либо частью производства, съ вознагражденіемъ въ годъ. Всѣ эти мастера живутъ у насъ не отдѣльными артелями внѣ фабрикъ, какъ въ Европѣ, а всѣ вмѣстѣ на фабрикѣ и работаютъ исключительно для одного фабриканта. У каждаго значительнаго фабриканта есть также свои рисовальщики и скульпторы, получающіе жалованье сообразно съ своимъ талантомъ. Вообще можно сказать, что заработная плата у насъ для простыхъ рабочихъ ниже, нежели въ Европѣ; но она значительно возвышается для мастеровъ, отъ которыхъ требуется не только одинъ навыкъ, но и искусство и знаніе.

Продовольствуются рабочіе бóльшею частію въ настоящее время сами своими артелями, изъ продуктовъ или покупаемыхъ ими, или получаемыхъ отъ хозяина въ счетъ заработной платы. На нѣкоторыхъ большихъ фабрикахъ хлѣбъ печется отъ хозяина, на другихъ же городскихъ фабрикахъ доставляется хлѣбниками ежедневно. При фабрикахъ, удаленныхъ отъ городовъ, нерѣдко устраиваются лавки для продажи съѣстныхъ припасовъ самими фабрикантами, чтó можетъ представлять большое удобство для рабочихъ, ибо фабрикантъ можетъ заготовлять припасы въ значительныхъ количествахъ и довольствоваться умѣреннымъ процентомъ. На заводахъ гр. Бобринскаго, рабочіе, сверхъ указанной выше платы, получаютъ по 2 пуда муки ржаной, по 1 пуду пшена, по 4 фунта сала, по 4 фунта соли, по 4 фунта постнаго масла въ мѣсяцъ, по $^3/_4$ фунта говядины въ день или въ постные дни по $^1/_2$ ф. сушеной рыбы. Образуя изъ себя артель для общаго продовольствія, рабочіе, въ случаѣ неизрасходованія части полученныхъ продуктовъ, воз-

вращаютъ ихъ обратно въ контору и получаютъ взамѣнъ ихъ деньги по разсчету стоимости оставшихся продуктовъ.

Что касается содержанія мастерскихъ и жилыхъ помѣщеній для рабочихъ, то хотя въ настоящее время съ каждымъ годомъ число вполнѣ благоустроенныхъ фабрикъ, снабженныхъ всѣми удобствами, и возрастаетъ ежегодно, но вообще остается многаго желать въ этомъ отношеніи даже въ столицахъ. Не далѣе, какъ въ 1859-мъ году учреждена была въ С.-Петербургѣ, по высочайшему повелѣнію, особая коммиссія изъ техниковъ и чиновъ разныхъ вѣдомствъ для осмотра заводовъ и фабрикъ въ Петербургѣ. Этотъ осмотръ привелъ къ убѣжденію, что со стороны фабрикантовъ рѣдко были принимаемы мѣры къ отклоненію несчастныхъ случаевъ, происходящихъ съ рабочими отъ опасныхъ частей машинъ и къ охраненію здоровья рабочихъ отъ вредныхъ вліяній въ нѣкоторыхъ производствахъ. Коммиссія обратила также вниманіе на жилыя помѣщенія рабочихъ и нашла, что этимъ помѣщеніямъ на бо̀льшей части фабрикъ недостаетъ весьма многихъ условій въ отношеніи чистоты и порядка, что̀ оказываетъ гибельное вліяніе на здоровье рабочихъ. Вслѣдствіе этого, коммиссія, изучивъ предварительно системы надзора за фабриками, существующія за-границей, составила проектъ правилъ для фабрикъ и заводовъ въ С.-Петербургѣ и его уѣздѣ, въ которомъ указаны были какъ требованія относительно мѣръ осторожности при обращеніи съ машинами, такъ и правила относительно порядка содержанія мастерскихъ и жилыхъ помѣщеній. Для дѣйствительнаго исполненія этихъ правилъ, проектирована была система надзора чрезъ особаго инспектора и его помощниковъ. При разсмотрѣніи проекта этихъ правилъ въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, признано было, что̀ дѣйствіе этихъ правилъ не слѣдовало бы ограничивать только Петербургомъ и его уѣздомъ, такъ какъ правила эти столько же, если не болѣе, необходимы и для всѣхъ другихъ мѣстностей, гдѣ устроены фабрики и заводы. Съ этою цѣлью, проекту этихъ правилъ дана была значительная гласность и всѣ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ лица были приглашены къ доставленію своихъ мнѣній. Дѣйствительно, проектъ вызвалъ много замѣчаній, которыя были приняты въ соображеніе, и предположенныя правила вошли въ проектъ новаго фабричнаго устава, который, однако, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не получаетъ движенія[1]).

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія по этому дѣлу можно найти въ первой части Трудовъ Коммиссіи для пересмотра уставовъ фабричнаго и ремесленнаго, гл. VII, стр. 319—365.

Относительно другой своей задачи, облегченія работы малолѣтныхъ на фабрикахъ, вышеозначенная коммиссія, убѣдившись въ гибельномъ вліяніи, какое подобная работа оказываетъ на слишкомъ слабые организмы дѣтей ранняго возраста, проектировала ограничительныя правила, какъ относительно возраста дѣтей, принимаемыхъ на фабрики, такъ и относительно времени и часовъ ихъ работы. Правила эти встрѣтили довольно сильныя возраженія со стороны фабрикантовъ, изъ коихъ нѣкоторые находили даже, что воспрещеніе ночной работы дѣтей крайне стѣснительно и вредно для нихъ самихъ, лишая ихъ заработковъ и пріучая къ праздности [1]). Такимъ образомъ, вопросъ объ огражденіи труда малолѣтныхъ работниковъ на фабрикахъ у насъ уже поднятъ, но, къ сожалѣнію, еще не разрѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ; между тѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ подобныя ограниченія давно существуютъ. Такъ, въ Англіи уже въ 1802-мъ году былъ изданъ первый законъ, ограничивавшій рабочее время 12-ю часами для сиротъ, отдаваемыхъ на фабрики приходами. Впослѣдствіи вопросъ этотъ вновь подвергался обсужденію въ парламентѣ и былъ предметомъ изысканій нѣсколькихъ парламентскихъ коммиссій. Результатомъ этого было изданіе ряда законовъ (29-го августа 1833-го, 6-го іюня 1844-го, 8-го іюня 1847-го и 5-го августа 1850-го г.), дѣйствующихъ понынѣ, сущность которыхъ состоитъ въ томъ, что дѣти моложе 8-ми лѣтъ не могутъ быть допускаемы къ работѣ на фабрикѣ; дѣти отъ 8-ми до 13-ти лѣтъ могутъ быть употребляемы въ работы лишь въ продолженіе $6^1/_2$ часовъ; дѣти отъ 13-ти до 18-ти лѣтъ и женщины всякаго возраста не могутъ работать болѣе 10-ти часовъ въ день, и притомъ не ранѣе 6-ти часовъ утра и не позже 6-ти час. вечера. Дѣти отъ 8-ми до 13-ти лѣтъ не могутъ быть употребляемы въ работу, если не посѣщаютъ школы, по крайней мѣрѣ, по 3 часа въ день и не представляютъ въ томъ еженедѣльнаго свидѣтельства. Никакое лицо моложе 18-ти лѣтъ не можетъ работать на фабрикѣ, если не представитъ установленнаго медицинскаго свидѣтельства о своемъ возрастѣ и способности къ работѣ.

Англійскіе фабриканты пытались первое время обходить эти законы; но энергическое сопротивленіе со стороны инспекторовъ (inspectors of factories), назначенныхъ правительствомъ для надзора за исполненіемъ этихъ постановленій, съ широкимъ правомъ посѣщенія фабрикъ во всякое время, и преданіе суду

---

[1]) Труды коммиссіи, учр. для пересм. уст. фабр. и ремесл. Ч. I, гл. 7-я.

фабрикантовъ и рабочихъ за нарушеніе закона, заставило ихъ подчиниться требованію парламента.

Англійскій законъ 29-го августа 1833-го года послужилъ образцомъ для мѣръ, принятыхъ съ тою же цѣлью и на континентѣ Европы. Во Франціи всѣ фабрики и мастерскія, имѣющія болѣе 20-ти рабочихъ, подчинены дѣйствію закона 24-го марта 1841-го года, на основаніи котораго дѣти моложе 8-ми лѣтъ не могутъ быть употребляемы въ работу. Отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ они не могутъ работать болѣе 8-ми часовъ; отъ 12-ти до 16-ти лѣтъ болѣе 12-ти часовъ. Ночная работа положительно воспрещена дѣтямъ моложе 13-ти лѣтъ; для всѣхъ дѣтей моложе 12-ти лѣтъ обязательно посѣщеніе какой-либо частной или общественной школы. Впрочемъ, законъ 1841-го года не достигнулъ вполнѣ своей цѣли и, встрѣченный сильною критикою со стороны многихъ фабрикантовъ, при недостаточности надзора за его исполненіемъ, во многихъ департаментахъ остался безъ исполненія.

Во многихъ кантонахъ Швейцаріи, дѣти не допускаются къ работѣ на фабрикахъ и въ мастерскихъ, пока не пройдутъ школьнаго курса. До 15-ти лѣтъ они не могутъ быть принуждаемы къ работѣ болѣе 12-ти часовъ въ день, включая и школьные часы. Для взрослыхъ рабочее время во многихъ кантонахъ ограничено 13-ю и 14-ю часами въ сутки. Въ Пруссіи, дѣти не допускаются на фабрики ранѣе 12-ти лѣтъ; отъ 12-ти до 14-ти лѣтъ они могутъ работать 6-ть часовъ, отъ 14-ти до 16-ти лѣтъ—10 часовъ, съ однимъ часомъ отдыха. Въ Баваріи дѣти не допускаются на фабрики ранѣе 9-ти лѣтъ; дѣти отъ 9-ти до 12-ти лѣтъ не могутъ работать болѣе 10-ти часовъ въ сутки. Въ Швеціи, дѣти не принимаются на фабрики ранѣе 12-ти лѣтъ; въ Австріи, ранѣе 10-ти лѣтъ, и притомъ до 14-ти лѣтъ австрійскій законъ не допускаетъ работы болѣе 10-ти часовъ въ день.

Относительно примѣненія начала ассоціаціи въ нашей промышленной жизни, нельзя сказать, чтобы почва въ этомъ вопросѣ была у насъ совершенно не подготовлена. Артель, артельное начало суть, можно сказать, учрежденія исконныя народныя, русскія, и самый законъ уже давно освятилъ нѣкоторыя формы этихъ учрежденій. Такъ, законъ нашъ признаетъ артели биржевыя, бурлацкія и горнозаводскія товарищества. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ существуетъ, въ силу обычая, наемъ рабочихъ цѣлыми артелями, а продовольствіе рабочихъ, содержимыхъ не на счетъ хозяина, большею частію производится также не иначе, какъ артельно. Наконецъ, въ новѣйшее время стали возникать у насъ

сперва въ столицахъ и остзейскихъ губерніяхъ, а затѣмъ и въ другихъ городахъ, разныя артели, по образцу шульцеделичевскихъ товариществъ и ассоціацій, какъ для удешевленія предметовъ потребленія, такъ и для удешевленія производства и облегченія въ сбытѣ издѣлій, и наконецъ для удешевленія кредита.

Что касается потребительныхъ ассоціацій (Consumvereine) то число ихъ къ концу минувшаго года достигало уже весьма почтенной цифры 70-ти. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія объ этихъ обществахъ, раскинувшихся по всей Россіи, далеко не полны и не точны, а тѣ, которыя имѣются, доказываютъ что хотя число обществъ и возрастаетъ, но дѣла ихъ далеко еще не находятся въ такомъ блестящемъ положеніи, какъ въ Германіи. Притомъ и участіе въ потребительныхъ обществахъ ограничивается у насъ преимущественно болѣе развитыми слоями населенія. О кредитныхъ товариществахъ мы уже говорили. Что касается примѣненія артельнаго начала къ предпріятіямъ производства, то они у насъ еще находятся въ самомъ зародышѣ, что и весьма понятно, если мы припомнимъ всю трудность этого дѣла, которую не скрываютъ отъ себя и такіе передовые двигатели кооперативнаго начала на Западѣ, какъ Шульце-Деличъ.

Одною изъ старѣйшихъ производительныхъ артелей у насъ, сколько извѣстно, можно считать артель образуемую крестьянами села Пономарева, и деревень: Ивановки, Полчаникова, Филина и Подвязнова, верстахъ въ 10-ти отъ Ярославля, для выдѣлки деревянныхъ ящиковъ для торговцевъ. Артель эта учреждена крестьянами болѣе 25-ти лѣтъ тому назадъ съ тою цѣлью, чтобы обезпечить за каждымъ крестьяниномъ право на работу и на законную отъ нея прибыль, и устранить вредное для бѣдныхъ соперничество съ богатыми. Ежегодно, по предварительномъ собраніи у торговцевъ приблизительныхъ свѣдѣній о количествѣ потребныхъ имъ ящиковъ и по уговорѣ въ цѣнѣ каждаго сорта, крестьяне, осенью на сходкѣ, міромъ утверждаютъ цѣны и распредѣляютъ съ строгою уравнительностью подряды ящиковъ по деревнямъ. Подробное распредѣленіе внутри каждой деревни работъ и прибылей, доставшихся на ея часть, производится частною мірскою сходкою каждой деревни. Такимъ артельнымъ способомъ выдѣлывалось въ началѣ 60-хъ годовъ до 150-ти тыс. штукъ ящиковъ въ годъ цѣною на 12,000 руб.

Кромѣ того, въ новѣйшее время, благодаря просвѣщенной иниціативѣ Н. В. Верещагина и теплому сочувствію земства и имп. вольнаго экономическаго общества, развилось въ нѣкоторыхъ губерніяхъ не мало крестьянскихъ сыроварень, основанныхъ на артельномъ началѣ, и дѣло это имѣетъ блестящую будущность

передъ собою. Затѣмъ существуетъ въ Россіи еще до шести товариществъ или артелей, утвержденныхъ правительствомъ съ цѣлью продажи изъ общаго склада издѣлій и отчасти закупки сырыхъ матеріаловъ — въ области ремесленнаго труда. Такъ, въ началѣ же 60-хъ годовъ учредилась въ С.-Петербургѣ столярная артель, въ которую главный учредитель этой артели, г. Мельниковъ, внесъ 1000 руб., а прочіе члены артели мастера внесли: кто—товаръ, кто—инструменты, кто—сырые продукты. Всѣ эти предметы приняты по оцѣнкѣ, сообразно съ которою каждый членъ считается пайщикомъ на извѣстную сумму. Разсчетъ дивиденда дѣлается впослѣдствіи сообразно съ этими паями. Число членовъ артели не ограничено. Ежегодно выбирается изъ среды членовъ трое старостъ для надзора за счетоводствомъ, для оцѣнки и удостовѣренія качества представляемыхъ вещей. Всѣ дѣла, касающіяся артели, рѣшаются въ общемъ собраніи большинствомъ голосовъ. Члены артели обязаны работать только для артели, которая имѣетъ складъ своихъ издѣлій въ своемъ магазинѣ. Продажная цѣна дѣлится на двѣ части: одна — составляетъ чисто заработную плату и составляетъ собственность каждаго производителя, другая — прибыль или барышъ всей артели, и распредѣляется въ концѣ каждаго полугодія между артельщиками, въ видѣ дивиденда, сообразно съ величиною пая каждаго. Къ сожалѣнію, столярная артель избѣгаетъ гласности и потому о результатахъ ея дѣятельности ничего неизвѣстно.

По примѣру столярной артели, года два назадъ учредилась въ С.-Петербургѣ артель башмачныхъ издѣлій; наконецъ, существуетъ еще женская переплетная на артельномъ началѣ, и женская швейная артель.

Въ Ригѣ есть артель мебельщиковъ (Genossenschaft der Tischler-Stuhl- und Instrumentenmeister) изъ 40 членовъ, съ основнымъ капиталомъ до 10,400 руб., изъ нихъ 1,400 руб. взносовъ, а 9,000 занятыхъ. Расходъ общества составлялъ въ 1862-мъ году 54,000 руб., а доходъ 60,000.

Подобнымъ же образомъ въ Митавѣ, въ 1861-мъ году, основано было ремесленное общество для оптовой закупки матеріаловъ и продажи издѣлій изъ общественнаго магазина.

Далѣе ремесленной промышленности у насъ еще не идетъ артельное начало, и трудно предвидѣть, чтобы оно могло скоро получить примѣненіе къ фабричной дѣятельности при узкомъ уровнѣ развитія нашихъ рабочихъ.

Но если даже въ этой послѣдней формѣ примѣненія артельнаго начала, какъ послѣднемъ словѣ его развитія, и не настоитъ еще, повидимому, у насъ возможности, такъ какъ широкое разви-

тіе и усовершенствованіе въ промышленности возможно лишь при участіи громадныхъ капиталовъ и высокихъ техническихъ знаній, которыхъ нельзя ждать отъ скромныхъ артелей полуграмотныхъ рабочихъ, за то примѣненіе этого начала крайне желательно къ нашей мелкой, крестьянской, такъ-называемой кустарной промышленности, гдѣ трудъ крестьянина оплачивается самымъ неблагодарнымъ образомъ вслѣдствіе того, что цѣлыя мѣстности силою обстоятельствъ, при отсутствіи спроса на какія-нибудь мѣстныя произведенія, вынуждены работать одинъ какой-либо предметъ, имѣющій отдаленный сбытъ, вслѣдствіе чего они находятся въ полной зависимости отъ множества посредниковъ, прасоловъ, скупщиковъ и т. п., доводящихъ цѣну производства продуктовъ до самыхъ низкихъ размѣровъ.

Въ примѣръ необыкновенной дешевизны производства можно привести, что въ с. Красномъ, Костромской губерніи, выдѣлываются серьги съ разрисовкою, съ цвѣтными камнями и стразами по 3 к. за пару; есть серьги даже по 1 коп. за пару; часовыя цѣпочки и браслеты со стразами по 17-ти коп. Въ с. Сидоровскомъ, той-же губерніи, можно купить серебряное кольцо со стразами за 25-ти коп., кольцо съ поддѣльною бирюзою и гранатами по 15-ти коп. за штуку, бронзовое кольцо съ синею и красными вставками по $^1/_2$ коп. за штуку [1]. Другой примѣръ крайне невыгодныхъ условій даже наиболѣе важныхъ и значительныхъ отраслей нашей кустарной промышленности представляетъ металлическая промышленность, такъ-называемаго павловскаго района въ Нижегородской губерніи, обнимающаго болѣе 80-ти селъ и деревень, лежащихъ около Павлова и Ворсмы, въ Горбатовскомъ уѣздѣ. Изслѣдованіе этого интереснаго района кустарной промышленности, произведенное въ 1866-мъ году, по порученію г. министра финансовъ, инженеръ-технологомъ Н. Ф. Лабзинымъ и весьма интересно изложенное имъ въ особой брошюрѣ [2]), изданной по распоряженію департамента торговли и мануфактуръ, приводитъ къ тому печальному выводу, что задѣльная плата въ нашемъ русскомъ Шеффильдѣ понизилась до того, что бѣдные мастера и рабочіе едва въ состояніи зарабатывать себѣ насущный кусокъ хлѣба, трудясь по истинѣ въ потѣ лица. Ежедневная работа отъ 14-ти до 16-ти, и нерѣдко до 18-ти часовъ, не болѣе какъ съ 6-ти часовымъ отдыхомъ ночью

---

[1]) Труды ком. по пересм. уст. фабр. Т. I, стр. 356.

[2]) Изслѣдованіе промышленности ножевой, замочной и другихъ металлическихъ издѣлій въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи и Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи. 1870.

и 3-хъ часовымъ днемъ, считая время обѣда и завтрака, даетъ обыкновенно работнику въ недѣлю отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к., и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ болѣе, на собственномъ содержаніи. Такой низкій размѣръ заработной платы происходитъ, какъ отъ пониженія цѣнъ самыхъ товаровъ вслѣдствіе дурной технической обстановки и примѣненія ручныхъ пріемовъ тамъ, гдѣ нужны машинные, такъ и отъ эксплуатаціи мастеровъ павловскими фабрикантами и торговцами, и отъ недостатка дешеваго кредита. Для устраненія въ особенности этого послѣдняго препятствія, г. Лабзинъ предлагаетъ весьма справедливо, какъ единственное средство, учрежденіе мѣстнаго ссуднаго банка съ участіемъ фабрикантовъ и мастеровъ, который бы принялъ на себя ссуды подъ залогъ товаровъ и коммиссіонерскія обязанности по продажѣ издѣлій. Въ послѣднее время кустарная промышленность обратила на себя вниманіе трехъ нашихъ учено-практическихъ обществъ, вольнаго экономическаго, московскаго сельско-хозяйственнаго и русскаго географическаго. Всѣ эти три общества единодушно предположили подвергнуть кустарную промышленность тщательному мѣстному изслѣдованію посредствомъ особой экспедиціи. Мѣра эта, безъ сомнѣнія, принесетъ огромную пользу и укажетъ вѣрныя средства къ улучшенію бѣдствующаго кустарнаго населенія.

Перейдемъ теперь къ остальнымъ четыремъ пунктамъ, около которыхъ группируются главныя нужды нашей промышленности, и прежде всего обратимъ вниманіе на чрезвычайно недостаточное распространеніе у насъ техническаго образованія, въ основаніи котораго лежало бы прочно устроенное общее народное образованіе.

В. Вешняковъ.

ЗАБВЕНІЕ.

Забудь былыя оскорбленья
Любви, исполненной тревогъ—
Изъ труповъ полныхъ разложенья
Предъ жизнью не клади порогъ.

Взгляни, отъ молніи и грома,
Отъ вихря, рвавшаго листы,
Отъ полуночнаго содома,
Въ природѣ чтó находишь ты?

Еще свои роняя слёзы,
Перестрадавшій бурю лѣсъ
Вновь тихія о счастьи грёзы
Ужъ топитъ въ синевѣ небесъ.

Нѣтъ безконечнаго страданья!
Нѣтъ нескончаемаго зла!
Отдай свои воспоминанья,
Чтобъ жизнь волной ихъ унесла!

ЗАТИШЬЕ

Вѣтеръ шумными крылами
Облетаетъ лѣсъ кругомъ;
Гнѣвно машутъ головами
Сосны въ небѣ голубомъ.

А въ затишьи благодатномъ,
Гдѣ цвѣтущая сирень
Сводомъ никнетъ ароматнымъ,—
Шевельнуться листьямъ лѣнь.

Только знаетъ слухъ да око,
Что кругомъ кипитъ борьба...
О, какъ рѣдко миръ глубокій
Дастъ природа и судьба!

ОСЕННІЙ ПОЛДЕНЬ

Яркій полдень надъ блеклой землею
Жарко дышетъ своей синевою:
Все молчитъ, словно внемлетъ ему...
Ты прильнула къ челу моему
Жарче полдня горячей щекою
И привѣтной своею рукою
Приласкалась къ моей сѣдинѣ,
Какъ тотъ полдень къ земной желтизнѣ...
Полдень жизни твоей благодатной
Озаряетъ мой часъ предзакатный...

П. Ковалевскій.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
САТИРА

Исторія одного города. По подлиннымъ документамъ, издалъ М. Е. Салтыковъ (Щедринъ). Спб. 1870.

Повидимому, нѣтъ ничего легче, какъ дать себѣ отчетъ о произведеніи писателя, талантъ котораго окрѣпъ и вполнѣ опредѣлился, и имя пользуется извѣстностью наравнѣ съ лучшими именами нашей литературы. Но послѣднее произведеніе г. Салтыкова въ читателѣ внимательномъ пораждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія, разрѣшить которыя не совсѣмъ легко. «Исторія одного города», по замыслу, есть нѣчто новое, есть попытка на новомъ поприщѣ, на которое г. Салтыковъ еще не выходилъ: онъ пробуетъ свои силы, если можно такъ выразиться, въ исторической сатирѣ, то-есть ищетъ для себя образовъ въ прошломъ, не особенно далекомъ, что не лишаетъ его произведеніе нѣкотораго современнаго значенія, потому что, несмотря на несомнѣнный прогрессъ въ нашей жизни, и болѣе отдаленное прошлое въ нѣкоторыхъ чертахъ сохраняетъ еще для насъ интересъ современности: достаточно указать на сочиненіе Флетчера: «О Государствѣ Русскомъ», явившееся въ XVI-мъ столѣтіи; оно такъ глубоко указало на причины нашихъ недуговъ, что нѣкоторыя страницы его смѣло могутъ быть вставлены въ современную публицистическую статью, и ни одному читателю не придетъ въ голову, что это не

ысли современнаго автора, а голосъ просвѣщеннаго, дальновиднаго олитика-англичанина, умершаго двѣсти шестьдесятъ лѣтъ тому азадъ. Г. Салтыковъ беретъ своихъ героевъ изъ второй полоины прошлаго вѣка и первой четверти настоящаго; естественю, что въ этомъ предѣлѣ онъ могъ выбрать весьма рельефныхъ ероевъ, которыми вообще такъ богатъ былъ XVIII-й вѣкъ; еслибъ акому-нибудь изъ нашихъ теперешнихъ талантливыхъ поэтовъ ришла охота *перевести* сатиры Кантемира звучными ямбами, › можно поручиться, что онѣ возбудили бы живой интересъ, отому что содержаніе ихъ далеко не вымерло; но современный саривъ, который рѣшился бы добросовѣстно изучить эпоху, неюсредственно слѣдовавшую за Кантемиромъ во всѣхъ ея поюбностяхъ и изобразить ее въ яркихъ картинахъ, былъ бы, коэчно, въ положеніи гораздо лучшемъ, чѣмъ «переводчикъ» Канэмира; сообразивъ все это, г. Салтыковъ, конечно, принялъ во иманіе и бо́льшую свободу творчества, предоставляемую услоями нашей печати для писателей, уходящихъ, такъ сказать, въ убь вѣковъ. Таковы были выгоды положенія сатирика.

Еслибы онъ приступилъ къ своему предмету прямо, никаіхъ недоумѣній, о которыхъ мы упомянули, могло бы и не ществовать; но ему захотѣлось почему-то усложнить свою зачу и выразить въ предисловіи тѣ цѣли, которыя имѣлъ онъ › виду. Одна изъ нихъ — историческая сатира, какъ мы уже азали, заключенная, однако, въ довольно узкія рамки, ибо авръ желаетъ только «уловить физіономію города (Глупова) и лѣдить, какъ въ его исторіи отражались разнообразныя переэны, одновременно происходившія въ высшихъ сферахъ». Друя цѣль, какъ то можно судить по нѣкоторымъ прозрачнымъ накамъ того же придисловія, — сатира на методъ исторіоафіи, котораго придерживаются, гг. Шубинскій, Мельниковъ др.: имена эти г. Салтыковъ приводитъ. Повидимому, съ этою лью онъ рекомендуетъ себя только издателемъ «Глуповскаго ѣтописца», заключающагося въ большой связкѣ тетрадей, найэнной имъ въ глуповскомъ городскомъ архивѣ. «Лѣтописецъ» ценъ четырьмя архиваріусами съ 1731-го года по 1825-й г., содержаніе его «почти исключительно исчерпывается біографми градоначальниковъ, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія влавшихъ судьбами города Глупова, и описаніемъ замѣчательныхъ ь дѣйствій, какъ-то: скорой ѣзды на почтовыхъ, энергическаго ісканія недоимокъ, походовъ противъ обывателей, устройства азстройства мостовыхъ, обложенія данями откупщиковъ и т. п.» я большей ясности своей цѣли авторъ прибавляетъ, что онъ ›лько исправилъ тяжелый и устарѣлый слогъ «Лѣтописца» и

имѣлъ надлежащій надзоръ за орѳографіей, нимало не касаясь самаго содержанія лѣтописи. Съ первой минуты до послѣдней издателя не покидалъ грозный образъ Михаила Петровича Погодина, и это уже одно можетъ служить ручательствомъ, съ какимъ почтительнымъ трепетомъ онъ относился къ своей задачѣ».

Прочитавъ одно предисловіе и не приступая еще къ самой книгѣ, можно подумать, что это—просто шутка, смѣхъ для смѣха, потому что странно было бы писать цѣлую книгу съ той между прочимъ цѣлью, чтобъ осмѣять разныхъ невинныхъ компиляторовъ, которые въ концѣ концовъ все-таки приносятъ свою долю пользы. Но познакомившись съ содержаніемъ цѣлой книги, по временамъ видишь, что г. Салтыковъ какъ будто и въ самомъ дѣлѣ не упускаетъ изъ виду пародіи и вслѣдствіе того становится трудно отдѣлять тѣ взгляды, которые сатирикъ можетъ считать своими въ качествѣ бытописателя, отъ взглядовъ мнимыхъ его архиваріусовъ. Правда, тонъ пародіи нигдѣ не выдержанъ, «грозный образъ М. П. Погодина» нимало не преслѣдуетъ сатирика, и онъ является самимъ собой, съ своей манерой, съ своимъ давно извѣстнымъ юморомъ, съ своимъ остроуміемъ, со всѣми своими достоинствами и недостатками. Вообще въ «изложеніи», въ художественныхъ пріемахъ нѣтъ и запаху какихъ-нибудь архиваріусовъ, но въ «воззрѣніи» на нѣкоторыя историческія явленія и на главнѣйшій факторъ ихъ — народъ, слышатся иногда архиваріусы, преисполненные бюрократическаго достоинства и чиновничьяго міросозерцанія. Такъ и думаешь, что это пародія, и ждешь подтвержденія своей догадкѣ, но сатирикъ спѣшитъ васъ разочаровать и повергнуть въ новое недоумѣніе. Написавъ половину книги, онъ замѣтилъ, что архиваріусы ужъ слишкомъ выступаютъ впередъ и заслоняютъ собою просвѣщенныя понятія и дальновидную историографическую зрѣлость не выдуманнаго автора, а потому онъ счелъ нужнымъ оговориться; но вы ошибетесь, если подумаете, что онъ, въ качествѣ историка-сатирика, чувствующаго себя стоящимъ неизмѣримо выше гг. Шубинскихъ и компаніи, подвергнетъ критикѣ мнимаго «Лѣтописца», укажетъ ему надлежащія границы и, осудивъ его узкую мѣрку, которою онъ мѣритъ событія, воспользуется этимъ, чтобъ высказать свой собственный, просвѣщенный и современный взглядъ; совсѣмъ напротивъ: сатирикъ беретъ подъ свою защиту архиваріусовъ (стр. 155 — 157) и съ свойственнымъ ему остроуміемъ доказываетъ, что сама правда говоритъ устами ихъ, какъ ни грустна начертанная ими картина, и что глуповцы иными и не были и быть не могли, въ силу

историческихъ обстоятельствъ, какъ таkими, какими изобразили ихъ архиваріусы, особенно если принять во вниманіе, что «Лѣтописецъ преимущественно ведетъ рѣчь о такъ называемой черни»; но нѣсколько страницъ далѣе мы видимъ, что архиваріусъ ничуть не лучше трактуетъ и объ интеллигенціи... Стало быть, это не пародія, стало быть сатирикъ готовъ подписаться подъ взглядами архиваріусовъ, или онъ опять шутитъ, беззаботно смѣется и надъ архиваріусами, и надъ читателемъ, и надъ господами Шубинскими? Читаете дальше и передъ вами возникаетъ новый вопросъ: не захотѣлъ ли г. Салтыковъ насмѣяться и надъ самимъ собою? Подобное самоотверженіе рѣдко посѣщаетъ авторовъ, но все таки бываетъ...

Вотъ тѣ недоумѣнія, которыя пораждаетъ въ насъ книга г. Салтыкова; явились ли они въ ней вслѣдствіе неудачнаго литературнаго пріема и двойственности цѣли или неясности для самого сатирика причинъ историческихъ явленій? Такъ какъ эти недоумѣнія преслѣдуютъ читателя черезъ всю книгу, то это мѣшаетъ ея цѣльности, ея впечатлѣнію на читателя, путаетъ его относительно воззрѣній автора на событія и лица и смѣшиваетъ его личность съ изобрѣтенными имъ архиваріусами. Путаницѣ этой способствуетъ поверхностное знакомство автора съ исторіей XVIII-го вѣка и вообще съ исторіей русскаго народа. Для того, чтобъ изобразить эту исторію хотя бы въ узкой рамкѣ одного города Глупова, для того, чтобъ глубоко-вѣрно и мѣтко представить отношеніе глуповцевъ къ власти, и наоборотъ, для того, чтобъ понять характеръ народа въ связи съ его исторіей, надобно или обладать геніальнымъ талантомъ, который многое отгадываетъ чутьемъ, или, имѣя талантъ далеко не великій, долго и прилежно сидѣть надъ писаніями, положимъ, тѣхъ же архиваріусовъ. Иначе, безъ изученія, можно впасть въ ту же грубую ошибку, въ какую впадали нѣкоторые иностранцы, посѣщавшіе Русь въ XVI-мъ вѣкѣ и говорившіе, что «русскимъ народомъ можно управлять, только запустивъ въ ихъ кровь по локоть руки». Г. Салтыковъ, конечно, не говоритъ ничего подобнаго, и ничего подобнаго и въ намѣреніи имѣть не можетъ, но его глуповцы такъ глупы, такъ легкомысленны, такъ идіотичны и ничтожны, что самый глупый и ничтожный начальникъ ихъ является существомъ высшимъ, равнаго которому изъ среды себя глуповцы не могли бы представить. Въ читателѣ естественно рождается мысль, что глуповцы должны благодарить Бога и за такихъ начальниковъ... Хотѣлъ ли это сказать г. Салтыковъ, или это вышло противъ его воли, или все это онъ шутитъ, все беззаботно хохочетъ, желая во что бы то ни стало потѣснить просвѣщенныхъ со-

отечественниковъ и на счетъ начальства и на счетъ его подчиненныхъ, такъ чтобъ не было обидно ни тѣмъ, ни другимъ?... Вопросъ любопытный для характеристики нашего сатирика, но рѣшеніе его затруднительно.

Мы уже сказали, что невозможно ясно разграничить мнѣнія сатирика отъ мнѣній архиваріусовъ, и если взяться за этотъ трудъ, то онъ ужъ потому окажется безплоднымъ, что иногда рѣчи, вложенныя сатирикомъ въ уста архиваріусовъ, отличаются и мѣткимъ остроуміемъ и даже глубиною, тогда какъ мнѣнія, принадлежащія, повидимому самому сатирику не отличаются ни тѣмъ, ни другимъ. Прочтите, напр., слѣдующее, принадлежащее архиваріусу, сравненіе исторіи Глупова съ исторіей Рима: «въ Римѣ сіяло нечестіе, а у насъ—благочестіе, Римъ заражало буйство, а насъ—кротость, въ Римѣ бушевала подлая чернь, а у насъ—начальники». Очевидно, что тутъ даровитый сатирикъ сидитъ въ архиваріусѣ, тогда какъ въ другихъ—архиваріусъ влѣзаетъ, неизвѣстно зачѣмъ, въ сатирика. Наконецъ, есть и такія мѣста, гдѣ нѣтъ ни сатирика, ни архиваріуса, ни историка, а есть просто человѣкъ, старающійся васъ позабавить во что бы то ни стало и являющійся передъ вами безъ всякой руководящей идеи. Что дѣлать критикѣ при этой путаницѣ? Писать ли комментаріи къ «Исторіи одного города», прозрѣвать ли въ ней то, чего нѣтъ, отдѣлять ли личность сатирика отъ личности архиваріуса, или принять, что передъ вами цѣльное лицо автора, въ которомъ всѣ эти противорѣчія слились въ силу какихъ-либо исключительныхъ законовъ гармоніи?

Мы избираемъ средній путь и прежде всего прослѣдимъ въ «Исторіи одного города» дѣйствія градоначальниковъ и подданныхъ и посмотримъ кто кого лучше. Насъ не задержитъ это долго, потому что отъ подробнаго разбора избавляетъ насъ предисловіе, гдѣ въ сжатыхъ, остроумныхъ выраженіяхъ, резюмируется большая часть книги и главнѣйшая ея сущность. Читатели не забыли, что «Лѣтописецъ» почти исключительно исчерпывается біографіями градоначальниковъ; эти чиновники были таковы: «Градоначальники временъ Бирона отличаются безразсудствомъ, градоначальники временъ Потемкина — распорядительностью, а градоначальники временъ Разумовскаго — неизвѣстнымъ происхожденіемъ и рыцарскою отвагою (?). Всѣ они сѣкутъ обывателей, но первые сѣкутъ абсолютно, вторые объясняютъ причины своей распорядительности требованіями цивилизаціи, третьи желаютъ, чтобъ обыватели во всемъ положились на ихъ отвагу. Такое разнообразіе мѣропріятій, конечно, не могло не воздѣйствовать и на самый внутренній складъ обывательской жизни;

въ первомъ случаѣ обыватели трепетали безсознательно, во второмъ — трепетали съ сознаніемъ собственной пользы, въ третьемъ — возвышались до трепета, исполненнаго довѣрія. Даже энергическая ѣзда на почтовыхъ и та неизбѣжно должна была оказывать извѣстную долю вліянія, укрѣпляя обывательскій духъ примѣрами лошадиной бодрости и нестомчивости». Итакъ, главныя, если не единственныя занятія градоначальниковъ — сѣченье и взысканіе недоимокъ; традиція эта унаслѣдована ими отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ, со времени призванія глуповцами къ себѣ князей, что сатирикъ разсказываетъ въ особомъ очеркѣ «О корени происхожденія глуповцевъ», очеркѣ слабомъ, не остроумномъ, не возбуждающемъ даже улыбки, хотя авторъ очевидно разсчитываетъ на читательскій смѣхъ, наполняя свое сказаніе яко-бы смѣшными словами въ родѣ «моржеѣды, лукоѣды, гущеѣды, вертячіе бобы, лягушечники, губошлепы, кособрюхіе, рукосуи» и проч. — такъ именуются независимыя племена, жившія въ сосѣдствѣ съ глуповцами или «головотяпами», какъ они первоначально назывались; назывались же они такъ потому, что «имѣли привычку *тяпать* головами обо все, чтó бы ни встрѣтилось на пути. Стѣна попадется—объ стѣну тяпаютъ; Богу молиться начнутъ — объ полъ тяпаютъ». Это «тяпанье» уже достаточно говоритъ о душевныхъ, прирожденныхъ качествахъ головотяповъ, развившихся въ нихъ независимо отъ князей, а такъ сказать на общинной волѣ, на вѣчахъ; неизвѣстно почему идутъ глуповцы искать себѣ князя глупаго, но нечаянно наталкиваются на умнаго, который переименовалъ ихъ въ глуповцевъ и при первомъ бунтѣ, который они устраиваютъ, выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями намѣстника, является къ нимъ собственною персоною и кричитъ «запорю!» «Съ этимъ словомъ, замѣчаетъ сатирикъ, начались историческія времена».

Такимъ образомъ, первое и послѣднее слово въ исторіи Глупова—сѣченье, предпринимаемое въ особенности для сбора недоимокъ. Градоначальники съ этой цѣлью устраиваютъ цѣлые походы: — одинъ изъ нихъ такъ поусердствовалъ, что «спалилъ тридцать три деревни и, съ помощью сихъ мѣръ, взыскалъ недоимокъ два рубля съ полтиною»; другой «сталъ сѣчь неплательщика, думая преслѣдовать въ этомъ случаѣ лишь воспитательную цѣль, и совершенно неожиданно открылъ, что въ стѣнѣ у сѣкомаго зарытъ кладъ. Реальность этого факта подтверждается тѣмъ, что съ тѣхъ поръ сѣченіе было признано лучшимъ способомъ для взысканія недоимокъ». Все это и остроумно и мѣтко бьетъ.

Что касается субъективныхъ особенностей градоначальниковъ,

то въ этомъ отношеніи мы находимъ мало разнообразія: всѣ они болѣе или менѣе похожи другъ на друга; главное отличіе ихъ заключается въ томъ, что одни буйны, другіе — кротки, одни отличаются необыкновенной энергіей даже въ подавленіи мнимыхъ бунтовъ, другіе, напротивъ, предоставляютъ глуповцамъ болѣе или менѣе самоуправленія. Подробную характеристику градоначальниковъ историкъ-сатирикъ начинаетъ съ 1762-го г., когда въ Глуповъ былъ присланъ на градоначальничество Дементій Варламовичъ Брудастый, который выразилъ свою программу слѣдующими словами: «натискъ и притомъ быстрота, снисходительность и притомъ строгость»; при немъ «хватали и ловили, сѣкли и пороли, описывали и продавали» до тѣхъ поръ пока не оказалось, что у градоначальника вмѣсто головы былъ органчикъ, сдѣланный Винтергальтеромъ и выговаривавшій два слова: «разорю» и «не потерплю». Этихъ двухъ словъ оказывалось достаточно для управленія глуповцами, народомъ, въ сердцахъ которыхъ всѣ градоначальники, «какъ бурные, такъ и кроткіе, оставили по себѣ благодарную память». Къ несчастію, мѣстный механикъ не могъ исправить органчика, когда онъ испортился, и Брудастый принужденъ былъ отправить голову для исправленія въ Петербургъ; при доставкѣ ея обратно въ Глуповъ, ямщикъ, услыхавъ, что голова отчетливо произнесла «разорю», выбросилъ ее въ ужасѣ на дорогу и съ этого времени началось въ Глуповѣ безначаліе и явились самозванки: Ираида Лукинишна Палеологова, Клемантинка, Амалька, Дунька и Матренка. Всѣ эти самозванки овладѣвали властью и истребляли другъ друга, такъ что осталась, наконецъ, одна Дунька-толстопятая, которая вмѣстѣ съ Матренкой дѣлала дѣла поистинѣ удивительныя: «онѣ выходили на улицу и кулаками сшибали головы проходящимъ; ходили въ *одиночку* на кабаки и разбивали ихъ, ловили молодыхъ парней и прятали ихъ въ подполья, ѣли младенцевъ, а у женщинъ вырѣзали груди и тоже ѣли. Распустивши волоса по вѣтру, въ одномъ утреннемъ неглиже онѣ бѣгали по городскимъ улицамъ, словно изступленныя, плевались, кусались и произносили неподобныя слова». Картина поистинѣ нелѣпая, лишенная не только остроумія, не только реальной, но и фантастической правды. Но она дѣлается еще нелѣпѣе, безобразнѣе и безсмысленнѣе по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя произвела: глуповцы обезумѣли отъ ужаса и стали истреблять другъ друга, потомъ утопили Матренку-ноздрю, но съ Дунькой рѣшительно совладать не могли. «Былъ, по возмущеніи, день шестый», острить сатирикъ: «глуповцы вдругъ воспрянули духомъ и сами совершили скромный и безпримѣрный подвигъ собственнаго спасенія. Перебивши и перетопивши цѣлую уйму народа, они

основательно заключили, что теперь въ Глуповѣ крамольнаго грѣха не осталось ни на эстолько. Уцѣлѣли только благонамѣренные.» Это глуповцы называли «очищеніемъ», послѣ чего объявили противъ Дуньки всеобщее ополченіе, но покорить ее все-таки не могли: побѣдили ее клопы, заѣвшіе ее на смертъ. Прочитавши весь этотъ вздоръ, наполненный похожденіями неестественныхъ бабъ и дѣвокъ, картинами въ родѣ вышеприведенной, словами въ родѣ «наскуда», невольно спрашиваешь себя: что это такое, для чего это написано—для забавы и смѣха, разсчитанныхъ на читателей снисходительныхъ къ здравому смыслу, къ художественной правдѣ и неразборчивыхъ на юморъ, или въ самомъ дѣлѣ сатирикъ-историкъ полагалъ, что все это имѣетъ реальное отношеніе къ тому, чтó совершалось въ «высшихъ сферахъ» и чтó отражалось въ Глуповѣ, какъ въ маломъ зеркалѣ? Напрасно, однако, станемъ мы искать въ исторіи XVIII-го вѣка что-нибудь подобное, и если г. Салтыковъ видитъ въ этой исторіи нѣчто подходящее, то онъ долженъ все-таки согласиться, что онъ написалъ урóдливѣйшую каррикатуру, и что въ ряду словесныхъ произведеній каррикатура занимаетъ низшее мѣсто, чѣмъ сатира, и что даже каррикатура имѣетъ свои предѣлы, за которыми она дѣлается просто вздоромъ.

Одинъ изъ слѣдующихъ очерковъ—«Голодный Городъ» несравненно лучше: тутъ не мало мѣткихъ замѣчаній о безпомощности жителей противъ буйства начальниковъ и о той удивительной поспѣшности, съ какою являются военныя команды усмирять совершенно смирныхъ обывателей, кажущихся, однако, начальническому глазу бунтующими, и чѣмъ кривѣе этотъ глазъ, чѣмъ ограниченнѣе разсудокъ и чѣмъ больше склонности къ самодурству у подобныхъ начальниковъ, тѣмъ чаще эти мнимые бунты и тѣмъ болѣе возовъ розогъ истребляется на мужицкую спину. Но этому очерку, какъ и послѣдующему («Соломенный Городъ»), гдѣ есть картина пожара, написанная рукою настоящаго художника-мастера, положительно вредятъ бабы и дѣвки, которыхъ напускаетъ въ свои произведенія г. Салтыковъ въ излишнемъ количествѣ, безъ нужды, и занимается ими слишкомъ прилежно, мы готовы даже сказать: съ любовью, поистинѣ необъяснимою. Герой этихъ очерковъ, градоначальникъ Ѳердыщенко, заводитъ себѣ помпадуршу[1]), въ лицѣ посадской жены Алены, потомъ какой-то обще-

[1]) Слово «помпадурша» не есть изобрѣтеніе г. Салтыкова, а употребляется у насъ издавна, еще со второй половины XVIII-го вѣка. Такъ, мы находимъ въ «Записках» дядьки великаго князя Павла Петровича, извѣстнаго С. А. Порошина, подъ 29 октября 1765-го г., слѣдующую строку: «Помпадурша наша очень хорошо вчера была одѣта». Помпадурша эта—тогдашняя красавица Вѣра Николаевна Чоглокова,

ственной бабы Домахи, изъ-за которыхъ глуповцы начинаютъ враждовать съ градоначальникомъ, по причинамъ не совсѣмъ яснымъ и даже, можно сказать, фантастическимъ, чтó, однако, навлекаетъ на нихъ не мало бѣдъ, ибо, какъ уже сказано, Ѳердыщенко постоянно прибѣгалъ къ помощи военной команды, которая упадала какъ снѣгъ на голову бѣднымъ глуповцамъ даже тогда, когда они ожидали отъ высшаго начальства благодарности за свое благонравіе и долготерпѣніе. Ѳердыщенкѣ посвященъ еще третій очеркъ, гдѣ описывается его «фантастическое» путешествіе кругомъ города Глупова; по нашему мнѣнію, очеркъ этотъ одинъ изъ слабыхъ, ровно ничего не говорящихъ; между тѣмъ, какъ въ «высшихъ сферахъ» происходило дѣйствительно сказочное путешествіе въ Крымъ, обставленное такими декораціями, которыхъ ни одинъ декораторъ ни прежде того, ни послѣ произвесть не былъ въ состояніи, ибо для этого затрачены были милліоны; путешествіе это могло бы представить прекрасный матеріалъ для сатирическаго изображенія, тѣмъ болѣе умѣстнаго, что всѣ описатели его восхищались имъ и оно перешло въ преданіе, какъ очаровательная сказка, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно дышало невообразимой нескладицей. Другой фантазіи того времени—завоеванія Византіи, г. Салтыковъ тоже коснулся и довольно остроумно («Войны за просвѣщеніе»), хотя, по правдѣ сказать, сюжетъ этотъ достаточно исчерпанъ. Была другая фантазія болѣе дикая и нелѣпая, взлелѣянная всесильнымъ Платономъ Зубовымъ послѣ 1793-го года; фантазія эта сохранилась въ собственноручныхъ набросках знаменитаго временщика: разграничивъ Европу, онъ присоединялъ къ Россіи все пространство до устьевъ Эльбы на сѣверѣ и до Тріэста на югѣ и назначалъ нѣсколько россійскихъ столицъ, въ которыхъ государи должны были жить по нѣскольку мѣсяцевъ въ году; эти столицы были: Петербургъ, Москва, Ярославль, Астрахань, Берлинъ, Гамбургъ, Вѣна и еще что-то; извращенная фантазія и невѣжество всесильныхъ россіянъ того времени не останавливалась ни передъ чѣмъ, подкрѣпляемая бѣглыми маркизами и другими представителями стараго режима, устремившимися въ Россію, какъ въ землю обѣтованную.

Мы почти исчерпали все то, чтó нашелъ г. Салтыковъ для своей сатиры во второй половинѣ прошлаго вѣка, и читатели не могутъ не видѣть, что замѣчено имъ крайне мало, если не

въ которую влюбленъ былъ одиннадцатилѣтній великій князь. («Запис. Порошина», стр. 481.—«Семенъ Андреевичъ Порошинъ», статья г. Семевскаго въ «Рус. Вѣст.» 1866 г., августъ).

предположить, что городъ Глуповъ ужъ такой несчастный, что въ немъ не отражалась и сотая доля того, что происходило въ «высшихъ сферахъ». Въ самомъ дѣлѣ, мы вовсе не видимъ главнѣйшихъ явленій екатерининскаго времени. Гдѣ тѣ ничтожности, которыя попадали на «высоту честей» по щучьему велѣнью, гдѣ эти баре-философы, эти волтерьянцы и энциклопедисты, которымъ все это не мѣшало изнурять народъ, обкрадывать казну, развращаться до мозга костей и развращать другихъ, подкапываться другъ подъ друга и рабски ползать и дрожать передъ мальчишками, внезапно надѣвавшими генералъ-адъютантскій мундиръ? По нашему мнѣнію, это ползанье высшихъ поучительнѣе дрожанія темной массы передъ возами розогъ. Гдѣ тотъ наглый развратъ, замѣнившій слово «любить» словомъ «махаться» (см. «Живописецъ» Новикова), сдѣлавшій изъ женщинъ циническихъ амазонокъ и смѣшавшій полы; гдѣ этотъ сенатъ, не имѣющій у себя географической карты Россіи и не знающій суммы доходовъ и расходовъ; гдѣ многоглаголивый «Наказъ», списанный съ Монтескье и др., явившійся такимъ блестящимъ фейерверкомъ и лопнувшій въ пространствѣ, какъ неудавшаяся ракета, не оставляющая послѣ себя искристаго хвоста, но на минуту смутившая и встревожившая обывателей и градоначальниковъ; гдѣ тотъ страшный Пугачъ, тотъ зловѣщій воронъ, который заставилъ трепетать, какъ «высшія сферы», такъ и градоначальниковъ, которые забыли всѣ мѣропріятія относительно подчиненныхъ и заботились только объ одномъ мѣропріятіи—спасти собственную свою персону, для чего вымаливали иногда прощеніе у бабъ и мужиковъ и валялись въ ногахъ у самозванныхъ «енараловъ», познавая всю тщету своего градоначальничества; гдѣ эти выскочки, чудеснымъ образомъ вылетавшіе въ люди, съ гордостью носившіе свой позоръ и даже возбуждавшіе къ себѣ зависть въ другихъ; гдѣ эти лейбъ-кампанцы, игравшіе роль преторіянцевъ, возмущавшіе и бунтовавшіе (см. описаніе ихъ бунтовъ у Манштейна); гдѣ такіе градоначальники, какъ Прозоровскій, допрашивавшій масоновъ, и о которомъ Лопухинъ оставилъ намъ драгоцѣнныя страницы, блещущія юморомъ тѣмъ болѣе яркимъ, что онъ выливался въ допросахъ градоначальника искренно и наивно; гдѣ чудеснѣйшій прототипъ всѣхъ тайныхъ дѣлъ мастеровъ, начиная съ грубѣйшихъ и кончая изящнѣйшими,—Шешковскій, «по маленьку кнутобойничавшій» и совершавшій экзекуціи иногда надъ важными дамами съ патріархальной простотой: пришелъ, взялъ и высѣкъ; пришелъ съ своими архангелами прямо въ спальню, взялъ даму съ ложа, и тутъ же, въ присутствіи оторопѣвшаго мужа, отсчиталъ положенное количество по

приказанію свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича. Что за время было чудесное! Чтобъ арестовать Новикова, посылаютъ чуть не цѣлый полкъ, и для чего? для того, конечно, чтобъ показать «авторитетъ власти», чтобъ какимъ-нибудь образомъ беззащитный журналистъ не нанесъ ущерба ея достоинству, тогда какъ одинъ квартальный весьма удобно могъ совершить этотъ немудреный подвигъ. А когда дѣйствительно приходилось показать «авторитетъ власти», когда государство, созданное могучею волею великаго Петра, когда зачатки просвѣщенія, имъ насажденнаго съ такимъ трудомъ, были угрожаемы со стороны поднявшейся казачины подъ предводительствомъ бѣглаго каторжника, marquis de Pugatchef, какъ называла его Екатерина въ письмахъ къ Вольтеру, когда эта серьезная опасность встала подъ ореоломъ императора Петра III,—«авторитетъ власти» вдругъ палъ, вдругъ оказался до того безсиленъ, до того презрѣненъ, что намъ, читающимъ теперь исторію того времени, могло бы показаться это невѣроятнымъ, еслибъ и на нашихъ глазахъ не совершались такія же чудеса, т.-е. показываніе «авторитета власти» надъ безсильными, никому неопасными «вольнодумцами», и паденіе въ грязь, когда этотъ «авторитетъ» сталкивается съ сильнымъ врагомъ (просимъ припомнить поучительную исторію Наполеона III, великаго полководца въ кампаніяхъ противъ мнимыхъ заговорщиковъ). И ничѣмъ подобнымъ г. Салтыковъ не воспользовался, ничѣмъ подобнымъ не вдохновился, не взялъ изо всего этого ни одной черты, ни одного типа. Намъ могутъ возразить, что мы напрасно вопрошаемъ г. Салтыкова о томъ, чего онъ не сдѣлалъ, вмѣсто того, чтобъ ограничиться разборомъ того, что онъ сдѣлалъ. Но въ этомъ случаѣ мы вправѣ вопросить даровитаго сатирика, ибо онъ взялся за сатиру историческую и какъ бы вступалъ въ конкурренцію съ тѣмъ, что̀ сдѣлано для этого тогдашними литераторами. Разумѣемъ сатирическіе журналы Новикова, нѣкоторыя строфы Державина, «Вадимъ» Княжнина, «Недоросля» и мелкія сатирическія статьи Фонъ-Визина, какъ напр. его «Придворную Грамматику», которая по остроумію и смѣлости едва ли не выше «Мыслей о градоначальническомъ единомысліи, а также о градоначальническомъ единовластіи и о прочемъ», которыя заставляетъ г. Салтыковъ сочинять одного изъ своихъ градоначальниковъ, Бородавкина («Мысли» эти, впрочемъ, блещутъ остроуміемъ); къ этому слѣдуетъ прибавить другіе сатирическіе журналы, напр. «Почту Духовъ» и книгу Радищева, въ которой недостатокъ таланта и слога выкупается яркимъ сатирическимъ содержаніемъ, а мѣстами и одушевленіемъ. Какъ вы хотите, чтобъ, читая сатиру на вторую

половину прошлаго вѣка, мы забыли то, что сдѣлали для нея тогдашніе писатели? Какъ вы хотите, чтобъ мы не указывали сатирику тѣхъ фактовъ, которые просятся въ сатиру и которые такъ удобны для нея и такъ живучи? Если онъ говоритъ о прошломъ, если онъ рисуетъ жизнь, сдѣлавшуюся достояніемъ исторіи, мы вправѣ указывать на то, чего онъ не сдѣлалъ. Правда, есть у него кое-какіе намеки, но такіе отдаленные и такіе путанные, что необходимъ весьма подробный комментарій къ нимъ, который никѣмъ инымъ не можетъ быть составленъ, какъ самимъ авторомъ, ибо отгадать его намеки не въ силахъ человѣческихъ. Хотѣлъ онъ, напр., изобразить переходъ отъ либерализма къ реакціи, и въ результатѣ вышло только глумленіе надъ глуповцами.

Бѣдные эти глуповцы! Читатели видѣли отчасти, какъ третируетъ ихъ сатирикъ, какою благодарностью пылаютъ ихъ сердца, по его увѣренію, даже къ буйнымъ начальникамъ; но мы не показали еще всего. «Глуповцы—народъ изнѣженный и до крайности набалованный» (должно быть, сѣченьемъ); глуповецъ руководится «не разумомъ, а движеніями благодарнаго сердца»; Глуповъ — городъ «безпечный, добродушно веселый». «Ежели посудинѣ велятъ кланяться, разсуждаетъ глуповецъ,—такъ и ей, матушкѣ, поклонись», и при этомъ, замѣчаетъ сатирикъ, «ихъ волнуетъ только одно сомнѣніе, какъ бы казнѣ не было убытка, если станутъ они кланяться посудинѣ». «Ежели насъ теперича всѣхъ въ кучу сложить, разсуждаетъ опять глуповецъ, и съ четырехъ концовъ запалить — мы и тогда противнаго слова не вымолвимъ. Намъ терпѣть можно, потому, мы знаемъ, что у насъ есть начальство». Спрашиваемъ всякаго безпристрастнаго человѣка — не идіотскія ли это мнѣнія, и гдѣ, въ какой трущобѣ, подобныя мнѣнія можно услышать? Гдѣ этотъ городъ Глуповъ, населенный такими идіотами? Или онъ не зналъ борьбы съ притѣсненіемъ, или онъ не бѣгалъ отъ злоупотребленій власти, или онъ не возставалъ противъ нея съ страшною местью при Разинѣ, при Пугачевѣ, или онъ не умѣлъ хитро и ловко провести ее, какъ провели ее раскольники? Должно быть, Глуповъ гдѣ-нибудь съ краю....

Но положимъ, что Глуповъ пассивно, а иногда даже съ «благодарнымъ сердцемъ» переносилъ весь гнетъ, которымъ угнетали его «буйные» градоначальники; положимъ, что глуповцы дѣйствительно способны были кланяться посудинѣ и ни единаго слова не промолвить, еслибъ ихъ сложили всѣхъ въ кучу и запалили со всѣхъ четырехъ концовъ. Страхъ—великое дѣло, онъ отнимаетъ разумъ даже у разумныхъ и парализуетъ энергію силь-

ныхъ; чтобъ составить себѣ опредѣленное понятіе о человѣкѣ, надо посмотрѣть, какъ живетъ онъ при обстоятельствахъ благопріятныхъ, въ счастіи и довольствѣ. Оказывается, что такое наблюденіе можно произвесть и надъ глуповцами, ибо и у нихъ были кроткіе градоначальники, между которыми нельзя не упомянуть, безъ особенной благодарности, о нѣкоемъ Прыщѣ, имѣвшемъ, вмѣсто обыкновенной, фаршированную голову, что́ и было потомъ открыто и голова эта съѣдена съ большимъ аппетитомъ предводителемъ дворянства. Но прежде, чѣмъ это случилось, глуповцы успѣли насладиться покоемъ, ибо фаршированная голова оказалась несравненно пригоднѣе для развитія самоуправленія у глуповцевъ: Прыщъ позволилъ имъ жить какъ они хотятъ и даже громогласно объявилъ, что въ невмѣшательствѣ въ обывательскія дѣла и заключается вся сущность администраціи. Конечно, впослѣдствіи, при крутыхъ обстоятельствахъ, которыя опять настали, глуповцы часто повторяли: «ахъ, еслибъ всѣ градоначальники были съ фаршированными головами»! Безъ сомнѣнія, они заблуждались, потому что и такъ бываетъ часто, что именно градоначальники съ головами, во всѣхъ отношеніяхъ похожими на фаршированныя, болѣе всего и мѣшаютъ самоуправленію, но при Прыщѣ было на оборотъ, и глуповцы сильно стали поправляться. Послѣдующіе начальники, хотя и не отличались благодушіемъ фаршированнаго, но были люди веселые, не злые, любящіе наслажденія, и иногда похвалявшіеся и либерализмомъ. И чтожъ? Глуповцы «изнемогли» подъ бременемъ своего счастія и забылись. Избалованные пятью послѣдовательными градоначальниками, доведенные почти до ожесточенія грубою лестью квартальныхъ, они возмечтали, что счастье принадлежитъ имъ «по праву», и «стали бросать хлѣбъ подъ столъ и креститься неистовымъ обычаемъ», а когда тогдашніе обличители начали гремѣть противъ этого, глуповцы говорили: «хлѣбъ пущай свиньи ѣдятъ, а мы свиней съѣдимъ—тотъ же хлѣбъ будетъ». За симъ, неизвѣстно для чего, а только по свойственной имъ глупости, они стали строить башню до небесъ и не выстроили ея только за недостаткомъ архитекторовъ, но за то они наверстали на другихъ безумствахъ: «забыли истиннаго Бога и прилѣпились къ идоламъ», вытащили изъ архива старыхъ боговъ Перуна и Волоса и, собравъ сходку, порѣшили на ней: знатнымъ обоего пола особамъ покланяться Перуну, а смердамъ—приносить жертвы Волосу. Глядя на все это изъ окна своего дома, тогдашній градоначальникъ Дю-Шаріо кричалъ: «Sont-ils bêtes! dieux des dieux! sont-ils bêtes ces moujiks de Gloupoff!» Развращеніе нравовъ шло crescendo, началась все-

общая гульба, и глуповцы «мнили, что во время этой гульбы хлѣбъ выростетъ самъ собой и потому перестали воздѣлывать поля».

Кажется, этого было бы довольно; ужъ достаточно униженъ бѣдный глуповецъ, достаточно низведенъ до безсмысленныхъ скотовъ. Нѣтъ, нашъ сатирикъ такъ высоко паритъ, что глуповцы кажутся ему презрѣннѣе мухъ, которыя только и дѣла дѣлаютъ, что гадятъ и любовью занимаются. И дѣйствительно, стали они ни на что не похожи съ водвореніемъ у нихъ градоначальника Эраста Андреевича Грустилова, когда ко всей прежней распущенности прибавилась еще заграничная зараза. «Вліяніе кратковременной стоянки (глуповцевъ) въ Парижѣ оказывалось повсюду.... Явились люди женоподобные, у которыхъ были на умѣ только милыя непристойности. Для этихъ непристойностей существовалъ особый языкъ. Любовное свиданіе мужчины съ женщиной именовалось «ѣздою на островъ любви». Представители глуповской интеллигенціи сдѣлались равнодушны ко всему, что̀ происходило внѣ замкнутой сферы *ѣзды на островъ любви*». Жить было легко, потому что представители интеллигенціи «чувствовали себя счастливыми и довольными и не хотѣли препятствовать счастію и довольству другихъ»; «эта легкость въ особенности приходилась понутру такъ-называемымъ смердамъ.... Смерды наполняли свои желудки жирной кашею до крайнихъ предѣловъ», предались многобожію, стали поклоняться Волосу и Ярилѣ, «но въ то же время намотали себѣ на усъ, что если долгое время не будетъ дождя, или будутъ дожди слишкомъ продолжительные, то они могутъ своихъ излюбленныхъ боговъ высѣчь, обмазать нечистотами и сорвать на нихъ свою досаду. И хотя очевидно, что матеріализмъ столь грубый не могъ продолжительное время питать общество, но въ качествѣ новинки онъ нравился и даже опьянялъ. Общество, во всѣхъ разнообразныхъ слояхъ своихъ, начиная *отъ магнатовъ интеллигенціи до самаго послѣдняго смерда*, предавалось ему съ упоеніемъ». Развращенные постоянной гульбой, смерды «до того понадѣялись на свое счастіе, что, не вспахавъ земли, зря разбросали зерно по цѣлинѣ. И такъ, шельма, родитъ! говорили они въ чаду гордыни». Сатирикъ опредѣляетъ даже время этого удивительнаго происшествія — 1815—1816 гг.

Мы не славянофилы; мы никогда не говорили и никогда не скажемъ, что въ русскомъ народѣ—а глуповцы составляютъ часть его — есть какія-то особенныя качества, способныя обновить «гнилой Западъ», но мы уважаемъ этотъ народъ и видимъ въ немъ всѣ задатки для развитія; благодаря этому народу, создалось государство, благодаря ему, явилась интеллигенція, литера-

тура, искусство и разныя другія удобства жизни; самъ питаясь Богъ знаетъ чѣмъ, онъ питаетъ всѣхъ, не исключая сатириковъ даже самыхъ возвышенныхъ и непреклонныхъ, которые говорятъ, что какъ скоро дана была этому народу возможность «наполнять свои желудки жирной кашей до крайнихъ предѣловъ», какъ скоро не стали «препятствовать его счастію и довольству», онъ немедленно началъ производить невообразимыя безумства, загулялъ и бросилъ даже хлѣбъ сѣять... Неправда ли, какой презрѣнный народъ и какъ достоинъ онъ всего того, что̀ призывали на него ревнители его нравственности! Какъ ниже онъ всѣхъ его начальниковъ, не только такихъ, какъ Прыщъ, который, вмѣстѣ съ фаршированной головой, обладалъ и благоразуміемъ, но и всѣхъ тѣхъ, съ которыми мы познакомились. Они гнали и притѣсняли народъ, они дѣлали много глупостей и жестокостей, но ни одинъ изъ нихъ не доходилъ до того безумства, какимъ ознаменовали себя въ счастливые годы глуповцы, подлые и гнусные въ несчастіи и разгульно-идіотичные въ счастіи. Сатирикъ говоритъ намъ, что «мы безъ труда поймемъ» все это, если припомнимъ, что у глуповцевъ «назади стоялъ Бородавкинъ, а впереди виднѣлся Угрюмъ-Бурчеевъ». Дѣйствительно, мы поймемъ это, только не съ той стороны, на которую указываетъ сатирикъ: для такихъ безсмысленныхъ идіотовъ, еще въ началѣ своей исторіи, на волѣ, обнаружившихъ только способность «тяпать головою», начальники, въ родѣ Бородавкина, шли какъ нельзя лучше. Они другъ друга стоютъ. Независимо отъ этого, т.-е. допуская справедливость указанія г. Салтыкова, замѣтимъ, что вѣдь народъ, эти смерды, живетъ изо дня въ день, живетъ настоящимъ моментомъ, не имѣя ни времени, ни средствъ на то, чтобы провидѣть будущее и прилежно анализировать прошедшее. Власть, безспорно, дѣйствуетъ на нравственность народа такъ или иначе, въ положительную или отрицательную сторону, и въ этомъ случаѣ глуповцы не могли быть исключеніемъ; но ни исторія, ни настоящее вовсе не говорятъ намъ ничего похожаго на тѣ картины, которыя нарисовалъ г. Салтыковъ. Напротивъ, народъ, при всей своей невѣжественности, постоянно выбивался изъ подъ тяжкой опеки, не говоря уже о томъ, что всякое облегченіе всегда принималось «смердами», какъ милость божія, и они не только не бросали свиньямъ хлѣбъ, не только не разбрасывали зерна по цѣлинѣ, но обыкновенно лучше вспахивали землю, хотя та же исторія не представляетъ намъ ни одного момента, когда бы народъ до отвалу наѣдался жирной кашей: онъ всегда былъ и есть въ прòголодь, и поклоняться Ярилѣ и Волосу могли только тѣ, кто не обливался пòтомъ на скудныхъ нивахъ. Выставляя въ такомъ видѣ народъ, не от-

дѣляя его отъ слоя его эксплуататоровъ, г. Салтыковъ приноситъ такія жертвы, на какія способны развѣ архиваріусы. Въ самомъ дѣлѣ,—градоначальники безумны, народъ еще безумнѣе, градоначальники развратны, народъ еще развратнѣе, градоначальники вислоухи, народъ еще болѣе вислоухъ. Гдѣ, какой сатирикъ приносилъ подобное жертвоприношеніе? Дѣлали ли это Раблэ и Свифтъ, въ своихъ безсмертныхъ произведеніяхъ, дѣлалъ ли это Гоголь? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, и оно понятно: если отвергать народъ, отвергать его здравый смыслъ и даже простую его житейскую сообразительность, то что же признавать послѣ этого?...

Мы вовсе не хотимъ сказать, что народу надо кланяться и кадить ему. Мы не хотимъ также сказать, чтобъ какіе-нибудь глуповцы были застрахованы отъ бича сатиры; но на все есть тактъ, всему есть предѣлы, и искусство выработало вѣрное средство для отношеній сатиры къ угнетаемымъ и падшимъ, и этимъ средствомъ г. Салтыковъ обладаетъ въ достаткѣ. Средство это—юморъ; но юморъ не значитъ ни смѣхъ для смѣха, ни каррикатура для каррикатуры; юморъ—и не «капризное свойство писателей», какъ опредѣлилъ его не совсѣмъ давно одинъ критикъ, потому что отъ каприза должны спасать писателя разумъ и развитіе, и потому что капризъ есть баловство или патологическое состояніе нервъ. «Видимый міру смѣхъ сквозь незримыя слезы» — это опредѣленіе юмора, сдѣланное Гоголемъ, въ высшей степени вѣрное и многообъемлющее, налагаетъ на писателя извѣстныя обязанности, далекія отъ каприза и смѣха ради смѣха; хотя Гёте сказалъ, что юморъ — одна изъ безграничныхъ формъ искусства, хотя, по его мнѣнію, «der Humor zerstört zuletzt alle Kunst», но это относится болѣе къ внѣшней формѣ его, чѣмъ къ внутреннему содержанію; внутреннее же это содержаніе стремится къ тому же, къ чему наука въ ея широкомъ значеніи: юморъ стремится освободить общество отъ предубѣжденій, отъ унаслѣдованныхъ традицій, отъ неравенства; для него нѣтъ ничего малаго, но нѣтъ также ничего и великаго. Онъ развѣнчалъ великое, чтобы возвысить малое, отринулъ поклоненіе избранникамъ судьбы, чтобъ показать живучесть идей въ толпѣ, въ ординарномъ, загнанномъ, ничтожномъ, что́ древнее искусство приносило въ жертву богамъ и героямъ. Аристократія красоты и изящества, добродѣтель, таланты, мудрость, сила и богатство — вотъ надъ чѣмъ трудилось прежнее искусство, на что обращало оно всѣ свои помыслы и средства. Оно развило вкусъ къ изящному, уваженіе къ добродѣтели, мудрости, къ нравственной силѣ,—заслуги безспорно великія—но толпа для него почти не существовала, потому что она представляла будто бы смѣшеніе элементовъ незначущихъ и обыденныхъ, гдѣ са-

мую добродѣтель трудно отличить отъ порока. Юморъ указалъ, что и въ толпѣ живетъ мысль, что и въ ней есть чувство, есть задатки на величіе и нравственную силу. Христіанство сказало: «придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и я успокою васъ», и эти слова сдѣлались лозунгомъ юмора. Такимъ образомъ, онъ стремился признать въ человѣкѣ, кто бы онъ ни былъ и какъ бы высоко или низко ни стоялъ онъ — человѣка, т.-е. существо, надѣленное не одними пороками, не одними добродѣтелями. Не жертвуя малымъ великому, онъ великое низводилъ до малаго и малое возвышалъ до великаго. Къ сожалѣнію, современные юмористы, въ своемъ усердіи увеселять публику во что бы то ни стало, даже въ ущербъ собственной репутаціи, забываютъ это, или этого не знаютъ, руководствуясь исключичельно побужденіями собственной природы, не провѣренными и не сдерживаемыми разумомъ.

По тому, что мы сказали о юморѣ, легко понять его отличіе отъ сатиры. Юморъ прощаетъ грѣшникамъ и даетъ имъ возможность поднять голову, сатирикъ—бичуетъ ихъ. Онъ открываетъ всѣ раны, гдѣ бы ихъ ни замѣтилъ, онъ гремитъ проклятіями и осужденіями, не указывая никакихъ средствъ для спасенія и исцѣленія. Но громитъ онъ во имя высшей идеи о человѣческомъ достоинствѣ, которую, однако, не высказываетъ; она только чувствуется за его отрицаніемъ, между тѣмъ какъ юмористъ ее не скрываетъ; по самой сущности юмора его идея, форма и сущность нераздѣльны; но если въ сатирѣ и не высказывается прямо руководящая идея, то объ ней всегда можно составить себѣ понятіе по отрицательнымъ образамъ сатиры. Чѣмъ больше сатира обращаетъ вниманіе на ничтожныя мелочи, тѣмъ мельче и идея, воодушевляющая сатирика. Это такъ ясно, что распространяться объ этомъ—значитъ напрасно терять слова. Однимъ словомъ, сатирическое произведеніе всегда дастъ масштабъ для опредѣленія нравственной высоты той идеи, которою вдохновляется сатирикъ. Изъ всего сказаннаго, повидимому, слѣдуетъ, что сатирикъ и юмористъ противоположны другъ другу: юмористъ копается въ мелочахъ жизни съ смѣющимся лицомъ и охотно останавливается въ вертепахъ порока, чтобъ и тутъ отыскать человѣческія черты, тогда какъ сатирикъ имѣетъ право отвернуться отъ этого и послать туда проклятія. Все это такъ только въ теоріи, но въ дѣйствительности, по закону противоположностей, они постоянно соприкасаются, и юморъ съ такою же неуловимой быстротою переходитъ въ сатиру, какъ сатира въ юморъ: они ежеминутно смѣняютъ другъ друга, такъ что критикѣ очень трудно иногда отличить юморъ отъ сатиры и сатиру отъ юмора. Это легко объясняется какъ самыми много-

образными свойствами человѣческаго духа, такъ и сложностью явленій дѣйствительности. Юмористу, при всемъ его стараніи, при высочайшемъ проникновеніи руководящею имъ гуманною идеей, не удается иногда освѣтить этою послѣднею безобразныя и наглыя явленія дѣйствительности; онъ слишкомъ часто наталкивается на безсовѣстнѣйшую эксплуатацію, и его смѣхъ, карриатура, иронія замѣняются серьезнымъ, лирическимъ настроеніемъ сатирика. Съ своей стороны, сатирикъ не можетъ, по самому свойству человѣческаго духа, совершенно устранить отъ себя великодушіе, доброту, состраданіе; онъ не можетъ по справедливости совершенно выдѣлять и себя самого изъ окружающей его дѣйствительности, которой онъ есть часть, и это еще болѣе смягчаетъ его, и сатира его переходитъ въ юморъ. Но и сатира и юморъ исчезаютъ и остается голая проза, безжизненное переливаніе изъ пустого въ порожнее, смѣхъ ради смѣха, какъ скоро сатирика и юмориста оставляетъ высокая идея служенія добру и истинѣ. Величайшая гармонія между юморомъ и сатирою, при художественности и зрѣлости образовъ, существуетъ у насъ только у одного Гоголя. Онъ ни разу въ своихъ произведеніяхъ не провинился, такъ сказать, противъ законовъ, которые вывела теорія о сатирѣ и юморѣ. Самыя жалкія отребья человѣчества, въ родѣ чиновника въ «Шинели», возбуждаютъ въ немъ именно такой смѣхъ, сквозь который слышатся слезы; въ «Запискахъ Сумасшедшаго» юморъ нигдѣ не переходитъ свои границы и въ концѣ этого произведенія обращается въ вопль состраданія къ больному человѣчеству; мы не говоримъ уже о «Мертвыхъ Душахъ», гдѣ талантъ Гоголя развернулся во всю свою ширь.

Да не подумаютъ читатели, что мы желаемъ сравнивать Гоголя съ г. Салтыковымъ: мы хотѣли только указать на то, какъ великій писатель пользовался своимъ дарованіемъ и какой живой примѣръ, не въ отвлеченной теоріи, оставилъ онъ своимъ послѣдователямъ. Дѣло въ томъ, что г. Салтыковъ продолжаетъ традицію Гоголя и по мѣрѣ силъ и возможности разработываетъ частности той самой картины, которую такъ геніально начертилъ Гоголь. Какъ вѣрный ученикъ, г. Салтыковъ не выходитъ изъ рамки этой картины и не расширяетъ ея горизонта; этимъ, однако, мы отнюдь не хотимъ сказать, что у г. Салтыкова мало силъ—ихъ довольно для того, чтобъ быть замѣтнымъ и полезнымъ ученикомъ великаго таланта, но эти силы иногда направлены фальшиво и односторонне. Изъ указанныхъ нами, въ общихъ, слабыхъ чертахъ, существенныхъ свойствъ сатиры и юмора, построенныхъ теоріей не произвольно, а на основаніи произведеній именно великихъ талантовъ, ясно, что и та и другой имѣютъ свои границы и являются выразителями руководя-

щей авторами идеи. Нравственное чувство и искусство въ современномъ его значеніи откажутся признать какое бы то ни было поэтическое достоинство за сатирою на крѣпостныхъ крестьянъ, за сатирою на негровъ, перевозимыхъ какъ товаръ на плантаціи, хотя бы авторы ихъ обнаруживали несомнѣнный талантъ: низменная, чисто животная идея, которая легла бы въ основаніе подобныхъ произведеній, лишила бы ихъ всякаго значенія и достоинства; это былъ бы отвратительный пасквиль, отъ котораго съ презрѣніемъ отвернулось бы искусство, потому что оно служитъ прогрессу и цивилизаціи. Этимъ примѣромъ, конечно грубымъ, мы хотимъ объяснить, почему фальшиво отношеніе г. Салтыкова къ народу (т.-е. къ его приниженнымъ и угнетеннымъ глуповцамъ), не только съ исторической точки зрѣнія, но и съ художественной. Его юморъ грѣшитъ въ этомъ случаѣ тономъ и своимъ содержаніемъ, потому что авторъ недостаточно выяснилъ себѣ свои идеалы, свою нравственную идею; его юморъ обращается въ злую, а иногда и просто въ пошлую насмѣшку надъ несчастіемъ и неразвитостью темной массы; его юморъ часто не проникнутъ высокой идеей братства и любви тамъ, гдѣ этого ожидаешь и гдѣ это необходимо, и вдругъ проникается любовнымъ элементомъ тамъ, гдѣ нуженъ элементъ противоположный; его юмористическое настроеніе не связывается достаточными нравственными путами и опрокидывается иногда зря на первый попавшійся предметъ,—лишь бы онъ представлялъ смѣшную сторону. Неужели это настоящій юморъ, неужели это служеніе искусства добру и правдѣ? Нѣтъ, это не юморъ, а самодовольный хохотъ, отъ котораго да хранитъ Богъ на будущее время такой замѣчательный талантъ.

Намъ осталось сказать о послѣднихъ двухъ очеркахъ въ книгѣ г. Салтыкова: одинъ изъ нихъ посвященъ градоначальнику Эрасту Андреевичу Грустилову, другой—Угрюмъ-Бурчееву. Эти два очерка, въ особенности послѣдній, лучшіе въ книгѣ г. Салтыкова. Въ Грустиловѣ представленъ человѣкъ, повидимому либеральный, съ перваго знакомства какъ будто что-то обѣщающій, но въ сущности растлѣнный похотью и властью, суевѣрный и сантиментальный въ худшемъ значеніи этого слова и блещущій отсутствіемъ твердыхъ убѣжденій. Это почти флюгеръ, но флюгеръ, однако, себѣ-на-умѣ, умѣющій свои наружныя достоинства и свою власть употреблять для удовлетворенія господствующему своему влеченію—похоти; и либерализмъ, и мягкія манеры, и сантиментальность, и суевѣріе—все это въ немъ проявляется не столько какъ основныя черты его характера, сколько какъ болѣе или менѣе искусная маска для уловленія сердецъ. Лѣнивый и безпечный, онъ поддается всякому вліянію, лишь

бы оно льстило господствующей въ немъ слабости или избавляло отъ хлопотливыхъ заботъ по управленію глуповцами. Оберегайте только его личные интересы, содѣйствуйте осуществленію его вожделѣній, и онъ позволитъ вамъ дѣлать, что вамъ угодно. При случаѣ вы можете напугать его дьяволомъ, при случаѣ бунтомъ, при случаѣ можете обольстить прелестью либерализма и благословеніемъ потомства. У г. Салтыкова, впрочемъ, рельефною вышла только «клубничная» сторона, анализированная съ большимъ искусствомъ и юморомъ. Но если Грустиловъ напоминаетъ намъ лучшія произведенія нашего сатирика, какъ «Ташкентцы», «Глупый помѣщикъ», то Угрюмъ-Бурчеевъ стоитъ едва ли не выше всего, что̀ до сихъ поръ написалъ г. Салтыковъ. Это если не совсѣмъ цѣльный, то во всякомъ случаѣ рельефный образъ деспота-самодура, въ своемъ ослѣпленіи и самонадѣянности вызывающаго на бой даже силы природы. Угрюмъ-Бурчеевъ передъ рѣкою, которая вдругъ преграждаетъ свободный ходъ его дикой фантазіи, — удивительно удачная картина.

— «Зачѣмъ?—спросилъ, указывая глазами на рѣку, Угрюмъ-Бурчеевъ у сопровождающихъ его квартальныхъ.

«Квартальные не поняли: но во взглядѣ градоначальника было нѣчто, до такой степени устраняющее всякую возможность уклониться отъ объясненія, что они рѣшились отвѣчать, даже не понимая вопроса.

— «Рѣка-съ.... Навозъ-съ.... лепетали они какъ попало.

— «Зачѣмъ?—повторилъ онъ испуганно, и вдругъ, какъ бы боясь углубиться въ дальнѣйшіе разспросы, круто повернулъ налѣво кругомъ и пошелъ назадъ.

«Судорожнымъ шагомъ возвращался онъ домой и бормоталъ себѣ подъ носъ:

— «Уйму! я ее уйму!»

Далѣе идетъ картина этого униманія рѣки, въ которую валятъ цѣлые возы мусора, но она продолжала течь попрежнему, только изрѣдка какъ бы останавливаясь, и бурлила, когда масса мусора сбрасывалась въ нее. Эта картина невольно напоминаетъ другую, столь частую въ дѣйствительной жизни народовъ: останавливаются самодуры испуганно передъ потокомъ живыхъ идей и говорятъ судорожно: «уйму я его, уйму!» но потокъ пробиваетъ себѣ дорогу черезъ плотины, повидимому, самыя надежныя и годъ отъ году дѣлаясь все шире и шире, заливаетъ береговыя пространства и превращаетъ даже самый мусоръ въ плодоносный черноземъ. Самодуры съ теченіемъ времени замѣчаютъ это странное по ихъ мнѣнію явленіе и стараются усугубить свое усердіе; но потокъ все-таки течетъ, иногда подъ почвой пробиваетъ себѣ ложе, незримо для соглядатаевъ, и вдругъ вырываетъ-

ся изъ нея такимъ бурнымъ каскадомъ, что голова самодуровъ кружится, и они теряютъ всякую способность къ усмиренію непокорной стихійной силы. Возвращаемся къ Угрюмъ-Бурчееву.

Стройность этого прекраснаго очерка нарушается, однако, нѣсколькими страницами, посвященными какому-то Іонкѣ Козырю, въ исторіи котораго сатирикъ, повидимому, хотѣлъ изобразить исторію глуповскаго либерализма и, по обыкновенію, впалъ въ апокалипсическую темноту и въ ничего-невыражающую карикатуру. Мы могли бы еще сдѣлать два, три замѣчанія. Намъ, напр., не нравятся слова «идіотъ» и «прахвостъ», которыми обзываетъ своего героя сатирикъ; и съ нашей стороны это далеко не капризное субъективное чувство, а одно изъ тѣхъ требованій искусства, передъ которыми художникъ долженъ преклоняться по той простой причинѣ, что подобное отношеніе къ герою — не художественный пріемъ: герой долженъ выходить цѣльнымъ образомъ, безъ этихъ, часто ничего неговорящихъ, при всей своей рѣзкости, эпитетовъ. Кромѣ того, въ настоящемъ случаѣ слово «идіотъ» достаточно противорѣчитъ всей дѣятельности Угрюмъ-Бурчеева, ибо изъ нея, при всей ея дикости, нельзя все-таки вывести заключенія, что передъ нами идіотическое существо, неспособное ни къ какому размышленію. И только такая постановка лица дикаго самодура и мыслима въ серьезномъ литературномъ произведеніи, иначе, то-есть при допущеніи идіотизма у самодура, онъ теряетъ свое широкое значеніе, и черты, равно приложимыя, хотя и не въ одинаковой степени, къ ограниченнымъ и умнымъ изъ нихъ, частію исчезаютъ, являясь лишь принадлежностью одного лица, пораженнаго идіотизмомъ. Типъ, такимъ образомъ, сильно бы умалился въ своемъ нравственномъ значеніи. Къ счастію, сатирикъ не сдѣлалъ этой ошибки, и эпитетъ «идіота» употребленъ имъ совершенно излишне, по привычкѣ къ крѣпкимъ словамъ: въ Угрюмъ-Бурчеевѣ много смѣтливости, хитрости, дикой наглости, способности комбинировать планы благоустройства, хотя планы и «прямолинейнаго» содержанія. Напрасно также г. Салтыковъ придалъ ему нѣкоторыя такія черты, которыя какъ бы указываютъ на присутствіе необыкновенно сильной воли въ этой натурѣ. «Онъ спалъ на голой землѣ, и только въ сильные морозы позволялъ себѣ укрыться на пожарномъ сѣновалѣ; вмѣсто подушки клалъ подъ голову камень, вставалъ съ зарею, надѣвалъ вицъ-мундиръ, и тотчасъ же билъ въ барабанъ; курилъ махорку до такой степени вонючую, что даже полицейскіе солдаты и тѣ краснѣли, когда до обонянія ихъ доходилъ запахъ ея; ѣлъ лошадиное мясо, и свободно пережевывалъ воловьи жилы. Въ заключеніе по три часа въ сутки маршировалъ на дворѣ градоначальническаго

дома, одинъ, безъ товарищей, произнося самому себѣ командные возгласы, и самъ себя подвергая дисциплинарнымъ взысканіямъ».

Какъ карриватура на чрезмѣрную страсть къ маршированію и выправкѣ, эти выписанныя нами строки не лишены остроумія и злости, но какъ черты характеровъ, подобныхъ Угрюмъ-Бурчееву, онѣ лишены всякаго значенія. Угрюмъ-Бурчеевы никогда себя не забываютъ и работаютъ только для себя; сильной, непреклонной воли, самобичеванія въ нихъ также никогда не замѣчалось. Самъ г. Салтыковъ намекаетъ на это, въ концѣ очерка, когда народилась новая сила, и Угрюмъ-Бурчеевъ «моментально исчезъ, словно растаялъ въ воздухѣ». Они не только исчезаютъ, когда власть отнимается отъ нихъ, но обнаруживаютъ презрѣнную трусость и готовность унижаться передъ тѣми, которыхъ вчера еще держали по два часа въ своей передней на вытяжку. Лишь наружно они готовы показать спартанскую твердость и выставить напоказъ свой протертый сюртукъ и изношенную шинель: для толпы ношеніе градоначальникомъ, этою важною особою, старой шинели является чѣмъ-то грандіознымъ и внушающимъ почтеніе къ себѣ; она готова безсмысленно повторять: «смотрите, дѣти, этотъ человѣкъ могъ бы ежедневно надѣвать новую шинель и новый сюртукъ, но онъ ходитъ въ старыхъ. Какое величіе!» Она готова удивляться старому сюртуку съ такимъ же увлеченіемъ, съ какимъ удивляется, глазѣя, блеску и золоту. Она не размышляетъ о томъ, что старымъ сюртукомъ прикрыта полнѣйшая нравственная разнузданность, выказывающая себя гдѣ-нибудь въ четырехъ стѣнахъ, вдали отъ людскихъ очей. Если же толпа способна создать себѣ культъ изъ старой шинели, треугольной шляпы и сѣраго сюртука, то дѣйствительныя самобичеванія и закаленіе своей природы тяжкими лишеніями найдутъ между нею еще бо́льшее число поклонниковъ, потому что лишенія эти, въ ея глазахъ, свидѣтельствуютъ о нравственной силѣ человѣка, о преданности его своей идеѣ, хотя бы это была и дикая идея. Тутъ ужъ является фанатизмъ, способный жертвовать, во имя идеи, своей жизнью. Но еще не видано, чтобъ Угрюмъ-Бурчеевы были способны на такіе подвиги: они, какъ только достигли власти, скорѣй пожертвуютъ тысячью жизней другихъ, чтобъ сохранить въ цѣлости свой указательный перстъ и продолжить свое благосостояніе, чѣмъ уронить волосъ съ головы своей.

Если эти недостатки и вредятъ цѣльности образа Угрюмъ-Бурчеева, то настолько незначительно, что не разрушаютъ впечатлѣнія, оставляемаго въ читателѣ всѣмъ очеркомъ, болѣе существенными сторонами его. Самый тонъ юмора гармонируетъ какъ нельзя лучше съ содержаніемъ, и что всего замѣчательнѣе,

глуповцы просыпаются и начинаютъ тайную борьбу съ этимъ страшилищемъ; въ концѣ концовъ, сатирикъ сжалился надъ ними, или, лучше сказать, въ концѣ концовъ сатирикъ приблизился къ исторіи, хотя и не совсѣмъ. Онъ все еще продолжаетъ думать, что глуповцы проснулись частію оттого, что разглядѣли идіотство своего градоначальника, частію... Но тутъ является крупное противорѣчіе: мы видѣли, что пребываніе глуповцевъ заграницей породило въ нихъ женственность и развратъ до такой степени, что смерды перестали пахать и загуляли, до отвалу наѣдаясь жирной кашей, а интеллигенція стала «равнодушна ко всему, что происходило внѣ замкнутой сферы ѣзды на островъ любви». Это было въ 1815—1816-мъ году, какъ обозначилъ нашъ авторъ, при предмѣстникѣ Угрюмъ-Бурчеева, Грустиловѣ. И вотъ, объясняя пробужденіе глуповцевъ, сатирикъ говоритъ, что тому способствовали «множество глуповцевъ», вернувшихся изъ чужихъ краевъ, гдѣ они были для ратнаго дѣла и ученья. Очевидно, нашъ авторъ не совсѣмъ послѣдователенъ, лучше сказать, онъ игнорируетъ исторію, когда увлекается своею страстью къ каррикатурѣ и забавничанью, и вспоминаетъ о ней, когда серьезная мысль начинаетъ руководить имъ. Пусть самъ онъ сравнитъ достоинство каррикатуры, хотя и производящей смѣхъ, но витающей въ области фантастично-нелѣпаго, съ достоинствомъ сатиры и юмора, одушевленныхъ реальною правдой и вѣрной руководящей идеей. Пуская свой юморъ въ безпредѣльность, не ставя ему никакихъ границъ, т.-е. никакой идеи, онъ удачно начертитъ нѣсколько картинокъ, попадетъ мѣтко въ нѣсколько дѣйствительно смѣшныхъ или возмущающихъ душу сторонъ нашей жизни, разсыплетъ цвѣты своего бойкаго остроумія, но не создастъ ничего цѣльнаго, ничего достойнаго своего таланта, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы мимоходомъ, осмѣетъ ненужнымъ смѣхомъ такія явленія, которыя писатель, одушевленный идеей служенія добру и правдѣ, никогда бы не отдалъ на потѣху смѣшливому легкомыслію.

За то г. Салтыковъ становится другимъ человѣкомъ, когда ему удается вѣрно подмѣтить причины извѣстнаго явленія и разгадать его сущность, или когда онъ доходитъ до этого изученіемъ, или когда представляется ему матеріалъ, вполнѣ очищенный критикою: онъ способенъ тогда возвыситься до настоящаго одушевленія и рисовать типическіе образы; тогда и архиваріусъ изъ него вылетаетъ безслѣдно, и смѣхъ его звучитъ не надорванной нотой усталаго забавника, а ѣдкимъ сарказмомъ, и каррикатура является осмысленной и понятной. Укажемъ въ доказательство на нѣсколько страницъ, посвященныхъ въ очеркѣ «Поклоненіе мамонѣ и покаяніе», изображенію состоянія народ-

наго просвѣщенія въ Глуповѣ, которое приняло юродивый характеръ. Начальникомъ школъ назначенъ былъ юродивый Парамонъ; товарищъ его по юродству, Яшенька, получилъ каѳедру философіи, которую нарочно для него создали въ уѣздномъ училищѣ. Вотъ какъ дѣйствовали эти два достойные мужа:

«...Парамоша съ Яшенькой дѣлали свое дѣло въ школахъ. Парамошу нельзя было узнать; онъ расчесалъ себѣ волосы, завелъ бархатную поддевку, душился, мылъ руки мыломъ до бѣла и въ этомъ видѣ ходилъ по школамъ, и громилъ тѣхъ, которые надѣются на князя міра сего. Горько издѣвался онъ надъ суетными, тщеславными, высокоумными, которые о пищѣ тѣлесной заботятся, а духовною небрегутъ, и приглашалъ всѣхъ удалиться въ пустыню. Яшенька съ своей стороны училъ, что сей міръ, который мы думаемъ очима своима видити, есть сонное нѣкое видѣніе, которое насылается на насъ врагомъ человѣчества, и что сами мы неболѣе, какъ странники, изъ лона исходящіе и въ оное же лоно входящіе. По мнѣнію его, человѣческія души, яко жито духовное, въ нѣкоей житницѣ сложены, и оттоль, въ мѣрѣ надобности, спущаются долу, дабы оное сонное видѣніе въ скорости увидѣти и по маломъ времени вспять въ благожелаемую житницу благопоспѣшно возлетѣть. Существенные результаты такого ученія заключались въ слѣдующемъ: 1) что работать не слѣдуетъ; 2) тѣмъ менѣе надлежитъ провидѣть, заботиться и пещись, и 3) слѣдуетъ возлагать упованіе и созерцать—и ничего больше. Парамоша указывалъ даже, какъ нужно созерцать. «Для сего — говорилъ онъ: — уединись въ самый удаленный уголъ комнаты, сядь, скрести руки подъ грудью и устреми взоры на пупокъ».

По обычаю, намъ слѣдуетъ сдѣлать общій выводъ изъ всего сказаннаго нами о г. Салтыковѣ. Но нужно ли это? Еслибъ г. Салтыкова мы считали обыкновеннымъ фельетонистомъ, произведенія котораго живутъ не дольше листа газеты, мы ограничились бы тѣми отлично выработанными общими мѣстами объ остроуміи, мѣткости и злости, которыя, несмотря на свою ординарность, все еще продолжаютъ утѣшать авторовъ; но мы, несмотря на однообразіе произведеній г. Салтыкова, обусловленныхъ заколдованной административной сферой, считаемъ ихъ далеко не эфемерными, а талантъ его—весьма замѣчательнымъ; а кому больше дано — съ того больше и спрашивается. Вотъ наше заключеніе.

А. Б—овъ.

ЗАДАЧИ
СОВРЕМЕННОЙ БІОЛОГІИ

Гербертъ-Спенсеръ. Основанія Біологіи. Два тома. Переводъ подъ редакціею Ал. Герда. С.-Петербургъ. 1870.

I.

Хотя философы уже нѣсколько разъ пытались создать философскую науку о живыхъ существахъ, но никогда еще ихъ сочиненія не привлекали къ себѣ такого вниманія настоящихъ, спеціально занимающихся біологическими науками натуралистовъ, какъ вышедшее недавно вторымъ изданіемъ сочиненіе Герберта-Спенсера «Основанія Біологіи». Причину такого успѣха можно отчасти видѣть въ общераспространенномъ теперь стремленіи натуралистовъ къ общимъ выводамъ; въ значительной же степени успѣхъ сочиненія Спенсера долженъ быть приписанъ дѣйствительно большому уму и массѣ самыхъ разностороннихъ познаній автора... Читая его, можно не раздѣлять многихъ его мнѣній и относиться критически не только къ выводамъ, но часто и къ самымъ научнымъ пріемамъ его; но тѣмъ не менѣе нельзя не отдать должной справедливости его способности обобщать факты и его умѣнью быть послѣдовательнымъ. Несмотря на то, что Спенсеръ не спеціалистъ по наукамъ объ организмахъ, все же онъ далеко не въ такой степени легко дѣлаетъ общіе выводы, какъ многіе записные натуралисты, которые, ради своихъ теорій, игнорируютъ нерѣдко очень важныя и прочно стоящія въ наукѣ данныя.

Вообще я долженъ замѣтить, что основанія біологіи Спенсера стоятъ неизмѣримо выше философской біологіи Конта — предшественника Спенсера въ дѣлѣ такъ-наз. позитивизма. Въ то время какъ Спенсеръ является человѣкомъ, основательно знакомымъ съ современнымъ состояніемъ науки и серьезно обдумывающимъ возбужденные ею вопросы, Огюстъ Контъ на каждомъ шагу обнаруживаетъ незнаніе самыхъ животрепещущихъ въ его время вопросовъ и, смѣшивая существенное съ второстепеннымъ, занимается схоластическими словопреніями. Контъ писалъ свою біологію въ то самое время, когда въ наукѣ распространились столь богатыя въ философскомъ отношеніи изслѣдованія Бэра о развитіи животныхъ, когда Дюжарденъ обнародовалъ свои важныя наблюденія о простѣйшихъ живыхъ организмахъ и о *саркодѣ*, столь извѣстной теперь подъ названіемъ *протоплазмы;* но онъ ничѣмъ этимъ не воспользовался, остановившись исключительно на воззрѣніяхъ Биша....

Цѣль біологіи Спенсера заключается въ томъ, чтобы показать, что живые организмы подчиняются тому же закону прогресса, который обнаруживаетъ свое дѣйствіе вообще во всей природѣ. Поэтому, онъ старается показать читателю по возможности много случаевъ послѣдовательныхъ обособленій (дифференцированій) и соединеній (интегрированій) различныхъ признаковъ и указать на получающіеся отъ этого результаты.

Вначалѣ своего сочиненія Спенсеръ указываетъ на общія свойства органической матеріи и приходитъ къ тому заключенію, что она особенно чувствительна къ окружающимъ условіямъ и устроена такимъ образомъ, что малыя внѣшнія дѣйствія на нее способны дать начало сильнымъ воздѣйствіямъ. Отсюда является необычайная измѣнчивость органическаго вещества и организованныхъ существъ вообще. Эта измѣнчивость совершается по извѣстнымъ законамъ. Спенсеръ вполнѣ признаетъ столь распространенную теперь теорію происхожденія органическихъ видовъ, по которой всѣ организмы оказываются соединенными другъ съ другомъ родственной, кровной связью. Онъ не видитъ никакой возможности составить себѣ понятіе о происхожденіи всего разнообразія живыхъ существъ на землѣ иначе, какъ при помощи теоріи Дарвина, принимающей превращеніе однихъ видовъ въ другіе посредствомъ сохраненія полезныхъ признаковъ, или такъ-наз. естественнаго избранія. Разсмотрѣвъ эту теорію съ различныхъ точекъ зрѣнія, Спенсеръ переходитъ къ указанію путей, по которымъ должно было совершаться прогрессивное развитіе организмовъ. Низшія существа, подобныя простой клѣточкѣ, образовали колоніи, отдѣльные члены которой постепенно теряли

свою индивидуальность, насчетъ которой постепенно возрастала индивидуальность колоніи. Вслѣдствіе такой интеграціи элементовъ колоніи получались существа болѣе высшей степени сложенія, въ которыхъ могли совершаться процессы дифференцированія, т.-е. обособленія частей въ различныхъ направленіяхъ. При дальнѣйшемъ ходѣ прогрессивнаго развитія получался рядъ новыхъ интегрированій и дифференцированій, результатомъ чего являлись организмы еще болѣе высокой степени сложенія и т. д. Въ силу закона прогрессивнаго развитія мы видимъ слѣдующій рядъ явленій. Клѣточка, играющая у простѣйшихъ организмовъ роль самостоятельной особи, теряетъ свою индивидуальную природу въ такихъ организмахъ, которые состоятъ изъ массы клѣточекъ, т.-е. изъ такъ-наз. тканей. Далѣе: у нѣкоторыхъ организмовъ, часть, соотвѣтствующая отдѣльному суставу (или сегменту) можетъ быть вполнѣ самостоятельною особью, тогда какъ у множества другихъ существъ такой же суставъ является только частью цѣлаго индивидуума.

Основываясь на томъ, что законы прогресса одинаково приложимы во всемъ органическомъ мірѣ, Спенсеръ разсматриваетъ нѣкоторыя послѣдствія этихъ законовъ, имѣющія наиболѣе близкое отношеніе къ соціологіи. Въ послѣдней части «Основаній Біологіи» Спенсеръ разбираетъ вопросъ о человѣческомъ населеніи и приходитъ къ тому результату, что съ развитіемъ человѣчества возрастаніе населенія должно постепенно ослабѣвать, въ силу простыхъ законовъ прогресса.

Изъ сдѣланнаго нами бѣглаго очерка «Основаній Біологіи» легко видѣть, что всѣ части сочиненія представляются очень тѣсно связанными другъ съ другомъ и что изъ нихъ построена цѣльная система, обнимающая собою огромный кругъ повидимому самыхъ разнородныхъ явленій. Прочитавши все сочиненіе, невольно покажется, что всѣ явленія въ органическомъ мірѣ дѣйствительно равномѣрно идутъ по пути прогрессивнаго развитія и что всякая, съ перваго взгляда мелочная и запутанная подробность необходимо связана со всѣми остальными явленіями неразрывной нитью прогресса.

Для того чтобы убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли органическая природа представляется такою, какою она изображается Спенсеромъ, намъ необходимо войти въ разсмотрѣніе частныхъ вопросовъ, затронутыхъ въ «Основаніяхъ Біологіи». При этомъ намъ всего удобнѣе начать съ конца, т.-е. съ разбора законовъ размноженія и увеличенія народонаселенія, такъ какъ, составивши себѣ понятіе объ этихъ явленіяхъ, намъ легче будетъ усмотрѣть существенныя особенности и въ другихъ крупныхъ явленіяхъ органической природы.

II.

Читателю будетъ конечно интересно узнать, какимъ путемъ Спенсеръ приходитъ относительно вопроса объ увеличеніи народонаселенія къ выводамъ, діаметрально противоположнымъ всѣмъ извѣстной теоріи Мальтуса. Въ то время какъ послѣдній предостерегаетъ человѣчество отъ слишкомъ сильнаго и быстраго размноженія, Спенсеръ, приводящій въ доказательство результаты современнаго естествовѣдѣнія, увѣряетъ, что съ развитіемъ организаціи индивидуума, постепенно ослабляется сила размноженія и что современемъ люди едва будутъ въ состояніи покрывать убыль, происходящую отъ вымиранія.

Посмотримъ, какимъ образомъ Спенсеръ приходитъ къ своей теоріи. Основой его ученія служитъ положеніе объ антагонизмѣ между ростомъ и размноженіемъ. Для того, чтобы увеличиться въ объемѣ—вырости, или для того, чтобы произвести новое поколѣніе—размножиться, необходимо извѣстное количество матеріи; поэтому само собою разумѣется, что чѣмъ больше вещества будетъ употреблено на ростъ, тѣмъ менѣе останется его для произведенія новаго поколѣнія. Всѣмъ извѣстенъ фактъ, что въ то время, когда ребенокъ ростетъ, онъ бываетъ лишенъ способности размножаться; эта способность наступаетъ только около періода достиженія полнаго возраста и длится во все время возмужалости. Отсюда уже можно вывести, что чѣмъ меньше данный организмъ долженъ вырости для достиженія полнаго возраста, тѣмъ больше у него должна быть способность размноженія. Мы и видимъ въ дѣйствительности, что мелкіе микроскопическіе организмы, почти вовсе не выростающіе, обнаруживаютъ изумительную силу размноженія. Извѣстно, что одноклѣточныя водоросли или нѣкоторые грибы, или инфузоріи могутъ въ самое короткое время размножиться до нѣсколькихъ милліоновъ экземпляровъ; такъ, если мы сдѣлаемъ настой, т.-е. нальемъ воды въ сосудъ, содержащій въ себѣ разлагающіеся организмы, то весь онъ черезъ нѣсколько дней покроется корой, состоящей сплошь изъ массы мельчайшихъ живыхъ существъ. Подымаясь выше по лѣстницѣ организованныхъ существъ, мы увидимъ, что плодовитость постепенно ослабѣваетъ, между тѣмъ какъ величина организмовъ и сложность ихъ устройства становятся соотвѣтственно бо́льшими. Въ связи съ этимъ находится, напр., тотъ фактъ, что только болѣе низкія животныя могутъ размножаться нѣсколькими способами (т.-е. яйцами, почками и дѣленіемъ), тогда какъ болѣе сложно организованныя насѣкомыя, ракообразныя, мягкотѣлыя,

позвоночныя и пр. размножаются исключительно половымъ способомъ. На основаніи этихъ данныхъ Спенсеръ утверждаетъ, «что, при равенствѣ другихъ условій, большее развитіе должно сопровождаться уменьшеніемъ плодовитости и что въ высшихъ типахъ плодовитость должна еще болѣе уменьшаться, если еще болѣе увеличится ихъ развитіе».

Кромѣ антагонизма между ростомъ и размноженіемъ, Спенсеръ указываетъ еще и на подобное же отношеніе между развитіемъ и размноженіемъ и между тратою организма и размноженіемъ. Само собою разумѣется, что если животное, употребляя весь свободный питательный матеріалъ для собственнаго роста, не можетъ размножаться; то и зародышъ, поглощая множество вещества для своего развитія, не можетъ имѣть достаточно свободнаго матеріала для размноженія. То же самое замѣчаетъ Спенсеръ и относительно траты организма: изъ двухъ существъ, то, которое должно много трудиться для поддержанія собственнаго существованія, будетъ имѣть меньше излишка для произведенія новаго поколѣнія, чѣмъ то существо, которое получаетъ много пищи безъ труда.

Съ помощью такихъ выводовъ Спенсеръ приступаетъ къ рѣшенію вопроса о плодовитости человѣка. Онъ принимаетъ «за законъ, что *каждый дальнѣйшій шагъ на пути органическаго прогресса сопровождается ослабленіемъ того особеннаго разложенія, которое имѣетъ мѣсто при произведеніи новыхъ организмовъ*»[1]). Прилагая этотъ законъ къ наиболѣе развитому организму—человѣку, Спенсеръ приходитъ къ заключенію, что плодовитость въ человѣческомъ родѣ должна быть наиболѣе ограничена, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ живыхъ существъ. Онъ приводитъ въ пользу этого положенія и нѣкоторыя прямыя доказательства, т.-е. свидѣтельство нѣкоторыхъ путешественниковъ объ отношеніи плодовитости различныхъ народовъ къ болѣе или менѣе значительной степени ихъ благосостоянія. Современемъ, по мнѣнію Спенсера, плодовитость человѣческаго рода должна будетъ еще болѣе уменьшиться, соотвѣтственно усиленному развитію индивидуальности. Поэтому-то онъ слѣдующимъ образомъ изображаетъ будущее человѣчества: «Очевидно, что въ концѣ концовъ тѣснота населенія и зло, которымъ она сопровождается, исчезнутъ и настанетъ такой порядокъ дѣлъ, что отъ каждой особи не будетъ требоваться ничего, кромѣ нормальной и пріятной дѣятельности. Прекращеніе ослабленія плодовитости предполагаетъ развитіе нервной системы; а это предполагаетъ, что нервная система стала въ уровень со

¹) Основ. Біолог. II, 367.

всѣмъ, что отъ нея требуется, — что ей ничего не предстоитъ дѣлать сверхъ того, что естественно для нея. Но это упражненіе способностей не больше естественнаго, и составляетъ удовольствіе. Въ концѣ концовъ, слѣдовательно, для добыванія пропитанія и выполненія всѣхъ родительскихъ и общественныхъ обязанностей, потребуется именно тотъ родъ и то количество дѣйствія, которое необходимо для здоровья и счастія» [1]).

Я надѣюсь, что читателю будетъ интересно узнать, насколько основательно предположеніе подобной заманчивой будущности, и потому я попрошу его, вмѣстѣ со мною, критически разсмотрѣть весь вопросъ о плодовитости.

Чтó мы собственно должны разумѣть подъ плодовитостью? Должны ли мы считать то существо наиболѣе плодовитымъ, которое производитъ наибольшее число потомковъ, или же то, которое производитъ наибольшую массу вещества для новаго поколѣнія? Кого мы должны считать плодовитѣе: электрическаго ли ската, рождающаго только отъ 4 до 6-ти дѣтей въ годъ и производящаго на 100 частей (по вѣсу) своего собственнаго тѣла 20,6 частей (также по вѣсу) молодого поколѣнія; или же налима, кладущаго до 120,000 яицъ, но производящаго всего 15 частей молодого поколѣнія на 100 частей собственнаго тѣла? Вопросъ этотъ единогласно рѣшается учеными въ пользу ската, такъ какъ онъ употребляетъ гораздо большее количество вещества для произведенія молодого поколѣнія, чѣмъ налимъ. Спенсеръ также смотритъ на плодовитость съ точки зрѣнія массы вещества, потребнаго для производства дѣтей, а не численности молодого поколѣнія. Онъ прямо говоритъ, что «плодовитость вида *можетъ быть болѣе значительною, несмотря на меньшее число дѣтенышей, производимыхъ каждою особью въ частности*» [2]).

Опредѣливши, въ чемъ состоитъ плодовитость, мы должны теперь показать, въ какой мѣрѣ проявляется это свойство у различныхъ животныхъ. Было бы чрезвычайно интересно привести данныя относительно организмовъ возможно бóльшаго числа группъ, но этого въ настоящее время никакъ нельзя сдѣлать, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній; поэтому я ограничусь здѣсь исключительно позвоночными животными, факты относительно плодовитости которыхъ я заимствую изъ сочиненія Лейкарта [3]).

---

[1]) Тоже II, 393.
[2]) Тоже II, 337.
[3]) См. его статью: Zeugung, въ *Wagner*'s Handwörterbuch der Physiologie. Томъ IV. 1853. Стр. 716—718.

Названія животныхъ.	Вѣсъ тѣла въ граммахъ.	Годичное производство образовательнаго матеріала.	Число потомковъ.	Относительная величина плодовитости.
Человѣкъ.	55,000	4,000	1	100 : 7,3
Лошадь	325,000	25,000	½	100 : 7,7
Корова.	175,000	35,000	1	100 : 20
Овца	50,000	9,000	2	100 : 18
Собака	22,000	7,920	18	100 : 36
Морская свинка .	600	1,320	24	100 : 220
Мышь	20	59	35	100 : 295
Летучая мышь . .	35	10	2	100 : 28
Коршунъ.	1,100	180	3	100 : 16
Воробей	25	27,6	12	100 : 110
Канарейка	17	19	10	100 : 112
Страусъ	40,000	2,160	18	100 : 54
Перепелка	93	122	14	100 : 132
Обыкн. ящерица	11	7	9	100 : 63,6
Мѣдяница	9	4,16	8	100 : 46
Лягушка	52	8	2,800	100 : 15,4
Саламандра . . .	30	5	50	100 : 16,6
Окунь	590	120	—	100 : 20,4
Колюшка.	1,23	0,3	180	100 : 24,4
Налимъ.	515	80	60,000	100 : 15

Въ общемъ разсчетѣ, вѣсъ животнаго къ вѣсу производимаго имъ потомства относится у—

Млекопитающихъ = 100 : 74
Птицъ . . . . = 100 : 82
Рептилій . . . = 100 : 50
Амфибій . . . = 100 : 18
Рыбъ . . . . . = 100 : 24
Молюсковъ . . = 100 : 32
Суставчатоногихъ = 100 : 58

Легко замѣтить, что приведенные факты отнюдь не служатъ подтвержденіемъ теоріи Спенсера. Какъ ни различны цифры относительной плодовитости животныхъ, но, во всякомъ случаѣ, онѣ ясно показываютъ намъ, что съ усложненіемъ организаціи можетъ идти рядомъ и увеличеніе способности производить образовательный матеріалъ для новаго поколѣнія. И это очень по-

нятно. Хотя животное съ сложной организаціей дѣйствительно требуетъ больше матеріала для поддержанія своей собственной индивидуальности, чѣмъ проще организованное существо, но въ тоже время, именно въ силу своего сложнаго устройства, оно оказывается способнымъ пріобрѣтать сравнительно очень значительное количество вещества, и поэтому-то оно можетъ больше расходовать матеріала для молодого поколѣнія. Нерѣдкій примѣръ этого правила видимъ мы и между людьми. Люди, имѣющіе, въ силу своихъ познаній и ума, возможность пріобрѣтать больше другихъ, могутъ не только удовлетворять свои (находящіяся въ связи съ ихъ развитіемъ) потребности, но также и давать своимъ дѣтямъ лучшее воспитаніе и вообще тратить на нихъ больше средствъ. Апріорическое заключеніе сходится такимъ образомъ вполнѣ съ тѣмъ, что̀ намъ показываютъ и цифры плодовитости животныхъ. Наибольшую плодовитость мы встрѣчаемъ у мелкихъ млекопитающихъ и птицъ, организмъ которыхъ требуетъ, однакоже, гораздо бо̀льшей траты, чѣмъ сравнительно гораздо менѣе сложный организмъ лягушки, саламандры или любой рыбы.

Само собою разумѣется, что было бы несправедливо распространить только-что указанный выводъ (т.-е. увеличеніе плодовитости, сопровождающее усложненіе организаціи) на всѣ организмы. Напротивъ, между низшими существами мы нерѣдко видимъ примѣръ дѣйствительнаго ослабленія плодовитости при усложненіи организаціи. Самые рѣзкіе факты представляютъ намъ въ этомъ отношеніи паразитическія животныя. Въ то время, напр., какъ у свободно-живущихъ ракообразныхъ изъ отряда Copepoda зрѣлыя самки производятъ по два яйцевыхъ мѣшка, равняющихся, примѣрно, половинѣ длины всего животнаго, паразитическія (менѣе сложно-организованныя) формы того же отряда производятъ яйцевые мѣшки, вдвое длиннѣйшіе, чѣмъ все туловище. Подобные же примѣры мы видимъ и у равноногихъ ракообразныхъ (Isopoda), у Rhizocephalidae и проч.

Изъ сказаннаго можно уже видѣть, что въ дѣйствительности не существуетъ постояннаго отношенія между плодовитостью и сложностью организаціи. И сто̀итъ только взглянуть на приложенную таблицу, чтобы увидѣть, до чего велики колебанія въ величинѣ относительной плодовитости у различныхъ животныхъ. Особенно поразительные примѣры этого представляютъ намъ нѣкоторыя низшія паразитическія формы, какъ, напр., роды Gyrodactylus и Dactylògyrus. Этими названіями обозначаются два животныхъ, очень сходныхъ другъ съ другомъ въ дѣлѣ организаціи, а также и относительно образа жизни: они водятся на

жабрахъ и плавникахъ рыбъ и нерѣдко попадаются рядомъ другъ возлѣ друга. Но, при всѣхъ этихъ сходствахъ, оказывается замѣчательное отличіе въ дѣлѣ плодовитости. Въ то время, какъ Gyrodactylus въ теченіе цѣлаго года, не переставая, производитъ новое поколѣніе и притомъ производитъ его двумя способами (половымъ и безполовымъ), Dactylogyrus только на короткое время получаетъ вполнѣ развитые половые органы и несетъ яйца въ чрезвычайно ограниченномъ количествѣ; безполовымъ же способомъ этотъ паразитъ вовсе не размножается. Не подлежитъ, слѣдовательно, никакому сомнѣнію, что два названныя животныя, при приблизительно одинаковой тратѣ на собственную особь, производятъ значительно различныя количества образовательнаго матеріала.

Ошибка Спенсера оказывается состоящею въ томъ, что онъ сдѣлалъ слишкомъ широкое обобщеніе, принявши частное явленіе за общій законъ. Но, кромѣ этого, онъ совершенно произвольно и безъ всякихъ ограниченій примѣнилъ этотъ предполагаемый законъ къ человѣку; онъ вѣдь самъ нѣсколько разъ указываетъ на то, что общій законъ плодовитости можетъ терпѣть исключенія, а между тѣмъ онъ не привелъ доводовъ, по которымъ можно было бы судить, что именно человѣкъ подходитъ подъ общее правило. Въ дѣйствительности же мы видимъ, что человѣкъ довольно рѣзко отличается отъ большинства млекопитающихъ цифрой своей плодовитости. Во-первыхъ, человѣкъ уже отличается меньшей частотой родовъ. Въ то время, какъ крупныя млекопитающія, какъ напр. лошади, коровы и проч. дѣйствительно рождаютъ почти каждый годъ (въ теченіе періода возмужалости), у женщины роды повторяются въ болѣе длинные сроки. Въ этомъ отношеніи цифра плодовитости женщины, приведенная въ нашей табличкѣ [1]), должна бы быть ограничена, если бы можно было упустить изъ виду, что человѣкъ тратитъ, сравнительно, гораздо больше матеріала для воспитанія родившагося уже ребенка, чѣмъ всѣ остальныя животныя. Еслибы мы сосчитали массу матеріала, идущаго на поддержаніе жизни и на воспитаніе ребенка до достиженія имъ полнаго возраста, то конечно у насъ получилась бы цифра гораздо бóльшая, чѣмъ 7,3.

Насколько можно судить по статистическимъ даннымъ, плодовитость человѣка остается приблизительно одинаковою какъ для различныхъ періодовъ, такъ и для различныхъ народовъ. Вотъ къ какому результату приходитъ относительно этого во-

---

[1]) Цифра эта означаетъ только отношеніе между вѣсомъ взрослаго человѣка и новорожденнаго ребенка.

проса извѣстный статистикъ Ваппеусъ: «Уменьшеніе числа дѣтей, происходящихъ среднимъ числомъ отъ одного супружества, положительно оказалось только для Франціи; тотъ же выводъ вѣроятенъ и для Ганновера, хотя возможно, что небольшое уменьшеніе относительнаго числа дѣтей, замѣченное для этой страны, зависитъ отъ недостаточности методы вычисленія: при этомъ, измѣненія въ числѣ бракосочетаній имѣютъ столь высокое вліяніе на результатъ, а именно, въ Ганноверѣ число браковъ сравнительно сильно увеличилось. Для прочихъ же странъ (Швеціи, Пруссіи, Норвегіи, Баваріи, Саксоніи) несомнѣнно, что среднее число дѣтей, происшедшихъ отъ одного супружества, *не уменьшилось*, и что поэтому тѣ случаи, въ которыхъ общая цифра рожденій понижается, объясняются уменьшеніемъ числа браковъ, а ничуть не уменьшенною плодовитостью супружествъ» [1]). Относительно числа рожденій у различныхъ народовъ тотъ же ученый говоритъ слѣдующее: «Вообще относительная цифра рожденій представляется замѣчательно однообразною какъ подъ различными полосами неба, такъ и у различныхъ человѣческихъ расъ» [2]). Эти факты во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ не въ пользу теоріи Спенсера, также, какъ и тотъ всѣмъ извѣстный фактъ, что изъ западной Европы (преимущественно изъ Германіи и Италіи) ежегодно переселяется множество народа въ сѣверную и южную Америку, находя невозможнымъ дальнѣйшее существованіе на родинѣ.

Относительно вліянія умственнаго развитія и общаго образа жизни на плодовитость не существуетъ положительныхъ данныхъ. Въ статистикахъ упоминается только о чрезмѣрной плодовитости моряковъ (впрочемъ, довольно сомнительной) и лютеранскихъ пасторовъ. Покамѣстъ не существуетъ никакой возможности утверждать, чтобы цивилизація являлась замѣтнымъ препятствіемъ способности человѣка къ размноженію, какъ это слѣдуетъ по теоріи Спенсера. Общій же законъ, послужившій основаніемъ для этой теоріи, положительно невѣренъ.

Въ результатѣ мы приходимъ къ тому убѣжденію, что не существуетъ данныхъ въ пользу мнѣнія, будто въ природѣ, рядомъ съ прогрессированіемъ организаціи, находятся условія, препятствующія чрезмѣрному размноженію. Мы скорѣе можемъ сдѣлать противоположное заключеніе, такъ какъ видимъ, что вообще млекопитающія и птицы, т.-е. наиболѣе сложно организованныя животныя, обладаютъ наибольшой плодовитостью и, такъ

---

1) *Wappaeus*, Allgemeine Bevölkerungsstatistik. T. II. 1861. Стр. 406, 407.
2) Ibid. T. I. 1859. Стр. 157.

какъ мы можемъ предвидѣть, что со временемъ цифра смертности будетъ все болѣе и болѣе уменьшаться. Этимъ мы не хотимъ становиться на сторону Мальтуса съ его двадцатипятилѣтнимъ срокомъ удвоенія народонаселенія, но можно думать, что дѣйствительно человѣку раньше или позже придется прибѣгнуть къ искусственнымъ мѣрамъ для уменьшенія плодовитости, съ помощью которыхъ можно будетъ навѣрно достигнуть желаемаго результата и существуютъ данныя, говорящія въ пользу того, что именно то постоянное уменьшеніе средней цифры рожденій во Франціи, о которомъ упоминаетъ и Ваппеусъ, въ значительной степени является результатомъ искусственныхъ мѣръ *).

III.

Я полагаю, что сказаннаго вполнѣ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о неосновательности всей теоріи размноженія Спенсера. Я могъ бы многими рѣзкими примѣрами показать, что основной пунктъ этой теоріи — антагонизмъ между ростомъ и размноженіемъ, вовсе не составляетъ распространеннаго закона, такъ какъ въ природѣ есть множество случаевъ, прямо противоположныхъ ему; но я щажу вниманіе читателя, тѣмъ болѣе, что я намѣренъ распространиться еще о нѣсколькихъ теоріяхъ Спенсера.

Убѣдившись въ томъ, что плодовитость, а слѣдовательно и увеличеніе народонаселенія вовсе не слѣдуютъ законамъ цѣлесообразнаго прогресса, ведущаго къ благу человѣчества, намъ естественнѣе всего спросить себя: дѣйствительно ли существуетъ въ природѣ организмовъ такой законъ прогрессивнаго развитія, по которому всѣ біологическія явленія составляютъ рядъ процессовъ обособленія (дифференцированія) и соединенія (интегрированія)? Читатель, конечно, знаетъ, что Спенсеръ чрезвычайно широко распространяетъ этотъ законъ, основаніемъ для установленія котораго ему именно послужили факты органическаго развитія.

---

*) Эта сторона теоріи Мальтуса была спеціально изслѣдована у насъ (см. выше: янв. 167 стр.) Ю. Г. Жуковскимъ, въ статьѣ: «Вопросъ народонаселенія». Авторъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ не дѣлаетъ ни малѣйшей уступки Мальтусу: «вмѣсто того, говоритъ онъ, чтобы совѣтовать воздержаніе, мы должны совѣтовать размноженіе, какъ явный источникъ развитія цивилизаціи». Корень ошибки Мальтуса заключается въ томъ, что онъ дѣлалъ наблюденіе надъ экономіею отдѣльнаго народа, взятаго въ его замкнутости, что никогда не можетъ быть достаточно для отысканія законовъ, общихъ всему человѣчеству. — *Ред.*

Спенсеръ, въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ, говоритъ, что основу своей философіи онъ заимствовалъ изъ ученія Бэра о развитіи животныхъ. Тотъ общій законъ, который вывелъ Бэръ относительно организмовъ, т.-е., что развитіе ихъ состоитъ въ переходѣ отъ однородности къ разнородности, Спенсеръ распространилъ на всю остальную природу и, главнымъ образомъ, на явленія индивидуальной и соціальной жизни человѣка. Поэтому я считаю необходимымъ разсмотрѣть, съ научной точки зрѣнія, какъ законъ индивидуальнаго развитія организмовъ, такъ и тѣ выводы относительно морфологическаго сложенія животныхъ и растеній, которые дѣлаетъ Спенсеръ.

Яйцо животныхъ, въ то время, которое мы можемъ признать за начало развитія, представляетъ намъ дѣйствительно очень однородное устройство, такъ какъ оно въ существенныхъ чертахъ состоитъ изъ простой клѣтки съ ядромъ или безъ ядра. Эта клѣтка обыкновенно начинаетъ размножаться дѣленіемъ, производя такимъ образомъ зародышъ, состоящій сначала изъ множества однородныхъ элементовъ. При дальнѣйшемъ развитіи мы всегда замѣчаемъ различнаго рода обособительные процессы. Чаще всего клѣтки зародыша распадаются на нѣсколько слоевъ, которые представляются болѣе или менѣе рѣзко дифференцированными. *Но не изъ однихъ обособленій состоитъ развитіе зародыша.* Очень часто мы встрѣчаемъ такого рода измѣненія, которыя, несмотря на всю свою рѣзкость, не сопровождаются никакимъ дифференцированіемъ. Возьмемъ примѣръ. Изъ яйца губокъ выходитъ плавающій зародышъ (или такъ-наз. личинка), имѣющій примѣрно овальную форму, заостренный на заднемъ и притупленный на переднемъ концѣ тѣла, зародышъ, состоящій изъ двухъ рѣзко обособленныхъ пластовъ, изъ которыхъ наружный покрытъ подвижными рѣсничками, а внутренній—снабженъ скелетными иглами. Такая личинка, поплававши нѣкоторое время, опускается на дно и прикрѣпляется къ какому-нибудь подводному предмету. При этомъ она измѣняетъ свою форму—очень сильно сплющивается и теряетъ свои подвижныя рѣснички. Съ этихъ поръ губка начинаетъ вести осѣдлый образъ жизни, свойственный всѣмъ взрослымъ формамъ этого класса организмовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ переходъ изъ подвижного состоянія въ осѣдлое составляетъ очень важную фазу развитія, а, между тѣмъ, мы тутъ не только не замѣчаемъ никакого новаго обособленія, а напротивъ, видимъ исчезновеніе прежде существовавшей дифференцированной части (т.-е. двигательныхъ рѣсничекъ). Совершенно сходныя явленія попадаются намъ на каждомъ шагу при развитіи организмовъ. Плавающій червь, такъ-наз. Actinotrocha, имѣетъ

на своей поверхности много щупальцевидныхъ отростковъ, а внутри его, кромѣ различныхъ органовъ питанія, находится еще особенный мѣшокъ, составляющій отростокъ стѣнки тѣла. Въ извѣстную фазу развитія, мѣшокъ этотъ выпячивается наружу, втягиваетъ въ себя кишки и другіе внутренніе органы, а наружныя части у Actinotrocha въ тоже время отпадаютъ. Въ результатѣ получается червь, совершенно несходный съ Actinotrocha, и несходный, главнымъ образомъ, вслѣдствіе отсутствія у него щупальцевидныхъ и головного отростковъ. Это отпаденіе органовъ составляетъ положительно существенную сторону развитія, а между тѣмъ оно не подходитъ ни подъ понятіе обособленія, ни подъ понятіе объ интеграціи.

Оба приведенные примѣра представляли намъ случаи перехода плавающей формы въ осѣдлую и сопровождались исчезновеніемъ органовъ движенія. Но не трудно найти примѣры и обратнаго явленія. Кольчатый червь, извѣстный подъ названіемъ Nereis Dumerilii, содержитъ, по крайней мѣрѣ, три сорта щетинокъ въ то время, когда онъ ведетъ мало-подвижной образъ жизни, находясь гдѣ-нибудь подъ камнемъ или между водорослями. Но потомъ, превращаясь въ быстро плавающую форму, этотъ червь теряетъ всѣ свои щетинки и получаетъ, вмѣсто нихъ, новыя, непохожія на прежнія, но совершенно однородныя. Вмѣсто трехъ сортовъ щетинокъ, мы теперь имѣемъ всего одинъ, между тѣмъ, какъ развитіе сдѣлало значительный шагъ впередъ. Во время этого же превращенія происходитъ и обособленіе нѣкоторыхъ частей, между прочимъ происходитъ увеличеніе глазъ. Но замѣчательно, что это прогрессивное явленіе, т.-е. увеличеніе зрительной поверхности, совершается у того же червя въ молодости обратнымъ порядкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы замѣчаемъ, что у молодыхъ, свободно плавающихъ личинокъ Nereis глаза сравнительно очень велики; потомъ, при переходѣ личинки въ взрослое состояніе, развитіе глазъ задерживается и они становятся сравнительно маленькими; при дальнѣйшемъ же развитіи, т.-е. при новомъ переходѣ червя въ плавающее состояніе, глаза опять увеличиваются и на этотъ разъ увеличиваются до огромныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ, развитіе одного и того же органа у одного и того же животнаго можетъ въ теченіе жизни совершаться прогрессивнымъ и регрессивнымъ путемъ.

Интегрированіе есть еще менѣе необходимый аттрибутъ развитія, чѣмъ дифференцированіе. Спенсеръ приводитъ очень интересные примѣры соединенія суставовъ и сліянія ихъ въ цѣльную массу (какъ это мы видимъ у нѣкоторыхъ ракообразныхъ и паукообразныхъ), но такого рода процессы интеграціи сравнительно

вольно рѣдки въ животномъ царствѣ. Мы знаемъ огромные ды организмовъ, какъ напр. мягкотѣлыя, у которыхъ развитіе ходитъ до очень сложныхъ формъ (какъ напр. у головоногихъ), ичемъ однакоже никакой интеграціи частей тѣла не происдитъ. Въ яйцѣ головоногаго мы видимъ рядъ дифференциронiй, результатомъ которыхъ является зародышъ, раздѣляющійся собственно зародышевую часть и на желточный мѣшокъ; поѣдній очень долгое время остается безъ измѣненій, между тѣмъ къ въ зародышѣ совершаются новыя обособленія. При дальйшемъ развитіи, зародышъ постепенно пріобрѣтаетъ всѣ сущеенные признаки взрослаго животнаго, тогда какъ желточный шокъ атрофируется, т.-е. развивается въ регрессивномъ навленіи. Такимъ образомъ, весь этотъ рядъ развитія представетъ намъ примѣры дифференцированія, атрофированія, но юдь не интеграціи частей. Да и у тѣхъ животныхъ, у коыхъ мы замѣчаемъ суставчатое сложеніе тѣла, интегрированіе ѣльныхъ суставовъ въ общее цѣлое вовсе не всегда сопродается высшей степенью усложенія. Примѣромъ этого могутъ кить піявки. У этихъ червей мы снаружи вовсе не можемъ ѣтить суставчатаго сложенія, и внутри оно не достаточно ажено, а между тѣмъ, по строенію, піявки стоятъ гораздо е многихъ аннелидъ и многоножекъ, представляющихъ намъ іъ изъ наиболѣе рѣзкихъ примѣровъ суставчатаго устройства. г ракообразныхъ мы на каждомъ шагу видимъ тоже самое, : дѣйствительно у высшихъ формъ этого класса, у краббовъ, встрѣчаемъ очень сильную степень интеграціи суставовъ; но большую степень того же мы замѣчаемъ у низшихъ, паразитиихъ ракообразныхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что приведенные іѣры слабаго развитія суставчатости (у піявокъ) или полнаго гствія ея (у паразитическихъ ракообразныхъ) вовсе не можетъ объяснено неполнымъ дифференцированіемъ суставовъ, какъ у зародышей тѣхъ и другихъ животныхъ мы находимъ же выраженную суставчатость, какъ и у соотвѣтствующихъ дышей другихъ членистыхъ.

Для уясненія себѣ сущности развитія, чрезвычайно важно ютрѣть процессы такъ-наз. возвратнаго развитія, нерѣдко ѣчающіеся у животныхъ. Упустивши изъ виду это явленіе, серъ, по моему мнѣнію, сдѣлалъ очень важную ошибку. Цѣрядъ животныхъ, преимущественно же паразиты, представтъ намъ въ ранней молодости гораздо болѣе сложное строчѣмъ то, которое они имѣютъ въ полномъ возрастѣ. Межакообразными встрѣчаются такіе организмы, которые изъ выходятъ въ видѣ очень подвижной личинки, снабженной

тремя парами суставчатыхъ ногъ и большимъ двойнымъ глазомъ, руководящимъ направленіемъ движеній животнаго. Такой подвижной возрастъ продолжается однако же недолго. Личинка прикрѣпляется къ кожѣ другихъ животныхъ (также изъ класса ракообразныхъ), сбрасываетъ всѣ свои органы движенія, теряетъ также и глаза и превращается, наконецъ, въ шаровидную массу, сосущую готовые соки и получающую въ этомъ возрастѣ половые органы. Ведя такой осѣдлый образъ жизни, паразитъ превращаетъ весь принимаемый имъ питательный матеріалъ въ половые продукты и посвящаетъ все свое существованіе на произведеніе многочисленнѣйшаго потомства. Нельзя сказать, чтобы, при такомъ развитіи, вообще уменьшалась сумма органовъ, но важно, что тутъ органы такъ-наз. животной жизни (т.-е. ноги и глаза) замѣняются органами жизни растительной (т.-е. органами размноженія), а это-то и служитъ характернымъ признакомъ настоящаго регрессивнаго развитія.

Очень поучительные примѣры такого регрессивнаго, или возвратнаго развитія представляютъ намъ и нѣкоторые не-паразитическія животныя. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказалось, что ближе всего къ позвоночнымъ стоятъ такія существа, которыя прежде ставились въ системѣ около тѣхъ мягкотѣлыхъ, куда относится, напр., устрица. Разсматривая взрослое такое животное (т.-наз. Ascidia), живущее обыкновенно на различныхъ подводныхъ предметахъ, дѣйствительно нельзя составить себѣ никакого понятія о его сходствѣ съ позвоночными; послѣднее обнаруживается только при изслѣдованіи личинокъ, съ виду похожихъ на головастиковъ и отличающихся отъ взрослаго животнаго своимъ свободноплавающимъ образомъ жизни. У такихъ личинокъ мы замѣчаемъ, во-первыхъ, глаза, во-вторыхъ — особый органъ движенія въ видѣ хвоста, заключающаго внутри нѣчто въ родѣ такъ-наз. спинной струны. Послѣ очень непродолжительнаго періода плавающей жизни, личинка прикрѣпляется къ какому-нибудь предмету, теряя свой хвостъ и глаза. Съ этого времени молодое животное начинаетъ сильно расти, причемъ внутри его развивается сердце и жабры. Слѣдуетъ замѣтить, что половая зрѣлость наступаетъ не тотчасъ послѣ прикрѣпленія личинки и что потеря глазъ и хвоста предшествуетъ развитію различныхъ органовъ индивидуальной жизни. Я сдѣлалъ эту оговорку съ той цѣлью, чтобы показать читателю, что регрессивное развитіе является не только ради полнѣйшаго развитія сексуальнаго отправленія, но также — и на пути индивидуальнаго развитія животнаго.

Всѣ приведенные факты показываютъ достаточно ясно, что

развитіе не состоитъ исключительно изъ дифференцированія и интегрированія частей. Кромѣ того, они очень убѣдительно говорятъ, что развитіе и прогрессъ далеко не одно и тоже. Не даромъ же приведенные примѣры называются въ наукѣ случаями *регрессивнаго* развитія.

Тѣ самые результаты, къ которымъ приводитъ изученіе фактовъ развитія животныхъ, можно получить (по крайней мѣрѣ отчасти) и при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ явленій человѣческой жизни. Та сложная процедура, посредствомъ которой производятся всякія дѣла въ нашихъ «присутственныхъ мѣстахъ», представляетъ намъ примѣръ очень сильной степени дифференцированія, а между тѣмъ ее никакъ нельзя назвать стадіей прогрессивнаго развитія. Возьмемъ примѣръ раздѣленія труда на фабрикахъ. Всѣмъ извѣстно, что доведенное до значительной степени раздѣленіе труда превращаетъ отдѣльнаго человѣка въ органъ цѣльной машины. Это соединеніе множества людей, исполняющихъ каждый по одной частицѣ производства, представляетъ намъ очень высокую степень интегрированія человѣческихъ индивидуумовъ въ особь высшаго порядка. При этомъ совершается подобное же явленіе, какъ при соединеніи первоначально раздѣльныхъ сегментовъ туловища крабба. Но, несмотря на это, прогрессисты возстаютъ противъ чрезмѣрнаго раздѣленія труда и превращенія человѣка въ составную часть особи высшаго порядка, и, по моему мнѣнію, они совершенно правы.

Развитіе оказывается явленіемъ гораздо болѣе общимъ, чѣмъ прогрессъ. Оно не исчерпывается также суммой дифференцированій и интегрированій, а можетъ состоять еще изъ ряда перемѣщеній (какъ, напр., при превращеніи Actinotrocha) и атрофированій. Это показываетъ, что развитіе обнимаетъ собою громадную область явленій, между которыми встрѣчаются простыя перемѣщенія частей, т.-е. явленія, граничащія съ обыкновенными движеніями.

Этотъ выводъ подтверждается и непосредственнымъ наблюденіемъ. Изслѣдованія современныхъ микроскопистовъ показали, что размноженіе клѣточки дѣленіемъ (что̀ составляетъ основу всѣхъ процессовъ развитія) можетъ быть разсматриваемо, какъ родъ движенія содержимаго клѣточки въ извѣстномъ, опредѣленномъ направленіи. Особенно очевидно это въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ клѣточкой, двигающейся съ помощью отростковъ своей такъ-наз. протоплазмы. При такомъ движеніи, на поверхности клѣточки появляется отростокъ, имѣющій часто форму бугра; этотъ отростокъ можетъ втянуться снова внутрь содержимаго клѣточки, но онъ можетъ и увеличиться до

сравнительно значительныхъ размѣровъ и наконецъ—отдѣлиться отъ остальной массы. Въ послѣднемъ случаѣ отдѣлившійся отростокъ получаетъ возможность вести самостоятельную жизнь...

Читатель, конечно, уже самъ замѣтилъ, что, разбирая теоріи Спенсера, я каждый разъ долженъ былъ указывать на то, что эти теоріи приложимы къ нѣкоторымъ случаямъ, но что онѣ не подходятъ къ цѣлымъ рядамъ явленій (на которыя поэтому невозможно смотрѣть, какъ на исключенія). Въ природѣ организмовъ то именно и замѣчательно, что соотвѣтствующія по своему значенію явленія могутъ совершаться различными способами. Такъ, относительно развитія мы видѣли, что оно можетъ быть прогрессивное, регрессивное и просто-субституціонное (т.-е. состоящее въ перемѣщеніи частей). Очевидно, что, при такомъ различіи путей, всего труднѣе устанавливать общіе законы. Современная наука на каждомъ шагу показываетъ намъ примѣръ, что организмы, совершенно сходные въ большинствѣ пунктовъ и притомъ живущіе при очень сходныхъ условіяхъ, оказываются отличными въ какомъ-нибудь одномъ, но за то самомъ существенномъ отношеніи. Почти всѣ животныя изъ класса аннелидъ имѣютъ довольно сложную кровеносную систему, т.-е. рядъ болѣе или менѣе развѣтвленныхъ сосудовъ, несостоящихъ ни въ какой связи съ полостью тѣла. Между такими животными существуетъ особенное семейство (Terebellidae), всѣ роды котораго имѣютъ вполнѣ развитую систему сосудовъ; одинъ только родъ (Polycirrus) составляетъ исключеніе. Будучи не только въ множествѣ существенныхъ пунктовъ, но даже и въ деталяхъ сходнымъ съ остальными родами своего семейства, Polycirrus оказывается неимѣющимъ никакого слѣда кровеносной системы. Какимъ же образомъ связать подобную аномалію съ общепринятыми понятіями о причинахъ строенія животныхъ? Въ настоящее время (особенно «послѣдовательными» приверженцами теоріи Дарвина) принимается, что всѣ особенности организмовъ могутъ быть объяснены или приспособляемостью организаціи къ внѣшнимъ условіямъ, или же уклоненіемъ наслѣдственной передачи. Но, если отсутствіе сосудовъ у Polycirrus вызвано внѣшними условіями, то очевидно, что эти послѣднія должны очень рѣзко отличаться отъ условій существованія остальныхъ родовъ семейства Terebellidae. А между тѣмъ этого положительно нельзя принять. Прямое изслѣдованіе показываетъ намъ, что Polycirrus можетъ жить (и дѣйствительно живетъ) въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ и всевозможные другіе представители класса аннелидъ. Натуралистъ не въ состояніи найти никакихъ особенныхъ условій существованія для аномальнаго рода. Если же

бы такія условія въ дѣйствительности и были, то тогда явилась бы невозможность согласить рѣзкое различіе условій существованія Polycirrus и другихъ Terebellidae съ сходствомъ всей ихъ организаціи (кромѣ кровеносной системы). Попытка объяснить безсосудность Polycirrus'а уклоненіемъ наслѣдственной передачи также не можетъ устоять противъ критики. Для этого нужно принять (согласно правиламъ неодарвиніанцевъ), что кровеносные сосуды вообще не составляютъ существенной необходимости для аннелидъ, а что они переданы имъ отъ предковъ, какъ старинное наслѣдственное достояніе, давно уже сдѣлавшееся негоднымъ къ употребленію. Такимъ образомъ стараются вообще объяснить присутствіе многихъ такъ-наз. рудиментарныхъ органовъ, неиграющихъ никакой роли въ жизни организма. Подобное мнѣніе опровергается тѣмъ, что у Terebellidae кровеносные сосуды играютъ очень активную роль и находятся въ связи съ особенно развитыми у нѣкоторыхъ родовъ жабрами.

Примѣровъ, подобныхъ только-что приведенному, существуетъ достаточно въ наукѣ. Особенно поучительны нѣкоторые факты изъ исторіи размноженія и развитія животныхъ. Мы нерѣдко видимъ, что два животныя, до того похожія другъ на друга, что между ними съ трудомъ можно найти видовое отличіе, оказываются существенно различными относительно размноженія. Такъ, напр., гидрополипъ, извѣстный подъ названіемъ Clytia cilindrica, производитъ, помощью почкованія, особенную медузу; тогда какъ другой видъ, Clytia intermedia, очень сходный съ первымъ, вмѣсто медузъ производитъ оригинальныя половыя почки. Различіемъ внѣшнихъ условій тутъ мы опять ничего объяснить не можемъ, такъ какъ оба вида живутъ въ одинаковой обстановкѣ, да и самое сходство ихъ свидѣтельствуетъ о сходствѣ условій.

Въ виду такого рода фактовъ, трезвая наука должна на время отложить имѣющіяся у нея подъ рукой незрѣлыя теоріи и заняться подробнымъ анализомъ самыхъ фактовъ. Къ сожалѣнію, нельзя не замѣтить, что въ настоящее время ученые почти исключительно бросились на теорію, ища въ фактахъ только подтвержденіе ея. При такомъ одностороннемъ отношеніи къ дѣлу, множество важныхъ данныхъ остается незамѣченнымъ и современная біологія быстро впадаетъ въ крайность, противоположную той, отъ которой наука только недавно освободилась. При прежнемъ, систематическомъ направленіи, ученые игнорировали сходство, дѣлая всевозможныя натяжки для подысканія различій; теперь же поступаютъ совершенно наоборотъ.

Все сказанное можетъ служить введеніемъ къ разсмотрѣнію

теорій Спенсера объ общихъ формахъ организмовъ. Онъ, не стѣсняясь, строитъ гипотезу на гипотезѣ и выставляетъ самыя шаткія теоріи въ такомъ свѣтѣ, какъ будто онѣ были непоколебимыми истинами. Вотъ, напр., какимъ образомъ Спенсеръ объясняетъ цилиндрическую форму дождевого червя: «Дѣйствія силъ одинаковы вокругъ всего дождевого червя, зарывающагося въ плотную почву». Но вѣдь въ почвѣ находится очень много другихъ червей, у которыхъ форма тѣла вовсе не цилиндрическая, а, съ другой стороны, существуетъ не мало совершенно цилиндрическихъ червей, живущихъ не въ почвѣ, а въ водѣ, на растеніяхъ и проч. Nephtys также живетъ въ почвѣ (хотя и въ рыхлой) и имѣетъ сплющенную форму, а Leucodore можетъ жить даже въ камняхъ, и тѣмъ не менѣе все-таки сохраняетъ свою нецилиндрическую форму. Къ этому нужно еще прибавить, что Спенсеръ вовсе не доказываетъ, чтобы силы дѣйствительно со всѣхъ сторонъ одинаково дѣйствовали на дождевого червя, чего, по всей вѣроятности, и не существуетъ.

Одинъ изъ главнѣйшихъ законовъ, обусловливающихъ форму, Спенсеръ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Если организмъ движется въ однородной средѣ всегда однимъ концомъ впередъ, то есть основаніе думать, что этотъ конецъ, подвергаясь дѣйствію силъ, иныхъ чѣмъ тѣ, которымъ подвергается другой конецъ, сдѣлается несходнымъ съ этимъ послѣднимъ» [1]). Хотя во многихъ случаяхъ повѣрка этого закона представляетъ большія затрудненія, тѣмъ не менѣе можно привести примѣры, явно противорѣчащіе ему. Мы видимъ много случаевъ, когда животное двигается въ самыхъ различныхъ направленіяхъ и тѣмъ не менѣе имѣетъ вполнѣ симметрическую форму, причемъ оба конца его рѣзко отличаются другъ отъ друга. Такого рода примѣръ представляютъ намъ личинки Иглокожихъ и многихъ мшанокъ. А та Actinotrocha, о которой я упоминалъ выше, двигается поступательно и вокругъ своей оси, несмотря на что однакоже форма ея далеко не лучистая.

Еслибы я сталъ разбирать всѣ приводимыя Спенсеромъ причины формъ организмовъ, то мнѣ каждый разъ пришлось бы повторять одно и тоже. Всякій изъ предлагаемыхъ имъ законовъ приложимъ къ нѣкоторымъ (иногда только къ очень немногимъ) случаямъ, но изъ каждаго очень легко найти сколько угодно исключеній. Это происходитъ оттого, что какъ органическія формы, такъ и другія свойства организмовъ представляютъ въ суммѣ такую сложность, которая никакъ не можетъ

---

[1]) Основ. Біолог. II, 129.

быть заключена ни въ какія рамки простой теоріи. При этомъ слѣдуетъ напомнить читателю общій историческій ходъ біологическихъ теорій. Сначала находятъ нѣсколько фактовъ, изъ которыхъ выводится общій результатъ, распространяемый на всѣ организмы или, по крайней мѣрѣ, на цѣлое животное или растительное царство. Нашедши, что во многихъ случаяхъ изъ яйца не можетъ развиваться молодой организмъ безъ предварительнаго оплодотворенія, изъ этого сдѣлали цѣлый догматъ, отступать отъ котораго считалось еретичествомъ. Тѣ случаи, когда нельзя было замѣтить оплодотворенія, объяснялись непремѣнно какими-нибудь случайностями: недостаточной ясностью объекта, неполнотою наблюденія и проч. Принимали всевозможныя объясненія, кромѣ того, которое истинно,—и стоило великихъ трудовъ, чтобы убѣдить, что могутъ быть случаи развитія безъ оплодотворенія. То же самое случалось относительно всевозможныхъ теорій. Принявши догматъ, что «клѣточка есть пузырекъ, одѣтый оболочкой и заключающій содержимое и ядро», никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы могли существовать клѣточки безъ оболочки; а между тѣмъ всякій на каждомъ шагу видѣлъ ихъ, такъ какъ теперь оказалось, что огромное большинство животныхъ клѣточекъ не имѣетъ никакой оболочки...

Благодаря стараніямъ преимущественно нѣмецкихъ ученыхъ, теорія превращенія видовъ, или такъ-называемая теорія Дарвина, стала быстро переходить къ числу краеугольныхъ догматовъ науки. Принявъ принципы этой теоріи за единственную основу всѣхъ явленій органической жизни, послѣдователи Дарвина довели самую теорію до крайностей, которыя они съ гордостью называютъ «неизбѣжными постулатами» теоріи. А между тѣмъ въ наукѣ мало-по-малу накопляются факты, которые никакъ не могутъ быть соглашены съ господствующимъ теперь ученіемъ о происхожденіи видовъ. Во-первыхъ, подробныя изслѣдованія показываютъ намъ, что въ нерѣдкихъ случаяхъ очень сходныя животныя, живущія въ одинаковой обстановкѣ и проходящія длинный рядъ превращеній, развиваются весьма различнымъ образомъ. Очень рѣзкій примѣръ этого представляютъ намъ низшія животныя изъ группы такъ-наз. Сифонофоръ. Ближайшіе другъ къ другу роды, какъ напр. Agalma, Halistemma и Anthemodes, очень сходныя въ своихъ зрѣлыхъ формахъ, представляютъ при развитіи много существенныхъ отличій, вслѣдствіе которыхъ эти роды должны быть сближены съ животными, повидимому, очень мало съ ними сходными. Къ этой

же категоріи явленій относятся и вышеупомянутые случаи несходнаго размноженія почти тожественныхъ животныхъ и пр. Всѣ эти факты не могутъ, конечно, доказывать, чтобы превращенія видовъ не существовало въ природѣ, но они тѣмъ не менѣе препятствуютъ распространенію общепринятой теоріи объ общемъ способѣ этого превращенія. Намѣреваясь въ другомъ мѣстѣ сдѣлать историческій и критическій обзоръ господствующей теоріи происхожденія видовъ, я ограничиваюсь здѣсь только нѣкоторыми замѣчаніями.

Какая-нибудь гипотеза тогда только можетъ быть признана общимъ закономъ, если она объясняетъ всѣ явленія извѣстнаго порядка. Если теорія не даетъ объясненія нѣсколькимъ крупнымъ явленіямъ, то ее, конечно, еще нельзя прямо отвергнуть, но тѣмъ не менѣе необходимо остеречься отъ слишкомъ широкаго ея обобщенія. Теорія превращенія видовъ, въ той формѣ, какую ей придали современные натуралисты, основывается на вліяніи внѣшнихъ условій на организмы. Всѣ особенности послѣднихъ считаются результатами прямого или косвеннаго приспособленія къ окружающей обстановкѣ. И дѣйствительно, не трудно указать на примѣры подобныхъ приспособленій. Существуютъ даже прямые опыты, показывающіе напр., что кишечный каналъ измѣняетъ свою длину, смотря по роду пищи, принимаемой животнымъ. Если въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени кормить хищное животное растительной пищею, то кишечный каналъ очень замѣтно удлинняется. Каждый изъ насъ видѣлъ, разумѣется, многочисленные примѣры вліянія, оказываемаго родомъ труда на особенности руки. Всѣмъ извѣстно, напр., что у віолончелистовъ концы пальцевъ представляются особенно расширенными, что у чернорабочаго эпителіальный слой кожи болѣе плотенъ, чѣмъ у «бѣлоручки» и проч.—По большей или меньшей плотности скелета конечности можно отличать дикое животное отъ домашняго. Все это достаточно показываетъ, что дѣйствіе внѣшнихъ условій на организацію несомнѣнно существуетъ. Но важно рѣшить вопросъ, можемъ ли мы всѣ извѣстныя особенности организмовъ объяснить подобнымъ вліяніемъ обстановки? Въ настоящее время этотъ вопросъ разрѣшается отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно не видѣть, что существуютъ такія форменныя явленія въ организмахъ, которыя при однихъ и тѣхъ же условіяхъ совершаются однакоже различнымъ образомъ. Я не знаю въ этомъ отношеніи болѣе рѣзкаго примѣра, какъ слѣдующій. Одно паразитическое животное, такъ-наз. Ascaris nigrovenosa, рождаетъ множество дѣтенышей, которые очень малы и прозрачны, вслѣдствіе чего

легко могутъ быть изучаемы во всѣхъ подробностяхъ. При самомъ обстоятельномъ изученіи ихъ, не оказывается однакоже никакой возможности найти какое бы то ни было отличіе между различными экземплярами. Для того, чтобы наблюдать дальнѣйшее развитіе такихъ дѣтенышей, ихъ слѣдуетъ помѣстить на стеклышко, на которомъ находится нѣсколько капель воды и малѣйшее количество земли. Нѣтъ никакой возможности принять, чтобы, развиваясь въ такой обстановкѣ, дѣтеныши находились въ неодинаковыхъ условіяхъ. А между тѣмъ, по прошествіи однихъ или двухъ сутокъ изъ тождественныхъ вначалѣ дѣтенышей, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, выходятъ очень различныя формы. Дѣтеныши, по прошествіи означеннаго времени, сбрасываютъ съ себя кожицу и являются въ двоякомъ видѣ: у однихъ оказывается длинный хвостъ и женскіе половые органы, у другихъ — короткій хвостъ и мужскіе половые органы. Въ противоположность этому случаю можно указать на примѣры значительной нечувствительности къ внѣшнимъ условіямъ. Тѣ же самыя нематоды, къ которымъ принадлежитъ Ascaris nigrovenosa, могутъ жить въ совершенно различной обстановкѣ, претерпѣвая сравнительно очень малыя измѣненія формы. Многіе роды нематодъ живутъ паразитически, другіе—водятся на свободѣ; изъ нихъ одни попадаются въ землѣ, другіе—въ гніющихъ веществахъ, третьи—въ прѣсной, четвертые—въ морской водѣ и проч. И несмотря на все это, организація у нихъ остается довольно однообразною. Существуютъ и такія животныя (напр., ракообразное Balanus), которыя отлично могутъ жить и въ рѣчной, и въ морской водѣ, несмотря на существенную разницу въ обстановкѣ рѣки и моря. Къ числу примѣровъ, показывающихъ замѣчательныя отличія при очевидно очень сходной обстановкѣ, можно отнести размноженіе одного низшаго морского организма, извѣстнаго подъ названіемъ Doliolum. Выходя изъ яйца, это животное получаетъ особенный отростокъ на спинной части тѣла, служащій для образованія почекъ; эти почки, представляясь въ большинствѣ признаковъ сходными съ матерью, отличаются тѣмъ, что почкообразовательный отростокъ помѣщается у нихъ на брюшной части тѣла. Этотъ отростокъ производитъ новыя почки, которыя уже получаютъ половые органы и оказываются неспособными размножаться почками. Такимъ образомъ, въ циклѣ развитія Doliolum мы встрѣчаемъ три поколѣнія, изъ которыхъ одно половое, а два—безполыя; но этимъ дѣло еще не кончается. Та форма Doliolum, которая производитъ почки на спинномъ отросткѣ, даетъ начало двоякаго рода почкамъ; изъ нихъ однѣ получаютъ брюшные отростки, а другія, отпадая, не обнару-

живаютъ еще ни почечнаго отростка, ни половыхъ органовъ. Дальнѣйшая судьба этихъ почекъ еще неизвѣстна. На вопросъ, съ какою цѣлью можетъ быть нужна животному такая многоформенность, наука не можетъ дать никакого отвѣта. Но для насъ важенъ уже тотъ фактъ, что теорія, объясняющая всѣ особенности организмовъ приспособляемостью, не можетъ даже гадательно разрѣшить предлагаемаго вопроса. Еслибы различныя формы Doliolum представляли существенно отличную организацію, или еслибы онѣ вели неодинаковый образъ жизни, то мы могли бы еще объяснить себѣ главныя явленія размноженія этого животнаго. Но въ томъ-то и дѣло, что отличіе въ обстановкѣ можетъ быть принято только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ.

Я бы могъ привести длинный рядъ примѣровъ, показывающихъ, съ одной стороны, происхожденіе отличій при очень сходныхъ условіяхъ (для этого мнѣ нужно было бы разобрать размноженіе и развитіе гидрополиповъ), съ другой же стороны показывающихъ, напротивъ, поразительную нечувствительность организаціи къ внѣшнимъ условіямъ. Такого рода случаи должны быть необходимо принимаемы въ соображеніе при обсужденіи вопроса о происхожденіи организмовъ и, если эти примѣры и не въ состояніи доказать, что обстановка вовсе не играетъ существеннаго вліянія на организацію, то тѣмъ не менѣе они должны препятствовать слишкомъ широкимъ обобщеніямъ, дѣлаемымъ крайними проповѣдниками дарвинизма.

Теперь окончательно отвергнутая космогоническая теорія Лапласа всего лучше показываетъ намъ, до чего нужно быть осторожнымъ въ дѣлѣ всеобъемлющихъ гипотезъ. Эта теорія до того просто и даже наглядно (съ помощью опыта Плато) объясняла намъ происхожденіе всѣхъ небесныхъ тѣлъ изъ общей космической матеріи, что умъ человѣческій невольно склонялся въ ея пользу. Она не прибѣгала къ дѣйствію какихъ-либо сверхъестественныхъ силъ, а основывалась лишь на участіи притяженія химическаго сродства и другихъ физическихъ силъ, несмотря на что эта теорія не дожила и столѣтія своего существованія. Мало-по-малу, и астрономія, и геологія нашли множество фактовъ, которые положительно показали, что какъ ни геніальна теорія Лапласа, тѣмъ не менѣе она несправедлива. Наука предпочла остаться въ невѣдѣніи относительно вопроса о происхожденіи земли и другихъ небесныхъ тѣлъ, и не послѣдовала по ложному пути...

IV.

Послѣ сказаннаго можетъ показаться, что наука объ организмахъ не ведетъ ни къ какимъ прочнымъ общимъ выводамъ, которые могли бы составить достояніе общей философіи. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ намъ приходилось относиться болѣе или менѣе критически ко всѣмъ вопросамъ, которыхъ мы касались. Каждый разъ я долженъ былъ выставлять на видъ, что явленія, представляемыя намъ органическими формами, до такой степени разнородны, что поневолѣ потеряешься, желая отыскать общій, управляющій ими законъ. Говоря о плодовитости животныхъ, я указалъ, рядомъ съ примѣрами, показывающими антагонизмъ между индивидуальностью и размноженіемъ, и на примѣръ совершенно обратнаго явленія. Говоря о вліяніи внѣшнихъ условій на организацію, я тоже долженъ былъ привести примѣры крайне противоположныхъ явленій. Съ одной стороны, нельзя было не замѣтить огромной роли, которую играетъ обстановка въ дѣлѣ произведенія форменныхъ отличій; съ другой же стороны, нельзя было не поразиться нечувствительностью организаціи къ внѣшнимъ условіямъ. Къ чему же, спрашивается, можно свести всю громадную массу фактовъ, которую накопила наука относительно природы органическаго міра? Какой общій результатъ можетъ внести біологія въ философію?

Не распространяясь о тѣхъ общихъ выводахъ, которые выработала физіологія, какъ наука о физическихъ и химическихъ процессахъ животнаго механизма, я намѣренъ остановиться на нѣкоторыхъ результатахъ біологіи, разсматривающей организмы въ ихъ совокупности.

Теперь уже никто не сомнѣвается въ томъ, что понятіе о животномъ и растительномъ царствахъ не соотвѣтствуетъ какому-нибудь рѣзко очерченному кругу явленій. Въ настоящее время всюду проникло убѣжденіе, что границы между растеніями и животными не существуетъ, что эти два такъ-называемыхъ царства связаны другъ съ другомъ множествомъ переходныхъ формъ, которыя въ однихъ случаяхъ носятъ на себѣ нѣсколько болѣе растительный, въ другихъ же случаяхъ — нѣсколько болѣе животный характеръ. Нѣкоторыя низшія растенія (напр., водоросли) имѣютъ подвижное состояніе, когда они быстро плаваютъ въ водѣ съ помощью мерцательныхъ волосковъ. Но, въ то время какъ эти самыя растенія большую часть жизни проводятъ въ неподвижномъ, вегетативномъ состояніи, цѣлый рядъ другихъ — переходныхъ — организмовъ превращается изъ подвижнаго въ вегетативное состояніе на сравнительно очень короткій срокъ.

То же самое мы видимъ и у нѣкоторыхъ простѣйшихъ животныхъ изъ класса инфузорій. У нихъ также есть подвижное и вегетативное состояніе, но у нихъ преобладаетъ первое, а у растеній — второе. Различіе въ этомъ отношеніи является только количественнымъ и, подобно всѣмъ количественнымъ отличіямъ, оно постепенно сглаживается. То же самое существуетъ и относительно другихъ чертъ, которыя до извѣстной степени отдѣляютъ большинство растеній отъ большинства животныхъ.

Къ сходному результату приходитъ наука и относительно отношенія неорганическаго міра къ органическому. Есть нѣсколько фактовъ, которые теперь уже указываютъ на несуществованіе рѣзкой границы между тѣмъ и другимъ. Въ настоящее время извѣстно нѣсколько кристаллическихъ веществъ, которыя образуются внутри клѣточекъ и которыя состоятъ изъ бѣлковинныхъ веществъ, сходныхъ съ жизненной матеріей — протоплазмой. Извѣстно также, что неорганическія вещества (напр., известь) могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ получать строеніе, сходное съ строеніемъ крахмальныхъ зеренъ. Значеніе этихъ фактовъ очевидно и, по моему мнѣнію, Спенсеръ дѣлаетъ большую ошибку, желая во что бы то ни стало подыскать рѣзкое опредѣленіе жизни. Хотя онъ и указываетъ на то, «что классификаціи — понятія субъективныя и что въ природѣ нѣтъ соотвѣтственныхъ абсолютныхъ разграниченій»[1]), но онъ не остается достаточно вѣренъ этой истинѣ и все-таки дѣлаетъ усилія для опредѣленія жизни. Вмѣсто этого ему слѣдовало бы показать тѣсную связь, существующую между неорганическимъ и органическимъ міромъ, что̀ достаточно бы выяснило особенности того и другого, и что̀, въ то же время, было бы вполнѣ философскимъ рѣшеніемъ вопроса.

Современная наука показываетъ намъ, что не только такія общія понятія, какъ понятіе объ органическомъ мірѣ, о животномъ и растительномъ царствахъ связаны переходами, но что и понятія, повидимому, гораздо болѣе опредѣленныя также не имѣютъ рѣзкихъ границъ. Всѣ большія группы, на которыя раздѣляется такъ-назыв. животное царство и которыя называются *типами*, оказываются очень нерѣзко опредѣленными понятіями. То же самое должно быть сказано и относительно болѣе мелкихъ подраздѣленій. Большинство читателей вѣроятно знакомо съ оживленными спорами, которые вызвалъ вопросъ о томъ, что̀ такое *видъ*. Сначала это понятіе казалось чѣмъ-то очень опредѣленнымъ, но потомъ мало-по-малу обнаружилось, что, въ отдѣльности взятые, всѣ аттрибуты его не представляютъ ничего специфическаго. Такимъ образомъ оказалось, что понятіе о видѣ,

[1]) Основ. Біолог. I, 41.

съ одной стороны, непосредственно переходитъ въ понятіе о *родѣ*, тогда какъ, съ другой стороны, оно столь же незамѣтно переходитъ въ понятіе о *разновидности*. Само собою разумѣется, что для установленія такой истины нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы непремѣнно *всѣ виды* представляли переходы. Понятіе о растеніи, какъ это всѣми признано, не представляетъ намъ рѣзко очерченнаго понятія, такъ какъ *нѣкоторыя* растенія связаны переходами съ животными; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы и дубъ, и орѣхъ также непосредственно соединялись съ животными.

Та истина, что понятія, кажущіяся съ перваго взгляда качественно различными, суть не что иное, какъ результаты количественныхъ различій, всего рѣзче выясняется при разборѣ понятій, представляющихся намъ наиболѣе опредѣленными и очерченными. Къ числу такихъ примѣровъ принадлежитъ, безспорно, понятіе объ индивидуумѣ. Каждый изъ насъ очень хорошо знаетъ, что такое человѣческая особь, такъ какъ понятіе о своемъ собственномъ *я* непосредственно сознается нами, не требуя никакихъ научныхъ опредѣленій. Человѣкъ очень легко можетъ не имѣть никакого понятія о «видѣ», къ которому онъ принадлежитъ, о расѣ, которой составляетъ частицу, но во всякомъ случаѣ онъ сознаетъ недѣлимость собственнаго существа. И несмотря на это, научное изслѣдованіе вопроса убѣждаетъ насъ въ томъ, что понятіе объ индивидуумѣ не представляетъ рѣзкихъ границъ, непосредственно переходя, съ одной стороны, въ понятіе о двойнѣ и колоніи, а съ другой—въ понятіе объ органѣ. Между низшими животными существуетъ множество колоніальныхъ формъ, размножающихся продольнымъ раздѣленіемъ тѣла, которое въ различныхъ случаяхъ останавливается на болѣе или менѣе поздней стадіи развитія. Такое размноженіе представляютъ намъ полипы, живущіе (за немногими исключеніями) цѣлыми колоніями, имѣющими всегда общее нераздѣльное основаніе. Въ такихъ случаяхъ отдѣльные члены колоніи почти ничѣмъ не отличаются отъ настоящихъ индивидуумовъ особняковыхъ полиповъ. Но дѣло совершенно измѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда члены колоніи соединяются другъ съ другомъ не только общимъ основаніемъ, но еще и частью туловища; при этомъ только верхнія половины тѣла каждаго члена остаются свободными, все же остальное составляетъ уже общественное достояніе. Наконецъ, въ третьяго рода примѣрахъ мы видимъ, что дѣленіе остановилось на еще болѣе ранней стадіи, вслѣдствіе чего только верхніе концы членовъ колоніи представляютъ намъ нѣкоторую индивидуальность. Очевидно, что всѣ эти примѣры полиповъ указываютъ намъ на существованіе переходовъ между настоящими особями или на-

стоящими колоніями. То же самое доказывается и многими уродствами различныхъ высшихъ животныхъ и, между прочимъ, человѣка. Постепенное увеличеніе частей зародыша ведетъ къ тому, что у него сначала появляются лишніе пальцы, потомъ—лишнія конечности (ноги и руки); при дальнѣйшемъ развитіи уродства раздваивается голова и нѣкоторыя части туловища. Вслѣдствіе такихъ процессовъ мы получаемъ наконецъ такого рода двойниковыя уродства, какъ напр. сіамскіе близнецы, которые представляютъ почти вполнѣ развитыя двѣ особи, соединенныя другъ съ другомъ очень небольшой общей частью. Если въ этомъ случаѣ мы уже можемъ говорить о двухъ особяхъ, то мы не имѣемъ никакого права смотрѣть, какъ на двойню, на такихъ уродовъ, у которыхъ существуетъ одно туловище и двѣ головы, или одна голова и двойное туловище и проч. Послѣдніе примѣры будутъ очевидно переходными формами между особью и двойней, соотвѣтствующими нормальнымъ явленіямъ у полиповъ.

Подобно тому, какъ особь можетъ переходить, съ одной стороны, въ двойню (т.-е. въ колонію, состоящую изъ двухъ членовъ), также точно она, съ другой стороны, связана переходными формами съ органами. Наиболѣе ясные примѣры подобныхъ переходовъ представляютъ намъ низшіе организмы, называемые гидрополипами. Эти животныя образуютъ почки, которыя въ однихъ случаяхъ превращаются въ самостоятельныя особи—медузы, въ другихъ случаяхъ—въ бугорки, похожіе по устройству на медузъ, но неимѣющіе всѣхъ аттрибутовъ ихъ; въ третьихъ случаяхъ, почки еще ранѣе останавливаются въ развитіи и соотвѣтствуютъ раннимъ стадіямъ медузы, въ четвертыхъ же случаяхъ сходныя почки имѣютъ видъ простыхъ бугорковъ, представляющихъ настоящіе половые органы. Собственно говоря, гидрополипы представляютъ даже не четыре, а гораздо болѣе различныхъ формъ, показывающихъ намъ со всею очевидностью, что между полною особью (медузой) и пузыреобразнымъ органомъ (половымъ органомъ) существуетъ неразрывная цѣпь переходныхъ состояній. Тоже самое доказывается такого рода уродствами, когда зародышъ, вслѣдствіе усиленной деградаціи, превращается въ безформенную массу, похожую на нѣкоторыя опухоли. Въ результатѣ выходитъ, что въ сущности понятіе объ особи отличается количественно отъ сосѣднихъ понятій о колоніи и объ органѣ, также точно какъ количественно отличаются другъ отъ друга тепло и холодъ, свѣтъ и тьма и проч.

Спенсеръ, въ концѣ главы объ индивидуальности приходитъ къ тому выводу, что за особь слѣдуетъ признавать «каждый центръ и каждую ось, которые способны независимо обнаруживать то непрерывное приспособленіе внутрен-

нихъ отношеній къ внѣшнимъ, которое составляетъ жизнь» [1]). Это опредѣленіе Спенсеръ предпочитаетъ всѣмъ другимъ опредѣленіямъ индивидуума, потому что оно будто бы «ведетъ къ наименьшему числу несообразностей», что впрочемъ совершенно несправедливо. По этому опредѣленію, многіе органы животныхъ, которые, отдѣлившись, могутъ въ теченіе нѣкотораго времени жить независимой жизнью, будутъ также индивидуумами. Сердце лягушки будетъ слѣдовательно также особью, потому что оно въ продолженіе многихъ часовъ послѣ вырѣзанія изъ тѣла лягушки можетъ жить и двигаться. Или подъ опредѣленіе Спенсера подходятъ только такія части, которыя могутъ жить и поддерживать свою жизнь съ помощью самостоятельнаго поглощенія веществъ, нужныхъ для ихъ существованія? Въ такомъ случаѣ возраженіемъ являются такъ-назыв. половыя медузы сифонофоръ, которыя устроены подобно настоящимъ медузнымъ особямъ, но не имѣютъ рта и потому могутъ независимо существовать только очень недолгое время. Ошибка Спенсера заключается въ томъ, что онъ, зная, что понятіе объ индивидуумѣ непосредственно переходитъ въ другія понятія, все-таки счелъ нужнымъ выискать діагностическое опредѣленіе индивидуума. Какое же значеніе могутъ имѣть такія опредѣленія, которыя на каждомъ шагу подлежатъ исключеніямъ, и какую надобность можетъ имѣть въ нихъ наука? Увѣренность въ томъ, что между сосѣдними понятіями существуютъ только количественныя различія, должна отразиться и въ самомъ способѣ опредѣлять вещи. Если между тепломъ и холодомъ различіе заключается въ различномъ количествѣ градусовъ теплоты, то наука и опредѣляетъ ихъ количественнымъ способомъ, не заботясь о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ на наше ощущеніе данная температура. То же самое должно быть введено и въ науки объ организмахъ и въ особенности въ философскій ихъ отдѣлъ. Если данная особь различается отъ органа числомъ признаковъ, то отчего же не опредѣлить отношеніе между ними числовымъ образомъ? Съ помощью подобнаго пріема наука могла бы достигнуть дѣйствительно наивозможно точнѣйшаго опредѣленія явленій.

Возьмемъ хоть для примѣра разобранный уже въ краткихъ чертахъ вопросъ объ отношеніи человѣческой особи къ двойнѣ. Съ помощью обычныхъ опредѣленій не получается никакой возможности выпутаться изъ затрудненій, вслѣдствіе чего въ наукѣ до сихъ поръ еще спорятъ о томъ, какія уродства мы можемъ считать особняковыми, а какія — двойниковыми. Числовой же способъ рѣшаетъ дѣло очень просто. Возьмемъ за постоянныя

---

[1]) Основ. Біолог. I, 150.

точки съ одной стороны, обыкновеннаго человѣка и, съ другой, положимъ, — сіамскихъ близнецовъ. Пусть будетъ первая 0, а вторая — 100. Если мы раздѣлимъ промежутокъ между этими точками на 99°, то можемъ каждое уродство обозначать соотвѣтствующимъ градусомъ. Прибавленіе къ нормальной особи какого-нибудь отдѣльнаго органа, напр., одного пальца на ногѣ, можетъ быть обозначено однимъ градусомъ, прибавленіе цѣлой ноги десятью градусами, прибавленіе ноги и руки, положимъ, тридцатью градусами и т. д. Однимъ словомъ, не вдаваясь покамѣстъ въ вопросъ о томъ, какому именно числу градусовъ должно соотвѣтствовать данное уродство, мы все же можемъ съ помощью числового способа достигнуть значительной точности въ опредѣленіи. Для опредѣленія отношеній особи къ органу мы можемъ принять такого же рода схему, измѣняя только знакъ. Типъ органа можетъ быть обозначенъ, положимъ, числомъ: 100°..... Чѣмъ больше наука будетъ убѣждаться въ томъ, что въ основаніи всѣхъ различій лежитъ количественное различіе, тѣмъ больше она будетъ ощущать необходимость въ измѣненіи всѣхъ основаній терминологіи.

Теперь уже слишкомъ рѣзко бросается въ глаза, что учебники и другія общія біологическія сочиненія (между прочимъ и «Основанія Біологіи» Герберта Спенсера) построены именно на стремленіи найти во что бы то ни стало діагностическое опредѣленіе, что всегда въ большей или меньшей степени влечетъ за собою игнорированіе переходныхъ явленій, которыми такъ преизобилуетъ природа и безъ знанія которыхъ немыслимо правильное пониманіе философіи біологіи. Современная біологія, по моему мнѣнію, должна представлять намъ подробный трактатъ съ полнымъ рядомъ доказательствъ, что всѣ наши понятія соединяются другъ съ другомъ неразрывной цѣпью переходовъ, которые только и могутъ дать надлежащее представленіе объ общемъ развитіи. Такая задача гораздо болѣе подъ силу современной наукѣ, чѣмъ рѣшеніе вопросовъ о томъ, откуда взялись первыя существа и какъ они измѣнялись въ такія времена, которыя отдѣлены отъ насъ неизмѣримо длинными періодами.

Ил. Мечниковъ.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ

1860—1870 гг.

Статья третья *).

I.

При внимательномъ разсмотрѣніи законодательныхъ работъ коммиссій для пересмотра системы податей и налоговъ, невольно удивляешься противорѣчію основныхъ принциповъ въ двухъ первыхъ ея работахъ: положенія о налогѣ съ недвижимыхъ въ городахъ имуществъ и положенія о пошлинахъ за право торговли и промысловъ, какъ увидимъ ниже, основаны на совершенно разнородныхъ началахъ, хотя оба они вышли вмѣстѣ 1-го января 1863-го года.

Налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ установленъ взамѣнъ подушной подати съ мѣщанъ. Мысль о перенесеніи личной подати съ нѣкоторой, наибѣднѣйшей части городского общества на всѣ частныя недвижимыя имущества въ городѣ — вполнѣ справедлива — и при появленіи этого закона всѣ мыслящіе люди отнеслись къ нему весьма сочувственно. Въ самомъ дѣлѣ, подушная подать съ мѣщанъ, доходившая до 2 - хъ руб. 50 коп. съ души, была налогомъ обременительнымъ, такъ какъ сословіе мѣщанъ представляло самый необезпеченный классъ русскаго народа, обязанный нести подать, далеко превышавшую подушную подать крестьянъ. Многіе полагали тогда, что правительствомъ уже рѣшенъ вопросъ о перенесеніи личныхъ податей на имущество, что новый законъ есть только первое примѣненіе общаго принципа, и что за этимъ первымъ шагомъ послѣдуютъ другіе въ томъ же направленіи. Но, къ сожалѣнію, этимъ ожиданіямъ не су-

---

*) См. выше: февр. 778; мар. 332 стр.

ждено было осуществиться. Хорошее начало осталось только началомъ. Мы имѣемъ полное право это сказать, потому что мнѣнія коммиссіи, повидимому, совершенно измѣнились, и начала, положенныя въ основаніе другого проекта—о переложеніи подушной подати крестьянъ съ душъ на дворы, вовсе уже не согласуются съ началами, на коихъ основанъ законъ о налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ.

Но при внимательномъ разсмотрѣніи этого послѣдняго закона оказывается, что, несмотря на правильность основной мысли, она и въ немъ не проведена вполнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, главное достоинство налога состоитъ въ томъ, чтобъ онъ не падалъ на первыя, насущныя потребности человѣка. Къ этимъ потребностямъ относятся: пища, одежда и жилище въ томъ видѣ, какъ ими пользуется бѣдный классъ народа. Поэтому одно убѣжище отъ непогоды и зимней стужи составляетъ первую и необходимую потребность человѣка и не должно служить предметомъ налога. Повидимому, составители закона имѣли въ виду эту мысль, такъ какъ законъ освобождаетъ отъ налога всѣ тѣ имущества, на которыя, по раскладкѣ, падаетъ менѣе 25 коп. Но намъ кажется, что одно это условіе далеко не можетъ освободить отъ налога лицъ неимущихъ, такъ какъ оно поставлено въ зависимость отъ раскладки, а послѣдняя зависитъ отъ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ. При существованіи такого правила, совершенно одинаковыя зданія, въ однихъ городахъ, могутъ подлежать налогу — въ другихъ нѣтъ. При существованіи въ городѣ значительнаго количества цѣнныхъ зданій и относительно незначительнаго количества убогихъ жилищъ,—эти послѣднія избѣгнутъ налога, въ противномъ случаѣ, они будутъ обложены. Такимъ образомъ, въ городахъ торговыхъ, гдѣ есть богатое купечество, освободятся отъ налога такія зданія, которыя будутъ обложены въ городахъ бѣдныхъ. Между тѣмъ заработокъ въ торговыхъ и богатыхъ городахъ всегда возможнѣе и значительнѣе, нежели въ такихъ, которые представляютъ собою что-то въ родѣ деревни и отличаются отъ обыкновенныхъ селъ лишь тѣмъ, что въ нихъ возвышаются два зданія: присутственныя мѣста и тюрьма. Такихъ городовъ, въ особенности въ нашей степной полосѣ, очень много, и въ нихъ, за небольшимъ исключеніемъ, почти всѣ дома представляютъ одну избу для помѣщенія иногда очень большого семейства. Освобождать отъ налога такую недвижимую собственность, въ подобныхъ городахъ, нѣтъ никакой возможности, такъ какъ весь налогъ пришлось бы обратить на нѣсколько домовъ болѣе цѣнныхъ, нежели другіе. Такимъ образомъ, налогъ этотъ ложится болѣе тяжкимъ бременемъ на бѣдные города, въ сравненіи съ богатыми, несмотря на сравнительно-меньшую цифру налога по отношенію къ общей суммѣ стоимости зданій. Въ первыхъ налогу подвергаются почти всѣ бѣднѣйшіе жители, тогда какъ въ послѣднихъ они свободны. Кромѣ того,

раскладочныя коммиссіи всегда имѣютъ возможность расширить кругъ плательщиковъ и привлечь къ обложенію налогомъ такія зданія, которыя законъ, быть можетъ, имѣлъ въ виду освободить: для этого стоитъ только понизить оцѣнку болѣе значительныхъ зданій. А такъ какъ раскладочныя коммиссіи всегда избираются изъ лицъ болѣе зажиточныхъ, то весьма понятно, что эти лица не будутъ дѣйствовать во вредъ своимъ интересамъ, а постараются объ увеличеніи числа имуществъ, подлежащихъ платежу налога. Подобное условіе объ освобожденіи бѣднѣйшихъ жителей могло быть принято только по незнакомству съ статистикою городскихъ строеній въ большинствѣ уѣздныхъ и во многихъ губернскихъ городахъ. Здѣсь нельзя принимать въ соображеніе общую стоимость недвижимыхъ имуществъ, а необходимо сравнить число и стоимость мелкихъ и крупныхъ строеній. При этомъ дѣйствительное облегченіе бѣднаго класса можетъ быть достигнуто только въ такомъ случаѣ, если отъ налога будетъ свободно строеніе ниже извѣстной цѣны или извѣстнаго размѣра и притомъ составляющее только кровъ для бѣднаго семейства. Какъ обременителенъ этотъ налогъ въ бѣдныхъ городахъ, удаленныхъ отъ торговыхъ центровъ, доказывается самымъ способомъ его взиманія, установившемся по необходимости. Во многихъ городахъ мѣщане живутъ заработками и не въ состояніи уплачивать налогъ единовременно, какъ постановлено закономъ. При недѣльномъ заработкѣ отъ 1 р.—1 р. 50 к. они не могутъ платить налога иначе, какъ по копѣйкамъ. Въ базарные дни, когда мѣщане продаютъ свои издѣлія, сборщики обходятъ ихъ и получаютъ по 2 и по 3 копѣйки: иначе нѣтъ средствъ получить слѣдующіе съ нихъ сборы. Хозяинъ, отлучаясь изъ дома до прибытія сборщика, кладетъ на божницу слѣдующую съ него семитку, и сборщикъ знаетъ, гдѣ взять условленную плату. Понятно, что при такомъ порядкѣ не можетъ быть правильнаго счетоводства, и никто не поручится, что бѣднякъ не платитъ лишняго. Кромѣ того, такой порядокъ сбора долженъ дорого обходиться городу, который возмѣщаетъ свои издержки съ тѣхъ же бѣдняковъ. Вмѣстѣ съ этимъ, этотъ способъ взиманія прямо указываетъ, какъ обременительны бываютъ налоги, несоразмѣрные съ средствами плательщиковъ. Наши мѣщане въ большинствѣ городовъ представляютъ самый бѣдный классъ, такъ какъ зажиточные изъ нихъ переходятъ въ купечество, а потому налогъ съ недвижимыхъ имуществъ, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ поставленъ, вмѣстѣ съ государственнымъ земскимъ сборомъ, падающимъ на мѣщанъ, представляется нерѣдко налогомъ на нищихъ, имѣющихъ только одинъ кровъ и ничѣмъ необезпеченныхъ въ средствахъ существованія. Но какъ бы то ни было, введеніе этого налога и замѣна имъ подушной съ мѣщанъ подати представляютъ шагъ впередъ, такъ какъ къ участію въ налогѣ призваны лица состоятельныя,

прежде неплатившіе ничего съ своихъ имуществъ. Такимъ образомъ, бѣдный классъ получилъ нѣкоторое облегченіе, если только цифра налога, упадавшаго на мѣщанъ прежде, не была увеличена, о чемъ мы не можемъ судить, не имѣя въ виду данныхъ.

Одновременно съ изданіемъ закона о налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ, податная коммиссія, какъ мы сказали, выработала и новый законъ о пошлинахъ за право торговли и промысловъ. Между тѣмъ въ обществѣ ожидали совершенно другого. Повидимому, правительство и тогда сознавало, что подушная подать есть весьма неуравнительный налогъ, и потому въ обществѣ упорно держались слухи о замѣнѣ всей подушной подати поземельнымъ налогомъ и объ измѣненіи паспортной системы, хотя законъ 25-го декабря 1862-го года о дополнительномъ къ подушной подати сборѣ оставлялъ очень мало надежды на подобную реформу. Каково же было удивленіе мыслящихъ людей, когда вмѣстѣ съ закономъ объ уничтоженіи подушной подати съ мѣщанъ является новый законъ, по вопросу совершенно второстепенному въ нашемъ бюджетѣ, именно—о пошлинахъ за право торговли и промысловъ,—по вопросу, который безъ всякаго неудобства могъ бы оставаться въ прежнемъ видѣ, такъ какъ, по самому существу дѣла, на очереди стояло много другихъ, болѣе важныхъ и неотложныхъ вопросовъ. Это удивленіе должно было возрасти еще болѣе при внимательномъ изученіи закона, такъ какъ начала, на которыхъ онъ основанъ, идутъ прямо въ разрѣзъ и съ Положеніемъ 19-го февраля и съ послѣднимъ трудомъ коммиссіи.

Если выше, при разсмотрѣніи закона о налогѣ на недвижимыя въ городахъ имущества, мы совершенно соглашались съ существенными основаніями закона и возражали только противъ подробностей, то, говоря о налогѣ за право торговли и промысловъ мы должны будемъ говорить противъ самыхъ основаній. Законъ этотъ, какъ мы увидимъ ниже, понижая сборъ съ оптовыхъ торговцевъ, оставляетъ почти въ томъ же положеніи среднихъ и привлекаетъ къ платежу налога самыхъ мелкихъ промышленниковъ и ремесленниковъ, которые прежде, кромѣ городскихъ повинностей, не несли другихъ налоговъ. Такимъ образомъ, законъ этотъ, почти не касаясь капитала, находящагося въ оборотѣ, облагаетъ трудъ. Поэтому, мы вправѣ были сказать, что этотъ законъ противорѣчитъ главнымъ началамъ Положенія 19-го февраля и закона о налогѣ съ недвижимыхъ въ городахъ имуществъ, такъ какъ оба эти закона имѣютъ въ виду облегчить трудъ. Что касается собственно налога на торговлю, то новый законъ не внесъ никакихъ существенныхъ измѣненій. Основанія обложенія остались почти тѣ же, какія существовали и прежде. Прежній налогъ дѣлилъ торгующій классъ на три гильдіи, оставляя, такъ-называемые, промыслы свободными. Купцы первой гильдій обязаны были вносить 570 р.,

второй 285 руб. и третьей 30 руб. повсемѣстно, и при этомъ каждый имѣлъ право открывать три торговыхъ заведенія. Новый законъ дѣлитъ лицъ, занимающихся торговлею, на двѣ гильдіи: 1-я пользуется правомъ оптовой торговли и платитъ 265 руб. повсемѣстно; 2-й гильдіи предоставлена розничная торговля, и плата за свидѣтельство этой гильдіи различается по мѣстностямъ отъ 65-ти руб., въ мѣстности 1-го класса, до 25-ти руб. въ мѣстности 5-го класса. Кромѣ правъ торговыхъ, эти свидѣтельства представляютъ лицамъ, ихъ взявшимъ, личныя права, присвоенныя купеческому сословію. Сверхъ того установлены промысловыя свидѣтельства, неприносящія никакихъ личныхъ правъ. Они дѣлятся на свидѣтельства: а) на мелочной торгъ, б) на развозный торгъ, в) на разносный торгъ, г) на мѣщанскіе промыслы, и д) торговымъ прикащикамъ. Промысловыя свидѣтельства на мелочной торгъ оплачиваются также, какъ и гильдейскія, различно по мѣстностямъ: отъ 20-ти руб., въ мѣстности 1-го класса, до 8-ми руб. въ мѣстности 5-го класса. Независимо отъ платы за гильдейское или на мелочной торгъ свидѣтельство, каждое торговое заведеніе, открываемое по этимъ свидѣтельствамъ должно быть оплачено особымъ билетнымъ сборомъ, который различается, какъ по роду свидѣтельства, такъ и по мѣстностямъ, отъ 30-ти руб., по свидѣтельству 1-й гильдіи и въ мѣстности 1-го класса, до 2-хъ руб. по промысловому свидѣтельству въ мѣстности 5-го класса. На развозный торгъ слѣдуетъ имѣть свидѣтельство съ платою 15-ти руб., а на разносный торгъ съ платою 6-ти руб. Независимо сего, лица, занимающіяся какими-либо ремеслами даже безъ наемныхъ рабочихъ, обязаны имѣть свидѣтельство на мѣщанскіе промыслы съ платою 2 руб. 50 коп. въ годъ. Всѣ означенныя свидѣтельства должны быть взяты и оплачены впередъ передъ наступленіемъ года. Къ закону приложены росписанія какъ мѣстностей, на которыя дѣлится Россія, такъ и товаровъ, которыми разрѣшается свободная торговля и торговля по промысловымъ свидѣтельствамъ на мелочной торгъ.

Мы нарочно выписали подробно главныя основанія обложенія, чтобы читатель, незнакомый съ существующимъ положеніемъ, могъ вполнѣ судить о правильности нашихъ заключеній.

Несмотря на сложность этого закона и на различную степень обложенія, нельзя не замѣтить, что законъ далеко не достигаетъ соразмѣрности платежей съ средствами плательщиковъ, хотя по всему видно, что составители закона желали достигнуть большей соразмѣрности, чѣмъ это было при прежнемъ порядкѣ. Намъ кажется, что первая ошибка была въ пониженіи пошлинъ по 1-й гильдіи; затѣмъ, законъ дѣлитъ торговлю на оптовую, розничную и мелочную и проводитъ рѣзкую границу между платежами каждаго рода торговли. Но на практикѣ такой границы провести невозможно: каждый розничный торговецъ есть вмѣстѣ и оптовый по отношенію къ другимъ тор-

говцамъ, обороты коихъ производятся на меньшій оборотный капиталъ; что же касается чисто оптовой торговли въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, которая предоставлена только купцамъ 1-й гильдіи, то она рѣдко производится отдѣльно отъ розничной и существуетъ развѣ только въ столицахъ, и то не всѣми товарами. Слѣдить, чтобы розничный торговецъ не производилъ торговлю оптовую изъ тѣхъ же помѣщеній—невозможно. Стало быть, такое дѣленіе совершенно фиктивно, и только въ рѣдкихъ случаяхъ можно опредѣлить, кто долженъ имѣть свидѣтельство 1-ой и кто свидѣтельство 2-й гильдіи. Вслѣдствіе этого, большинство оптовыхъ торговцевъ торгуютъ по свидѣтельствамъ 2-й гильдіи, если только у нихъ нѣтъ въ виду другой цѣли, а именно—получить право на званіе почетнаго гражданства или вступить въ казенные подряды и поставки на сумму болѣе 15,000 руб. Точно также весьма трудно различить мелочной торгъ отъ розничнаго. Хотя въ законѣ и существуетъ росписаніе тѣхъ товаровъ, которыми можно торговать въ гостинныхъ дворахъ по свидѣтельству на мелочной торгъ, но всматриваясь въ роды товаровъ нельзя понять, на какомъ основаніи торговля этими товарами отнесена къ мелочному торгу. Такъ, напр., сюда относятся товары: кожевенный, скобяной, шорный, панской, бумажный, шапочный и писчебумажный.

Есть громадные капиталы, посвященные исключительно розничной продажѣ одного изъ поименованныхъ товаровъ. На какомъ же основаніи товары эти могутъ быть продаваемы по свидѣтельствамъ на мелочной торгъ, а для продажи сукна фабричнаго или тафты шолковой, хотя бы продажа этихъ товаровъ совершалась на ничтожную сумму,—необходимо свидѣтельство 2-й гильдіи и такой же билетъ? Кромѣ того, по свидѣтельствамъ на мелочной торгъ дозволяется содержать особыя мелочныя лавочки, въ которыхъ дозволяется торговать товарами по особому росписанію. Въ этомъ росписаніи поименованы почти всѣ товары, которыми торгуютъ наши колоніальные магазины и производятъ громадные обороты. Сличая это росписаніе съ предыдущимъ, мы наталкиваемся на многія любопытныя постановленія. Такъ, напр., изъ москательныхъ товаровъ въ гостинныхъ дворахъ можно торговать нашатыремъ, но нельзя торговать ни мѣднымъ, ни желѣзнымъ купоросомъ; а въ мелочныхъ лавочкахъ внѣ гостинныхъ дворовъ нельзя торговать нашатыремъ, а можно мѣднымъ купоросомъ; въ гостинныхъ дворахъ можно торговать всѣми товарами, которыми разрѣшена торговля безъ свидѣтельствъ со столовъ, ларей и лотковъ; а въ мелочныхъ лавкахъ только нѣкоторыми изъ нихъ. Эти примѣры показываютъ ясно, что дѣленіе товаровъ сдѣлано безъ особыхъ основаній и безъ положительнаго знакомства съ торговлей. Точно также произвольно и дѣленіе городовъ и уѣздовъ по различнымъ мѣстностямъ: оно сдѣлано безъ всякаго знакомства съ мѣстными условіями,

и въ этомъ легко убѣдится читатель, если потрудится взглянуть, къ какимъ классамъ отнесены различныя мѣстности знакомой ему губерніи.

Но что непонятнѣе всего, то это—налогъ на мѣщанскіе промыслы, который взимается даже и въ томъ случаѣ, если мѣщанинъ или цеховой занимается ими безъ найма рабочихъ, но только самостоятельно. Онъ долженъ заплатить 2 руб. 50 коп. только за право работать и притомъ прежде, нежели онъ началъ работать. Простой работникъ, неимѣющій мѣста у хозяина и желающій заработать насущный хлѣбъ своимъ мастерствомъ, не можетъ начать работу за свой счетъ, если не имѣетъ свидѣтельства. Но у него нѣтъ денегъ, онъ долженъ выработать ихъ, а законъ не позволяетъ ему работать, пока онъ не заплатитъ налога; человѣку ѣсть нечего, онъ долженъ заработать хлѣбъ, а ему говорятъ: сперва заплати налогъ, тогда тебѣ позволятъ зарабатывать твой хлѣбъ. Мы спрашиваемъ, гдѣ же справедливость? подумали ли при составленіи закона, что они ставятъ человѣка въ подобное положеніе и притомъ тогда, когда онъ, быть можетъ, желаетъ работать за свой счетъ только до пріисканія мѣста у хозяина. Подобный налогъ хуже, чѣмъ обыкновенный налогъ на трудъ — это налогъ на право труда, которое прирождено человѣку и облагать которое государство не можетъ безъ вреда себѣ. При обыкновенномъ налогѣ на трудъ, какъ, напримѣръ, въ подушной подати, первый срокъ платежа назначенъ къ 15-му марта, слѣдовательно работникъ имѣетъ $2^1/_2$ мѣсяца, чтобъ выработать слѣдующую съ него первую половину налога, тогда какъ налогъ на мѣщанскій промыселъ долженъ быть заплаченъ впередъ за годъ, иначе ремесленнику не позволятъ работать. Если законъ этотъ не убилъ совершенно нашу, такъ-называемую, кустарную промышленность въ городахъ, то это потому только, что чиновники казенной палаты не могутъ слѣдить за точнымъ исполненіемъ закона. Но еслибъ надзоръ за торговлей и промыслами былъ усиленъ, то всякая работа своими руками и за свой счетъ была бы невозможна, въ особенности въ нашихъ степныхъ городахъ, гдѣ весь недѣльный заработокъ не превышаетъ иногда 1 р. 50 к., на которые мѣщанинъ обязанъ содержать цѣлую семью!

Чтобъ судить о неравномѣрности налога на торговлю, возьмемъ для примѣра изъ мѣстности 2-го класса какой-нибудь портовый городъ, въ которомъ производится огромная, оптовая и розничная торговля. Мы сказали, что розничный торговецъ можетъ всегда торговать и оптомъ, такъ какъ законъ не различаетъ того, что̀ называется торговать оптомъ и что̀ въ розницу. Такимъ образомъ, купецъ 2-й гильдіи, имѣя лавку, можетъ производить изъ нея и изъ принадлежащихъ въ ней кладовыхъ торговлю на сотни тысячъ рублей и даже на милліоны въ теченіи года. Приэтомъ онъ заплатитъ по мѣстности

2-го класса 55 руб. за свидѣтельство и 17 руб. за билетъ, а мелочной торговецъ, имѣющій какую-нибудь мелочную лавочку, въ которой всего товара на какихъ-нибудь 25 руб. и весь годовой оборотъ не превышаетъ нѣсколькихъ сотъ руб., обязанъ заплатить за свидѣтельство 18 руб. и за билетъ 8 руб. Обороты перваго превышаютъ обороты второго въ нѣсколько тысячъ разъ, тогда какъ послѣдній платитъ въ казну менѣе только въ три раза. Первый покроетъ налогъ въ 72 р. быть можетъ часовымъ барышомъ, тогда какъ послѣдній не получаетъ никакого барыша, а выручаетъ только плату за свой ежедневный трудъ. Здѣсь, слѣдовательно, тяжелый налогъ на трудъ въ 26 руб., тогда какъ тамъ — ничтожная часть процента съ чистаго барыша.

Гдѣ же, спрашивается, справедливость и можетъ ли, при такихъ условіяхъ, развиваться у насъ мелкая промышленность и торговля? А безъ этихъ, такъ сказать, пружинъ, двигающихъ крупную торговлю, послѣдняя также застаивается, и вотъ причины тѣхъ жалобъ, которыя слышны повсюду.

Многое еще мы могли бы сказать противъ этого налога, но, кажется, довольно и сказаннаго, чтобъ признать нераціональность принятыхъ основаній; но, въ заключеніе, мы позволимъ себѣ замѣтить, что если мы не ошибаемся, то составители закона задались, повидимому, одною мыслью: возвысить цифру казеннаго дохода. Но возвышеніе налога въ высшихъ гильдіяхъ по статистическимъ свѣдѣніямъ не представляло возможности увеличить этотъ доходъ значительно, тѣмъ болѣе, что такая мѣра заставила бы переходить въ низшія гильдіи, поэтому обложеніе налогомъ всѣхъ мелкихъ промысловъ представлялось единственнымъ средствомъ возвышенія дохода. Конечно, такое рѣшеніе вопроса, при данныхъ обстоятельствахъ, было всего легче и удобнѣе, тѣмъ болѣе, что оно не представляло трудностей изысканія новыхъ основаній обложенія; но намъ кажется, что въ этомъ-то удобномъ рѣшеніи вопроса и состояла главная ошибка. Еслибы коммиссія постаралась вникнуть въ послѣдствія новаго закона, то она увидѣла бы, что она уничтожаетъ свое же собственное дѣло. Тѣ же самыя лица, которыя освобождены были отъ подушной подати, облагались новымъ налогомъ еще болѣе обременительнымъ, нежели эта подать. Вотъ почему мы не видали никакихъ плодовъ отъ закона несомнѣнно полезнаго. Намъ кажется, что еслибы коммиссія руководилась тѣми же принципами, какіе она имѣла въ виду при составленіи закона о налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ, то дѣло бы приняло совсѣмъ другой, болѣе благопріятный оборотъ. Намъ кажется, что установленіе, по крайней мѣрѣ, на первое время, цифры налога для каждаго города и уѣзда, какъ это дѣлается для налога съ недвижимыхъ имуществъ, и предоставленіе мѣстнымъ торговцамъ права разлагать ее между собою соразмѣрно годовымъ оборотамъ, или доходамъ, за исключеніемъ обо-

ротовъ или доходовъ ниже извѣстной цифры, — было бы самымъ справедливымъ рѣшеніемъ вопроса. Мѣстныя общества черезъ нѣсколько лѣтъ выработали бы правильный способъ обложенія, такъ какъ имъ извѣстны состоянія каждаго изъ торгующихъ лицъ, и правительство получило бы данныя для изысканія новыхъ основаній обложенія.

II.

Съ 1863-го года труды коммиссіи прерываются, по крайней мѣрѣ въ окончательной формѣ, хотя отъ времени до времени и было заявляемо, что она разработываетъ тотъ или другой вопросъ. Но такъ какъ подготовительныя работы не могутъ быть обсуждаемы по неизвѣстности, въ какой формѣ имъ суждено будетъ явиться на свѣтъ, то мы и не будемъ говорить объ нихъ. Точно также не будемъ говорить о выработанномъ коммиссіей, въ 1868-мъ году, новомъ законѣ о гербовомъ сборѣ съ векселей и заемныхъ писемъ, вслѣдствіе той незначительной роли, какую играетъ этотъ налогъ въ нашемъ бюджетѣ. Мы обратимся прямо къ послѣднему труду коммиссіи, который затрогиваетъ интересы всѣхъ податныхъ сословій, именно къ проекту замѣны подушной подати съ государственнаго земскаго сбора — подворнымъ налогомъ и поземельною податью.

Но прежде, нежели приступимъ къ разсмотрѣнію этого проекта, намъ кажется, не будетъ лишнимъ сказать нѣсколько словъ о государственномъ земскомъ сборѣ. Сборъ этотъ предназначается для удовлетворенія нѣкоторыхъ государственныхъ потребностей, повидимому, ничѣмъ не отличающихся отъ другихъ, которыя удовлетворяются изъ общихъ государственныхъ доходовъ: такъ, напримѣръ, содержаніе уѣздныхъ полицейскихъ управленій, почтовыхъ лошадей, этапныхъ станцій, пересылка ссыльныхъ арестантовъ, отопленіе воинскихъ помѣщеній и губернаторскихъ домовъ, наемъ пастбищныхъ мѣстъ для полковыхъ и ремонтныхъ лошадей, отопленіе и освѣщеніе нѣкоторыхъ тюремныхъ зáмковъ, содержаніе арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства и другіе. Разсматривая этотъ перечень расходовъ, мы не находимъ въ немъ никакой разницы отъ другихъ государственныхъ расходовъ, кромѣ той, что существуетъ постановленіе объ удовлетвореніи ихъ изъ особаго сбора, называемаго государственнымъ земскимъ. На этомъ основаніи, мы рѣшительно не понимаемъ: почему признается нужнымъ отдѣлять этотъ источникъ государственнаго дохода отъ общихъ доходовъ и относить на него цѣлый перечень расходовъ, неимѣющихъ между собою ничего общаго и ничѣмъ не отличающихся отъ другихъ расходовъ. Въ прежнее время нѣкоторые изъ этихъ расходовъ исполнялись мѣстными обществами натурою; затѣмъ, съ переводомъ ихъ въ денежную повинность завѣдываніе хотя и принадле-

жало мѣстной административной власти, но составленіе смѣтъ и ревизія отчетности предоставлялась представителямъ сословій. Съ отдѣленіемъ же мѣстныхъ потребностей отъ государственныхъ и съ передачею первыхъ въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій, признавать за послѣдними характеръ земскихъ расходовъ и удовлетворять ихъ изъ особаго сбора, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакихъ основаній.

Такое отдѣленіе имѣло бы свое оправданіе, еслибы правительство, въ виду болѣе выгоднаго удовлетворенія нѣкоторыхъ потребностей земствомъ, передало какъ сборы, такъ и производство расходовъ земскимъ учрежденіямъ; но этого на дѣлѣ нѣтъ, а потому, повторяемъ, нѣтъ основаній для отдѣленія этихъ издержекъ отъ общей массы государственнаго расхода. Обыкновенно въ пользу отдѣленія этихъ расходовъ приводятъ то обстоятельство, что расходы эти производятся не въ одинаковой цифрѣ и что при возвышеніи цифры расхода возвышается и сборъ; поэтому, въ государственномъ земскомъ сборѣ цифра обложенія есть цифра подвижная, тогда какъ, присоединивъ ее къ податямъ, она будетъ уже опредѣленная и неподлежащая возвышенію.

Но вѣдь то же можно сказать и обо всемъ государственномъ бюджетѣ. Здѣсь цифра расхода тоже ежегодно возрастаетъ, но это не мѣшаетъ, однакожъ, покрывать расходы опредѣленными налогами. Гораздо вѣроятнѣе, что причина отдѣленія заключается въ томъ, что смѣта государственнаго земскаго сбора составляется чрезвычайно широко и всегда представляетъ огромные остатки, употребленіе которыхъ зависитъ не только отъ министра финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, но даже и отъ мѣстныхъ земскихъ присутствій. Такимъ образомъ, эти остатки представляютъ дополнительныя средства, которыми можно распоряжаться въ извѣстныхъ предѣлахъ по усмотрѣнію; тогда какъ изъ общаго государственнаго дохода всякій дополнительный кредитъ назначается не иначе, какъ съ разрѣшенія государственнаго совѣта.

Поэтому, если существующій порядокъ и представляетъ выгоду для нѣкоторыхъ распорядительныхъ управленій, то онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться правильнымъ съ точки зрѣнія общихъ государственныхъ интересовъ. Въ настоящее время расходы, упадающіе на государственный земскій сборъ, заносятся въ общую смѣту расходовъ и производятся изъ общихъ доходовъ и равная сумма дѣйствительному расходу перечисляется изъ суммъ государственнаго сбора въ пособіе государственному казначейству по третямъ года. Такимъ образомъ, во всѣхъ уѣздныхъ, губернскихъ и главномъ казначействахъ ведутся многочисленные счеты какъ по сбору, такъ и по расходу. Кромѣ того, эти счеты, для наблюденія за правильностію ихъ, ведутся также въ департаментѣ государственнаго казначейства, во всѣхъ казенныхъ и контрольныхъ палатахъ, а равно въ центральной бухгалтеріи государственнаго контроля. Несмотря на это, въ этихъ счетахъ суще-

ствуетъ постоянная запутанность и если бы потребовалось опредѣлить точную цифру остатковъ государственнаго земскаго сбора за всѣми уплатами опредѣленныхъ изъ онаго пособій къ извѣстному времени, то министерство финансовъ, конечно, не могло бы удовлетворить этому требованію. Спрашивается, для чего же существуетъ это сложное счетоводство для взаимныхъ разсчетовъ государственнаго земскаго сбора и общихъ доходовъ, когда оба источника состоятъ въ полномъ и непосредственномъ распоряженіи одного и того же правительства и ничѣмъ не отличаются по существу падающихъ на нихъ расходовъ. Вѣдь перечисленіе это изъ одного источника въ другой, въ сущности, есть перемѣщеніе изъ одного кармана въ другой и ничего болѣе, а между тѣмъ для этого перемѣщенія тратятся значительныя силы и средства, которыя могутъ быть съ пользою употреблены на другое, болѣе полезное дѣло. Не говоря объ облегченіи общаго по имперіи счетоводства, соединеніе государственнаго земскаго сбора съ общими доходами дало бы возможность упразднить весь земскій отдѣлъ въ департаментѣ окладныхъ сборовъ и комитеты земскихъ повинностей. Что касается настоящаго времени, то смѣты государственнаго земскаго сбора составляются въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что едва ли въ близкомъ будущемъ расходы могутъ превзойти ихъ; но еслибы государственное казначейство впослѣдствіи и было поставлено въ необходимость уплачивать нѣкоторую долю этихъ расходовъ изъ другихъ источниковъ, то мы въ этомъ не видимъ никакой бѣды, такъ какъ, во-первыхъ, постоянно возрастающая цифра косвенныхъ налоговъ даетъ средства для этого; и во-вторыхъ, въ виду общихъ государственныхъ интересовъ, полезно бы было положить предѣлъ возрастанію прямыхъ налоговъ, падающихъ на самый бѣднѣйшій классъ народа. Въ этихъ видахъ желательно, чтобъ та часть государственнаго земскаго сбора, которая падаетъ на мѣщанъ, была бы присоединена къ налогу на недвижимыя имущества въ городахъ, или къ налогу на торговыя, гильдейскія свидѣтельства, не обременяя мѣщанскихъ промысловъ; а падающая часть на крестьянъ всѣхъ наименованій должна присоединиться къ подушной подати и вмѣстѣ съ нею перейти въ другой видъ налога въ облегченіе податныхъ сословій, которыя, въ настоящее время, сильно обременены прямыми налогами.

Позволимъ себѣ еще одно замѣчаніе. Намъ кажется, что участіе комитета земскихъ повинностей въ составленіи смѣтъ государственнаго земскаго сбора отзывается весьма вредно. Оно ведетъ прямо къ расширенію смѣтъ и къ увеличенію сбора. Подобное заключеніе можетъ показаться страннымъ, но мы приходимъ къ нему не вслѣдствіе какихъ-либо теоретическихъ соображеній, а просто по указаніямъ опыта. Мы сознаемъ вполнѣ пользу участія мѣстныхъ представителей въ удовлетвореніи мѣстныхъ расходовъ и думаемъ, что чѣмъ шире бу-

детъ эта дѣятельность, тѣмъ благотворнѣе будетъ это участіе; но эта польза оказывается только тогда, когда и смѣта, и раскладка относятся къ той же мѣстности и зависитъ отъ тѣхъ же представителей. Но если смѣта составляется мѣстными представителями, а раскладка дѣлается по всей Россіи центральнымъ правительствомъ, то въ дѣйствительности происходитъ совершенно обратное явленіе. Дѣло въ томъ, что каждый рубль, вводимый расходомъ въ смѣту, падаетъ на губернію не въ полной суммѣ, а только въ мѣрѣ участія ея въ общемъ количествѣ сбора. Такъ, напр., положимъ, что губернія N платитъ 500 т. руб. изъ общаго сбора въ 20 мил., стало быть она вноситъ $^1/_{40}$-ую часть; поэтому каждый излишній расходъ, введенный въ смѣту, падаетъ на эту губернію въ размѣрѣ сороковой его части, между тѣмъ какъ расходъ производится въ губерніи въ полной цифрѣ: стало быть, $^{39}/_{40}$ даннаго расхода получаются изъ другихъ губерній, если сумма расходовъ, производящихся въ губерніи, превышаетъ сумму платимаго сбора; или эти $^{39}/_{40}$ удерживаются въ губерніи изъ подлежащей къ отсылкѣ суммы, если расходы не достигаютъ этой суммы. Въ томъ и другомъ случаѣ прямой интересъ губерніи состоитъ въ томъ, чтобъ смѣта была выше. Платежъ приэтомъ возвышается на ничтожную цифру, между тѣмъ какъ этой издержкой въ губерніи вполнѣ воспользуются мѣстные жители.

Пишущему эти строки не разъ приходилось слышать подобныя замѣчанія въ комитетѣ земскихъ повинностей, членомъ котораго онъ былъ долгое время. На этомъ-то основаніи и въ виду того положенія, въ которомъ находится хозяйство въ особыхъ о земскихъ повинностяхъ присутствіяхъ, — гдѣ нѣтъ никакихъ отвѣтственныхъ лицъ,— было бы желательно упраздненіе ихъ и подчиненіе расходовъ производимыхъ ими общему порядку производства государственныхъ расходовъ [1]). Послѣ этихъ замѣчаній, по отношенію къ государственному земскому сбору, возвратимся къ проекту коммиссіи о переложеніи подушныхъ сборовъ на дворы и земли.

Коммиссія предполагаетъ: все количество подушной подати перенести по раскладкѣ на крестьянскіе дворы, а также на дворы мѣщанъ, купцовъ и разночинцевъ, водворившихся въ селеніяхъ, а всю сумму государственнаго сбора, упадающую на крестьянъ, разложить на земли принадлежащія имъ въ собственность и состоящія въ ихъ пользованіи; сумму же, упадающую на мѣщанъ, отчасти присоединить

---

[1]) Говорить о неудовлетворительности хозяйства въ особыхъ о земскихъ повинностяхъ присутствіяхъ мы имѣемъ полное основаніе, какъ въ виду того, что намъ приходилось встрѣчать въ отчетахъ этихъ присутствій дворянскимъ собраніямъ, такъ и въ виду слѣдующаго факта: Саратовской губ. Балашовскаго уѣзда, на отопленіе воинскихъ помѣщеній въ началѣ 1868-го года, дрова заготовлялись по 12-ти руб. за куб. сажень, а въ концѣ того же года по 25-ти руб.

къ налогу на недвижимую собственность въ городахъ, отчасти къ пошлинамъ за свидѣтельства на мѣщанскіе промыслы. Дворянскія же земли будутъ подлежать только тогда налогу, когда опредѣленная поземельная съ крестьянъ подать не будетъ покрывать расходовъ, упадающихъ на государственный земскій сборъ согласно смѣтъ, періодически составляемыхъ на этотъ предметъ. Излишекъ этотъ, по распредѣленіи центральнымъ правительствомъ на губерніи, будетъ распредѣляться, вмѣстѣ съ губернскимъ земскимъ сборомъ, на всѣ предметы земскаго обложенія. Распредѣленіе подворнаго налога производится слѣдующимъ образомъ: губернское земское собраніе или комитетъ земскихъ повинностей, вмѣстѣ съ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, гдѣ нѣтъ земскихъ учрежденій, дѣлятъ губернію на мѣстности, которыхъ не можетъ быть болѣе шести, и затѣмъ опредѣляютъ величину подворнаго налога въ каждой мѣстности и окладъ каждаго общества по числу дворовъ и высотѣ налога въ данной мѣстности съ тѣмъ, чтобы общая сумма налога съ губерніи равнялась суммѣ опредѣленной въ законодательномъ порядкѣ центральнымъ правительствомъ. Вотъ въ короткихъ словахъ сущность проекта коммиссіи. Отсюда видно, что коммиссія задалась цѣлью не измѣнять личный составъ плательщиковъ. Такъ, напримѣръ, всѣ земли и усадьбы землевладѣльцевъ - дворянъ избавлены отъ налога, тогда какъ ему подлежатъ лица, водворившіяся въ селеніяхъ изъ другихъ сословій: мѣщане, купцы и разночинцы; упадающая часть государственнаго земскаго сбора на мѣщанъ разлагается на свидѣтельства для мѣщанскихъ промысловъ. На страницѣ 16-й соображеній, предпосланныхъ проекту, коммиссія прямо высказываетъ, что обложеніемъ двора она желала достигнуть обложенія рабочихъ рукъ. Все это указываетъ, что коммиссія стремилась къ возможно большему сохраненію въ податяхъ настоящаго положенія дѣлъ, т.-е., измѣнивъ форму, оставить сущность дѣла въ прежнемъ положеніи. Все, чего желала коммиссія—это устранить нѣкоторыя неудобства, связанныя съ подушной системой обложенія и достигнуть болѣе равномѣрнаго распредѣленія подушнаго сбора между *нынѣшними плательщиками*. Цѣль коммиссіи выражена ею въ пяти пунктахъ, приведенныхъ ею въ концѣ соображеній, предпосланныхъ проекту правилъ. Разберемъ же эти пять пунктовъ въ подробности и посмотримъ, насколько проектированное положеніе удовлетворяетъ заявленнымъ цѣлямъ.

Коммиссія имѣла въ виду достигнуть слѣдующихъ результатовъ:

1) *Облегчить податныя сословія посредствомъ болѣе правильнаго распредѣленія налоговъ и устранить тѣ стѣсненія, коими, по необходимости, сопровождалось взиманіе окладовъ при подушной системѣ.*

Намъ кажется, что задаваясь подобной цѣлью коммиссія не достаточно уяснила себѣ значеніе подушной подати и способъ ея отбыва-

нія. Подушная подать есть налогъ на трудъ и отбывается такими классами общества, которые, за немногими исключеніями, не имѣютъ никакого имущества. Если они и владѣютъ землей, то эта земля состоитъ только въ ихъ пользованіи и они платятъ за нея оброкъ въ казну, или частнымъ лицамъ; а такъ-называемые крестьяне-собственники обязаны выкупными платежами, часто превышающими арендную плату за землю. Слѣдовательно, эти крестьяне до окончанія выкупа также не могутъ считаться имѣющими собственность. Исчисленная по числу душъ, подушная подать на цѣлое сельское общество распредѣляется между отдѣльными плательщиками почти всегда по числу тягловыхъ работниковъ. По свѣдѣніямъ редакціонныхъ коммиссій при рѣшеніи крестьянскаго вопроса оказалось, что число душъ къ тягламъ въ среднемъ выводѣ всегда относилось какъ $2^1/_2 : 1$. Уклоненія отъ этого средняго отношенія хотя и встрѣчались, но были весьма незначительны, такъ что число душъ можетъ быть принято мѣриломъ рабочихъ силъ безъ значительной ошибки. На этомъ основаніи, какъ налогъ на рабочую силу, подать, исчисляемая по душамъ и распредѣляемая въ средѣ сельскаго общества по тягламъ, достигала вполнѣ своей цѣли и распредѣлялась съ достаточной равномѣрностью. Если здѣсь нужна была большая точность, то ее слѣдовало бы перенести на тягло и, раздѣливъ Россію на различныя мѣстности по отношенію къ высотѣ заработной платы, опредѣлить величину налога съ тягла сообразно заработной платѣ, существующей въ данной мѣстности. Тогда бы налогъ на рабочую силу достигъ своего совершенства, по его равномѣрности. Коммиссія не отрицаетъ того, что подушная подать есть налогъ на рабочія силы, но не находитъ возможнымъ перевести ее на земли, вслѣдствіе слишкомъ большого обложенія въ настоящее время крестьянскихъ земель, а также на лицо работника, такъ какъ этотъ налогъ сохранилъ бы тѣ же неудобства, какія представляетъ подушная система; а именно стѣсненія передвиженій, ревизія и пр. (стр. 13 и 14-я соображеній коммиссіи). Приэтомъ коммиссія полагаетъ, что, такъ какъ въ настоящее время налогъ несутъ рабочія силы, то этотъ порядокъ долженъ быть сохраненъ и на будущее время, и только ищетъ вещественнаго признака этихъ силъ, который и находитъ въ крестьянскомъ дворѣ. Но если налогъ будетъ взиматься съ двора, какъ представителя рабочихъ силъ и болѣе или менѣе выгоднаго ихъ употребленія (стр. 16-я тѣхъ же соображеній), то онъ долженъ повлечь за собой тѣ же стѣсненія рабочей силы, какъ и подушный сборъ или сборъ съ работниковъ; если же дворъ будетъ облагаться не по числу рабочихъ рукъ, то подворный налогъ никакимъ образомъ не можетъ достигнуть уравнительности; напротивъ, онъ будетъ весьма неуравнительнымъ и несправедливымъ налогомъ. Въ этихъ соображеніяхъ коммиссія впадаетъ въ явное противорѣчіе. Пе-

реводя налогъ на дворъ, коммиссія полагаетъ отнять у него характеръ личнаго налога и упускаетъ изъ виду, что дворъ не можетъ быть имуществомъ отвѣтственнымъ въ платежѣ; платежъ все-таки останется на лицѣ работника, живущаго во дворѣ. Тутъ, по русской пословицѣ, хоть пень объ сову, хоть сову объ пень,—все совѣ больно! Коммиссія ошибается, отыскивая внѣшній признакъ рабочей силы помимо самого работника. Этотъ внѣшній признакъ рабочей силы, который коммиссія желаетъ отыскать, состоитъ въ двухъ рукахъ работника и не можетъ состоять ни въ чемъ другомъ. Земля не принадлежитъ ему и при излишнемъ обложеніи можетъ быть брошена, вслѣдствіе чего потеряется и налогъ и доходъ собственника. Все же остальное имущество работника, начиная съ двора и оканчивая бороной, — составляетъ только необходимый инвентарь для обработки земли и потому не можетъ быть предметомъ обложенія, такъ какъ не можетъ быть продано при несостоятельности, по той простой причинѣ, что дальнѣйшее взиманіе налога при уничтоженіи возможности обрабатывать землю немыслимо. Вѣроятно, замѣчая это затрудненіе, коммиссія допускаетъ необходимость обложенія рабочей силы и, принимая дворъ, какъ только внѣшній признакъ этой силы, ограничиваетъ право сельскаго общества облагать дворъ пропорціонально всей рабочей силѣ, живущей во дворѣ. По мнѣнію коммиссіи, дворъ не можетъ быть обложенъ болѣе, чѣмъ вдвое противъ того оклада, какой приходится на всѣ дворы поровну. Такимъ образомъ, смѣшиваются два основанія обложенія и недопускается послѣдовательное примѣненіе ни того, ни другого. Если подобный проектъ осуществится, то подворный налогъ не будетъ имѣть никакихъ основаній обложенія. Возьмемъ примѣръ: въ селеніи 10 дворовъ—въ одномъ живутъ 5 работниковъ, въ одномъ 2, въ остальныхъ по одному. На основаніи предположенныхъ правилъ, налогъ въ 5 руб. съ каждаго двора разложится такъ, что 5 работниковъ заплатятъ 10 руб. а остальные 10 работниковъ въ 9-ти дворахъ 40 руб., или по четыре рубля съ каждаго работника. Такимъ образомъ, многосемейные будутъ платить вдвое меньше, чѣмъ одинцы, которые живутъ всегда гораздо бѣднѣе, чѣмъ многосемейные. Точно также число дворовъ не можетъ быть мѣриломъ рабочей силы по отношенію къ отдѣльнымъ сельскимъ обществамъ. Кому не извѣстенъ тотъ фактъ, что въ нашихъ деревняхъ обычай имѣетъ громадное значеніе и вслѣдствіе обычая въ нѣкоторыхъ деревняхъ принято за правило жить большими семьями, въ другихъ — наоборотъ, встрѣчаются постоянные раздѣлы. Такія разницы встрѣчаются даже въ сосѣднихъ деревняхъ. Кто ѣзжалъ по Россіи, тотъ конечно встрѣчалъ надписи на столбахъ при въѣздѣ въ селеніе: *душъ 40*, *дворовъ 20*; или *душъ 100*, *дворовъ 20*,—и это въ двухъ селеніяхъ въ очень близкомъ разстояніи и совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ. Если предположе-

ніе коммиссіи осуществится, то эти селенія могутъ быть обложены одинаковымъ подворнымъ налогомъ по 5-ти руб., напр., съ двора. При такихъ условіяхъ въ первой деревнѣ каждый работникъ, которыхъ не можетъ быть болѣе 20-ти, будетъ обложенъ 5-ю руб., тогда какъ въ другомъ ихъ не можетъ быть менѣе 40-а, и они будутъ нести налогъ по 2 руб. 50 коп.

Если 150 лѣтъ тому назадъ, когда дворъ имѣлъ дѣйствительно хозяйственное значеніе и когда къ двору причислялось извѣстное количество посѣва, т.-е. извѣстное количество земли, если тогда, говоримъ мы, дворъ былъ признанъ неудобнымъ мѣриломъ рабочей силы, то какъ можно приписывать ему эту способность въ настоящее время, когда онъ потерялъ всякое хозяйственное значеніе? Между тѣмъ, коммиссія не только признаетъ дворъ мѣриломъ рабочей силы, но она думаетъ, сдѣлавши его предметомъ обложенія, достигнуть большей равномѣрности въ распредѣленіи налога и облегчить податныя сословія. Тщетная надежда! Мы, кажется, достаточно доказали, что ни того, ни другого быть не можетъ.

2) *Устранить представляемыя подушною системою препятствія къ преобразованію, согласно видамъ правительства, народныхъ переписей и паспортной системы.*

Если, какъ мы видѣли, подворный налогъ долженъ быть налогомъ на рабочую силу, т.-е. сохранить, до извѣстной степени, характеръ личнаго налога, то всѣ препятствія подушной системы остаются во всей силѣ. Прикрѣпленіе лица къ извѣстной мѣстности необходимо.

3) *Положить твердое начало къ переходу отъ кругового ручательства за исправное поступленіе налога къ личной отвѣтственности.*

Это также ожиданіе несбыточное, потому что вѣрнымъ обезпеченіемъ казенныхъ платежей можетъ быть или имущество, когда оно можетъ быть продано, или круговое ручательство при налогѣ на лицо. Но мы видѣли, что крестьяне не имѣютъ такого имущества, которое можетъ быть продано безъ разстройства ихъ будущаго хозяйства. Такое положеніе признаетъ и коммиссія, и, несмотря на ея цѣль—положить твердое начало для перехода къ другому порядку, освобождаетъ отъ кругового ручательства только селенія, въ коихъ менѣе 12-ти дворовъ; но при этомъ нѣтъ объясненій, почему для 12-ти дворовъ круговая порука возможнѣе, чѣмъ при 11-ти. Мы думаемъ, что если круговое ручательство тяжело, то оно должно быть вовсе отмѣнено; если же этого нельзя сдѣлать, то мелкія селенія должны быть соединяемы съ другими по круговой отвѣтственности, но не должны быть отъ нея освобождаемы,—это несправедливо и можетъ повлечь за собою умышленную несостоятельность, а неодинаковыя мѣры взысканія могутъ, при неразвитости крестьянъ, вызвать безпорядки.

4) *Предупредить уменьшеніе въ государственныхъ доходахъ отъ перехода крестьянъ-собственниковъ въ сословія, неплатящія подати.*

Мы думаемъ, что эта цѣль достигается только въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ-собственникъ приписывается въ мѣщане, оставаясь при прежнихъ занятіяхъ и на прежнемъ мѣстѣ жительства; но она нисколько не помѣшаетъ уменьшенію государственнаго дохода, если онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, переселится въ городъ, или когда два крестьянина поселятся въ одномъ дворѣ, ведя хозяйство отдѣльно.

5) *Противодѣйствовать безъ всякихъ стѣснительныхъ мѣръ излишнему дробленію крестьянскихъ дворовъ.*

Эта послѣдняя цѣль заявлена, конечно, вслѣдствіе полнаго незнакомства съ крестьянскимъ образомъ жизни, а только по слухамъ, что въ большихъ семьяхъ крестьяне пользуются бóльшимъ благосостояніемъ. Конечно, это фактъ несомнѣнный, но только въ такомъ случаѣ, если въ семьѣ господствуетъ согласіе и единодушіе. Въ этомъ случаѣ кооперативный трудъ дѣйствительно приноситъ выгоду, но если этого единодушія нѣтъ, то совмѣстное жительство, кромѣ вреда и разоренія, ничего не приноситъ. Поэтому, если есть согласіе, то нѣтъ никакой надобности чѣмъ-либо противодѣйствовать раздѣлу, а когда этого согласія нѣтъ, тогда противодѣйствіе положительно вредно. Полезная кооперація труда достигается вовсе не подобными мѣрами, а развитіемъ въ народѣ понятія о пользѣ артельнаго начала и отсутствіемъ безполезныхъ стѣсненій при устройствѣ обществъ.

Главная ошибка составителей проекта заключается въ томъ, что они не уяснили вопроса: въ чемъ заключается вредъ такого налога, какъ подушная подать? По многимъ соображеніямъ, высказаннымъ коммиссіей, можно заключить, что она полагала этотъ вредъ въ невозможности равномѣрнаго распредѣленія налога, въ необходимости прикрѣпленія лица къ извѣстной мѣстности, въ невозможности измѣненія системы ревизій и паспортной системы, въ необходимости круговой поруки и т. д. Конечно, нельзя не согласиться, что всѣ эти неудобства существуютъ дѣйствительно, но они не составляютъ главнаго недостатка этого налога и, какъ мы видѣли выше, вовсе не устраняются переложеніемъ его на дворы. По нашему мнѣнію, главный недостатокъ подушной подати состоитъ въ томъ, что она есть налогъ на трудъ, на рабочую силу. Коммиссія не отрицаетъ этого, и полагаетъ, что если это такъ было до сихъ поръ, то должно быть такъ и въ будущемъ. Разъ задавшись этой мыслью, коммиссія приходитъ къ цѣлому ряду ошибокъ и неправильныхъ выводовъ, а именно: 1) что личный составъ плательщиковъ не долженъ быть измѣняемъ, а необходимо стремиться только къ болѣе правильному распредѣленію налога въ той средѣ, которая его отбывала; 2) что при существующихъ платежахъ за землю со стороны крестьянскихъ обществъ нельзя

обложить землю новымъ налогомъ въ 50 почти копѣекъ съ десятины; 3) что хотя налогъ этотъ долженъ оставаться налогомъ на рабочую силу, но лицо работника не можетъ быть предметомъ обложенія, потому что это стѣснитъ передвиженіе рабочихъ силъ и сохранитъ всѣ тѣ неудобства, которыя связаны съ подушною системою; 4) что для избѣжанія этого необходимо искать какого-то внѣшняго признака рабочей силы, какъ будто рабочая сила, не имѣя никакого имущества, можетъ имѣть какой-нибудь признакъ, кромѣ количественнаго или качественнаго; 5) что этотъ внѣшній признакъ есть крестьянскій дворъ, который, однакожъ, не находится ни въ какомъ отношеніи ни къ количеству, ни къ качеству рабочей силы. Всѣ эти ошибочныя заключенія суть необходимыя послѣдствія ошибочнаго положенія, что рабочая сила можетъ и должна быть предметомъ обложенія. Какъ скоро былъ допущенъ подобный принципъ, то коммиссія весьма естественно становилась въ заколдованный кругъ, изъ котораго она не могла выдти, что и доказываетъ чуть не каждый пунктъ проекта положенія. Исходя изъ того же самаго начала, на которомъ основана подушная подать, коммиссія не могла предложить ничего лучшаго взамѣнъ ея; отыскивая какой-то внѣшній признакъ рабочей силы помимо этой силы, она предлагаетъ способъ распредѣленія налога еще болѣе неравномѣрный и сохраняетъ прежнія неудобства круговой поруки, стѣсненія передвиженія и т. д., и даже не представляетъ никакихъ болѣе надежныхъ гарантій для казны въ вѣрности и своевременности поступленія дохода, такъ какъ налогъ остается на самомъ несостоятельномъ въ имущественномъ отношеніи классѣ народа. Коммиссія, повидимому, не приняла въ соображеніе, что принципъ, отмѣну котораго она считаетъ невозможнымъ, есть остатокъ крѣпостныхъ отношеній, изъ которыхъ Россія начинаетъ выходить со времени Положенія 19-го февраля, и совершенное уничтоженіе которыхъ не только желательно, но и необходимо, — что принципъ этотъ осужденъ окончательно финансовой наукой и оставленъ всѣми законодательствами Европы,—что въ настоящее время мѣриломъ участія въ государственныхъ тягостяхъ должны служить имущество и доходы, а не сословное положеніе человѣка, и что только мѣрою этого участія и можетъ опредѣляться политическое значеніе извѣстныхъ классовъ общества. Такимъ образомъ, коммиссія, считая невозможнымъ привлечь имущественные классы къ участію въ податяхъ, какъ будто отрицаетъ возможность политическаго значенія этихъ классовъ даже въ будущемъ.

Конечно, люди, для которыхъ не существуетъ науки, могутъ сдѣлать намъ возраженіе. Они могутъ сказать, что если доходъ долженъ быть облагаемъ налогомъ, то трудъ также приноситъ доходъ и поэтому долженъ нести налогъ, соразмѣрный доходу. Но на это мы скажемъ, что на эту точку зрѣнія можно становиться тогда только, когда

будетъ рѣчь объ обложеніи всѣхъ доходовъ вообще, а такъ какъ въ нашемъ отечествѣ и вопроса объ этомъ не было, то мы могли бы себя освободить отъ опроверженія подобныхъ доводовъ. Но мы этого не сдѣлаемъ, а замѣтимъ, что налогъ можетъ быть справедливымъ тогда только, когда онъ не падаетъ на первыя потребности человѣка. Въ этомъ согласны всѣ авторитеты экономической науки и на этомъ основаніи при подоходномъ налогѣ, доходы ниже извѣстной цифры, согласно мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ жизни, всегда остаются свободными отъ налога. Такимъ образомъ, доходъ нашего крестьянина, добывающаго тяжкимъ трудомъ только скудныя средства существованія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ доходить до цифры, которая могла бы подлежать налогу, еслибъ у насъ введенъ былъ подоходный налогъ.

Послѣ всего вышеозначеннаго намъ невольно приходитъ въ голову вопросъ: неужели дѣйствительно члены коммиссіи не имѣли въ виду всего высказаннаго нами? Мы этого допустить не можемъ. Повидимому, мы не сказали ничего новаго, ничего такого, что̀ могло быть неизвѣстно людямъ образованнымъ, и въ особенности лицамъ, составляющимъ коммиссію. Но какимъ же образомъ объяснить появленіе такого проекта, который нами разобранъ? Намъ хотѣлось бы думать, что здѣсь есть другія причины, другія соображенія, вовсе не экономическаго свойства. Это намъ хотѣлось бы думать изъ уваженія къ членамъ коммиссіи. Намъ кажется, что коммиссія не считала себя не въ правѣ поставить вопросъ на такую почву, на которой онъ долженъ стоять. Вопросъ о реформѣ въ податяхъ и налогахъ есть вопросъ, касающійся не только интересовъ всѣхъ сословій въ государствѣ, но даже всей будущности нашего отечества. Поэтому, намъ кажется, что онъ важнѣе даже крестьянской реформы. Это доказывается уже тѣмъ, что коммиссія занималась имъ въ теченіи многихъ лѣтъ;—но она не могла поставить вопросъ на настоящую дорогу: это значило взяться за дѣло общей государственной реформы и выдти изъ предѣловъ вѣдомства одного министерства. Съ другой стороны коммиссія не могла не имѣть въ виду примѣровъ исторіи: эти примѣры намъ говорятъ, что повсюду привлеченіе имущественныхъ классовъ къ податнымъ тягостямъ не оставалось фактомъ изолированнымъ. Оно всегда сопровождалось возвышеніемъ политическаго значенія общества. Такое явленіе происходило или вмѣстѣ съ привлеченіемъ имущественныхъ классовъ къ государственнымъ тягостямъ, или слѣдовало за нимъ непосредственно. Поэтому, намъ кажется, что коммиссія, имѣя въ виду подобное явленіе, не желала, или не могла желать перенести центръ тяжести нашего бюджета на другія точки опоры, чтобы тѣмъ самымъ не возбудить въ обществѣ тенденцій, осуществленіе которыхъ, быть можетъ, невозможно. Если это такъ, то тогда понятно стремленіе коммиссіи не

измѣнять личный составъ той среды, которая отбываетъ налогъ. Если же мы ошибаемся, и подобныхъ соображеній не было, то мы отказываемся объяснить себѣ тѣ основанія, которыя имѣла въ виду коммиссія.

Мы не говорили о трудахъ коммиссіи по пересмотру тарифа, на томъ основаніи, что по недавнему введенію его изъ числовыхъ данныхъ еще нельзя вывести никакихъ заключеній о его вліяніи на торговлю и промышленность, а также на доходность казны. Разсматривать же его съ точки зрѣнія той или другой теоріи не входитъ въ планъ настоящихъ нашихъ статей, имѣющихъ въ виду вопросы чисто практическаго свойства. Замѣтимъ только одно, что мы съ грустью увидѣли обложеніе пошлинами ввозъ машинъ. До сихъ поръ машинное производство у насъ не пользовалось покровительствомъ, стало быть никакой интересъ не страдалъ отъ свободнаго ввоза. Теперь могутъ образоваться интересы въ силу закона, которые уже потребуютъ покровительства, несмотря на весь вредъ имъ приносимый. Еще одна новая монополія, для уничтоженія которой потребуются въ будущемъ новыя жертвы. Пошлина на ввозъ машинъ, конечно, разовьетъ у насъ производство ихъ въ болѣе сильной степени, чѣмъ бы это было при свободномъ ввозѣ, но за то стѣснитъ всѣ другія производства, употребляющія машины; мы удержимъ въ Россіи тѣ капиталы, которые пошли бы на покупку заграничныхъ машинъ, но за то будемъ платить гораздо болѣе за продукты этихъ машинъ. Печальнѣе всего то, что подобные факты встрѣчаются въ то время, когда вся Европа заботится объ уничтоженіи монополій и даже послѣ того, какъ въ нашемъ законодательствѣ былъ признанъ ихъ вредъ, послѣ того, какъ даже казалось, что мы выступили въ этомъ отношеніи на путь постепенныхъ улучшеній.

Вотъ все, что мы имѣли сказать по поводу трудовъ коммиссіи, учрежденной при министерствѣ финансовъ, — трудовъ небогатыхъ содержаніемъ и не отличающихся послѣдовательностію. Но мы не винимъ въ этомъ коммиссію. Поставить свою задачу иначе она, какъ мы видѣли, не могла. Конечно, она могла бы избѣжать тѣхъ противорѣчій, которыя замѣчаются въ ея трудахъ, но въ этомъ случаѣ можно утѣшиться тою мыслію, что и на солнцѣ есть пятна, а человѣческіе труды всегда отзываются несовершенствомъ, въ особенности, когда они лишены свѣта гласности и общественной критики.

III.

Если при разсмотрѣніи трудовъ коммиссіи, учрежденной при министерствѣ финансовъ, мы не находимъ въ нихъ никакой послѣдовательности, то въ трудахъ коммиссіи, учрежденной при государственномъ контролѣ для составленія новыхъ правилъ о порядкѣ удовлетворенія

государственныхъ потребностей, счетоводствѣ отчетности и ревизіи, мы видимъ совершенно противуположное явленіе. Труды этой коммиссіи проникнуты одною общею руководящею идеей и имѣютъ въ виду одну постоянную цѣль: ввести болѣе правильную систему распоряженія государственными средствами и возможность наблюденія за ихъ употребленіемъ.

Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ трудахъ этой коммиссіи нѣтъ недостатковъ, чтобъ она выполнила окончательно свою задачу, что въ настоящее время намъ не остается ничего желать въ этомъ отношеніи; напротивъ, здѣсь остается много дѣла, но дѣла въ томъ же самомъ направленіи, какъ оно начато. Здѣсь не было колебаній, попытокъ идти въ ту, или другую сторону. Здѣсь старыя правила были признаны негодными и потому отвергнуты въ своихъ главныхъ основаніяхъ и создана новая система, болѣе сообразная съ потребностями государственной жизни. Здѣсь улучшенія и перемѣны значительны и возможны только въ подробностяхъ, основная же мысль, какъ вполнѣ раціональная, руководившая всѣми работами коммиссіи и проведенная въ нихъ, если не совсѣмъ, то достаточно послѣдовательно — останется на долго въ нашемъ законодательствѣ безъ ломки, даже и при дальнѣйшемъ развитіи нашей государственной жизни. Теперь, когда предположенія коммиссіи уже осуществились и перешли въ жизнь, практическій опытъ указалъ многіе пробѣлы, многія особыя стороны первоначальныхъ предположеній, въ особенности по отношенію къ порядку ревизіи, но тотъ же самый опытъ доказалъ раціональность системы, ея необходимость и полезность.

Конечно, намъ могутъ сказать, что задача этой коммиссіи была легче, что она относилась къ формальной сторонѣ дѣла, а не къ его сущности, что она не могла имѣть противъ себя интересовъ, освященныхъ закономъ, что хаосъ, противъ котораго слѣдовало принять мѣры, могъ быть защищаемъ такими интересами, которые не только не имѣютъ никакого законнаго основанія, но отличаются не совсѣмъ безукоризненными свойствами. Все это совершенно справедливо; но необходимо принять въ соображеніе, что извѣстные интересы, — хотя они и не имѣютъ за собой никакихъ юридическихъ основаній, кромѣ обычая и давности, — имѣютъ силу и значеніе нисколько не меньше тѣхъ, которые основываются на законѣ. Часто они охраняютъ свою устойчивость сильнѣе послѣднихъ и въ особенности въ нашемъ обществѣ, гдѣ чувство законности весьма мало развито. На этомъ основаніи мы думаемъ, что формальная сторона дѣла нисколько не уменьшаетъ заслугу коммиссіи. Мы думаемъ, что форма имѣетъ такое-же значеніе, какъ и сущность. Бѣда, если форма убиваетъ сущность, если за формой мы не видимъ ничего болѣе, — но безъ формы нѣтъ возможности составить понятія о сущности. Коммиссія, создавши формальную сторону

дѣла, дала намъ возможность судить о дѣйствительномъ положеніи нашихъ финансовъ и въ этомъ заключается ея дѣйствительная заслуга.

Въ нашей періодической печати было весьма мало сужденій по поводу трудовъ коммиссіи. Встрѣчено было съ сочувствіемъ опубликованіе государственной росписи; система единства кассы и новый порядокъ ревизіи вызвали нѣсколько краткихъ замѣчаній, появленіе отчетовъ государственнаго контроля также не оставалось безъ вниманія, но никогда не было сужденій о цѣлой системѣ. Поэтому въ нашемъ обществѣ господствуютъ чрезвычайно смутныя понятія о произведенныхъ реформахъ, такъ какъ большинство знакомится съ дѣломъ не изъ подлинныхъ положеній, а только изъ газетныхъ и журнальныхъ статей. Въ этихъ статьяхъ разсматривались только отдѣльныя явленія, безъ всякой взаимной связи; между тѣмъ, всѣ они суть только отдѣльныя звенья общаго порядка управленія нашими финансами.

На этомъ основаніи мы думаемъ познакомить читателей съ общимъ планомъ реформы: указать, что́ уже сдѣлано и получило законодательное утвержденіе, что́ введено и существуетъ въ видѣ опыта и что́ остается еще сдѣлать для завершенія реформы. Вмѣстѣ съ этимъ мы выставимъ какъ тѣ полезныя послѣдствія, которыя уже достигнуты, такъ и тѣ слабыя стороны реформы, которыя мѣшаютъ успѣшному ходу дѣла.

Реформа эта состоитъ изъ ряда положеній, введенныхъ не въ одно время, а съ строгой и систематической послѣдовательностью. Государственное управленіе, какъ и всякое другое дѣло, необходимо нуждается въ извѣстномъ планѣ дѣйствій. Этотъ планъ дѣйствій зависитъ преимущественно отъ тѣхъ средствъ, которыми государство можетъ располагать въ ближайшемъ будущемъ. Для правильной дѣятельности всѣхъ органовъ государственной власти необходимо правильное исчисленіе и распредѣленіе этихъ средствъ. Отсюда необходимость государственнаго бюджета, какъ перваго условія для правильнаго государственнаго хозяйства. Согласно этому, вниманіе коммиссіи было обращено на недостатки нашей бюджетной системы, и первые труды коммиссіи были посвящены проектированію *правилъ о составленіи, утвержденіи и исполненіи государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій.* Правила эти утверждены въ законодательномъ порядкѣ 22-го мая 1862-го года, хотя предварительныя работы, какъ увидимъ ниже, требовали большихъ изысканій. Затѣмъ, прямо возникалъ вопросъ о порядкѣ сбора государственнаго дохода и удовлетворенія необходимыхъ издержекъ. Вслѣдствіе этого были проектированы въ теченіи 1863-го года, въ главныхъ чертахъ, *правила о порядкѣ поступленія государственныхъ доходовъ и производствѣ государственныхъ расходовъ*, или такъ-называемыя *кас-*

совыя правила. Вмѣстѣ съ этими правилами проектированы также *правила счетоводства для распорядительныхъ управленій.* Два послѣднія положенія хотя были одобрены, но не утверждены законодательнымъ порядкомъ. Составители проекта предположенныхъ реформъ хотя были убѣждены въ правильности основныхъ положеній, но они вполнѣ понимали, во-первыхъ, что указаніе опыта могло потребовать нѣкоторыхъ измѣненій въ подробностяхъ и, во-вторыхъ, что введеніе новаго порядка на всемъ пространствѣ Россіи не могло быть произведено вдругъ, вслѣдствіе недостатка лицъ, достаточно знакомыхъ съ новыми пріемами, а это знакомство могло пріобрѣтаться только практикою. Въ виду этихъ соображеній новый порядокъ введенъ въ началѣ 1864-го въ Петербургѣ, затѣмъ въ 12-ти губерніяхъ съ начала 1865-го года, и только съ 1866-го года повсемѣстно. Вмѣстѣ съ новымъ порядкомъ поступленія и расходованія государственныхъ средствъ, а также счетоводства въ нихъ, вводился и новый порядокъ отчетности и ревизіи по слѣдамъ дѣйствій и на основаніи документовъ, оправдывающихъ каждую статью расхода и прилагаемыхъ къ ассигновкамъ. Имѣя въ виду, что существующія правила о взиманіи государственныхъ доходовъ и о производствѣ государственныхъ расходовъ разбросаны у насъ не только во всѣхъ 15-ти томахъ нашихъ законовъ, но также и въ отдѣльныхъ положеніяхъ, штатахъ, инструкціяхъ и циркулярахъ, и что при такомъ положеніи точное исполненіе новыхъ правилъ можетъ встрѣтить на практикѣ огромныя затрудненія, коммиссія отнеслась къ этому обстоятельству съ полнымъ сознаніемъ его важности. Поэтому она неограничилась вышеприведенными правилами и, по соглашенію съ другими вѣдомствами, составила не только общія. но и частныя правила, поступленія доходовъ и производства денежныхъ выдачъ, въ которыхъ были сгруппированы всѣ постановленія, относящіяся къ извѣстному доходу или расходу и исчислены документы, необходимые для ревизіи. Если бы не было издано подобныхъ руководствъ, если бы распорядительныя и ревизіонныя учрежденія были обязаны отыскивать существующія постановленія во всѣхъ приведенныхъ источникахъ, то выполненіе задачи возложенной на нихъ сдѣлалось бы не только затруднительнымъ, но почти невозможнымъ, и эта заботливость коммиссіи указываетъ на ея практичность. Она не оставила безъ вниманія обстоятельствъ совершенно второстепенныхъ, но могущихъ вредить успѣху дѣла.

Мы представили только краткій перечень главнѣйшихъ трудовъ коммиссіи, не упоминая о работахъ подготовительныхъ и второстепенныхъ, какъ, напр., проектированіе различныхъ формъ для государственной росписи, для счетоводства и отчетности всѣхъ вѣдомствъ, опредѣленіе всѣхъ капиталовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, изысканіе всѣхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, подраздѣленіе смѣтъ, номен-

клатура этихъ подраздѣленій и т. д. Если принять въ соображеніе, что, несмотря на эту мелкую и кропотную работу, всѣ означенные труды были окончены въ 1863-мъ году, то невольно удивляешься дѣятельности коммиссіи, въ особенности сравнивая ее съ дѣятельностію другихъ нашихъ коммиссій.

Прежде нежели перейдемъ къ отдѣльному разсмотрѣнію всѣхъ этихъ работъ, скажемъ нѣсколько словъ объ общей руководящей мысли, служащей имъ основаніемъ.

Раздѣленіе труда въ государственномъ управленіи также необходимо, какъ и во всякомъ дѣлѣ, и слѣдовательно необходимо сосредоточеніе всѣхъ средствъ государства въ вѣдѣніи отдѣльнаго вѣдомства для направленія ихъ на удовлетвореніе общихъ потребностей государственной жизни, въ размѣрахъ предварительно опредѣленныхъ. Между тѣмъ, въ нашихъ порядкахъ до изданія смѣтныхъ правилъ, каждое вѣдомство имѣло свои источники доходовъ и распоряжалось ими самостоятельно, безъ всякаго соображенія съ общими нуждами государства; назначенныя же въ его распоряженіе суммы могло употреблять по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь тѣми размѣрами, которые были опредѣлены бюджетомъ, такъ какъ въ законахъ по этому предмету не было никакихъ ограниченій. Поэтому, первая потребность минуты состояла въ необходимости объединенія бюджета и направленія кредитовъ на ихъ прямое назначеніе (спеціальность кредитовъ). Смѣтныя правила,—установляя, что всѣ доходы, кромѣ пожертвованныхъ съ спеціальной цѣлію, а также общественныхъ и сословныхъ, должны заноситься въ государственную роспись и поступать въ распоряженіе министерства финансовъ въ полной цифрѣ,—вводя систематическую классификацію статей смѣты, съ воспрещеніемъ употреблять назначенные кредиты, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ подраздѣленіяхъ не согласно дѣйствительнаго ихъ назначенія, удовлетворяли отчасти вышеприведенной первой потребности. Но этого было недостаточно. Для достиженія полнаго единства бюджета мало было объединить всѣ доходы государства въ одномъ вѣдомствѣ, необходимо было предоставить тому же вѣдомству и производство уплатъ по расходамъ всѣхъ вѣдомствъ. Такъ какъ министерство финансовъ обязано приготовить средства для покрытія всѣхъ потребностей, а цифры дѣйствительнаго прихода и расхода не всегда совпадаютъ съ предположенными по бюджету, то поэтому необходимо было предоставить ему свободу передвиженія фондовъ, и кромѣ того, возможность немедленно пользоваться сбереженіями, какъ свободными рессурсами для покрытія недостатковъ и непредвидѣнныхъ расходовъ. Въ этихъ видахъ создана была система единства кассы, при которой кассы министерства финансовъ сдѣлались общими приходорасходчиками всѣхъ казенныхъ управленій данной мѣстности и стали удовлетворять всѣ потребности

слѣднихъ по ихъ требованіямъ изъ кредитовъ, предварительно от-
ытыхъ на эти кассы. Такимъ образомъ, всѣ неупотребленныя суммы
таются въ полномъ распоряженіи министерства финансовъ. Впро-
мъ, для правильнаго хозяйства недостаточно опредѣлить извѣстный
рядовъ: необходимо получить полное убѣжденіе, что назначенныя
ммы поступаютъ въ той самой цифрѣ, какъ это должно быть, и рас-
дуются на опредѣленный предметъ вполнѣ согласно съ закономъ.
кое убѣжденіе получается вслѣдствіе повѣрки отчетности. Но эта
вѣрка до реформы производилась въ тѣхъ же самыхъ вѣдомствахъ,
торыя производили расходы или собирали доходы, такъ, что лица
вѣрявшія всегда зависѣли отъ главныхъ распорядителей и часто
ь второстепенныхъ, государственный же контроль получалъ только
вѣренныя уже цифры общихъ итоговъ дохода и расхода. Понятно,
) при такомъ порядкѣ не могло быть и рѣчи о дѣйствительной
вѣркѣ, которая обращалась въ повѣрку дѣйствій однихъ приходо-
ходчиковъ: правильность же и законность дѣйствій самихъ распо-
дительныхъ управленій вовсе не подвергалась критикѣ. Между
тъ, при новомъ порядкѣ разсмотрѣніе отчетности именно въ этомъ
ислѣ становилось необходимостію. Если опредѣлялся размѣръ и
ановлялась спеціальность кредитовъ, необходимо было и наблюде-
за исполненіемъ этихъ правилъ и притомъ своевременно и на мѣ-
хъ дѣйствій. Кромѣ того, чтобы это наблюденіе было дѣйствитель-
и не призрачно, необходимо, чтобы она была ввѣрена лицамъ не-
исимымъ не только отъ мѣстныхъ, но и отъ главныхъ распоряди-
ьныхъ управленій, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ цент-
ьнаго органа, для приданія всему ходу дѣла единства и однообразія.
ло быть, настоящія ревизіонныя учрежденія составляютъ необхо-
ое послѣдствіе того порядка, который установленъ смѣтными пра-
ами, т.-е. единства бюджета и спеціальности кредитовъ. Такимъ
азомъ, цѣль всѣхъ трудовъ коммиссіи, состоявшей при государст-
номъ контролѣ, была: сосредоточеніе всѣхъ государственныхъ
дствъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ, и наблюденія за пра-
ьнымъ ихъ поступленіемъ и употребленіемъ—въ вѣдѣніи государ-
нннаго контроля.

Насколько достигнута эта цѣль — мы увидимъ при дальнѣйшемъ
смотрѣніи тѣхъ положеній, которыхъ перечень мы представили
е.

IV.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ отдѣльныхъ статей въ
тныхъ правилахъ, мы разсмотримъ только тѣ соображенія, кото-
изложены коммиссіею въ объяснительной запискѣ къ этимъ пра-
мъ. Приступая къ изложенію принятыхъ коммиссіею основаній,

она нашла нужнымъ съ самаго начала опредѣлить условія раціональнаго бюджета. Мы приведемъ подлинныя слова записки: „Бюджетъ государственный достигаетъ своей цѣли—говоритъ коммиссія—только тогда, когда онъ представляетъ полную и вѣрную, за извѣстный періодъ времени, картину всѣхъ ожидаемыхъ доходовъ и всѣхъ предстоящихъ расходовъ, когда предположенія о нихъ излагаются систематически, доступны повѣркѣ и, бывъ утверждены надлежащею властью, получаютъ силу временного закона, воспрещающаго назначенныя на одинъ предметъ деньги употреблять на другой и въ общемъ правѣ сбора и расходованія суммъ идти далѣе того періода времени, на который смѣтное предположеніе составлено". Простота и неопровержимость этихъ правилъ, по мнѣнію коммиссіи, были причиной, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ приняты слѣдующія основанія бюджетной системы: единство государственнаго бюджета, систематическая классификація его статей, спеціальность кредитовъ и срочное заключеніе смѣтъ. „*Нашъ государственный бюджетъ* — говоритъ далѣе коммиссія — *не вполнѣ соотвѣтствуетъ вышеуказаннымъ началамъ*". Этими словами, какъ намъ кажется, коммиссія уменьшаетъ значеніе той реформы, для составленія проекта которой она была призвана. На основаніи этихъ словъ можно подумать, что въ нашихъ прежнихъ порядкахъ начала эти существовали и что были только допущены нѣкоторыя отъ нихъ отступленія; между тѣмъ, въ прежнее время, основанія нашей бюджетной системы были какъ разъ противуположныя. Единства бюджета не было и каждое вѣдомство имѣло свои отдѣльные источники дохода и капиталы; не только не было систематической, но и никакой обязательной классификаціи, а каждое министерство излагало свои требованія по усмотрѣнію; спеціальности кредитовъ также не было, потому что не существовало никакихъ ограниченій въ употребленіи разъ назначенныхъ средствъ, такъ что суммы могли употребляться совершенно по усмотрѣнію распорядителей; всѣ остатки обращались или въ награду служащимъ, или въ экономическій капиталъ, состоявшій въ вѣдѣніи отдѣльнаго вѣдомства, поэтому о срочномъ заключеніи смѣтъ не могло быть и рѣчи. Намъ кажется, что коммиссіи слѣдовало бы сказать, что въ нашемъ бюджетѣ не только нѣтъ всѣхъ этихъ необходимыхъ условій, но въ немъ господствуютъ начала совершенно противуположныя. Мы остановились на подобной неточности выраженій не безъ основанія и думаемъ, что на нее слѣдуетъ обратить вниманіе. Подобная неточность конечно не случайная, она есть слѣдствіе извѣстнаго настроенія, господствующаго въ нашихъ административныхъ сферахъ. У насъ пугаетъ не дѣйствительное положеніе, не тѣ печальныя обстоятельства, на которыя хотятъ указать, а тѣ слова, которыя для этого употребляются. Вслѣдствіе этого у насъ не только въ литературѣ, но даже въ орга-

нахъ правительственной власти, призванныхъ для спеціальнаго изслѣдованія недостатковъ той или другой части государственнаго управленія, выработался особый способъ выраженій, который избѣгаетъ называть вещи собственными именами. Такъ, напр., произволъ называется — усмотрѣніемъ; непониманіе дѣла — неопытностію; безпечность—недостаткомъ энергіи; злоупотребленія, прикрытыя съ формальной стороны—нехозяйственностію распоряженій; злоупотребленія безъ соблюденія формъ—упущеніями по службѣ и т. д. Мы не думаемъ, чтобы подобная изобрѣтательность со стороны людей, призванныхъ къ раскрытію истины, могла оставаться безвредною. Намъ кажется, что подобный неточный способъ выраженій, заставляющій читать между строками, часто скрываетъ дѣйствительное положеніе дѣлъ отъ лицъ, призванныхъ разсматривать въ порядкѣ административномъ или законодательномъ окончательные результаты изслѣдованія и незнакомыхъ съ предметомъ спеціально. Но этого мало; выражаясь постоянно подобнымъ образомъ, мы, кромѣ того, что вводимъ въ заблужденіе другихъ лицъ, сами привыкаемъ смотрѣть на дѣло легче, нежели бы слѣдовало и допускаемъ компромиссы по такимъ обстоятельствамъ, которыя противорѣчатъ нашимъ основнымъ положеніямъ. Чтобъ не ходить далеко за примѣромъ, обратимся къ труду коммиссіи, который мы разсматриваемъ и, забѣгая нѣсколько впередъ, укажемъ на то обстоятельство, что въ высочайшихъ указаніяхъ, данныхъ коммиссіи, предполагалось непосредственное подчиненіе министерству финансовъ взиманіе всѣхъ вообще доходовъ, если это признано будетъ возможнымъ. Разсматривая этотъ вопросъ, коммиссія находитъ невозможнымъ передать это взиманіе по вѣдомствамъ государственныхъ имуществъ, государственнаго коннозаводства, путей сообщенія и управленія почтъ. Этимъ допускается исключеніе изъ основного правила единства кассы, и на какихъ же основаніяхъ? Потому, говоритъ коммиссія, что устраненіе нѣкоторыхъ управленій отъ непосредственнаго взиманія доходовъ ихъ вѣдомствъ не можетъ совершиться безъ значительныхъ измѣненій не только въ личномъ составѣ, но и въ существѣ ихъ обязанностей и даже потребуетъ радикальнаго преобразованія круга дѣйствій цѣлыхъ управленій. Если это отчасти вѣрно по отношенію къ почтовому управленію, то того же самаго никакъ нельзя сказать про остальныя. По отношенію къ послѣднимъ, при переводѣ на общепонятный языкъ, слова коммиссіи выражаютъ слѣдующую мысль: „съ передачей взимаемыхъ этими вѣдомствами доходовъ въ вѣдѣніе министерства финансовъ существованіе ихъ окажется вовсе не нужнымъ, вслѣдствіе чего потребуется или совершенное упраздненіе ихъ или замѣна какимъ-нибудь техническимъ комитетомъ. Коммиссія отчасти намекаетъ на эту мысль, говоря о значительныхъ измѣненіяхъ въ личномъ составѣ, но выразить ее ясно она не хотѣла и не могла.

Мы никакъ не можемъ осуждать за это коммиссію, такъ какъ это явленіе общее, присущее всѣмъ административнымъ сферамъ; но мы говоримъ объ этомъ для того, чтобъ показать, въ какихъ обстоятельствахъ находятся лица, призванныя указывать намъ наши общественныя язвы, говоримъ для того, чтобъ показать, къ какимъ результатамъ приводитъ неточность выраженій и дипломатическій языкъ при обсужденіи вопроса государственнаго управленія.

Мы просимъ читателя извинить насъ за это невольное отступленіе отъ нашего предмета, но мы не могли не высказать этихъ мыслей, тѣмъ болѣе, что въ продолженіе нашей бесѣды съ читателемъ намъ и самимъ приходилось прибѣгать къ этой неточности выраженій. Но возвратимся къ дѣлу.

Итакъ, мы сказали, что бюджетъ нашъ нисколько не соотвѣтствовалъ тѣмъ началамъ, которыя были признаны коммиссіей необходимыми условіями, чтобы бюджетъ соотвѣтствовалъ цѣли, для которой онъ составляется. Поэтому задача коммиссіи была весьма затруднительна: необходимо было не только проектировать правила и формы составленія государственной росписи, но опредѣлить самый составъ этой росписи, предложить извѣстную классификацію главныхъ и второстепенныхъ статей съ необходимыми очистками для оправданія какъ самаго расхода, такъ и цифры его, опредѣлить порядокъ разсмотрѣнія, утвержденія, исполненія и заключенія смѣтъ, назначеніе остатковъ и порядокъ удовлетворенія расходовъ непредвидѣнныхъ или сверхсмѣтныхъ. Если мы вспомнимъ тѣ порядки, которые существовали прежде, если примемъ въ соображеніе ту свободу распоряженія казенными суммами, которая существовала въ то время, и тѣ ограниченія, которыя должны были явиться слѣдствіемъ вновь установляемыхъ началъ, то невольно удивляешься, что труды коммиссіи не остановились на полдорогѣ. Переходя затѣмъ къ громадности подготовительнаго труда къ этимъ работамъ, мы не можемъ не относиться къ дѣятельности коммиссіи съ большимъ сочувствіемъ. Достаточно указать, что она открыла 293 капитала, состоявшіе въ вѣдѣніи отдѣльныхъ вѣдомствъ, образовавшіеся изъ источниковъ, принадлежащихъ государственному казначейству, и 190 такихъ, которые принадлежали къ суммамъ пожертвованнымъ, сословнымъ или общественнымъ. Первые поступили въ вѣдѣніе государственнаго казначейства, и источники, изъ которыхъ они образовались, вносятся, съ того времени, въ государственную роспись доходовъ. Послѣдніе же оставлены въ вѣдѣніи вѣдомствъ, какъ имѣющіе спеціальное назначеніе, или какъ принадлежащіе сословіямъ и обществамъ.

При этомъ разборѣ капиталовъ и доходовъ, начало единства бюджета, положенное коммиссіей необходимымъ условіемъ цѣлесообразности бюджета проведено не вполнѣ, такъ какъ нѣкоторые капиталы оставлены

въ вѣдѣніи управленій, несмотря на ихъ очевидную принадлежность казнѣ. Что наше заключеніе вѣрно, то доказательствомъ этому могутъ служить послѣдующія распоряженія о причисленіи нѣкоторыхъ капиталовъ и доходовъ къ государственнымъ. Такъ, напр., общественный съ государственныхъ крестьянъ сборъ и сборъ съ ярмарочнаго нижегородскаго гостиннаго двора, оба эти сбора сначала были оставлены въ распоряженіи отдѣльныхъ вѣдомствъ и нынѣ вносятся въ государственную роспись доходовъ. Но кромѣ этихъ сборовъ въ вѣдѣніи отдѣльныхъ вѣдомствъ остаются еще нѣкоторые, составляющіе чисто государственный доходъ. Сюда относятся: напр., государственный земскій сборъ, на который мы уже прежде указывали; семь различныхъ сборовъ, предоставленныхъ завѣдыванію судоходныхъ расправъ и собираемыхъ на нѣкоторыхъ рѣкахъ и пристаняхъ, тогда какъ всѣ остальные сборы съ водяныхъ сообщеній причислены къ общимъ доходамъ; доходы губернскихъ и другихъ типографій, не получающихъ содержанія отъ казны; поденная плата арестантамъ въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, идущая на пополненіе государственнаго земскаго сбора, изъ котораго роты содержатся и т. д. Относительно типографій, устроенныхъ управленіями, слѣдуетъ замѣтить, что хотя таковыя и не получаютъ содержанія отъ казны, но, такъ какъ первоначальное ихъ устройство и обзаведеніе было необходимо сдѣлано на счетъ экономическихъ остатковъ, т.-е. казенныхъ суммъ, и кромѣ того, лица, завѣдующія ими и сборомъ доходовъ состоятъ на службѣ въ управленіи и получаютъ содержаніе изъ казны,—то намъ кажется, что нѣтъ никакихъ основаній доходы этихъ типографій не причислять къ казеннымъ суммамъ, тѣмъ болѣе, что губернскія типографіи пользуются платой за губернскія вѣдомости, подписка на которыя и печатаніе въ нихъ объявленій для извѣстныхъ управленій обязательна. Мы бы могли указать еще на другіе капиталы и доходы, но для примѣра и этого достаточно.

Вслѣдствіе принятаго общаго основанія о включеніи въ роспись всѣхъ доходовъ, поступающихъ по различнымъ вѣдомствамъ, коммиссія пришла къ заключенію, что смѣта доходовъ должна быть распологаема по министерствамъ, такъ какъ въ каждомъ есть извѣстные виды доходовъ. Поэтому она проектировала формы такихъ смѣтъ. Несмотря на вѣрность основной мысли, намъ кажется, что эти частныя смѣты министерствъ слѣдовало принять только матеріаломъ для составленія общей смѣты доходовъ по министерству финансовъ, въ которой могли быть слиты всѣ однородныя статьи доходовъ. Въ этой смѣтѣ, въ графѣ основаній назначеній, для бо́льшей ясности, могли быть приведены отдѣльныя цифры каждаго министерства и общая сумма поступленій за послѣдніе годы. Такой порядокъ, сокративъ по объему смѣту доходовъ настоящаго времени, значительно бы облег-

чилъ разсмотрѣніе ея въ государственномъ совѣтѣ. При этомъ трудъ министерства финансовъ увеличился бы, вслѣдствіе необходимости составленія одной общей смѣты изъ смѣтъ всѣхъ другихъ министерствъ; но, принимая во вниманіе, что при такой переработкѣ число статей нашей доходной смѣты должно сократиться почти наполовину, нельзя не согласиться, что трудъ по веденію бухгалтерскихъ счетовъ въ казначействахъ, казенныхъ палатахъ и департаментѣ государственнаго казначейства убавился бы значительно, такъ что штаты этихъ мѣстъ могли бы сократиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ достигалась бы меньшая сложность и бóльшая ясность государственнаго бюджета, а за ними и бóльшая точность въ распредѣленіи дохода по статьямъ смѣты.

Изъ общаго начала, что смѣты должны представлять всѣ безъ исключенія средства и потребности государства, прямо вытекала необходимость гарантировать министерство финансовъ, какъ въ дѣйствительномъ поступленіи въ его распоряженіе всѣхъ доходовъ, такъ и въ томъ, что расходы не будутъ производиться внѣ смѣтныхъ назначеній.

Отсюда вытекаютъ три существенныя правила новой системы: а) что всѣ внутренніе сборы по управленіямъ, относящіеся къ государственнымъ доходамъ, не могутъ быть употребляемы на потребности тѣхъ управленій, а подлежатъ немедленной передачѣ въ кассы министерства финансовъ въ полной цифрѣ ихъ поступленія; б) что никакой расходъ, въ смѣтѣ не показанный, не можетъ имѣть мѣста; и в) что непредвидѣнные расходы могутъ быть допущены только въ томъ случаѣ, когда они разрѣшены тѣмъ же законодательнымъ порядкомъ, какимъ утверждены смѣты, и если притомъ они не могутъ быть отложены до будущей смѣты. Что касается перваго правила, то оно вполнѣ проведено въ послѣдующихъ постановленіяхъ и строго соблюдается на практикѣ; но этого нельзя сказать о двухъ послѣднихъ. Строгому соблюденію этихъ правилъ мѣшаетъ эластичность номенклатуры смѣтъ и понятія о неотложности расходовъ. Такіе расходы, какъ, напр., хозяйственные, мелочные и разнаго рода — могутъ служить такими рамками, въ которыя укладывается все, что угодно. Что же касается неотложности расходовъ, то законъ нигдѣ не опредѣляетъ этого понятія, и распорядитель кредита всегда можетъ найти причины дополнительныхъ и неотложныхъ ассигнованій. Намъ кажется, что существенный недостатокъ смѣтныхъ правилъ состоитъ въ томъ, что онѣ не опредѣляютъ, какіе кредиты не могутъ вызывать сверхсмѣтныхъ ассигнованій, или лучше сказать, по какимъ расходамъ и въ какихъ случаяхъ дозволяется представлять объ ассигнованіи или новыхъ, или дополнительныхъ ассигнованій, такъ какъ только по немногимъ статьямъ смѣтъ могутъ встрѣтиться случайныя и непредвидѣнныя потребности, и то въ извѣстныхъ только случаяхъ. Эта слабая сторона

нашей смѣтной системы уже достаточно себя выказала. Изъ отчетовъ государственнаго контроля, представленныхъ государственному совѣту, видно, что сверхсмѣтные кредиты за послѣдніе четыре года доходили:

въ	1866	году до	49	милл.	руб.
„	1867	„	42	„	„
„	1868	„	30	„	„
„	1869	„	37	„	„

Это постоянное явленіе, доходящее до такихъ значительныхъ размѣровъ, обращаетъ на себя особое вниманіе государственнаго контролера и заставляетъ его входить, въ объяснительной запискѣ, приложенной къ отчету за 1869-й годъ, въ особыя соображенія о причинахъ подобнаго явленія. Мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе нашихъ читателей на этотъ любопытный документъ, чтобы тѣмъ самымъ подтвердить сказанное нами выше.

Послѣ указанія на приведенное нами выше правило объ открытіи сверхсмѣтныхъ кредитовъ на покрытіе непредвидѣнныхъ расходовъ, въ объяснительной запискѣ сказано:

„При такихъ условіяхъ, значительность сверхсмѣтныхъ ассигнованій можетъ быть объясняема только тремя причинами: или неполнотою ежегодныхъ финансовыхъ смѣтъ, вызывающею необходимость дополнительныхъ предвидимыхъ назначеній, или возникающими, въ теченіи года, совершенно исключительными обстоятельствами, которыя, при составленіи смѣтъ, не могли быть предвидѣны, или, наконецъ, излишними, со стороны управленій, требованіями, которыя могли быть частію отложены до слѣдующаго смѣтнаго періода, а частію и вовсе устранены“.

Первая изъ этихъ причинъ въ объяснительной запискѣ положительно отвергается на томъ основаніи, что при разсмотрѣніи прежнихъ лѣтъ всѣ подобные расходы управленій были заносимы въ государственную роспись и этимъ отчасти объясняется самое возрастаніе въ послѣдніе годы общей цифры государственныхъ расходовъ. „Идти далѣе въ этомъ отношеніи — говоритъ записка, — повело бы только къ внесенію въ роспись расходовъ сомнительнаго или условнаго характера, что, напрасно увеличивая цифру росписи, не только было бы несогласно съ началами раціональной бюджетной системы, но и вызывало бы управленія на излишніе и ненужные расходы“ (стр. 58).

Такимъ образомъ, государственный контроль допускаетъ возможность только двухъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ являются сверхсмѣтные кредиты: исключительныя и непредвидѣнныя обстоятельства и излишнія требованія.

Затѣмъ, распредѣливъ расходы по вѣдомствамъ, государственный контролеръ приходитъ къ заключенію, что большая часть сверхсмѣт-

ныхъ кредитовъ обусловливается исключительными обстоятельствами (стр. 67); а такъ какъ нѣкоторая часть кредитовъ осталась вовсе неизрасходованною, то слѣдовательно были кредиты и вовсе ненужные.

Мы позволимъ себѣ пожалѣть, что въ запискѣ не указано, въ чемъ состояли эти исключительныя обстоятельства, потому что намъ хотѣлось уяснить себѣ этотъ вопросъ, и мы не могли этого достигнуть, даже всматриваясь въ приведенныя цифры по предметамъ расходовъ. Такъ, напримѣръ: разница въ курсѣ, на уплату которой назначено 3.700,000, существуетъ уже давно и могла быть опредѣлена заранѣе, измѣненіе же ея въ теченіи года не могло быть такъ значительно; выкупъ билетовъ 3-го 5% займа не можетъ также считаться неотложнымъ расходомъ; перевооруженіе арміи, которое производилось въ 1869-мъ году, могло быть вызвано событіями 1866-го года и, слѣдовательно, могло быть или внесено въ смѣту 1869-го года или отложено до 1870-го года, тѣмъ болѣе, что 2 милл. изъ этой суммы не были вовсе израсходованы. Награды чиновникамъ также не могутъ считаться расходами неотложными и т. д. Мы нарочно остановились на этомъ обстоятельствѣ и привели любопытное мѣсто изъ отчета государственнаго контроля, чтобъ подтвердить наше мнѣніе о слабой сторонѣ нашей бюджетной системы. Если въ 1869-мъ году, повидимому, принадлежащемъ къ годамъ совершенно нормальнымъ и не отличающимся никакими особыми обстоятельствами, явилась необходимость открыть сверхсмѣтныхъ кредитовъ на 37 милліоновъ рублей, то что́ же можетъ быть въ годы исключительные? Вотъ почему мы думаемъ, что въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ сверхсмѣтное ассигнованіе, законъ не долженъ ограничиваться такими эластическими выраженіями, какъ неотложность и непредвидѣнность расходовъ. Онъ долженъ прямо опредѣлять, при какихъ обстоятельствахъ и для какого рода расходовъ можетъ быть испрашиваемъ дополнительный или экстраординарный кредитъ. Впрочемъ, какъ бы ни былъ точенъ и опредѣлителенъ законъ, для уменьшенія цифры сверхсмѣтныхъ кредитовъ необходимо убѣдиться разъ навсегда, что здѣсь недостаточно имѣть въ виду средства для удовлетворенія такого-то расхода въ данную минуту, а напротивъ, необходимо беречь эти средства въ нормальные годы, чтобъ быть готовыми ко всякимъ случайностямъ въ годы кризисовъ. Къ сожалѣнію, въ нашей финансовой политикѣ мы не замѣчаемъ подобной заботливости, и несмотря на то, что доходы государства значительно возрастаютъ, расходы растутъ еще въ бо́льшей степени. Если награды служащихъ лицъ будутъ считаться въ числѣ расходовъ настоятельныхъ и неотложныхъ, по которымъ могутъ быть назначаемы даже сверхсмѣтные кредиты, то трудно ожидать, чтобъ нашъ бюджетъ выражалъ полную картину потребностей государства,—какъ выразилась коммиссія, говоря объ условіяхъ, при которыхъ бюджетъ достигаетъ своей цѣли.

V.

Обращаясь затѣмъ къ формѣ государственной росписи, мы обратимъ сначала вниманіе на правила объ отдѣленіи расходовъ постоянныхъ и временныхъ, а также расходовъ общаго государственнаго управленія и расходовъ взиманія. Намъ кажется, что правила, установленныя для этой цѣли въ 10-мъ и 11-мъ пунктахъ приложенія къ 16-й ст. смѣтныхъ правилъ, какъ показалъ опытъ, не достигаютъ своей цѣли: отчасти вслѣдствіе своей неопредѣленности, отчасти же вслѣдствіе неправильнаго ихъ примѣненія со стороны управленій. Чтобы не входить въ дальнѣйшія разсужденія, мы приведемъ примѣръ изъ росписи 1870-го года: въ смѣтѣ министерства государственныхъ имуществъ, изъ числа назначенныхъ 8.800,000 руб., 5.100,000 руб. показаны въ числѣ постоянныхъ расходовъ, а 3.700,000 въ числѣ временныхъ. Какое же понятіе можетъ давать цифра постоянныхъ расходовъ, если, кромѣ этой цифры, необходимо еще 75 процентовъ на расходы временные? Подобная вещь была бы понятна по военному министерству, и то не въ такихъ размѣрахъ и притомъ въ такое время, когда армія ставится на военное положеніе; но по министерству государственныхъ имуществъ такое распредѣленіе расходовъ указываетъ прямо на неправильность основаній, принятыхъ при этомъ распредѣленіи. Точно тоже можно сказать и о распредѣленіи расходовъ на издержки общаго управленія и издержки взиманія доходовъ, такъ что цифры чистаго дохода не даютъ никакого вѣрнаго понятія. Для доказательства мы приведемъ также въ примѣръ смѣту министерства государственныхъ имуществъ за тотъ же годъ: издержки взиманія доходовъ въ ней показаны въ количествѣ 3.800,000 руб., тогда какъ весь расходъ въ 8.800,000 руб. Намъ же кажется, что изъ числа этихъ расходовъ только расходы на поощреніе промышленности и на содержаніе учебныхъ заведеній не слѣдуетъ относить къ издержкамъ взиманія, всѣ же остальные только потому и производятся, что считаются нужными для извлеченія дохода изъ имуществъ, принадлежащихъ государству. Такимъ образомъ, если исключить изъ общей суммы расхода издержки по 2-му и 3-му §§ смѣты департамента земледѣлія и сельской промышленности, не достигающія въ общей сложности и 700,000 рублей, то издержки взиманія опредѣлятся въ 8.100,000 руб., за исключеніемъ которыхъ изъ общей суммы дохода, показаннаго по смѣтѣ въ 11.400,000, чистый доходъ будетъ 3.300,000, а не 7.600,000, какъ показано въ смѣтѣ.

Что касается классификаціи и номенклатуры статей смѣты, то по отношенію къ доходамъ онѣ не имѣютъ большого значенія и опредѣляются различными родами и видами государственнаго дохода. Совсѣмъ другое значеніе получаетъ и классификація и номенклатура въ

смѣтѣ расходовъ. Государство, при распредѣленіи своихъ средствъ, не можетъ не обращать вниманія на предметы расходовъ и на цифру, назначаемую для каждаго изъ нихъ, такъ какъ количествомъ средствъ опредѣляется возможность болѣе или менѣе успѣшнаго достиженія извѣстныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, распредѣленіе государственныхъ средствъ между различными статьями расхода и взаимное отношеніе послѣднихъ прямо указываетъ на то или другое направленіе государственной дѣятельности. Вотъ почему во всѣхъ законодательныхъ собраніяхъ европейскихъ государствъ при обсужденіи бюджета разсматривается и обсуждается какъ внутренняя, такъ и внѣшняя политика правительствъ. Влѣдствіе такого отношенія государственныхъ цѣлей къ распредѣленію средствъ, вытекаетъ прямая и необходимая потребность, чтобъ рѣшеніе этого вопроса не зависѣло отъ случайнаго воззрѣнія того или другого распорядительнаго управленія, а было бы обусловлено общимъ направленіемъ государственной дѣятельности и чтобъ разъ ассигнованныя средства были употребляемы дѣйствительно на предметъ ихъ назначенія. На этомъ основаніи коммиссія въ самомъ началѣ записки помѣстила въ числѣ необходимыхъ условій цѣлесообразности бюджета — спеціальность кредитовъ. Но если таковы интересы общаго государственнаго управленія, то рядомъ съ ними существуютъ частные интересы отдѣльныхъ управленій, — интересы исполненія, заслуживающіе также вниманія и требующіе ограниченія строгой, заранѣе начертанной регламентаціи и извѣстной свободы дѣйствій. Поэтому съ точностію очертить предѣлы тѣхъ и другихъ требованій представляется задачей чрезвычайно трудной и мы вполнѣ понимаемъ, какія препятствія могла встрѣтить коммиссія при классификаціи статей расхода по смѣтамъ различныхъ вѣдомствъ. Если принять въ соображеніе положеніе коммиссіи, обязанной дѣйствовать по соглашенію съ тѣми вѣдомствами, права которыхъ, до сего времени безграничные, она была призвана очертить строгими предѣлами, то становится понятнымъ, почему работы ея по классификаціи смѣтъ представляются, какъ увидимъ ниже, не вполнѣ удовлетворительными.

Въ силу высочайше утвержденныхъ коренныхъ началъ для преобразованія смѣтной системы, отдѣльныя статьи смѣты должны дѣлиться на главныя и второстепенныя, и при этомъ кредиты, назначаемые по главнымъ статьямъ или параграфамъ, должны оставаться неизмѣнными въ теченіи всего смѣтнаго періода; второстепенныя же статьи служатъ для распредѣленія на отдѣльные предметы кредитовъ, опредѣленныхъ по главному подраздѣленію или параграфу, въ предѣлахъ котораго должно быть допущено передвиженіе кредитовъ или пополненіе недостатковъ по однимъ статьямъ — сбереженіями по другимъ. Трудъ коммиссіи, при классификаціи смѣтныхъ назначеній, состоялъ въ томъ, чтобъ опредѣлить: какіе расходы подлежатъ къ ис-

полненію по каждому вѣдомству, какіе изъ нихъ могутъ быть отнесены къ одному виду подъ однимъ общимъ названіемъ, присвоеннымъ второстепенному подраздѣленію, и, наконецъ, какія изъ этихъ второстепенныхъ подраздѣленій могутъ быть отнесены къ одному главному? Въ установленіи этихъ постоянныхъ рубрикъ и состояло рѣшеніе важнаго вопроса о соглашеніи спеціальности кредитовъ, чтó требовалось интересами общаго государственнаго управленія, съ извѣстной свободой хозяйственныхъ распоряженій въ интересахъ каждаго отдѣльнаго управленія. При сличеніи этихъ рубрикъ по смѣтамъ различныхъ управленій, мы видимъ, что составители классификаціи руководствовались неодинаковыми правилами. Такъ, напр., по министерству финансовъ или государственныхъ имуществъ для каждаго департамента составляется отдѣльная смѣта, раздѣленная на нѣсколько главныхъ подраздѣленій, кредиты по которымъ министерство не имѣетъ права измѣнять. По другимъ же вѣдомствамъ, какъ, напр., по министерству внутреннихъ дѣлъ или путей сообщенія, расходы на содержаніе различныхъ департаментовъ не только соединены въ одну общую смѣту, но даже въ одинъ параграфъ, т.-е. въ одну главную статью, и министерство можетъ увеличивать расходы по одному департаменту на счетъ остатковъ другого. Коммиссія, въ объяснительной запискѣ, говоритъ, что отнесеніе смѣтныхъ назначеній къ главнымъ подраздѣленіямъ должно обусловливаться разнородностію расходовъ, но и это правило также не проведено послѣдовательно. Такъ, напр., награды и пособія соединены во всѣхъ смѣтахъ не только въ главныхъ, но даже во второстепенныхъ статьяхъ, а между тѣмъ расходы эти, уже по самому своему существу и даже названію, представляются совершенно разнородными. Первые отнюдь не могутъ считаться необходимыми, хотя могутъ быть весьма часто полезными, вторые, бóльшею частію, бываютъ не только необходимыми, но и неотложными. Затѣмъ далѣе, чтó можетъ быть общаго въ расходахъ, исчисленныхъ въ одномъ главномъ подраздѣленіи § 4-го смѣты министерства путей сообщенія, напримѣръ: изданіе журнала, разъѣзды, пособіе нуждающимся чинамъ и ихъ семействамъ, годовыя награды чиновникамъ, обученіе фельдшерскихъ учениковъ, пособіе на воспитаніе дѣтей, вычеты въ эмеритальную кассу съ генераловъ и штабъ-офицеровъ, и разные; или также по § 5-му смѣты министерства народнаго просвѣщенія, какъ-то: содержаніе личнаго состава университетовъ, учащихъ и управленій, учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы, стипендіи и пособія студентамъ, награды и пособія. Развѣ для общаго государственнаго управленія все равно, выданы ли деньги въ видѣ стипендіи бѣдному юношѣ, желающему учиться и неимѣющему куска хлѣба, или онѣ употреблены на какія-нибудь хозяйственные расходы, а между тѣмъ, къ сожалѣнію, мы встрѣчаемъ подобныя распоря-

женія. Такъ, изъ отчетовъ государственнаго контроля видно, что изъ числа назначенныхъ по смѣтѣ на стипендіи въ 1868-мъ году переведено въ другія подраздѣленія смѣты 4,300 р., да осталось неизрасходованныхъ болѣе 5,200 руб., а въ 1869-мъ году, переведено въ другія подраздѣленія 1,800 руб., и осталось неизрасходованныхъ слишкомъ 5,700 руб. — Въ виду подобныхъ фактовъ невольно приходитъ въ голову вопросъ: неужели мало у насъ бѣдности между университетской молодежью, чтобъ не найти возможнымъ употребить сумму, которую правительство находитъ необходимымъ ассигновать на такое святое дѣло? Но, если становишься въ тупикъ при встрѣчѣ съ такимъ вопросомъ, то что же надо сказать, когда видишь, что не только эти деньги остаются неизрасходованными, но кромѣ того, часть ихъ отнимается у нищихъ тружениковъ для употребленія на какіе-то хозяйственные расходы, по которымъ смѣтное назначеніе въ обоихъ годахъ увеличено на счетъ другихъ статей. Послѣ этого нельзя не замѣтить, что при классификаціи статей, интересы общаго государственнаго управленія принесены въ жертву слишкомъ широкой свободѣ дѣйствій распорядительныхъ управленій, въ особенности, если принять во вниманіе эластичность выраженій, въ родѣ: „хозяйственные, мелочные и разные расходы“. Мы бы могли привести много подобныхъ примѣровъ, разсматривая отчетъ государственнаго контроля, но считаемъ и этого достаточнымъ.

Мы обращаемъ вниманіе на подробности смѣтныхъ формъ потому, что наше законодательство по этой части еще не успѣло выдти на путь точности и опредѣленности, необходимость которыхъ очевидна, въ особенности при томъ положеніи, въ которомъ находятся у насъ распорядительныя управленія. Еще такъ недавно распоряженіе денежными средствами было предоставлено полному и неограниченному ихъ усмотрѣнію, а потому прежній обычай можетъ быть устраненъ только строгимъ опредѣленіемъ тѣхъ границъ, до которыхъ можетъ доходить свобода дѣйствій отдѣльныхъ управленій, что̀ въ свою очередь достигается не иначе, какъ точнымъ и опредѣленнымъ разграниченіемъ главныхъ подраздѣленій смѣтъ. Въ противномъ случаѣ, если номенклатура и классификація статей будетъ допускать широкое толкованіе, то старый обычай распоряжаться по усмотрѣнію можетъ найти себѣ мѣсто въ значительныхъ размѣрахъ, и государственный контроль, даже замѣтивши не совсѣмъ правильное употребленіе кредитовъ, не найдетъ твердыхъ основаній для возраженій. Да и что значитъ возраженіе тогда, когда дѣло уже сдѣлано, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда расходъ значителенъ, а замѣчаніе состоитъ въ неправильномъ распредѣленіи средствъ на предметы разрѣшенныхъ расходовъ? При этомъ мы считаемъ не лишнимъ указать, что при нынѣшнемъ порядкѣ вещей могутъ производиться расходы

даже вовсе непредвидѣнные смѣтой и слѣдовательно вовсе не разрѣшенные. Стóитъ лишь на подобной ассигновкѣ выставить номенклатуру и № того § и ст., изъ которой управленіе желаетъ произвести расходъ. Касса не имѣетъ права входить въ разсмотрѣніе вопроса, согласно ли съ назначеніемъ употребляются суммы и потому должна отпустить деньги. Положимъ, контроль и замѣтитъ неправильность, но дѣло уже сдѣлано, и при этомъ можетъ быть такой случай, что цифра расхода по самой величинѣ своей не можетъ быть возмѣщена изъ частнаго имущества. Но даже при отсутствіи этого послѣдняго условія, контроль рѣдко въ состояніи возмѣстить убытокъ казны. Для этого требуется согласіе распорядительнаго управленія. Но если его нѣтъ, тогда дѣло, послѣ длинной процедуры, которую управленіе можетъ продолжать почти безконечно, входитъ на разрѣшеніе правительствующаго сената. Такимъ образомъ, оно можетъ окончиться тогда, когда уже и виновныхъ не будетъ существовать.

Этими строками мы заходимъ нѣсколько впередъ, такъ какъ онѣ касаются значенія контроля въ нашей административной системѣ; но намъ казалось это необходимымъ для того, чтобъ указать наглядно, какую важность для государственныхъ финансовъ имѣютъ точная номенклатура и строго опредѣленная классификація статей смѣты. Съ этой цѣлью мы, не боясь утомить вниманіе читателя, представимъ еще одинъ примѣръ, — примѣръ несбыточный и небывалый, но все-таки не невозможный при данномъ порядкѣ вещей. Представимъ себѣ, что изъ суммъ назначенныхъ на уплату гарантированныхъ правительствомъ бумагъ, министерство предположитъ въ началѣ года купить облигаціи какого-нибудь общества желѣзныхъ дорогъ, въ надеждѣ къ концу года, когда наступитъ срокъ платежей, распродать ихъ, но не успѣетъ въ этомъ и не будетъ имѣть средствъ для расхода опредѣленнаго смѣтой, а между тѣмъ общество, котораго облигаціи пріобрѣтены, сдѣлалось несостоятельнымъ и дороги не выстроило. Примѣръ этотъ хотя небывалый, но не невозможный. При этомъ, кромѣ положительнаго убытка казны, можетъ быть задержка въ исполненіи обязательствъ, чтó подрываетъ государственный кредитъ, а это важнѣе всякаго убытка. При хорошо устроенномъ порядкѣ расходованія государственныхъ средствъ самое предположеніе о возможности подобныхъ случаевъ должно быть немыслимо. Единственной гарантіей въ этомъ случаѣ должно быть право кассы, въ случаѣ явной несоотвѣтственности расхода съ назначеніемъ кредита, отказывать въ платежѣ. Но это право кассы можетъ существовать только тогда, когда смѣтное назначеніе будетъ изложено въ ясныхъ и точныхъ словахъ, недопускающихъ никакихъ толкованій.

Если эта точность и строгая опредѣленность смѣтныхъ назначеній необходима во избѣжаніе случайностей, которыя могутъ и не быть,

то она еще болѣе необходима въ смыслѣ ревизіонномъ. Лица, производящія расходы и повѣряющія отчетность, разбросаны по всему пространству Россіи, часто обременены громаднымъ трудомъ, а потому становится вопросомъ особенной важности, оградить ихъ, повозможности, отъ тѣхъ недоразумѣній и напрасныхъ пререканій, которыя всегда неизбѣжны при отсутствіи точности и опредѣленности дѣйствующихъ правилъ. Силы и средства тратятся иногда въ безплодной перепискѣ, тогда какъ, при большей точности, она была бы немыслима, или потому, что самый расходъ не имѣлъ бы мѣста, или потому, что противъ сдѣланныхъ замѣчаній не могло бы послѣдовать возраженій; истина же, что лучше предупреждать неправильныя дѣйствія, чѣмъ ихъ преслѣдовать,—не подлежитъ никакому сомнѣнію.

VI.

Для полноты обзора общихъ началъ смѣтныхъ правилъ намъ остается познакомиться съ порядкомъ разсмотрѣнія и повѣрки государственной росписи.

Выше мы указали отчасти на то отношеніе, въ которомъ находится государственная роспись къ общему направленію государственной дѣятельности. Мы сказали, что количествомъ отдѣляемыхъ средствъ на тотъ или другой предметъ опредѣляется возможность болѣе или менѣе успѣшнаго достиженія извѣстныхъ цѣлей. Отсюда весьма понятно, какое важное значеніе имѣетъ вопросъ о порядкѣ разсмотрѣнія смѣтъ. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ это есть важнѣйшій моментъ народной жизни въ теченіи цѣлаго года и ему посвящаются умственныя силы цѣлаго государства. Бюджетъ публикуется до его утвержденія и вслѣдствіе этого не только законодательныя собранія, непосредственно призываемыя къ критическому его обсужденію, но и вся литература имѣютъ возможность обсуждать направленіе какъ внутренней, такъ и внѣшней политики государства. Въ возникающихъ такимъ путемъ преніяхъ правительство можетъ имѣть огромный запасъ свѣдѣній о нуждахъ и потребностяхъ страны. Изъ этихъ свѣдѣній оно черпаетъ и свои силы и свои средства къ удовлетворенію предстоящихъ потребностей. Не такъ происходитъ разсмотрѣніе бюджета въ нашемъ отечествѣ, а потому нравственный долгъ тѣхъ лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ подробная повѣрка государственной росписи, становится гораздо тяжелѣе, а вопросъ объ этой повѣркѣ—серьезнѣе.

Приступая къ разрѣшенію этого вопроса при составленіи смѣтныхъ правилъ, коммиссія нашла, что повѣрка должна состоять изъ трехъ родовъ изслѣдованій: 1) повѣрки правильности требованій про-

тивъ существующихъ законоположеній и штатовъ; 2) повѣрки правильности требованій противъ предшествовавшаго дѣйствительнаго исполненія предыдущихъ смѣтъ, и 3) повѣрки требованій въ общихъ видахъ государственнаго хозяйства по степени пользы, своевременности и производительности заявляемыхъ расходовъ и въ соображеніи общихъ государственныхъ потребностей съ имѣющимися средствами для ихъ удовлетворенія.

Не находя въ существующихъ узаконеніяхъ указаній, кѣмъ должны производиться три эти рода изслѣдованій, коммиссія пришла въ заключенію, что юридическая сторона дѣла или повѣрка законности требованій должна производиться въ министерствѣ финансовъ, повѣрка противъ прежнихъ уже исполненныхъ смѣтъ—въ государственномъ контролѣ, а повѣрка въ общихъ видахъ государственнаго хозяйства—въ государственномъ совѣтѣ.

При первомъ взглядѣ на эти положенія коммиссіи бросается въ глаза то обстоятельство, что всѣ исчисленные виды повѣрки относятся непосредственно къ расходнымъ смѣтамъ, какъ будто смѣты доходовъ не должны быть вовсе повѣряемы. Поэтому намъ бы казалось, что къ этимъ тремъ видамъ необходимо присоединить два вида повѣрки смѣтъ доходныхъ, а именно: 1) всѣ ли статьи дохода, имѣющаго поступить по извѣстному вѣдомству на основаніи существующихъ законовъ, занесены въ роспись, и 2) въ той ли самой цифрѣ они занесены, какъ этого можно ожидать на основаніи существующихъ законовъ, собранныхъ статистическихъ данныхъ и примѣровъ предшествующихъ лѣтъ. Что такая повѣрка необходима, то на это, кажется, не можетъ быть возраженій, тѣмъ болѣе, что смѣта доходовъ также вносится въ государственный совѣтъ и конечно не для одной формальности; но кѣмъ эта повѣрка должна производиться, на это мы не встрѣчаемъ указаній въ соображеніяхъ коммиссіи.

Разсматривая далѣе эти соображенія насъ удивляетъ, что коммиссія дѣлитъ эти виды повѣрки между различными органами государственной власти; тогда какъ намъ кажется, что всѣ они должны быть разсматриваемы какъ части одного и того же дѣла, части, которыя не могутъ и не должны быть отдѣляемы одна отъ другой. Юридическое основаніе назначеній тогда только можетъ быть признано правильнымъ, когда оно оправдывается дѣйствительной потребностью, слѣдовательно министерство финансовъ не можетъ ограничиться при повѣркѣ смѣтъ одною законностію расходовъ. Мало ли какіе расходы могли имѣть полное законное основаніе въ одномъ году, и не имѣть его въ слѣдующемъ, а тѣмъ болѣе черезъ нѣсколько лѣтъ, и это не потому, чтобъ законъ измѣнился, а только потому что нѣтъ надобности въ расходѣ. Къ тому же намъ показалось не совсѣмъ вѣрнымъ заключеніе коммиссіи, что министерство финансовъ

не имѣетъ и самыхъ орудій для сличенія назначеній съ потребностями прежняго времени. Напротивъ, оно имѣетъ въ виду цифру расхода, который оно же само производило, — и у него есть всегда средства для того, чтобъ собрать эти свѣдѣнія. Государственный контроль, на который возлагается эта обязанность, извлекаетъ эти свѣдѣнія изъ отчетности кассъ министерства финансовъ. Оно, конечно, не можетъ имѣть въ виду причинъ, по которымъ цифра дѣйствительной потребности оказывается выше или ниже назначенія; но вѣдь мы и не отвергаемъ пользы содѣйствія государственнаго контроля при разсмотрѣніи смѣтъ, мы только говоримъ, что министерство финансовъ не можетъ ограничиться той скромной ролью, которая ему отводится, въ особенности, когда на основаніи ст. 19-й смѣтныхъ правилъ, министръ финансовъ приступитъ къ исполненію второй обязанности, возлагаемой на него закономъ: установленію соразмѣрности между доходами и расходами. Составляя на основаніи приведеннаго закона соображенія о тѣхъ статьяхъ расходныхъ смѣтъ, которыя могутъ быть сокращены, онъ необходимо впадетъ въ одностороннія и неправильныя заключенія, если при предварительной повѣркѣ ограничится одной юридической стороной дѣла и не приметъ въ соображеніе дѣйствительную потребность предыдущихъ лѣтъ, общія условія государственнаго хозяйства, и въ особенности положеніе, въ которомъ находятся самые источники государственнаго дохода. То же самое должно сказать и о государственномъ контролѣ. Если онъ сосредоточитъ все вниманіе свое на цифрѣ дѣйствительной потребности, употребленной хотя бы на полномъ законномъ основаніи, и будетъ судить о предстоящемъ назначеніи только по сравненію съ этой цифрой, то заключенія его будутъ совершенно односторонни. Опытъ прежнихъ лѣтъ если и можетъ быть принимаемъ въ соображеніе, то ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить единственнымъ указателемъ и масштабомъ для будущаго. Мы думаемъ, что государственный контроль, вооруженный такими данными, какъ ревизіонные выводы, при настоящемъ порядкѣ вещей можетъ быть лучшимъ и наиболѣе дѣйствительнымъ органомъ для всесторонняго критическаго анализа смѣтныхъ предположеній. Изъ этого слѣдуетъ, что какъ министерство финансовъ, такъ и государственный контроль не должны быть ограничиваемы тою тѣсной рамкой, которую отводятъ для нихъ смѣтныя правила въ дѣлѣ повѣрки государственной росписи; напротивъ, имъ слѣдовало бы разсматривать ее непремѣнно въ общихъ видахъ государственнаго хозяйства по степени необходимости и пользы расходовъ. Только при такомъ взглядѣ и могутъ быть основательны ихъ сужденія о томъ или другомъ кредитѣ. Мы думаемъ даже, что на практикѣ это и не можетъ быть иначе. Выше мы сказали о необходимости такой повѣрки для министра финансовъ при установленіи равновѣсія бюджета, те-

перь должны сказать тоже о государственномъ контролѣ. Если онъ, напримѣръ, замѣчаетъ, что по кредиту на развитіе народныхъ школъ образуется постоянно остатокъ, то, не принимая въ соображеніе общихъ государственныхъ интересовъ и руководствуясь буквально возложенной на него обязанностью, онъ долженъ бы сказать, что кредитъ этотъ слѣдуетъ убавить, потому что дѣйствительная потребность не оправдываетъ цифры назначенія. Но мы спрашиваемъ каждаго мыслящаго человѣка, возможно ли такое замѣчаніе и кто его рѣшится сдѣлать? Напротивъ, такой фактъ можетъ вызвать замѣчаніе со стороны государственнаго контроля совершенно въ обратномъ смыслѣ. Онъ можетъ представить государственному совѣту этотъ фактъ, какъ явленіе весьма печальное, доказывающее, что исполненіе бюджета не соотвѣтствуетъ тѣмъ видамъ общаго государственнаго управленія, которое имѣлось въ виду при утвержденіи смѣтъ. Но такое соображеніе будетъ имѣть характеръ повѣрки не въ видахъ дѣйствительной потребности, а въ общихъ видахъ государственнаго хозяйства, и поэтому намъ кажется, что на практикѣ, разсматривая государственный бюджетъ, положительно невозможно отрѣшиться отъ цѣлей высшей повѣрки, которая возложена закономъ только на государственный совѣтъ. Съ другой стороны, государственный совѣтъ, какъ высшій органъ государственной власти, по самому положенію своему, можетъ давать только свою санкцію уже сдѣланнымъ предположеніямъ, можетъ быть призванъ только къ соглашенію различныхъ взглядовъ, возникающихъ въ отдѣльныхъ вѣдомствахъ, въ министерствѣ финансовъ и въ государственномъ контролѣ; но ни въ какомъ случаѣ на него не можетъ быть возложена обязанность самой постановки вопросовъ, хотя бы и относящихся къ общимъ видамъ государственнаго хозяйства. Постановка этихъ вопросовъ есть слѣдствіе спеціальныхъ изслѣдованій въ области отдѣльныхъ фактовъ, которыхъ нѣтъ въ виду государственнаго совѣта и которыя могутъ быть только у министерствъ. Если намъ скажутъ, что факты могутъ быть представлены государственному совѣту, то на это мы замѣтимъ, что это можетъ быть сдѣлано только въ виду уже поставленныхъ вопросовъ, для самой же постановки ихъ необходима такая масса фактовъ, ознакомиться съ которыми государственному совѣту нѣтъ ни времени, ни возможности. Такъ, напримѣръ: какъ можетъ возникнуть въ государственномъ совѣтѣ вопросъ о пользѣ или вредѣ извѣстнаго налога, когда самое возбужденіе его зависитъ отъ многихъ мелкихъ фактовъ, которые въ свою очередь являются слѣдствіемъ или самаго налога или способа его взиманія, и для рѣшенія этого вопроса нужно особое изслѣдованіе. На этомъ основаніи намъ кажется, что разсмотрѣніе государственной росписи со всѣхъ возможныхъ сторонъ не только должно быть предоставлено министерству финансовъ и государственному кон-

тролю, но что эти органы государственной власти не могутъ, не впадая въ односторонность, остаться въ предѣлахъ, указанныхъ смѣтными правилами.

Государственному же совѣту должно быть предоставлено разсмотрѣніе какъ этихъ критическихъ разборовъ, такъ и представленныхъ противъ нихъ возраженій со стороны министерствъ. Только этимъ путемъ и могутъ быть достигнуты дѣйствительно полезные результаты разсмотрѣнія смѣтъ въ государственномъ совѣтѣ. Намъ кажется, что на практикѣ это такъ и бываетъ, и иначе не можетъ быть безъ того, чтобъ такое разсмотрѣніе не обратилось въ исполненіе одной обрядности.

Намъ могутъ сказать, что нашъ примѣръ по вопросу о пользѣ и вредѣ извѣстнаго налога приведенъ нами неудачно, что при разсмотрѣніи бюджета не могутъ возникать подобные вопросы, которые разсматриваются особо въ отдѣльныхъ проектахъ, что здѣсь должна разсматриваться только цифра дохода, а не то вліяніе, которое налогъ имѣетъ на положеніе дѣлъ въ государствѣ. Конечно, возраженіе это имѣетъ значеніе въ виду установившагося обычая. Примѣры прежнихъ лѣтъ дѣйствительно не допускаютъ постановку вопросовъ, подлежащихъ обсужденію въ отдѣльныхъ проектахъ, не допускаютъ такъ сказать обобщенія вопросовъ. Но въ томъ-то и бѣда, что эта система отдѣльныхъ проектовъ лишаетъ насъ общей руководящей идеи при управленіи финансами. Намъ кажется, что общій критическій взглядъ на состояніе нашихъ финансовъ никакъ нельзя назвать неумѣстнымъ или преждевременнымъ, хотя это и не совсѣмъ въ порядкѣ вещей принятомъ у насъ. Мы кажется достаточно испытали систему частныхъ попытокъ къ улучшенію финансоваго положенія дѣлъ, но всѣ онѣ что-то очень мало достигаютъ своей цѣли, такъ какъ одна парализуетъ другую. Нельзя ли теперь сдѣлать новую попытку: установить общія начала системы налоговъ и опредѣлить тѣ цѣли, на достиженіе которыхъ должны быть направлены государственныя средства? Намъ кажется, что такой способъ дѣйствія былъ бы вѣрнѣе. Но какой же лучше и удобнѣе можетъ быть избранъ, со стороны призванныхъ къ тому органовъ власти, моментъ для критической оцѣнки основаній всей нашей финансовой системы, какъ не разсмотрѣніе государственной росписи въ государственномъ совѣтѣ? Это разсмотрѣніе можетъ дать и поводъ и данныя для самой вѣрной постановки вопросовъ. Соображенія на смѣту нельзя ставить въ узкія рамки, и они, по нашему мнѣнію, должны обнимать не только финансовыя операціи въ тѣсномъ смыслѣ, но касаться всѣхъ сторонъ государственной и общественной жизни. И этого еще мало. Необходимо обращать вниманіе на тенденціи общественныхъ силъ въ другихъ государствахъ, а также на

средства и степень ихъ удовлетворенія для того, чтобы судить о возможности и невозможности преслѣдованія тѣхъ цѣлей, которыя мы имѣли до сихъ поръ въ виду. Только поставивъ себя на такую точку зрѣнія можно сдѣлать правильное заключеніе какъ о дѣйствительныхъ государственныхъ потребностяхъ, такъ и о средствахъ къ ихъ удовлетворенію. Съ этой точки зрѣнія, всѣ подробности финансовой системы представляются гораздо яснѣе, и разъясненіе возникающихъ вопросовъ становится легче, тогда какъ въ отдѣльныхъ проектахъ самая односторонность дѣла скрываетъ вредныя стороны закона. Не принимая подобной точки зрѣнія при обсужденіи государственнаго бюджета, можно всегда очутиться назади требованій времени и обстоятельствъ, и слѣдовательно назади другихъ европейскихъ государствъ, гдѣ для такого обсужденія призываются всѣ умственныя силы народа и гдѣ изъ такого порядка вещей извлекаются громадныя средства.

Предоставляемъ читателю судить, насколько мы близки къ этому порядку, и въ заключеніе скажемъ, что мы не разсматриваемъ вопроса о срокѣ заключенія смѣтъ на томъ основаніи, что для сущности дѣла важно лишь то, чтобы законъ установилъ какой-нибудь срокъ заключенія смѣтъ, а какой именно,—для дѣла почти все равно.

Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ систему единства кассы и систему новой ревизіи.

Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го апрѣля, 1871.

Наканунѣ реформъ въ народномъ просвѣщеніи.

Въ послѣднихъ числахъ февраля, какъ сначала говорили, министерство народнаго просвѣщенія внесло въ государственный совѣтъ четыре проекта закона: 1) о городскихъ училищахъ, имѣющихъ замѣнить собой училища приходскія и уѣздныя и служить образцами для народныхъ школъ вообще; 2) объ учительскихъ институтахъ, имѣющихъ приготовлять учителей для городскихъ училищъ и служить образцами для учительскихъ семинарій, учреждаемыхъ земствами; 3) о реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; и 4) проектъ измѣненій и дополненій въ уставѣ гимназій и прогимназій (классическихъ, столь подробно и разносторонне обработанномъ въ министерство А. В. Головнина и высочайше утвержденномъ 19-го ноября 1864-го года).

Какъ отнесется ко всѣмъ этимъ „проектамъ" государственный совѣтъ, еще неизвѣстно; не знаемъ также, находится ли въ проектѣ закона о реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія право обучающихся въ нихъ поступать въ университетъ наравнѣ съ воспитанниками классическихъ гимназій, какъ то теперь сдѣлано въ Пруссіи для ея реальныхъ училищъ, но надѣемся, что въ противномъ случаѣ государственный совѣтъ не оставитъ безъ вниманія такую важную реформу реальныхъ училищъ въ Пруссіи, если эта реформа оставлена безъ вниманія проектомъ. Между тѣмъ, мы имѣемъ уже нѣкоторое понятіе объ этихъ проектахъ. Прежде, нежели эти проекты были внесены въ государственный совѣтъ, они находились уже въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей"; по крайней мѣрѣ, г. Катковъ, въ № 45-мъ, оповѣщаетъ: *„получивъ возможность подробно ознакомиться* съ ними (проектами), мы можемъ сказать съ полною увѣренностью, что, ставъ закономъ, они, при благопріятныхъ условіяхъ

исполненія, будутъ одною изъ плодотворнѣйшихъ реформъ въ нынѣшнемъ возрожденіи Россіи". Однимъ словомъ, г. Катковъ весьма прозрачно намекаетъ, что проекты, до внесенія въ государственный совѣтъ, были будто бы повергнуты на его благоусмотрѣніе. Но, безъ сомнѣнія, г. Катковъ выражается глухо только для того, чтобъ возбудить въ читателѣ высокое мнѣніе о постѣ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей", между тѣмъ какъ дѣло, нѣтъ сомнѣнія, состояло въ какомъ-нибудь канцелярскомъ кумовствѣ. Во всякомъ случаѣ, патетическій отзывъ г. Каткова даетъ намъ понятіе о характерѣ проекта, такъ какъ мы хорошо знаемъ взгляды г. Каткова на систему общественнаго и народнаго образованія, покоящіеся, съ одной стороны, на 900-хъ рублей платы за классицизмъ, и на мысли, что народу нужно не болѣе, какъ ремесленное образованіе для дальнѣйшаго служенія классикамъ. Новая учебная реформа—восклицаетъ г. Катковъ, получившій возможность до государственнаго совѣта подробно ознакомиться съ нею—„впервые приведетъ систему нашихъ училищъ къ стройному единству (sic!), удовлетворивъ требованіямъ всѣхъ отечественныхъ интересовъ", которые, разумѣется, должны быть тожественны съ интересами редакціи „Московскихъ Вѣдомостей". Раздѣлитъ ли такой розовый взглядъ на проекты государственный совѣтъ — это еще остается вопросомъ; но мы не сомнѣваемся только въ одномъ, что до-сихъ-поръ наше народное просвѣщеніе страдало вовсе не отъ недостатка „стройнаго единства", а потому возлагать надежды на имѣющееся появиться на бумагѣ „стройное единство" — отнюдь не слѣдуетъ. У насъ былъ во время оно предъ глазами примѣръ „стройнаго единства" по дѣлу народнаго просвѣщенія: въ прошедшія, но не весьма отдаленныя времена, въ одномъ округѣ начальство стремилось ввести до того однообразныя программы преподаванія, чтобы во всѣхъ столичныхъ гимназіяхъ учителя исторіи, напримѣръ, читали въ одинъ и тотъ же день крестовые походы и т. д.; однимъ словомъ, чтобы преподаваніе шло въ ногу.

Что касается до проекта реальныхъ училищъ, то это могутъ быть или реальныя гимназіи, изъ которыхъ, по примѣру Пруссіи, будутъ поступать въ университетъ; или это будутъ ремесленныя школы, какъ того нужно и ожидать, судя по панегирику г. Каткова. Но въ такомъ случаѣ, спросимъ мы, какимъ образомъ ремесленное, техническое образованіе попадаетъ въ область министерства народнаго просвѣщенія? Если министерство беретъ на себя, на будущее время, поставлять ткачей, каменотесовъ, литейщиковъ, плотниковъ, столяровъ, механиковъ, то почему оно не приметъ въ свое вѣдѣніе горное училище, морское, пожалуй, даже артиллерійское и инженерное? Мы уже имѣли случай замѣтить и еще разъ повторяемъ, что ремесленное образованіе вездѣ умѣютъ отличать отъ народнаго просвѣщенія. До сихъ поръ министерству народнаго просвѣщенія самое просвѣщеніе составляло

слишкомъ тяжелую задачу; а теперь, когда потребуются средства для достиженія постороннихъ ему цѣлей, вопросъ о народномъ просвѣщеніи долженъ отойти совсѣмъ на задній планъ. Это будетъ аномалія весьма вредная для главнаго дѣла народнаго просвѣщенія; это будетъ примѣненіе прежняго помѣщичьяго принципа къ государственному хозяйству, когда помѣщикъ заботился образовать у себя *своихъ* сапожниковъ, музыкантовъ, актеровъ, поваровъ, парикмахеровъ, не заботясь при этомъ нисколько о настоящемъ просвѣщеніи рабочаго люда и полагая, что, сдѣлавъ изъ человѣка хорошаго повара, онъ этимъ сдѣлалъ все, что нужно. Помѣщикъ по-своему былъ правъ; но разсчеты частнаго хозяйства теряютъ свой raison d'être въ примѣненіи къ хозяйству государственному. Правительству прежде всего нужны люди, а затѣмъ техники. Вотъ почему мы и полагаемъ, что проектируемыя министерствомъ народнаго просвѣщенія реальныя училища, вѣроятно, окажутся реальными гимназіями съ правомъ поступленія въ университетъ; если же мы ошибаемся, то тѣмъ хуже для дѣла народнаго просвѣщенія. Однимъ словомъ, мы совершенно хорошо понимаемъ, что реальное образованіе можетъ быть въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія извѣстною системою народнаго просвѣщенія, но мы никогда не поймемъ, что въ кругъ обязанностей лицъ, завѣдывающихъ народнымъ просвѣщеніемъ, можетъ войти поставка плотниковъ, столяровъ и вообще всякихъ мастеровъ [1]).

Между тѣмъ, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, 11-го марта, опубликовано высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Особаго Присутствія для разсмотрѣнія всѣхъ вышеупомянутыхъ проектовъ, внесенныхъ министромъ народнаго просвѣщенія въ государственный совѣтъ. Это присутствіе, подъ предсѣдательствомъ графа С. Г. Строганова, состоитъ изъ членовъ государственнаго совѣта: Е. И. В. Государя Наслѣдника, Е. И. В. Принца Ольденбургскаго, генералъ-адъютантовъ Чевкина, гр. Литке, гр. Путятина, статсъ-секретарей гр. Панина,

---

[1]) Вслѣдъ за своимъ панегирикомъ, газета г. Каткова въ первыхъ числахъ марта помѣстила пространную передовую статью, якобы въ опроверженіе всего, что было нами высказано въ декабрьской хроникѣ прошлаго года. Она собиралась долго отвѣтомъ, или ея сношенія съ Петербургомъ по затруднительнымъ вопросамъ не довольно быстры. Впрочемъ, это только хронологическій недостатокъ; затѣмъ достоинства статьи составляютъ, какъ и всегда у г. Каткова, крупныя слова, въ родѣ: «наглость», «писаки», и тому подобныя выраженія, къ которымъ прибѣгаютъ обыкновенно сбившіеся съ толку; и все это увѣнчивается извѣстнымъ уже публикѣ соображеніемъ, что нашъ журналъ «имѣетъ, какъ извѣстно, въ особѣ своего редактора личные счеты съ министерствомъ просвѣщенія». Брань г. Каткова отдаемъ на жертву въ сотый разъ извѣстной поговоркѣ о лаѣ вообще; а затѣмъ, мы получаемъ право прибавить, что газета г. Каткова можетъ имѣть въ особѣ своего редактора личные «счеты» съ министерствомъ просвѣщенія, которые обусловливаютъ его статьи по народному просвѣщенію.

Валуева, Головнина, кн. Урусова, Грота — и Тройницкаго, вмѣстѣ съ министрами: военнымъ, финансовъ и народнаго просвѣщенія.

Этому Присутствію предоставлено разсмотрѣть проекты гофмейстера графа Толстаго на правахъ департамента государственнаго совѣта и свое заключеніе внести въ общее собраніе; въ случаѣ надобности, оно можетъ приглашать для совѣщанія экспертовъ изъ лицъ, спеціально знакомыхъ съ дѣломъ народнаго образованія. Дѣлопроизводство по этому особому присутствію возложено на отдѣленіе законовъ государственной канцеляріи, подъ наблюденіемъ государственнаго секретаря.

Всѣ эти подробности показываютъ, какъ серьезно намѣрено высшее правительство отнестись къ тѣмъ важнымъ предметамъ, которыхъ касаются проекты. Самый составъ присутствія обѣщаетъ, что рѣшеніе дѣла ни въ какомъ случаѣ не будетъ одностороннее; право приглашать экспертовъ исправляетъ отчасти тотъ недостатокъ нынѣшнихъ проектовъ, на который мы имѣли уже случай указать: нынѣшній разъ министерство народнаго просвѣщенія не публиковало предварительно своихъ проектовъ, какъ оно сдѣлало то въ 1864-мъ году, при подобныхъ же обстоятельствахъ. Такимъ образомъ, государственный совѣтъ лишился бы возможности принять въ соображеніе общественное мнѣніе, которое однако теперь отчасти вводится Высочайшимъ повелѣніемъ, допустившимъ экспертизу.

Какъ бы то ни было, въ нашемъ обществѣ сложилось теперь убѣжденіе, что членамъ высшаго законодательнаго учрежденія у насъ представляется въ настоящее время случай сослужить Россіи важную службу, а именно, ни болѣе ни менѣе, какъ охранить въ настоящемъ и будущемъ принципъ здраваго умственнаго развитія русскаго общества. Вопросъ о типѣ средняго образованія есть именно вопросъ объ умственномъ развитіи страны. Образованіе высшее не имѣетъ типа; оно спеціально. Типъ, избранный для средняго образованія, обусловливаетъ собою и направленіе низшаго образованія и уровень образованія высшаго, однимъ словомъ, опредѣляетъ собою типъ умственнаго развитія всего общества. Поднятіе умственнаго развитія въ Россіи есть одна изъ главныхъ государственныхъ цѣлей; охраненіе для него началъ здравыхъ, естественныхъ, есть высокій патріотическій долгъ. При разсмотрѣніи и обсужденіи проектовъ уставовъ для среднихъ училищъ, которые министерство народнаго просвѣщенія вноситъ въ настоящее время въ государственный совѣтъ, высокопочтенные члены этого учрежденія не упустятъ изъ виду этой цѣли и этого долга и подчинятъ имъ личныя увлеченія. Въ числѣ повергаемыхъ на ихъ обсужденіе проектовъ есть одинъ, который ведетъ къ окончательному подчиненію всего гимназическаго курса изученію двухъ мертвыхъ языковъ. Мы никакъ не рѣшимся, конечно, смѣшивать личныя воззрѣнія и хотя бы увлеченія министерства народнаго просвѣщенія съ рекламами содержателей до-

ходныхъ классическихъ пансіоновъ. Такая мысль отъ насъ также далека, какъ, напр., та, чтобы тарифъ, выработанный министерствомъ финансовъ, смѣшивать съ объявленіями аферистовъ о быстрой распродажѣ полотняныхъ издѣлій. Но мы совершенно вправѣ указывать на очевидныя крайности, очевидное увлеченіе въ направленіи того или другого вѣдомства, хотя и уважаемъ ихъ искренность и вѣримъ, что главное назначеніе высшаго законодательнаго учрежденія въ томъ и заключается, чтобы личныя увлеченія и предпочтенія, почти неизбѣжно проникающія иногда въ проекты, представляемые начальниками вѣдомствъ, отклонять или сглаживать, подчиняя ихъ высшей государственной цѣли общаго, правильнаго развитія.

Еслибы можно было думать, что каждый членъ законодательнаго учрежденія возьметъ на себя рѣшить вопросъ по своему личному убѣжденію, то не было бы никакой вѣроятности, что нашествіе искусственной, безплодной, противорѣчащей жизни, классической системы могло увѣнчаться успѣхомъ, и установить въ нашихъ гимназіяхъ греко-римское крѣпостное право въ ущербъ русскаго ума. Въ его составѣ классиковъ очень немного; очень немного классиковъ и вообще въ рядахъ первостепенныхъ дѣятелей русской исторіи. Ни Петръ, образователь новой Россіи, ни Ломоносовъ, основатель науки въ Россіи и опредѣлитель русскаго языка, ни екатерининскіе люди, ни сподвижники Александра I, ни главные дѣятели крестьянской реформы классиками не были. Еслибы, повторяемъ, каждый членъ взялъ на себя рѣшить вопросъ согласно личному убѣжденію, то нѣтъ сомнѣнія, что гимназіи были бы спасены отъ сугубаго нашествія классицизма. Но слѣдуетъ опасаться, что многіе взглянутъ на этотъ вопросъ какъ на вопросъ спеціальный, и считая спеціалистомъ лицо, непосредственно управляющее спеціальною частью, подчинятся авторитету такого предполагаемаго спеціализма. А именно плодомъ такого-то самоустраненія, какъ ни достойна уваженія руководящая имъ скромность, и бываетъ утвержденіе проектовъ, въ которыхъ преобладаютъ крайности чисто-личныхъ предпочтеній. Настоящій вопросъ сложенъ только въ частностяхъ; въ общемъ же принципѣ онъ очень простъ и нисколько не спеціаленъ. По сущности нѣтъ вопроса проще. А данныя и примѣры для его рѣшенія доступны каждому, и никакой спеціалистъ не можетъ быть компетентнѣе для этого рѣшенія, чѣмъ любой мыслящій человѣкъ.

Нѣтъ никакой необходимости знать аористы, чтобы рѣшить, велика ли была ихъ заслуга въ созданіи величія Россіи, и много ли они могутъ прибавить къ ея величію. Принципъ подчиненія всего средняго образованія классицизму у насъ не новъ: передъ нами давній опытъ духовныхъ семинарій. Удовлетворительна ли эта система именно для умственнаго развитія? Желательно ли, чтобы образова-

ное русское общество стояло въ умственномъ развитіи на уровнѣ семинариста, кончившаго курсъ? Эти вопросы можетъ рѣшить всякій и рѣшитъ ихъ, разумѣется, отрицательно.

Мы не въ состояніи представить разборъ проекта гимназическаго устава, составленнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. Другія вѣдомства, до внесенія своихъ проектовъ на разсмотрѣніе законодательной власти, придаютъ имъ гласность; эти вѣдомства ожидаютъ найти въ обществѣ сочувствіе, а потому надѣются и вызвать нѣкоторыя указанія, которыми могутъ воспользоваться. Но проектъ, который составленъ противъ неоспоримаго единодушнаго убѣжденія общества, не могъ разсчитывать на его сочувствіе, а стало быть не могъ и надѣяться извлечь какую-либо пользу изъ общественныхъ заявленій. Заявленія эти, кромѣ прямо заинтересованнаго кружка, высказались бы съ неудержимою силою противъ самой мысли проекта. Вотъ, поэтому, вѣроятно, онъ и не былъ обнародованъ и восходитъ нынѣ на утвержденіе совсѣмъ не въ томъ порядкѣ, какъ то было съ подобнымъ же проектомъ въ 1864-мъ году. Общество извѣщено только объ общемъ его смыслѣ, для отвращенія слишкомъ поразительнаго для всѣхъ сюрприза.

Извѣщеніе это дано косвеннымъ образомъ въ отчетѣ о дѣятельности министерства за 1870-й годъ, напечатанномъ въ его журналѣ. И такъ, намъ не остается дѣлать ничего болѣе, какъ указать по этому отчету на общій смыслъ дѣятельности министерства и связать съ нею представляемые имъ нынѣ проекты. Изъ отчета усматривается, что министерство народнаго просвѣщенія продолжаетъ неуклонно направлять порученное ему великое народное дѣло въ смыслѣ своихъ классическихъ предпочтеній; а что касается собственно первоначальнаго обученія, котораго распространеніе наиболѣе настоятельно, продолжаетъ видѣть свою задачу не въ непосредственномъ созданіи средствъ для этого дѣла, а только въ контролированіи и регламентированіи дѣла, какъ будто оно дѣйствительно уже поставлено на твердую ногу, вполнѣ обезпечено, и остается именно только контролировать его. Но какъ ни твердо бываетъ убѣжденіе, сложившееся подъ вліяніемъ личныхъ вкусовъ, дѣятели, которые проводятъ такое свое убѣжденіе на общественныя средства, не могутъ вполнѣ освободиться отъ „неловкаго“ чувства, когда они сознаютъ, что общество единодушно отказываетъ имъ въ своемъ сочувствіи. Они, конечно, до нѣкоторой степени, могутъ ободрять себя поощрительными для нихъ исключеніями. Они могутъ ссылаться на одинъ близкій и сочувственный имъ голосъ въ русской печати, и на примѣры такихъ пожертвованій на основаніе классическихъ заведеній, какъ пожертвованія гг. Галагана и Полякова. Но такіе единоличныя ободренія могутъ быть утѣшительны именно только до нѣкоторой степени. Пожертво-

ваніе г. *Полякова* въ пользу *классической* гимназіи, конечно, весьма значительно, но оно все-таки менѣе значительно, чѣмъ пожертвованіе въ 300 тысячъ рублей, возвѣщенное тѣмъ же г. Поляковымъ харьковскому земству, въ виду желѣзнодорожнаго предпріятія. Весьма краснорѣчивъ, пожалуй, фактъ, что такой успѣшный желѣзнодорожный дѣятель, какъ г. Поляковъ, пожертвовалъ деньги на дѣло образованія не реальнаго, а классическаго, и каковъ бы ни былъ выборъ его, это его дѣло, во всякомъ случаѣ, достойно похвалы. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что г. Поляковъ — дѣятель желѣзнодорожнаго строительства, имѣющій прежде всего въ виду цѣли желѣзнодорожныя, и пожертвованіе его принесетъ дѣлу классицизма гораздо болѣе матеріальной, чѣмъ нравственной поддержки.

О степени доказательности другихъ единичныхъ ободреній, выпавшихъ на долю нашего классицизма въ минувшемъ году, говорить излишне. Всякъ знаетъ, что поощреніе въ этихъ случаяхъ было дѣломъ взаимнымъ, и никто, конечно, не знаетъ этого лучше, чѣмъ министерство народнаго просвѣщенія. Вотъ почему приведенные примѣры всего менѣе могутъ, въ его собственномъ сознаніи, служить доказательствомъ удостовѣряемой имъ въ „отчетѣ“—„все болѣе и болѣе развивающейся въ обществѣ потребности въ гимназическомъ (классическомъ) образованіи“. Затѣмъ, если министерство удостовѣряетъ возрастаніе такой потребности, то дѣлаетъ это уже на основаніи собственнаго убѣжденія, а не фактовъ, потому что факты ему предлежащіе не доказательны. Недоказательны приведенные примѣры, недоказателенъ и фактъ переполненія гимназій учениками. Этотъ фактъ доказываетъ возрастающую потребность вообще въ образованіи, но рѣшительно ничего не говоритъ въ пользу образованія классическаго. Извѣстно, что реальныхъ гимназій очень немного, что онѣ находятся въ пренебреженіи у начальства, и самимъ имъ рекомендуются какъ неудавшіяся, неудовлетворительныя; извѣстно, наконецъ, что только классическія гимназіи открываютъ доступъ въ университетъ. При такихъ условіяхъ, что же можетъ доказывать въ пользу классицизма переполненіе классическихъ гимназій учениками? Тѣже ученики въ огромномъ большинствѣ покупаютъ русскіе перочинные ножики, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что по ихъ убѣжденію, и убѣжденію ихъ родителей, русскій перочинный ножикъ лучше англійскаго; дѣло въ томъ, что въ силу тарифной привилегіи англійскій ножикъ не доступенъ большинству. Въ Парижѣ, во время осады, толпа ежедневно осаждала мясниковъ, продававшихъ одну конину, мясо весьма жесткое для зубовъ и неудобоваримое для желудка; но этотъ фактъ нисколько не свидѣтельствуетъ въ пользу развивавшейся будто бы потребности парижскаго общества собственно въ кониннѣ.

Напротивъ, и несмотря на единичныя заявленія, обусловленныя

личными сочувствіями, русское общество положительно и единодушно не сочувствуетъ преобладанію классицизма въ нашемъ среднемъ образованіи. Не можетъ общество сочувствовать такому направленію, которое идетъ противъ и его исторической жизни, и его насущныхъ потребностей, которое насаждено искусственно и производитъ печальные результаты. Общество ясно видитъ, что насущныя потребности Россіи—распространеніе первоначальнаго обученія, развитіе промышленности, эманципація торговли, поднятіе земледѣлія, и въ виду такихъ насущныхъ, неотразимо очевидныхъ потребностей страны, не можетъ сочувствовать какой-то искусственно вызываемой, доморощенной эпохѣ Возрожденія, какой-то контрафакціи XVI-го вѣка въ 1871-мъ году. Наконецъ, общество не можетъ сочувствовать системѣ, которой самое начало ознаменовалось полнымъ неуспѣхомъ средняго образованія, такимъ неуспѣхомъ, что только небольшой процентъ поступающихъ въ гимназіи оканчиваетъ въ нихъ курсъ. Итакъ, полное несочувствіе русскаго общества къ преобладанію классицизма составляетъ фактъ несомнѣнный, не требующій доказательствъ, одинъ изъ тѣхъ фактовъ національнаго мнѣнія, за которыми не для чего далеко ходить, а стоитъ только войти въ первый домъ и сдѣлать вопросъ первымъ встрѣчнымъ, чтобы получить общій, единодушно-общественный отвѣтъ.

Такихъ фактовъ нельзя не знать; можно возставать противъ нихъ, если они не нравятся, но нельзя ихъ не знать, нельзя ихъ и оспаривать. Вотъ и само министерство народнаго просвѣщенія, несмотря на всѣ собранныя имъ и казалось бы достаточно утѣшительныя для него свидѣтельства насчетъ развивающейся въ Россіи потребности въ классическомъ образованіи, тѣмъ неменѣе и несмотря на такія свидѣтельства, само все еще какъ будто не вполнѣ довольно и даже не признаетъ себя, какъ бы слѣдовало при столь краснорѣчивыхъ свидѣтельствахъ, достаточно сильнымъ, чтобы отказаться отъ всякихъ уступокъ, ограничиться однимъ усугубленіемъ классическаго совершенства. Усугубленію этому оно, конечно, все-таки намѣрено посвятить лучшую часть своихъ заботъ и трудовъ, но не рѣшается ограничиться этимъ, не отвлекая себя отъ священнослуженія классицизму. Нѣтъ, оно видитъ необходимость какъ бы задарить общество чѣмъ-то другимъ, обществу пріятнымъ, и избавившись такимъ образомъ отъ нареканій, затѣмъ уже всецѣло посвятить себя возвышеннымъ, ...обленнымъ олимпійскимъ цѣлямъ. Римскій сенатъ могъ имѣть ...ма твердыя убѣжденія, но ему все-таки было неловко видѣть, что ...одъ ушелъ на Авентинскій холмъ. И вотъ, онъ послалъ къ народу ...енція Агриппу, который разсказалъ классическимъ плебеямъ апологъ, впослѣдствіи обработанный г. Масé въ естественно-научную ...у для дѣтей, подъ названіемъ „Слуги желудка".

Такой же апологъ повѣствуется намъ, то-есть русскому обще-

ству, этимъ плебеямъ, несочувствующимъ аристократическому классицизму? Намъ тоже повѣствуется апологъ какъ будто естественно-научнаго содержанія, но съ классическимъ нравоученіемъ, и для классической цѣли. Намъ повѣствуется, что министерство, не вслѣдствіе общественнаго желанія, конечно, но по собственному убѣжденію, къ какому оно вновь пришло „путемъ внимательнаго изученія", готово какъ бы сдѣлать намъ нѣкоторыя уступки. Взять на себя серьезный почину въ учрежденіи народныхъ школъ и цѣлой сѣти учительскихъ семинарій для того, чтобы двинуть впередъ дѣло первоначальнаго обученія въ городахъ и особенно въ селахъ Россіи, министерство не намѣрено и впередъ, но оно рѣшается учредить нѣкоторое число начальныхъ училищъ собственно въ городахъ (гдѣ и безъ того болѣе средствъ для обученія) и учительскихъ институтовъ собственно для этихъ же городскихъ начальныхъ школъ. Оно рѣшается даже внесть въ учебную программу этихъ училищъ „такія прикладныя познанія, которыя соотвѣтствуютъ нуждамъ мѣстнаго населенія". Проектъ устава такихъ заведеній, по словамъ отчета, будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени внесенъ въ государственный совѣтъ, что теперь и совершилось. Мало того. Одному изъ дѣятелей министерства народнаго просвѣщенія, А. С. Воронову, у котораго мы просимъ позволенія назвать его нашимъ Мененніемъ Агриппой, поручено было составить естественно-научный апологъ, долженствующій окончательно свести насъ, неубѣжденныхъ доселѣ плебеевъ, съ Авентинскаго холма недовольства. Иными словами, ему поручено было выработать новый проектъ среднихъ училищъ съ курсомъ реальнымъ, въ которомъ упрямое русское общество, несмотря ни на какія увѣщанія, видитъ свою насущную потребность. Проектъ устава новыхъ реальныхъ среднихъ училищъ, по словамъ отчета, также съ самомъ непродолжительномъ времени будетъ внесенъ въ государственный совѣтъ. Теперь всѣ эти проекты уже и представлены.

Такимъ образомъ, русскому обществу обѣщаются двѣ уступки: учрежденіе начальныхъ училищъ въ городахъ, и среднихъ реальныхъ училищъ, и затѣмъ намъ остается только сойти съ холма, и тѣмъ избавить министерство народнаго просвѣщенія отъ неловкаго чувства уединенія, хотя и въ обществѣ гг. Полякова, Каткова и его сотрудника г. Галагана. Но прежде, чѣмъ присоединиться къ нимъ и къ нашимъ patres conscripti просвѣщенія, посмотримъ, куда клонится апологъ, послушаемъ его нравоученіе.

Мы уже сказали, что министерство пришло къ мысли о необходимости реформы не вслѣдствіе желанія общества, хотя подъ его вліяніемъ, конечно, но „путемъ внимательнаго изученія". Этотъ путь привелъ его не къ тому заключенію, что вся система средняго обученія у насъ совершенно неудовлетворительна, а система низшаго обуче-

нія совершенно недостаточна. Такія посылки привели бы его къ выводамъ, которые, въ самомъ дѣлѣ, соотвѣтствовали бы желаніямъ общества. Но нѣтъ, путь внимательнаго изученія привелъ министерство только къ тому заключенію, что можно допустить реальныя училища, съ тѣмъ однако, чтобы они и впредь не открывали доступа въ университеты, а имѣли назначеніемъ „доставленіе научно-прикладного образованія и приготовленія въ высшія спеціальныя училища"; но допустивъ это, вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо еще усилить преобладаніе классицизма въ программахъ общеобразовательныхъ гимназій. „Въ учебномъ курсѣ классическихъ гимназій, *т.-е. собственно гимназій*" (?),— говоритъ отчетъ,—*главнымъ предметамъ, каковы древніе языки, не дано надлежащаго развитія* (!) Итакъ, мы будемъ имѣть реальныя училища съ ограниченными правами, и съ назначеніемъ спеціально-техническимъ, а не общеобразовательнымъ, но за то наши общеобразовательныя училища будутъ уже окончательно подавлены *главными предметами* общаго образованія, *каковы*, какъ извѣстно, древніе языки. ;верхъ того, съ учрежденіемъ начальныхъ училищъ въ городахъ должно умолкнуть всякое нареканіе на министерство въ томъ смыслѣ, то оно наименѣе заботится именно о „народномъ просвѣщеніи", то-сть о своемъ *главномъ предметѣ*. Затѣмъ, министерство окончательно спокоится и ободрится въ прежнихъ воззрѣніяхъ на истинную свою ідачу въ дѣлѣ первоначальнаго обученія въ Россіи. Каковы эти воз-ѣнія—извѣстно. Какъ бы вы думали, что составляетъ, по убѣжде-ю министерства народнаго просвѣщенія, самую слабую сторону на-ихъ народныхъ училищъ? То, что ихъ такъ мало, что они такъ ѣдны, что для нихъ нѣтъ ни помѣщеній, нѣтъ книгъ, нѣтъ учителей? О ѣтъ! „Самую слабую сторону нашихъ народныхъ училищъ — гово-тъ оффиціальный органъ министерства (и слова эти перепечатыва-ся въ „Правительственномъ Вѣстникѣ")—составляетъ, безъ сомнѣ-і (!), недостатокъ—не учителей, не книгъ, — недостатокъ надлежа-ого *контроля* надъ ними!!" *) Затѣмъ повѣствуется, что училищные

---

*) По поводу «контроля» министерства народнаго просвѣщенія, желательно было знать, напримѣръ, во что обходится его контроль въ С.-Петербургѣ надъ частми пансіонами, и какимъ образомъ при этомъ контролѣ возможенъ вопіющій слу- въ пансіонѣ г. Гирста (5-я линія Вас. Остр.), разсказанный въ письмѣ въ «Го-і» (№ 76) и засвидѣтельствованный г. инженеръ-полковникомъ А. Д. Фалькенга-мъ. Если въ этомъ справедлива сотая доля, то все же остается вопросъ о пользѣ троля. «Вчера — говоритъ авторъ письма — получивъ телеграмму отъ одного изъ хъ родственниковъ, живущаго въ провинціи, съ просьбою навѣстить его тяжко ного сына, помѣщеннаго полнымъ пансіонеромъ въ пансіонѣ г. Гирста (5-я ли-Васильевскаго Острова), я, сопутствуемый своимъ племянникомъ, майоромъ А. Пульгинымъ, и своимъ домашнимъ докторомъ, И. К. Залѣскимъ, тотчасъ же от-ился въ пансіонъ. Не заставъ г. Гирста, мы просили указать намъ больного, ь повели въ отдѣльный флигель, и вотъ что предстало нашимъ удивленнымъ взо-

совѣты, губернскіе и уѣздные, то-есть учрежденія, въ которыхъ дѣйствуетъ элементъ земскій, „не могутъ исполнять какъ бы слѣдовало (а какъ бы слѣдовало?) возложенныхъ на нихъ обязанностей".

Вслѣдствіе того, и въ виду первой необходимости для народныхъ училищъ, необходимости въ усиленіи надъ ними контроля, министерство уже составляетъ соображенія о суммѣ на содержаніе новыхъ инспекторовъ и помощниковъ ихъ, которые, конечно, наконецъ совершенно устранятъ отъ дѣла училищные совѣты съ ихъ не вполнѣ бюрократическими элементами. Такимъ образомъ, министерство, продолжая устранять себя отъ дѣланія дѣла крестьянской грамотности, предоставляетъ себѣ не только судить, что училищные совѣты, которые это дѣло дѣлали, дѣйствовали не такъ „какъ бы слѣдовало", но сверхъ того намѣревается еще дѣло, почину котораго оно само остается чуждымъ, подчинить своимъ чиновникамъ, и въ увеличеніи числа своихъ чиновниковъ видитъ исправленіе „самой слабой стороны" и „главнаго недостатка" нашего начальнаго обученія. Мы уже приводили однажды примѣръ пользы этихъ инспекторскихъ чиновниковъ министерства: это было — уменьшеніе числа педагогическихъ курсовъ для *облегченія* ихъ инспекціи.

рамъ. Голыя стѣны видимо необитаемаго флигеля, смрадъ отъ сырости, запахъ гнили и вонь охватили насъ съ перваго же шага; въ первыхъ двухъ комнатахъ, буквально, однѣ, покрытыя плѣсенью, стѣны, безъ всякой мебели; въ третьей—тутъ міазмы были еще острѣе — стояли чучела какихъ-то птицъ, кажется, два хилые стула и подъ ногами, на полу, валялся разный соръ и хламъ. На грязной постели, разметавшись въ горячечномъ состояніи, лежалъ тяжко больной (медики подозрѣваютъ у него тифъ). Онъ былъ одѣтъ въ платье и обувь и накрытъ какою-то шубою, вмѣсто одѣяла. Повсюду грязь и явные слѣды совершеннаго отсутствія ухода за больнымъ. Отыскивая ближайшую причину зловонія въ этой комнатѣ, мы замѣтили изверженія больного тутъ же, оставленныя подъ кроватью.... Несчастный больной не могъ почти двигаться самъ и едва могъ говорить. И вотъ что мы-таки успѣли узнать отъ него. Восемь дней, страдая горячкою съ бредомъ и поносомъ, онъ валялся въ этой... трущобѣ; около него, все это время, нетолько не было ни фельдшера, ни сидѣлки, но даже хотя какой-нибудь прислуги: онъ былъ оставляемъ на произволъ судьбы ночью и днемъ. Между прочимъ, оказалось, что хотя больного и навѣщалъ разъ въ день какой-то медикъ, но самъ г. Гирстъ *ни разу* не полюбопытствовалъ взглянуть на помѣщеніе и на больного, узнать, что съ нимъ. Больной мальчикъ, подавленный болѣзнью и сознавая себя всѣми покинутымъ, даже неохотно отвѣчалъ на наши разспросы: онъ видимо сосредоточился, махнувъ на все рукою и считая себя безслѣдно погибшимъ. Словомъ, все то, что мы здѣсь увидѣли, было болѣе, чѣмъ ужасно: мы здоровые задыхались въ этой смрадной атмосферѣ...»

Мы хотимъ надѣяться, что не только къ чести контроля министерства народнаго просвѣщенія, но и къ чести человѣчества, дѣйствительность не вполнѣ оправдаетъ этотъ ужасный разсказъ. Но какъ надѣяться, когда письмо подписано и названы еще два свидѣтеля? Неужели же контроль ограничивался тѣмъ, чтобы въ пансіонѣ учили по учебникамъ, рекомендованнымъ отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія?

Въ результатѣ оказывается, что если всѣ эти предположенія министерства пройдутъ въ государственномъ совѣтѣ безъ существенныхъ измѣненій, то великая радость въ обществѣ, по поводу ихъ, была бы преждевременна. Заключеніе и настоящій смыслъ аполога состоитъ все-таки въ томъ, чтобы въ общеобразовательныхъ среднихъ училищахъ мертвенный элементъ классицизма подавлялъ все остальное, и еще съ большею силою, чѣмъ нынѣ; чтобы самостоятельность и раціональность сужденія, трезвость взгляда, твердость выводовъ, однимъ словомъ, всѣ благороднѣйшія и для жизни наиболѣе пригодныя стороны умственнаго развитія приносились въ жертву одной мнемоникѣ и пассивной воспріимчивости. А между тѣмъ, вопросъ именно въ этомъ и состоитъ, какъ ни старается затемнить его всѣми путями безцеремонная реклама классицизма.

Вопросъ состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы рядомъ съ существующими нынѣ общеобразовательными заведеніями поставить еще общеобразовательныя заведенія другой системы—какъ утверждаетъ органъ извѣстной частной классической гимназіи въ Москвѣ, претендующій на привилегію патріотизма, но пользующійся еще болѣе другими привилегіями. Вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы въ основаніе общаго образованія положено было дѣйствительное, научное, раціональное знаніе, а не твердженье мертвенныхъ формъ, пріучающихъ умъ къ подражательности, а не къ творчеству, къ пассивному воспринятію произвольныхъ формъ, а не къ самостоятельному мышленію на твердыхъ, раціональныхъ началахъ. Пусть будутъ классическія гимназіи, съ курсами, приспособленными къ филологическому курсу университетовъ. Но такія-то именно заведенія, по спеціальности, весьма ограниченной спеціальности ихъ назначенія, и должны бы считаться „спеціальными" училищами. Отчего не имѣть подготовительныхъ училищъ для филологовъ? Но когда каждаго молодого человѣка, которому въ жизни предстоитъ быть земледѣльцемъ, купцомъ, солдатомъ, чиновникомъ, фабрикантомъ, приказчикомъ, врачомъ, юристомъ, однимъ словомъ чѣмъ угодно, только не филологомъ по ремеслу, хотятъ воспитывать до 17-ти и 18-ти лѣтъ такъ, какъ будто онъ готовился именно въ филологи по ремеслу, то это есть искусственное искаженіе жизни.

Наша классическая реклама постоянно говоритъ о классической системѣ образованія, какъ объ общеевропейской; „классическая, то-есть существующая вездѣ на Западѣ система образованія"—такъ любитъ выражаться реклама. Авторы московской классической рекламы, видите ли, ужасно озабочены: какже бы это у насъ было что-нибудь другое, чѣмъ на Западѣ, или не было бы чего-нибудь, что на Западѣ у всѣхъ есть! Такая заботливость о нашемъ „европеизмѣ", о введеніи у насъ „общеевропейскихъ системъ", между прочимъ сказать, не мѣшаетъ тѣмъ же рекламистамъ требовать большей строгости у насъ

цензуры къ подчиненнымъ ей изданіямъ, хотя цензура, въ смыслѣ общеевропейской системы, давно перестала существовать. Міросозерцаніе эти рекламисты выдумали себѣ совсѣмъ самостоятельное, съ общеевропейскимъ неимѣющее ничего общаго. Міросозерцаніе, въ которомъ центральный пунктъ помѣшательства тотъ, что въ Петербургѣ-то именно и существуетъ „ржондъ, котораго неуспѣлъ открыть графъ Муравьевъ"— можно, кажется, съ нѣкоторою достовѣрностью, назвать не общеевропейскимъ, а вполнѣ самостоятельнымъ, мѣстнымъ московскимъ продуктомъ. А между тѣмъ, рекламисты этого міросозерцанія никакъ не могутъ успокоиться, что есть-таки на Западѣ такая вещь—строго-классическая система, которой все еще, по ихъ мнѣнію, намъ недостаетъ. И главный аргументъ ихъ въ пользу этой вещи именно тотъ, что существуетъ она на Западѣ, стало быть должна существовать и у насъ. Какъ будто уже все, что существуетъ на Западѣ, они считаютъ необходимымъ для Россіи; какъ будто и сама Россія непремѣнно желаетъ воспроизвесть у себя безусловно все то, что было или есть на Западѣ.

Остатки феодализма, напримѣръ, есть еще вездѣ на Западѣ; феодализмъ чисто общеевропейская система; однако мы не желаемъ проходить чрезъ него. Точно также клерикализмъ, точно также классицизмъ. Мы должны смотрѣть, куда *идетъ* Европа, потому что должны идти вмѣстѣ съ нею впередъ, а не оглядываться, *откуда* она идетъ, потому что откуда бы она ни шла, мы шли не съ нею въ исторіи.

Что классическая система образованія еще остается привилегированною системою тамъ, гдѣ все образованіе исторически вышло изъ римской образованности, гдѣ лѣтописи и историческіе документы, и памятники, и фамильные акты, и старые законы, и вѣра, и сама исторія точныхъ наукъ говорятъ на древнихъ языкахъ, — это естественно. Но для насъ это нисколько не обязательно, потому что мы учились не у грековъ и римлянъ, а у нѣмцевъ и французовъ, наши документы, хроники, законы, все свидѣтельство нашего прошлаго не имѣютъ съ классицизмомъ ничего общаго. Стало быть, мы стоимъ въ условіяхъ совершенно различныхъ: Европа „продолжаетъ" учиться по классической системѣ; мы же „начинаемъ". А начиная, мы должны обращать вниманіе не на примѣръ застоя, конечно, а на примѣръ движенія впередъ, потому что мы сами хотимъ идти впередъ.

Вотъ, еслибы наши классики могли доказать намъ, что въ Европѣ въ послѣднее время все болѣе и болѣе обнаруживается стремленіе къ усиленію классицизма въ школахъ, съ общеобразовательною цѣлью; что ему предоставляется все болѣе и болѣе привилегій; что училищамъ съ курсомъ точныхъ наукъ общество въ Европѣ болѣе и болѣе отказываетъ въ своемъ сочувствіи, а правительства полагаютъ имъ новыя затрудненія на пути къ университетскому общенію — тогда подобные

доводы могли бы рекомендовать намъ „общеевропейскую“ систему. Но этого классики доказать намъ не предпримутъ, несмотря на всю ихъ смѣлость, потому что справедливы не изложенныя сейчасъ положенія, но напротивъ, такія, которыя прямо противоположны послѣднимъ. Движеніе противъ господства классицизма замѣтно во всей Европѣ; вездѣ общество, „общеевропейское“ общество требуетъ внесенія въ образованіе элементовъ болѣе раціональныхъ и болѣе полезныхъ, чѣмъ перевариваніе лингвистическихъ окаменѣлостей. И вотъ съ этими-то общеевропейскими стремленіями и согласны вполнѣ стремленія русскаго общества. Что за бѣда, еслибы у насъ осуществилось раціональное среднее образованіе и ранѣе чѣмъ въ Европѣ? Вѣдь насъ къ классицизму не привязываетъ, какъ ее, вся родная исторія. Въ исторіи отъ классицизма мы также свободны, какъ отъ феодализма. Когда предпринята была у насъ крестьянская реформа, вѣдь государство надѣлило же крестьянъ землею, не справляясь, вездѣ ли уже на Западѣ и въ какой мѣрѣ земля находится во владѣніи земледѣльцевъ.

Мы должны идти за Европою, должны идти, куда идетъ она; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что намъ необходимо искусственно провесть себя чрезъ всѣ фазисы исторической жизни Европы. Напротивъ, для того, чтобы не отставать отъ нея, мы должны идти за ея стремленіями, а не повторять ея зады. Классическая система, говорятъ намъ, преобладаетъ въ Пруссіи. Но мы знаемъ, что и тамъ она остается преобладающею только потому, что поддерживается привилегіями. Недопущеніе реалистовъ въ университетъ и на государственную службу равняется закрытію для нихъ всѣхъ, такъ-называемыхъ, либеральныхъ профессій. Тоже самое стѣсненіе выражается во Франціи необходимостью пріобрѣсть званіе bachelier, званіе, которое раздается „университетомъ“ за успѣхи въ древнихъ языкахъ, и безъ котораго человѣкъ не можетъ сдѣлаться ни адвокатомъ, ни судьею, ни врачемъ, ни профессоромъ, ни дипломатомъ. Неужели же то, что на самомъ Западѣ поддерживается монополіею и соединенными съ нею привилегіями, но по крайней мѣрѣ находится въ связи съ исторіею, должно быть непремѣнно насаждено у насъ искусственно, безъ всякаго даже историческаго оправданія? И это въ то именно время, когда на Западѣ повсемѣстно уже начинается реакція противъ такихъ привилегій?!

Въ этомъ смыслѣ очень большое значеніе имѣетъ послѣдовавшее недавно въ Пруссіи допущеніе учениковъ реальныхъ училищъ въ университетъ, хотя оно и обставлено пока нѣкоторыми ограниченіями. Министерство народ. просв. не могло не знать этого факта, а между тѣмъ, въ отчетѣ его и теперь появляется удостовѣреніе, что *вездѣ* реальныя училища имѣютъ цѣлью единственно доставленіе образованія научно-прикладного и приготовленіе только въ высшія спеціальныя училища. Не лишено значенія и слѣдующее извѣстіе, которое мы

читаемъ „въ Daily News“ отъ 13-го марта: „Недавно оксфордскій университетъ утвердилъ вступленіе къ статуту, по которому „делегаты постороннихъ слушателей могутъ представлять къ матрикулированію лицъ, признанныхъ имъ удовлетворяющими нѣкоторымъ изъ предметовъ установленныхъ для университетскихъ испытаній“. Смыслъ этого сообщенія тотъ, что отнынѣ будетъ возможно сдѣлаться членомъ университета безъ всякаго знакомства съ греческимъ или латинскимъ языками. Цѣль этой перемѣны та, чтобы допустить пріемъ студентовъ, желающихъ посвятить себя исключительно изученію естественныхъ наукъ (physical science), для успѣховъ въ которыхъ оксфордскій университетъ представляетъ исключительныя преимущества (средства)· Россія, нѣтъ спору, должна идти за Европою, но не за тѣмъ, что желалъ бы охранить въ Европѣ г. фонъ-Мюлеръ, а за тѣмъ, чего требуютъ современныя, истинно-общеевропейскія стремленія и чему г. фонъ-Мюлеръ вынужденъ былъ, наконецъ, уступить, благодаря ходатайству самихъ университетовъ. Россія должна продолжать идти по пути, на который она вступила при Петрѣ Великомъ; но Петръ понималъ свою цѣль и задачу Россіи нѣсколько иначе, чѣмъ наши доморощенные „пропилеисты“. Судя по тому, что́ они говорятъ нынѣ, во второй половинѣ XIX-го вѣка, Петру, во второй половинѣ XVII-го стол. тѣмъ болѣе слѣдовало бы начать свое дѣло съ близкаго знакомства съ Аристофаномъ и Теренціемъ, и заставить Россію зубрить латынь отъ мала до велика. Судя по тѣмъ жалкимъ словамъ, какія одно за другимъ придумываются органомъ московскаго частнаго классическаго заведенія на пользу классицизма, надо бы полагать, что еслибы Петръ началъ свое преобразованіе съ учрежденія въ Москвѣ классическаго лицея, то мы бы уже имѣли въ настоящее время все, что намъ требуется, въ томъ числѣ и превосходную армію, такъ какъ газета г. Каткова прямо относитъ военные успѣхи Пруссіи къ послѣдствіямъ классическаго образованія. Къ сожалѣнію, извѣстно, что Петръ Великій началъ съ изученія плотничества, кораблестроенія и другихъ предметовъ, не имѣющихъ связи съ классицизмомъ, и поспѣшилъ научиться по-голландски, а не по-гречески.

Вопросъ въ томъ, чтобы общее образованіе въ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ поставить на началахъ раціональности, которая одна вызываетъ правильное развитіе, и примѣнимости къ современному существованію, которая одна ручается за то, что пріобрѣтенное въ школѣ образованіе будетъ держаться въ головѣ прочно и не заглохнетъ въ той мнемонической каморкѣ ума, которую преимущественно и наполняетъ классицизмъ. Зубреніе мертвыхъ, произвольныхъ формъ не соотвѣтствуетъ раціональности; употребленіе самаго воспріимчиваго возраста жизни на пріобрѣтенія къ жизни непригодныя, ненужныя и жизнью изглаживаемыя—противно здравому смыслу. Вотъ въ чемъ

состоитъ вопросъ. Пусть спеціальными училищами, принаровленными къ курсу филологическому, будутъ именно среднія классическія школы. Пусть, наконецъ, и въ общеобразовательныхъ училищахъ, которыхъ курсъ составится изъ предметовъ въ самомъ дѣлѣ общеобразовательныхъ: изъ естествознанія и точныхъ наукъ, изъ исторіи, словесности, географіи, статистики, новѣйшихъ языковъ и гимнастики, — пусть и тамъ въ числѣ языковъ будетъ и латинскій, пожалуй хоть и греческій— для желающихъ. Никакое знаніе не мѣшаетъ. Но пусть сама система общаго образованія не будетъ, по странному (и только исторически-объяснимому) недоразумѣнію *основана* не на научномъ знаніи съ научнымъ методомъ, а на спеціальномъ заучиваньи двухъ мертвыхъ граматикъ, съ лексиконами. Пусть не будетъ именно того, что полагаетъ не только поддержать, но еще усугубить наше министерство народнаго просвѣщенія, которое въ отчетѣ прямо говоритъ, что *главными предметами* общеобразовательныхъ заведеній, „предназначенныхъ для сообщенія научнаго образованія",—должны быть древніе языки. Имъ и предстоитъ еще болѣе подавить собою все наше среднее образованіе, если только государственный совѣтъ одобритъ проектъ преобразованія гимназическаго устава 1864-го года, проектъ, котораго цѣль уже впередъ объяснена намъ отчетомъ и панегирикомъ г. Каткова.

Газета, издаваемая г. Катковымъ, недавно злобно корила насъ за то, что мы призываемъ „высшій авторитетъ" къ охранѣ нашего учебнаго дѣла отъ классическихъ затѣй и капризовъ „усиленія", „усугубленія", „укрѣпленія" и „возвышенія". Какъ же не обращаться къ высшему авторитету на защиту учебнаго дѣла, когда оно ведется къ тому, чтобы замѣшать высшій авторитетъ въ новый капризъ ломки цѣлой системы, сообразно личнымъ вкусамъ, какъ то уже столько бывало у насъ доселѣ? Слѣдить за всѣми оборотами и извращеніями г. Каткова въ придумываніи ежедневныхъ рекламъ классицизму, значило бы терять по пустому время, какъ ни забавны сами по себѣ нѣкоторыя изъ этихъ измышленій. То онъ вздумаетъ доказывать, что реальныя училища и теперь обходятся Россіи дороже, чѣмъ классическія, и при этомъ назвавъ реальными военныя училища, сравнитъ ихъ стоимость съ гражданскими гимназіями, не обращая вниманія ни на число учащихся, обусловливающее размѣры и содержаніе зданій, ни на стоимость духовныхъ семинарій, которыя ужъ, конечно, съ большею справедливостью могутъ быть причислены къ полнымъ классическимъ заведеніямъ, чѣмъ училища для строевой службы къ полнымъ реальнымъ общеобразовательнымъ. То, продолжая притворяться, будто типъ военнаго училища кажется ему тождественнымъ съ типомъ общеобразовательнаго реальнаго, въ которомъ никакая военная выправка не отнимала бы времени у наукъ, онъ призываетъ отчетъ академіи генеральнаго штаба въ удостовѣреніе, что ученики военныхъ училищъ слабы въ математикѣ,

и съ торжествомъ восклицаетъ, что вотъ онѣ, реальныя-то школы, и математикѣ учатъ плохо. Выходитъ, что для достиженія большихъ успѣховъ въ математикѣ необходимо бо́льшую часть времени учениковъ посвятить греческому и латинскому языкамъ! То онъ исказитъ отзывъ оффиціальнаго отчета, пропустивъ въ этомъ отзывѣ — бездѣлицу — частицу *не,* такъ что отзывъ выходитъ прямо противоположный намѣренію авторовъ. Когда же авторы ставятъ ему это на видъ, беззастѣнчивый господинъ Катковъ, вѣчно упрекающій другихъ въ мнимыхъ искаженіяхъ—начинаетъ спорить, и діалектикою силится доказать, что тамъ, гдѣ онъ пропустилъ *не,* этой частицѣ и не слѣдовало быть, а стало быть ея какъ-бы и нѣтъ! Этотъ примѣръ недостойнаго упорства въ искаженіи представленъ г. Катковымъ при разборѣ отчета академіи генеральнаго штаба. Но оставимъ эти мелочи и дрязги неизбѣжныя тамъ, гдѣ люди смотрятъ на все и все разумѣютъ съ точки зрѣнія мелкихъ интересовъ и личнаго самолюбія.

Вопросъ о классицизмѣ у насъ въ эту минуту далеко переросъ г. Каткова и сферу его воззрѣній. Вопросъ рѣшается законодательнымъ порядкомъ, вопросъ о томъ, въ какомъ направленіи, въ какомъ духѣ пойдетъ умственное развитіе образованнаго большинства въ Россіи за нѣсколько поколѣній. Пойдемъ ли туда мы, *куда* идетъ Европа, или туда, *откуда* она идетъ? Выборъ многозначителенъ и минута важная. Только что окончилась (и на долго ли?) борьба между двумя націями, изъ которыхъ одна, оставаясь еще пока въ узахъ классическихъ программъ, далеко вышла уже изъ нихъ духомъ всего своего умственнаго развитія, а другая доселѣ остановилась въ духѣ своего развитія на классическомъ типѣ. Каковы бы ни были до-сихъ-поръ учебныя программы въ Германіи и Франціи, нѣтъ никакого сомнѣнія, что духъ, направленіе умственнаго развитія въ Германіи, *вопреки* этимъ программамъ, есть реальный духъ и реальное направленіе. Знакомство всѣхъ образованныхъ нѣмцовъ съ живыми иностранными языками и практичность, пріобрѣтаемая каждымъ изъ нихъ *научнымъ* изученіемъ какой-либо спеціальности, независимо отъ общаго образованія, популярность естествознанія въ Германіи—все это обусловливаетъ многосторонность и примѣнимость знанія и трезвость взгляда.

Не то мы видимъ во Франціи. Образованный французъ не знаетъ иныхъ языковъ, кромѣ своего и двухъ мертвыхъ. Онъ — bachelier, и на этомъ онъ останавливается, а спеціальность, имъ избираемую, *научно* не изучаетъ или недостаточно изучаетъ, такъ что спасительнаго корректива къ школьному классицизму въ немъ нѣтъ. И вотъ, въ то время, когда нѣмецъ, окончивъ школу, откладываетъ въ сторону не только свои классическія тетрадки, но и всякіе классическіе идеалы и знакомится съ дѣйствительностью, желая знать ее такою, какова она есть,—французъ и послѣ школы руководится въ жизни школь-

ными классическими идеалами и не желаетъ знать дѣйствительность, а отрицаетъ самое бытіе того, что ему не нравится. Говорятъ—во французахъ много театральнаго; но вѣрнѣе сказать: въ нихъ слишкомъ крѣпко засѣлъ классицизмъ, они оттого и театральны, что играютъ не свои роли, а роли грековъ и римлянъ. Духъ классицизма отрицаетъ идею *труда*, связывая съ нею понятіе объ униженіи, и замѣняетъ ее идеею *славы*. Духъ классицизма есть духъ обществъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ современными идеями какъ о нравственности, такъ о свободѣ. „Со стороны епископа лангрскаго—говоритъ Бастіà—мы слышали такой упрекъ университету: вы воспитали намъ соціалистическое поколѣніе 1848-го года. Г. Кремьё поспѣшилъ отвѣтить прелату: а вы воспитали революціонерное поколѣніе 1793-го года. Если— замѣчаетъ Бастіá — въ обоихъ этихъ положеніяхъ есть доля правды, что же оказывается изъ нихъ? Что обѣ системы воспитанія (т.-е. духовно-классическая и школьно-классическая) были пагубны, но не тѣмъ, что́ ихъ различаетъ, а тѣмъ именно, что́ между ними общаго. Да, таково мое убѣжденіе: общее между ними есть злоупотребленіе (излишество) классическаго ученья, и этимъ-то онѣ обѣ извратили разсудокъ и нравственность страны.... Причиною зла была общая бѣдственная мысль, предвзятая ими обѣими: воспитывать, вскармливать и насыщать юношество французское, котораго назначеніе есть трудъ, миръ и свобода, чувствованіями и мнѣніями народа хищниковъ и рабовъ“. Куда же хотятъ вести наше русское юношество? Не въ тотъ ли же призрачный, театральный и несоотвѣтствующій современнымъ цѣлямъ человѣчества міръ? Если нѣтъ, то не можетъ быть и сомнѣнія, что проекты, внесенные министерствомъ народнаго просвѣщенія, какъ о гимназическомъ уставѣ, такъ и о реальныхъ училищахъ, предполагаемыхъ только въ неполномъ видѣ, въ видѣ жертвы въ пользу усиленія классицизма въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ, необходимо отклонить, возвративъ ихъ для переработки на болѣе современныхъ и менѣе чуждыхъ Россіи и нашему времени основаніяхъ. Это было бы великою заслугою, достойною патріотизма и мудрости собранія государственныхъ людей.

Только тогда, когда перемѣнится система министерства народнаго просвѣщенія, когда среднее, общее образованіе основано будетъ не на зубреньи, а на раціональномъ знаніи, на общеобразовательныхъ наукахъ, и когда это министерство признаетъ своей обязанностью заботиться о начальномъ, народномъ образованіи не менѣе, чѣмъ объ образованіи высшемъ и среднемъ, только тогда можно будетъ желать, чтобы всѣ денежныя средства, употребляемыя государствомъ на среднее и низшее обученіе, были сосредоточены въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія. Защитники его жалуются, что оно нынѣ не располагаетъ всѣми этими средствами, что учебный бюджетъ посто-

ронниxъ вѣдомствъ составляетъ даже болѣе того бюджета, который присвоенъ ему. На это слѣдуетъ замѣтить, что между „посторонними“ учебными вѣдомствами весьма значительное мѣсто занимаетъ вѣдомство св. синода, которому отпускаются изъ государственнаго казначейства 1½ мил. руб. на „усиленіе средствъ духовно-учебныхъ заведеній“, независимо отъ суммъ, отчисляемыхъ на ихъ содержаніе изъ церковныхъ доходовъ. Духовно-учебное вѣдомство нельзя признать постороннимъ для нынѣшняго министерства народнаго просвѣщенія потому именно, что у нихъ общая система, и цѣль и основа ихъ учебной части—тотъ же классицизмъ. Существованіе отдѣльной духовно-учебной части, за исключеніемъ академій (хотя и онѣ могли бы быть замѣнены богословскими факультетами при университетахъ) и, положимъ, двухъ высшихъ семинарскихъ курсовъ, дѣйствительно не имѣетъ раціональныхъ основаній и эту часть можно было бы хоть теперь же соединить съ вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія. Что же касается учебной части другихъ вѣдомствъ, то можно только радоваться, что она въ рукахъ нынѣшняго министерства народнаго просвѣщенія не находится, иначе можно бы опасаться, что еще институтъ инженеровъ путей сообщенія преобразуется во второй историко-филологическій институтъ или въ классическо-юридическій или — что всего хуже — въ классическо-строительный. Но когда наступитъ иное время, когда въ систему министерства просвѣщенія лягутъ раціонально-научныя основы, когда общее образованіе въ немъ освободится отъ греко-латинскихъ узъ, тогда, дѣйствительно, можетъ представиться вопросъ, не лучше ли соединить и военныя гимназіи вмѣстѣ съ гражданскими въ одно цѣльное общеобразовательное зданіе. Но только, избави Богъ, не теперь!

Вопросомъ о среднемъ образованіи не исчерпывается вопросъ о томъ, что́ дѣлаетъ и намѣрено дѣлать министерство для исполненія возложенной на него обязанности. Необходимо подумать и объ усиленіи дѣятельности на пользу образованія низшаго, начальнаго, спеціально разумѣемаго подъ названіемъ „народнаго“. Внесеніемъ проекта объ учрежденіи начальныхъ училищъ въ городахъ и учительскихъ для нихъ семинарій, министерство показало, что, послѣ долгаго колебанія, оно, наконецъ, не считаетъ возможнымъ устоять противъ общественнаго мнѣнія, требующаго отъ него болѣе серьезныхъ усилій къ распространенію народнаго образованія. Не находясь въ сношеніяхъ съ канцеляріями народнаго просвѣщенія, для исходатайствованія себѣ какихъ-либо привилегій и для взаимныхъ услугъ, мы, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ, остаемся непосвященными въ тайны этого проекта. Но мы знаемъ, что такой проектъ объ учрежденіи начальныхъ школъ въ городахъ и учительскихъ семинарій для этихъ школъ существуетъ. Мало того, изъ словъ газеты, издаваемой г. Катковымъ, которому, какъ мы видѣли, изъ канцеляріи этого вѣдомства сообщаются

проекты, недоступные для русскаго общества, мы узнаемъ, что „вслѣдъ затѣмъ министерство народнаго просвѣщенія озаботится и дѣломъ грамотности (пора!) и найдетъ возможность дать ему правильную организацію, недостающую ему до-сихъ-поръ“, и что „въ настоящее время, при каждомъ изъ нашихъ учебныхъ округовъ устраивается по одной учительской семинаріи“. Прекрасно, и давно пора была вступить на этотъ путь, и непонятно только одно: отчего тѣ дѣятели канцелярій, которые сообщаютъ г. Каткову факты, свидѣтельствующіе, что министерство народнаго просвѣщенія поддается-таки общественному требованію, поручаютъ тому же добросовѣстному г. Каткову изливать всю желчь, всю горечь, свойственныя неудачѣ, на представителей того самаго общественнаго требованія? Г. Катковъ, благодаря нескромности канцелярій, вѣщаетъ Россіи, что онъ „не сомнѣвается, что вслѣдъ затѣмъ министерство н. пр. озаботится и дѣломъ грамотности“, что уже и въ настоящее время министерство приступаетъ къ учрежденію учительскихъ семинарій, хотя по одной на округъ—и въ тоже время обрушается всею силою своего негодованія на тѣхъ именно, кто печатно заявлялъ, что слѣдовало бы министерству, въ самомъ дѣлѣ, поскорѣе озаботиться дѣломъ распространенія грамотности, и что важнѣйшею непосредственною его заботою въ этомъ дѣлѣ должно бы быть приготовленіе массы образованныхъ народныхъ учителей, посредствомъ учрежденія учительскихъ семинарій? Какъ объяснить такую непонятную злобу на людей, указывающихъ намъ необходимость бóльшей заботливости къ исполненію одной изъ главнѣйшихъ нашихъ обязанностей, когда мы сами признаемъ, что въ самомъ дѣлѣ не мѣшаетъ-таки озаботиться на этотъ счетъ нѣсколько болѣе прежняго? Если мы злимся на людей, указывающихъ намъ на обязанность, которую мы сами признаемъ, то невправѣ ли будутъ подозрѣвать, что обязанность эту мы будемъ исполнять неохотно, а стало быть, что и новыя наши усилія къ ея исполненію заслуживаютъ мало довѣрія?

Въ началѣ настоящаго обозрѣнія упомянуто о помѣщенной въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статьѣ, мечущей всѣ олимпійскіе громы въ тѣ органы печати, которые осмѣлились найти, что нынѣшнее министерство н. пр., во-первыхъ, слишкомъ много заботится о насажденіи классицизма, а во-вторыхъ, недостаточно заботится о распространеніи въ народѣ начальнаго образованія, то-есть о самой насущной и самой настоятельной потребности Россіи. Большую часть этихъ перуновъ пріяли мы, и—ничего, обстоимъ благополучно. Къ сожалѣнію, не можемъ сказать того же о положеніи дѣла народнаго образованія въ Россіи. Статья, помѣщенная у г. Каткова и имъ разукрашенная браннымъ витійствомъ, ничего въ этомъ дѣлѣ не перемѣняетъ. Она только вновь удостовѣряетъ факты, извѣстные и прежде (тѣмъ, кого могутъ интересовать эти пустяки), что г. Каткову сообщаются изъ

канцелярій просвѣщенія цифры и всякія нужныя свѣдѣнія, и что г. Катковъ, какъ содержатель классической школы, весьма сердится на тѣхъ, кто совѣтуетъ подобными школами не удовлетворяться; и еще, что г. Катковъ имѣетъ обыкновеніе возражать противникамъ любезнаго ему направленія на то именно, что самъ же влагаетъ въ ихъ уста. Но статья эта, къ сожалѣнію, нисколько не опровергаетъ того, что дѣло народнаго обученія находится у насъ въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи, что образованныхъ народныхъ учителей министерство не подготовило, что оно слишкомъ возлагаетъ все это дѣло на духовенство и земство, и что само оно удѣляетъ на него изъ своего бюджета весьма незначительную часть. Вотъ что было высказано нами, и вотъ чего, къ сожалѣнію, не могутъ опровергнуть никакія заподозриванья нашего патріотизма, никакія приписыванья намъ личныхъ цѣлей. Смѣемъ увѣрить г. Каткова, что мы, отстаивая дѣло народнаго образованія, не добиваемся извлеченія изъ него никакихъ доходовъ и не думаемъ испрашивать привилегіи для содержанія образцоваго лицея народныхъ учителей, и что какъ бы ни кидался на насъ г. Катковъ, онъ не стянетъ насъ на одинъ съ собою низкій уровень.

Мы, конечно, не стали бы и говорить о помянутой статьѣ, еслибы приписывали ее одному г. Каткову. Обычной полемической любезности отъ него самого мы могли ждать раньше. Здѣсь не то; здѣсь понадобилось два мѣсяца для составленія отвѣта. На статью, вышедшую у насъ три мѣсяца назадъ, явилась отповѣдь въ ежедневной газетѣ 5-го марта. Авторы этой отповѣди, очевидно, не всѣ сидятъ у домашняго очага „Московскихъ Вѣдомостей". Гдѣ они сидятъ—это въ сущности все равно, но ясно, что они сидятъ, окруженные всѣми бумагами народнаго просвѣщенія. Имъ до малѣйшей тонкости извѣстны всѣ распоряженія по министерству, и когда имъ нужна цифровая справка, то они добываютъ ее съ удобствомъ не для всѣхъ доступнымъ, а именно, какъ сами говорятъ они: „Развертываемъ смѣту и читаемъ" стр. такая-то; „развертываемъ туже смѣту и читаемъ" стр. другая. Нельзя не пожалѣть, что сидя въ такой удобной обстановкѣ, они не позаботятся лучше измѣнить смѣту на пользу народнаго образованія, чѣмъ развертывать ее съ цѣлью доказать невозможное, а именно, что для него у насъ дѣлается достаточно.

Тѣмъ не менѣе, такое развертыванье смѣты неопубликованной побуждаетъ насъ настоять передъ авторами отповѣди на всѣхъ нашихъ утвержденіяхъ и требованіяхъ. Г. Каткова, сотрудника этой отповѣди, только по части брани и обычныхъ заподозриваній, мы оставимъ при этомъ въ сторонѣ. Смѣемъ думать, что когда онъ изъ словъ нашихъ, что первая, самая настоятельная потребность для Россіи нынѣ есть именно приготовленіе массы народныхъ учителей,—выводитъ

для прикрасы и приписываетъ намъ заключеніе, что Россіи не нужно ни университетовъ, ни гимназій, и что для нея желательна собственно будущность „какой-нибудь негритянской Либеріи“, — то настоящіе авторы отповѣди къ этому умному и добросовѣстному полемическому пріему непричастны. Затѣмъ, оставимъ въ сторонѣ г. Каткова и его искаженія какъ нашихъ словъ, такъ и самого врученнаго его неосторожнымъ рукамъ оправданія.

Неудовлетворительность положенія дѣла народнаго образованія у насъ всѣмъ извѣстна. Если намъ пришлось доказывать ее ссылкою на отзывы земскихъ учрежденій о неимѣніи для школъ ни учителей, ни учебныхъ пособій, на отзывы частныхъ дѣятелей о трудности поднять это дѣло одними частными усиліями и о полной необезпеченности и того, что́ уже сдѣлано до сихъ поръ въ этомъ отношеніи земствами; если ссылкою на такіе отзывы и цифры, удостовѣряющія полную безграмотность массы и малограмотность тѣхъ 10%, которые признаются грамотными, а также на низкій уровень нравственности, обусловленный невѣжествомъ — намъ пришлось доказывать безвыходность всего этого положенія безъ серьезнаго почина со стороны государства, — то насъ побудила къ этому не жажда заявить какія-либо наши открытія, а та самая потребность, которая побуждаетъ врачей доказывать, что противъ холеры необходимо принимать своевременно предупредительныя мѣры. Эту послѣднюю необходимость также слѣдовало бы признавать общеизвѣстною; между тѣмъ ежедневные факты свидѣтельствуютъ, что съ такою необходимостью на дѣлѣ не соображаются. Разница въ томъ, что врачи обращаются къ обществу, а мы обращаемся къ государству, то-есть къ тому органу въ немъ, которому поручено удовлетворять потребности народнаго образованія. Если оно эту потребность удовлетворяетъ слабо, а общество само не въ состояніи удовлетворить ея, то положеніе становится безвыходнымъ. Въ виду такой безвыходности, спрашивается, что же дѣлать, какъ не обращаться съ напоминаніемъ о такомъ положеніи къ тому же государственному органу, т.-е. къ тому же вѣдомству, а буде нужно—и къ высшему авторитету законодательнаго въ государствѣ учрежденія?

Вотъ что́ побудило насъ въ одномъ изъ предъидущихъ обозрѣній сгруппировать нѣсколько фактовъ въ картину запущенія народнаго образованія, и въ виду неудовлетворенія такой настоятельной потребности Россіи, которая по истинѣ могла, по важности своей, уступить первое мѣсто только отмѣнѣ крѣпостного права, мы должны были неизбѣжно придти къ заключенію, что крохами отъ бюджета эта потребность никогда удовлетворена быть не можетъ; что сколько бы министерство ни указывало на свои вспомоществованія дѣлу народной школы, на немъ остается отвѣтственность за то, что оно не выработало обширной

мѣры, коренной реформы для удовлетворенія коренной, настоятельной потребности, что въ дѣлѣ реформъ оно отстало отъ всѣхъ вѣдомствъ, что оно не приготовило Россіи народныхъ учителей.

Ничего изъ этого авторы отповѣди не отрицаютъ. Они даже признаютъ прямо, что „народное обученіе находится у насъ въ крайне-неудовлетворительномъ состояніи". Ну, и довольно; стало быть и спорить не о чемъ, и опровергать имъ нечего изъ нашихъ словъ. Еслибы авторы могли возразить на наше изложеніе *фактовъ* изложеніемъ *фактовъ*, которые бы дѣйствительно существовали, но намъ были неизвѣстны, то вотъ это былъ бы резонъ, и единственный резонъ, какой въ настоящемъ случаѣ можно бы принять. Еслибы, когда мы говоримъ, что министерство *не подготовило* Россіи народныхъ учителей, намъ отвѣтили, что министерство *подготовило* ихъ достаточное количество—это было бы серьезно.

Но этого намъ отвѣтить не могутъ, потому что этимъ въ самомъ дѣлѣ не озаботились. А отвѣчаютъ намъ пространнымъ разсужденіемъ о томъ, *кого винить* въ признанной неудовлетворительности положенія дѣла народнаго обученія. И въ результатѣ этого пространнаго разсужденія оказывается какъ бы, что во всемъ дѣлѣ кругомъ виноватъ „Вѣстникъ Европы", который посмѣлъ рельефно указать на неудовлетворительность того положенія, которое сами авторы отвѣта признаютъ крайне-неудовлетворительнымъ.

Полемическій пріемъ, употребленный авторами, — за устраненіемъ брани, принадлежащей г. Каткову—заключается въ слѣдующихъ мнимо-оправдательныхъ положеніяхъ: 1) министерство народнаго просвѣщенія располагало слишкомъ малыми средствами, чтобы приготовить для страны значительное количество народныхъ учителей; 2) изъ средствъ, какія оно имѣло, оно удѣляло для народнаго обученія все, что̀ могло. Но вѣдь и военное министерство второй имперіи во Франціи могло бы представить подобное объясненіе, что у него въ распоряженіи было слишкомъ мало солдатъ, и что изъ того числа ихъ, какое имѣлось, оно удѣлило на войну все что̀ могло. А будетъ ли это оправданіе дѣйствительно? Нѣтъ. Почему силъ не было болѣе, почему бывшія на лицо употреблены были не тамъ, гдѣ слѣдовало? Почему произошелъ неуспѣхъ, однимъ словомъ? Вотъ что̀ важно. Вѣдь это не игра въ фанты, гдѣ виноватымъ оказывается тотъ, у кого въ рукахъ лучина погаснетъ. Слѣдовало запастись болѣе надежнымъ факеломъ просвѣщенія и освѣщать все, что̀ слѣдуетъ, а не то только, что̀ позволитъ освѣтить лучина. Однимъ словомъ, неудовлетвореніе одной изъ важнѣйшихъ, настоятельнѣйшихъ потребностей государства неизбѣжно остается на отвѣтственности государственнаго органа, спеціально для нея назначеннаго.

Намъ возражаютъ; „чтобы приготовить десятокъ тысячъ народ-

ныхъ учителей въ четыре года, надобно было бы прежде имѣть по одной учительской семинаріи на губернію". А если надобно было, отвѣтимъ мы, то и слѣдовало имѣть; вотъ теперь хотятъ же учреждать по одной такой семинаріи при каждомъ округѣ;—и объ этомъ можно было подумать четыре года тому назадъ точно также, какъ теперь, и мы теперь уже имѣли бы—ну хоть одну тысячу образованныхъ народныхъ учителей. „Содержаніе по одной учительской семинаріи на губернію обошлось бы безъ малаго въ милліонъ рублей". И *слѣдовало имѣть этотъ милліонъ*, скажемъ мы. Слѣдовало имѣть достаточно крѣпкое, истинное убѣжденіе въ пользѣ этого народнагѹ дѣла и его настоятельности, чтобы передать свое убѣжденіе законодательному учрежденію, опредѣляющему бюджетъ. Будутъ ли утверждать, что Россія изъ 500 милл. своихъ годовыхъ издержекъ не можетъ употребить одного милліона на то, чтобы въ четыре года дать народу десять тысячъ учителей? Но для того, чтобы сдѣлать это, надо прежде всего самимъ имѣть сочувствіе къ нуждамъ народа, и истинное убѣжденіе въ необходимости дать ему доступъ къ умственному развитію. Спрашивается только, есть ли именно эти-то данныя?

Итакъ, недостатокъ средствъ министерства вообще не можетъ оправдывать неисполненія того, что было въ высшей степени необходимо и вполнѣ возможно исполнить. Но затѣмъ войдемъ въ категорію понятій авторовъ отвѣта и допустимъ, что средства, какія имѣетъ министерство народнаго просвѣщенія, отъ него не зависятъ, и что по ограниченности своихъ средствъ оно должно и дѣйствовать согласно поговоркѣ: „по одёжкѣ протягивай ножки". При такой постановкѣ вопроса, что̀ представляется первой необходимостью? Ограничить свою задачу и распредѣлять свои наличныя средства на то, что нужнѣе—это, кажется, безспорно. Если средствъ своихъ вы умножить не можете, то дѣлайте всевозможныя сбереженія для удовлетворенія той потребности, которая наиболѣе настоятельна. Такъ ли это? Сбереженіе есть одинъ изъ важныхъ финансовыхъ источниковъ, но къ которому прибѣгаютъ весьма рѣдко!

Мы видимъ наоборотъ, что министерство народнаго просвѣщенія слишкомъ малую часть своихъ средствъ употребляетъ именно на настоятельную потребность: устройство народныхъ школъ и учительскихъ семинарій. Оно даже и не приняло на себя еще серьезной иниціативы въ этомъ дѣлѣ, оно еще все полагаетъ возможнымъ ограничить свою дѣятельность, главнымъ образомъ, вспомоществованіями. Да и всего-то на народныя училища внутреннихъ губерній оно отпускаетъ изъ своего 10-ти-милліоннаго бюджета 408 тысячъ рублей, по удостовѣренію предъявленной намъ отповѣди. За то министерство, при всей ограниченности своихъ средствъ, не ограничиваетъ свою задачу потребностями самонужнѣйшими, а расширяетъ ее. Не такъ важно

ему кажется, чтобы русскій крестьянинъ имѣлъ возможность толково учиться грамотѣ, чтобы поднимался умственный уровень, а затѣмъ и нравственное могущество массы русскихъ крестьянъ и ихъ нравственное преобладаніе среди инородцевъ. Нѣтъ; несмотря на всю ограниченность средствъ, признается необходимымъ значительную часть ихъ обращать на увеличеніе числа классическихъ гимназій и прогимназій, и на школы предназначенныя для того собственно, чтобы латышъ учился грамотѣ не нѣмецкой, литвинъ не польской, а русской, и чтобы малороссъ пріучался къ чистотѣ великорусскаго произношенія. Нѣтъ спора, всѣ такія и имъ подобныя цѣли могутъ быть въ виду администраціи народнаго просвѣщенія, но уже никакъ *не въ ущербъ* всему дѣлу народнаго образованія въ массѣ коренного русскаго народа, которой умственное развитіе и составляло бы надежнѣйшій оплотъ цѣльности всего русскаго государства. Дѣло въ развитіи и благосостояніи корня; безъ нихъ, сколько ни стриги и ни прививай вѣтвей, дерево крѣпко не будетъ.

И все распредѣленіе „ограниченныхъ" средствъ министерства народнаго просвѣщенія человѣку, знакомому съ истинными потребностями Россіи, не можетъ не показаться страннымъ въ виду именно ихъ ограниченности. Изъ бюджетной суммы въ 10.444,420 руб. идетъ на народныя училища внутреннихъ губерній всего 408,088 р., т.-е. менѣе пяти копѣекъ съ рубля. Все, что удѣляется изъ этого 10-ти-милл. бюджета на народныя училища по всей имперіи, составляетъ всего 703 т. руб., изъ которыхъ еще 127 т. р. уходятъ на содержаніе инспекторовъ и директоровъ. Чтожъ дѣлать, денегъ мало, говорятъ намъ. Но въ такомъ случаѣ, оставьте ужъ хоть политику-то въ сторонѣ и уменьшите расходъ на инспекторовъ, который нынѣ еще полагается увеличить расходомъ на помощниковъ этихъ инспекторовъ. Денегъ нѣтъ—въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ли съэкономить въ пользу учительскихъ семинарій хоть что-нибудь изъ расхода на содержаніе центральнаго и окружного управленій министерства народнаго просвѣщенія? Если изъ бюджета въ 10 милл. рублей жаль отпустить на народныя школы во внутреннихъ губерніяхъ болѣе 408,088 р., то почему же изъ ограниченныхъ средствъ этого 10-милліоннаго бюджета признается возможнымъ расходовать гораздо бóльшую сумму, а именно до 475 т. р. на содержаніе центральнаго и окружного управленія? Защитники министерства народнаго просвѣщенія претендуютъ на обиліе образовательныхъ средствъ другихъ вѣдомствъ, особенно военнаго, и говорятъ: „Сколько учительскихъ семинарій могло бы содержаться на тѣ суммы, которыя расходуются, напримѣръ, на неслыханную нигдѣ военную юридическую академію. Вотъ серьезная сторона дѣла" и т. д. Нисколько это не серьезная сторона дѣла, когда рѣчь идетъ о министерствѣ народнаго просвѣщенія, потому именно, что будто бы дай

ему лишнихъ $74^1/_2$ т. р. (стоимость содержанія военно-юрид. академ. вмѣстѣ съ училищемъ), оно такъ сейчасъ и станетъ ихъ расходовать на учрежденіе учительскихъ семинарій. Какъ бы не такъ! Оно прибавитъ эти суммы на усиленіе окладовъ или умноженіе числа инспекторовъ и ихъ помощниковъ. Серьезная сторона дѣла, когда рѣчь идетъ о министерствѣ народнаго просвѣщенія, состоитъ въ томъ, что направленіе имъ избранное несообразно съ современными настоятельными народными потребностями, а не въ томъ, сколько военное министерство расходуетъ на юридическую академію. Большому кораблю большое и плаванье, а вѣдь адвокаты министерства народнаго просвѣщенія жалуются на ограниченность его средствъ. Пусть военное министерство изъ 150-милл. бюджета и издерживаетъ $74^1/_2$ на военно-юридическія училища, но изъ этого все-таки никакъ не слѣдуетъ, что вѣдомство просвѣщенія изъ 10-милл. бюджета должно расходовать на самое высшее свое управленіе 15 т. р. болѣе, чѣмъ расходуетъ военное министерство (12 т. р. по смѣтѣ военнаго министерства, въ которомъ товарища министра не положено, и $27^1/_2$ т. р. по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія), а на все свое управленіе болѣе, чѣмъ на всѣ народныя школы вмѣстѣ взятыя (свыше 450 т. р. на центральное и окружное, да 127 тыс. р., на инспекціи; а на народныя школы и приготовленіе учителей для нихъ, всего — 558,610 рублей).

Тоже самое необходимо сказать и объ издержкѣ на особый литературный для администраціи просвѣщенія органъ. Военное вѣдомство, при 150-милл. бюджетѣ имѣетъ изданія, въ которыхъ помѣщаются приказы по арміи и статьи объ улучшеніяхъ по разнымъ отраслямъ военнаго дѣла. Но если слабая дѣятельность вѣдомства просвѣщенія по отношенію къ народнымъ школамъ объясняется ограниченностью его средствъ, то вѣдь эта же ограниченность тѣмъ болѣе должна бы устранить такую роскошь, какъ печатаніе статей гг. Григорьева, Градовскаго и Миллера на счетъ 12-ти тысячъ рублей, отнимаемыхъ у бюджета, и 13-ти тыс. рублей, отнимаемыхъ сверхъ того у училищъ обязательною подпискою на эти произведенія человѣческаго ума. На что военно-юридическая академія! А на что историко-филологическій институтъ съ расходомъ въ 108 т. р., когда во всѣхъ университетахъ есть историко-филологическіе факультеты? Сколько на *эти* 108 т. рублей можно бы учредить учительскихъ семинарій? По вашему же разсчету, можно бы учредить ихъ на одну эту сумму *семь*!

Пустыя возраженія, которыя намъ предъявлены, мы предвидѣли. Въ январьскомъ обозрѣніи мы говорили о министерствѣ народнаго просвѣщенія: „если спросить его, что *оно* сдѣлало для того, чтобы вести народъ въ уровень съ реформами, оно — можетъ показать только свой бюджетъ. Но не цифра въ бюджетѣ нужна, а нужны результаты. Гдѣ тысячи образованныхъ народныхъ учителей (которыхъ

въ Пруссіи на 18-милл. населеніе болѣе 30-ти тысячъ); сдѣлано ли хотя бы прочное начало для обширной инициативы государства въ настоятельномъ дѣлѣ *народнаго* образованія?" Этого не сдѣлано, и сдѣлано это, прибавимъ, едва ли и будетъ, сколько бы ни прибавлять средствъ министерству. Дѣло въ томъ, что не это интересуетъ его, и дѣло народнаго образованія можетъ быть серьезно поставлено у насъ именно только при полной перемѣнѣ системы.

Въ составъ Присутствія, назначеннаго для разсмотрѣнія проектовъ, внесенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, призванъ и военный министръ. Защитники во чтобы то ни стало нынѣшняго вѣдомства народнаго просвѣщенія постоянно жалуются на то, что военному вѣдомству на „реальное образованіе" отпускается слишкомъ много средствъ въ ущербъ образованію par excellence, т.-е. образованію классическому, которое всего ближе лежитъ къ сердцу вѣдомства просвѣщенія. При законодательномъ обсужденіи всего вопроса, съ участіемъ главнаго начальника военнаго вѣдомства, быть можетъ обнаружится, что само военное министерство не считаетъ вполнѣ удовлетворительнымъ реальнымъ образованіемъ то, которое дается нынѣшними военными гимназіями, и быть можетъ, будетъ не прочь даже и слить свою общеобразовательную учебную часть съ учебною частью гражданскою. Но при этомъ представляется необходимѣе всего обезпечить участь раціонально-научнаго средняго образованія въ Россіи, что не можетъ быть достигнуто безъ передѣлки проекта объ усиленіи классицизма, нынѣ внесеннаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, и безъ перемѣны всей системы, нынѣ дѣйствующей въ его управленіи. Во всякомъ случаѣ, лицу, стоящему нынѣ во главѣ военно-учебныхъ заведеній и бывшему прежде попечителемъ московскаго учебнаго округа, потребности гражданскаго образованія извѣстны не менѣе, какъ и потребности образованія спеціально-военнаго, и Россія всегда будетъ ему благодарна и за то весьма успѣшное начало къ привитію въ ней, хотя и въ неполномъ видѣ, образованія реальнаго, какое было осуществлено доселѣ въ военныхъ гимназіяхъ. Мы еще недавно читали въ біографическомъ очеркѣ жизни такого опытнаго и просвѣщеннаго педагога, какимъ несомнѣнно былъ К. Д. Ушинскій, что онъ, при всемъ своемъ уваженіи къ классической образованности, отдалъ сына однако на воспитаніе въ военную гимназію, не считая возможнымъ помѣстить его въ такъ-называемыя классическія гимназіи. Подобный примѣръ отца, и такого отца, какъ покойный Ушинскій, говоритъ краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій, гдѣ наше общество въ послѣднее время болѣе разсчитывало получить просвѣщеніе, и по счастливому стеченію обстоятельствъ находило его именно въ учебномъ вѣдомствѣ военнаго министерства.

Очевидно теперь, что главный практическій вопросъ минуты, при

настоящемъ положеніи дѣла, состоитъ вовсе не въ подробностяхъ, а въ томъ, чтобы не была законодательнымъ путемъ установлена такая учебная система, которая, соотвѣтствовала бы только убѣжденіямъ лицъ, призванныхъ въ то или другое время вести впередъ народное просвѣщеніе Россіи. Притомъ, кто можетъ поручиться, что будущіе дѣятели народнаго просвѣщенія станутъ раздѣлять чисто-личныя, вовсе невозникающія изъ народныхъ потребностей Россіи предилекціи, и раціонально ли было бы связать ихъ впередъ, давъ нынѣ законодательное освященіе какимъ-нибудь личнымъ, временнымъ предилекціямъ?

Мы имѣемъ все основаніе думать, что весьма авторитетныя слова, сказанныя въ самомъ концѣ 1869-го года, по поводу намѣренія открыть въ Москвѣ шестую классическую гимназію, не потеряли своей силы и до-сихъ-поръ: „Реальныя гимназіи (а не училища: замѣтьте!) не только имѣютъ *свое неоспоримое значеніе*, но и составляютъ, особенно въ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ, насущную потребность для мѣстныхъ жителей, доставляя имъ возможность подготовлять своихъ дѣтей какъ къ поступленію въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, такъ и прямо на практическое поприще заводской и технической промышленности, нуждающейся до крайности въ отечественныхъ *дѣятеляхъ*". Итакъ, оказывается, что вовсе не одна редакція „Вѣстника Европы" и ея „писаки", признаютъ, 1) что реальныя *гимназіи* могутъ имѣть „свое собственное значеніе", т.-е. служить основою общественнаго образованія, и глубоко заблуждаются тѣ, которые полагаютъ, что намъ нужны только реальныя *училища*, т.-е. профессіональныя школы, подготовливающія искусныхъ мастеровыхъ; и 2) что намъ нужны, именно не мастеровые, а мастера, или, какъ выше сказано „дѣятели" на поприщѣ заводской и технической промышленности; между тѣмъ по всему, что мы знаемъ о проектѣ закона о будущихъ реальныхъ училищахъ, надобно ожидать, что Россію хотятъ снабдить мастеровыми, а мастера по прежнему будутъ выписываться готовыми изъ-заграницы. Откроемъ-же по примѣру Пруссіи, а теперь и классической Англіи, двери университета воспитанникамъ реальныхъ гимназій; если же это исполнится, то, конечно, проектъ, написанный съ цѣлью сдѣлать ихъ негодными для того,—осуждается тѣмъ самымъ—цѣликомъ. Затѣмъ, забота о реальныхъ или профессіональныхъ школахъ должна быть предоставлена министерству торговли, или тому министерству, въ рукахъ котораго сосредоточено у насъ управленіе торговлею, а также тому министерству, вѣдѣнію котораго принадлежатъ городскія и земскія управленія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го апрѣля, 1871.

Лондонская конференція и обозрѣніе новаго трактата. — Отношеніе къ нему европейской печати. — Заслуга князя Горчакова. — Положеніе кабинета Гладстона. — Отложенныя дѣла. — Переписка св. синода съ константинопольскимъ патріархомъ. — Мятежъ въ Парижѣ. — Старые принципы и новые факты. — Открытіе перваго германскаго сейма.

Отмѣна стѣснительныхъ для насъ условій парижскаго трактата 1856-го года совершилась совершенно благополучно. 13-го (1-го) марта, представителями Россіи, Англіи, Германіи, Италіи, Турціи и Франціи подписанъ новый трактатъ, который даетъ международную санкцію провозглашенной уже нашимъ правительствомъ необязательности упомянутыхъ условій для Россіи. Этотъ трактатъ состоитъ изъ девяти статей, изъ числа которыхъ собственно только три посвящены существенному вопросу объ отмѣнѣ нейтрализаціи Чернаго моря и о признаніи за Портою права открывать проливы въ мирное время для военныхъ судовъ „дружественныхъ и союзныхъ державъ". Остальныя статьи относятся къ вопросамъ второстепеннымъ, а именно къ продолженію дѣятельности международной коммиссіи о регулированіи устья Дуная, къ работамъ и взиманію пошлины съ этою цѣлью.

Бросимъ взглядъ сперва на текстъ послѣдовавшихъ измѣненій парижскаго трактата, въ существенномъ вопросѣ, который былъ поднятъ заявленіемъ нашего правительства, а потомъ и на характеръ и значеніе происходившихъ на лондонской конференціи переговоровъ, какъ они занесены въ ея шесть протоколовъ. Пунктъ 1-й новаго трактата отмѣняетъ статьи 11, 13 и 14-ю трактата 1856-го года, а также приложенную къ статьѣ 14-й его конвенцію. Такимъ образомъ, отмѣняется нейтрализація Чернаго моря и запретъ держать на немъ военныя суда, сверхъ числа условленнаго въ отдѣльной конвенціи, и возводить или содержать на берегахъ Чернаго моря военно-морскіе арсеналы. Россія и Турція, въ силу этой отмѣны, получаютъ право устрои-

вать арсеналы, гдѣ хотятъ, и держать на Черномъ морѣ столько военныхъ судовъ, сколько каждая изъ нихъ пожелаетъ. Затѣмъ, отмѣняется и отдѣльная конвенція между Россіею и Турціею о числѣ военныхъ судовъ, и отмѣна этой конвенціи подтверждается особою новою конвенціею, которая будетъ заключена съ этой цѣлью опять отдѣльно между Россіею и Турціею. Пунктъ 2-ой лондонскаго трактата даетъ Турціи *замѣну* нейтрализаціи Чернаго моря, а именно признаетъ за ней право открывать проливы для военныхъ судовъ въ мирное время. Редакція этого пункта довольно странная. Въ немъ сказано: „Принципъ *закрытія* Дарданеллъ и Босфора, какъ онъ установленъ отдѣльной конвенціею 30-го марта 1856-го года, сохраняется, съ предоставленіемъ е. и. величеству султану права *открывать* названные проливы въ мирное время для военныхъ судовъ дружественныхъ и союзныхъ державъ, въ случаѣ, если Высокая Порта будетъ считать это нужнымъ, дабы обезпечить основаніе постановленій парижскаго трактата 30-го марта 1856-го года". Признается принципъ закрытія проливовъ, вмѣстѣ съ правомъ открытія ихъ. Запутанность изложенія этого пункта зависѣла, очевидно, отъ желанія дипломатовъ устранить отъ права, представляемаго нынѣ Портѣ, видъ замѣны другой гарантіи, нынѣ отмѣняемой. Вотъ почему и сказано, какъ будто только подтверждается то, что уже было, а въ сущности этотъ пунктъ заключаетъ въ себѣ не только подтвержденіе принципа, но и дозволеніе отступленій отъ него, и имѣетъ главною цѣлью именно допущеніе такихъ отступленій. Но хотя, такимъ образомъ, изъ текста трактата устранена всякая мысль о *замѣнѣ* одной гарантіи другою, новою, тѣмъ не менѣе эта мысль была совершенно ясно высказана въ конференціи, и признаніе за султаномъ права впускать военныя суда въ проливы въ конференціи было именно представляемо какъ „эквивалентъ" отмѣняемой нейтрализаціи Чернаго моря.

Указаніе на право допущенія военныхъ судовъ дружественныхъ державъ въ проливы, какъ на „эквивалентъ" нейтрализаціи Чернаго моря, исходило отъ представителя самой Порты. Во второмъ засѣданіи лондонской конференціи (24-го января), Мусурусъ-паша, возражая противъ заявленія русскаго уполномоченнаго, что постановленія трактата 1856-го года несогласны съ независимостью прибрежныхъ государствъ, и что на значеніе ихъ существенно повліяли происшедшія въ теченіи 15-ти лѣтъ перемѣны, выразилъ однако согласіе своего правительства принять такія измѣненія прежняго трактата, въ которыхъ прочія подписавшія его державы усмотрятъ „*равныя* (*equivalentes*) *гарантіи*, совмѣстныя съ безопасностью оттоманской имперіи". Итакъ, Россіи и Турціи предоставляется заводить на Черномъ морѣ какія онѣ хотятъ силы, но для устраненія опасности, какая бы могла возникнуть для Турціи изъ такой отмѣны прежней гарантіи, ей предоставляется право

и въ мирное время впускать иностранные военные флоты въ свои проливы. Что при этомъ имѣется въ виду впускъ не русскаго флота, конечно, а именно флотовъ, которые пришли бы на помощь къ Турціи противъ Россіи—очевидно, хотя изъ окончательнаго текста трактата удалено всякое выраженіе, которое бы прямо намекало на такое недовѣріе къ Россіи. Въ первоначальномъ текстѣ поставлено было выраженіе флотовъ *неприбрежныхъ* державъ (non-riveraines). Но турецкій посланникъ, въ третьемъ засѣданіи конференціи (3-го февраля), высказывался противъ употребленія выраженія „неприбрежныхъ", на томъ основаніи, что оно, во-первыхъ, заключало въ себѣ какъ бы ограниченіе верховныхъ правъ Порты (безусловнымъ исключеніемъ русскаго флота), а во-вторыхъ, „имѣло видъ, какъ будто оно направлено исключительно противъ Россіи". Поэтому Мусурусъ-паша предлагалъ замѣнить выраженіе „прибрежныхъ"—названіемъ „дружественныхъ", и впослѣдствіи согласился съ предложенною посланникомъ Италіи формулою: „дружественныхъ и союзныхъ", которая и вошла въ трактатъ, несмотря на нѣкоторую оппозицію со стороны лорда Грэнвилля. Но, тѣмъ не менѣе, смыслъ этого „эквивалента" заключается все-таки въ томъ, что онъ предоставляется Турціи какъ гарантія противъ Россіи, иначе онъ не былъ бы „эквивалентомъ" условія нейтрализаціи Чернаго моря, направленнаго исключительно противъ Россіи.

Въ практическомъ смыслѣ, это право, предоставляемое султану, сводится къ тому, что въ виду какой-либо опасности со стороны Россіи, онъ можетъ заблаговременно впустить въ проливы флоты западныхъ державъ, и *это не будетъ составлять факта объявленія имъ войны.* Во время войны, онъ всегда могъ бы призвать въ проливы союзные себѣ флоты, но теперь получаетъ возможность сдѣлать это до объявленія войны. Вотъ и все практическое значеніе этой новой гарантіи. *Сама по себѣ* она, конечно, очень неважна и никакъ не можетъ равняться съ нейтрализаціею Чернаго моря, то-есть съ запрещеніемъ Россіи имѣть вообще военный флотъ на этомъ морѣ. Если же она нынѣ представителями Турціи и Англіи признана „эквивалентомъ" той гарантіи, то изъ самого этого ясно слѣдуетъ, что обстоятельства нынѣ весьма существенно измѣнились противъ 1856-го года, а съ ними и значеніе условій 1856-го года уже существенно несоотвѣтствовало нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Нынѣшнюю гарантію, т.-е. право открывать проливы военнымъ судамъ въ мирное время Россія сама, въ 1855-мъ году, предлагала Турціи и ея союзникамъ какъ эквивалентъ того, чего они тогда добивались, а именно нейтрализаціи Чернаго моря. Но въ то время, ни Турція, ни ея союзники не согласились признать этого эквивалента эквивалентомъ. Изъ протокола засѣданія 21-го апрѣля 1855-го года вѣнской конференціи, когда князь Гор-

чаковъ и г. Титовъ предложили, взамѣнъ нейтрализаціи Чернаго моря— право открытія проливовъ военнымъ кораблямъ для дружественныхъ съ Портою державъ во всякое время (приложенія А и В къ протоколу № 12 вѣнской конференціи), видно, что представители другихъ державъ не только не признали этой гарантіи равносильною первой, но прямо объявили ее недостаточною. Г. Друэнъ-де-Люи сказалъ, что онъ не можетъ согласиться съ принципомъ прямо противоположнымъ тому, который проводитъ Франція, а лордъ Джонъ Россель, присоединяясь къ этому заявленію, прибавилъ, что, по его мнѣнію, открытіе проливовъ „не представляетъ гарантіи противъ опасностей, которыя требуется устранить". Мало того, г. Друэнъ-де-Люи указалъ въ открытіи проливовъ безразлично для всѣхъ флотовъ державъ, не находящихся въ войнѣ съ Турціею (т.-е. въ условіи нынѣ допущенномъ) ту опасность, что въ силу его, русскій балтійскій флотъ могъ бы быть проведенъ въ Черное море, на соединеніе съ тамошнимъ русскимъ флотомъ. Въ настоящее время, когда первая гарантія замѣнена своимъ „эквивалентомъ"—второю гарантіею, нѣтъ сомнѣнія, что при дружественныхъ отношеніяхъ съ Портою, какія существуютъ теперь и особенно обнаружились переговорами на лондонской конференціи, Россія могла бы послать весь свой балтійскій флотъ въ Средиземное море, а затѣмъ, съ согласія султана, провесть его чрезъ проливы въ Черное море. Правда, очень можетъ быть, что султанъ не согласился бы на такое непосредственное примѣненіе лондонской конференціи, но его правительству нелегко было бы мотивировать отказъ. Трактатъ предоставляетъ ему право открывать проливы для флотовъ дружественныхъ державъ. Что наши отношенія къ Турціи въ настоящее время — вполнѣ дружественныя, это удостовѣряется всѣмъ ходомъ переговоровъ на лондонской конференціи: уполномоченный Турціи заботился даже объ устраненіи изъ трактата всякаго обиднаго для насъ выраженія. Почему же Порта могла бы отказать намъ въ настоящее время въ полномъ удовлетвореніи за терпѣливое перенесеніе нами, втеченіи 15-ти лѣтъ, унизительныхъ условій парижскаго трактата? Ей было бы нелегко мотивировать свой отказъ, и очень можетъ быть, что въ виду волненія въ Дунайскихъ княжествахъ, въ виду неудовлетворительнаго положенія дѣлъ въ Греціи и продолжающемся кризисѣ болгарскаго вопроса, она не рѣшилась бы на убѣжденія Россіи и Пруссіи вмѣстѣ — отвѣчать отказомъ. Странно было бы отвѣчать безусловнымъ отказомъ на энергическое, хотя и дружественное домогательство, когда за этимъ отказомъ не стоялъ бы никто. А въ настоящее время никто не стоялъ бы за отказомъ Турціи пропустить нашъ балтійскій флотъ весною 1871-го года въ Черное море. Не стояла бы Франція, не стояла бы и Англія, потому что Англія, при нынѣшнемъ правительствѣ, будетъ продолжать, прежде всего, соблюдать осторожность и соединенную съ нею экономію.

И еслибъ это, благодаря обстоятельствамъ, которыя не скоро повторятся, удалось, если бы слѣдуя правилу „ковать желѣзо пока оно горячо“, мы серьезно попробовали уже въ этомъ апрѣлѣ мѣсяцѣ исходатайствовать у Порты пропускъ нашего балтійскаго флота въ Черное море—когда еще главное вниманіе Европы обращено на французскія дѣла, когда еще и сама Пруссія, или германская имперія, въ насъ нуждается,—то этимъ мы сберегли бы многіе милліоны рублей на новое „заведеніе“ (establishment) на Черномъ морѣ, которые иначе должны выйти изъ кармановъ русскихъ плательщиковъ податей.

Но возвратимся къ оцѣнкѣ новаго трактата. Уполномоченный Австріи, графъ Буоль - Шауэнштейнъ, когда онъ резюмировалъ въ засѣданіи 21-го апрѣля 1855-го года пренія дипломатовъ, произнесъ слова, которыя не слѣдуетъ терять изъ виду и въ настоящее время. Онъ сказалъ, что принципъ открытія проливовъ, который проводили уполномоченные Россіи въ то время, представляетъ не только опасность для Турціи, устраненіемъ гарантіи болѣе серьезной, но и для самой Россіи. На эту точку зрѣнія становились мы, когда еще не было рѣчи объ отмѣнѣ парижскаго трактата. Мы говорили тогда, что военныя силы Россіи на Черномъ морѣ должны, во всякомъ случаѣ, быть увеличены, потому что, въ случаѣ размолвки, безопасность нашихъ береговъ должна быть разсчитана не противъ одной Турціи, но противъ Турціи *съ союзомъ*, потому что Турція одна, безъ союзниковъ, никогда не начнетъ непріязненныхъ дѣйствій. Принципъ открытія проливовъ въ мирное время, въ самомъ дѣлѣ, приближаетъ къ нашимъ южнымъ портамъ всѣ военно-морскія силы Запада, и потому было бы желательно, чтобы первымъ примѣненіемъ лондонскаго трактата былъ бы пропускъ въ Черное море нашего балтійскаго флота. Турецкое правительство поступило весьма любезно, стараясь исключить изъ лондонскаго трактата всякое выраженіе, которое могло быть обидно для насъ. Но еще гораздо бóльшее удостовѣреніе дружественныхъ отношеній его какъ къ Россіи, такъ и къ Германіи, оно дало бы, если бы согласилось дать намъ то удовлетвореніе послѣ унизительнаго условія парижскаго трактата 1856-го года, чтобы балтійскій флотъ нашъ былъ пропущенъ теперь же въ Черное море.

Въ балтійскомъ морѣ нашему флоту теперь будетъ нечего дѣлать. Пруссія или Германія располагаетъ, въ ближайшемъ будущемъ, пятью милліардами франковъ, которые можетъ употребить по своему усмотрѣнію на чрезвычайныя надобности. Нѣтъ сомнѣнія, что одною изъ такихъ надобностей будетъ усиленіе германскаго флота. Усиленіе его можетъ произойти на эти деньги въ такихъ размѣрахъ, что мы, съ нашимъ 20-милліоннымъ морскимъ бюджетомъ, останемся внѣ всякой съ нимъ конкурренціи. Даже и безъ предположенія, что датское королевство вступитъ въ составъ германской имперіи, чтобы возвратить

себѣ сѣверный Шлезвигъ,—нашему флоту пока нѣтъ никакой будущности на балтійскомъ морѣ. Никакихъ ни союзниковъ, ни племенъ, призывающихъ наше покровительство, мы здѣсь себѣ не предвидимъ. Швеція ли попроситъ нашего покровительства противъ Даніи, или бывшіе ганзейскіе города́ противъ Пруссіи? Ничего подобнаго быть не можетъ. И прибалтійскій вопросъ,—если только онъ вопросъ,—не потребуетъ для своего рѣшенія балтійскаго флота. Балтійскій вопросъ можетъ получить рѣшеніе въ какомъ угодно смыслѣ, въ смыслѣ ли сохраненія отдѣльнаго остзейскаго комитета, или въ смыслѣ уравненія остзейскихъ губерній съ остальными, но во всякомъ случаѣ вполнѣ сухопутное, никакого содѣйствія флота нетребующее. Для чего же мы будемъ продолжать издерживать здѣсь на морскія силы около 20-ти милл. ежегодно? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что смыслъ политическаго положенія настоящей минуты, и будущность нашихъ морскихъ силъ, и наши бюджетныя соображенія—все это согласуется въ томъ, чтобы серьезно и немедленно домогаться примѣненія лондонской конвенціи въ смыслѣ пропуска нашего балтійскаго флота въ Черное море. Въ международномъ заявленіи такой нашей потребности мы не останемся наединѣ: нѣтъ никакого сомнѣнія, что дипломатія германской имперіи будетъ весьма серьезно, и съ убѣжденіемъ, поддерживать такое предложеніе, которое равносильно устраненію съ балтійскаго моря (Ostsee) главныхъ морскихъ силъ Россіи, съ перенесеніемъ ихъ куда угодно, *хотя-бы и въ Черное море*. Этимъ мы должны воспользоваться, такъ какъ трактатъ 13 (1) марта даетъ на это полную возможность. Съ другой стороны, недавній примѣръ самой Пруссіи показываетъ, какъ Франція, страшно превышающая морскими силами нѣмецкій флотъ, оказалась безвредна Пруссіи, и какъ въ концѣ концовъ французамъ пришлось высадить на сушу свои морскія силы.

Мы видѣли выше, до какой степени западная дипломатія считала недостаточною для Турціи, въ 1855-мъ году, ту самую гарантію (открытіе проливовъ военнымъ судамъ союзныхъ державъ), которою она нынѣ сочла возможнымъ обойтись. Напоминая о тогдашнемъ сопротивленіи европейской дипломатіи, о ея единогласныхъ утвержденіяхъ, что открытіе проливовъ было гарантіею положительно-недостаточною для безопасности Турціи, мы только хотѣли показать, что если нынѣ, тою же самою дипломатіею, такое условіе признается гарантіею вполнѣ *достаточною*, то это означаетъ только, что обстоятельства измѣнились весьма существенно. Напрасно турецкій уполномоченный заявлялъ въ конференціи, что событія, происшедшія въ теченіи послѣднихъ 15-ти лѣтъ, не повліяли существенно на значеніе условій 1856-го года, когда онъ же согласился на допущеніе *взамѣнъ* одной гарантіи для Турціи въ 1871-мъ году той именно гарантіи, которая, въ 1855-мъ году, была признана положительно-недостаточною. Событія послѣднихъ 15-ти лѣтъ—

вопреки отзыву турецкаго уполномоченнаго, повліяли на общее положеніе дѣлъ такъ много, что нынѣ мы видимъ Порту дружественною нашему кабинету, и рядомъ съ беззащитностью нашихъ береговъ Чернаго моря видимъ турецкій флотъ изъ панцырныхъ судовъ. По показанію „Военно-Статистическаго Сборника", Турція имѣетъ (1868 г.) пять броненосныхъ фрегатовъ, въ 900 силъ каждый, да еще было заказано въ Англіи 7, и во Франціи 6 блиндированныхъ канонерскихъ лодокъ, и по показанію той же книги, турецкій флотъ, по отстройкѣ заказанныхъ судовъ, долженъ былъ составлять всего 185 судовъ съ 2,356-ю орудій. По показанію Блока (1869-го года) турецкій флотъ составляютъ 185 судовъ разныхъ величинъ, съ 2,370-ю орудіями, въ томъ числѣ 10 блиндированныхъ.

Итакъ, если нынѣ турецкая и англійская дипломатія признали достаточною для Турціи ту именно гарантію (открытіе проливовъ), которую въ прежнее время они признавали положительно недостаточною для безопасности Турціи, то причиною тому—именно существенно-измѣнившіяся обстоятельства, между которыми главное мѣсто занимаетъ усиленіе морскихъ силъ самой Турціи. Стало быть, дипломатія эта, устами турецкаго уполномоченнаго, напрасно отрицала, что „событія послѣднихъ 15-ти лѣтъ существенно повліяли на положеніе дѣлъ созданное трактатомъ 1856-го года". Положеніе это существенно измѣнилось. Русскій государственный канцлеръ имѣлъ полное право указывать на эти измѣненія, и въ числѣ ихъ, именно на пріобрѣтеніе Турціею панцырнаго флота; и въ результатѣ оказывается, что лондонская конференція подтвердила не только домогательство или желаніе Россіи, но и важнѣйшую посылку, на которой оно было основано.

Вообще все веденіе черноморскаго вопроса дѣлаетъ величайшую честь нашему государственному канцлеру: онъ не только съумѣлъ избрать благопріятную минуту, но и обставить свое заявленіе относительно парижскаго трактата такъ, что оно было и безусловно и вмѣстѣ съ тѣмъ не исключало дальнѣйшаго дипломатическаго освященія. Далѣе, свою точку зрѣнія, то-есть невозможность для Россіи долѣе признавать постановленія того трактата русская дипломатія сохранила и во все продолженіе переговоровъ. Наконецъ, главное изъ этихъ постановленій, наиболѣе стѣснительное для Россіи, замѣнено теперь тѣмъ именно эквивалентомъ, который князь Горчаковъ впервые предлагалъ, самъ лично, на вѣнской конференціи 1855-го года. Такимъ образомъ, можно сказать, что все веденіе черноморскаго вопроса, пріисканіе для него уже 16-ть лѣтъ тому назадъ рѣшенія не унизительнаго и не стѣснительнаго для Россіи, и наконецъ осуществленіе нынѣ этого рѣшенія составляютъ личную заслугу князя Горчакова. Въ высочайшемъ рескриптѣ 18-го марта, которымъ даруется князю титулъ свѣтлости, вполнѣ справедливо сказано, что труды канцлера по черно-

морскому вопросу „оцѣнены по достоинству общимъ признательнымъ сочувствіемъ всѣхъ его соотечественниковъ, дорожащихъ честію и самостоятельностію Русской земли".

Будемъ ли мы домогаться пропуска въ Черное море нашего балтійскаго флота для отвращенія усиленныхъ расходовъ на новое строительство, или не будемъ, все равно мы получаемъ полную возможность обезпечить флотомъ безопасность нашихъ черноморскихъ береговъ. Результатъ лондонской конференціи во всякомъ случаѣ выгоденъ для Россіи.

Но такъ какъ конференція эта собралась не motu proprio, не по общему желанію и согласному почину самой западной дипломатіи, а собственно вслѣдствіе отмѣны обязательности статей парижскаго трактата, провозглашенной Россіею, то понятно, что благопріятный для Россіи исходъ работъ конференціи представляетъ какъ бы побѣду Россіи надъ европейскою дипломатіею, которая приняла теперь гарантію, нѣкогда прямо объявленную ею недостаточною. Естественно, что изъ такого положенія дѣлъ произошло нѣкоторое раздраженіе въ части европейской печати, а именно въ печати французской, австрійской и даже нѣкоторой части печати англійской. Раздраженіе французской печати, впрочемъ, обусловливается не столько самой сущностью пріобрѣтенной Россіею выгоды, сколько бѣдственнымъ положеніемъ Франціи и фактомъ дружественныхъ отношеній между Россіею и Пруссіею. „Вотъ результатъ той бездушной инерціи, съ какою Великобританія позволила задавить свою вѣрнѣйшую союзницу"—говоритъ Journal des Débats: „все, что было добыто цѣною громадныхъ пожертвованій крымской войны, главная гарантія доставленная ею существованію Турціи—нынѣ отмѣнено благодаря безучастію Англіи къ Франціи, между тѣмъ какъ Россія дѣйствуетъ заодно съ Пруссіею". Таковъ смыслъ вообще всѣхъ заявленій французской печати по поводу результата лондонской конференціи, и почти въ томъ же смыслѣ высказываются въ Англіи тѣ органы печати, которые въ теченіи нынѣшней войны проявляли особенное сочувствіе къ Франціи. Но большая часть дѣятельныхъ англійскихъ газетъ, слѣдуя за лордомъ Грэнвиллемъ, въ самыхъ преувеличеніяхъ французской печати находитъ поводъ къ нѣкоторому самоутѣшенію. „Французы теперь находятся въ слишкомъ раздраженномъ состояніи, чтобы разсуждать вполнѣ благоразумно", сказалъ главный секретарь иностранныхъ дѣлъ королевы, въ отвѣтъ на одинъ запросъ въ верхней палатѣ.

Эта самая тема избрана такими газетами, какъ „Times" и „Daily News," для соображеній самоутѣшительнаго свойства. „Французы теперь въ такомъ состояніи, что не могутъ разсуждать вполнѣ благоразумно—не будемъ подражать французамъ",—вотъ эта тема, и надо удивляться, какую важную роль въ политическомъ настроеніи обще-

ства вообще могутъ занимать подобныя, такъ-сказать, „вводныя", то есть чисто-случайныя, нисколько не измѣняющія существа дѣла обстоятельства. Впрочемъ „Times" и „Daily News" не ограничиваются тѣмъ самоутѣшеніемъ, какое представляется французскими, очевидно неосновательными, и даже „неблагоразумными" преувеличеніями. Въ самомъ текстѣ протоколовъ лондонской конференціи они находятъ удовлетвореніе для національнаго самолюбія Англіи. Дѣло въ томъ, что въ первомъ же засѣданіи конференціи, 17-го января, предсѣдатель ея, графъ Грэнвилль сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „Конференція была принята всѣми державами, подписавшими трактатъ 1856-го года, съ цѣлью разсмотрѣть, *безъ всякаго предварительнаго рѣшенія* и обсудить *съ совершенною свободою* (sans aucun parti pris et avec une parfaite liberté) *предложенія*, которыя Россія желаетъ намъ сдѣлать по поводу *требуемаго* ею пересмотра постановленій помянутаго трактата касательно нейтрализаціи Чернаго моря. Это единогласіе служитъ *блестящимъ доказательствомъ* (preuve éclatante) того, что державы признаютъ за существенное начало международнаго права, что ни одна изъ нихъ *не можетъ отказаться* отъ обязательствъ трактата или измѣнить его постановленій иначе, какъ съ согласія договорившихся сторонъ, посредствомъ дружественнаго соглашенія. „Мнѣ кажется,—сказалъ лордъ Грэнвилль,—что это важное начало признано всѣми, а потому я имѣю честь предложить подписать особый протоколъ ad hoc" (то-есть посвященный подтвержденію этого принципа). Такой протоколъ и былъ подписанъ всѣми уполномоченными и приложенъ къ протоколу перваго засѣданія конференціи".

Вотъ въ чемъ тѣ органы англійскаго общественнаго мнѣнія, которые склонны въ настоящемъ случаѣ къ оптимистическому взгляду, находятъ главное и вполнѣ достаточное удовлетвореніе для національнаго самолюбія Великобританіи. Упомянутый протоколъ ad hoc представляется имъ какъ нѣчто въ родѣ отреченія Россіи отъ того права, какое она присвоила-было себѣ объявлять необязательными для себя постановленія трактата 1856-го года. Россія должна была вмѣстѣ со всѣми подтвердить принципъ международнаго права, и это подтвержденіе какъ-бы служитъ спеціальнымъ урокомъ для нея, вполнѣ удовлетворяющимъ самолюбіе всѣхъ подписавшихъ трактатъ 1856-го года. Но какъ для насъ ни безразлично въ сущности такое утѣшеніе, находимое англійскою печатью въ протоколѣ, мы не можемъ не замѣтить, что оно все-таки составляетъ не болѣе, какъ иллюзію. Когда было, чтобы какая-либо держава, объявляя отмѣненными или хотя бы прямо нарушая постановленія любого касающагося ея трактата, стала бы отрицать самую теорію международнаго права объ обязательности трактатовъ вообще или отказалась бы подтвердить то, чего она вовсе не отрицала взамѣнъ признанія тѣхъ требованій, ко-

торыя она сама заявила? Нужна большая доля оптимизма, чтобы въ такомъ согласіи на подтвержденіе международнаго права вообще видѣть какую-либо уступку со стороны русской дипломатіи. Она объявила, что нѣкоторыми постановленіями не будетъ долѣе связываться. Всѣ прочія державы согласились отмѣнить эти постановленія. При этомъ вся дипломатія русская и иностранная вмѣстѣ подтвердили, что международное право есть право. Неужели же какая-либо дипломатія могла отрицать это? Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ дипломатія, всѣ трактаты отмѣнялись сперва фактически, а потомъ такая фактическая отмѣна утверждалась новымъ дипломатическимъ соглашеніемъ, и все это безъ всякаго теоретическаго отрицанія того принципа, что трактаты—обязательны. Точно тоже было и въ настоящемъ случаѣ.

Впрочемъ, какъ уже выше сказано, не вся англійская печать раздѣляетъ оптимистскія воззрѣнія въ „Times“ и „Daily News“. Для образчика приведемъ только нѣсколько словъ изъ отзыва „Standard“ о результатѣ лондонской конференціи: „Только одна дѣйствительная гарантія—говоритъ „Standard“—и была создана трактатомъ 1856-го года; это—нейтрализація Чернаго моря. Можно спорить о томъ, нужна ли была вообще Крымская война, это — другой вопросъ. Но до сихъ поръ никто еще, за исключеніемъ г. Гладстона и преданнаго приверженца его, президента общества мира, несомнѣвался насчетъ важности нейтрализаціи Чернаго моря, которая доказывается уже и самыми усиліями Россіи отмѣнить ее. Эта единственная гарантія нынѣ упущена изъ рукъ, и правительство, соглашаясь упустить ее изъ рукъ, еще подаетъ видъ, какъ будто убѣждено, что одержало побѣду и имѣетъ право на всеобщее одобреніе. Увѣренія его, что оно выхлопотало при этомъ другія, равносильныя гарантіи, просто смѣшно, потому что очевидно, мы однимъ почеркомъ пера прямо возвращены къ тому положенію дѣла, какое существовало до 1854-го года. Что касается доступа военнымъ судамъ въ проливы, то Порта этимъ ровно ничего не выигрываетъ, такъ какъ въ случаѣ нужды она могла бы это сдѣлать и безъ особаго трактата. Россія получаетъ теперь возможность дѣлать что хочетъ на Черномъ морѣ, и Константинополь предоставленъ въ ея руки“.

Впрочемъ, британскому правительству придется еще выдержать сильныя нападки въ парламентѣ по поводу трактата 13-го (1-го) марта. Что оппозиція воспользуется этимъ поводомъ для уменьшенія популярности Гладстона—не могло быть сомнѣнія. Но оппозиція въ настоящемъ случаѣ выступитъ не одна,—а вслѣдъ за нѣкоторыми членами самой либеральной партіи, отдѣляющимися въ этомъ и другихъ вопросахъ отъ программы гладстонова кабинета. Запросъ относительно образа дѣйствій правительства на конференціи заявленъ сэромъ

Чарльзомъ-Дилькомъ, членомъ за одинъ изъ рабочихъ кварталовъ Лондона, именно за Челси. Сэръ Ч. Дилькъ принадлежитъ къ радикальной партіи, но считается въ числѣ независимыхъ членовъ министерскаго большинства. Теперь же онъ предъявилъ министерству запросъ съ цѣлями очевидно не вполнѣ пріязненными, такъ какъ Гладстонъ впередъ сказалъ въ палатѣ, что его „достопочтенный другъ хочетъ его отдѣлать“ и что его запросъ будетъ „выраженіемъ недовѣрія, которое, если будетъ принято, должно побудить министерство выйти въ отставку. Я постараюсь назначить для этого день,“ продолжалъ Гладстонъ, „какъ можно скорѣе, но не такъ скоро, какъ бы самъ того желалъ.“ Это шутливое обращеніе Гладстона, вызвавшее смѣхъ, обнаруживаетъ увѣренность въ успѣхѣ, которая теперь уже и оправдалась: авторъ запроса не рѣшился пустить его на голоса и взялъ назадъ.

Популярность Гладстона главнымъ образомъ создалась его системою производить ежегодно въ бюджетѣ значительное, милліоновъ около четырехъ фунтовъ, превышеніе расходовъ доходами, которое затѣмъ тотчасъ употреблялось на пониженіе нѣкоторыхъ пошлинъ. Вся политика Гладстона можетъ быть названа политикою сбереженій или экономіи. Прѐвосходная политика, конечно. Но, спрашивается, возможно ли одному государству, хотя бы оно и было окружено морями, заниматься только сбереженіями въ бюджетѣ и сокращеніемъ бюджета, когда другія государства въ Европѣ главными предметами своихъ заботъ поставляютъ нѣчто совсѣмъ иное, и съ этимъ образомъ дѣйствій никакъ несогласное? Гладстонъ теперь уже принужденъ былъ озаботиться увеличеніемъ арміи, и ему уже бросили въ палатѣ общинъ упрекъ, что онъ однимъ этимъ биллемъ вычеркнулъ изъ бюджета половину сбереженій Англіи. И въ самомъ дѣлѣ, если Гладстонъ будетъ принужденъ отказаться отъ системы ежегодныхъ сбереженій, которыя завелъ онъ и которыя продолжаетъ нынѣ, подъ его надзоромъ, Робертъ Лоу, то сама „причина быть“, то-есть основа популярности Гладстонова управленія улетучится.

До сихъ поръ, работы парламентской сессіи въ Англіи главнымъ образомъ были посвящены обсужденію военнаго закона. Пренія о военномъ законѣ продолжались очень долго, и дѣло это считалось такъ спѣшнымъ, что всѣ остальные важные проекты законовъ постоянно откладывались. Въ числѣ ихъ находится и билль о введеніи тайнаго голосованія на выборахъ. Мы обѣщали поговорить объ этой новой реформѣ въ избирательномъ законѣ Англіи; но должны отложить это до преній о немъ, которыхъ день еще не назначенъ въ то время, когда мы сдаемъ эти страницы въ наборъ. Мы видимъ только, что въ засѣданіи 24-го (12) марта, Гладстонъ сказалъ, что если сэръ Ч. Дилькъ будетъ настаивать на своемъ запросѣ (а онъ потомъ объявилъ, что будетъ настаивать), то предложеніе относительно билля о секретной

баллотировкѣ не можетъ быть внесено ранѣе понедѣльника, 3-го апрѣля (22-го марта). Итакъ, намъ предстоитъ заняться объясненіемъ этого вопроса въ связи съ избирательною реформою 1867-го года,—въ слѣдующей книгѣ.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ политическимъ фактамъ, обращающимъ на себя главное вниманіе Европы въ настоящее время, а именно къ событіямъ въ Парижѣ, упомянемъ въ нѣсколькихъ словахъ два весьма интересныхъ документа, помѣщенные на дняхъ въ нашемъ „Правительственномъ Вѣстникѣ", а именно — посланіе константинопольскаго патріарха къ св. синоду относительно необходимости созванія вселенскаго собора для осужденія болгарскаго національно-церковнаго движенія, и отвѣтъ св. синода патріарху. Мы считали бы себя вполнѣ некомпетентными разсуждать о томъ, желательно ли созваніе новаго вселенскаго собора для утвержденія какихъ-либо догматовъ вѣры, и въ тоже время не были бы склонны признать компетентность вселенскаго собора въ какихъ-либо вопросахъ сферы не религіозной, а свѣтской. Но въ настоящемъ дѣлѣ вниманіе наше обращается главнымъ образомъ на три небезъинтересные факта. Предложеніе константинопольскаго патріарха показываетъ, что греческіе іерархи не освободились отъ пріема свойственнаго іерархамъ римскимъ: вызывать догматическое рѣшеніе по поводу вопросовъ свѣтскаго управленія, каковымъ слѣдуетъ въ сущности признать вопросъ объ автокефальной болгарской церкви, такъ какъ онъ въ дѣйствительности сводится къ вопросу о независимости болгарскаго народа отъ грековъ, которые не удовольствовались въ качествѣ епископовъ безсовѣстно эксплуатировать этотъ народъ, но даже въ литературѣ проводили мысль о несостоятельности болгарской народности и о томъ, что все, что въ Болгаріи можетъ быть образованнаго, должно быть — греческое, мысль совершенно сходная со взглядомъ гг. Ширрена и Каттнера на неправоспособность эстовъ и латышей въ виду нѣмецкой цивилизаціи.

Во-вторыхъ, въ настоящемъ дѣлѣ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ немъ церкви греческія дѣйствуютъ единодушно въ одну сторону, а церкви славянскія, именно болгарская, сербская и русская довольно согласно дѣйствуютъ въ другую сторону. Наконецъ, заслуживаетъ вниманія, что нашъ св. синодъ, приходя къ выводу о безполезности созванія вселенскаго собора въ настоящемъ случаѣ, не только оказываетъ содѣйствіе болгарамъ (хотя и допускаетъ необходимость большей умѣренности ихъ требованій), но и прямо выражаетъ здравый принципъ отдѣленія духовнаго отъ свѣтскаго, высказываясь противъ созванія вселенскаго собора главнымъ образомъ потому, что вселенскіе соборы созывались по дѣламъ догматическимъ, то-есть по поводу ересей угрожавшихъ опасностью самой вѣрѣ христіанской,

одрывавшихъ или извращавшихъ основные догматы православія и волновавшихъ болѣе или менѣе всю Христову церковь. „А вопросъ *греко-болгарскій*, продолжаетъ св. синодъ, не касается основаній нашей святой вѣры и не угрожаетъ опасностью ни одному изъ ея догматовъ; болгары и не помышляютъ о какой-нибудь перемѣнѣ въ вѣрѣ и ея истинахъ". Св. синодъ, признавшій съ такою истинною мудростью безполезность и нераціональность догматическаго рѣшенія вопроса въ сущности—мірского, вѣроятно не оказалъ бы сопротивленія почину государства къ отмѣнѣ всѣхъ тѣхъ законовъ, которые у насъ все еще стѣсняютъ религіозную свободу совѣсти, навязывая вѣрованія попеченію государства, а сохраненіе вѣрности его гражданъ такимъ или другимъ догматическимъ вѣрованіямъ—страху полицейскихъ и даже судебно-уголовныхъ мѣръ, вовсе несоотвѣтствующихъ святости истинно-религіознаго духа убѣжденія, то-есть самой сущности духа христіанскаго ученія.

Къ событіямъ, происходящимъ нынѣ во Франціи, очевидно, не можетъ быть примѣнена нормальная мѣрка сужденія. Заводить междоусобную борьбу всегда нелѣпо, а тѣмъ болѣе въ такое время, когда страна и безъ того разорена непріятельскимъ нашествіемъ, когда въ ней остановилось все промышленное производство, наконецъ, когда въ самомъ центрѣ ея стоитъ еще громадная непріятельская армія. Нелѣпость преднамѣреннаго возбужденія такой борьбы до такой степени очевидна, что нельзя не удивляться, какая охота большинству европейской печати вопіять „о всей неблагоразумности, о всей преступности, о всей гибельности" и т. д. происшедшихъ въ Парижѣ, Ліонѣ и Марселѣ прискорбныхъ фактовъ. Никто не станетъ распространяться о всей нелѣпости подобныхъ же дѣйствій отдѣльнаго человѣка, зная, что онъ находится въ ненормальномъ положеніи. И судить такого человѣка никто не станетъ какъ человѣка въ положеніи обыкновенномъ.

Франція теперь не находится въ нормальномъ положеніи, не только въ матеріальномъ отношеніи, но и въ нравственномъ. Она не только разорена, и видитъ множество своихъ гражданъ блуждающихъ безъ жилища и безъ работы; она не только поражена болѣзнями—спутницами войны, и голодомъ—ея послѣдствіемъ; ее не только гнететъ крайность нищеты во многихъ мѣстностяхъ, недостатокъ продовольствія въ Парижѣ до такой степени, что бунтовщики „снимая" выстрѣлами офицера съ лошади, тотчасъ распластываютъ эту лошадь и дѣлятся ея частями, а законное правительство дѣйствуетъ на солдатъ угрозою не выдавать имъ казенной пищи; Франція не только предвидитъ неурожай хлѣба, но видитъ на самомъ югѣ падежъ скота, который можетъ обречь всю страну на употребленіе въ пищу одной конины. Нѣтъ, сверхъ всего

этого, и быть можетъ больше всего этого, Франція поражена двумя ударами въ самое свое сердце: она на минуту утратила вѣру въ свое величіе, какъ военное, такъ и нравственное.

Напрасно было бы заниматься теперь переговорами, происходящими между Парижемъ и Версалемъ или вообще предугадывать, какія фазисы пройдетъ этотъ кризисъ, переживаемый Франціею. Одно несомнѣнно: условія мира съ Германіею будутъ исполнены, такъ какъ и центральный комитетъ, какъ и избранное законно правительство сдѣлало заявленія въ этомъ смыслѣ. Стало быть, вопросъ не въ томъ, чтобы драться долѣе съ нѣмцами; вопросъ только въ томъ, драться ли между собою? Очень можетъ быть, что національные гвардейцы Бельвилля и Монмартра рѣшились бы драться съ войсками законнаго правительства, разсчитывая на то, что эти войска, какъ и стоявшія въ Парижѣ, не могутъ быть недоступны убѣжденіямъ, то-есть, такъ-называемому embauchage. Но, каковы бы ни были реакціонерныя похоти версальскаго собранія, нѣтъ сомнѣнія, что правительство поступитъ благоразумнѣе всего, если пойдетъ на сдѣлку, которая устранила бы недоразумѣніе. Сколько намъ извѣстно изъ всѣхъ свѣдѣній, движеніе національной гвардіи Бельвилля и Монмартра не есть злонамѣренный ковъ, устроенный по программѣ Бланки и Флуранса. Насъ увѣряютъ очевидцы, что Бланки, Флурансъ и Піа никакого вліянія на инсургентовъ не имѣютъ. Если Флурансъ и получилъ нѣкоторое вліяніе, то только теперь, вслѣдствіе выборовъ, а не потому, чтобы само движеніе началось и происходило по предписанной имъ программѣ.

Если положеніе дѣлъ таково, то версальское правительство должно прежде всего отрѣшиться отъ излишне-строгаго въ настоящемъ случаѣ настоянія на фактѣ моментальной законности. Лучше всего, очевидно, было бы признать общинные выборы, бывшіе въ Парижѣ по распоряженію центральнаго комитета, то-есть придать имъ законность, подъ условіемъ выдачи инсургентами пушекъ. Что касается ружей— то правительство могло бы, съ полною безопасностью, не требовать ихъ выдачи, такъ какъ часть національной гвардіи безусловно хочетъ сохранить оружіе единственно вслѣдствіе недовѣрія. Если правительство будетъ настаивать на непризнаніи парижскихъ выборовъ и на требованіи обезоруженія національной гвардіи, то это будетъ значить, что оно просто увлекается правительственною рутиною „благоустройства“, не принимая во вниманіе обстоятельствъ. Лучшимъ судьею, опасно ли или неопасно оставленіе ружей національной гвардіи, можетъ быть, во всякомъ случаѣ, населеніе самого Парижа. И вотъ, мы видимъ, что населеніе Парижа весьма спокойно гуляетъ въ виду этой „страшной опасности“. Неужели же можно сочувствовать излишней, въ такомъ случаѣ, приверженности версальскаго правительства къ воз-

становленію „безопасности“, когда опасности вовсе не ощущается? Вѣдь надо же помнить, что сами гг. Жюль-Фавръ, Пикаръ, Гле-Бизуэнъ и т. д. приняли въ свои руки власть въ сентябрѣ не совсѣмъ регулярнымъ образомъ. Не странно ли было бы съ ихъ стороны такое излишнее попеченіе о соблюденіи „законныхъ формъ“, которыхъ они сами въ сентябрѣ были главными нарушителями?

Англійская газета „Times“ проводитъ по этому поводу довольно характеристическую параллель между парижскими событіями 1871-го года и событіями въ Лондонѣ 1848-го года. Когда чартисты угрожали парламенту, въ Лондонѣ масса гражданъ, принадлежащихъ къ достаточнымъ классамъ, приняла присягу на званіе констебля, и въ Лондонѣ явилось вдругъ 150 тысячъ защитниковъ „законности“. „Times“, напоминая этотъ примѣръ, удивляется, что ему не слѣдуютъ въ Парижѣ, гдѣ ему слѣдовать было бы весьма легко, такъ какъ масса достаточныхъ гражданъ обучена генераломъ Трошю всѣмъ военнымъ пріемамъ, однимъ словомъ, имѣетъ такое военное воспитаніе, какого не имѣла масса благонамѣренныхъ гражданъ Лондона, явившихся въ 1848-мъ году на защиту законности. Все это совершенно справедливо относительно оцѣнки силъ. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы національная гвардія прочихъ кварталовъ бросилась на Белльвилль и Монмартръ отнимать силою оружіе у тамошнихъ гвардейцевъ, то она могла бы успѣть въ этомъ предпріятіи цѣною всего какихъ-нибудь тысячи человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Но что же дѣлать, когда національная гвардія, состоящая изъ достаточныхъ гражданъ другихъ частей Парижа, предпочитаетъ гулять и заниматься своими частными дѣлами, чѣмъ стрѣляться съ белльвильцами и монмартрцами, для отнятія у нихъ оружія?

Мы находимъ въ печати такое объясненіе этого страннаго для буржуазныхъ міросозерцателей факта, что виною этому бездѣйствію остальной національной гвардіи въ виду преступнаго, мятежническаго, подкапывающаго всѣ основы общества сопротивленія національной гвардіи рабочихъ кварталовъ—извѣстная привычка французовъ „полагаться во всемъ на правительство и самимъ не проявлять самодѣятельности“. Но признаемся, что этотъ упрекъ французскому обществу, въ которомъ ничто такъ не популярно, какъ дѣйствіе оружіемъ внѣ правительственной программы и даже сама революція, къ сожалѣнію слишкомъ часто повторенная,—кажется недостаточенъ для объясненія настоящихъ событій. Удивленіе въ „Times“ легко понять. Но тѣмъ не менѣе едва ли можно сердечно скорбѣть съ этимъ органомъ самодовольствія капиталистовъ, защищающихъ прежде всего свою собственность, хотя бы и въ качествѣ констеблей, надъ тѣмъ фактомъ, что три четверти парижскаго населенія не рѣшаются предать мечу одну

четверть его за то только, что та дѣйствуетъ несогласно съ формами законности вышедшей изъ беззаконія, то-есть изъ революціи. Вѣдь странно же, въ самомъ дѣлѣ, гг. Жюлю-Фавру и Пикару спорить о законности съ гг. Люлльe и Ворленомъ до пролитія не чернилъ, а—крови. Правда, выборы удостовѣряютъ законность первыхъ. Но вѣдь, если хотите, и плебисцитъ, которымъ держался Олливье, тоже вѣдь имѣлъ въ основѣ своей выборы. Сверхъ того, спрашивается еще, до какой степени въ самомъ дѣлѣ доселѣ могутъ быть дѣйствительны полномочія собранія, избраннаго для заключенія мира, и избраннаго именно ad hoc? Положимъ, что законность формы все-таки на сторонѣ версальскаго собранія, а не парижскихъ мятежниковъ. Но вѣдь изъ-за этого не стóитъ же проливать кровь, когда парижскіе „мятежники" въ самомъ дѣлѣ ничего болѣе не хотятъ, какъ сохранить оружіе и избрать общинное управленіе. Поведеніе мятежниковъ, конечно, заслуживаетъ полнаго осужденія, а совершенныя ими убійства, отъ которыхъ впрочемъ центральный комитетъ всячески отказывается, должны быть причтены къ худшимъ фактамъ въ исторіи Франціи. Непонятно вообще, какъ не хватило у бельвилльцевъ и у монмартрцовъ такта воздержаться отъ уличной борьбы послѣ того, какъ имъ такъ горько неудалась борьба за оградою Парижа, а именно борьба съ пруссаками. Но, повторяемъ, нельзя примѣнять къ конвульсіямъ требованій порядочности манеръ и достоинства поступи.

Во всякомъ случаѣ, во всемъ, что случилось нынѣ, и версальское правительство и особенно собраніе съ своей стороны виноваты кругомъ.

Собраніе забыло тотъ фактъ, что дѣйствительная, реальная правительственная сила Франціи *есть Парижъ*, а не группа людей, не форма, засѣдающая въ Бордо, Версалѣ или Аркашонѣ, какъ бы законна ни была эта форма съ теоретической точки зрѣнія. Можно стараться измѣнить этотъ фактъ, что Франціею въ дѣйствительности правитъ Парижъ. Но смѣшно, не измѣнивъ этого факта—отрицать его и поступать такъ, какъ будто онъ не существуетъ. Нелѣпо было устраняться самимъ изъ Парижа, нелѣпо было оскорблять Парижъ и оскорблять вмѣстѣ регулярную армію, объявляя, что вся она должна быть распущена, и что только новые рекруты дадутъ здоровые кадры для новой арміи. Поступая такимъ образомъ, выражая полное недовѣріе и къ Парижу и къ арміи вмѣстѣ, то-есть къ единственнымъ реальнымъ силамъ минуты, необходимо должны были придти къ тому результату, что Парижъ и армія побратались. Съ какой стати они стали бы стрѣлять другъ въ друга, для удовольсвія „деревенскаго собранія", кототорое оскорбляетъ ихъ обоихъ?

Парижскія событія прискорбны тѣмъ болѣе, что въ этихъ смутахъ

отчасти обнаруживается и преступная, изстари-кровавая рука бонапартизма. Они прискорбны и потому, что сколько бы обѣ стороны ни были правы и обѣ виновны, — нѣтъ сомнѣнія, что продолженіе неустройствъ фатальнымъ образомъ поведетъ къ установленію той или иной диктатуры. Будетъ ли это диктатура герцога Омальскаго, о которой говорятъ теперь, или диктатура генерала Орелля во имя графовъ Шамборскаго и Парижскаго, которыхъ партіи, по послѣднимъ извѣстіямъ, серьезно приступили къ соглашенію своихъ интересовъ и слитію своихъ интригъ, или наконецъ—диктатура самого Наполеона III, во главѣ „деревенскихъ избирателей"—во всякомъ случаѣ это будетъ упадокъ Франціи. Пораженная въ своемъ военномъ величіи она, если не избѣгнетъ еще и новаго пораженія въ своихъ стремленіяхъ къ свободѣ, вступитъ въ періодъ полнаго разочарованія и упадка.

Единственный свѣтлый примѣръ въ исторіи нынѣшнихъ смутъ представляетъ еще, пожалуй, тотъ, отрицательный впрочемъ, фактъ, что Луи Бланъ и его товарищи — депутаты Парижа, не явились похитить власть при помощи бельвилльской національной гвардіи, которая на вандомской площади, безъ зазрѣнія совѣсти, стрѣляла по народу, и была бы готова привѣтствовать такой государственный переворотъ, который, благодаря именамъ представителей, могъ быть названъ la revanche du coup d'Etat, или la triomphe des républicains de la veille или другимъ, весьма благозвучнымъ титуломъ.

Открытіе перваго германскаго сейма послѣдовало въ Берлинѣ 21-го марта (н. с.). День для этого историческаго событія въ жизни германскаго народа опять былъ избранъ „династическій". Германская имперія провозглашена въ 170-лѣтнюю годовщину королевскаго титула династіи гогенцоллерновъ, первый германскій сеймъ открытъ въ день годовщины рожденія главы этой династіи, императора-короля Вильгельма I. Императоръ лично открылъ эту первую сессію перваго германскаго сейма, рѣчью, въ которой, естественно, главное мѣсто занимаетъ выраженіе радости по поводу побѣды и совершившагося объединенія Германіи. Но Европа не безъ нѣкотораго удивленія узнаетъ изъ этой рѣчи, что нынѣшняя, счастливо оконченная война была опять война „за независимость Германіи". Тронная рѣчь и начинается именно словами: „послѣ достославной, но тяжкой борьбы за свою независимость, побѣдоносно веденной Германіею". Итакъ, настоящая война ведена была Германіею не для отраженія нападенія второй французской имперіи, а за „независимость". Отъ чьего ига? Отъ ига Франціи, конечно. Такимъ образомъ, положеніе Германіи до іюля 1870-го года приравнивается къ положенію Италіи до 1859-го года, когда Венеція съ Ломбардіею принадлежали Австріи, а остальныя области Италіи, за исключеніемъ Сардинскаго королевства, управлялись короно-

ванными агентами Австріи. „Мы достигли—сказано въ первой рѣчи съ возстановленнаго германскаго трона — мы достигли того, къ чему клонились усилія со временъ нашихъ отцовъ: единства и органическаго его воплощенія, обезпеченія нашихъ границъ, независимости нашего національнаго право-развитія (Rechtsentwicklung)“. Въ этихъ словахъ примѣчательно нѣсколько-тяжелое въ литературномъ смыслѣ выраженіе: „къ чему клонились усилія“ (was erstrebt wurde). Чьи усилія? Проще и легче было бы выраженіе: къ чему стремился германскій народъ. Но такое выраженіе было бы проще и легче именно только въ литературномъ смыслѣ, а потому ему предпочтена была иная форма, нѣсколько натянутая и неясная, конечно, но тѣмъ болѣе соотвѣтствующая невыясненнымъ еще отношеніямъ между германскимъ народомъ и новымъ періодомъ его имперіи.

Въ тронной рѣчи, какъ и въ прокламаціи имперіи, вновь свидѣтельствуется, что надежнымъ залогомъ мира Европы будетъ сила Германіи. „То самое уваженіе, котораго Германія требуетъ къ своей самостоятельности, она охотно оказываетъ независимости всѣхъ другихъ государствъ и народовъ, слабыхъ также какъ и сильныхъ“. Но понятіе о „независимости“, какъ мы видимъ нынѣ, довольно растяжимо Если съ одной стороны потребовались войны 1866 и 1870 годовъ для того, чтобы Германія пріобрѣла себѣ „независимость“, которой прежде не имѣла, то съ другой стороны независимость Даніи, напримѣръ, нисколько не нарушилась бы, еслибы она вступила даже въ составъ германской имперіи, какъ-то, по слуху, Бисмаркъ предлагалъ ей. Напротивъ того, Данія, не теряя своей независимости при такомъ подчиненіи своемъ германской имперіи, пріобрѣла бы въ награду за него сѣверный Шлезвигъ. Никто не скажетъ, что князь Бисмаркъ неуступчивый государственный человѣкъ. Онъ уступилъ Франціи Бельфоръ, взявъ Метцъ и Страсбургъ. Взявъ Голштинію и весь Шлезвигъ, онъ охотно уступилъ бы сѣверную полосу Шлезвига Даніи обратно, еслибы вся датская монархія вступила въ составъ германской имперіи, упрочивъ такимъ образомъ за Германіею безусловное господство на Балтійскомъ морѣ. На нѣмецкомъ языкѣ есть поговорка, которая вполнѣ вѣрно можетъ опредѣлить смыслъ уступчивости германскаго имперскаго канцлера. Эта поговорка гласитъ: Mit der Wurst nach dem Schinken werfen; по-русски ее можно передать такъ: на червяка ловить рыбу.

Въ ту минуту, когда мы пишемъ, еще не имѣется и приблизительныхъ числовыхъ результатовъ выборовъ въ первый сеймъ германской имперіи. До сихъ поръ еще далеко не всѣ депутаты записались въ собраніи и заняли свои мѣста. Да едва ли въ настоящее время и возможно будетъ сдѣлать числовое распредѣленіе депутатовъ по пар-

тіямъ, потому именно, что сами эти партіи должны измѣниться, и истинная физіономія новыхъ парламентскихъ группъ можетъ опредѣлиться только практически, то-есть послѣ нѣсколькихъ голосованій по такимъ вопросамъ, въ которыхъ будутъ замѣшаны общіе политическіе принципы. Результатъ выборовъ, какъ онъ характеризуется общими чертами въ прусскихъ газетахъ, представляетъ два главныхъ факта: неожиданный успѣхъ національно-либеральной партіи въ южныхъ государствахъ и менѣе неожиданный успѣхъ клерикаловъ въ прусскихъ провинціяхъ. Берлинъ отличился выборами въ смыслѣ прогрессистскомъ. Успѣхъ національныхъ либераловъ на югѣ Германіи мы назвали неожиданнымъ только потому, что такъ его называютъ „Національная" и „Кельнская" газеты. Въ сущности нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что послѣ войны, въ которой баварцы, баденцы и виртембергцы патріотически сражались заодно съ пруссаками, и которая принесла имъ добычу для общаго дѣлежа, югъ въ настоящее время, даже въ ущербъ своимъ католическимъ сочувствіямъ, избралъ людей склонныхъ къ полному осуществленію программы національнаго объединенія. Зато католики имѣли удачу въ провинціяхъ Пруссіи, особенно въ рейнской, и этотъ успѣхъ уже ничего неожиданнаго не представляетъ, такъ какъ онъ былъ предвозвѣщенъ недавними выборами въ спеціально-прусскій ландтагъ, на которыхъ католики имѣли удачу, и такъ какъ, сверхъ того, можно было предвидѣть, что за побѣдами, одержанными подъ предводительствомъ королевскаго правительства, въ старыхъ провинціяхъ Пруссіи послѣдуетъ на выборахъ усиленное вліяніе элемента консервативнаго вообще, который въ провинціяхъ католическихъ представляется клерикалами-католиками, а въ провинціяхъ протестантскихъ феодалами, бюрократами и клерикалами - протестантами. Среди этихъ фактовъ самый важный, конечно, тотъ, что въ Берлинѣ выборы произошли въ духѣ прогрессистскомъ. Этотъ фактъ означаетъ, что, несмотря на упоеніе побѣдами, берлинское населеніе помнитъ и прежніе счеты и будущія потребности.

Впрочемъ, было бы преждевременно ожидать уже отъ нынѣшней сессіи германскаго сейма разъясненія главныхъ вопросовъ о будущности Германіи. Полагаютъ, что она продлится не болѣе шести недѣль, и что это время будетъ достаточно занято собственно тѣми вопросами, которые прямо указаны въ тронной рѣчи. Сейму предстоитъ прежде всего слить въ полное германское уложеніе постановленія тѣхъ отдѣльныхъ трактатовъ, которые были заключены между членами германской государственной семьи въ прошломъ ноябрѣ, опредѣлить положеніе Эльзаса и нѣмецкой Лотарингіи, и буде имперское правительство допуститъ мысль объ уступкѣ части вновь пріобрѣтенной земли—Баваріи, опредѣлить распредѣленіе между союзниками

какъ этой, территоріальной, такъ и той громадной денежной добычи, какая представляется, возложенными на Францію, пятью милліардами франковъ военнаго вознагражденія. Кромѣ того, придется еще обсудить нѣкоторые проекты законовъ, вытекающіе изъ войны, какъ, напр., о назначеніи пенсій семействамъ убитыхъ, о размѣрахъ участія отдѣльныхъ государствъ въ военныхъ расходахъ, и объ утвержденіи отчетности по чрезвычайнымъ расходамъ на войну. Затѣмъ, понятно, что изъ короткой сессіи едва ли останется время для возбужденія какихъ-либо вопросовъ, и въ особенности для выясненія вопроса, чтó должна представить внутренняя жизнь Германіи въ ближайшее время: прогрессивное ли развитіе и установленіе „основныхъ правъ“ граждань германской имперіи или только продолженіе „имперскаго мира (Reichsfriede), наступающаго за побѣдоносною имперскою войной“, какъ то выражено въ тронной рѣчи.

Конечно, еслибы въ жилахъ германскихъ представителей текла такъ-называемая кельтская кровь, или хотя бы была примѣсь ея, то ни важность законодательныхъ задачъ, стоящихъ на очереди, ни краткость сессіи, не помѣшали бы имъ хотя бы бросить нѣкоторый свѣтъ на принципы, которымъ должно принадлежать будущее. Французское собраніе, свободно избранное, безъ всякаго сомнѣнія и при такихъ обстоятельствахъ сочло бы необходимымъ прежде всего опредѣлить отношенія народнаго представительства къ власти. Въ собраніи англійскомъ также, если не большинство, то хоть нѣсколько голосовъ попытались бы уяснить прежде всего значеніе собранія и задушевныя желанія народа. Но то, что называется „кельтская кровь“ есть ничего болѣе, какъ привычка ставить впереди всего вопросы о политическихъ принципахъ, то-есть привычка къ законодательной, учредительной иниціативѣ. Этой привычки еще не могло усвоить себѣ германское общество, которому еще не представлялось случая не только злоупотреблять такою иниціативою, но и пользоваться ею вполнѣ самостоятельно. Вотъ почему довольно естественно, что народные представители Германіи и теперь не поторопятся приступить къ той сторонѣ дѣятельности, которая во Франціи, къ сожалѣнію, считается какъ бы наиболѣе легкою, но которая въ дѣйствительности наиболѣе трудна уже потому, что она непремѣнно предполагаетъ борьбу, а стало быть предполагаетъ и общее убѣжденіе, что государственныя основы уже довольно крѣпки, чтобы выдержать такую борьбу безъ опасности для страны. И надо признаться, что примѣръ нынѣшнихъ событій въ Парижѣ вовсе не такого свойства, чтобы убѣждать партіи въ другихъ странахъ къ поставленію, выше всего, своего собственнаго знамени. Примѣчательно, что даже такой органъ, какъ „Кельнская Газета“, обсуждая нынѣ пункты програмы національно-либеральной партіи (вы-

раженной въ избирательномъ призывѣ, о которомъ мы говорили въ прошлый разъ), совѣтуетъ ограничиться на первый разъ тѣми только требованіями, которыя не могутъ вызвать борьбы со властью. Она совѣтуетъ отложить требованіе о назначеніи центральнаго правительства изъ нѣсколькихъ членовъ, съ отвѣтственностью предъ сеймомъ, полагая, что заявленіе такого требованія въ настоящую сессію повело бы только къ потерѣ времени, и „къ борьбѣ по всей вѣроятности тщетной". „Кёльнская" газета рекомендуетъ большинству сейма вообще воздержаться „слишкомъ поспѣшной инииціативы относительно коренныхъ (eingreifende) реформъ въ имперскомъ уложеніи". „Всякая борьба изъ-за уложенія, а въ особенности размолвка (Conflict) между факторами законодательной власти (правительство въ германской имперіи, напомнимъ, есть одинъ изъ факторовъ законодательной власти) слѣдуетъ отстранить отъ этой первой сессіи и даже *вообще отъ первыхъ сессій*, пока взаимныя отношенія еще такъ деликатны и щекотливы, какъ они не будутъ впослѣдствіи, послѣ нѣкотораго продолженія парламентской работы обѣими сторонами вмѣстѣ. Вся либеральная партія, то-есть умѣренные прогрессисты, національные либералы и самостоятельная, національно-настроенная часть независимыхъ консерваторовъ (Freiconservative), должна поставить себѣ это устраненіе цѣлью, въ ясномъ пониманіи дѣла и искреннемъ соглашеніи. Правда и то, что цѣль эта можетъ быть достигнута все-таки неиначе, какъ при такомъ же настроеніи со стороны союзнаго канцлера и союзнаго совѣта. Будемъ уповать,—такъ заключаетъ кёльнскій органъ,—что послѣднее осуществится"!

Вотъ съ какими примирительными и скромными видами приближается умѣренно-либеральная часть Германіи къ пользованію своимъ законодательнымъ правомъ. Голосъ „Кёльнской" газеты мы безъ всякаго преувеличенія можемъ принять въ настоящемъ случаѣ за эхо ея намѣреній, тѣмъ болѣе, что въ чисто-національныхъ газетахъ мы читаемъ и не такія разсудительныя, хотя и крайне-скромныя слова, а только громкія торжественныя фразы о побѣдѣ, и увѣренія въ полнѣйшей солидарности народа съ побѣдоносными вождями его арміи. Оправдается ли послѣднее изъ приведенныхъ ожиданій „Кёльнской" газеты, мы вскорѣ увидимъ, но, признаемся, уже впередъ плохо вѣримъ, чтобы оно оправдалось. Не теперь, когда совершены дѣла дѣйствительно невѣроятныя, можно ожидать, чтобы имперскій канцлеръ измѣнилъ свой рѣзкій, диктаторскій тонъ по отношенію къ народной палатѣ. Князь Бисмаркъ, можно сказать навѣрное, не пропуститъ удобнаго случая—какъ бы ни избѣгали умѣренные либералы представить его — чтобы дать понять Германіи, кѣмъ создано фактически ея единство и кому, *стало быть,* должна принадлежать и впередъ дикта-

тура въ направленіи важнѣйшихъ національныхъ дѣлъ. И вотъ тогда, безъ всякой вины въ излишней поспѣшности и въ злоупотребленіи инипіативою со стороны германскаго сейма, ему представится вопросъ: дать ли теперь же, хотя бы только заявленіемъ, а не проведеніемъ законодательныхъ мѣръ, отпоръ той мысли, что германскій народъ, даже и завоевавъ себѣ, по выраженію тронной рѣчи, „независимость", все-таки долженъ оставаться подъ опекою? И нѣтъ кажется ничего преувеличеннаго, ничего революціоннаго въ желаніи, чтобы такой отпоръ былъ данъ этому воззрѣнію теперь же, именно теперь, когда впервые представители всей Германіи собрались устраивать ея дѣла. Люди готовые это сдѣлать найдутся; но если большинство собранія не поддержитъ ихъ въ такой попыткѣ, кто бы они ни были — партикуляристы или пруссаки или ультрамонтаны, все равно — то это непремѣнно будетъ истолковано въ томъ смыслѣ, что германское общество еще не желаетъ серьезно политическаго почина, и будетъ то принято къ свѣдѣнію гдѣ слѣдуетъ. Но во всякомъ случаѣ, было бы величайшею аномаліею, еслибъ будущее Германіи оказалось вдругъ результатомъ шестимѣсячныхъ матеріальныхъ побѣдъ, а не трехвѣковыхъ усилій, научной борьбы и торжества нѣмецкаго ума, одержаннаго имъ въ эпоху реформаціи надъ мракомъ католичества и возвеличеннаго потомъ корифеями современной науки въ Германіи.

Въ заключеніе, для полной характеристики перваго германскаго сейма указываемъ читателю на нашу корреспонденцію изъ Берлина. По нашему мнѣнію, ей никакъ нельзя отказать ни въ искренности, ни въ безпристрастіи.

ФРАНЦІЯ И ФРАНЦУЗЫ
ПОСЛѢ ВОЙНЫ.

Изъ путешествія.

I.

На пути въ Бордо.

Вы не забыли еще, конечно, того вечера,—это было такъ недавно — когда мы, сидя въ вашемъ кабинетѣ, толковали о политическихъ дѣлахъ нашей „старой наставницы“ Европы. Тихая бесѣда не замедлила перейти въ оживленный споръ, какъ только рѣчь зашла о той кровавой, возмутительной трагедіи, разыгравшейся на Западѣ, свирѣпыя сцены которой одна за другой проходили передъ нашими глазами. Цѣлый лѣсъ труповъ, цѣлое море крови — вотъ декораціи той трагедіи, которая не скоро изгладится изъ памяти человѣчества.

Когда до нашего слуха долетаютъ вопли милліоновъ семействъ, рыданія женъ, матерей и сиротъ; когда наше сердце сжимается при мысли о нечеловѣческихъ страданіяхъ безвинно гибнущихъ людей; когда вся наша „гуманность“ возмущена до послѣдней степени при одномъ представленіи о той варварской рѣзнѣ, той повальной бойнѣ, которая совершается въ силу прихоти однихъ и какой-то грубо-невѣжественной покорности другихъ, — тогда трудно сохранять въ спорѣ спокойствіе, объективность, невольно является горячность, и наружу выползаютъ личныя симпатіи, привязанности, а отсюда неизбѣжно и пристрастіе. Чтобы дѣло шло иначе, нужно, чтобы въ жилахъ текла не кровь, а какая-то вода, сыворотка или что-нибудь подобное.

Пока разговоръ касался общихъ вопросовъ, пока онъ не касался войны „вообще“, между нами не было спора, мы совершенно были согласны въ томъ, что война, это есть не что иное, какъ печальное наслѣдство эпохи варварства; мы соглашались, что западное общество горько заблуждается, воображая, что оно достигло высшей степени развитія, цивилизаціи, въ то время, когда этой цивилизаціи можетъ

быть такъ легко нанесенъ роковой ударъ по желанію, по произволу одного или нѣсколькихъ человѣкъ. Мы соглашались, что цивилизація не достигла еще своего высшаго развитія, если народы продолжають играть роль гладіаторовъ, обрекаются на растерзаніе и всякія муки ради прихоти какого-нибудь Бонапарта.

Но лишь только этотъ вопросъ о войнѣ перешелъ изъ общаго въ частное, какъ только разговоръ коснулся тѣхъ двухъ народовъ, которые, въ продолженіи почти 8-ми мѣсяцевъ, посвящають всѣ свои усилія, все свое умственное развитіе, все свое богатство знанія, науки, всю свою цивилизацію на усовершенствованіе способа наилучшаго, наиболѣе скораго и вѣрнаго взаимнаго истребленія,—наше согласіе кончилось, и мы быстро очутились на двухъ противоположныхъ концахъ. Насъ разъединялъ вопросъ, кто правъ, кто виноватъ въ этой лютой, гигантской и вмѣстѣ безумной нѣмецко-французской войнѣ 1870-го года: виновата ли или права побѣдоносная Германія, или виновата въ ней или права несчастная побѣжденная Франція. Съ этимъ вопросомъ было связано нѣсколько другихъ, и первымъ изъ нихъ представлялся—какое вліяніе окажетъ побѣда Германіи съ одной стороны и примиреніе Франціи съ другой на общій ходъ политическихъ дѣлъ Европы, и будетъ ли имѣть исходъ настоящей войны вредное или благотворное дѣйствіе на внутреннюю политику каждой страны, въ томъ числѣ, разумѣется, и нашей — Россіи. Изъ за этого вопроса выступалъ впередъ другой, представлявшій широкое поле для горячихъ споровъ и разсужденій, вопросъ о томъ—вліяніе котораго изъ этихъ двухъ народовъ, французскаго или нѣмецкаго, благотворнѣе можетъ дѣйствовать на другіе народы, который изъ нихъ оказалъ и можетъ оказать больше услугъ человѣчеству, наконецъ, которой изъ этихъ двухъ странъ, Франціи или Германіи, принадлежитъ историческое первенство?

Вы, по обыкновенію, горячо отстаивали Германію, я также горячо и также по обыкновенію отстаивалъ Францію.

Не будучи сторонникомъ той теоріи, въ силу которой всѣ совершающіяся событія разумны и отвѣчаютъ требованіямъ прогресса, такъ какъ иначе пришлось бы оправдывать величайшіе политическіе абсурды, я никакъ не могъ согласиться съ вами, чтобы одна только побѣда, одно торжество Германіи надъ Франціею доказывало, что первая обладаетъ бо́льшими нравственными силами, нежели послѣдняя. Сколько разъ исторія,—зачѣмъ ходить далеко,—наша собственная исторія давала намъ самыя блистательныя опроверженія. Кто изъ насъ можетъ сказать, положа руку на сердце, что наши побѣды всегда бывали побѣдами нравственной силы, кто изъ насъ, за исключеніемъ ультра-патріотовъ по ремеслу или по невѣжеству, не сознается съ грустію, что въ большинствѣ случаевъ наши побѣды были побѣдами гораздо болѣе физической, нежели нравственной силы? Прогрессъ вовсе не двигается

впередъ спокойнымъ, ровнымъ путемъ, онъ идетъ зигзагами, часто сворачиваетъ съ прямой дороги, отодвигая общество назадъ; сколько было уже историческихъ моментовъ, когда, казалось, что вотъ-вотъ намѣченная цѣль будетъ достигнута... не тутъ-то было, событія отбрасывали далеко назадъ, и то, что̀ было уже почти въ рукахъ, становилось опять предметомъ величайшихъ усилій, мучительнаго напряженія. Не одна Франція можетъ подтвердить это своею исторію. Вотъ отчего я и думаю, что только тотъ фактъ, что Германія въ этой войнѣ побѣдила Францію, вовсе не доказываетъ, чтобы нѣмецкій народъ обладалъ бо̀льшими нравственными силами, нежели французскій.

На этой почвѣ готоваго, голаго факта, на одномъ результатѣ французско-нѣмецкой войны никакой споръ не былъ бы возможенъ, вопросъ былъ бы, такъ сказать, предрѣшенъ. Нужно было обратиться къ другимъ доводамъ, къ другимъ аргументамъ, споръ неизбѣжно обобщался, и оставляя относительно узкія рамки войны, переходилъ въ споръ о преимуществахъ той или другой націи. Споръ безплодный, могутъ сказать иные, безполезный, — пожалуй, да, если подъ пользою понимать только то, что̀ даетъ осязаемую выгоду; но споръ, во всякомъ случаѣ, нелишенный интереса, такъ какъ онъ заставляетъ выяснять воззрѣнія людей на то, что̀ зовется преимуществомъ одной націи передъ другой. Для одного—преимущество заключается въ томъ, чтобы народъ жилъ спокойною, безмятежною жизнію, хотя бы жизнь эта и была лишена того элемента, изъ-за котораго другая нація мечется, борется, кидается во всѣ стороны, падаетъ и возвышается, возвышается и падаетъ, жертвуя своею кровью, своимъ спокойствіемъ, своею безмятежною жизнію. Элементъ этотъ—политическая свобода націи. Для другого—преимущество заключается именно въ этой борьбѣ, въ этомъ лихорадочномъ стремленіи усвоить тотъ элементъ политической свободы, хотя самая борьба можетъ быть и неудачна и часто остается безъ немедленнаго результата. Вотъ это-то различіе въ воззрѣніяхъ на то, что̀ составляетъ преимущество одного народа передъ другимъ, и объясняетъ, почему въ данную минуту, большею частью, всякіе споры оканчиваются ничѣмъ. Только время, событія оправдываютъ одну спорящую сторону, и показываютъ другой, что она ошибалась. Но что̀ именно будущія событія должны оправдать? они должны рѣшить, если споръ касался войны между двумя націями, побѣды одной надъ другой, было ли торжество побѣдителя выгодно не только для одной страны, но для общаго движенія человѣчества впередъ, или скорѣе, торжество это задержало развитіе общества и даже попятило его назадъ.

Безъ сомнѣнія, для того, чтобы рѣшить, подвинулся ли данный народъ или данное общество впередъ, или напротивъ, попятилось, нужно установить мѣрило для сужденія о томъ, что̀ назвать бо̀льшимъ или меньшимъ развитіемъ, нужно установить, такъ сказать,

признаки этого развитія. Едва ли можно долго спорить о томъ, что лучшимъ мѣриломъ движенія общества впередъ или назадъ можетъ служить большая или меньшая правоспособность общества, т.-е. насколько общество можетъ располагать собою, дѣйствовать самостоятельно сообразно своимъ интересамъ, насколько оно можетъ выражать свободно свою волю, свои желанія, насколько оно имѣетъ возможность осуществлять эту волю, эти желанія и т. д., однимъ словомъ, насколько общество пользуется политическою свободою. Если о политической свободѣ нельзя сказать, чтобы она была альфою и омегою народной жизни, такъ какъ достиженіемъ ея не исчерпывается задача человѣческаго общества, то во всякомъ случаѣ она является тѣмъ оплотомъ, на который опирается истинная цивилизація; такъ что безъ нея не можетъ быть и помину о цивилизованной жизни. Чѣмъ полнѣе общество можетъ располагать своею судьбою, управлять своими интересами, тѣмъ, очевидно, оно пользуется большею политическою свободою; чѣмъ болѣе, напротивъ, оно отдаетъ свои интересы, свою судьбу въ опеку тому или другому лицу, или чѣмъ больше позволяетъ оно захватывать власть надъ собою, тѣмъ меньше, очевидно, оно пользуется этимъ основнымъ элементомъ цивилизованной жизни и обнаруживаетъ, слѣдовательно, меньшее развитіе. Очевидно, что страна, въ которой больше политической свободы, будетъ имѣть болѣе благодѣтельное вліяніе на все человѣческое общество, а страна, въ которой ея меньше или вовсе нѣтъ, будетъ имѣть меньшее вліяніе, а подчасъ и просто вредное вліяніе.

Не затягивая спора, мы могли согласиться только въ одномъ, что за послѣднія двадцать лѣтъ здоровой политической свободы, такой, какая существуетъ въ Англіи или въ Америкѣ, не было ни въ Германіи, ни во Франціи. Истинная свобода не выноситъ одинаково ни Бисмарковъ, ни Бонапартовъ, людей, которые, въ сущности, принадлежатъ къ одной и той же категоріи. Весь вопросъ, и вопросъ, нужно сказать, первостепенной важности, заключается только въ томъ, чтобы опредѣлить, гдѣ больше шансовъ для торжества политической свободы— въ Германіи или во Франціи. Этотъ вопросъ не иначе можетъ быть разрѣшенъ, какъ на основаніи общихъ свойствъ того или другого народа, на основаніи ихъ исторіи, ихъ прошедшаго, на основаніи того, что сдѣлано было уже въ прошломъ для достиженія этой свободы, тѣмъ или другимъ народомъ. Не вдаюсь въ подробности, не воспроизвожу всѣхъ частностей нашего спора, это завлекло бы меня слишкомъ далеко. Я долженъ только сказать, что ваши доводы въ пользу Германіи не лишены были значительной силы. Вы указывали мнѣ на такія событія въ исторической жизни Германіи, какъ реформація, вы говорили о глубинѣ нѣмецкаго образованія, о его распространенности, о томъ, что въ этой странѣ всякій умѣетъ и читать и

писать; вы останавливались на богатой нѣмецкой литературѣ и произносили имена Лейбница и Канта, Лессинга и Гердера, Шиллера и Гёте, Гегеля и Штрауса, Гейне и Бёрне. Да, безъ сомнѣнія, все это великія событія, все это великія имена; но развѣ Франція не записала на своихъ скрижаляхъ такихъ же великихъ событій, какъ реформація, такихъ же громкихъ именъ, какъ имена нѣмецкихъ свѣтилъ? Развѣ Франція не дала міру великой революціи, этой могущественной реформаціи въ области свѣтской жизни, въ области понятій, идей, всего строя человѣческаго общества? Развѣ Франція не можетъ гордиться своею литературою, столько же, если не больше, чѣмъ Германія, и развѣ она не можетъ выставить такихъ именъ, какъ Декарта и Монтеня, Рабле и Мольера, Вольтера и Руссо, Дидро и д'Аламбера, съ цѣлою плеядою энциклопедистовъ, Кондорсе и Кондильяка, Бальзака, Фурье, Конта, Прудона и т. д. Но что дороже именъ, это—тотъ духъ, тѣ традиціи, то политическое развитіе, которому Франція дала уже столько доказательствъ.... и которое, добавили вы, привело ее къ Наполеону III!

О, безъ сомнѣнія, еслибы Наполеонъ былъ послѣднимъ словомъ въ исторіи Франціи, тогда не о чемъ было бы и спорить; но дѣло въ томъ, что Бонапартъ явился во Франціи и держался впродолженіи 20-ти лѣтъ не въ силу принципа, а въ силу торжества одной партіи надъ другими. Во все время его пагубнаго господства другія партіи боролись, пропагандировали, работали для его сверженія, и насколько работа ихъ была успѣшна, видно было по тѣмъ уступкамъ, на которыя должно было идти правительство, всегда противъ воли, всегда съ заднею, съ скрытою мыслію возвратиться къ блаженному времени 52-го, 53-го годовъ. Бонапартъ никогда не господствовалъ во имя права, какъ господствуетъ, напр., въ Германіи Бисмаркъ, и въ этомъ заключается коренное различіе между двумя странами. Кто мнѣ сказалъ, что послѣ Наполеона III-го не явится Наполеонъ IV-ый, или Генрихъ V-й, или Лудовикъ-Филиппъ II-й?—въ этомъ заключается постоянная аргументація всѣхъ, кто нападаетъ на Францію и восхваляетъ Германію.—Смотрите, сказали вы мнѣ, Германія идетъ спокойнымъ, мѣрнымъ шагомъ къ достиженію своихъ политическихъ цѣлей, между тѣмъ какъ Франція постоянно мечется, она обезсилена революціями, она не въ силахъ выработать себѣ свободы, она два раза имѣла уже республику и каждый разъ кончала какимъ-нибудь властелиномъ.—Все это правда, и на дѣйствительно существующее нельзя закрывать глазъ. Да, появленіе Бонапартовъ грустно, обидно, недостойно, но что же дѣлать, нужно принимать каждый народъ и каждую исторію такъ, какъ они есть — Франція постоянно идетъ скачками, она стремится достигнуть слишкомъ высокаго идеала, и потому часто у нея силъ не хватаетъ, и, поднявшись на минуту высоко при помощи энтузіазма, во-

одушевленія, страшнаго напряженія энергіи, она въ безсиліи падаетъ, и падаетъ тѣмъ ниже, чѣмъ выше она поднялась, и впродолженіи нѣсколькихъ историческихъ часовъ лежитъ ниже, нежели она заслуживаетъ. Франція, въ концѣ прошлаго столѣтія, намѣтила слишкомъ высокую цѣль, повторяю, цѣль не по силамъ, непропорціональную нравственнымъ средствамъ цѣлаго народа, и съ тѣхъ поръ она постоянно борется за достиженіе этой цѣли — политической свободы. Ея горе, и вмѣстѣ съ тѣмъ ея слава, ея великое значеніе и ея несчастье заключается въ томъ, что, не достигнувъ еще одной цѣли, она въ нетерпѣніи задается уже другою цѣлію — разрѣшенья соціальнаго вопроса, и эти двѣ цѣли она дѣлаетъ предметомъ своихъ постоянныхъ заботъ и стремленій, несмотря на то, что одна до-сихъ-поръ постоянно мѣшаетъ осуществленію другой. Борьба ея за достиженіе политической свободы еще далеко не кончилась; но справедливо ли, скажите мнѣ, изъ-за того бросать камнемъ въ эту несчастную и вмѣстѣ великую страну. Сколько сокровищъ разбросала она среди этой борьбы по цѣлой Европѣ, и какая, пусть кто-нибудь отвѣтитъ, какая страна не воспользовалась разсѣянными Франціей жемчужинами. Но Франція, сама Франція, отвѣчаютъ обыкновенно на это, не воспользовалась ими,—она, которая щедрою рукою осыпала благодѣяніями почти всѣ народы, къ несчастію, не облагодѣтельствовала себя, и это ей ставятъ въ тяжелую укоризну. Это неправда. Франція сама воспользовалась отдѣльными результатами своей борьбы, и что̀ составляетъ ея силу, это—тотъ духъ независимости, то сознаніе правъ своей личности, которое такъ поражаетъ во Франціи каждый разъ, что возвращаешься въ среду французскаго общества. Ея сила — отсутствіе той безотчетной боязни, того безсознательнаго страха, того, —зачѣмъ не высказать всей мысли,—того рабства, которое такъ поражаетъ въ неразвитыхъ политическихъ обществахъ во всѣхъ отдѣльныхъ личностяхъ.

Что борьба за обладаніе политическою свободою не кончилась во Франціи, съ этимъ невозможно несогласиться. Третья республика также легко можетъ установиться и установиться надолго, какъ легко можетъ погибнуть и уступить свое мѣсто монархіи. Какова эта будетъ монархія, будетъ ли во главѣ ея кто-нибудь изъ Орлеановъ или наконецъ какой-нибудь *X*, все это такіе вопросы, на которые никто не въ состояніи отвѣтить ни утвердительно, ни отрицательно. Безспорно только одно, что Бонапарты не существуютъ для Франціи. Позоръ Седана слишкомъ великъ. Эта неувѣренность въ будущемъ Франціи, эта непрекращающаяся борьба,—вотъ что заставляетъ такъ многихъ относиться скептически къ Франціи и даже вовсе отказывать ей въ будущемъ и не имѣть никакой вѣры въ ея нравственныя силы. Событія, развертывающіяся на нашихъ глазахъ, начиная даже только съ

начала войны 1870-го г., чтобы не идти слишкомъ далеко, и до настоящей минуты, когда въ Парижѣ, Ліонѣ, Марсели вспыхнула новая революція, всѣ эти событія какъ будто бы оправдываютъ такое недовѣріе къ нравственнымъ силамъ Франціи. „Хороша ваша Франція, хороша ваша республика, хорошо ваше хваленое политическое развитіе Франціи, можете вы сказать, продолжая нашъ споръ, когда въ такую страшную минуту, какова настоящая, когда врагъ стоитъ у дверей Парижа, когда онъ занимаетъ еще чуть не треть цѣлой Франціи, французы даютъ удивленному міру возмутительное зрѣлище гражданской войны, внутреннихъ междоусобій. Развѣ мыслима республика при такомъ положеніи?"—Ради-Христа, оставьте огульныя нападенія, отбросьте безапелляціонные приговоры, вникните, всмотритесь въ состояніе страны, и то, что вамъ кажется чудовищнымъ, непонятнымъ, сдѣлается для васъ ясно, и вмѣсто ужаса и отвращенія вамъ станетъ только тяжело и больно за этотъ народъ, въ которомъ вы встрѣчаете такую удивительную амальгаму элементовъ невѣжества, гнилости, созданной второю имперіею, и вмѣстѣ съ тѣмъ того удивительнаго, совершеннаго элемента, который составляетъ неимовѣрную нравственную силу Франціи и заключаетъ въ себѣ все, что́ необходимо, чтобы доставить торжество политической свободѣ. Я говорю объ элементѣ, состоящемъ въ рабочемъ классѣ, въ мелкой буржуазіи, и наконецъ въ той образованной массѣ, къ которой примыкаютъ люди такъ-называемыхъ либеральныхъ профессій. Элементъ невѣжества—это сельское населеніе, элементъ гнилости—это бюрократія и всѣ высшія военныя лица, созданныя отчасти имперіею, отчасти унаслѣдованные отъ предыдущихъ режимовъ. Борьба между этими партіями, неминуема была, и она не заставила себя ждать. Это правда. Она вспыхнула въ печальную минуту, это тоже правда, какъ и то, что лучше было бы, еслибы борьба возобновилась не прежде, чѣмъ чужеземцы покинули бы почву Франціи. Но вопросъ другой, должна ли быть послѣдняя революціонная сцена поставлена на́ счетъ республики? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно было близко видѣть Францію настоящей минуты и проникнуть во всѣ стремленія ея различныхъ элементовъ. Какъ ни печально это послѣднее движеніе, оно нисколько не доказываетъ, чтобы Франція неспособна была къ политической свободѣ; скорѣе, напротивъ, оно доказываетъ, что лучшіе ея элементы никогда не въ состояніи будутъ сносить лицемѣрнаго правительства, въ какой бы формѣ оно ни являлось. Имъ дана республика, говорятъ, и все-таки они недовольны, и все-таки революціи! Да, республика; но нужно знать, какая республика? Прежде, чѣмъ правительство третьей республики обнаружилось въ дѣйствіяхъ, можно было уже впередъ сказать, что республика съ „маленькимъ" Тьеромъ во главѣ никогда не будетъ искреннею республикою. Ея неискрен-

ность сдѣлала именно то, что такъ скоро обнаружился расколъ между республиканцами à la Тьеръ и à la Пикаръ, съ искренними республиканцами. Но положимъ, можно возразить, что новая республика не искренняя республика, что она служитъ только ширмой, временно маскирующей какого-нибудь претендента, и все-таки, развѣ эта республиканская, эта красная, какъ ее называютъ, партія не доказала своей политической неспособности, выбравъ для борьбы такую неудобную минуту? Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ нареканій на Францію вообще и на республиканскую партію въ особенности. Справедливы ли эти нареканія, справедливы ли эти обвиненія? Я не отвѣчу вамъ ни да, ни нѣтъ, я постараюсь дать вамъ только объясненіе совершающихся событій. Я тѣмъ болѣе доволенъ возможностью отвѣтить на эти укоры по поводу послѣднихъ событій, что въ нашемъ спорѣ, когда мы только могли предчувствовать будущія неурядицы, вы жестоко нападали на республиканскую партію и доказывали ея несостоятельность. Я могъ бы отвѣчать вамъ, беря примѣры въ прошлыхъ событіяхъ, но предпочитаю послѣднія, такъ какъ онѣ представляютъ больше интереса. Проявилась ли въ самомъ дѣлѣ въ послѣднихъ событіяхъ политическая несостоятельность республиканской партіи, и должна ли вся вина мартовской революціонной вспышки, которая, вѣроятно, только служитъ началомъ конца, быть приписана главнымъ образомъ этому слою Франціи? Я не думаю. Мнѣ приходилось, въ моемъ путешествіи по Франціи въ эти послѣдніе мѣсяцы, довольно близко сталкиваться въ клубахъ, обществахъ, литературныхъ кружкахъ съ людьми, принадлежащими къ этой партіи, людьми, которые весьма близко стоятъ къ главнымъ дѣятелямъ настоящаго движенія. Я ихъ видѣлъ, я ихъ слышалъ. Эти люди говорятъ громко, безъ боязни, и высказываются не стѣсняясь. Истинно республиканская партія, когда она увидѣла, что Тьеръ явился во главѣ новой республики, поняла сразу, какъ эфемерно, какъ непрочно существованіе подобной республики. Она ясно увидѣла, что республика была принята національнымъ собраніемъ потому, что ничто другое не было мыслимо въ данную минуту. Республика провозглашена была этимъ собраніемъ съ легкою гримасою, которая служила только слабымъ отраженіемъ весьма сильной внутренней корчи. Партія антиреспубликанская, избирая Тьера главою исполнительной власти, этимъ самимъ выражала свою тайную, задушевную мысль: пусть будетъ теперь республика, но при первомъ удобномъ случаѣ пусть она будетъ замѣнена монархіей. Кто же лучше, какъ не старый монархистъ Тьеръ можетъ удобрить почву и мало-помалу, безъ особенныхъ потрясеній, подрѣзать это колючее растеніе и вмѣсто него посадить другое, болѣе старое, болѣе тѣнистое, подъ покровомъ котораго могла бы успокоиться Франція и залечить раны, нанесенныя ей „революціями“? На склонѣ лѣтъ Тьеръ очутился, та-

кимъ образомъ, президентомъ республики, первымъ лицомъ въ государствѣ, положеніе на столько хорошее, чтобы не мѣнять его на другое. Республиканская партія слышала, что всюду этотъ старецъ высказываетъ свое истинное расположеніе къ республикѣ и желаніе не мѣнять ее ни на какую иную форму правленія. Республиканская партія легко повѣрила Тьеру, личные его интересы были ей такъ понятны, и въ свою очередь сказала: республика съ Тьеромъ во главѣ—это жалкая республика, это, главное, неискренняя республика, но все-таки пусть лучше будетъ такая, чѣмъ монархія Орлеана или Шамбора, и потому твердо рѣшилась если не помогать Тьеру и новому правительству, то во всякомъ случаѣ не создавать ему никакихъ затрудненій. Такимъ образомъ, безъ словъ, безъ объясненій между новымъ правительствомъ и республиканскою партіею явился компромиссъ, установилось тайное соглашеніе. Казалось, можно было сказать: и волки сыты и овцы цѣлы. Къ несчастью, это тайное соглашеніе продолжалось не долго. Тьеръ истинно былъ привязанъ къ республикѣ, но подъ однимъ условіемъ—быть ея президентомъ. Возможность быть смѣщеннымъ, возможность другого правительства, въ которомъ онъ не былъ бы главою, заставила бы его немедленно перейти въ лагерь монархистовъ, гдѣ ему всегда было обезпечено мѣсто перваго министра. Такъ по крайней мѣрѣ разсуждали люди республиканской партіи, понимавшіе очень хорошо, какъ не проченъ порядокъ, когда онъ держится только личными разсчетами. Если, съ одной стороны, Тьеръ сознавалъ, что для прочности новой республики, въ которой онъ явился главою, необходимо было, чтобы республиканская партія по крайней мѣрѣ матеріально была расшатана, то съ другой стороны, республиканская партія сознавала одинаково ясно, что для того, чтобы вообще могла держаться республика, ей необходимо сохранять значеніе той вооруженной силы, какою она сдѣлалась во время войны.

Республиканская партія, главныя силы которой въ Парижѣ, Марсели, Ліонѣ и другихъ большихъ городахъ, вообще тамъ, гдѣ существуетъ въ массахъ рабочее населеніе, справедливо или несправедливо полагала, что одна изъ главныхъ причинъ двадцатилѣтняго царствованія Бонапарта заключалась въ томъ, что эта партія была безсильна въ военномъ отношеніи, въ томъ, что она, безоружная, всегда должна была стоять лицомъ къ лицу съ вооруженными силами правительства. Этого больше не должно быть, заговорили республиканцы, мы не должны позволять эскамотировать республику, мы не должны быть послушными овцами въ рукахъ нашихъ пастырей, которымъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія слѣпо довѣрять нашу судьбу. — Нѣтъ никакого сомнѣнія, что какъ бы ни велика была республиканская партія въ странѣ, будь она многочисленнѣе монархической, но если послѣдняя вооружена, а та нѣтъ, то перевѣсъ, побѣда, торжество всегда будутъ принадлежать этой послѣдней. Разсуж-

деніе республиканцевъ какъ нельзя болѣе просто. Въ странѣ, гдѣ правительство можетъ располагать постоянною арміею, разсуждаютъ во Франціи, хотя бы только въ виду внѣшнихъ столкновеній, тамъ народъ долженъ быть вооруженъ, тамъ должна быть вооруженная національная гвардія на тотъ случай, еслибы правительство захотѣло свою вооруженную силу обратить не на внѣшнихъ враговъ, а на своихъ внутреннихъ противниковъ. Вотъ отчего республиканская партія, понимая неискренность республики и реакціонерныя стремленія народнаго собранія, твердо рѣшилась не давать себя обезоруживать и сохранить національную гвардію въ томъ видѣ, который приняла она во время войны. Двадцать разъ мнѣ приходилось слышать одно и тоже: „республика погибла, если мы позволимъ себя обезоружить, мы постоянно должны быть на сторожѣ". Еслибы республика Тьера была искренняя республика, еслибы правительство, слитое изъ членовъ de l'opposition de Sa Majesté съ членами орлеанской и легитимистской партіи имѣло твердую рѣшимость никогда не уклоняться отъ истинно республиканскаго пути, то ему нечего было бы опасаться вооруженной національной гвардіи, которая всегда являлась бы его лучшею защитницею. Но не будучи искреннимъ и имѣя постоянно заднюю мысль, оно пугалось вооруженной національной гвардіи, и всѣ стремленія ея были направлены къ тому, чтобы обезоружить ее. Какой отличный предлогъ для Тьера обезоружить національную гвардію давало ему національное собраніе, отказавшееся засѣдать въ Парижѣ! И какъ ему было не отказаться, когда самъ „маленькій" Тьеръ каждый день пугалъ его возможностью революціи въ Парижѣ? Нужно уничтожить всякій поводъ у національнаго собранія опасаться движенія въ Парижѣ, и какое для этого лучшее средство, какъ обезоружить національную гвардію? Національная же гвардія, обезоруженная въ Парижѣ, это значитъ національная гвардія, обезоруженная во всѣхъ большихъ городахъ Франціи, потому что если Парижъ возвращаетъ оружіе, то естественно, что Ліонъ, Марсель и другіе возвратятъ его точно также. „Маленькій" Тьеръ настойчивъ: чтó онъ хочетъ, то и должно быть сдѣлано. Нужно было быть свидѣтелемъ того, съ какимъ грустнымъ искусствомъ подготовлялось обезоруженіе національной гвардіи, чтобы понять, какимъ образомъ дошло наконецъ правительство до того, чтобы вызвать революціонное движеніе въ большихъ центрахъ Франціи.

За день до вшествія нѣмцевъ въ аристократическую часть Парижа, національная гвардія перетащила значительное количество пушекъ частью въ Батиньоль, частью на Монмартръ, частью въ Люксамбургскій садъ, однимъ словомъ, во всѣ тѣ части, куда нѣмцы не имѣли права вступать. Пушки были свезены сюда съ одною цѣлью, сохранить ихъ, не отдать въ руки враговъ. Правительство новой республики, безъ умысла или умышленно, испугалось, видя въ этомъ перевозѣ пушекъ прямую себѣ угрозу.

Каждый день стали приходить въ Бордо извѣстія, что Парижъ въ волненіи, что отечество въ новой опасности. Козни и злые умыслы прежнихъ республиканцевъ сдѣлались пугаломъ національнаго собранія. Тьеръ почти каждый день появлялся на трибунѣ съ успокоительными словами, но успокоенія президента были хуже всякаго возбужденія.

Чтó же на самомъ дѣлѣ происходило въ Парижѣ? Я ѣхалъ туда изъ Бордо, думая найти если не революцію, то по крайней мѣрѣ волненіе, безпорядки, броженіе, однимъ словомъ, сильное возбужденіе, выражающееся въ манифестаціяхъ, демонстраціяхъ и т. п. Вы легко можете себѣ представить мое удивленіе, когда я засталъ Парижъ безусловно спокойнымъ, тихимъ, печальнымъ, безъ всякихъ признаковъ движенія.

— Когда же все успокоилось, спрашиваю я?—„Чтó успокоилось", въ свою очередь предлагаютъ мнѣ вопросъ.—Какъ что—Парижъ! который въ волненіи, въ революціи, который угрожаетъ существованію республики!—„Кто же вамъ это сказалъ"?—Кто, въ Бордо, да и не только въ Бордо, въ провинціи только объ этомъ и говорятъ; всѣмъ давно извѣстно, что партія республиканцевъ въ возстаніи, что кровь готова пролиться, національное собраніе ниспосылаетъ на васъ, на Парижъ, да не только на Парижъ, но на всю республику, цѣлое море, цѣлый океанъ проклятій, и искренно желаетъ, чтобы вы захлебнулись въ этомъ океанѣ!—"Quelle blague, grand Dieu"! было мнѣ отвѣтомъ. Знайте, что Парижъ никогда не былъ болѣе спокоенъ, чѣмъ въ настоящую минуту, да и вообще, чѣмъ все послѣднее время. Послѣ того, что онъ принесъ очистительную жертву, послѣ того, что на него наложена была страшная эпитимія—Парижъ спокоенъ. Да, за день, за два до вшествія въ Елисейскія поля нѣмецкой арміи, Парижъ былъ въ волненіи. О, сколько горькихъ, тяжелыхъ минутъ должны мы были пережить, у всѣхъ было одно опасеніе, что въ этотъ день будетъ страшная рѣзня, и можетъ быть Парижъ падетъ въ развалинахъ. Мы понимали, что разсудокъ, что наше достоинство повелѣвало намъ сохранять величайшее спокойствіе, облечься въ трауръ, который такъ подобаетъ кающимся грѣшникамъ; но развѣ страсть, чувство безконечной ненависти разсуждаетъ? Нѣтъ, мы боялись, мы дрожали, что народъ опьянѣетъ отъ этой злобы, негодованія и ненависти и зальетъ кровью мрачныя улицы Парижа. Парижъ сдѣлалъ надъ собою страшное усиліе, страсть была побѣждена, онъ оставался спокоенъ. Но хорошо, что пруссаки вошли только въ аристократическую часть Парижа; кто знаетъ, какія страшныя бѣдствія были тѣмъ предупреждены. Въ этотъ день я благоговѣлъ предъ Парижемъ, съ такимъ достоинствомъ онъ испивалъ до дна чашу горечи. Другого волненія, добавилъ парижанинъ, другого волненія у насъ не было".—Но вѣдь вы построили баррикады, забрали пушки, можетъ быть въ тѣхъ кварта-

лахъ было движеніе?—„Подите и посмотрите сами на это движеніе, и тогда вспомните мои слова. Францію обманываютъ, ее хотятъ оторвать отъ Парижа; Парижъ представляется какимъ-то spectre rougè, въ то время, когда Парижъ—это сердце и вмѣстѣ голова Франціи... Вотъ за послѣднее-то ее и не любятъ“, добавилъ онъ съ грустью.

Я не довѣрялъ. Мнѣ представлялось невозможнымъ, чтобы люди прибѣгали къ такому политическому плутовству, хотя цѣль его была и понятна. Правительство чувствовало, что если оно является истиннымъ выраженіемъ невѣжественной сельской массы, то городское населеніе, тотъ слой Франціи, который навсегда дѣлаетъ невозможнымъ прочное существованіе всякаго иного порядка, кромѣ искренняго республиканскаго, что этотъ слой недовѣряетъ ему. Тамъ же, гдѣ недовѣріе,—тамъ опасеніе, страхъ. Правительство дѣлило этотъ страхъ съ національнымъ собраніемъ и, думая обезопасить себя, постановило, во что бы то ни стало, отнять матеріальную силу у національной гвардіи. Но неужели, вертѣлся въ моей головѣ вопросъ, неужели оно не могло избрать другого средства, какъ ложь, запугиваніе, неужели ему нужно было раздувать ту вражду, которая и безъ того слишкомъ ясно выходила наружу въ національномъ собраніи,—вражду къ Парижу, какъ къ центру высшаго политическаго развитія? Я отправился въ Батиньоль, Монмартръ, отыскивая вездѣ слѣды движенія и революціонной лихорадки. Я скоро набрелъ на улицу, съ двухъ противоположныхъ концовъ которой возвышалось по баррикадѣ съ чернымъ знаменемъ на каждой. Тутъ стояло пушекъ сорокъ или пятьдесятъ. Посторонніе не пропускались въ эту улицу, охранявшуюся двумя національными гвардейцами. Народъ проходилъ мимо, не обращая никакого вниманія на эти пушки, на эти баррикады, къ которымъ онъ такъ привыкъ во время осады.—„Вотъ и все, сказалъ мнѣ мой спутникъ; въ другихъ мѣстахъ на Монмартрѣ все тоже, нигдѣ вы не встрѣтите ни сборищъ, ни шума, вездѣ величайшій порядокъ“.— И ничего другого не было, повторялъ я свой вопросъ.—„Ничего, ничего и ничего, какъ это васъ ни удивляетъ“.—Чего же они хотятъ отъ васъ, чего хочетъ правительство?—„Да неужели вы не понимаете, было мнѣ отвѣтомъ, это такъ просто. Для нихъ, для правительства, которое всего боится, всего опасается, хотя въ настоящую минуту оно могло бы насъ вовсе не бояться, потому что прежде всего мы французы, представляется какою-то угрозою только одно то, что значительное количество пушекъ, отъ ста-пятидесяти до двухъ-сотъ, находится въ нашихъ рукахъ. Мы не видимъ ничего дурного, чтобы пушки находились въ рукахъ національныхъ гвардейцевъ, которые ими никогда не злоупотребятъ. Часто бывали примѣры, что правительства, даже республиканскія, или вѣрнѣе quasi-республиканскія, къ которымъ конечно принадлежитъ и нынѣшнее, направляли пушки противъ на-

рода, но не было еще примѣра, чтобы національная гвардія стрѣляла въ народъ. Никто не въ состояніи лучше охранять порядка, чѣмъ національная гвардія, доказательства тому все послѣднее время".

Фактъ тотъ, что дѣйствительно въ минуту увоза этихъ пушекъ національная гвардія вовсе не думала завладѣть ими, она хотѣла сдать ихъ въ центральный паркъ, и если не сдѣлала, то только потому, что правительство приняло нѣкоторыя мѣры, которыя имѣли чисто провокаціонный характеръ. Первою такою мѣрою было назначеніе суроваго генерала д'Ореля де-Паладина главою національной гвардіи. Генералъ этотъ пользуется большою непопулярностью, его монархическія тенденціи всѣмъ извѣстны, и не его, конечно, слѣдовало назначать шефомъ самой республиканской національной гвардіи всей Франціи, именно парижской. Правительству очень хорошо было извѣстно, что парижское населеніе вообще не желаетъ назначеннаго шефа и требуетъ себѣ выборнаго начальника. Назначеніе нелюбимаго, непопулярнаго генерала, разумѣется, было не только безсовѣстно, но просто преступно въ такую минуту, когда враги стояли у воротъ Парижа, и когда, слѣдовательно, правительство обязано было точно также, какъ и парижское населеніе, не давать никакого повода къ возбужденію волненій. Назначеніе это было принято съ затаеннымъ негодованіемъ. Парижское населеніе поняло, что правительство желаетъ нанести національной гвардіи сильный ударъ и нарочно избрало минуту, когда знало, что парижское населеніе будетъ обезоружено патріотизмомъ. Оно не ошибалось. Въ другое время это назначеніе не прошло бы безъ волненій, національная гвардія отказалась бы его слушаться; теперь населеніе покорилось, но вмѣстѣ съ тѣмъ поняло, что дѣло идетъ объ уничтоженіи національной гвардіи. Въ это то время и составился тотъ центральный комитетъ національной гвардіи, который сдѣлался главою возстанія. На стѣнахъ Парижа появились прокламаціи, въ которыхъ этотъ комитетъ прямо объявлялъ свою цѣль: недопустить правительство до обезоруженія національной гвардіи.

— „Мнѣ не очень нравится образованіе этого комитета, говорилъ мнѣ одинъ изъ людей, весьма близко стоявшихъ къ этому комитету, но нужно сознаться, что онъ долженъ былъ образоваться. Нужно было дать противовѣсъ Орелю, потому что всѣ отлично понимаютъ, что мы не можемъ возвратить нашего оружія, что это было бы съ нашей стороны величайшею политическою ошибкою".

— Положимъ такъ; но неужели вы не опасаетесь, что отсюда могутъ произойти величайшія бѣдствія, что можетъ вспыхнуть гражданская война, которая снова приведетъ къ вамъ пруссаковъ. Они вѣдь такъ близко, и вѣрьте, что они не задумаются явиться сюда, чтобы водворить порядокъ и вмѣстѣ уничтожить республику.

— „Мы это очень хорошо знаемъ, и потому употребляемъ всѣ усилія,

чтобы удерживать этотъ комитетъ отъ всякаго дѣйствія, которое могло бы вызвать волненіе. Комитетъ впрочемъ понимаетъ это какъ нельзя лучше и самъ, и мы надѣемся поэтому, что все до поры до времени обойдется тихо, безъ движенія, несмотря на всѣ усилія правительства его вызвать. Но наше положеніе, положеніе республиканской партіи въ настоящую минуту дѣйствительно ужасно. Съ одной стороны, мы сознаемъ, что всякая внутренняя распря будетъ на-руку пруссакамъ; съ другой стороны, мы видимъ каждый день, что республика ускользаетъ отъ насъ, что національное собраніе ненавидитъ ее и только и думаетъ о томъ, какъ бы замѣнить ее опять какою-нибудь эфемерною монархіею. Мы рѣшились, насколько это зависитъ отъ насъ, недопускать до этого и, надѣюсь, мы не допустимъ".

— Значитъ, перебилъ я его, гражданская война!

— „Чтожъ дѣлать, это страшное несчастье; но пусть лучше гражданская война, чѣмъ безъ боя уступить республику. Наши требованія умѣренны, мы хотимъ только одного, чтобы Парижъ управлялся выборнымъ муниципалитетомъ, чтобы національная гвардія не была обезоружена, и чтобы мы имѣли право сами избирать начальника національной гвардіи".

— Но какое же, скажите, отношеніе имѣютъ ко всему этому ваши пушки, вы ихъ можете все-таки возвратить?

— „Мы ихъ и не думаемъ удерживать; мы не хотимъ отдавать ихъ теперь потому, что мы видимъ, что намъ угрожаютъ, мы хранимъ ихъ какъ залогъ того, что наши желанія будутъ удовлетворены. Мы теперь ясно видимъ, что сегодня они хотятъ отнять пушки, завтра потребуютъ оружіе, а послѣ завтра распустятъ національную гвардію, что будетъ равносильно почти-что уничтоженію республики, и тогда, когда мы будемъ обезоружены, мы будемъ въ рукахъ арміи, въ рукахъ правительства, которое боится республики и слишкомъ расположено къ монархіи. И тогда, продолжалъ онъ, вы всѣ, вы, иностранцы, скажете про насъ: этотъ народъ неспособенъ къ республикѣ, республиканская партія безсильна, и изъ-за чего? изъ-за того, что мы имѣли глупость позволить себя обезоружить. Республика у насъ это такое нѣжное растеніе, которое требуетъ самаго заботливаго ухода, потому что она имѣетъ еще слишкомъ много враговъ въ нашей странѣ, это вы должны знать; и отчего же, скажите, монархіи, имперіи охраняются сотнями тысячъ войскъ, а республика не можетъ быть охраняема противъ ея враговъ вооруженнымъ народомъ?

— „Можетъ быть вы и правы; но какъ хотите, я предвижу въ самомъ близкомъ будущемъ большія бѣдствія.

— „Будемъ надѣяться, что нѣтъ; я все-таки думаю, что наше правительство настолько честно, что не захочетъ рѣзкими и ненужными

мѣрами вызывать въ народѣ волненіе. Но, разумѣется, мы должны быть на-сторожѣ.

Дня черезъ два послѣ этого разговора главнокомандующій военными силами Парижа генералъ Винуа запретилъ шесть журналовъ за-разъ, и именно тѣ самые журналы, которые болѣе всего читались въ рабочемъ населеніи. Центральный комитетъ со всѣми своими друзьями употребилъ невѣроятныя усилія, чтобы этотъ новый вызовъ остался безъ всякаго отвѣта. Спокойствіе не было нарушено, хотя вездѣ эта мѣра, принятая, разумѣется, съ согласія Тьера и произвела самое тяжелое впечатлѣніе.

„Это безчестно, говорили со всѣхъ сторонъ,—такъ раздражать населеніе, тѣмъ болѣе безчестно, что всѣ эти журналы каждый день говорили одно: да, пушекъ возвращать, быть можетъ, не слѣдуетъ, мы не должны позволять себя обезоруживать; но избави Богъ отъ всякихъ движеній, отъ всякихъ волненій, потому что этими волненіями воспользуются наши враги, чтобы посѣять между нами междоусобную войну".

Республиканская партія нисколько не заблуждалась относительно исхода подобной войны, она сознавала, и мнѣ приходилось это слышать много разъ, что результатомъ подобной войны былъ бы непремѣнно какой-нибудь Орлеанъ или Шамборъ.—Мы готовы, говорили люди, имѣющіе вліяніе на рабочее населеніе, мы готовы на всевозможныя жертвы, лишь бы сохранить республику, даже за одно это имя: „республика, мы готовы многое прощать. Мы не любимъ это правительство, мы знаемъ насколько оно неискренно, но пусть только оно сохранитъ намъ форму, пусть оно пріучитъ къ этому слову и мы будемъ благодарны Тьеру, пускай только они не пробуютъ поступать съ нами такъ, какъ поступали во время имперіи.

День проходилъ за днемъ, нигдѣ не обнаруживалось ни малѣйшаго движенія; еще нѣсколько дней и безъ сомнѣнія пушки были бы свезены въ центральный паркъ, такъ какъ центральный комитетъ воображалъ, что правительство рѣшилось остановиться и своими мѣрами не бросать болѣе вызова народу. Далѣе, говорили мнѣ наканунѣ моего отъѣзда изъ Парижа, правительство не пойдетъ, по крайней мѣрѣ мы надѣемся, и кажется теперь можно отвѣчать за спокойствіе Парижа, если только оно не рѣшится на какой-нибудь guet-apens. Тогда всѣ наши усилія удержать спокойствіе окажутся тщетны, и кто знаетъ, что́ можетъ произойти.

Предводители республиканской партіи въ Парижѣ ошиблись въ разсчетѣ—правительство, казалось, твердо рѣшилось довести до волненія, чтобы затѣмъ, „водворивъ порядокъ" безъ особенныхъ усилій, оно могло обезоружить національную гвардію. *Ночное* похищеніе пушекъ съ помощью войска переполнило чашу—республиканская партія

вынуждена была употребить силу. Если ошиблась республиканская партія, то еще болѣе ошиблось правительство, которое полагало, что ему будетъ достаточно выдвинуть войско, чтобы забрать пушки, затѣмъ обезоружить національную гвардію и т. д. Оно не предвидѣло, что войско станетъ брататься съ народомъ. Нѣтъ худа безъ добра, говоритъ пословица, и едва ли она не находитъ себѣ подтвержденія въ послѣднихъ событіяхъ. Печально, конечно, тяжело, что это движеніе не обошлось безъ кровавыхъ сценъ, въ которыхъ разъяренная страсть затемнила разсудокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, эти событія предупредятъ болѣе ужасную гражданскую войну. Онѣ должны были убѣдить многихъ, что coup d'état нельзя совершить теперь также легко, какъ прежде, и научатъ правительство обходиться болѣе осторожно и не раздражать понапрасну республиканскаго населенія, которое въ свою очередь уже понимаетъ, что умѣренность это главная ея сила.

Передавая вамъ preludio къ послѣднимъ событіямъ, насколько я лично былъ ихъ свидѣтелемъ, не могу не обратиться къ вамъ съ вопросомъ: скажите, такъ-ли виновата республиканская партія, какъ ее обвиняютъ, и доказываетъ ли ея поведеніе ту политическую несостоятельность, на которую вы указали мнѣ въ нашемъ спорѣ, къ которому послѣ довольно длиннаго отступленія я снова возвращаюсь.

Я думаю, что подобныя событія, какъ они ни печальны, вовсе не доказываютъ отсутствіе политическаго развитія Франціи, и если вы правы, говоря, что Германія не даетъ намъ такихъ тяжелыхъ зрѣлищъ, то это вовсе не потому, чтобы она обладала бо́льшимъ политическимъ развитіемъ, а только потому, что въ ней не идетъ еще горячая борьба за политическую свободу, что эта борьба находится еще въ состояніи эмбріона и проявляется пока только въ относительно скромныхъ рѣчахъ Бебелей, Либкнехтовъ и Якоби. Придетъ, конечно, и ея часъ, и ея время. Быть можетъ, вы правы, утверждая, что Германія должна была прежде всего думать о своемъ объединеніи; но я никакъ не могъ и не могу согласиться, чтобы путь, по которому она слѣдовала въ своемъ стремленіи къ объединенію былъ путемъ истиннымъ, путемъ прочнымъ. Германія ниже Франціи въ политическомъ развитіи, ниже уже потому, что она не ведетъ за политическую свободу той борьбы, которую ведетъ Франція. Правда, эта борьба въ прошедшемъ приводила ее къ Бонапартамъ, въ будущемъ быть можетъ снова приведетъ ее къ Орлеанамъ или кому-нибудь другому, но за это ее точно также нельзя упрекать, за это ей точно также нельзя отказывать въ будущемъ, какъ нельзя отказывать въ будущемъ Германіи только изъ-за того, что въ ея борьбѣ за единство она два раза платилась водвореніемъ у себя самаго жалкаго произвола. Чѣмъ кончилась ея первая борьба за единство, ея война за освобожденіе, которая въ тоже время

была войною за единство—деспотизмомъ. Чѣмъ кончилась ея борьба за то же единство въ 48-мъ году,—опять произволомъ. И наконецъ, кому она отдалась въ руки, чтобы достигнуть въ настоящее время этого единства? человѣку, который своимъ девизомъ взялъ: кровь и желѣзо, что̀ составляетъ прямую противоположность высокому политическому развитію. Дай Богъ, чтобы эта новая борьба за единство, какъ называете вы ее, не сдѣлалась источникомъ, быть можетъ, слишкомъ прочнаго порядка, основаннаго только на милитаризмѣ. Во всякомъ случаѣ, вы видите, я уступчивѣе васъ: вы отказывали Франціи въ будущемъ, я не отказывалъ въ немъ Германіи; вы осуждали Францію, я жалѣлъ Германію. Нашъ тогдашній споръ быть можетъ затянулся бы еще на нѣсколько часовъ, если бы онъ не былъ прерванъ, какъ вы помните, появленіемъ новыхъ депешъ (это было въ концѣ нашего января), которыя намъ только-что подали: „Парижъ капитулировалъ, перемиріе заключено, собирается національное собраніе, которое должно разрѣшить вопросъ: миръ или война“? Торжественная минута въ жизни французскаго народа, который никогда еще не находился въ такомъ бѣдственномъ состояніи, какъ то, въ которое бросила его вторая имперія. Увидѣть Францію вблизи въ этотъ критическій моментъ, осязать ея раны, услышать біеніе ея сердца, взглянуть какъ отразился на ней страшный ударъ, нанесенный ей нѣмецкимъ оружіемъ, должно быть полно интереса, —высказалъ я.—„Поѣзжайте, въ самомъ дѣлѣ, взгляните и передайте намъ потомъ ваши впечатлѣнія, сказали вы мнѣ, отвѣчая на мои слова.

— Я охотно бы это и исполнилъ... только...

— Что̀ только?

— Я буду писать, вы это знаете, противъ васъ; мои впечатлѣнія, я говорю вамъ впередъ, я въ этомъ увѣренъ, не будутъ отвѣчать вашимъ симпатіямъ къ Германіи.

— Вы передадите искренно ваши впечатлѣнія, — вотъ единственное условіе, и затѣмъ мы будемъ продолжать нашъ споръ...

Это условіе я принялъ безъ оговорокъ, и теперь, когда мое путешествіе окончено, я не раскаяваюсь, хотя впечатлѣнія эти и не совсѣмъ таковы, какихъ я ожидалъ, хотя искренность въ моемъ разсказѣ подчасъ мнѣ и будетъ не совсѣмъ легка. Но я сдержу свое обѣщаніе, въ этомъ вы можете быть увѣрены — повторилъ я еще разъ при прощаньи.

Черезъ два дня послѣ нашего разговора, мои приготовленія къ путешествію были окончены, и я началъ свое странствованіе по пути въ Бордо.....

Гатчина.... Луга.... Псковъ.... одна станція проходитъ за другою, и еслибы не различіе названій, можно было бы подумать, что нашъ

поѣздъ все стоитъ на одномъ мѣстѣ и не двигается въ даль, до такой степени все однообразно, все монотонно, всюду холодная снѣжная равнина, всюду непривѣтливая природа, и невольно въ головѣ мелькаетъ мысль: и какъ это здѣсь еще могутъ жить люди! Какъ возможна здѣсь цивилизованная жизнь! Потому-то, быть можетъ,— работала далѣе мысль,—развитіе и идетъ здѣсь такъ медленно, потому-то оно и двигается еле-еле, по-черепашьему.... Бѣдный, суровый русскій ландшафтъ: какъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ долженъ отвѣчать нравственному состоянію тѣхъ, кто имѣетъ его всегда предъ глазами,—всѣхъ, кто живетъ среди его. Спитъ природа, спятъ люди, а если подчасъ и встрѣчаешь неспящихъ, то они все-таки сохраняютъ видъ спящихъ. Мысль спитъ, мысль не пробуждена, и вы это чувствуете, когда прислушиваетесь къ разговорамъ въ вагонахъ, когда выходите на станціяхъ, когда спрашиваете газету и вамъ отвѣчаютъ: у насъ нѣтъ, мало спрашиваютъ! И это въ какую минуту! Когда на разстояніи двухъ, трехъ дней разыгрывается одна изъ самыхъ страшныхъ трагедій, когда тамъ, на „другомъ берегу" падаютъ десятки, сотни тысячъ людей и рѣшаются на многіе годы судьбы, направленіе европейской жизни. Да полно, въ Европѣ ли мы, съ какимъ-то неудомѣніемъ, не то страхомъ спрашиваешь себя, и при этомъ испытываешь самое странное чувство — да зачѣмъ ты-то, задаешь невольно себѣ вопросъ, зачѣмъ ты интересуешься тѣмъ, что̀ совершается тамъ, на Западѣ, какое тебѣ дѣло до всего этого, живи въ своей норѣ, занимайся „своимъ дѣломъ". Свое дѣло! какъ часто слышишь эти слова и, Боже мой, какъ мало въ нихъ смысла. Нѣтъ болѣе тяжкаго приговора, какъ это „свое дѣло": развѣ это не равняется признанію, что дѣло Европы, дѣло цивилизованнаго міра для насъ не „свое дѣло". Обидно и горько становится на душѣ и невольно начинаешь злобно смѣяться, когда вспоминаешь о тѣхъ юродивыхъ, которые силятся доказывать, что роль Запада окончена, что Западъ сгнилъ, и что будущее принадлежитъ одной славянской расѣ, которая, къ несчастію, дала еще такъ мало ручательствъ за свое будущее совершенство. Нѣтъ, виноватъ, не одни юродивые разсуждаютъ подобнымъ образомъ; ту же мысль подчасъ высказываютъ и люди взросшіе на западной цивилизаціи, возложившіе на нее всѣ свои надежды, всѣ свои упованія, потребовавшіе отъ нея осуществленія всѣхъ своихъ идеаловъ, и когда Западъ не далъ имъ этого осуществленія, они отвернулись отъ него, разбили боговъ, которыхъ обожали, и бросились въ объятія юродивыхъ. Это люди раздраженные, больные, люди, которые питаютъ къ Западу ненависть, но ненависть, которая такъ близко граничитъ съ пламенною любовью...

Благодаря снѣгамъ и метелямъ, болѣе трехъ дней тащились мы до границы, и, трудно повѣрить, въ эти три дня мнѣ ни разу не

пришлось услышать толковъ о войнѣ, о мирѣ, разговоровъ о томъ, чтó творится на Западѣ, нигдѣ не удалось подмѣтить возбужденнаго интереса, какъ будто бы мы были отдѣлены отъ Европы китайскою стѣною, какъ будто бы европейскія дѣла насъ вовсе не касаются, какъ будто бы Россія не принадлежитъ къ Европѣ. Тяжелое впечатлѣніе! Быть можетъ это случай, о! я готовъ охотно этому вѣрить; но скажите, отчего этотъ случай становится невозможенъ, какъ только вы переѣзжаете границу, отчего этого случая я нигдѣ не встрѣтилъ на всемъ остальномъ пути? Какое рѣзкое различіе,—какъ только вы переѣзжаете границу, отъѣзжаете на нѣсколько станцій, вы находите вездѣ газеты, вы сталкиваетесь въ вагонѣ, на станціяхъ, съ людьми, которые часто вкривь и вкось, но все-таки толкуютъ о той драмѣ, которая зовется войною; вы чувствуете, что эти люди принадлежатъ къ одной семьѣ, что они не остаются безучастны къ кровавымъ событіямъ, однимъ словомъ, вамъ перестаетъ быть совѣстно, что вы такъ близко принимаете къ сердцу интересы другого народа, интересы человѣчества, вы чувствуете, что вы поплыли по теченію, что все окружающее васъ идетъ вмѣстѣ съ вами.

Удары, которые наносятся однимъ народомъ другому народу не изглаживаются такъ быстро, долго остается чувство ненависти, понятнаго озлобленія и одинаково понятнаго чувства мести. Вотъ, разумѣется, что нужно помнить, когда говоришь о томъ повальномъ сочувствіи къ Франціи, которое бросилось мнѣ въ глаза при проѣздѣ моемъ черезъ Австрію. Память Садовы еще слишкомъ свѣжа, чтобы населеніе Австріи, даже и нѣмецкая его часть, могла радоваться успѣху того самаго оружія, которое такъ недавно сломило это государство, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что въ этой антипатіи къ Пруссіи замѣшано также и другое чувство—чувство боязни, страха новаго столкновенія, которое легко можетъ родиться изъ притязаній прусскихъ властителей,—слить во едино все говорящее по-нѣмецки. Куда вы ни зайдете, въ café, въ магазинъ, кого вы ни встрѣтите, къ какому говору ни прислушиваетесь, вездѣ вы слышите толки о войнѣ, о мирѣ, о Франціи, о ея несчастіяхъ, вездѣ вы подмѣчаете самое искреннее состраданіе, симпатію къ Франціи, сожалѣніе, что не она вышла побѣдительницею, и чувство озлобленія, ненависти къ Пруссіи.

— Какимъ-же образомъ, приходилось мнѣ спрашивать, вы сочувствуете французамъ и такъ не любите пруссаковъ, которые такіе же нѣмцы, какъ и вы сами?

— Прошу васъ думать, во-первыхъ, чтó вовсе не *такіе*; а потомъ, если бы даже и были такіе, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы были слѣпы къ тому, чтó можетъ оказать благотворное вліяніе на наше развитіе, на наше спокойствіе, и что оказываетъ самое пагубное влія-

ніе. Торжество Пруссіи—это постоянная война впереди: сегодня имъ понадобилось захватить Эльзасъ и Лотарингію, завтра имъ понадобится присоединить къ себѣ насъ, австрійскихъ нѣмцевъ, потомъ кусокъ Швейцаріи, затѣмъ еще кусокъ Даніи, пока, наконецъ, очередь не дойдетъ до васъ, и она пожелаетъ взять подъ свое покровительство вашихъ нѣмцевъ.

— Можете быть увѣрены, возразилъ я, что еслибы мы могли выслать въ Пруссію всѣхъ нашихъ нѣмцевъ, то мы нисколько бы этимъ не опечалились, и даже, по секрету скажу вамъ, что касается меня, то я былъ бы какъ нельзя болѣе доволенъ.

— О, Пруссія вовсе не такъ глупа; если она возьметъ вашихъ нѣмцевъ, то не возьметъ ихъ безъ земли, ей же такъ нужно округлить свои границы около Балтійскаго моря. Вотъ именно эта наклонность такой державы, какъ Пруссія, которая обязана своимъ могуществомъ военной силѣ, не останавливаться; а идти все впередъ и впередъ, по пути захватовъ, и заставляетъ насъ относиться къ ней вовсе не дружелюбно. Да, наконецъ, въ концѣ концовъ, прежде, чѣмъ быть нѣмцами, мы все-таки люди и мы не можемъ не сочувствовать Франціи, которая, добавилъ онъ нѣсколько сантиментально, такая чудная страна. Смотрите, вотъ разница между Пруссіею и Франціею. Отъ Франціи мы тоже натерпѣлись много, Наполеонъ I сдѣлалъ намъ много вреда, затѣмъ еще недавно мы были побиты Франціею, всего какихъ-нибудь десять лѣтъ назадъ: Маджента, Сольферино еще свѣжи въ нашей памяти, и однако мы не питаемъ къ ней не только ни малѣйшей злобы, но все наше сочувствіе принадлежитъ этой странѣ. Пруссіи же мы не можемъ простить Садовой, и вѣрьте, не скоро ее позабудемъ.

— Быть можетъ оттого, что послѣдній ударъ всегда кажется больнѣе и живетъ дольше въ памяти.

— О нѣтъ, вовсе не потому. Я не знаю, какъ это вамъ объяснить, только въ побѣдѣ, торжествѣ Пруссіи есть что-то гораздо болѣе отвратительное, болѣе наглое, чѣмъ въ торжествѣ Франціи.

Слова моего собесѣдника такъ отвѣчали моимъ внутреннимъ симпатіямъ и антипатіямъ, что я не сталъ ему противорѣчить. Меня поразилъ тотъ фактъ, на который онъ указывалъ мнѣ и который прежде никогда не приходилъ мнѣ въ голову: побѣда Франціи не оставляетъ послѣ себя злобнаго чувства въ сердцахъ побѣжденныхъ. Я слышалъ, я видѣлъ, какъ относятся къ Франціи, къ Австріи, которая была такъ недавно еще побѣждена ею, я знаю, какъ относятся къ Франціи въ Россіи, хотя никто еще не забылъ крымской войны—ни тѣни мести, ни тѣни озлобленія, напротивъ сочувствіе и состраданіе къ несчастію. Рядомъ съ этимъ, Пруссія умѣетъ такъ обходиться съ побѣжденными, что дѣлаетъ изъ нихъ навсегда для себя злѣйшихъ враговъ. Бѣдная Данія ненавидитъ ее отъ всего сердца, такое же озлобленіе сохраняетъ

къ ней Австрія, и наконецъ во Франціи она поселила къ себѣ ненависть совсѣмъ не побѣдами, но грубостію и возмутительнымъ варварствомъ своего обращенія съ побѣжденными, такую безконечную ненависть и такую неопреодолимую жажду мести, что нужны цѣлые вѣка, чтобы изгладить эти чувства.

Видя, какъ относятся въ Австріи къ враждующимъ сторонамъ, читая адресы, которые подписывали въ Вѣнѣ съ цѣлію побудить австрійское правительство вступиться за Францію, и вмѣстѣ съ тѣмъ, читая вѣнскія газеты, нельзя было не замѣтить самаго рѣзкаго противорѣчія. Газеты, журналы писали прямо противоположное тому, что можно было услышать вездѣ, гдѣ собиралось и толковало нѣсколько человѣкъ.

— Какъ объяснить, задавалъ я много разъ вопросъ австрійцамъ и преимущественно вѣнцамъ, что отъ вашихъ журналовъ слышишь прямо противоположное тому, что̀ говорите вы.

— О, это объяснитъ вамъ всякій уличный мальчишка въ Вѣнѣ! Онъ вамъ скажетъ и скажетъ какъ нельзя болѣе справедливо, что наши газеты нисколько не выражаютъ собою общественнаго мнѣнія; наши газеты—это биржа, а не политика: онѣ говорятъ не то, что̀ думаетъ и желаетъ общество, а то, что̀ думаетъ и желаетъ биржа, а биржа, вы знаете, желаетъ и думаетъ только то, что ей выгоднѣе.

— Это однако грустно!

— Что дѣлать! но это такъ.

Зная настроеніе Вѣны, которое есть и настроеніе всей Австріи, я былъ какъ нельзя болѣе удивленъ, когда услышалъ впослѣдствіи, что австрійскіе нѣмцы устраиваютъ банкеты и демонстраціи въ честь побѣдителей Франціи, банкеты и демонстраціи, которыя запрещались австрійскимъ правительствомъ. Проѣзжая на обратномъ пути черезъ Вѣну, я получилъ объясненіе, которое мнѣ кажется довольно справедливо.

— Не думайте, говорили мнѣ, чтобы въ настроеніи австрійскихъ нѣмцевъ произошелъ какой-нибудь volte-face; мы теперь думаемъ точно также, какъ и думали два мѣсяца назадъ, измѣнилось не наше сочувствіе къ Франціи и нелюбовь къ пруссакамъ, измѣнилась только наша внутренняя политика. Новый кабинетъ Гогенварта обратился къ намъ спиною и простираетъ объятія чехамъ. Какъ чехи, которые вовсе не особенно васъ любятъ, поютъ ваши національные гимны, и т. д. только для того, чтобы досадить правительству и выказывать ему оппозицію; точно также и мы провозглашаемъ тосты за пруссаковъ, нисколько не любя ихъ, чтобы показать правительству, что мы недовольны имъ.

— И вы думаете, что васъ понимаютъ?

— Будьте спокойны, какъ нельзя лучше.

Если, проѣзжая по Австріи, вы только-что и слышите разговоры о войнѣ, вы только и чувствуете, что близко, близко совершаются событія первостепенной важности, которыя должны волновать собою всю Европу; если вы проникаетесь какимъ-то токомъ, который съ неудержимою быстротою идетъ съ самаго театра дѣйствій, то, покидая Австрію, переѣзжая швейцарскую границу, вы уже находите слѣды войны, становитесь уже зрителемъ тѣхъ бѣдствій, тѣхъ несчастій, которыя вызваны дикою рѣзнею.

Изъ Вѣны я проѣхалъ въ Цюрихъ, гдѣ уже встрѣтилъ нѣсколько тысячъ французскихъ плѣнныхъ изъ злополучной арміи Бурбаки. Необыкновенно тяжелое впечатлѣніе производятъ эти бѣдные, измученные, дурно одѣтые, исхудалые солдаты, которые должны были искать себѣ пріюта на нейтральной швейцарской почвѣ. Огромное зданіе около самой желѣзной дороги все наполнено французами; зданіе оказалось недостаточнымъ, и къ нему пристроили деревянные бараки, въ которыхъ размѣстились остальные солдаты. Всѣ офицеры нашли себѣ пріютъ у частныхъ лицъ и вездѣ, нужно сказать къ чести Швейцаріи, ихъ принимали не только дружелюбно, но съ какою-то необыкновенною трогательною нѣжностью и любовью. Кто не любилъ прежде Швейцаріи и швейцарцевъ за какую-то ограниченность и довольство своею, казалось, узкою добродѣтелью, тотъ теперь долженъ былъ покаяться передъ нею. Въ самомъ дѣлѣ, Швейцарія выказала такую гуманность такую теплоту по отношенію къ положившей оружіе арміи, что невольно приковывала къ себѣ и уваженіе и любовь. Я всегда зналъ, что французская Швейцарія какъ нельзя болѣе расположена къ Франціи, хотя и боялась ея правителя, и потому дружественное, теплое отношеніе къ республиканской, да еще несчастной Франціи, меня нисколько бы не могло удивить. Чего я не ожидалъ и что поразило меня—это настроеніе нѣмецкой Швейцаріи. Съ одной стороны, крайнее нерасположеніе къ Пруссіи, съ другой безграничная симпатія къ Франціи. Что же за причина? можетъ быть спросите вы меня. Причина та же, которая заставляетъ относиться несочувственно къ Пруссіи австрійскихъ нѣмцевъ, та же, которая заставляетъ трепетать Люксембургъ, Голландію — боязнь, что Пруссія захочетъ подровнять границы Германіи. Шафгаузенъ ей очень нравится, очень улыбается. Но помимо этой причины есть еще и другая. Маленькая Швейцарія—республика, и во имя политической свободы, которая составляетъ ея силу, она шлетъ проклятіе Бисмарку и привѣтъ дорогой, но слабой и непрочной еще французской республикѣ. Швейцарія рада, что она могла „дѣломъ" заявить свою симпатію Франціи, и она съ какою-то гордостью приноситъ ей матеріальныя жертвы, которыя достаточно чувствительны для маленькой Швейцаріи. Еслибы она могла помочь Франціи своею кровью, своимъ оружіемъ, она бы сдѣлала это чуть не съ восторгомъ. Мнѣ

стоило многихъ усилій, чтобы сохранить серьезность и не разсмѣяться, несмотря на все глубокое уваженіе, которое я чувствовалъ въ эту минуту къ свободному духу Швейцаріи, когда я услышалъ отъ одного швейцарскаго нѣмца: „О! еслибы Пруссія захотѣла нарушить нашъ нейтралитетъ и посягнула на клочекъ нашей земли, вся Швейцарія возстала бы какъ одинъ человѣкъ, чтобы отразить врага!“

Бѣдная маленькая Швейцарія, думалъ я въ это время, какъ легко тебя раздавить и какъ скоро прусская заостренная каска высосала бы изъ тебя всю твою кровь. Бѣдная маленькая Швейцарія!

Сочувствіе, которымъ проникнуто къ Франціи все населеніе Швейцаріи, выражается очень рѣзко и во всѣхъ почти журналахъ, издаваемыхъ какъ на французскомъ, такъ и на нѣмецкомъ языкѣ. Всѣ они на всевозможные лады говорятъ почти одно и тоже: Франція—это наша старшая сестра, мы должны доказать ей все наше сочувствіе, всю нашу любовь, и если мы не можемъ не сожалѣть о томъ несчастіи, которое постигнуло восточную армію, то мы радуемся, что она вступила на нашу почву, безъ этого мы никогда не имѣли бы возможности доказать дѣломъ нашей дѣйствительной симпатіи. Швейцарская пресса знала, читала, съ какимъ озлобленіемъ относятся нѣмцы къ маленькой республикѣ за ея радушный, дружескій пріемъ плѣннымъ французамъ, но это озлобленіе она принимала съ полнымъ равнодушіемъ: „Мы сохраняемъ строгій нейтралитетъ, отвѣчала пресса, больше отъ насъ требовать нельзя; требовать, чтобы мы не выражали нашего сочувствія къ тѣмъ, кого любимъ, никто не имѣетъ права; мы слишкомъ уважаемъ себя, чтобы обращать вниманіе на дурное расположеніе духа и нахмуренныя брови графа Бисмарка!“ Только органъ крупныхъ буржуа „Journal de Genève“ не пѣлъ въ униссонъ, находясь въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ прусскимъ правительствомъ, хотя и онъ не смѣлъ громко заявить своего несочувствія къ французамъ, а только впускалъ свой ядъ, выражалъ свое неудовольствіе между строчками. Но за то нужно слышать, съ какимъ презрѣніемъ относятся къ этому органу большинство въ Швейцаріи, который тѣмъ не менѣе читается довольно прилежно.

Правительство, различныя общества, частныя лица, все соперничало другъ съ другомъ въ заявленіи—не на словахъ, какъ то бываетъ слишкомъ часто, а на дѣлѣ, что наоборотъ случается слишкомъ рѣдко,—своего сочувствія дѣтямъ Франціи. Достаточно было проѣхать, перерѣзать насквозь Швейцарію, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Поѣздъ, съ которымъ я ѣхалъ отъ Цюриха до Женевы, тянулся медленно, постоянно останавливаясь, постоянно сталкиваясь съ другими поѣздами, большая часть которыхъ, чтобы не сказать всѣ, была наполнена несчастными французскими солдатами. Ихъ развозили по различнымъ кантонамъ, по различнымъ городамъ, гдѣ они находили

отдыхъ, хорошую пищу и все, что только было необходимо, и даже больше чѣмъ было необходимо. На станціяхъ, на которыхъ приходилось стоять, выбѣгали дамы, мужчины съ подносами, мисками, кофейниками, сигарами, и все это бросалось угощать солдатъ. Одни наливали стаканы, чашки, другіе подавали, и все это видимо дѣлалось съ такимъ добродушіемъ, съ такою готовностью, такъ полно отъ добраго сердца, что посторонній зритель не могъ не быть тронутъ такою картиною. Такая „человѣчность" есть результатъ, какъ хотите, большого нравственнаго развитія. Въ Бернѣ я увидѣлъ нѣсколько французскихъ солдатъ, которые копали землю, работая очень прилежно. Что это, подумалъ я, значитъ ихъ заставляютъ все-таки работать? и сдѣлалъ этотъ вопросъ какому-то швейцарскому работнику.

— Oh! non, c'est pour s'amuser! отвѣчалъ мнѣ онъ улыбаясь и добавилъ съ невыразимымъ добродушіемъ: мы ихъ не заставимъ работать! мы ихъ любимъ!

— Этого, отвѣчалъ я ему, не нужно и прибавлять, это бросается въ глаза.

Въ Женевѣ, чтобы выйти со станціи желѣзной дороги, нужно было проходить между цѣлымъ взводомъ швейцарскихъ солдатъ, наблюдавшихъ, чтобы не попадались солдаты изъ французской арміи.

— Вы не принадлежите къ французской арміи? почему-то остановили они меня при проходѣ.

— Нѣтъ, не принадлежу.

— Bien sûr?

— Bien sûr!

— Passez! и я прошелъ.

На стѣнахъ города вы вездѣ встрѣчаете объявленія о концертахъ, театрахъ, различныхъ собраніяхъ въ пользу французовъ. Видно, что весь интересъ страны, все ея вниманіе поглощено только однимъ: какъ бы свой пріютъ сдѣлать болѣе радушнымъ, какъ бы сдѣлать болѣе пріятною жизнь французскимъ internes. Швейцарцы заботились не только о матеріальной жизни ихъ французскихъ гостей, они хотѣли, чтобы была удовлетворена и нравственная сторона. Не зная, много ли мало ли времени плѣнные французы останутся въ ихъ землѣ, они тѣмъ не менѣе поспѣшили устроить элементарные курсы для солдатъ, чтобы тѣ, которые не умѣли ни читать, ни писать, могли выучиться грамотѣ, и могли всегда добромъ вспомнить свое пребываніе въ Швейцаріи. Во всѣхъ газетахъ, въ объявленіяхъ, которыя наклеивались на стѣнахъ, дѣлались вызовы всѣмъ тѣмъ, кто желаетъ принять на себя трудъ обученія французскихъ солдатъ. Вызовъ этотъ далеко не остался безъ отвѣта. Тотчасъ нашлось множество учителей, предложившихъ свои услуги. Для тѣхъ же, кто уже умѣлъ и писать, и читать, устраивались чтенія, бесѣды, родъ литературныхъ вечеровъ, имѣвшихъ двоякую

цѣль: пользу и вмѣстѣ развлеченіе. Въ этомъ дѣлѣ образованія точно также, рядомъ съ правительствомъ, принимали иниціативу и частныя общества, между прочими и международное общество рабочихъ. Въ тотъ самый вечеръ, когда я пріѣхалъ въ Женеву, мнѣ случилось быть въ публичномъ собраніи одной изъ секцій этого общества, гдѣ обсуждали вопросъ, какъ должно оно дѣйствовать, чтобы и его представители могли оказать нравственную пользу французскимъ плѣннымъ. Въ этомъ собраніи, большею частью состоявшемъ изъ рабочихъ, шла оживленная бесѣда, горячій споръ о средствахъ пріобрѣсти среди французскихъ плѣнныхъ новыхъ адептовъ той идеи, которая соединяла ихъ въ мирную семью. Я молча слушалъ эти горячія слова рабочихъ и думалъ: почему же такъ ратуютъ противъ этого общества, почему же его обвиняютъ въ томъ, что оно хочетъ поколебать весь существующій порядокъ вещей путемъ насилія, чуть не путемъ грабежа; я видѣлъ вблизи этихъ людей и слышалъ ихъ простыя и искреннія рѣчи, и немогъ отказать этимъ людямъ въ самомъ глубокомъ уваженіи, этимъ людямъ, которые, работая по цѣлымъ днямъ, чтобы добыть себѣ и семьѣ своей самое скромное существованіе, находятъ въ себѣ достаточно нравственной силы, достаточно энергіи, чтобы съ такимъ жаромъ отдаваться тому, что называется chose publique; сами нищіе, сами чуть не голодные, они съ такою душою хлопочутъ о своихъ ближнихъ, съ такимъ святымъ рвеніемъ работаютъ надъ распространеніемъ гуманныхъ идей.

Французы платили Швейцаріи за ея добрый, радушный пріемъ самою глубокою благодарностью, и мнѣ много разъ приходилось слышать отъ плѣнныхъ французовъ, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ, такія слова: „О, мы никогда не забудемъ того, что они сдѣлали для насъ; правы тѣ, которые говорятъ, что въ несчастіи распознаются друзья, мы никогда не думали, чтобы швейцарцы такъ любили насъ, и право мы этого не стóимъ!"

Женева—это послѣдній этапъ передъ тѣмъ, чтобы въѣхать во Францію. Я не въ состояніи передать того лихорадочнаго ощущенія, которое испытывалъ я, спрашивая въ кассѣ: un billet pour Lyon... Черезъ два, три часа мы уже на французской границѣ, черезъ два, три часа я снова увижу ту Францію, которую два, три года назадъ я оставлялъ съ такою любовью, полный вѣры въ ея будущее, спокойный за ея судьбу, полный увѣренности въ неизбѣжномъ и скоромъ внутреннемъ переворотѣ, но переворотѣ безъ крови, безъ большихъ жертвъ, въ переворотѣ à la 48. И теперь я долженъ ее встрѣтить истерзанною, замученною, Францію въ траурѣ, Францію въ печали, въ страданіи, въ какихъ-то мучительныхъ судорогахъ. Какая перемѣна и какое тяжелое, ненавистное чувство!

— Bellegarde! громко прозвучало въ ушахъ. Вотъ и французская

граница! да этого впрочемъ и не нужно было говорить, обмануться было невозможно. Вамъ хорошо знакомо то впечатлѣніе, когда вы входите въ какой-нибудь большой домъ, гдѣ кто-нибудь умеръ, умерло дорогое лицо: въ домѣ суета, всѣ бѣгаютъ, на лицахъ печаль, уныніе, всѣ точно чего-то ищутъ, никто не находитъ себѣ мѣста, идутъ мрачныя приготовленія къ послѣдней раздирательной, похоронной сценѣ; одни въ домъ входятъ, другіе выходятъ; одно приносятъ, другое выносятъ; во всемъ домѣ господствуетъ какой-то хаосъ, вамъ становится, жутко, и вы сами не знаете куда прислониться. Вотъ то впечатлѣніе, которое испытываете вы при самомъ первомъ вашемъ вступленіи на французскую почву...

Евг. Утинъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА *).

Берлинъ, 24 (12) марта.

Открытіе перваго германскаго рейхстага.

Австрійскій маршалъ Радецкій сказалъ въ 1848-мъ году, когда въ Вѣнѣ бушевала революція и онъ самъ велъ войну въ Италіи: „въ моемъ лагерѣ находится Австрія“. Въ теченіи прошлыхъ восьми мѣсяцевъ можно было съ одинаковымъ правомъ сказать, что Пруссія находилась въ лагерѣ прусской арміи, или, если хотите, въ главной квартирѣ короля. Не скажу вполнѣ того же о Германіи. Хотя въ продолженіи этого времени не только пруссаки, но и всѣ нѣмцы устремляли свои взоры на театръ войны, тѣмъ не менѣе участіе южной Германіи было другого рода, нежели, сѣверной—и особенно Пруссіи. Здѣсь населеніе съ безусловнымъ довѣріемъ провожало въ походъ короля и армію, безъ особыхъ надеждъ и похвальбы. Напротивъ, многіе были такого мнѣнія, что сначала армія потерпитъ пораженія, даже самого короля предостерегали отъ слишкомъ большихъ ожиданій; но, что́-бы ни случилось, сильная преданность народа удержала бы его вѣрнымъ

*) Наша корреспонденція изъ Берлина остановилась въ іюлѣ прошедшаго года, когда началась война, и была замѣнена «Письмами о войнѣ 1870 года»; но нашъ корреспондентъ, желая лично познакомиться съ ходомъ военныхъ дѣйствій подъ Орлеаномъ, попалъ въ плѣнъ къ французамъ, и потому мы были вынуждены прекратить начатыя имъ письма. Въ ближайшей книгѣ мы надѣемся помѣстить у себя этотъ эпизодъ изъ жизни нашего корреспондента, доставившій ему возможность сдѣлать интересныя наблюденія въ южной Франціи за послѣдніе мѣсяцы войны. — *Ред.*

династіи и перенесла бы вмѣстѣ съ ней всѣ несчастья. Какъ ни высоко стоитъ Бисмаркъ, онъ можетъ пасть; но нельзя сказать того же о династіи. Въ южной Германіи, до начала войны, антипатія къ пруссакамъ брала верхъ. Въ каждомъ изъ трехъ южногерманскихъ государствъ существовала прусская партія—такъ называли ее противники, называвшіе самихъ себя *народной* партіей—партія партикуляристовъ. Эта партія была особенно сильна въ Баваріи и Виртембергѣ. Когда война сдѣлалась неизбѣжной, поднялась жаркая борьба между обѣими партіями: жаркая, но короткая. Желаніе дожить наконецъ до единой Германіи побѣдило нерасположеніе къ пруссакамъ. Рѣшеніе было принято въ минуту энтузіазма, все дальнѣйшее зависѣло отъ хода и успѣховъ войны. Передъ колеблющимся общественнымъ мнѣніемъ въ южной Германіи, Пруссія имѣла *одно* преимущество. Южногерманскія арміи пріобрѣли, въ 1866-мъ году, большое уваженіе къ прусскимъ военачальникамъ, и прусскіе генералы пользовались у нихъ популярностью. Это уваженіе вызвало довѣріе въ 1870-мъ году. Разсказываютъ, что одинъ баварскій солдатъ, которому прусскій наслѣдный принцъ, послѣ сраженія при Вертѣ, сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ, отвѣчалъ ему: „да, ваше высочество, если-бы въ 1866-мъ году вы начальствовали надъ нами, то мы бы навѣрное побили бы этихъ проклятыхъ пруссаковъ". Этотъ анекдотъ можетъ быть сочиненъ, но могу увѣрить, что даже во время войны мнѣ приходилось слышать много сужденій, менѣе наивныхъ, но въ сущности свидѣтельствовавшихъ о томъ-же самомъ.

Военные успѣхи оправдали возложенное на прусскихъ полководцевъ довѣріе, и въ южной Германіи наступилъ тотъ могущественный переворотъ, который окончился возстановленіемъ единаго нѣмецкаго государства и возложеніемъ императорской короны на короля Вильгельма. Пруссія относилась къ этому дѣлу почти совершенно пассивно, а въ настоящее время, при выборахъ въ первый германскій рейхстагъ, въ Пруссіи было избрано большое число ультрамонтановъ, вовсе не сочувствующихъ единству Германіи. Я не хочу сказать, что они намѣрены уничтожить сдѣланное, но они хотятъ по возможности ослабить связь между германскими государствами и дать свободу католической церкви, что, нѣтъ сомнѣнія, повлечетъ весьма большія невыгоды для Германіи. О ихъ намѣреніяхъ узнается скоро, до сихъ же поръ они не имѣли еще случая высказать ихъ, такъ какъ рейхстагъ открытъ всего еще нѣсколько дней (съ $^{9}/_{21}$ марта). Они могли испробовать только свою численную силу, какъ это обыкновенно случается при выборѣ президента. Первымъ президентомъ избранъ, почти единогласно (274 голосами изъ 284), Симпсонъ, который былъ не только президентомъ рейхстага сѣверо-германскаго союза, но еще въ 1848-мъ году президентомъ германскаго народнаго собранія во Франкфуртѣ, впервые воскресившаго мысль о единомъ германскомъ государствѣ и предлага-

шаго тогдашнему прусскому королю Фридриху Вильгельму IV императорскую корону. Симпсонъ стоялъ тогда во главѣ депутаціи, отправленной франкфуртскимъ собраніемъ въ Берлинъ для предложенія королю короны (которую, какъ извѣстно, онъ отклонилъ). Первымъ вице-президентомъ избранъ принцъ Гогенлоэ, завзятый представитель народной партіи въ Баваріи, а вторымъ вице-президентомъ президентъ виртембергской палаты фонъ-Веберъ, 150-ю голосами изъ 295. При послѣднемъ выборѣ, 78 голосовъ получилъ фонъ-Бланкенбургъ, приверженецъ старой Пруссіи, и 64 голоса Рейхенспергеръ, на которомъ соединились голоса католической партіи.

На этомъ первомъ турнирѣ большинство принадлежало, такимъ образомъ, *народной* партіи, но католики и консерваторы повидимому достаточно сильны, чтобы, соединившись вмѣстѣ, оспаривать у нея большинство. Прусскіе консерваторы, конечно, не пойдутъ на то, чтобы поддерживать какое-нибудь стремленіе, враждебное Пруссіи или королю; но если дѣло будетъ идти о проведеніи какого-нибудь либеральнаго закона или учрежденія, то обѣ партіи весьма легко могутъ соединиться.

Я говорю постоянно о прусскомъ королѣ, между тѣмъ какъ онъ уже сдѣлался императоромъ германскаго государства, и впадаю въ эту ошибку, какъ и многіе въ Берлинѣ, которые не могутъ привыкнуть къ новому титулу и суевѣрно считаютъ за несчастье, что король прусскій, кромѣ короля, долженъ называться еще другимъ именемъ. Это нерасположеніе къ новому титулу имѣетъ основаніемъ монархическое настроеніе нашего народа, которое чрезвычайно распространилось за послѣднія десять лѣтъ. Я подразумѣваю распространилось не *въ ширину*, ибо анти-монархическая партія въ Пруссіи едва-ли когда-нибудь существовала, даже въ революцію 1848-го года, но распространилось *въ глубину*. Это монархическое настроеніе имѣло всегда предметомъ *королей* прусскихъ; королевскому роду Пруссія считаетъ себя обязанною своимъ величіемъ, и кромѣ того, какъ извѣстно, королевское достоинство считается первоначальнымъ нѣмецкимъ учрежденіемъ, между тѣмъ какъ императорское достоинство изошло изъ римскаго государства. Все это предубѣжденія, но предубѣжденія играютъ часто весьма важную роль въ политикѣ, и особенно въ политикѣ массъ.

Самъ король, какъ говорятъ, долго не рѣшался принять титула, предложеннаго ему нѣмецкими государями; если это справедливо, то соображеніе, что титулъ имѣетъ нѣкоторое значеніе для новаго устройства Германіи, не лишено основанія. Символы служатъ въ политикѣ, какъ и въ религіи, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для соединенія большихъ массъ людей, совершенно неспособныхъ углубляться въ отвлеченности. Потому и важно, что договоры, заключенные между сѣверо-германскимъ союзомъ и южно-германскими госу-

дарствами, на которыхъ основывается новое устройство Германіи, сведены въ настоящее время въ *конституцію нѣмецкаго государства* и предложены рейхстагу какъ проектъ закона. Эта конституція не похожа на извѣстные французскіе шаблоны, гдѣ все на бумагѣ превосходно подраздѣлено на главы и параграфы; она, по одобреніи рейхстага, можетъ сдѣлаться основнымъ закономъ для всей націи и самою могущественною связью и залогомъ ея единства.

Императоръ прибылъ сюда (17) 5-го марта къ вечеру, не видавъ своей столицы съ 31-го іюля прошлаго года. Я видѣлъ его тогда отъѣзжающимъ и теперь возвращающимся и едвали возможно представить себѣ что-нибудь болѣе противуположное. Король съ большимъ трудомъ рѣшился въ прошломъ году на войну и, желая сохранить миръ, сдѣлалъ большія уступки. Французы хотѣли войны во чтобы то ни стало. Съ политической стороны его заботилъ исходъ, объемъ и продолжительность войны; съ чисто личной стороны, понятно, что въ его престарѣлые годы война была для него большой жертвой. Король, выѣхавъ тогда изъ дворца и проѣзжая Подъ-Липами по дорогѣ къ Потсдамскому вокзалу, казался глубоко опечаленнымъ. Народъ хотя и провожалъ его съ искреннимъ привѣтомъ, но опасался за будущее. Теперь король вернулся и ѣхалъ по тѣмъ же улицамъ во дворецъ. Толпа не могла быть гуще, чѣмъ въ тотъ разъ, но мѣсто опасенія замѣнили радость и восторгъ. Король имѣлъ нѣсколько болѣзненный видъ, гораздо хуже, нежели когда я его видѣлъ въ первую половину похода, несмотря на то, что тогда ему приходилось переносить самыя большія трудности. Зима въ Версалѣ вредно на него подѣйствовала; можетъ быть, также и утомленіе отъ путешествія имѣло вліяніе на престарѣлаго монарха. На возвратномъ пути императоръ при каждомъ случаѣ, когда его встрѣчали депутаціи, говорилъ не стѣсняясь о событіяхъ. Въ Саарбрюкенѣ, гдѣ онъ вступилъ на прусскую границу, депутація отъ городовъ рейнской провинціи поднесла ему золотой лавровый вѣнокъ. Благодаря депутацію, король прежде всего упомянулъ о великой заслугѣ наслѣднаго принца, который, побѣдой при Вертѣ, воспрепятствовалъ вторженію французовъ въ нѣмецкія земли и затѣмъ прибавилъ, переходя къ себѣ: „я вообще не много могъ сдѣлать; счастливымъ успѣхомъ, котораго мы достигли, мы обязаны заслуженнымъ людямъ, находящимся вокругъ меня, мудрости графа Мольтке и проницательности и предусмотрительности полководцевъ вообще“.

Тронная рѣчь, которую императоръ произнесъ, при открытіи рейхстага, встрѣтила повсюду одобреніе, хотя и была довольно проста по формѣ. Мѣста, наиболѣе одобренныя собраніемъ (императоръ говорилъ стоя, въ бѣлой залѣ дворца около трона, которымъ служилъ на этотъ разъ не обыкновенный тронъ нашего времени, а старинный изъ прежъ-

няго собора въ Госларѣ, на которомъ сидѣли древне-германскіе императоры при коронаціи), были тѣ, въ которыхъ говорилось о счастливомъ исходѣ войны, о возстановленіи единства Германіи и надеждахъ на сохраненіе мира.

„Сознаніе своего единства—говорилось въ тронной рѣчи—было въ нѣмецкомъ народѣ, хотя и скрытое, но живое; оно проявилось въ одушевленіи, съ которымъ поднялась вся нація для защиты отечества въ опасности, и на поляхъ сраженія Франціи начертала неизгладимыми буквами свою волю быть и остаться единымъ народомъ... Новая Германія, каковой она вышла изъ огненнаго крещенія настоящей войны, будетъ надежнымъ ручательствомъ за европейскій миръ, потому что она достаточно сильна и разумна, чтобы охранить свой внутренній порядокъ, равно какъ свое собственное, но достаточное и богатое наслѣдство".

Что касается послѣдняго пункта, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что въ Пруссіи всеобщая рекрутская повинность, такъ великолѣпно оправдавшая себя во время послѣдней войны, представляетъ большую гарантію мирнаго настроенія народа, такъ какъ ни одинъ классъ не освобожденъ отъ тягостей войны, менѣе же всего интеллигентный и имущественный классъ, отбывающій кровавую повинность, наложенную на всѣхъ подданныхъ государства, даже въ высшемъ размѣрѣ, нежели другіе классы, вслѣдствіе чего не можетъ образоваться партія войны, какая существовала во всякое время во Франціи. Всякій, кому случалось лично участвовать въ походѣ, знаетъ хорошо, что, несмотря на храбрость и дисциплину между солдатами, всеобщимъ желаніемъ у насъ въ лагерѣ было возстановленіе мира и скорѣйшее возвращеніе домой; это было не только желаніемъ тѣхъ, которые были оторваны отъ пріятной жизни, но также и жившихъ у себя дома въ бѣдности и несшихъ тяжелую работу; отъ такихъ людей можно было бы ожидать совсѣмъ другого, потому что военная жизнь должна, казалось бы, имъ представляться въ блистательномъ свѣтѣ. Что въ основаніи этого стремленія лежитъ не недостатокъ храбрости—то было не разъ доказано тѣми же солдатами. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что Германія, при общей военной повинности, имѣетъ представительное правленіе, и невозможно втянуть народъ въ войну, въ справедливости и необходимости которой онъ не былъ бы убѣжденъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я прошлымъ лѣтомъ писалъ отсюда, положеніе Германіи относительно европейскихъ державъ значительно измѣнилось. Быстрый успѣхъ нѣмецкаго оружія хотя и помѣшалъ соединиться съ французами одному изъ тѣхъ государствъ, которыя издавна или вслѣдствіе событій 1864-го и 1866-го годовъ питаютъ антипатію къ Пруссіи, тѣмъ не менѣе Германія пользовалась тамъ немногими сим-

патіями въ войнѣ противъ Франціи. Отношеніе къ дѣлу Англіи болѣе всего давало себя здѣсь чувствовать, не только вслѣдствіе того, что она, доставляя французамъ военные матеріалы, значительно ихъ поддерживала, но и вслѣдствіе того, что не одинъ разъ ослабляла дѣйствія нѣмцевъ своими дипломатическими вмѣшательствами. Политика Англіи помѣшала нѣмецкой арміи извлечь тѣ выгоды изъ отчаяннаго положенія города Парижа, какія она могла бы извлечь и какими считалось необходимымъ воспользоваться. Италія все время колебалась, а въ нѣкоторыхъ австрійскихъ кружкахъ, въ началѣ войны, было весьма сильное желаніе отплатить за 1866-й годъ. Этого не случилось, отчасти изъ уваженія къ нѣмецкому населенію Австріи, главнымъ же образомъ вслѣдствіе рѣшительнаго поведенія Россіи, которой Европа главнымъ образомъ обязана за то, что война не приняла бóльшихъ размѣровъ. Всякій, кто считаетъ лучшимъ назначеніемъ своей дѣятельности содѣйствовать сближенію націй, можетъ только радоваться, если въ послѣднихъ событіяхъ заключается какой-нибудь значительный шагъ впередъ въ общественныхъ отношеніяхъ двухъ сѣверныхъ сосѣдей. Сильвіо Пеллико говоритъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „I miei prigioni“: „Люди ненавидятъ другъ друга только потому, что не знаютъ одинъ другого;“ и это положеніе имѣетъ одинаковое значеніе для народовъ, какъ для отдѣльныхъ индивидуумовъ. Но весьма печально, если ближайшее знакомство должно приводить къ тому, что нерасположеніе усиливается или вызывается. Французская публицистика, съ своими Лагеронньерами и имъ подобными сотрудниками „Figaro“, „Gaulois“, оказала плохую услугу странѣ, щекотя ея воинственные нервы и твердя постоянно, что отечество находится въ опасности; а эту опасность вызвали они же сами. Тяжелую отвѣтственность берутъ на себя тѣ, которые стремятся къ возбужденію національныхъ ненавистей и предразсудковъ.

Имѣвъ, въ послѣднее время, случай познакомиться съ французами ближе, чѣмъ это бываетъ возможно въ обыкновенныя времена, я совершенно убѣдился въ томъ, что французскій умъ, въ одномъ важномъ пунктѣ, прямо противуположенъ складу ума сѣверныхъ націй. Этотъ пунктъ есть способность послѣднихъ видѣть объективную истину. По моимъ наблюденіямъ, современный французъ, съ весьма малыми исключеніями, видитъ вещи болѣе или менѣе такими, какими ему *хочется* ихъ видѣть, между тѣмъ какъ на сѣверѣ люди, трезво и хладнокровно мыслящіе, стремятся видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, а не такими, какъ имъ желательно, чтобы онѣ были. Эта способность критиковать есть основаніе самопознанія, а безъ самопознанія невозможенъ никакой успѣхъ. Сравнительно съ нѣмцами, русскіе обладаютъ до высшей степени еще одною способностью—усвоивать иностранные языки, способностью, которой у французовъ совер-

шенно нѣтъ (я впрочемъ полагаю, что болѣе гордость и лѣнь заставляютъ французовъ ограничиваться знаніемъ только своего родного языка), и которая расширяетъ человѣческій умъ болѣе, чѣмъ какая-либо другая. Долгое время такой же космополитическій духъ былъ силенъ и въ Германіи, и силенъ до того, что національное чувство страдало, но этотъ космополитическій духъ произвелъ у насъ много хорошаго и великаго.

Возвращеніе короля въ Берлинъ — вы знаете — сопровождалось мрачными извѣстіями изъ Франціи; революція 18-го марта въ Парижѣ вызвала весьма серьёзныя опасенія, опасенія, которымъ самъ король въ конфиденціальномъ разговорѣ съ депутатами отъ здѣшняго купечества, бывшими у него съ поздравленіемъ 21-го числа, придалъ большое значеніе. Красная республика одержала побѣду въ Парижѣ надъ умѣренной, и правительство, повидимому, не въ состояніи водворить порядка; но даже еслибы оно было въ силахъ этого достигнуть, то опасность, какую эта революція создала въ Парижѣ, глубоко потрясла кредитъ Франціи. Причина печальныхъ событій въ Парижѣ заключается прежде всего въ томъ, что вся Франція, особенно же теперешнее правительство, льстили на всѣ лады парижскому населенію и совершенно вскружили ему голову; болѣе же отдаленная причина — это укрѣпленіе и защита Парижа. Укрѣплять Парижъ было большимъ заблужденіемъ, пятимѣсячная же защита оказалась величайшимъ бѣдствіемъ для Франціи, и мысль оставить крѣпость не только въ ея прежнемъ видѣ, но возвести на степень „первой крѣпости міра" (эта идея была пущена въ свѣтъ, какъ извѣстно, кружкомъ правительства Тьера), есть верхъ нелѣпости, которая могла произойти только вслѣдствіе страшнаго ослѣпленія.

Опытъ показалъ, что укрѣплять Парижъ было заблужденіемъ: это не только не спасло Францію отъ пораженія, но напротивъ, способствовало ему. Если бы Парижъ не былъ укрѣпленъ, то могло-бы случиться одно изъ двухъ: или бы Франція заключила миръ, послѣ появленія передъ Парижемъ непріятеля съ превосходными силами, и это безъ сомнѣнія было бы самымъ лучшимъ для Франціи, если сравнить съ тѣмъ, что совершается теперь; или же французское правительство удалилось бы на югъ и занялось реорганизаціей арміи, въ то время какъ нѣмцы принуждены бы были оставить въ Парижѣ большую армію, и, подвигаясь на югъ, все болѣе и болѣе удаляться отъ своего операціоннаго базиса, что дало-бы Франціи болѣе шансовъ на побѣду. Продолжительная защита Парижа не только повлекла за собой разрушеніе столицы, которое невозможно оцѣнить, и разорила все городское среднее сословіе, но оно пріучило бѣдные классы жить безъ работы и получать готовое жалованье и пищу. Вмѣсто того, чтобы признать затруднительность положенія и принять надлежащія мѣры, французское

правительство ничего не дѣлало и занималось только прославленіемъ *геройства* парижанъ. Послѣднія парижскія и версальскія депеши очевидно скрываютъ истину, и пока какой-нибудь опять „энергическій“ человѣкъ не встанетъ во главѣ правленія и не соберетъ вокругъ себя небольшой отрядъ хорошихъ и надежныхъ солдатъ, нельзя и думать о подавленіи революціи. Поэтому, здѣсь готовы на всякія случайности, даже на возобновленіе войны, какъ ни тяжело было бы такое рѣшеніе. Не говоря уже о томъ, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, Франція не будетъ въ состояніи начать уплату Германіи контрибуціонныхъ денегъ, съ часу на часъ должно ожидать какой-нибудь отчаянной вылазки со стороны красныхъ. Ихъ увѣренія, что они будутъ уважать условія мира, конечно, не имѣютъ никакого значенія; эти увѣренія дѣлаются только для того, чтобы избѣжать столкновеній, которыя были бы весьма некстати для красныхъ, пока еще не одержана ими побѣда надъ версальскимъ правительствомъ.

Единственная выгода для Германіи, вытекающая изъ настоящаго положенія дѣлъ, состоитъ, какъ здѣсь полагаютъ, въ томъ, что Франція лишится симпатій, которыми до сихъ поръ пользовалась у многихъ. Принципы, которые съ 18-го марта сдѣлались господствующими въ Парижѣ, прежде всего выразились въ ужасныхъ убійствахъ и неуваженіи къ собственности. Сегодня уже былъ здѣсь у императора военный совѣтъ и съ часу на часъ можно ожидать отъѣзда принца Фридриха-Карла. При такихъ обстоятельствахъ, интересъ будетъ отвлеченъ отъ первыхъ работъ рейхстага, и мирныя занятія, о которыхъ, современи заключенія мира, такъ часто и торжественно возвѣщалъ императоръ, будутъ снова отдалены. Можетъ быть, удастся европейскимъ державамъ найти мирный путь, посредствомъ котораго можно было бы спасти Францію отъ быстро наступающаго разоренія и новой войны, — но и это пока весьма сомнительно. К.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Русскій офицеръ у нѣмцевъ.

Война 1870 года. Замѣтки и впечатлѣнія русскаго офицера. *М. Анненкова.* Спб. 1871.

Несмотря на то, что объ организаціи нѣмецкой арміи было писано много въ журналахъ и газетахъ, книжка г. Анненкова нашла въ нашей ежедневной печати весьма сочувственный пріемъ, и всѣ поспѣшили выписать изъ нея для своихъ читателей болѣе или менѣе рельефныя мѣста. Обаяніе ея составляло то обстоятельство, что г. Анненковъ находился нѣкоторое время въ нѣмецкой главной квартирѣ въ Версали, видѣлъ вблизи обложенный Парижъ и набросалъ на бумагу *свои* впечатлѣнія и замѣтки, „впечатлѣнія и замѣтки русскаго офицера". Насъ привлекаетъ къ этой книжкѣ тоже обстоятельство: намъ любопытно было прочитать замѣтки именно соотечественника и притомъ русскаго офицера генеральнаго штаба; вмѣстѣ съ тѣмъ, читая, мы невольно знакомились съ самимъ авторомъ по его впечатлѣніямъ, по его пріемамъ, по его критикѣ; намъ представилась, такимъ образомъ, возможность узнать достоинства и недостатки вообще нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба, съ которыми русское общество совсѣмъ почти незнакомо, и притомъ по одному изъ наиболѣе замѣтныхъ его представителей. Брошюра г. Анненкова дала намъ для этого нѣкоторый матеріалъ, которымъ мы рѣшились подѣлиться съ нашими читателями.

Долго ли былъ г. Анненковъ среди нѣмецкой арміи, мы не знаемъ: извѣстно только, что онъ былъ тамъ не во все время военныхъ дѣйствій, а лишь „краткое время", и возвратился на родину тогда еще, когда онъ не совсѣмъ предвидѣлъ исходъ борьбы двухъ великихъ народовъ, т.-е. до капитуляціи Парижа. Судя по предисловію къ его книжкѣ, онъ сомнѣвался въ полномъ успѣхѣ нѣмцевъ и разсчитывалъ, что чрезвычайныя усилія правительства народной обороны принесутъ плодотворные результаты. Онъ подчеркиваетъ, что его наблюденія относятся къ „*первому* періоду кампаніи", въ которомъ онъ обѣщаетъ „разъяснить хотя отчасти рядъ тѣхъ явленій, которыя въ особенности содѣйствовали необыкновеннымъ успѣхамъ прусскаго оружія". Исходъ второго періода ему казался сомнительнымъ, и онъ ограничивается заявленіемъ своего уваженія къ мужеству наскоро составленныхъ французскихъ армій, которыя „держались противъ непріятеля, защищая боевую славу Франціи, цѣлость и достоинство родины". Этотъ приступъ къ работѣ, при всей

кажущейся своей незначительности, заключаетъ, однако, въ себѣ нѣкоторыя черты, могущія служить для характеристики „русскаго офицера". Вы сейчасъ же видите, что онъ не желаетъ забѣгать впередъ, что онъ скептически относится къ тому, что еще не совершилось, и несмотря на всѣ сознанныя имъ очень хорошо преимущества нѣмецкой арміи, оставляетъ вопросъ о борьбѣ открытымъ. Такъ и кажется, что перо его останавливаетъ внутренній голосъ, говорящій: „ну, а вдругъ... Конечно, нѣмцы сдѣлали уже то-то и то-то, конечно, баттареи ихъ наведены на Парижъ, конечно, телеграммы г. Гамбетты сомнительны,— ну, а вдругъ"... И этотъ внутренній голосъ есть не только голосъ осторожности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и голосъ скромности, не посягающій на болѣе или менѣе вѣроятныя заключенія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, на логическую послѣдовательность событій. Кромѣ того, это—голосъ возвышенности чувствъ, какимъ вообще богата славянская натура. Извѣстно, что мы дѣлали не мало походовъ, не мало давали чувствовать сосѣднимъ народамъ нашу первобытную мощь, но печальныя послѣдствія такихъ славныхъ дѣяній для побѣжденныхъ мы любимъ наблюдать не у себя дома, а на чужбинѣ, и наше чувство тотчасъ становится на сторону слабаго. Это, конечно, хорошая черта, но, къ сожалѣнію, она у насъ мало развита, даже едва ли не находится въ первобытномъ состояніи, ибо, будь она развита надлежащимъ образомъ, мы поступали бы нѣсколько иначе... Какъ бы то ни было, но для насъ почти несомнѣнно, что предисловіе свое г. Анненковъ писалъ обуреваемый именно подобными чувствами: онъ не могъ равнодушно видѣть паденіе Франціи, не могъ примириться съ ужасающими фактами войны, не могъ стать на объективную точку зрѣнія, и если логика подсказывала ему печальный исходъ борьбы для французовъ, чувство начинало протестовать, онъ старался не вѣрить логикѣ, а тутъ еще внутренній голосъ русскаго человѣка, съ измлада укорененнаго въ вѣрѣ въ неожиданность и случайность, во внезапный натискъ, подсказывалъ: „ну, а вдругъ"...

Мы позволимъ себѣ также нѣкоторую неожиданность для читателей, именно отъ предисловія перенесемся, черезъ всю книжку, къ заключенію. „Русскій офицеръ" повторяетъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшей надежды исчерпать вопросъ о причинахъ того изумительнаго успѣха, который въ эту войну почти неразлучно шелъ по слѣдамъ (?) германскихъ армій". Не говоря о томъ, что успѣхъ шелъ *вмѣстѣ* съ германскими арміями, а не „по слѣдамъ" ихъ, мы обращаемъ вниманіе на эту скромность русскаго офицера, который и впереди книги старается внушить читателю о своей несложной задачѣ,—и назади ея; тутъ же передъ нами является и интеллектуальная сторона русскаго офицера (скромность — дѣло условное): резюмируя свою книгу, онъ предостерегаетъ соотечественниковъ отъ увлеченія „внѣшними сторонами", какъ военныхъ, такъ и штатскихъ явленій, совѣтуя обращать

вниманіе на „стороны нравственныя“, которыя не столь видимы, какъ первыя, однако „служатъ главными двигателями дѣла“. За нравственными причинами слѣдуетъ нѣсколько словъ о значеніи талантливыхъ и геніальныхъ личностей, являющихся на той или другой сторонѣ; причемъ русскій офицеръ спѣшитъ прибавить, что въ настоящее время подобныя личности хотя не играютъ въ историческихъ событіяхъ роли, достававшіяся имъ въ прошлыя времена, однако вліяніе ихъ несомнѣнно и „безспорно признается, какъ современниками, такъ и потомствомъ“. По этимъ замѣчаніямъ вы ясно видите, что русскій офицеръ стоитъ на высотѣ науки, что онъ не держится ученія о всепоглощающемъ значеніи „героевъ и геніевъ“, а ставитъ ихъ въ шеренгу историческихъ событій и вліяній. Въ заключеніе онъ видитъ, что пораженія французской армій и невиданныя капитуляціи — суть слѣдствія „губительнаго вліянія управленія послѣдняго двадцатилѣтняго періода“. Это опять истина, признанная всѣми образованными людьми и многократно повторявшаяся въ газетахъ и журналахъ. Только самые отчаянные скептики развѣ въ состояніи пристягнуть къ этимъ двадцати годамъ десятка четыре лѣтъ имъ предшествовавшихъ, когда зараждались и развивались тѣ цвѣты императорскаго правленія, которые успѣлъ соединить Людовикъ-Наполеонъ въ такой восхитительный букетъ. Только отчаянные скептики дерзнутъ разыскивать во времени, предшествовавшемъ пресловутымъ двадцати годамъ, тѣ элементы и основы, на которыхъ такъ твердо усѣлся племянникъ знаменитаго дядюшки. Но г. Анненковъ вовсе не такой человѣкъ: отъ нейдетъ дальше послѣднихъ выводовъ науки и заключенія современниковъ; онъ стоитъ какъ разъ у того столба, до котораго дошла масса образованныхъ людей и впередъ ни за что не заглянетъ. Пойдетъ она дальше — и онъ за нею, въ ея рядахъ, скромно и чинно, въ ногу, какъ простой рядовой, не позволяя себѣ и на дюймъ одинъ выдвигаться своимъ корпусомъ впередъ.

Перейдемъ къ десятой главѣ, трактующей объ устройствѣ тыла арміи у нѣмцевъ, устройствѣ образцовомъ, хотя, какъ справедливо замѣчаетъ г. Анненковъ, не представляющемъ „собою послѣднее слово въ этомъ дѣлѣ“. Говоримъ: „справедливо замѣчаетъ“, хотя мы люди не военные и слѣдовательно не можемъ быть компетентны относительно устройства тыла арміи, но намъ всегда казалось, что въ мірѣ нѣтъ такого дѣла, гдѣ было бы сказано послѣднее слово, а потому мы и позволили себѣ одобрить замѣчаніе г. Анненкова. Это, впрочемъ, къ слову. Въ X-й главѣ намъ показалось очень характернымъ начало ея, которое и выписываемъ: „*Не рискуя ошибиться, можно, кажется, съ увѣренностью сказать*, что въ настоящую кампанію только впервые была сдѣлана попытка систематическаго устройства тыла арміи, съ помощью тѣхъ новыхъ изобрѣтеній и открытій, которыя, по всей спра-

ведливости, составляютъ гордость XIX-го вѣка,—силы пара и электричества". Если читатель вникнетъ въ подчеркнутую нами фразу, то согласится, что осторожнѣе и скромнѣе говорить нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите сколько оттѣнковъ прелестной скромности и неувѣренности въ этой фразѣ: „не рискуя ошибиться"—значительная степень увѣренности, „можно съ увѣренностью сказать" — нѣсколько бо́льшая еще степень увѣренности, „можно кажется"—выраженіе сомнѣнія и неувѣренности. И все это въ одной, да притомъ еще коротской фразѣ, и все это объ устройствѣ тыла арміи, т.-е. о такомъ важномъ фактѣ военнаго дѣла, исторія котораго безъ сомнѣнія отлично извѣстна всякому офицеру генеральнаго штаба. Человѣкъ не русскій или русскій человѣкъ, изъ числа самоувѣренныхъ и воображающихъ, что то, что́ они знаютъ — знаютъ твердо, непремѣнно сказалъ бы просто: „можно съ увѣренностью сказать и проч.", но за то фраза не имѣла бы лоска и не представляла бы тѣхъ шансовъ къ отступленію, которые осторожный и скромный русскій офицеръ долженъ вѣроятно имѣть въ запасѣ на всякій случай.

Извѣстно, что человѣка, переходящаго изъ одной среды въ другую, изъ свѣтскаго круга въ рабочій, изъ родины за-границу, болѣе всего поражаетъ именно то, чего онъ не могъ видѣть въ своемъ кругу, въ своей, привычной средѣ. Даже самые ненаблюдательные люди въ состояніи сгруппировать нѣсколько рельефныхъ явленій, ихъ поразившихъ, и если сравнить эти явленія съ тѣми, къ которымъ привыкли они дома, то ясно будетъ, что и эти ненаблюдательные люди замѣтили въ чуждой имъ средѣ именно то, что имѣетъ за собою или слишкомъ яркое достоинство, или слишкомъ рѣзкій недостатокъ. Этими нѣсколькими строками мы вовсе не желаемъ сказать, что г. Анненковъ принадлежитъ къ числу людей, не одаренныхъ способностью наблюдательности, а лишь то, что и онъ подчинился общему закону и замѣтилъ въ нѣмецкой арміи прежде всего то, чего не находилъ у себя дома. Стройность организаціи, разумная дисциплина, усвоеніе арміей научныхъ усовершенствованій, довольно высокій уровень образованія массы войскъ, превосходная артиллерійская стрѣльба—обо всемъ этомъ мы читали не однажды и у штатскихъ корреспондентовъ, имѣвшихъ случай находиться въ прусской арміи; все это замѣтилъ и г. Анненковъ. Переходя къ частностямъ общей картины, онъ замѣтилъ и нѣчто важное, и много до такой степени неважнаго, элементарнаго, что штатскій читатель невольно спрашиваетъ себя: да неужели у насъ этого нѣтъ? Къ числу первыхъ замѣчаній мы относимъ слѣдующую частность, касающуюся дисциплины: „При всей строгости служебныхъ отношеній, при этой формалистикѣ, — нерѣдко можно встрѣтить такое явленіе, которое поразило бы самаго нетребовательнаго служаку. Такъ, напримѣръ, въ гостинницахъ и кафе-ресторанахъ

нерѣдко можно увидѣть штабъ-офицера и рядового, обѣдающихъ за однимъ и тѣмъ же столомъ; можно услышать разговоръ офицера съ солдатомъ не о какихъ-нибудь мелочныхъ принадлежностяхъ солдатской аммуниціи, а о современныхъ военныхъ событіяхъ, причемъ и самый тонъ разговора и сужденія, высказываемыя этимъ солдатомъ, отличаются иногда пониманіемъ дѣла, точностью выраженій и оригинальностью мыслей! И еслибъ, въ то же самое время, пришлось офицеру отдать этому рядовому какое-нибудь приказаніе по службѣ, то оно было бы выполнено безпрекословно и съ педантическою точностью".

Къ числу замѣчаній элементарныхъ, на первомъ планѣ, мы ставимъ удивленіе русскаго офицера генеральнаго штаба передъ тѣмъ фактомъ, что онъ постоянно встрѣчалъ, въ окрестностяхъ Парижа, на обсерваціонныхъ пунктахъ, устроенныхъ въ наиболѣе высокихъ домахъ, откуда можно наблюдать за движеніями непріятеля, вполнѣ знающихъ и понимающихъ порученное имъ дѣло молодыхъ офицеровъ. Обязанные вести дневной журналъ всѣмъ происшествіямъ дня и доносить своему начальству о всѣхъ измѣненіяхъ въ расположеніи непріятельскихъ войскъ и объ ихъ движеніяхъ, эти молодые офицеры разъясняли г. Анненкову, сначала на картѣ, а потомъ изъ окна, на самой мѣстности, расположеніе какъ тѣхъ дивизій, къ которымъ они принадлежали, такъ и непріятельскихъ войскъ. Штатскому человѣку явленіе это представляется крайне простымъ, но русскаго офицера генеральнаго штаба это такъ поразило, что онъ спѣшитъ прибавить: „подобное явленіе вовсе не случайное"! Мало этого: русскій офицеръ генеральнаго штаба удивляется, вслѣдъ за этимъ, и тому, что ротные и батальонные командиры „умѣютъ читать карту" и „объяснить особенности мѣстности, на которыхъ расположены ихъ части". Да неужели, спрашиваетъ болѣе и болѣе удивляющійся штатскій читатель, „умѣнье читать карту" ротными и батальонными командирами не принадлежитъ къ числу такихъ же достоинствъ этихъ офицеровъ во *всѣхъ* европейскихъ арміяхъ, не исключая и русской, какъ „умѣнье читать печатную книгу" ученикомъ перваго класса гимназіи? И это явленіе „не случайное!" какъ будто г. Анненкову у себя дома приходилось наталкиваться на „умѣнье читать карту" только случайно...

Говоря о прусской арміи, г. Анненковъ обращаетъ вниманіе читателей тоже, по нашему мнѣнію, на одно изъ элементарныхъ достоинствъ всякой арміи, именно на то, что въ прусской арміи адъютанты сидятъ на отличныхъ лошадяхъ и притомъ они хорошіе ѣздоки. „Само собою разумѣется — продолжаетъ авторъ, — что кромѣ этихъ двухъ условій, отъ офицеровъ, назначаемыхъ адъютантами, требуется также умѣнье вполнѣ толково передать полученныя ими приказанія и сообщать свѣдѣнія". Въ этомъ видѣ замѣтка эта объ адъютантахъ не бросалась бы еще въ глаза нѣкоторою долею своей наивности, но она получаетъ

совсѣмъ наивный характеръ въ глазахъ русскаго штатскаго человѣка отъ слѣдующей фразы: „По нашему мнѣнію, требованія эти весьма раціональны и полное удовлетвореніе имъ, со стороны офицеровъ, избираемыхъ адъютантами, положительно необходимо“. Вѣдь г. Анненковъ пишетъ для русской публики, и неужели онъ не чувствуетъ, что, морализируя подобнымъ образомъ, онъ даетъ ясно понять, что у насъ офицеры, избираемые въ адъютанты, не удовлетворяютъ упомянутымъ нехитрымъ условіямъ — толково передать приказаніе, и т. п.

Къ числу тѣхъ же элементарныхъ достоинствъ арміи мы должны причислить удивленіе русскаго офицера по поводу того, что пруссаки, при выборѣ позицій, обращаютъ тщательное вниманіе на „различныя условія мѣстности“ и тщательно же „къ ней примѣняются“. По нашему мнѣнію, эти условія соблюдаются даже всѣми штатскими, когда они, напр., отправляются, въ особенности въ обществѣ дамъ, для прогулки за городъ и устроиваютъ тамъ завтраки и чаепитіе. Естественно, что армія, облегающая крѣпость, и подавно должна обращать вниманіе на условія мѣстности и тщательно къ ней примѣняться, такъ какъ выборъ тутъ не столь разнообразенъ, какъ при прогулкѣ за городъ. Замѣчанія эти могутъ показаться русскому офицеру придирчивыми: дѣйствительно, мы не обратили бы вниманія на эти мелочи, еслибы они вышли изъ-подъ пера не-военнаго человѣка, не-спеціалиста, который незнакомъ близко съ русской арміей; но въ устахъ военнаго спеціалиста эти мелочи пріобрѣтаютъ характеристическое значеніе: ими какъ будто даетъ онъ наставленія своимъ военнымъ соотечественникамъ, какъ будто говоритъ: „подражайте этому, замѣтьте это, вы этого не знаете, вы того-то не соблюдаете“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книжки параллель уже проводится прямо. Такъ, говоря о лестныхъ отзывахъ прусскаго наслѣднаго принца о своемъ начальникѣ главнаго штаба, г. Анненковъ замѣчаетъ, что, повидимому, въ этомъ лестномъ отзывѣ нѣтъ ничего особеннаго, но „вникнувъ внимательнѣе въ смыслъ этихъ словъ, нельзя не признать величія души въ человѣкѣ, отдающемъ открыто должную дань своимъ помощникамъ, тогда какъ, по бóльшей части, люди, сколько-нибудь замѣтные въ сферѣ служебной или общественной дѣятельности, стараются, обыкновенно, все приписать себѣ и даже умалить заслуги своихъ подчиненныхъ“. Вполнѣ соглашаясь съ послѣднею мыслью, мы, однако же, нисколько не думаемъ признавать „величіе души“ въ такомъ обыкновенномъ, между людьми развитыми, отношеніи другъ къ другу, какъ отношенія наслѣднаго прусскаго принца къ своему начальнику главнаго штаба. Мы убѣждены, что прочитай это мѣсто о „величіи души“ наслѣдный прусскій принцъ, человѣкъ, пользующійся вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ, онъ удивился бы и могъ бы даже сказать: „какія, однако, странныя понятія у русскаго офицера и какъ легко про-

славиться передъ нимъ величіемъ души! Вѣдь это не шутка—величіе души!“ Въ самомъ дѣлѣ, не шутка, но оно, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ среды, отъ бо́льшей или меньшей степени ея развитія: то, что́ у насъ назовутъ „величіемъ души“,—въ Германіи назовутъ дѣломъ обыкновеннымъ, настолько естественнымъ и необходимымъ, что объ немъ никто не говоритъ. Намъ скажутъ, что все это мелочи; мы опять согласимся, но въ то же время замѣтимъ, что вся жизнь состоитъ изъ мелочей, всѣ характеры, при подробномъ анализѣ, разлагаются на мелкія черты, но между мелочами есть выдающіяся, и такова именно та мелочь, что русскій офицеръ генеральнаго штаба останавливается съ благоговѣніемъ передъ двумя лицами, которые уважаютъ другъ друга и другъ другу отдаютъ справедливость... Что́ же тутъ необыкновеннаго, и почему это необходимо занести въ путевыя замѣтки русскаго офицера?

„По поводу вышесказаннаго—продолжаетъ русскій офицеръ—нельзя не припомнить здѣсь нѣкоторыя любимыя изреченія извѣстныхъ намъ главнокомандующихъ: „у меня начальникъ штаба — старый писарь“, или „если моя шапка узнаетъ, что́ я думаю—я сожгу ее“. Среда, конечно, не особенно почтенная, гдѣ возможны такія изреченія, попадающія, однако, въ сборники анекдотовъ, предназначенныхъ для развитія грядущихъ поколѣній; но мы смѣемъ думать, что это — дѣла давно минувшихъ дней и что въ настоящее время и у насъ взгляды нѣсколько измѣнились; мы думаемъ также, что напрасно морализируетъ далѣе г. Анненковъ о „неблагодарномъ отношеніи“ начальниковъ къ „трудамъ подчиненныхъ“, ибо, сколько намъ извѣстно, нигдѣ самый легкій трудъ такъ не вознаграждается, какъ у насъ: никакихъ или почти никакихъ кампаній мы не дѣлали уже давно, а число генераловъ у насъ возрастаетъ, и притомъ генераловъ почти юношей, какихъ совсѣмъ не встрѣтишь въ прусской арміи. Мы не можемъ себѣ объяснить этого явленія ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ начальниковъ поощрить всякую способность, всякій трудъ, всякое знаніе своихъ подчиненныхъ. Мы, впрочемъ, не думаемъ вполнѣ отрицать у насъ „неблагодарнаго отношенія начальниковъ къ трудамъ подчиненныхъ“, но думаемъ, что это дѣлается всего чаще въ низшихъ сферахъ военной службы, а не въ тѣхъ высшихъ, о которыхъ трактуетъ г. Анненковъ, и которыя, группируясь возлѣ главнокомандующихъ, имѣютъ случаи выказаться съ блестящей стороны даже въ мирное время....

Но довольно объ этихъ „мелочахъ“. Читая брошюру русскаго офицера, мы старались также подмѣтить, есть ли у него критическій военный взглядъ на событія, или онъ остается въ качествѣ простого наблюдателя и хвалителя прусской арміи? Оказывается, что есть; но при ближайшемъ разсмотрѣніи, взглядъ этотъ можно принять не столько за критику, сколько за проявленіе мужества со стороны русскаго офицера, который справедливо возмущенъ капитуляціями огромныхъ армій.

Намъ много разъ случалось слышать выраженія подобнаго негодованія со стороны офицеровъ и простыхъ солдатъ, и мы вполнѣ увѣрены, что, еслибъ, паче чаянія, на насъ обрушилось подобное же несчастіе, какъ на Францію, что еслибъ и наши генералы оказались неспособными и готовыми капитулировать, солдаты и офицеры непремѣнно пробились бы, несмотря ни на какой огонь. Вотъ этотъ самый „критическій“ взглядъ и проводитъ г. Анненковъ въ IX-й главѣ своего сочиненія. „При умѣньи главнаго начальника воспользоваться удобною минутою,—говоритъ нашъ авторъ,—при полной рѣшимости его и храбрости войскъ, предпочитающихъ смерть въ бою безславному плѣну, попытки прорвать непріятельскія линіи, непремѣнно должны увѣнчаться успѣхомъ, хотя, конечно, войскамъ этимъ и придется понести большія потери“. Хотя этими словами г. Анненковъ только резюмируетъ довольно подробныя соображенія о возможности для арміи, или части ея, пробиться сквозь непріятеля, но самыя эти соображенія продиктованы, во-первыхъ, курсомъ тактики, во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, мужествомъ. Чувствомъ этимъ г. Анненковъ проникается даже въ такой степени, что, незамѣтно для себя самого, желаетъ видѣть его и у французовъ въ размѣрахъ крайне преувеличенныхъ, именно, говоря объ извѣстной попыткѣ французскаго генерала Вимпфена прорваться сквозь непріятельскую армію при Седанѣ съ небольшимъ отрядомъ, тысячи въ двѣ человѣкъ, замѣчаетъ: „даже и тутъ французы храбро ринулись впередъ и въ первую минуту *оттѣснили союзныя войска*“. Замѣтьте: „союзныя войска“, т.-е. большую массу нѣмцевъ разныхъ наименованій, а не какой-нибудь отрядъ пруссаковъ, баварцевъ, саксонцевъ и проч. Мы люди не военные и легко можемъ ошибиться, но намъ кажется это невозможнымъ: поэтому мы и сказали, что г. Анненковъ въ этомъ случаѣ слишкомъ увлекся своимъ чувствомъ, такъ какъ въ одномъ пунктѣ, на которомъ помѣщалось двѣ тысячи французовъ, не могли стоять всѣ нѣмецкія союзныя войска.

Сводя все сказанное нами до сихъ поръ, мы приходимъ къ тому, быть можетъ, ошибочному заключенію, что въ русскомъ офицерѣ генеральнаго штаба, какимъ представляетъ намъ его г. Анненковъ, скорѣй всего признаешь статскаго образованнаго человѣка, чѣмъ образованнаго человѣка военнаго. Мы читали недавно донесенія французскаго императорскаго агента въ Берлинѣ, полковника Стоффеля, появившіяся въ „Journal des Débats“ и цѣликомъ переведенныя въ нашемъ „Военномъ Сборникѣ“. Какая разница съ брошюрой г. Анненкова, хотя оба они говорятъ объ одной и той же арміи, да притомъ еще Стоффель говоритъ объ этой арміи, когда она и не думала совершать своего удивительнаго похода. Тонко и ясно понимая ея достоинства, Стоффель, рядомъ блестящихъ аргументовъ, почти предсказалъ совершенное пораженіе французовъ; это убѣжденіе его такъ и

звучитъ въ каждой строкѣ, и аргументація постоянно напоминаетъ читателю, что онъ имѣетъ дѣло съ военнымъ человѣкомъ, который не останавливается на мелочахъ, а бьетъ, такъ сказать, прямо въ сердце. Напр., преимущества прусскаго генеральнаго штаба передъ французскимъ представлены имъ очень ярко и значеніе его во время войны выяснено въ сжатыхъ, но сильныхъ чертахъ; онъ нѣсколько разъ повторяетъ: „будемъ остерегаться прусскаго генеральнаго штаба", или: „составъ прусскаго генеральнаго штаба принесетъ Пруссіи, въ ея будущей войнѣ, громадную пользу". Г. Анненковъ прусскаго генеральнаго штаба почти совсѣмъ не замѣтилъ и говоритъ о немъ, включая въ это малое, даже анекдоты, такъ мало, что, напр., слѣдующія нѣсколько строкъ Стоффеля высказываютъ несравненно больше: „Разумные прусскіе офицеры не могутъ даже понять, какимъ образомъ одинъ удачный, неполный экзаменъ можетъ сдѣлать еще совсѣмъ молодого человѣка офицеромъ генеральнаго штаба. Они не допускаютъ возможности, чтобъ офицеръ генеральнаго штаба, въ случаѣ нужды, не могъ проскакать верхомъ нѣсколько лье, чтобъ онъ не говорилъ хотя на одномъ иностранномъ языкѣ, чтобъ онъ никогда не командовалъ ни ротою, ни баталіономъ, ни полкомъ...." Однимъ словомъ, донесенія Стоффеля и послѣ брошюры г. Анненкова читаешь съ большимъ интересомъ и находишь въ нихъ ключъ къ болѣе яснымъ представленіямъ объ успѣхахъ нѣмецкихъ армій, чѣмъ у русскаго офицера.

Но мы не хотимъ этимъ сказать, что брошюра г. Анненкова лишена всякаго значенія; если русскій офицеръ не обнаруживаетъ проницательности барона Стоффеля, если его „замѣтки и впечатлѣнія" носятъ на себѣ вообще легкій, газетный характеръ, то все-таки не-военный читатель можетъ найти въ нихъ нѣсколько фактовъ любопытныхъ, можетъ познакомиться съ составомъ воевавшихъ армій, съ ихъ численностью и организаціей, можетъ узнать, наконецъ, нѣсколько анекдотовъ. Глава же объ устройствѣ тыла нѣмецкихъ армій сообщаетъ не мало фактовъ новыхъ и хорошо группированныхъ. Тутъ мы знакомимся дѣйствительно съ однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ успѣховъ прусской арміи. Систематическимъ устройствомъ тыла арміи, при помощи желѣзныхъ дорогъ [1]), нѣмцы достигали того, что ихъ батальоны и эскадроны содержались въ постоянномъ боевомъ комплектѣ: слабые, больные и раненые отсылались назадъ, а на мѣсто ихъ прибывали въ части свѣжіе люди, замѣняющіе убылые ряды. Въ то время, какъ битвы ослабляли французскія арміи, совершенно разстроивая комплектъ эскадроновъ и батальоновъ, нѣмецкія арміи пополняли свою убыль и яв-

---

[1]) Г. Анненковъ передаетъ слухъ, что будто бы планы и профили желѣзной дороги, построенной пруссаками между Понт-а-Мусономъ и Ремильи, для обхода Метца, были составлены *за два года* до настоящей войны.

лялись какъ бы нетронутыми. Такая постоянная норма частей дѣйствующихъ войскъ поддерживалась съ помощью „этапной инспекціи", учрежденія, служившаго связующимъ звеномъ между мобилизованною и вышедшею въ походъ частью территоріальнаго корпуса, съ его резервными мѣстными войсками и хозяйственными органами, оставшимися на мѣстѣ. Цѣль учрежденія этой инспекціи, какъ видно изъ положенія, о ней изданнаго, заключается: 1) въ доставленіи въ армію людей и лошадей, слѣдующихъ на подкрѣпленіе дѣйствующихъ частей, а также продовольственныхъ и интендантскихъ запасовъ; 2) въ возвращеніи съ театра военныхъ дѣйствій во внутрь страны больныхъ, раненыхъ и плѣнныхъ и военныхъ трофеевъ; 3) въ обезпеченіи, при помощи назначенныхъ для того войскъ, сообщеній между арміями и страною, а также въ исправленіи и содержаніи въ порядкѣ путей сообщенія — желѣзныхъ дорогъ, мостовъ, телеграфныхъ и почтовыхъ линій, въ содержаніи полицейскаго порядка на этихъ линіяхъ и, наконецъ, даже въ управленіи занятыхъ войсками провинцій непріятельской страны. Каждая армія имѣла своего генералъ - инспектора, мѣстонахожденіе котораго называлось „главнымъ этапнымъ пунктомъ". Штабъ или управленіе генералъ-инспектора этаповъ каждой арміи состоялъ изъ начальника штаба и старшихъ адъютантовъ, офицера, командующаго жандармами, этапнаго интенданта, этапнаго желѣзно-дорожнаго директора, этапнаго врача, этапнаго почтмейстера и двухъ инспекторовъ и, наконецъ, этапнаго директора телеграфовъ. У каждаго изъ этихъ начальниковъ была своя часть, которою онъ распоряжался, и все это вмѣстѣ дѣйствовало съ замѣчательною стройностью. Желѣзныя дороги оказали въ эту кампанію неисчислимыя услуги, но только при той системѣ, которая введена была пруссаками: они эксплуатировали 2,500 верстъ французскихъ желѣзныхъ дорогъ; для службы на нихъ было вызвано изъ Германіи 3,500 человѣкъ; по главному желѣзно-дорожному пути, идущему изъ Германіи, чере ъ Страсбургъ и Эпернэ, на Парижъ, ходило ежедневно 12 поѣздовъ въ ту и другую сторону, изъ которыхъ одинъ со скоростью 45-ти верстъ въ часъ. Число поѣздовъ по побочнымъ вѣтвямъ доходило ежедневно до 4-хъ и 6-ти въ каждую сторону. Замѣтьте, что это дѣлалось въ непріятельской странѣ, гдѣ нельзя было ручаться за исправность пути и на маломъ пространствѣ, гдѣ постоянно приходилось исправлять дороги, иногда во время самаго боя, подъ огнемъ непріятеля. Исправленія эти дѣлались такъ-называемыми желѣзно-дорожными командами, общая численность которыхъ доходила до 3,000 человѣкъ. Каждая желѣзно-дорожная команда состояла изъ 30-ти техниковъ и 200 человѣкъ рабочихъ: дорожныхъ мастеровъ, старшихъ рабочихъ, слесарей, кузнецовъ, плотниковъ и т. п. Въ качествѣ рабочей силы, къ каждой командѣ присоединена была одна саперная рота. Насколько хорошъ былъ этотъ

составъ командъ, видно изъ того, что 2-я желѣзно-дорожная команда устроила замѣчательный мостъ черезъ Марну, въ Трильпорѣ, въ *двѣ недѣли*, а дорога между Ремильи и Понт-а-Мусономъ, имѣющая 35 верстъ протяженія, окончена, со всѣми сооруженіями на ней, въ 30 дней. Удивляйтесь, послѣ этого, мнимой быстротѣ постройки дорогъ на нашихъ равнинахъ.... Если принять во вниманіе одно это систематическое устройство тыла арміи, то уже дѣлается яснымъ, какимъ огромнымъ запасомъ не военныхъ, а интеллектуальныхъ силъ владѣла во время этой кампаніи Германія. Естественно, что она должна была побѣдить и при несовершенствѣ своихъ ружей, которыя, по словамъ г. Анненкова, настолько же хуже ружей шасспо, насколько были хуже англійскихъ штуцеровъ ружья нашихъ солдатъ въ крымскую кампанію; несмотря на неимѣніе митральезъ, которымъ, впрочемъ, нѣкоторые русскіе офицеры не придаютъ особеннаго значенія и даже именуютъ ихъ „хорошенькими игрушками“.

Въ концѣ концовъ, брошюра г. Анненкова, несмотря на свои недостатки, порождаетъ въ читателѣ то хорошее чувство, которое заставляетъ оглянуться на себя, сравнить свое съ чужимъ и призадуматься надъ развитіемъ техническаго и общаго образованія у нашей сосѣдки, развитіемъ, которое сказалось даже и въ такомъ отталкивающемъ явленіи, какъ война. Понятно, что тутъ дѣло не въ подражаніи, не въ списываніи чужихъ порядковъ, не въ перестройкѣ на тотъ новый ладъ, который въ извѣстную минуту получилъ успѣхъ, а въ самобытномъ творчествѣ. Для творчества же необходимы интеллектуальныя силы, большой запасъ этихъ силъ, такъ, чтобы ихъ хватило и на военное и на *гражданское* дѣло: безъ послѣдняго немыслимъ успѣхъ перваго дѣла, и военныя литавры тогда только могутъ бить торжественный маршъ, когда по всему народному организму болѣе или менѣе стройно проведена система прогресса.

Свой хлѣбъ. Романъ въ двухъ частяхъ *Ѳ. Рѣшетникова*. Спб. 1871.

Писатель, перу котораго принадлежитъ этотъ романъ, скончался въ ночь съ 8-го на 9-е марта, отъ отека легкихъ,—непродолжительной, но тяжкой болѣзни. Ему было всего 29 лѣтъ, тотъ возрастъ, когда дарованіе зрѣетъ и укрѣпляется. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ одной изъ нашихъ сѣверо-восточныхъ губерній, и привезъ съ собою большую повѣсть „Подлиповцы“, которая была напечатана въ „Современникѣ“. Повѣсть, имѣвшая, независимо отъ своихъ литературныхъ достоинствъ, большой этнографическій интересъ, обратила на молодого писателя общее вниманіе; литераторы старались пріютить его и ввести въ кругъ литературныхъ интересовъ; но Рѣшетниковъ выглядывалъ нелюдимомъ, забивался въ уголъ и молчалъ; лишь изрѣдка удавалось втянуть его въ разговоръ; тогда онъ обна-

руживалъ большой здравый смыслъ и наблюдательность и въ тоже время лишь незначительное литературное образованіе. Въ этомъ положеніи онъ и остался, тѣмъ болѣе, что закрытіе „Современника“ разсѣяло, такъ сказать, его сотрудниковъ, и предоставило молодого, но мало образованнаго писателя себѣ самому. Рядъ разсказовъ, слѣдовавшій за „Подлиповцами“, укрѣплялъ за авторомъ право на литературное имя, и хотя въ нихъ видна была поспѣшность работы и небрежность формы, но они отличались жизненною правдою. Одно изъ послѣднихъ его произведеній, напечатанное въ „Отеч. Запискахъ“ новой редакціи, называлось въ окончательной своей формѣ: „Гдѣ лучше“? Говоримъ: въ „окончательной формѣ“, потому что начало его печатать „Дѣло“, подъ заглавіемъ „Чернорабочіе“ , и не кончило. Въ нашемъ журналѣ, по поводу выхода отдѣльнымъ изданіемъ этого романа, подробно оцѣнена была дѣятельность Рѣшетникова и указаны тѣ стороны его таланта, которыя выдвигали его впередъ среди нашихъ многочисленныхъ новыхъ беллетристовъ; поэтому мы не станемъ здѣсь повторять сказаннаго, и если замѣтили выше относительно формы его произведеній, то единственно потому, что она, на нашъ взглядъ, играетъ вообще далеко не второстепенную роль, и постоянное пренебреженіе ею неминуемо ослабляетъ и самое содержаніе, дѣлая его, такъ сказать, слишкомъ эскизнымъ. Благодаря, быть можетъ, этому отсутствію тщательной работы надъ формою, „Подлиповцы“, гдѣ яркое содержаніе поглощало все вниманіе, осталось едва ли не лучшею вещью Рѣшетникова, хотя многіе ставятъ на первое мѣсто „Гдѣ лучше“? Какъ бы то ни было, но все то, что написано молодымъ писателемъ послѣ этого послѣдняго романа, было слабѣе и слабѣе. Мы не думаемъ, что это доказывало ослабленіе его дарованія, которое выдыхалось по мѣрѣ того, какъ авторъ тратилъ въ мелкихъ разсказахъ запасъ прежней своей наблюдательности: скорѣе можно допустить, что дарованіе это глохло среди неблагопріятной обстановки и въ силу усвоенныхъ привычекъ, отъ которыхъ писатель не могъ освободиться одной своей волею; необходимость заработывать свой хлѣбъ и писать много, конечно, также надо причислить къ ряду этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Послѣдній его романъ, „Свой хлѣбъ“, нѣкоторыми мѣстами первой части возбудилъ-было интересъ, но чѣмъ далѣе подвигалъ свою работу романистъ, тѣмъ произведеніе его болѣе и болѣе обличало въ немъ безсиліе справиться вполнѣ удовлетворительно съ своей задачею. А задача эта была почти совсѣмъ искусственная, какъ задача передовой статьи: Рѣшетниковъ брался изобразить въ романѣ энергическую дѣвушку, которая, несмотря на то, что была обставлена въ семьѣ самыми неблагопріятными условіями, успѣла усвоить себѣ либеральные принципы о женскомъ трудѣ и устремилась съ успѣхомъ къ ихъ осуществленію. Отсюда и названіе романа — „Свой хлѣбъ“, то-есть исканіе независимаго существованія посредствомъ

честнаго труда. Задача, безспорно, высоконравственная и, благодаря ей, романъ читается съ интересомъ, но искусственность исполненія, искуственность характеровъ слишкомъ бьетъ въ глаза читателю. Во всякомъ случаѣ, романъ этотъ лучше и полезнѣе сотенъ французскихъ и нѣмецкихъ издѣлій, которыя поглощаются въ оригиналѣ и въ переводѣ нашимъ обществомъ. Это наше искреннее мнѣніе,—а не одинъ вѣнокъ на „свѣжую могилу“, не дань снисходительности, вызванной преждевременной смертью сильнаго, но мало-развитого дарованія. Среди беллетристовъ, посвятившихъ свою дѣятельность на изображеніе народнаго быта, Рѣшетниковъ былъ едва ли не единственнымъ писателемъ, которому, послѣ Тургенева, удавалось рисовать не народныя только сцены, но и народные типы. За то гораздо меньше поддавалась его изображенію среда нѣсколько высшая; тутъ вы немедленно замѣчаете искуственность и какое-то несвободное отношеніе къ дѣйствующимъ лицамъ: онъ точно чувствовалъ себя здѣсь чужимъ и вдавался въ общія мѣста, во фразеологію безцвѣтнаго характера. Тоже самое было съ нимъ, когда онъ сбивался съ пути непосредственнаго творчества и задавался идейной работой: тутъ причиной безсилія являлась недостаточность его образованія..

Путевыя замѣтки за-границею и по Россіи въ 1870 году. *Александра Клеванова.* Москва. 1871.

Г. Клевановъ въ литературномъ мірѣ извѣстенъ, какъ заурядный переводчикъ нѣкоторыхъ классическихъ писателей Греціи и Рима; но, переводя Платона, Корнелія Непота, Юлія Цезаря и др., г. Клевановъ вмѣстѣ съ тѣмъ переводилъ Поль-де-Кока и Казанову, и вѣроятно именно это занятіе наклонило его къ нѣкоторой „клубничной“ игривости. Стремленіе къ прекрасному полу такъ преобладаетъ въ нашемъ путешественникѣ, что онъ, въ самомъ обыкновенномъ явленіи заграничной жизни, видитъ что-то грязное, напр.: „Надобно удивляться, какъ здѣсь гарсоны кофеенъ хорошо одѣваются и заботятся о своей наружности; мнѣ кажется, что у нихъ есть какая-нибудь особая спеціальность“. Но мало ли что кажется нашему соотечественнику, горько сѣтующему на отмѣну крѣпостного права и на введеніе у насъ новыхъ судовъ: „я же обворованъ, восклицаетъ онъ, да долженъ безпокоиться — идти на судъ и на одну доску становиться съ воромъ. Что-то не такъ“. По мнѣнію переводчика классиковъ, изучившаго ихъ основательно, воръ „долженъ быть наказанъ административнымъ порядкомъ“, если онъ укралъ у г. Клеванова его „собственность и пойманъ на дѣлѣ“. Множество такихъ курьезовъ разсѣяно въ книгѣ г. Клеванова, написанной вообще весьма бездарно. Есть однако у него и полезныя свѣдѣнія, наводящія на размышленія не совсѣмъ веселаго порядка. Лечился онъ въ Славянскѣ,

извѣстномъ своими цѣлебными водами, и что же? Во́ды все запускаются и запускаются, буфетъ исправляется на счетъ ваннъ, въ которыя страшно садиться: вода, служащая для ваннъ сифилитикамъ и золотушнымъ, снова возвращается въ озеро, а не отведена изъ него; никакихъ удобствъ для жизни, отсутствіе экипажей, дороговизна и тѣхъ плохихъ квартиръ, которыя имѣются, трудность достать доктора, отсутствіе хорошей администраціи. И у насъ хотятъ, чтобъ при такихъ порядкахъ мы предпочитали свое отечественное иностранному!

Сельское духовенство во Франціи. *Беллюстина*. Спб. 1871.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ во Франціи надѣлали не малаго шума романы писателя, подписывавшагося псевдонимомъ: Аббатъ***; романы имѣли большой успѣхъ всюду, гдѣ есть католичество и гдѣ читаются французскіе романы. Г. Беллюстинъ взялъ существенныя черты изъ этихъ романовъ и изложилъ ихъ съ свойственнымъ ему одушевленіемъ. На первыхъ же страницахъ книги онъ задается вопросомъ, почему французскій народъ съ такимъ ожесточеніемъ относился къ своему духовенству во время общественныхъ переворотовъ, почему онъ видѣлъ въ этомъ духовенствѣ нѣчто болѣе ненавистное для себя, чѣмъ всѣ злоупотребленія внѣшней силой. „Вольтеріанизмъ, философизмъ, невѣріе“—вотъ избитыя мѣста, которыми агенты католицизма объясняютъ это явленіе. Но такъ ли въ существѣ дѣла? спрашиваетъ нашъ авторъ. „Философизмъ и массы народныя: что общаго между тѣмъ и другимъ? Съ воздухомъ развѣ онъ могъ проникнуть въ ихъ темную, невѣжественную среду“. Главная вина этого явленія въ самомъ духовенствѣ. „Безпощадно преслѣдуя духовенство, народъ мстилъ ему за ту умственную тьму и нравственный развратъ, которые оно, въ продолженіи вѣковъ, разсѣевало въ народной средѣ; за ту ложь слова и дѣла, которая отравляла народную жизнь въ самыхъ ея основахъ; за то фарисейство, которое душило все, что только зовется внутреннею жизнью, жизнью души“. Народныя массы не сознавали всего этого ясно, но „понимали тѣмъ инстинктивнымъ чутьемъ, которое рѣдко ошибается въ опредѣленіи источниковъ того или другого общественнаго зла“. Такимъ вѣрнымъ взглядомъ на сущность вопроса освѣщаетъ г. Беллюстинъ свою компиляцію, пріобрѣтающую живой интересъ.

По поводу этой книги мы вспомнили о разработкѣ вопросовъ, касающихся нашего духовенства; къ сожалѣнію, эта разработка далеко и такъ не свободна, какъ разработка важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ не спеціально-духовнаго свойства, и лучшія книги о нашемъ духовенствѣ, написанныя людьми глубоко-вѣрующими и безпредѣльно-преданными православію, явились за-границею. По времени появленія ихъ, первое мѣсто принадлежитъ небольшому сочиненію „Описаніе

сельскаго духовенства", вышедшему въ Берлинѣ въ 1858-мъ году; молва говорила тогда, что авторъ его, сельскій священникъ, подвергся гоненію, но, къ счастью, у него нашлись заступники и дѣло ограничилось однимъ внушеніемъ, если не ошибаемся. Затѣмъ, въ 1863-мъ г. появилась въ Лейпцигѣ другая книга, въ двухъ томахъ, „Объ устройствѣ духовныхъ училищъ", въ которой положенія автора „Описанія сельскаго духовенства" развивались съ большой подробностью и знаніемъ дѣла, хотя безъ таланта; еще позже напечатано было заграницею же еще болѣе обширное сочиненіе „Русское бѣлое и черное духовенство", написанное тяжеловато, но обнимавшее весь строй жизни нашего духовенства и не щадившее его недостатковъ. О всѣхъ этихъ книгахъ, въ свое время, русская печать промолчала, и молчитъ до сихъ поръ, хотя теперь возможно было бы познакомить читающую публику съ ихъ содержаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, разверните „Описаніе сельскаго духовенства": если вы человѣкъ особенно строгій, то замѣтите, что одушевленіе автора не рѣдко переходитъ въ рѣзкость, въ памфлетъ, но въ памфлетъ благонамѣренный, въ памфлетъ, который можетъ написать только человѣкъ, искренно желающій обновленія нашего духовенства въ интересѣ государственнаго и народнаго блага. Лицъ онъ не щадитъ нигдѣ, какъ бы высоко они ни стояли, и въ особенности не щадитъ тѣхъ епархіальныхъ начальниковъ, которые смотрятъ на священника, въ особенности сельскаго, съ презрѣніемъ, далеко не всегда имъ заслуженнымъ; но авторъ нигдѣ не касается основъ, которыми держится церковь, нигдѣ его рѣчь не касается въ принципѣ не только церковно-богословскихъ, но и церковно-административныхъ вопросовъ. Другія двѣ упомянутыя нами книги написаны въ духѣ еще болѣе примирительномъ. Намъ кажется, что, по закону 6-го апрѣля, эти сочиненія никоимъ образомъ не могутъ подлежать духовной цензурѣ, свѣтская же цензура не найдетъ въ нихъ никакого повода къ преслѣдованію ихъ и могла бы допустить ихъ къ обращенію въ продажѣ. Вопросъ о духовенствѣ нашемъ, несмотря на существованіе спеціальныхъ журналовъ, разработанъ весьма мало, именно благодаря тому запрещенію, которому подвергаются сочиненія самыя благонамѣренныя, и той цензурѣ, которая лежитъ еще на духовной журналистикѣ. Не странно ли, что духовная журналистика поставлена у насъ на ряду съ сатирически-карриватурными журналами: какъ тѣ, такъ и другіе не освобождаются отъ предварительной цензуры. Какъ возможно думать, что литературнее изложеніе фактовъ можетъ принести вредъ обществу, когда не считается для него вредомъ то, что такіе факты имѣютъ существованіе въ дѣйствительности и, такъ сказать, ходятъ въ натурѣ между нами? На нашъ взглядъ, послѣднее и опаснѣе и вреднѣе.

ИЗВѢСТІЯ.

I.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Въ ноябрѣ нынѣшняго года исполнится 12-ть лѣтъ со времени основанія „Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“. Оно было основано въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ ту памятную эпоху общественнаго оживленія, когда появилось у насъ много полезныхъ начинаній, но не многимъ было суждено пережить шестидесятые годы и войти даже въ семидесятые, какъ примѣръ того представляетъ намъ это Общество, извѣстное въ публикѣ подъ именемъ „литературнаго фонда“. Впрочемъ, оно обнаружило не одну живучесть, и оставляло по себѣ замѣтный слѣдъ своей дѣятельности. Достаточно сказать, что Общество могло ежегодно издерживать на пособія до 10,000 рублей, и въ тоже время успѣло собрать, къ началу нынѣшняго года, слишкомъ 52,000 рублей процентнаго капитала. Цѣль этого Общества выражена вся въ его названіи. Отличительная черта его состоитъ въ томъ, что управленіе дѣлами Общества въ постоянномъ комитетѣ изъ 12-ти членовъ, избираемыхъ Обществомъ, почти ничего не стоитъ Обществу, или стоитъ нѣсколько рублей въ годъ; такъ-наприм., въ прошедшемъ году, весь расходъ на администрацію и хозяйство Общества обошелся ему въ 14 р. 85 к., уплаченныхъ Государственному Банку за храненіе процентныхъ бумагъ; затѣмъ весь остальной расходъ Общества, въ 11 тысячъ слишкомъ рублей, весь до копѣйки ушелъ на то, что составляетъ настоящую задачу литературнаго фонда. т.-е. на пенсіи, пособія и плату за воспитаніе (послѣднее также входитъ отчасти въ кругъ дѣятельности Общества).

Въ наше время литература далеко не есть результатъ одного досуга, но и времени, а потому очень часто на занятія литературою вмѣстѣ съ временемъ кладутся и силы человѣка, и его здоровье. Общество, основанное съ цѣлью обезпечить, по мѣрѣ своихъ силъ, людей, которыхъ талантъ поставленъ въ тяжелую борьбу съ несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, болѣзнью, вполнѣ заслуживаетъ сочувствіе всѣхъ образованныхъ людей. Мы съ своей стороны, для ближайшаго ознакомленія съ дѣятельностью этого Общества, будемъ время отъ времени сообщать факты изъ трудовъ его постояннаго комитета, и начнемъ нынѣшній разъ съ годового отчета за истекшій 1870-й годъ, прочтеннаго секретаремъ Общества 2-го сего февраля—день утвержденія устава Общества.

Годовое собраніе 2-го февраля 1871 года.

„Мм. гг. Представляя отчетъ за истекшій годъ, комитетъ, прежде всего, считаетъ долгомъ доложить вамъ свѣдѣнія о личномъ составѣ общества.

Къ 1-му января 1870-го г. въ обществѣ числилось 323 члена; въ теченіе того же года избрано вновь—48; уплатили недоимку за прежніе годы и внесены въ исправленный списокъ—3; сложилъ съ себя званіе члена—1; выключенъ изъ списка, вслѣдствіе неизлѣчимой душевной болѣзни—1; исключены изъ списка умершіе шесть (И. Д. Асташевъ, П. И. Бачмановъ, М. Я. Морошкинъ, К. Д. Ушинскій, А. В. Шакѣевъ и князь А. Я. Лобановъ-Ростовскій) и предстоятъ къ выключенію изъ списка по случаю неплатежа денегъ, со времени избранія, въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ—3. Затѣмъ къ 1-му января 1871 г. числилось въ спискѣ 363 члена.

Списокъ членовъ окончательно провѣренъ и исправленъ; остается лишь розыскать мѣсто жительства нѣкоторыхъ членовъ, адресы которыхъ, при всемъ стараніи, не могли еще быть узнаны, и, такимъ образомъ, нельзя еще опредѣлить съ точностью, должно ли считать эти лица входящими въ составъ нашего Общества.

Обращаясь затѣмъ къ дѣятельности Общества и комитета, должно упомянуть, что Общество имѣло въ прошломъ году три обыкновенныхъ собранія и одно годовое; комитетъ же собирался 27 разъ.

Изъ членовъ Общества оказывали свое содѣйствіе комитету въ собраніи свѣдѣній о положеніи лицъ, обращавшихся въ комитетъ съ просьбами о пособіи, и исполняли различныя порученія комитета: А. Н. Аѳанасьевъ, А. Н. Плещеевъ, П. И. Бартеневъ, П. Е. Басистовъ, Н. Н. Буличъ, С. Н. Воробьевъ, А. Ѳ. Жоховъ, баронъ М. І. Косинскій, О. И. Сомовъ и Д. И. Каченовскій.

Т. И. Музыкантовъ, по приглашенію комитета, оказалъ безвозмездно медицинскую помощь четыремъ лицамъ.

П. И. Бартеневъ изъявилъ готовность принимать въ Москвѣ ежегодные платежи членовъ Общества и пожертвованія въ его пользу.

Помощь Общества нуждающимся литераторамъ и ученымъ или ихъ семействамъ выразилась въ слѣдующемъ:

1) По назначеніямъ прежнихъ лѣтъ производились *пенсіи*:

шести лицамъ или семействамъ по .	300	руб.
двумъ по.	200	„
двумъ по.	180	„
тремъ по.	120	„
и одному.	100	„

Въ теченіе 1870-го г. назначены вновь пенсіи:

а) вдовѣ извѣстнаго въ свое время писателя по 120 р. въ годъ,

и б) дочери столь же извѣстнаго археолога по 240 руб. въ годъ, начиная съ 1-го января 1871 г.

Кромѣ того, пенсія въ 300 р., прекратившаяся за смертью одной пенсіонерки, переведена на дочь этой пенсіонерки.

Всего на 1870-й г. было ассигновано Обществомъ пенсій 16-ти лицамъ, на сумму 3,530 р., не считая той пенсіи, которая ассигнована къ производству съ начала текущаго года.

2) На *воспитаніе* и *ученіе* было отпущено:

По назначеніямъ прежнихъ лѣтъ:

а) на уплату за слушаніе лекцій 19-ю достойными и бѣдными студентами въ с.-петербургскомъ университетѣ . 500 р.[1]

б) за ученіе въ гимназіи малолѣтнаго сына одного учителя . . . . 75 „

в) за обученіе дочери одного писателя въ школѣ Патріотическаго общества. . . . . 84 „

г) за обученіе одной дѣвицы въ Васильевской женской гимназіи. 60 „

д) за обученіе одной малолѣтней въ рождественской прогимназіи . . . . 60 „

е) за обученіе одного молодого человѣка въ техническомъ институтѣ. . . . . 70 „

Кромѣ того, выдавалось пособіе по 150-ти руб. въ годъ одному студенту. Выдача этого пособія прекращена въ концѣ года, вслѣдствіе заявленія пользовавшагося имъ о достаточности находящихся въ его распоряженіи средствъ къ жизни.

Въ 1870-мъ году, вновь оказаны слѣдующія пособія:

1) Предположено отпускать въ распоряженіе начальства харьковскаго университета по 100 руб., для платы за слушаніе лекцій наиболѣе достойными и бѣдными студентами; но вслѣдствіе сношенія по этому съ профессоромъ Каченовскимъ, комитетъ остановился на мысли отпускать ежегодно въ харьковскій университетъ по 120 руб., для выдачи пособія двумъ бѣднѣйшимъ и достойнѣйшимъ студентамъ юридическаго факультета. Въ 1870-мъ г. пособіемъ этимъ воспользовались два студента.

2) На воспитаніе сына одного писателя въ Ларинской гимназіи отпущено 300 р.

3) Для уплаты за слушаніе лекцій въ с.-петербургскомъ университетѣ выдано одному бѣдному студенту 50 руб., сверхъ единовременнаго пособія въ 50 р.

4) За слушаніе уроковъ въ технологическомъ институтѣ однимъ молодымъ человѣкомъ уплачено 30 р., и сверхъ того ему выдано въ пособіе 30 р.

5) За воспитаніе малолѣтней внучки одного писателя въ Ивановской дѣвичьей школѣ назначено 300 р., съ отпускомъ половины этой суммы, и подъ условіемъ уплаты второй половины по полученіи удостовѣренія, что дѣвица эта учится хорошо и перешла въ слѣдующій классъ.

6) На ученіе въ приготовительномъ училищѣ малолѣтнаго сына вдовы писателя назначено въ годъ къ выдачѣ 36 руб., начиная съ 1-го октября 1870-го г.

Сверхъ того выданы пособія:

Студенту 4-го класса института путей сообщенія—70 р.

Студенту медико-хирургической академіи—20 р.

---

[1]) Пособіемъ этимъ воспользовались: *въ первое полугодіе*: Иванъ Алюхинъ, Александръ Баранскій, Михаилъ Круцевичъ, Антонъ Довгялло, Михаилъ Жиряевъ, Өедоръ Казанскій, Николай Молчановъ, Иванъ Невскій, Михаилъ Савицкій. *Во второе полугодіе*: Павелъ Виноградовъ, Александръ Дембскій, Михаилъ Казберукъ, Александръ Малининъ, Петръ Петелинъ, Иванъ Поляковъ, Александръ Шимановскій, Николай Коркуновъ, Александръ Кюстеръ. *Въ оба полугодія*: Антонъ Алексѣевъ.

На экипировку одного малолѣтняго, учащагося въ приготовительномъ классѣ къ коммерческому училищу—50 р.

Всего издержки въ 1870-мъ году на воспитаніе и ученіе составляли 1,741 р.

3) *Единовременныя пособія* назначены были 72 лицамъ или семействамъ, на сумму 5,536 р., а за исключеніемъ 20 руб., невыданныхъ по неизвѣстности мѣста жительства просителя—5,516 руб. Въ этомъ числѣ было выдано:

Двумъ лицамъ по 300 р., одному—250 руб., одному—200 р., одному—171 руб., двумъ—по 150 р., одному—125 р., семнадцати—по 100 руб., одному—90 р., одному—80 р., шести—по 75 р., одному—65 р., двумъ—по 60 руб., восемнадцати—по 50 руб., четыремъ—по 40 руб., одному—35 руб., четыремъ—по 30 руб., шести—по 25 р., одному—20 р. и двумъ—по 15 р.

4) *Продолжительныя пособія* были назначены:

Вдовѣ одного литератора — по 100 руб. въ теченіе 1870-го и 1871-го гг.

Одному молодому ученому на леченіе, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ—по 50 руб. въ мѣсяцъ.

По ассигновкѣ 1866-го г. выдано въ январѣ 1870-го г. одному писателю въ послѣдній разъ—25 р.

5) *Въ ссуду* выдано одному лицу 125 р., за поручительствомъ члена Н. Н. Тютчева.

Всего же въ 1870-мъ г. предназначено было на пособія 126 лицамъ или семействамъ 11,292 р.; но такъ-какъ, во-1-хъ, пенсія въ 210 р. назначена къ производству только съ 1-го мая 1870-го года, а другая въ 240 р. съ 1-го января 1871-го г., и во-2-хъ, изъ числа лицъ, получавшихъ единовременныя пособія, двое значатся также въ категоріи получавшихъ пособіе на воспитаніе, а одно получало продолжительное пособіе, то число семействъ или лицъ, которымъ выдано безвозвратное пособіе, оказывается 122; сумма же дѣйствительно израсходованная—10,992 руб.; вообще же вмѣстѣ съ ссудою въ 125—11,117 р.

6) *Не денежныя пособія* были слѣдующія:

Пяти лицамъ подана медицинская помощь докторами Т. И. Музыкантовымъ и Э. П. Гейнрихсеномъ.

Два лица, при содѣйствіи секретаря Общества и В. П. Гаевскаго, получили сполна деньги, слѣдовавшія имъ отъ редакцій журналовъ, а объ уплатѣ третьему сдѣлано сношеніе съ редакторомъ одной газеты.

По ходатайству преподавателя исторіи, принимались мѣры къ изданію сдѣланнаго имъ перевода историческаго сочиненія.

Въ извлеченіи изъ журналовъ комитета припечатано приглашеніе о доставленіи работы одной дамѣ, обезображенной мужемъ.

При содѣйствіи А. П. Вилинбахова исходатайствована пенсія въ 600 руб. одному писателю, оставившему службу.

По просьбѣ писателя, живущаго въ провинціи, устроена продажа его сочиненій въ С.-Петербургѣ.

Дѣлались сношенія о возвращеніи рукописей одного лица, заложенныхъ содержателю гостинницы, но безуспѣшно.

7) *Отклонены ходатайства* 34-хъ лицъ, потому что нѣкоторыя изъ

этихъ лицъ не удовлетворяли условіямъ устава Общества, а другія заявляли такія требованія, которыя, какъ напр. о выдачѣ ссуды, объ изданіи ихъ сочиненій, о пенсіи, о доставленіи мѣста въ государственной службѣ, не могли быть удовлетворены или по принятымъ въ Обществѣ правиламъ, или же по самому существу своему.

Кромѣ того, оставлены безъ послѣдствій прошенія:

двухъ лицъ, по неизвѣстности ихъ мѣста жительства;

двухъ—по недоставленію свѣдѣнія о литературныхъ трудахъ просителей, и

одного (о пособіи) впредь до новаго ходатайства.

Независимо отъ занятій по выдачѣ пособій, по наблюденію за поступленіемъ членскихъ взносовъ и другихъ текущихъ дѣлъ, комитетъ въ теченіе всего 1870-го г. велъ переписку и принималъ мѣры къ сбору денегъ по подпискѣ на стипендію или пенсію въ память покойнаго предсѣдателя Общества Е. П. Ковалевскаго. Сверхъ членовъ Общества, къ принятію участія въ подпискѣ были приглашены, чрезъ губернаторовъ, попечителей учебныхъ округовъ, директоровъ учебныхъ заведеній, и стороннія лица. Приглашенія эти не остались тщетными: въ февралѣ прошлаго года было собрано на этотъ предметъ 2,572 р. 32 к., а къ 31-му декабря поступило уже 6,545 р. 86 к. Самое крупное пожертвованіе получено отъ наслѣдниковъ Е. П. Ковалевскаго, передавшихъ въ капиталъ стипендіи 1,200 р., вырученные за право изданія сочиненій покойнаго. Подписка еще не закрыта и, судя по количеству поступающихъ еще пожертвованій, можно разсчитывать, что память о Егорѣ Петровичѣ будетъ почтена вполнѣ достойнымъ образомъ.

Вообще комитетъ не можетъ не заявить съ глубочайшею признательностію о томъ тепломъ сочувствіи и вниманіи, которыя постоянно высказываются въ отношеніи къ нашему Обществу, несмотря на скромную рамку его дѣятельности. Ихъ Императорскія Величества и члены Императорской Фамиліи почтили Общество своими вкладами; министромъ народнаго просвѣщенія, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, отпущено Обществу, изъ суммъ министерства, 1,000 р.; частныя лица также не оставили Общество безъ пожертвованій, какъ денежныхъ, такъ и другого рода. Денежными пожертвованіями поступили слѣдующія процентныя деньги отъ редакцій:

„Вѣстника Европы“	70 р.	
„Отечественныхъ Записокъ“	57 „	24 к.
„С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.	70 „	— „
Отъ Я. Я. Фейгина	200 „	— „
„ М. А. Варшавскаго	25 „	— „
„ В. В. Бѣляева	10 „	— „
„ неизвѣстныхъ, чрезъ П. В. Анненкова и В. Ѳ. Корша	20 „	— „
„ С. Я. Бѣликова	5 „	— „
„ чиновниковъ Козьмодемьяновскаго уѣзднаго училища.	3 „	— „
„ К. Г. Евлентьева	1 „	— „
„ типографіи А. И. Мамонтова и Комп. въ Москвѣ.	100 „	— „

А. В. Плетневою пожертвовано все изданіе брошюры покойнаго П.

А. Плетнева: „Юбилей князя Вяземскаго", за исключеніемъ 200 экземпляровъ.

К. Г. Евлентьевъ принесъ въ даръ Обществу:

1) 10 экз. брошюры: „Археологическая Записка о Поганкиныхъ".

2) 4 экз. хронологическаго указателя статей, касающихся Псковской губерніи, помѣщенныхъ въ „Псковскихъ Губ. Вѣдомостяхъ" за 1838—1869-мъ г.

3) 5 экз. брошюры: „Книга Псковитина, посадскаго торговаго человѣка Сергѣя Поганкина".

4) 10 экз. рисунка дома Поганкиныхъ въ Псковѣ.

Редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" постоянно и безвозмездно печатала извлеченія изъ журналовъ комитета и общихъ собраній, а также приглашенія членовъ въ собранія.

Типографія В. П. Безобразова и Комп. печатала безплатно баллотировальные листки и по уменьшенной цѣнѣ отчетъ Общества.

Книжный магазинъ А. Ѳ. Базунова принималъ взносы членовъ Общества.

Книжный магазинъ Дм. Ефимов. Кожанчикова продавалъ принадлежащія Обществу книги и брошюры.

Наконецъ, совершенно посторонніе Обществу лица, а именно: гг. Багговутъ, Вилинбаховъ, Дуве, Елагинъ, Павловъ, Плецъ и Роберъ помогали комитету въ собраніи свѣдѣній о просителяхъ, обращавшихся къ нему за помощью, а докторъ Э. П. Гейнрихсенъ пользовалъ безвозмездно одного больного, по приглашенію секретаря Общества.

По прочтеніи этого отчета, казначей доложилъ, что къ 1-му января 1870-го года состояло въ кассѣ 49,925 р. 20 к., въ томъ числѣ процентными бумагами 46,130 р., на текущемъ счету 2,003 р. 99 к., наличными деньгами 1,791 р. 21 коп.

Въ теченіе 1870-го г. поступило дѣйствительнаго дохода: 1) Высочайшими Особами пожертвовано 1,800 р. 2) Взносы 269 членовъ Общества 5,704 р. 52 к. 3) Отъ министра народнаго просвѣщенія 1,000 р. 4) Процентныя деньги отъ 3-хъ редакцій повременныхъ изданій 197 р. 24 к. 5) Единовременныя пожертвованія деньгами 11-ти частныхъ лицъ 368 р. 55 к. 6) Отъ продажи книгъ, пожертвованныхъ Обществу 28 р. 75 к. 7) Возвратъ 2-хъ ссудъ 325 р. 8) Проценты съ капиталовъ и по текущему счету 2,912 р. 77 к., итого дѣйствительнаго дохода 12,336 р. 83 к.

Сверхъ того, записано на приходъ оборотныхъ суммъ по случаю пріобрѣтенія процентныхъ бумагъ, какъ за деньги, такъ и въ обмѣнъ на другія бумаги 5,823 р. 30 к.; всего въ теченіе года записано на приходъ 18,160 р. 13 к.

Въ 1870-мъ г. дѣйствительно израсходовано: 1) пенсіи 16-ти семействамъ 3,460 р.; 2) продолжительныя пособія 3-мъ лицамъ 275 р.; 3) единовременныя пособія 72-мъ лицамъ 5,516 р.; 4) пособіе на воспитаніе 34-хъ лицъ 1,741 р.; 5) въ ссуду 1-му лицу 125 р.; 6) Государственному банку за храненіе процентныхъ бумагъ 14 р. 85 к.; итого 11,131 р. 85 к. Выписано въ расходъ оборотныхъ суммъ при

покупкѣ и обмѣнѣ процентныхъ бумагъ 4,909 р. 48 к. Всего въ теченіе года выписано въ расходъ 16,041 р. 33 к.

Къ 1-му января 1871 года состояло въ кассѣ 52,044 р., въ томъ числѣ процентными бумагами 51,600 р., наличными деньгами 444 р.

Сумма эта превышаетъ наличность кассы къ началу 1870-го г. на 2,118 р. 80 к.

Изъ этого отчета видно, что въ теченіе года изъ суммъ Общества отпущено: пособій на воспитаніе 34-хъ лицъ 1,741 р., ссуда 1-му лицу 125 р., продолжительныхъ и единовременныхъ пособій 75-ти лицамъ 5,791 р., пенсіи 16-ти семействамъ на сумму 3.460 р.; въ общей сложности оказано разнаго рода пособій 122 семействамъ и лицамъ, на сумму 11,117 р. Противъ 1869-го г. болѣе на 1,609 р. 42 к.

Хотя пособія на воспитаніе отпущены 34-мъ лицамъ, продолжительное—3-мъ, и единовременныя пособія—72-мъ, но такъ какъ изъ лицъ 3-й категоріи двое находятся и въ 1-й, а одинъ во второй категоріи, то общее число по этимъ тремъ категоріямъ слѣдуетъ считать не 109, но 106 лицъ, а съ 16-ю пансіонерами—122.

Пенсій по росписанію 1870-го г. полагалось всего на сумму 3,530 р., въ томъ числѣ одна въ 210 р. производилась, начиная съ майской трети, а потому и выдано всего 3,460 р.

Изъ семействъ, пользующихся пенсіями отъ литературнаго фонда имѣютъ жительство: въ С.-Петербургѣ 7 семействъ, получающихъ въ сложности 1,410 руб.; въ Москвѣ и Московской губерніи 5—1,500 р.; въ разныхъ губерніяхъ 4 семейства—620 р. Начиная съ 1871-го года, назначена еще 1 пенсія въ 240 р. дочери извѣстнаго ученаго, жительствующей въ Москвѣ.

Затѣмъ прочтенъ былъ слѣдующій журналъ ревизіонной коммиссіи: „Избранная 3-го января 1871-го г. общимъ собраніемъ членовъ Общества ревизіонная коммиссія, получивъ отъ комитета Общества отчеты казначея и секретаря, вмѣстѣ съ денежными книгами, журналами и подлинными дѣлами Общества, и разсмотрѣвъ ихъ во всей подробности, нашла, что въ теченіе 1870-го года всѣ дѣла и счеты Общества велись въ совершенномъ порядкѣ, и что дѣйствія комитета, направленныя къ цѣлямъ, указаннымъ въ уставѣ Общества, отличались осмотрительностью и энергіей, достойными полнаго одобренія.

„При этомъ ревизіонная коммиссія не могла не обратить особеннаго своего вниманія на то обстоятельство, что въ истекшемъ году, несмотря на значительную цифру выданныхъ пенсій и оказанныхъ пособій, простиравшихся до 10,992 р. (кромѣ 125 р., выданныхъ въ ссуду и возвращенныхъ въ отчетномъ году), болѣе суммы таковыхъ-же пособій, выданныхъ въ 1869 году на 1,484 р. 42 к., капиталъ Общества увеличился на 2,118 р. 80 к.

„Указывая на такое увеличеніе средствъ Общества, какъ на одинъ изъ результатовъ неусыпной дѣятельности комитета, ревизіонная коммиссія не можетъ при этомъ не выразить только желанія, чтобъ въ показаніи по книгамъ казначея покупаемыхъ и обмѣниваемыхъ процентныхъ бумагъ соблюдался общепринятый въ счетоводствѣ порядокъ.

„Въ настоящее время, при обмѣнѣ процентныхъ бумагъ, въ графахъ прихода и расхода выставляется только получаемая при совершеніи операціи разность; номинальная-же стоимость процентныхъ бумагъ съ наросшими процентами выставляется за графою въ текстѣ статьи, чтó, лишая счеты Общества надлежащей ясности, затрудняетъ самый выводъ о степени выгодности совершаемыхъ комитетомъ оборотовъ.

„Обращаясь за симъ къ распоряженіямъ комитета по выдачѣ пенсій и пособій, ревизіонная коммиссія, какъ о томъ упомянуто выше, находитъ эти распоряженія вообще согласными съ цѣлями Общества, основательными и осмотрительными, такъ что въ настоящемъ случаѣ ей приходится ограничиться лишь весьма немногими указаніями. Такъ:

„Въ теченіе 1870-го года назначены вновь пенсіи тремъ лицамъ въ размѣрѣ 210, 240 и 300 руб., изъ числа которыхъ послѣдняя сумма не составляетъ новаго для Общества расхода, такъ какъ она выдавалась и въ прежнее время и только за смертію пенсіонерки перешла къ ея дочери.

„Не касаясь первыхъ двухъ суммъ, какъ назначенныхъ въ пенсію лицамъ, вполнѣ того заслуживающимъ и по литературнымъ трудамъ родственниковъ, и по собственному ихъ безпомощному положенію, коммиссія не можетъ не остановиться на послѣдней пенсіи въ 300 руб., оставленной дочери умершей пенсіонерки. Если, съ одной стороны, въ настоящемъ случаѣ не подлежалъ уже обсужденію вопросъ о томъ — литературныя заслуги отца даютъ-ли дочери право на полученіе пенсіи, такъ какъ это право признано было уже за ея матерью, то, съ другой стороны, комитету предстояло обсудить вопросъ о томъ, въ какомъ положеніи находится дочь пенсіонерки, т.-е. имѣетъ-ли она какія-либо сред тва къ жизни. Между тѣмъ по вопросу сему, насколько можно судить изъ дѣлъ комитета, не было собрано подробныхъ свѣдѣній и постановленіе свое о назначеніи пенсіи дочери умершей пенсіонерки комитетъ основалъ единственно на заявленіи о ея бѣдности одного изъ членовъ Общества, и при томъ тогоже самаго, который ходатайствовалъ объ оставленіи ей пенсіи ея матери.

„Чтоже касается до единовременныхъ пособій, которыхъ выдано было въ 1870-мъ г 72-мъ лицамъ на сумму 5,536 р., то не останавливаясь на томъ обстоятельствѣ, что многія изъ этихъ выдачъ, по незначительности своей (15, 20, 25 р.), едва-ли достигаютъ своей цѣли,— не останавливаясь потому, что изъ дѣлъ комитета можно убѣдиться, что всѣ эти выдачи условливались безвыходнымъ положеніемъ лицъ, ходатайствовавшихъ о пособіи, ревизіонная коммиссія не можетъ не замѣтить, что таковыми пособіями пользуются нѣкоторыя лица въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду и что такимъ образомъ единовременныя пособія получаютъ характеръ пособій продолжительныхъ [1]). Независимо отъ сего, коммиссія считаетъ долгомъ обратить вниманіе на одинъ случай, когда выдача пособія произведена, по мнѣнію коммиссіи, безъ достаточныхъ къ тому основаній. Именно: въ засѣданіи 21-го декабря, комитетъ назначилъ пособіе въ 65 р. сестрѣ такого лица, просьбы котораго о полученіи пособія комитетъ постоянно отклонялъ.

[1]) Изъ 72-хъ выдачъ произведено однимъ и тѣмъже лицамъ: одна выдача въ седьмой разъ, пять въ пятый разъ, четыре въ четвертый, одиннадцать въ третій и четырнадцать во второй.

„Наконецъ коммиссія считаетъ долгомъ представить на благоусмотрѣніе Общества слѣдующее обстоятельство.

„Въ 1870-мъ году, подобно тому, какъ и въ предыдущіе годы, отпущено было 500 р. въ распоряженіе начальства с.-петербургскаго университета на уплату за слушаніе лекцій достойными и бѣдными студентами сего университета.

„Не отрицая той пользы, которую приноситъ подобный способъ вспомоществованія бѣднымъ студентамъ (т.-е. внесеніе за нихъ платы за слушаніе лекцій), коммиссія не можетъ однако не остановиться на мысли, что такъ какъ дѣйствительно бѣдные студенты могутъ, безъ особаго затрудненія, освобождаться отъ уплаты за слушаніе лекцій представленіемъ свидѣтельства о своей бѣдности, то, быть можетъ, полезнѣе было-бы, если не всю означенную сумму, то по крайней мѣрѣ значительную часть ея обращать не на уплату за слушаніе лекцій, а въ непосредственное пособіе наиболѣе достойнымъ и бѣднымъ студентамъ. Остановиться на этой мысли побуждаетъ коммиссію еще и то обстоятельство, что самъ комитетъ, предполагавшій отпускать въ истекшемъ году въ распоряженіе начальства харьковскаго университета по 100 р. для уплаты за слушаніе лекцій студентами, вслѣдствіе сношенія по сему предмету съ профессоромъ Каченовскимъ, отказался отъ первоначальнаго своего предположенія и постановилъ отпускать ежегодно въ харьковскій университетъ по 120 р., для выдачи пособія двумъ бѣднѣйшимъ и достойнѣйшимъ студентамъ.

„Поэтому коммиссія полагала бы предоставить комитету войти въ ближайшее обсужденіе вопроса объ обращеніи упомянутыхъ 500 р., или части сей суммы, на непосредственную выдачу пособія достойнымъ и бѣднымъ студентамъ с.-петербургскаго университета, съ тѣмъ, чтобы предположенія комитета по сему вопросу представлены были на утвержденіе общаго собранія въ слѣдующемъ годовомъ собраніи Общества.

Взаключеніе коммиссія считаетъ своею обязанностью предложить Обществу выразить комитету благодарность за понесенные имъ труды на пользу Общества,—труды, благодаря которымъ въ истекшемъ году Общество не только могло оказать болѣе значительныя противъ прежнихъ лѣтъ пособія лицамъ, обращавшимся къ помощи Общества и не отказать ни одному изъ сихъ лицъ, если только оно имѣло на полученіе таковаго пособія какое-либо право, но и увеличить капиталъ Общества на 2,118 р. 80 к.“

Вмѣстѣ съ этимъ журналомъ было доложено и особое мнѣніе члена ревизіонной коммиссіи, К. К. Арсеньева, слѣдующаго содержанія:

„Г. Арсеньевъ находитъ, что неоднократная выдача единовременныхъ пособій однимъ и тѣхъ же лицамъ представляется фактомъ не только естественнымъ, но и вполнѣ законнымъ, развѣ еслибъ лицо, получающее не въ первый разъ пособіе отъ комитета, не имѣло на то достаточнаго права. Множество лицъ, занимающихся литературой и только литературой, такъ мало обезпечено въ матеріальномъ отношеніи, что затрудненія, заставляющія ихъ прибѣгать къ помощи комитета, повторяются почти періодически. Само собою разумѣется, что, при такомъ положеніи дѣлъ, помощь, однажды оказанная, не можетъ служить препятствіемъ къ назначенію новаго пособія. Комитетъ принялъ за правило не выдавать одному и тому же лицу двухъ пособій въ

теченіе одного и того же года; но и отъ этого правила онъ иногда бываетъ поставленъ въ необходимость отступать въ виду крайне-бѣдственнаго положенія просителя. Съ другой стороны, единовременныя пособія, нѣсколько разъ повторенныя, существенно отличаются не только отъ пенсій, но даже и отъ такъ-называемыхъ продолжительныхъ пособій. Назначая пенсію или продолжительное пособіе, комитетъ связываетъ себя и своихъ преемниковъ, установляетъ правило, безусловно обязательное въ теченіе извѣстнаго срока; назначая единовременное пособіе, комитетъ сохраняетъ за собою полную свободу дѣйствій въ будущемъ, и если повторяетъ выдачу пособія, то только потому, что встрѣчаетъ къ тому въ данную минуту достаточное основаніе. Руководствуясь этими соображеніями, К. К. Арсеньевъ находитъ, что неоднократная выдача единовременныхъ пособій одному и тому же лицу не можетъ быть отнесена къ числу тѣхъ пунктовъ, по которымъ была бы желательна перемѣна въ образѣ дѣйствій комитета.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, К. К. Арсеньевъ считаетъ долгомъ объяснить, что онъ не участвовалъ въ сужденіяхъ комитета по вопросу о пенсіи въ 300 р., такъ какъ опредѣленіе комитета объ этой пенсіи состоялось еще до выбытія К. К. Арсеньева изъ числа членовъ комитета“.

По прочтеніи журнала ревизіонной коммиссіи, доложено было слѣдующее объясненіе комитета на этотъ журналъ:

Комитетъ общества, принявъ съ искреннею признательностью всѣ указанія ревизіонной коммиссіи, считаетъ долгомъ представить на усмотрѣніе общаго собранія объясненіе свое по слѣдующимъ тремъ пунктамъ:

1) Пенсія въ 300 руб. была назначена вслѣдствіе удостовѣренія члена Общества, „что она доставитъ сиротѣ, по болѣзни неимѣющей возможности ничѣмъ заниматься, только-что необходимыя средства для безбѣднаго существованія“. Хотя удостовѣреніе это было сдѣлано тѣмъ самымъ членомъ Общества, который ходатайствовалъ о назначеніи пенсіи, но, кромѣ его, въ виду комитета, было еще письмо одного профессора, свидѣтельствовавшаго, какъ о томъ, что означенная сирота находится въ болѣзненномъ состояніи, такъ и о томъ, что средства ея къ жизни столь ничтожны, что она едва нашла возможность похоронить свою мать и то бо́льшею частью въ долгъ. Оба свидѣтельства эти, равно какъ и имѣвшіяся въ дѣлахъ комитета свѣдѣнія о положеніи покойной матери сироты, также получавшей пенсію отъ Общества, исключали, по мнѣнію комитета, всякое сомнѣніе въ возможности назначить пенсію. Во всякомъ случаѣ, при существованіи правила § 10-го устава, установившаго, что пенсіоны могутъ быть прекращаемы съ перемѣною обстоятельствъ, дѣлающихъ этого рода пособіе излишнимъ, комитетъ нелишенъ средствъ измѣнить свои рѣшенія, еслибъ, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, оказалось, что пенсіонеръ не нуждается въ дальнѣйшей помощи Общества.

2) Хотя нѣкоторыя изъ получившихъ единовременныя пособія лицъ и пользовались такими же пособіями въ прежніе годы, но обстоя-

тельство это не могло и не можетъ лишать ихъ права на новую помощь, потому что нельзя ставить имъ въ вину повтореніе такихъ причинъ, которыя вынуждали или вынудятъ ихъ обращаться къ Обществу. Впрочемъ, комитетъ можетъ заявить, что онъ постоянно обращалъ и обращаетъ вниманіе на то, чтобъ выдаваемыя имъ единовременныя пособія не принимали, чрезъ частое повтореніе ихъ, характеръ пособій постоянныхъ, какъ бы замѣняющихъ собою пенсіи.

3) Выдача 65 р. сестрѣ такого лица, просьбы котораго о пособіи постоянно отклонялись, вызвана была, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, что со смертію этого лица устранились тѣ особыя причины, которыя препятствовали удовлетворенію его ходатайства и которыя при жизни его порождали разномысліе въ средѣ комитета относительно возможности выдачи ему пособія.

Что касается до замѣчанія ревизіонной коммиссіи относительно, во-1-хъ, необходимости измѣненія отчетности въ принадлежащихъ Обществу процентныхъ бумагахъ, и во-2-хъ, порядка употребленія отпускаемыхъ ежегодно 500 р. въ пособіе бѣднѣйшимъ студентамъ с.-петербургскаго университета, то комитетъ имѣетъ честь доложить, что отнынѣ отчетность въ процентныхъ бумагахъ будетъ вестись по указанной коммиссіею формѣ, а къ обсужденію второго предмета комитетъ не преминетъ приступить тотчасъ же по полученіи свѣдѣній, нужныхъ для разрѣшенія возбужденнаго коммиссіею вопроса.

Взаключеніе комитетъ признаетъ пріятнѣйшею обязанностью предложить вамъ, мм. гг., выразить членамъ ревизіонной коммиссіи вашу благодарность за тщательный и въ высшей степени добросовѣстный разборъ дѣйствій комитета.

Предъ закрытіемъ собранія былъ произведенъ выборъ членовъ комитета, при чемъ оказалось, что избирательныхъ записокъ было подано 28 и что бо́льшее число голосовъ получили К. К. Арсеньевъ (21 голосъ), Б. И. Утинъ, М. Е. Салтыковъ и А. С. Суворинъ (по 19-ти голосовъ), которые и признаны членами комитета.

Комитетъ, въ новомъ составѣ, избралъ слѣдующихъ должностныхъ лицъ: предсѣдателемъ Я. К. Грота, помощникомъ предсѣдателя К. Д. Кавелина, секретаремъ П. В. Анненкова и казначеемъ Н. Н. Тютчева *).

Взаключеніе происходила баллотировка новыхъ членовъ Общества, при чемъ выбраны: Александръ Осиповичъ Ячевскій, Константинъ Александровичъ Ахочинскій, Горасъ Осиповичъ Гинцбургъ, Евгеній Валентиновичъ Де-Роберти, Леонидъ Николаевичъ Симоновъ, Павелъ Михайловичъ Третьяковъ, Егоръ Ивановичъ Барановскій, Иннокентій Дмитріевичъ Зубаревъ и Антонъ Карловичъ Рихтеръ.

---

*) Гг. иногородные могутъ доставлять свои взносы и пожертвованія по слѣдующему адресу: Николаю Николаевичу Тютчеву, въ Спб., Итальянская, на Литейной, д. № 14. Живущіе въ городѣ обращаются въ кн. маг. А. О. Базунова, Невскій проспектъ, № 30.

II.

Второй Археологическій съѣздъ въ С.-Петербургѣ, 7-го декабря 1871-го года.

Въ нынѣшнемъ 1871-мъ году минетъ двадцать пять лѣтъ со времени основанія Императорскаго русскаго археологическаго общества.

Въ память означеннаго юбилея устраивается обществомъ, съ высочайшаго соизволенія, археологическій съѣздъ въ С. Петербургѣ, подъ именемъ второго археологическаго съѣзда, считая первымъ съѣздъ русскихъ археологовъ, бывшій въ 1869-мъ г. въ Москвѣ,—на основаніи нижеслѣдующихъ правилъ, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 2-го января 1871-го года:

1) Съѣздъ открывается въ С. Петербургѣ, 7-го декабря 1871-го года и будетъ продолжаться двѣ недѣли.

2) За недѣлю до открытія съѣзда, именно 30-го ноября 1871-го года, открываетъ свои дѣйствія въ С.-Петербургѣ совѣтъ съѣзда.

3) Совѣтъ съѣзда составляютъ: а) всѣ прибывшіе къ съѣзду члены предварительнаго комитета, и б) присланные на съѣздъ депутаты отъ тѣхъ высшихъ ученыхъ учрежденій и археологическихъ обществъ, коихъ представителей не было въ предварительномъ комитетѣ.

4) Членами съѣзда признаются: а) всѣ депутаты, прибывшіе на съѣздъ; б) всѣ лица, получившія отъ предварительнаго комитета или совѣта съѣзда приглашеніе участвовать въ ономъ, и пріѣхавшія на съѣздъ или приславшія къ нему свои сообщенія; в) всѣ лица, заявившія напередъ предварительному комитету или совѣту о желаніи своемъ участвовать въ занятіяхъ съѣзда, и допущенныя къ тому комитетомъ или совѣтомъ.

5) Съѣздъ раздѣляется на шесть отдѣленій: I. Древности первобытныя. II. Памятники русскіе и славянскіе искусствъ и художествъ. III. Памятники русскіе и славянскіе языка и письма. IV. Памятники русскіе и славянскіе бытовые. V. Древности восточныя. VI. Древности классическія, византійскія и западно-европейскія. Совѣтъ съѣзда въ правѣ, если признаетъ необходимымъ, увеличить число отдѣленій.

6) Въ секретари съѣзда и отдѣленій съѣзда приглашаются заблаговременно совѣтомъ нѣсколько лицъ изъ членовъ съѣзда. Секретари признаются членами совѣта съѣзда.

7) Всякій членъ съѣзда можетъ, по своему желанію, приписаться къ тому или къ другому отдѣленію.

8) Совѣтъ съѣзда въ первомъ засѣданіи своемъ избираетъ изъ своей среды предсѣдателя совѣта, шесть членовъ въ распорядительный комитетъ съѣзда и казначея съѣзда. Независимо отъ сего, совѣтъ, въ томъ же засѣданіи, раздѣляется по числу отдѣленій съѣзда на коммиссіи, которыя немедленно избираютъ своихъ особыхъ предсѣдателей.

9) Распорядительный комитетъ завѣдуетъ всею хозяйственною частью и всѣмъ внутреннимъ распорядкомъ съѣзда.

10) Въ составъ распорядительнаго комитета, кромѣ шести членовъ, избранныхъ совѣтомъ, входитъ казначей съѣзда.

11) Предсѣдатели коммиссій совѣта и секретари съѣзда и отдѣленій съѣзда составляютъ ученый комитетъ съѣзда.

12) Ученый комитетъ завѣдуетъ всею ученою частью съѣзда и слѣдитъ за правильнымъ ходомъ его ученыхъ работъ.

13) Комитеты распорядительный и ученый сами избираютъ своихъ предсѣдателей. Они засѣдаютъ ежедневно въ продолженіи всего съѣзда.

14) Совѣтъ съѣзда и коммиссіи совѣта созываются ихъ предсѣдателями. Каждая коммиссія въ правѣ избирать въ свои члены изъ среды съѣзда ученыхъ, коихъ постоянное содѣйствіе она считаетъ для себя необходимымъ. О такихъ выборахъ предсѣдатели коммиссій доводятъ до свѣдѣнія предсѣдателя совѣта.

15) Засѣданія какъ совѣта, такъ и комитетовъ распорядительнаго и ученаго, а равнымъ образомъ коммиссій совѣта, происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.

16) Засѣданія съѣзда бываютъ общія и частныя по отдѣленіямъ. На общихъ засѣданіяхъ обсуждаются всѣ предметы, относящіеся къ древностямъ вообще. На засѣданіяхъ отдѣленій обсуждаются спеціальные вопросы, входящіе въ кругъ занятій того или другого отдѣленія.

17) Засѣданія съѣзда всѣ публичныя.

Примѣчаніе. Корреспонденты журналовъ и газетъ обращаются въ распорядительный комитетъ для полученія особыхъ мѣстъ.

18) Предсѣдатели и помощники предсѣдателей, какъ общихъ собраній съѣзда, такъ и отдѣленій, назначаются, на каждое засѣданіе особо, ученымъ комитетомъ изъ среды членовъ съѣзда.

19) Программа каждаго засѣданія, какъ общихъ собраній такъ и отдѣленій, опредѣляется заблаговременно, на каждый разъ особо, ученымъ комитетомъ. Ни одинъ новый вопросъ не можетъ быть возбужденъ въ засѣданіяхъ съѣзда, безъ предварительнаго разрѣшенія ученаго комитета.

20) Время каждаго засѣданія какъ общихъ собраній съѣзда, такъ и отдѣленій назначается распорядительнымъ комитетомъ.

21) Наблюденіе за порядкомъ засѣданій лежитъ на предсѣдателяхъ. Предсѣдатель обязанъ остановить каждаго члена съѣзда, который въ своей рѣчи удалится отъ предмета обсужденія или уклонится отъ научной цѣли.

22) На засѣданіяхъ съѣзда допускаются какъ словесныя, такъ и письменныя сообщенія. Но ни одинъ членъ съѣзда не въ правѣ говорить или читать болѣе получаса, не испросивъ предварительно на то разрѣшенія ученаго комитета.

23) Всѣ разсужденія и пренія на засѣданіяхъ съѣзда, какъ общихъ такъ и частныхъ по отдѣленіямъ, происходятъ на языкѣ русскомъ. Въ видѣ исключенія могутъ быть допускаемы сообщенія и чтенія на языкахъ иностранныхъ только для иностранцевъ, незнающихъ языка русскаго. Засѣданія для выслушанія подобнаго рода сообщеній и чтеній назначаются особыя. Право назначать эти засѣданія предоставляется комитетамъ ученому и распорядительному по ихъ взаимному соглашенію.

24) Изслѣдованія и сообщенія, присланныя на съѣздъ въ отвѣтъ на предложенные вопросы, поступаютъ въ ученый комитетъ, разсматри-

ваются въ коммиссіяхъ совѣта и докладываются кѣмъ-либо изъ ихъ членовъ въ одномъ изъ засѣданій съѣзда.

25) Всякій членъ съѣзда получаетъ особый личный билетъ для входа на съѣздъ.

26) Для напечатанія трудовъ съѣзда избирается совѣтомъ съѣзда особый редакціонный комитетъ.

На второмъ археологическомъ съѣздѣ предполагаются нижеслѣдующіе вопросы къ обсужденію, по которымъ къ съѣзду желательно получить свѣдѣнія:

А) **Вопросы общіе:** 1) Какія должны быть приняты мѣры къ сохраненію и приведенію въ извѣстность памятниковъ какъ языческой, такъ и христіанской древности въ Россіи. 2) Обсужденіе мыслей Н. В. Калачова объ устройствѣ архивовъ.

Б) **Вопросы частные:**

I. *Древности первобытныя:* 3) Отысканіе и опредѣленіе одного общаго метода измѣренія и изображенія череповъ.

Примѣчаніе. Желательно, чтобы частными лицами сообщены были къ съѣзду свѣдѣнія о черепахъ, у нихъ находящихся.

4) Черепа, находимые въ курганахъ и жальникахъ Новгородской губерніи, принадлежатъ ли одному и тому же типу, и тождественны ли они съ типомъ череповъ современнаго населенія? 5) Существуетъ ли типическая племенная разница между черепами, находимыми въ курганахъ и жальникахъ? 6) Встрѣчаются ли орудія и оружія каменныя и мѣдныя (или сдѣланныя изъ сплава мѣди съ другими металлами) въ сѣверной половинѣ европейской Россіи вмѣстѣ съ оруціями и оружіями желѣзными, и сходны ли сіи послѣднія, по своей формѣ и техническимъ свойствамъ, съ подобными желѣзными предметами, находимыми въ могилахъ, которыя, по отысканнымъ въ нихъ монетамъ, могутъ быть относимы къ IX—XII-му вѣкамъ по Р. Хр.? 7) Если орудія и оружія мѣдныя (или сдѣланныя изъ сплава мѣди съ другими металлами) находимы были вмѣстѣ съ желѣзными, то различаются ли онѣ отъ послѣднихъ въ своихъ формахъ? 8) Какія замѣчаются черты сходства или различія въ матеріалѣ и формѣ, а поэтому въ цѣли назначенія каменныхъ орудій и оружій, которыя находятся въ Финляндіи, Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерніяхъ, въ прибалтійскомъ и въ сѣверо-западномъ краяхъ? 9) Въ изслѣдованныхъ на пространствѣ между нижними теченіями Днѣпра и Дона могилахъ, какія представляются различія относительно способа ихъ устройства и образа погребенія въ нихъ умершихъ? 10) Въ какихъ могилахъ на томъ же пространствѣ были находимы орудія и оружія каменныя или костяныя, при совершенномъ отсутствіи слѣдовъ предметовъ металлическихъ? Какого устройства были эти могилы, и въ какихъ изъ нихъ были найдены умершіе погребенными, и въ какихъ слѣды сожженія труповъ? 11) Формы желѣзныхъ мечей и кинжаловъ, а также мѣдныхъ сосудовъ, находимыхъ въ могилахъ, раскрытыхъ между нижними теченіями Днѣпра и Дона, повторяются ли въ находкахъ, которыя отысканы въ болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ, напр. въ Кіевской или

одной изъ приволжскихъ или приуральскихъ губерній, или наконецъ въ западной Сибири? 12) Между могилами западной Сибири встрѣчались ли такія, которыя содержали бы въ себѣ орудія и оружія (а не однѣ украшенія одежды или части лошадиной сбруи), сдѣланныя исключительно изъ мѣди или сплава этого металла съ другими? 13) Въ какихъ мѣстностяхъ Россіи, какъ европейской такъ и азіатской, въ древнихъ могилахъ были находимы слѣды сожженія труповъ, и насколько отличаются такія могилы отъ тѣхъ, въ которыхъ покойники погребались? Какія данныя представляютъ могилы того и другого рода для приблизительнаго опредѣленія эпохъ, къ которымъ онѣ относятся? 14) Насколько каменныя бабы западной Сибири отличаются, по своимъ общимъ формамъ и по одеждѣ изображаемыхъ ими людей, отъ каменныхъ бабъ, встрѣчающихся въ южной Россіи на пространствѣ отъ Днѣпра до Кавказа и Урала? 15) Подтверждается ли новѣйшими лингвистическими изслѣдованіями указанное впервые покойнымъ Шёгреномъ различіе въ названіяхъ металловъ, въ особенности золота, серебра и желѣза, у западныхъ финскихъ племенъ, отъ таковыхъ же названій у восточныхъ финновъ (чудско-угорскихъ племенъ)? Заимствованы ли названія помянутыхъ металловъ западно-финскими племенами изъ языковъ славянскихъ и нѣмецкихъ, а восточными финнами изъ языка одного изъ народовъ иранскаго племени? 16) Отъ какого народа переняли обитатели береговъ западной Двины ставить на серединѣ рѣки камни съ подписями? У какихъ народовъ сохранилось подобное обыкновеніе ставить камни въ рѣкахъ? Какое значеніе имѣли Двинскіе камни? 17) Могутъ ли нѣкоторыя вещи, находимыя въ могильныхъ курганахъ, служить отличительными признаками того племени, которое воздвигало эти курганы? Какія археологическія изслѣдованія отчасти уже указали на границы между племенами, обитавшими на Руси? 18) Какая связь существуетъ между могилами, встрѣчаемыми по Вислѣ, и такъ-называемыми германскими могилами въ Мекленбургіи и Помераніи? Какія можно привести доказательства, что сказанныя могилы принадлежатъ не германцамъ, а славянамъ? 19) Какое постепенное развитіе искусства можно опредѣлить на урнахъ въ гробницахъ полабскихъ славянъ, и къ какимъ эпохамъ слѣдуетъ отнести развитіе искусства? 20) Какое значеніе имѣютъ слова Нестора: „собравше кости, вложаху въ судину малу *и поставяху на столпѣ на путехъ*, еже творять Вятичи и нынѣ“ (П. С. Р. Л. I, 6)?

II. *Памятники русскіе и славянскіе искусствъ и художествъ:* 21) Какъ объяснить многочисленность различныхъ изображеній на русскихъ монетахъ со времени Димитрія Донского до Іоанна III? Въ какомъ отношеніи находятся эти изображенія съ мѣстомъ чеканки монетъ? Какое вліяніе имѣли великіе и удѣльные князья на измѣненіе этихъ изображеній? Какое вліяніе имѣли историческія происшествія на такое же измѣненіе изображеній? 22) По какому образцу строились первыя деревянныя церкви на Руси?

III. *Памятники русскіе и славянскіе языка и письма:* 23) Въ одно ли время съ Евангеліемъ переведенъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ Апостолъ? Слова и реченія евангельскія, встрѣчающіяся въ Апостолѣ, въ томъ ли значеніи переведены, въ какомъ онѣ употреблены въ Евангеліи? Съ какихъ списковъ, болгарскихъ или такъ-называемыхъ юсовыхъ или сербскихъ списывался у насъ въ Россіи Апостолъ? 24) Исправлялся

ли славянскій текстъ Апостола, когда, кѣмъ и гдѣ, по одному ли греческому списку или по двумъ или болѣе спискамъ? Есть ли древнія слова и выраженія въ Апостолѣ, которыя и доселѣ въ печатномъ изданіи остались въ древней славянской формѣ, кромѣ правописанія? Отношеніе славянскаго перевода къ греческому подлиннику. 25) Въ какомъ соотношеніи находится употребленіе какъ разнаго рода пергамена, такъ чернилъ и красокъ въ буквахъ и заставкахъ, съ мѣстностями, гдѣ писаны древнія славянскія рукописи, и съ особенностями ихъ языка? 26) Какія еще извѣстны лица, кромѣ указанныхъ изслѣдователями, занимавшіяся исправленіемъ церковныхъ книгъ въ Москвѣ до конца XVII-го вѣка? Кѣмъ и какимъ порядкомъ повѣрялись и утверждались исправленія въ текстѣ церковныхъ книгъ, сдѣланныя справщиками? 27) Протопопъ Аввакумъ, Никита Пустосвятъ, дьяконъ Ѳедоръ и другіе расколоучители были ли книжными справщиками при патріархѣ Іосифѣ? 28) Есть ли извѣстія объ издателяхъ и изданіи Кормчей при патріархахъ Іосифѣ и Никонѣ? 29) Какія малороссійскія лѣтописи, относящіяся до исторіи Малороссіи за XVII-й вѣкъ, составлены современниками описываемыхъ событій, или самовидцами? Какіе источники могли служить матеріаломъ для трудовъ лѣтописцевъ несамовидцевъ? Въ какомъ видѣ вошли эти источники въ составъ лѣтописей?

IV. *Памятники русскіе и славянскіе бытовые:* 30) Въ какомъ отношеніи въ русскихъ рукописяхъ до XVI-го вѣка находятся юридическіе памятники къ историческимъ? 31) Какое значеніе имѣютъ десятни для объясненія службы и поземельныхъ владѣній дворянства? 32) Какое значеніе имѣло слово *дворяне* въ памятникахъ до половины XV-го вѣка? 33) Можно ли найти какіе-нибудь слѣды вліянія греческаго язычества въ бытѣ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ и обрядахъ древнихъ славянъ? 34) Нѣтъ ли слѣдовъ древняго вліянія римскихъ и романскихъ народовъ на славянскія племена? 35) Какъ долго держался римскій элементъ въ Далмаціи по заселеніи ея славянскими племенами? 36) Западные славяне, въ занятыхъ ими въ V-мъ вѣкѣ по Р. Хр. земляхъ, застали ли нѣмецкія поселенія? 37) Кругообразная постройка деревень въ княжествѣ Люнебургскомъ, отличающаяся отъ постройки нѣмецкихъ поселеній, какъ далеко простирается въ Германіи? Не находится ли и у другихъ славянъ подобный же способъ постройки? 38) Какія доказательства говорятъ за или противъ подлинности кумира Святовита, хранящагося въ Краковскомъ музеѣ? 39) Какія есть указанія на то, что славяне поселялись въ Голландіи, Англіи и южной Швеціи?

V. *Древности восточныя*: 40) Миѳъ ли Зороастръ, или дѣйствительное лицо? 41) Былъ ли Зороастръ основателемъ религіознаго дуализма? 42) Религія древнѣйшихъ Ахеменидовъ по клинообразнымъ надписямъ тожественна ли съ религіею Зороастра? 43) Къ какому племени принадлежали народы во времена Ахеменидовъ, жившіе къ сѣверу отъ Яксарта и къ востоку отъ Бактріаны, къ арійскому или къ туранскому? Туранъ у персовъ не былъ ли терминомъ географическимъ, а не этнографическимъ? 44) Въ какой степени достовѣрны извѣстія сымаціяневыхъ историческихъ записокъ и исторіи старшей династіи Хань о передвиженіи кочевыхъ народовъ Средней Азіи во II-мъ вѣкѣ до Р. Хр.? 45) Не потому ли азіатскіе кочевые народы покоряли въ древности осѣдлыхъ, что стояли выше ихъ умственно и нравственно? 46) При-

чину частыхъ вторженій въ Мавероеннагръ не слѣдуетъ ли искать не только въ географическомъ положеніи этой страны, но и въ общественномъ строѣ ея коренныхъ жителей? 47) Какое политическое значеніе имѣла въ древности Палестина? 48) Что означаютъ изображенія на еврейскихъ надгробныхъ камняхъ, найденныхъ на Таманскомъ полуостровѣ, близъ древней Фанагоріи, и къ какому приблизительно времени относятся эти памятники? 49) Можно ли признать основательными доводы, приводимые въ пользу того, что отдѣльно помѣщенныя слова и буквы, встрѣчающіяся на куфическихъ монетахъ, означаютъ доброкачественность этихъ монетъ? 50) Были ли находимы по восточную сторону Урала памятники временъ Сассанидовъ и древнѣе? 51) Кѣмъ и съ какою цѣлью чеканились подражанія Саманадскимъ диргемамъ, находимыя на сѣверо-востокѣ Европы? 52) Не сохранились ли гдѣ-либо въ Россіи памятники хановъ казанскихъ и астраханскихъ? 53) Если ханы казанскіе чеканили монеты, то почему эти монеты не дошли до насъ до настоящаго времени? 54) Точно ли владѣли Сараемъ всѣ тѣ золотоордынскіе ханы, отъ которыхъ до насъ дошли монеты, битыя въ Сараѣ? 55) Гдѣ преимущественно встрѣчаются и кѣмъ дѣланы треугольныя пластинки съ изображеніемъ на одной сторонѣ грудной человѣческой фигуры въ шишакѣ, а на другой—какой-то неразборчивой надписи? 56) Всѣ ли памятники, находимые на мѣстности древняго Болгара, относятся къ мусульманскому періоду, и не встрѣчается ли между ними такихъ памятниковъ, которые могутъ быть отнесены къ болѣе древнему періоду?

VI. *Древности классическія, византійскія и западно-европейскія:* 57) До какихъ предѣловъ на сѣверъ простираются курганы съ неоспоримыми слѣдами греческихъ или скиѳскихъ могилъ? 58) Какія новыя открытія пополняютъ или разъясняютъ хронологію босфорскихъ царей? 59) Какое значеніе имѣли еретическія секты на происхожденіе и развитіе христіанскаго искусства?

Примѣчаніе. Новые вопросы, а равно всѣ письма, заявленія, на основаніи § 4 правилъ съѣзда, и посылки, могутъ быть присылаемы въ предварительный комитетъ въ Петербургъ, на имя предсѣдателя комитета Владиміра Владиміровича Вельяминова-Зернова (въ Императорское Русское Археологическое Общество, на Литейной, домъ № 46); и въ Москву, на имя помощника предсѣдателя комитета, графа Алексѣя Сергѣевича Уварова (въ Московское Археологическое Общество, на Малой Дмитровкѣ, домъ Воейковой). Лица, предложившія вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ на себя обязанность представить по нему къ съѣзду докладъ или сообщеніе.

Подписали: *Гр. А. Уваровъ.*
В. Вельяминовъ-Зерновъ.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1871.

Книга третья. — Мартъ.

Книга четвертая. — Апрѣль.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

оссія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому. *Н. Я. Данилевскаго.* Второе изданіе. Спб. 1871. Стр. 542. Ц. 3 р.

«Взглядъ» автора «Россіи и Европы» на славянскій міръ и европейскую цивилизацію представляетъ мало оригинальнаго, благодаря тому, о этотъ взглядъ давно уже проводили славянолы. «Мысль, высказанная славянофилами о іеніи запада — говоритъ авторъ — кажется мнѣ вершенно вѣрною»; личныя и самостоятельныя блюденія автора обогатили славянофильскую орію однимъ только новымъ фактомъ, а именно, о такое гніеніе Запада сопровождается «выдѣніемъ разныхъ, непріятно дѣйствующихъ на орнъ обонянія, газовъ». Этотъ новый фактъ долнствовалъ, по мнѣнію автора, ниспровергнуть орію западниковъ, доказывавшихъ славянофимъ, что они плохіе химики и приняли броніе за гніеніе. Но западники могли-бы лучше кѣчать автору извѣстною фабулою о наблюіяхъ на заднихъ дворахъ, приводящихъ иноъ къ неправильному заключенію объ атмоерѣ цѣлаго дома. Относительно Россіи, авторъ ражаетъ крайнее сожалѣніе, что для Россіи озможна полная отдѣльность отъ Европы. «Та отдѣльности не могли сохранить даже Китай Японія, отдѣленныя отъ Европы діаметромъ наго шара» — восклицаетъ авторъ, забывая, еще не очень давно мы были тщательно отены отъ Запада, и самъ авторъ могъ много грать отъ уничтоженія преградъ. Если онъ его не выигралъ, то въ этомъ — его вина. ъ, въ главныхъ чертахъ міросозерцаніе автодля здравой полемики тутъ не можетъ быть та, но можно многое сказать по поводу его и, что мы и надѣемся сдѣлать.

оводство къ изученію французскаго языка для всѣхъ учебныхъ заведеній. Состав. по генетическому методу *В. А. Сильманъ.* Три части. Кіевъ, 1870. Ц. 3 р.

ментарный курсъ французскаго языка для I-го и II-го класса сред. учеб. зав. Сост. В. А. Сильманъ. Кіевъ, 1870. Стр. 165. Ц. 60 к.

Никто не пользуется репутаціею Меццофанти акой степени, какъ мы, русскіе; между тѣмъ гораздо справедливѣе было бы сказать, что знаніе новѣйшихъ языковъ, въ качественотношеніи, не стоитъ такъ низко, какъ у . Этимъ печальнымъ обстоятельствомъ мы обязаны нашимъ искусственнымъ стремленіямъ къ классицизму, поглощающему всѣ учебныя средства учениковъ; въ нашихъ заведеніяхъ, научившіеся живымъ языкамъ дома, забываютъ и то, что они знали. При этомъ, полное отсутствіе хорошихъ учебниковъ и системъ, между тѣмъ какъ въ этомъ отношеніи достаточно простое заимствованіе въ Германіи, гдѣ преподаваніе языковъ приноситъ самые счастливые результаты. Г. Сильманъ именно и сдѣлалъ это простое дѣло, и изложилъ свой учебникъ и руководство по извѣстной системѣ Магера, которой главное условіе составляетъ переходъ отъ простыхъ элементовъ рѣчи къ болѣе сложнымъ сочетаніямъ. Трудъ г. Сильмана не только облегчаетъ изученіе французскаго языка, но вмѣстѣ содѣйствуетъ образованію и развитію ума учащагося, что наши классики считаютъ привилегіею одного латинскаго языка. Вѣроятно, такое еретическое покушеніе автора на классическія привилегіи было причиною, что Ученый Комитетъ народнаго просвѣщенія не призналъ трудъ г. Сильмана полезнымъ, какъ руководство въ учебныхъ заведеніяхъ. Прямо противное мнѣніе высказалъ еще о первомъ изданіи того-же труда Ученый Комитетъ военнаго министерства, и совершенно справедливо.

Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи, въ связи съ развитіемъ литературы. *Г. О. Тэнъ.* Пер. подъ ред. А. Рябинина и М. Головина. Двѣ части. Спб. 1871. Стр. 577 и 552. Ц. 6 р.

Переводчикъ не ограничился переводомъ давно уже извѣстнаго сочиненія Тэна, но и поправилъ у автора его заглавіе; такимъ образомъ «Исторія англійской литературы» — это настоящее заглавіе—у насъ явилось въ формѣ чуть не цѣлой диссертаціи на обертке. Мы находимъ такой маскерадъ совершенно излишнимъ, тѣмъ болѣе, что въ наше время ни одинъ хорошій историкъ литературы не найдетъ и возможнымъ изучать ее безъ связи съ политическимъ и общественнымъ развитіемъ страны. Но, но мимо того, все же нельзя не поблагодарить издателей за полный переводъ такого превосходнаго произведенія, которое до сихъ поръ было у насъ извѣстно по заимствованіямъ изъ него отдѣльныхъ частей или по разборамъ. Первый томъ въ русскомъ переводѣ содержитъ въ себѣ древнюю эпоху англійской литературы до временъ Мильтона включительно; второй томъ заключаетъ наши три столѣтія и оканчивается Байрономъ.

ПОДПИСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1871 ГОДУ.

---

1. *ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—**15 руб.**;—2) *съ д*
ставкою на домъ въ Спб. по почтѣ, и *въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева*
15 р. 50 к.; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ — **16 р. 50**
въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) *Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ*, желающіе получать журналъ съ достав
или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ билет
вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять св
адрессъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ.
Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая биле
для помѣтки выдачи.

б) *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращаются
подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Жела
щіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к

в) *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакці
и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, ф
миліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не
губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ,
куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ свои
коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и ин
городные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для г
родскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Австрія* и *Германі*
18 руб.; *Бельгія, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества* — 19 руб.; *Франці*
Данія—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція* и *Греція* — 21 ру
Швейцарія — 22 руб.; *Италія* — 23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльн
книгами, отъ 25 до 30 листовъ; два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страни
шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, кн
сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородны
иностранныхъ — въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ тр
товъ. Журналъ доставляется на почту, для иногородныхъ, съ адрессомъ подписчика, въ о
бой обложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2. *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе
поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣ
редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой
адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адре
для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто пр
няго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногор
ные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные—въ городскіе 50 коп.

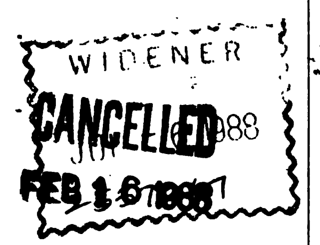
3. *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается пря
въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы
ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Г
зетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельст
Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься
Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдне

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго н
мера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подвасчик

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.


WIDENER
CANCELLED

3 2044 099 709 966